

Борис Григорьев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В XIX ВЕКЕ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Борис Григорьев

МОСКВА

ЖИЗНЬ ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В XIX ВЕКЕ

УДК 930:94(47)“18”
ББК 63.3(2)52+63.2
Г 83

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

ISBN 978-5-235-03248-4

© Григорьев Б. Н., 2010
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2010

Дипломаты — это честные люди, посланные за границу, чтобы лгать в пользу своего государства.

Генри Уоттон

Главная задача дипломатии — установление непрерывного контакта с внешним миром, из чего вытекают две другие задачи: правильное осведомление своего правительства и создание благоприятной атмосферы за границей. Лишь на четвёртом месте стоит задача вести те или другие переговоры согласно инструкциям своего правительства.

Ю. Я. Соловьёв

Поставленное в эпиграф к данной книге изречение английского дипломата Генри Уоттона (1568—1639), достаточно точно характеризующее суть дипломатии, стоило его автору карьеры — король Яков I отправил Уоттона в отставку, найдя его слишком циничным. Вряд ли сам король отличался высокими моральными принципами — так же, как и большевики, которые в своё время провозгласили решительное «нет» тайной дипломатии, а на практике довели свою тайную дипломатию до совершенства. Но мы не будем слишком укорять их за это — дипломатия как род внешнеполитической деятельности и не может быть другой.

Всякий разговор об открытой дипломатии — это пустая болтовня. Например, обещание большевиков осуществлять открытую дипломатию было чистой воды демагогией. Дипломатия была и должна оставаться скрытой от широкой общественности, иначе она перестанет быть дипломатией. Она лишь основа для внешней пропаганды государства, её осуществляющего.

Как всякое определение, изречение

Уоттона страдает однобокостью. Посылают за границу не только дипломатов и, к сожалению, не только честных людей. Да и вдруг эти посланцы часто не в пользу собственного государства, а либо в пользу другого, либо для собственной корысти. Ну, да бог с ними — это уже частности. Мне лично изречение Уоттона нравится. Меньше нравится назидательное напутствие, данное М. Ш. Талейраном (1754—1838) молодым дипломатам. Он говорил им о том, чтобы они боялись *«первого движения души, потому что оно, обыкновенно, самое благородное»*. Лишать дипломата благородных порывов, даже если ему язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли, как-то нехорошо.

О повседневной жизни дипломатов вроде бы много говорено, но о ней мало что известно. В обычном представлении дипломаты — это люди, проводящие свою красивую жизнь в сплошных приёмах, раутах и коктейлях, весьма далёкие от бытовых проблем, разъезжающие из страны в страну и удовлетворяющие свои туристические потребности за счёт государства. Вот, к примеру, какими царские дипломаты казались русским эмигрантам, проживавшим в Женеве в 1894 году:

«Посольские секретари... представляют собой большей частью совершенно особенный... тип... дожидющийся изображения своего Щедриным... Обыкновенно — это цвет нашей аристократии, молодые люди безукоризненно приличной внешности и с печатью величавой серьёзности... Их же собственный внутренний смысл весьма не обширен, и за внешним лоском зачастую скрывается скудное содержание и умственное убожество. Кроме служебных занятий, в круг их обязанностей входит то, чтобы для знатных и сановных русских семей их исполнять роль благовоспитанных путеводителей по различным достопримечательностям тех столиц, где они несут свою тяжёлую службу; тут они действительно неоцененны, потому что в совершенстве знают все театры, увеселительные места и клубы, лучшие рестораны и магазины... Их запас сведений по части скандалов и сплетен и всей изнанки западной... жизни неистощим; они не сумеют объяснить, в чём действительная суть политических дебатов в палате, какая цель такой-то правитель-

ственной меры, как попасть в то или иное учреждение, но они до тонкости знают, с кем связана жена такого-то туземного сановника, с какой актрисой живёт теперь турецкий посланник, где можно видеть самых фешенебельных кокоток, и какая цена каждой из них».

Приведённое выше мнение о царских дипломатах лишь отчасти отражало действительность. Такие молодые люди попадались в русских загранучреждениях, но, к счастью, их было не так уж много, и не они делали погоду в русской дипломатии. Кстати, и среди так называемых «салонных дипломатов» попадались умные, проницательные и деловые чиновники, приносившие большую пользу своему отечеству — примером тому может послужить хотя бы деятельность имперского посла в Лондоне графа А. К. Бенкендорфа. Он, в совершенстве владевший английским, французским, немецким и итальянским языками, до конца своей жизни так и не научился сносно говорить и писать по-русски, но зато, не вынимая монокля из глаза, достойнейшим образом представлял Россию в Лондоне накануне и в ходе Первой мировой войны.

Внешний лоск, светские безупречные манеры — это лишь видимая сторона дипломатической работы. Настоящий дипломат — великолепный знаток страны пребывания, её языка, политического и экономического устройства, культуры, традиций и социального уклада. Он хорошо разбирается в международной политике, международном праве, он основательно и во всех аспектах изучил страну своего пребывания и достойно представляет свою страну, свой народ и свою культуру. Жизнь рядового дипломата в царской России складывалась не только из приёмов и приятных встреч; чаще всего она предполагала ежедневный кропотливый труд и серые будни. Недаром в царские времена профессия дипломата, особенно во второй половине XIX века, считалась не такой уж престижной. Зажиточная аристократия, за редким исключением, шла в дипломатию весьма неохотно, и дипломатическую карьеру избирали в основном обедневшие дворяне да лица иностранного происхождения. К тому же длительное пребывание за границей для русского человека было всегда тягостно.

В быту об умном, ловком и обходительном человеке, который умеет окольным путём добиваться цели, мы тоже часто говорим: «Он — дипломат». А если человек эпигонствует или своими неуклюжими действиями портит всё дело, то тогда он получает презрительный отзыв: «Дипломат — зелёный горошек».

Вообще-то известная ловкость и обходительность являются на самом деле важными в профессии дипломата. Дипломат должен быть в состоянии довести до иностранного potentata* послание главы своего государства и при необходимости добиться от него взаимопонимания и благожелательного приёма этого послания. В его обязанности также входят сбор информации о стране своего пребывания и своевременное предупреждение своего правительства о возможных намерениях правительства чужого.

Следовательно, для успешного выполнения своей миссии дипломат должен быть высокообразованным человеком. И конечно же он должен уметь видеть то, что скрыто от глаз обычного человека, предвидеть ход событий, устанавливать контакты с представителями самых разных национальностей, вероисповеданий и цвета кожи, владеть искусством вести беседы и переговоры и способностью оказывать на своих партнёров выгодное влияние. Он должен быть дальновидным и гибким переговорщиком, знать пределы уступок, которые можно сделать другой стороне, но в то же время ни на миг не упускать из виду своей конечной цели. Во многом работа дипломата — искусство компромисса.

Таким образом, идеальный дипломат, как любой другой специалист, должен состоять как бы из двух ипостасей: одну желательно получить от природы-матушки, а другую он обязан приобрести в ходе своего образования и подготовки к профессии.

Дипломатия родилась в незапамятные времена. Она появилась, когда возникла необходимость одной людской общности устанавливать контакты с другой общностью. На первых порах — и довольно долго — дипломатическая профессия включала в себя элементы

---

* Потентат (от лат. *potentatus* — верховная власть) — властелин, властитель.

соглядатайства и шпионажа и была не такой уж безопасной. Достаточно вспомнить хотя бы несколько эпизодов не из далёкого Средневековья, а из Новой истории, в которых дипломаты за успех работы платили своей жизнью. Царские дипломаты часто были именно тем объектом ненависти и раздражения, которые обрушивали на них правители стран, недовольные действиями России. Сколько русских послов узнали «прелесть» сырых и мрачных подвалов Семибашенного замка в Константинополе, испытав на себе гнев турецких султанов! Да что там турки-азиаты! Короли цивилизованной лютеранской Швеции, в нарушение правил дипломатического обихода, без зазрения совести арестовывали иностранных послов и сажали их за решётку. Так, например, летом 1700 года поступил с послом Петра I князем А. Я. Хилковым Карл XII, а спустя 107 лет его потомок король Густав IV Адольф засадил в тюрьму русского посла Д. Алопеуса, когда узнал об объявлении ему войны со стороны России (Русско-шведская война 1808—1809 годов). В XIX веке дипломаты часто находились в составе русских армий, воевавших то с турками, то со шведами, то с французами, и оказывали военным необходимую дипломатическую помощь в переговорах с противником.

По мере развития нашей цивилизации и специализации различных видов человеческой деятельности разведка отделилась от дипломатии и составила отдельную службу. Дипломаты стали добывать необходимую информацию о стране пребывания и оказывать на неё влияние открытыми (легальными) и дозволенными способами, в то время как разведка стала использовать методы сугубо конспиративные и малопочтенные, преследуемые по закону (вербовка агентуры, спутники-шпионы, оперативная техника и т. п.).

Первоначально посольства не были постоянными и снаряжались в другую страну по какому-либо конкретному поводу (переговоры о мире, определение межгосударственных границ, сообщение о восхождении на трон нового монарха, матримониальные переговоры), решали тем или иным способом свою задачу и возвращались домой. Потом, когда возникла надобность в длительном и непрерывном контакте с другим госу-

дарством, в его столице стали оставлять постоянное контактное лицо — *резидента* (в XVII—XVIII веках), а вскоре (в XIX веке) дипломатические представительства стали формироваться на постоянной основе.

Первые универсальные правила дипломатического общения были выработаны в 1648 году при подписании Вестфальского мира, подведшего итоги Тридцатилетней войны в Европе, а потом они были развиты и дополнены на Венском конгрессе 1814—1815 годов. С незначительными изменениями они действуют до сих пор. Главнейшим и важнейшим их элементом являются принципы *экстерриториальности и дипломатического иммунитета (дипломатической неприкосновенности)*, согласно которым здание и имущество дипломатического представительства являются собственностью государства, его учредившего, и доступ в него официальным и прочим представителям иностранного государства без особого дозволения категорически запрещён, в то время как его сотрудники — дипломаты — пользуются дипломатическим иммунитетом и не подлежат юрисдикции страны пребывания. Принцип экстерриториальности иммунитета распространяется также на имущество дипломатов и средства их связи с Центром, то есть своим Министерством иностранных дел.

Весьма показательно, что, в отличие от других профессий, в дипломатии совсем не известны имена рядовых дипломатов. Мы все хорошо знаем знаменитых разведчиков и военных, именитых купцов или талантливых учёных, а вот назвать хоть одно имя русского атташе, секретаря, советника или консула нам не удастся — о них просто никто никогда не писал. А между тем именно рядовые работники создавали славу русской дипломатии, славу, которую зачастую присваивали себе их высокопоставленные руководители — в первую очередь царь-государь, министры иностранных дел, послы. Тут уж недостатка в именах нет. Они и только они вошли в историю дипломатии, заслонив импозантными фигурами своих скромных анонимных подчинённых.

Многие дипломаты оставили нам свои воспоминания и записки, из которых мы и черпаем теперь сведения о делах давно минувших. Богатый материал содержится в Архиве внешней политики Российской

империи (АВПРИ), в частности, в фонде Департамента личного состава и хозяйственных дел (ДЛСиХД), Историко-документального департамента (ИДД) МИД России, и изучение его представляет настоящее погружение в безбрежное море.

Уже у входа в читальный зал архива мне пришлось остановиться перед стендом с выставленными открытками, которые царские дипломаты сто лет тому назад посылали из-за границы своим коллегам в центральном аппарате МИД. Одна из них привлекла моё внимание: «В канцелярию МИД, Петербург, Дворцовая площадь, 6. Плевна, 17 июня. Пьём мусалла (олимпийское вино) и кофе “Далай-лама”. Шлём привет. Н. Бок, М. Щербаков». Штемпель почтамта от 9/22 июня 1906 года. И мощная энергетика от маленького выцветшего кусочка картона, к которому прикасались руки давно исчезнувших из нашего мира людей. Они тоже, как и мы, пили вино, любовались окрестностями чужой природы и не забывали своих петербургских друзей... Что с вами стало, дорогие наши Н. Бок и М. Щербаков, через 11 лет?

Наркоминдел Г. В. Чичерин, в молодости служивший в царском Министерстве иностранных дел, утверждал, что царские дипломаты, «взобравшиеся на вершину царской лестницы», воплощали в себе «всё наиболее тупое, мерзкое и отвратительное». Бог ему судья... Такого впечатления у меня при работе над этой книгой не возникло. Мои герои оказались обычными людьми со всеми их положительными и отрицательными качествами, они любили и ненавидели, страдали и радовались, старались выполнить свой долг перед царём и отечеством и были ничем не хуже, а даже, может быть, в чём-то лучше последующих поколений дипломатов.

В этой книге мы коснёмся практически всех сфер дипломатической деятельности и увидим, как выглядела повседневная жизнь чиновников консульств, миссий и посольств, побываем на дипломатических приёмах и переговорах, познакомимся с основными понятиями этой увлекательной сферы деятельности.

Ограничим рамки нашего описания временем наибольшего расцвета дипломатии Российской империи — XIX и началом XX столетия — и предоставим судить читателю о том, что из этого получилось.

СОБСТВЕННАЯ ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
КАНЦЕЛЯРИЯ ПО ИНОСТРАННЫМ
ДЕЛАМ

Глава первая

От коллегии до министерства

*Ничто не происходит без
достаточного основания.*

М. В. Ломоносов

Дипломатия — это продлённая вовне внутренняя политика страны. Внешнеполитические дела в России, как и в других странах, издавна были прерогативой монархов. Так было в Средние века, так было при Петре I, так было и при его последователях. Дьяки Посольского приказа, министры иностранных дел или канцлеры играли в них подчинённую роль, а степень их самостоятельности и инициативы слишком часто зависела от воли самодержца. Многие из них, по словам Е. В. Тарле, вели себя как рачительные и добрые приказчики феодала-помещика. Как бы умны, опытни и талантливы ни были главы дипломатического ведомства, решающее слово всегда оставалось за государем, а то и за государыней. И это правильно: во внешней политике, как ни в какой другой сфере общественной деятельности, требуется единая сильная и направляющая рука.

Впрочем, в истории царской дипломатии были эпизоды, когда министры — умные и энергичные — пытались

проводить в жизнь собственную политическую концепцию. В описываемый нами период, а именно в 1800 году, вице-канцлер и граф Н. П. Панин (1770—1837) и президент Коллегии иностранных дел, *первоприсутствующий* граф Ф. В. Ростопчин (1763—1826), жестоко конкурируя между собой, за спиной Павла I пытались добиться совершенно противоположных и взаимоисключающих внешнеполитических целей: Панин, англофил и противник Французской республики, выступал за сохранение антинаполеоновской коалиции, в то время как Ростопчин, вместе с Павлом I разочаровавшись в целесообразности этой коалиции, вёл дело к примирению и союзу с Парижем. Ничего путного, кроме вреда для страны, из такого разнобоя выйти, понятное дело, не могло.

История внешней политики царской России — это также частично история общения и взаимоотношений наших царей с королевскими особами других стран. Аппарат внешнеполитического ведомства Российской империи часто служил также передаточным звеном для вручения иностранным potentатам, президентам и министрам личных писем и подарков от царя и членов его фамилии. Это дало дипломатам естественный повод для горьких шуток, что Министерство иностранных дел — это всего лишь *Собственная его Императорского Величества канцелярия по иностранным делам*.

Некоторые государи были, на наш взгляд, весьма способными дипломатами, например Александр I, названный Благословенным. Его природные качества — обходительность, любезность, скрытность, известное коварство и наигранная искренность, а также воспитание и образование позволяли ему вполне успешно действовать на дипломатическом поприще. В антинаполеоновском «концерте» европейских держав Россия была представлена довольно весомо и достойно. Усилия императора и его дипломатов — Нессельроде, Каподистрии и других по закреплению военных успехов в войне с Наполеоном и перестройке Европы были заслуженно увенчаны громкими победами и результатами Венского конгресса 1814—1815 годов*. Так что

---

* Непонятно, по каким соображениям наш монарх удостоился прозвища «Луиза», то ли из-за того, что его супругу в девичестве звали

А. С. Пушкин, кажется, напрасно называл его «коллежским ассессором по части иностранных дел».

Дипломатический дебют Александра I состоялся 13 июня 1807 года в Тильзите, и там он со своими обязанностями справился не хуже Наполеона. Мать императора, Мария Фёдоровна, ненавидя Бонапарта и опасаясь, что её неопытный сын станет жертвой обмана коварного корсиканца, попросила вице-канцлера А. Б. Куракина следить за действиями Александра I и сообщать ей обо всём, что будет происходить во время встречи двух императоров. (Куракин был родственником царской семьи и пользовался у вдовствующей императрицы полным доверием.) Александр I после неудач русской армии находился в подавленном состоянии, ни с кем не говорил, и общество Куракина, направлявшегося на переговоры в Вену, показалось ему необходимым. (На этом и строился расчет Марии Фёдоровны и её тайного осведомителя.) Поскольку дело шло к сближению России с Францией, смятение и страх в царской семье нарастали, и Мария Фёдоровна «подключила» к делу свою дочь Екатерину, имевшую влияние на царствующего брата.

Но все опасения и страхи оказались напрасными. Александр I знал, что делает. Тильзит был для него способом получить для России передышку, которая бы помогла собрать силы для предстоящей борьбы с Францией. О том, что война с Наполеоном будет, он знал уже тогда, когда вступил на шаткие доски плота, чтобы обняться с императором Франции. «Бонапарт полагает, что я просто дурак, — писал он сестре Екатерине. — «Смеётся тот, кто смеётся последним!»»

Переговоры в верхах продолжались 12 дней. На первой встрече Наполеон предложил Александру поселиться в Тильзите, объявив для этого часть города нейтральной. Александр согласился. 14 июня состоялась вторая встреча на плоту, а затем потентаты встречались ежедневно уже в Тильзите. Совместные беседы сменялись верховыми прогулками и вечерними чаепитиями.

Луизой, то ли за нежную девичью кожу на лице, то ли за постоянный румянец на щеках, но все русские дипломаты звали его за глаза именно так.

Каждый из них старался угодить другому. За две недели до встречи в Тильзите Александр I был резко настроен против мира с Францией, и вот теперь эта встреча заканчивалась компромиссным миром и наступательно-оборонительным союзом обеих держав.

Наполеон волей-неволей поддался обаянию русского царя. Секрет обаяния Александра заключался в его мягкой, доброжелательной и обволакивающей манере ведения беседы. «Загадочный сфинкс» с детства научился лавировать между отцом Павлом I и бабушкой Екатериной II и сразу выбрал нужную ноту. Его французский был безукоризнен и был даже лучше, чем у выскочки-корсиканца. Наполеон был очарован его манерой держать себя и в тот же вечер поспешил поделиться своими впечатлениями с супругой Жозефиной: «Я только что имел свидание с императором Александром. Я был крайне им доволен! Это молодой, чрезвычайно добрый и красивый император; он гораздо умнее, чем думают». Наполеон почувствовал, что за шармом русского императора скрывался умный, тонкий и хитрый политик.

Александр также остался доволен Наполеоном, покорён его талантом и умом, способностью привязывать к себе собеседника и его образной речью. Потом он признавался французскому дипломату Савари, что все его предубеждения по отношению к Наполеону были рассеяны после беседы с ним, продолжавшейся три четверти часа. Но, кажется, русский дворянин всё-таки переиграл корсиканца. Потом своё дипломатическое преимущество над императором французов царь покажет ещё не раз.

Дипломатическое противоборство «русского сфинкса» с корсиканским диктатором продолжилось на встрече в Эрфурте и до крайности обострилось в будущем. Ярким примером того, как Александр I по всем статьям переиграл Наполеона на дипломатическом поле, является эпизод с выбором в наследники шведского престола маршала Ж. Б. Бернадота и князя Понте-Корво. Как хорошо известно, предложение стать наследником короля Карла XIII французский маршал получил непосредственно от самих шведов, но Наполеон отпустил Бернадота в Швецию, надеясь сделать из этой страны

послушного вассала и союзника в предстоящей войне с Россией.

Как покажут события, Наполеон свои планы относительно Швеции строил на песке. Во-первых, он недооценил самого князя Понте-Корво, который отнюдь не был настроен на то, чтобы в качестве наследника шведского трона продолжать таскать для Наполеона каштаны из огня. Быть маршалом императора — это одно, а стоять во главе государства — это совсем другое. Он и года не продержался бы на шведском троне, если бы не проникся духом уважения к стране, игнорировал бы её национальные интересы и остался марионеткой Франции. Так что если принимать корону Швеции, считал князь, то нужно становиться настоящим королём.

Во-вторых, Наполеон не учёл роли, которую во всём этом сыграл русский царь Александр I. В Петербурге уже поняли, что союз с Парижем продержится недолго и что Наполеон уже готовится к новой большой войне с Россией. Скромный советник русского посольства по финансовым вопросам К. В. Нессельроде (1780—1862), будущий министр иностранных дел и канцлер, проявил незаурядные способности разведчика и наладил получение регулярной и чрезвычайно важной информации от самого ценного русского агента — Ш. М. Талейрана. Используя информацию, получаемую от Талейрана и своих военных агентов в Париже, Александр I вступил в контакт с Бернадотом и стал всячески помогать ему в утверждении на шведском престоле. Усилия русских дипломатов и разведчиков не пропали даром — Швеция стала надёжной союзницей России.

В дипломатии нужны не только лицемерие и обходительность, но и твёрдость принципов. Этим качеством Александр I обладал в полной мере. Когда в 1806 году австрийский посол в Петербурге генерал Максимилиан Мерфельдт (1766—1814) стал «шалить» и сообщать в Вену неточные или ложные сведения о положении в России, что поощряло профранцузскую партию при венском дворе, Александр I принял немедленные и кардинальные меры: он попросил Вену отозвать Мерфельдта из России и назначить другого посла.

Твёрдость принципов у нашего царя разумно со-

четалась с гибкостью, о чём свидетельствует следующий эпизод. Александру в наследство от отца достались натянутые отношения со своим свояком, королём Швеции Густавом IV Адольфом*. Виноват в этом был Павел I, поссорившийся со своим шведским братом. Кроме того, Густав IV Адольф был человеком щепетильным, его отец, король Густав III, был убит, как и Павел I, в результате заговора, и он относился к Александру I с большим подозрением и недоверием, справедливо рассматривая его как соучастника убийства своего отца. Отношения обеих стран постепенно дрейфовали в сторону антинаполеоновской коалиции, но взаимопонимания между их монархами не было. Царь шёл навстречу Густаву Адольфу, в частности, предложил ему встретиться на русско-финской границе, но Стокгольм такую возможность отверг с порога.

Тогда дело примирения взяли в свои руки сёстры Луиза и Фредерика, жёны монархов. Дипломаты в Стокгольме и Петербурге договорились, что встреча сестёр должна была состояться на границе Финляндии и России в апреле 1803 года поблизости от Аборрфорса (Окунёвый водопад), по-фински Хермансаари. Место было выбрано не совсем удачно, потому что именно здесь проходила спорная граница между государствами. Встреча должна была состояться на том самом мосту, который, как полагали русские, должен принадлежать им. Шведы же желали видеть мост целиком шведским.

Чтобы у шведов не было никаких сомнений в принадлежности сооружения, русские перекрасили мост в красно-чёрную «зебру». В это время в Финляндии с инспекционной поездкой находился сам Густав IV Адольф, и когда он услышал об этом «художестве» соседей, то сильно рассердился. За день до встречи в «женских верхах» он подъехал к злополучному мосту и приказал перекрасить его в «зебру» жёлто-голубую. На следующее утро русские обнаружили результат ночной работы шведов, тоже сильно рассердились и вернули мосту надлежащий российский вид. Для того чтобы у шведов

---

* Оба монарха были женаты на баденских сёстрах-принцессах.

опять не возникло желания изменить колер моста, они выставили на нём стражу.

В конечном итоге Густав IV Адольф предложил компромисс: половину моста покрасить в шведские, а половину — в русские цвета. Так и поступили. Когда королева Фредерика и императрица Елизавета вступили на свежеекрашенный мост, каждая на свою половину, за их спиной плотными рядами выстроились отряды вооружённых солдат — на случай, если придётся защищать свою половинку моста. Обе стороны не шутили: и у шведского, и у русского командира был приказ стрелять на поражение, если с другой стороны будут предприняты новые «фокусы». Встреча сестёр, наконец, состоялась. После неё в дело вмешался Александр I. Он-то и поставил в этом эпизоде точку, приказав перекрасить весь мост в нейтральный серый цвет, каким он и был с самого начала.

Густав IV Адольф не успокоился на этом и пользовался любым поводом для того, чтобы «уколоть» своего русского свояка. Когда у него родился сын Карл, то он присвоил ему титул великого князя Финляндского. И хотя Финляндия ещё принадлежала шведам, в Петербурге этот титул не признали. Последовал протест: великокняжеский титул считался принадлежностью исключительно русского двора, хотя когда-то такой титул носили и шведские принцы. В мае 1803 года отношения между Швецией и Россией, наконец, нормализовались.

В 1820-х, более спокойных годах Александр I большое внимание уделял дипломатическому корпусу в Санкт-Петербурге. Особой его любовью пользовался французский посол (1819—1827) Огюст Пьер Мари Фенеон, граф де ла Ферроне (1777—1842). Другой посол Франции П. де Бургуэн писал: «Не раз случалось так, что господин де ла Ферроне, записав по памяти речь императора, показывал ему своё донесение, прежде чем отправить пакет в Париж. Император не без удовольствия прочитывал всё сказанное им накануне и был благодарен послу за превосходную память, позволяющую воспроизводить столь пространные политические рассуждения во всём их изяществе и во всей их чистоте. Нередко император даже ставил на донесении фран-

цузского посла свою подпись, удостоверяя тем самым, что мысли его переданы совершенно точно».

Подобная патриархальность дипломатических нравов продержится почти до конца XIX века. После Первой мировой войны на смену «добропорядочной» и «джентльменской» дипломатии придут и подозрительность, и секретность, и отчуждённость.

Николай I тоже считал себя выдающимся дипломатом и внимательно следил за развитием событий на международной арене, в особенности во Франции. Как же он понимал дипломатию?

Историк С. С. Татищев, сам в прошлом дипломат и апологет императора, полагал, что Николай I стоял на истинно национальных позициях и выступал поборником безопасности и мощи России, но его якобы обманывали «нессельродовские» дипломаты, сплошь и рядом состоявшие из «инородцев», что и послужило причиной поражения России в Крымской войне. Теория эта не нова, она содержит, на наш взгляд, лишь то рациональное зерно, что Нессельроде, на самом деле, слепо доверяя во всём Меттерниху, подчинил интересы России интересам Европы и венского двора. Но где же тогда был сам Незабвенный, которому принадлежало решающее слово во внешней политике? Не будем останавливаться на политике, нам важнее показать, в каких ситуациях оказывался император Николай I как дипломат.

Француз на русской службе Шарль Дюран утверждал, что штатских послов (типа де Баранта) русский император якобы не любил и предпочитал иметь дело с военными. Видно, Дюран забыл, что ни маршал Мортье, ни его преемник маршал Николя Жозеф Мезон (1771—1840) большим успехом у Николая I не пользовались, а именно барон де Барант сумел установить с ним, как мы бы сейчас сказали, хорошие рабочие отношения. Но в чём-то Дюран был прав: «Николай, в отличие от брата, не лицемер*»; он человек прямой... Он любит тех собеседников, с кем может говорить как военный с военным.

---

* С лёгкой руки Наполеона, назвавшего Александра I «лукавым византийцем», русский император приобрёл в Европе устойчивую репутацию лицемера.

Послов он терпеть не может. Всё, что связано с дипломатией, приводит его в отчаяние... До 1834 года император был решительно настроен против Луи-Филиппа, и кабинет его придерживался совершенно иных мнений, нежели канцелярия господина Нессельроде...»

Вслед за своим старшим братом Николай приблизил к себе посла Франции графа де ла Ферроне и часто приглашал его к себе и вёл с ним «задушевные беседы». Граф в донесении от 15/27 декабря 1825 года писал: «Мои отношения с новым императором будут легки и приятны; прежде он неизменно выказывал мне сочувствие столь живое, что члены дипломатического корпуса поспешили поздравить меня с его восшествием на престол. Я часто бывал у него; нередко я оставался в его дворце по несколько часов, проводя время в беседах самых непринуждённых». 1 января 1826 года после приёма членов дипкорпуса в Зимнем дворце Николай I попросил остаться графа де ла Ферроне и повёл его в свой кабинет. Между императором и послом возникли отношения доверительности.

В 1830 году французский король Карл X отменил Хартию, в которой были зафиксированы права и свободы его подданных, и тем самым спровоцировал революцию, которая смела и его, и его правительство. Николай I из принципиальных соображений пытался предупредить его об опасности на пути отмены Конституции*. Для этого Николай выбрал не совсем обычный способ. 16 апреля 1830 года он вызвал к себе посла герцога де Мортемара, пригласил его сесть подле себя в сани (по другим данным, в коляску) и поехал с ним вдвоём, без слуг, с одним лишь кучером, не понимавшим по-фран-

---

* Николай I имел на этот счёт принципиальное мнение: он полагал, что любое правление — республика или монархия — хорошо, если оно осуществляется честно и открыто. Сам он был сторонником абсолютной монархии, поскольку считал, что иная форма правления для России не годилась. «Как частный человек, ежели бы я выбирал, при каком правлении жить, я бы выбрал для себя и своей семьи республику; на мой взгляд, такая форма правления лучше всего обеспечивает гарантии и безопасность. Но она подходит не для всякой страны; она применима для одних и опасна для других. Так что лучше придерживаться того, что выверено временем». Конституционную монархию, при которой монарх лишён всяких властных полномочий, Николай не понимал: «...мне непонятна монархия представительная. Это способ правления лживый, мошеннический, продажный...»

цузски, по улицам столицы. «Поначалу мне показалось, что император с трудом подбирает слова, чтобы начать разговор, — докладывал посол в Париж. — Он запинаясь, задавая мне вопросы, и лишь спустя какое-то время высказал то, что лежало у него на сердце». На сердце у императора, имевшего, по отзывам всех современников, пронзительный ледяной взгляд, лежало искреннее предупреждение Карлу X о том, чтобы он не отменял Хартию.

С «искренним» дипломатом Николаем I связана печальная история с началом продажи США владений Русско-Американской компании (РАК) в Калифорнии и на Аляске. Форт-Росс — русская колония в Калифорнии — был ликвидирован Николаем I ещё в 1839 году. Его можно было бы выкупить у мексиканцев, но император не хотел портить отношений с королём Испании. В результате Форт-Росс был продан гражданину США швейцарского происхождения Джону Саттеру за 42 857 рублей 14 копеек. Комендант форта Ротчев забрал людей и в январе 1842 года отплыл в Ново-Архангельск.

Такой финал с русской колонией в Калифорнии вряд ли предвещал добрый конец и для Аляски. Идея о покупке Аляски возникла в Вашингтоне в 1854 году, когда там обнаружили, что Крымская война до чрезвычайности ослабила Россию, и империя не в состоянии поддерживать свою американскую колонию. Сначала русские дипломаты отвергли предложение, но когда возникла опасность нападения на колонию британского флота, кому-то пришла в голову идея заключить между США и Россией фиктивную сделку о продаже Аляски.

В мае 1854 года представителем Российско-Американской компании и вице-консулом в Сан-Франциско П. С. Костромитиновым и представителем калифорнийского филиала РАК мистером А. Макферсоном был подписан документ об уступке правительству США всего имущества компании сроком на три года. За это калифорнийская компания выплачивала русскому правительству 7 миллионов 600 тысяч долларов. Британцы, по замыслу авторов фиктивной сделки, не посмеют захватить собственность США, потому что конфликт ещё с одной державой был бы им совершенно ни к чему.

После Крымской войны вопрос об Аляске живо обсуждался и в США, и в России. Посол России барон Э. А. Стебль и 1-й секретарь В. Бодиско проявили недюжинные разведывательные способности, пытаясь узнать о позиции американцев относительно цены, которую они были готовы заплатить за Аляску. В конце концов, в 1867 году Аляска была продана всего за 7,2 миллиона долларов — на 400 тысяч долларов дешевле, чем предполагалось фиктивной сделкой! Империя уже не могла удержать Аляску, причём основной причиной была нехватка людей. К тому времени русских на Аляске было всего около 812 человек, остальные 25 тысяч — эскимосы, алеуты, индейцы и креолы*.

Было уже время Александра II Освободителя, кстати, так же неосмотрительно построившего свою внешнюю политику на доверии к венскому и берлинскому дворам, как и его отец. Но если следовать Татищеву, тут уже винить надо было князя Горчакова.

Неукоснительное согласование с государем практически всех шагов на международной арене — крупных и мелких — лишало Министерство иностранных дел империи определённой инициативы. Императоры довольно внимательно знакомились с донесениями дипломатов почти всех рангов и, как правило, оставляли на полях документов либо подписи, либо указания-резолуции — естественно, обязательные к исполнению. Александр III, например, не успевал прочитывать все документы, поступающие из МИД, и дал указание Гирсу не докладывать ему бумаги, касающиеся «мелких государств типа Испании или Португалии». Предпоследний Романов аккуратно «накладывал» на дипломатические документы свои царские резолюции, употребляя при этом отнюдь не дипломатичные выражения.

Свои замечания Александр III увековечивал на полях документов — благо поля для начальства, согласно канцелярским правилам, оставались тогда обширные. Можно сказать, в царских палатах Гатчинского дворца возник особый — «полевой» — жанр дипломатической

---

* На Аляске креолами в XVIII—XIX веках называли потомков от смешанных браков русских с алеутами, эскимосами или индейцами.

переписки, в котором и «блеснул» Александр III Миротворец.

Высочайшие замечания царей на полях дипломатических донесений, иногда по усмотрению руководства Министерства иностранных дел, доводились до сведения их авторов, а чаще — скрывались. Конечно, такое положение вызывало у многих дипломатов справедливое недовольство, но вслух своё отношение к этому никто высказывать не решался. Самый лояльный слуга Александра III граф Ламздорф доверял свои мысли лишь дневнику, на страницах которого он иногда позволял себе косвенно покритиковать «анархические», то есть бессистемные взгляды самодержца на внешнюю политику России.

Об уровне «дипломатического» мышления Александра III свидетельствует следующий эпизод из дневника Ламздорфа. После заключения русско-французской военной конвенции, заложившей основы «сердечного согласия» России с Францией, министр иностранных дел Николай Карлович Гирс (1881—1895) имел беседу с государем и вынес из неё мнение о полной уверенности Александра в том, что теперь он разделается с Германией, станет властителем мира, а Балканский полуостров окажется у него в кармане. «Его Величество молот такой вздор и проявлял столь дикие инстинкты, что оставалось лишь терпеливо слушать, пока он кончит», — пишет граф.

— Что же выиграем мы, если, поддержав Францию, поможем ей разгромить Германию? — осмелился спросить государя Гирс.

— Как что? — вскричал Александр III. — А именно то, что Германии не станет, и она распадётся, как и прежде, на мелкие и слабые государства.

Александр III, видимо, забыл, что объединение Германии только что произошло именно при активной поддержке России, его венценосного деда Николая I, отца Александра II и усилиями всей русской дипломатии во главе с А. М. Горчаковым.

Скромного и деликатного Гирса члены императорской семьи «подставляли» не один раз, но он терпеливо сносил все обиды. В самый разгар русско-английско-

го конфликта из-за Афганистана в 1885 году, когда дело шло к войне, великий князь Сергей Александрович (1857—1905), гостивший в Дармштадте, переслал брату важное письмо королевы Виктории (1819—1901), гостившей там же, но Александр III оставил своего министра иностранных дел в полном неведении относительно его содержания.

Впрочем, даже бессловесный Гирс пытался ловчить перед Александром III. В те дни, когда он являлся к государю с докладом, Гирс давал указание чиновнику, готовившему для императора подборку с вырезками из иностранных газет, не включать в неё такие, которые могли бы вызвать у царя неудовольствие. Отправляясь в Гатчину с верноподданнейшим докладом, министр хотел быть уверенным в хорошем расположении духа Александра III.

Министры иностранных дел или канцлеры России, как и другие министры царя, чаще всего выступали в роли его советников и авторами «всеподданнейших докладов». Известную самостоятельность проявляли А. М. Горчаков, А. П. Извольский и в меньшей степени — С. Д. Сазонов. Примечательно, что министры иностранных дел при Александре I и Николае I становились канцлерами, то есть главами правительства, хотя на самом деле таковыми не были. При Александре III и Николае II создалось странное положение, при котором председатели Совета министров вообще были «отлучены» от внешнеполитических дел и выполняли в этом отношении чисто символическую роль. За редким исключением С. Ю. Витте (1849—1915), П. А. Столыпину (1862—1911) или В. Н. Коковцову (1853—1943) удавалось приобщиться к тому или иному дипломатическому делу, но в целом большая дипломатия была всецело отдана на откуп императорам и их министрам иностранных дел.

Если при Николае I и Александре II основной упор во внешней политике делался на «дружбу» с Пруссией и Австрией, и руководящее звено Министерства иностранных дел подбиралось из числа дипломатов, имевших опыт работы в Вене или Берлине, то при Александре III и частично при Николае II повелось назначать министрами иностранных дел послов, служивших при

Копенгагенском дворе. Это была дань уважения к императрице Марии Фёдоровне, бывшей датской принцессе Дагмар. Должность посла при её отце Кристиане IX считалась важной и почётной, и из Копенгагена вёл прямой путь в министерское кресло. Так, к примеру, стали главами иностранного ведомства России бывшие послы России в Дании М. Н. Муравьёв (1896—1900) и А. П. Извольский (1906—1909).

Нередко министр определялся царём в качестве *управляющего министерством*, то есть временно исполняющим обязанности, и только по истечении некоторого времени следовал высочайший указ о его назначении действительным министром. При назначении князя А. Б. Лобанова-Ростовского (1824—1896) произошёл бюрократический казус: его определили управляющим министерства, но при этом царь-государь забыл уволить с поста старого управляющего Н. П. Шишкина (1830—1912). Обиженный князь, прямой потомок Рюрика, какое-то время вовсе перестал появляться в здании Министерства иностранных дел. Сложилась парадоксальная ситуация: нового управляющего не было на месте, старый уже не был главой ведомства и не мог подписывать никаких документов, а назначить Шишкина товарищем (заместителем) Лобанова-Ростовского Николай II также забыл. Ситуация нормализовалась лишь после того, как Шишкина сделали заместителем Лобанова-Ростовского, а последнего высочайшим указом назначили, наконец, полноправным министром.

Министерство иностранных дел России было не только собственной канцелярией царского двора. Очень часто министрам иностранных дел приходилось улаживать деликатные личные дела императорской фамилии, и они считали это за большую честь. Так, Н. К. Гирс вместе с министром двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым (1837—1916) решал щекотливый вопрос о размере гонорара и вознаграждении известному массажисту Мецгеру, приезжавшему в Россию «пользоваться» императрицу Марию Фёдоровну. Гирс рекомендовал Воронцову быть щедрым, если предварительного контракта с Мецгером заключено не было.

Воронцов выплатил массажисту 30 тысяч рублей и «повесил» ему ленту ордена Святого Станислава, а его жене подарил браслет. Мецгер был вне себя от счастья, а Гирс потом ворчал:

— А у нас, как всегда, пересолили!

Государыня Мария Фёдоровна отнеслась сначала к услугам Мецгера с опаской — ведь массажист должен был касаться руками её священного императорского тела!

— Это ведь очень неприятно, если он будет невежлив, — говорила она Гирсу, способствовавшему по своим дипломатическим каналам приезду в Петербург пользователя.

Гирс успокоил императрицу и заверил, что Мецгер не посмеет быть невежливым. Кроме того, Марию Фёдоровну, вероятно, «вдохновили» слова Мецгера, сказанные им по этому же поводу австрийской императрице:

— Государыня, оставьте вашу корону дома, когда вы ко мне приходите лечиться.

«Что бы сказали наши нигилисты, если бы узнали, что в то самое время, когда масса народу умирает в России из-за полной пустоты в желудке, нашли возможным вознаградить огромной суммой немца, приехавшего массировать живот, страдающий от того, что слишком хорошо и слишком часто наполняется», — записал в свой дневник граф Ламздорф.

Поручения в миссии и посольства относительно членов императорской семьи шли из Министерства двора через Министерство иностранных дел, централизованно, но не всегда эти поручения согласовывались между членами императорской фамилии. Консул в Ницце О. П. Патон в смятении сообщал товарищу министра Влангали о трудностях, испытываемых им при выполнении «приказаний», поступивших от двух членов императорской фамилии — великого князя Николая Николаевича и вюртембергской королевы Ольги Николаевны. Оба они попросили нанять дом в Сан-Ремо, но когда королева узнала, что Николай Николаевич собирался жить в Сан-Ремо с побочным своим семейством, то она попросила Оскара Петровича «избавить её от тако-

го соседства». Как Влангали «разруливал» этот инцидент, нам не известно.

Вот ещё один образчик такого поручения 2-го департамента МИД от 30 декабря 1906 года послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу:

«Милостивый Государь, граф Александр Константинович,

Г. Министр Императорского Двора уведомил, что определением Святейшего Синода, на основании Учреждения о Императорской Фамилии, Высочайше утверждённом 15 ноября с. г., брак Его Императорского Высочества Князя Георгия Максимилиановича Романовского, Герцога Лейхтенбергского, с Ея Императорским Высочеством Княгиней Анастасией Николаевною Романовскою, Герцогиней Лейхтенбергскою, расторгнут.

При этом Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть, чтобы Княгиня Анастасия Николаевна Романовская, Герцогиня Лейхтенбергская, была во всех, где приличествует, случаях именуема Княгиней Анастасиею Романовскою с титулом Императорского Высочества.

Сообщая Вашему Сиятельству о вышеизложенном, покорнейше прошу Вас оповестить о таком Высшем повелении Правительство, при коем Вы аккредитованы.

Примите и пр. Аргиропуло».

Имя грека Аргиропуло мы ещё встретим на страницах этой книги. Во время Первой мировой войны он был старшим советником МИД. Греки со времён Александра I пользовались определённой популярностью в системе государственного управления.

Посол Бенкендорф, выполняя поручение Аргиропуло, уведомил по существу дела Форин Оффис, который, со своей стороны, в лице министра сэра Эдуарда Грея специальной нотой уведомил графа Бенкендорфа о получении вышеупомянутого сообщения и принятии содержащейся в нём информации к сведению.

Не прошло, однако, и года, как герцогиня Лейхтен-

бергская утешилась другим «законным» браком с другим членом императорской фамилии — великим князем Николаем Николаевичем, о чём Сент-Джеймский двор был снова аккуратно проинформирован, а сэр Грей так же аккуратно подтвердил графу Бенкендорфу получение и принятие к сведению сей «весьма важной» информации.

В 1907 году Бенкендорфу пришлось информировать двор короля Эдуарда VII о том, что супругу великого князя Кирилла Владимировича следовало именовать великою княгиней Викторией Фёдоровной с титулом императорского высочества, а их дочь в браке — Марию «признать княжною крови императорской с принадлежащим правнукам Императора титулом Высочества». Великий князь 10 лет спустя скомпрометирует этот высокий титул...

«Канцелярия Его Императорского Величества» до конца правления последнего Романова — Николая II Незабвенного — аккуратно информировала иностранные дворы и правительства об изменениях в семейном или официальном статусе великих князей, да и сами великие князья часто обращались в Министерство иностранных дел с просьбами выполнить для них какое-нибудь поручение: вручить поздравительный адрес, письмо, подарок или доставить из Парижа несколько ящиков шампанского.

Каким дипломатом был последний Романов?

По всей видимости, чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, каким он был человеком. С. Ю. Витте в своих мемуарах помещает оригинальный ответ. В 1900 году он по пути на всемирную выставку в Париж заехал в Копенгаген и был принят там королём Кристианом IX. Король, зная, что гость был учителем великого князя Михаила Александровича, спросил, что из себя представлял его внук и наследник русского трона*. Витте ответил, что ему затруднительно дать точную и краткую характеристику на своего ученика, а на заслушивание долгих рассуждений у его величества короля Дании просто не было времени. Но король настаивал, и тогда Витте сказал:

---

* До рождения у Николая II сына, царевича Алексея, брат Михаил считался наследником трона.

— Ваше Величество, вы хорошо знаете моего державного повелителя Николая Александровича?

— Да, — ответил король, — я его хорошо знаю.

— Само собой разумеется, что вы отлично знали покойного императора Александра III?

— Ну да, отлично его знал.

— Так чтобы определить личность Михаила Александровича в самых общих контурах, я сказал бы так: император Николай есть сын своей матери и по своему характеру и по натуре; а великий князь Михаил Александрович есть больше сын своего отца.

Король рассмеялся, но разъяснением остался доволен.

Николай II дипломатией интересовался и занимался. Будучи слабо подготовленным к управлению империей, он в этой области, как и в других, всегда прислушивался к мнению министров иностранных дел. Только однажды он проявил, на наш взгляд, вполне разумную дипломатическую самостоятельность — при заключении Бьёркского договора 1905 года с Германией, но потом всё равно был дезавуирован своими ближайшими советниками.

В 1902 году Министерство иностранных дел отпраздновало свой столетний юбилей, в ознаменование которого была выбита большая бронзовая настольная медаль и выпущен внушительных размеров том истории министерства, украшенный репродукциями, рисунками и фотографиями. Медали были вручены всем чинам ведомства без исключения.

Глава вторая

«Полевое» творчество Александра III

*Лучше, чтобы ободрял государь,
а наказывали законы.*

А. В. Суворов

Типичной резолюцией Александра I была лаконичная помета: «Быть по сему». Не таков был его потомок Александр III, стиль которого отличался особой свобо-

дой и сочностью выражений. Так, на одном из дипломатических документов он назвал Бисмарка «обер-ско-том». Думается, образцы этого «полевого» жанра будут небезынтересны для нашего читателя. Благодарить за это нам следует графа В. Н. Ламздорфа, аккуратно фиксировавшего в своём дневнике за 1891—1892 годы все заметные вокруг себя события.

Пятнадцатого января 1891 года император вернул Н. К. Гирсу письмо лорд-мэра Лондона Джозефа Савари на высочайшее имя, в котором англичанин от имени жителей своего города выражал протест против преследования евреев в России, со следующей пометой: *«Я ни этого письма, ни адреса от лорд-мэра Лондона принимать не желаю. Прикажите отослать ему обратно... Это слишком нахально...»*

Когда Н. К. Гирс представил Александру III проект письма от имени «августейшего монарха и правительства» с выражением соболезнования бельгийскому королю Леопольду II в связи со смертью его племянника принца Болдуина, Александр III начертил на полях: *«Разве у нас конституционное правительство?»*

Помощник Гирса граф В. Н. Ламздорф в своём дневнике возмущённо пишет о том, что самодержавные взгляды императора не допускают самого существования русского правительства: *«И это накануне XX века!»*

На телеграмме посла в Константинополе Нелидова, употребившего выражение «произведёт-де в Петербурге», император раздражённо начертил: *«Пожалуйста, чтобы этого “де” не употребляли никогда в министерстве. Я слышать этого не могу»*. Чем эта частица не понравилась самодержцу, знает один лишь Всевышний.

Самодержавный тон постоянно даёт о себе знать в пометках императора. На донесении посла Фонтонна о беспорядках в Португалии Александр III пишет: *«Нет ни малейшего сомнения, что Португалия накануне объявит республику. Хорош тоже король. Хорошо тоже правительство»*.

Двойку нужно было поставить учителю русского языка, который учил когда-то наследника русского трона!

А вот «перл» на полях телеграммы министра иностранных дел Франции Рибу своему послу в Петербурге

Лабуле от 18 февраля 1891 года, в которой говорится об освобождении французским правительством одного арестованного революционера-нигилиста из тюрьмы по заключению тюремного врача: *«Для таких скотов стоит того»*.

Князь Барятинский, сопровождавший цесаревича Николая Александровича в его поездке по Азии, пишет из Сайгона о том, что французы готовят цесаревичу большой приём с демонстрациями политического характера. *«Какие могут быть политические демонстрации в Сайгоне?»* — удивляется отец.

На донесении из Рима о кончине принца Плон-Плона* и об объявлении по этому поводу траура в Италии Александр III написал: *«По такому скоту траура не носят»*.

Посланник из Белграда сообщает о том, что молодой сербский король Александр горит желанием нанести визит в Петербург в октябре 1891 года, в день серебряной свадьбы их величеств. *«Когда ему угодно, только не к серебряной свадьбе, — пишет Александр III. — В этот день никаких приёмов не будет»*.

И баста. К тому же император написал сущую правду: в годовщину своей свадьбы царская чета никаких приёмов не устраивала.

Добрый Гирс сильно расстроен реакцией государя на предложение пожаловать послу в Германии графу Шувалову орден Святого Владимира 2-й степени и послу в Риме Влангали — орден Святого Александра Невского. *«Так ничего не останется давать, — замечает монарх и продолжает свои рассуждения о Влангали. — Ведь чего он достигнул? Два года тому назад пожалован статс-секретарём, только что назначен послом в Рим, и теперь дать ему Александровскую ленту? Это уж слишком. Могут годик подождать и один, и другой»*.

Очень неохотно награждал Александр III своих слуг — это все замечали.

На депеше посланника Шевича из Токио об обстоятельствах нападения на цесаревича японского самурая

---

* *Жозеф Шарль Поль Бонапарт* (1822—1891) — принц, известный под шуточным прозвищем «Плон-Плон», младший сын короля вестфальского Иеронима Бонапарта.

и его ранения Александр III пишет: *«Потребовать от правительства (Японии. — Б. Г.) самое полное и тщательное следствие, а главное, узнать как можно скорее, действовал ли убийца по своему желанию, или это заговор и есть сообщники. От этого будет зависеть дальнейшее пребывание сына в Японии. Конечно, никакого удовлетворения нам не нужно».*

Посол Нелидов сообщает из Константинополя о своей встрече с болгарским премьером Стамболовым*. Против слов, где посол пишет о том, что Стамболову его заверения о нежелании вмешательства императора России в болгарские дела кажутся недостаточными, император пишет: *«Такий прохвост!»*

На пассаж Нелидова о том, что Тройственный союз может негативно влиять на Турцию, монарх «накладывает» самоуверенную резолюцию: *«Меня это вовсе не беспокоит».*

На депеше посла из Белграда о том, что сербский король Милан в качестве компенсации за своё отречение от трона потребовал два миллиона франков, Александр III пишет: *«Что за подлец Милан, подписавши этот акт!»*

Посланник в Афинах Ю. П. Бахметьев** сообщает о том, что «англичанка» мутит воду вокруг критской проблемы. Пометка государя: *«Весьма желательно было бы остановить эти безобразия вовремя».*

Внимание государя привлекли похождения за границей его подданного некоего Ашинова, который, в частности, предлагал царю проекты по освоению Африки и захвату территорий, богатых золотом и драгоценными

---

* Дипломатические отношения России с Болгарией в это время были прерваны. *Стефан Стамболов* (1854—1895) — политический и государственный деятель Болгарии. В 1887—1894 годах — глава правительства. Установил в стране режим диктатуры и полицейского террора, во внешней политике ориентировался на Австро-Венгрию и Германию.

** *Юрий* (по формулярному списку МИД Георгий) *Петрович Бахметьев* (1846—1928) — из дворян, гофмейстер двора, учился в Оксфордском университете, в МИД России с 1870 года, женился на дочери американского посла в Вене Эдуарда Фитцджеральда Билла, служил рядовым дипломатом в Пекине, Вашингтоне и Париже, а потом возглавлял русские миссии и посольства в Греции, Болгарии, Японии (1905—1908) и США (1911—1917). Он был единственным царским дипломатом, не пожелавшим служить Временному правительству.

камнями. Реакция Александра III: *«Записки сумасшедшего!»*

На пессимистическом прогнозе графа Шувалова относительно перспектив развития русско-германских отношений император оставляет помету: *«Конечно, от нервного и шалого Вильгельма можно всего ожидать!»*

«Шалый» — это довольно точная характеристика кайзера.

Когда Гирс обратил внимание государя на предложение графа Шувалова встретиться с кайзером Вильгельмом II, Александр III сказал: *«А я этого и не заметил!»* Государь явно лукавил: ему просто не хотелось встречаться со своим «шалым» партнёром.

На телеграмме из Тегерана против фразы посланника Бютцова: *«Напустив на себя спокойное настроение, шах не хотел признать основательности моего заявления»* Александр III написал: *«Упряма же, бестия!»*

На донесении из Токио о порядках в Японии государь пишет: *«Обезьяны, играющие в европейцев!»* Это презрительное отношение к японцам усвоит и наследник Николай Александрович. К несчастью для России.

На донесении из Константинополя посла Нелидова о том, что Англия строит козни по поводу Египта, Александр III пишет: *«Что тут поделаешь, когда имеешь дело с таким старым колпаком вместо султана».*

Сильно задевает царя сообщение посланника Хитрово из Лиссабона об открытии там кортесов (парламента): *«Чистейший балаган!»*

Посланник из Бухареста пишет о нерешительности румынского правительства в вопросе выбора союзника: России или Австрии. *«Жалкая страна, не знающая, куда и к кому пристать»*, — пишет царь на полях депеши*.

Посол Нелидов предлагает усилить наше военно-морское присутствие в Средиземном море. Александр III вздыхает: *«В этом нет сомнения, но, к сожалению, в настоящую минуту мы не можем увеличить нашу эскадру».*

Судя по всему, эта минута до сих пор так и не наступила. Всё «кольчужка» коротка!

---

* Депешами царские дипломаты, строго говоря, называли только письменные донесения послов и посланников, а не телеграммы, как это принято среди «непосвящённой» публики.

Князь Лобанов-Ростовский направляет подробный и умный анализ международного положения Австро-Венгрии и предсказывает активизацию Габсбургской монархии на Балканском полуострове. *«Я не думаю, чтобы Австрия решилась сама по себе затеять что-либо серьезное, разве что она получит поддержку от Германии»*, — пишет государь.

Нет нужды упоминать о том, что события развивались в соответствии с предсказанием министра.

В связи с памирским инцидентом лета 1891 года* и английской нотой протеста государь сделал следующую помету на докладе Гирса: *«Передайте все эти письма (англичан. — Б.Г.) на прочтение военному министру. Отвечать за то, что англичане не продвнутся дальше к Памирам, нельзя, а поэтому всё-таки нам надо их предупредить!»*

Чтобы знали пределы и не совались в сферу влияния России. Что касается самого протеста против ареста и высылки англичан, государь написал: *«Я полагаю, что на это неуместное замечание не стоит и отвечать»*.

Бухарский эмир направил 100 тысяч рублей благотворительному комитету, возглавляемому наследником цесаревичем Николаем. Комментарий Александра III: *«Это любезно, но деньги награбленные»*.

Посол граф Шувалов сообщает из Берлина, что Вена и Берлин заигрывают с поляками, чтобы привлечь их на свою сторону в возможной войне против России. *«Жестоко обманутся и накажут сами себя Германия и Австрия с польскими заигрываниями»*, — пророчески прокомментировал эту «новость» государь.

Александр III представили перлюстрированную телеграмму сербского правительства на французском языке. *«Отчего же по-французски, а не на русском языке, — недоумевает монарх. — Как будто пишут для иностранцев, а мы с вами по-русски не понимаем?»*

Барон Моренгейм сообщает из Парижа, что беспутный сербский король Милан попросился в русское

---

* Летом 1891 года на Памир был послан отряд полковника Ионова, чтобы продемонстрировать претензии России на этот регион. Во время своей экспедиции Ионов арестовал и выслал в Афганистан двух английских офицеров — Янгхазбэнда и Дэвидсона.

подданство. *«Приятный сюрприз! — оживляется государь. — Переговорю с вами».*

Посол Нелидов из Константинополя сокрушается по поводу неудачных попыток вразумить султана и направить его на путь «истинный». Реакция Александра III: *«Из всего этого я заключаю, что роль наша самая неблагоприятная: нельзя спасти человека, который сам ищет смерти. Турция — отпетая страна, у неё всё валится из рук, и только ленивые не подбирают остатков».*

Император ошибся: даже ленивые стали рвать на части разваливавшуюся Османскую империю.

Министр иностранных дел Германии Адольф Маршалл фон Биберштейн просит своего посла Швейница проверить слухи о замене министра Гирса в руководстве Министерства иностранных дел России. Телеграмма немцев перлюстрируется, расшифровывается и с пометкой Гирса: «Сомневаюсь, чтобы это говорил кто-либо из моего семейства» — докладывается государю. Его Величество на полях депеши пишет: *«И я тоже».*

При этом монарх на самом деле уже вынашивает планы «уйти» Гирса, и Гирс тоже об этом знает.

Ответная телеграмма Швейница в Берлин перлюстрируется и докладывается Гирсом Александру III. Германский посол сообщает своему министру, что Гирс физически обессилен (по-немецки «*matt*»), поговаривает о своей отставке и переходе в Государственный совет. Ламздорф пишет, что «государь отнёсся к этому очень хорошо и только спросил: *“Как это ‘matt’?”*».

Что имел граф под словом «этому», нам не ясно.

На депеше графа Шувалова из Берлина, в которой говорится о революционных брожениях в Европе и о возможности социального переворота в результате большой войны, монарх пишет: *«Об этом и я часто думаю».*

Император бдителен. На перлюстрированной телеграмме турецкого министра иностранных дел Саид-паши своему послу в Петербурге Хусни-паше перлюстраторы ошиблись и написал: «Хусни — Саиду». *«Я думаю, наоборот»*, — поправляет перлюстраторов самодержавнейший читатель.

Император быстр на решения. Товарищ Гирса Шишкин затрудняется осуществить перевод второго секретаря миссии в Афинах Каткова первым секретарём в

Лиссабон, потому что это место было уже обещано второму секретарю миссии в Берлине Бахерахту. Пометка на докладе Шишкина: *«Бахерахта перевести в Афины, а Каткова в Лиссабон. Исполнить немедленно».*

Комментарий Ламздорфа: Бахерахт, примерный чиновник с 20-летним стажем работы в МИД, уже 10 лет находится в Берлине в чине второго секретаря, а Катков, плохо сдав дипломатический экзамен, лентяй, бездельник, не проработал и шести-семи лет в МИД. Причина предпочтения Каткова Бахерахту? Катков женат на княжне Лобановой, родственнице князя Лобанова-Ростовского, посла в Вене. Его протезировали греческая королева Ольга, великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета Фёдоровна. Робкий голос Шишкина на закон и справедливость встретил, как пишет Ламздорф, «громоносную» помету государя.

Р. С. Шишкин и Гирс, несмотря на грозное повеление царя, решили Бахерахта в Афины всё-таки не переводить, а попридержать его в Берлине до того, как для него откроется вакансия первого секретаря. Для пользы дела русский чиновник частенько обманывал начальство.

Военный министр говорил об Александре III: «Это Пётр Великий со своей дубинкой». Нет, возражает ему Ламздорф, это одна дубинка без великого Петра! Ему вторит дипломат Зиновьев: «Вся Россия превратилась в вотчину, в которой государь — помещик».

Глава третья

Певческий Мост

*Как можно подумать, что
Богу, который всё знает, не-
известен будто наш Табель о
рангах?*

Д. И. Фонвизин

Внешнеполитические ведомства многих стран принято эвфемически называть по именам улиц или набережных, на которых они расположены. Министерство

иностранных дел Франции, к примеру, получило эффе-мизм «Кэ д’Орсэ», МИД Германии — Вильгельмштрассе, Австро-Венгрии — Балльплатц, Англии — Уайтхолл, в то время как Министерство иностранных дел Российской империи, располагавшееся на Мойке напротив Певческого моста, стали называть «Певческим Мостом». Это выглядело солидно, изящно и красиво. «Что там выдумали тонкие умы на Кэ д’Орсэ?» — спрашивала одна русская газета. «Ответ Певческого Моста “лягушатникам”», — громко отзывалась на вопрос другая, более патриотично настроенная. И тогдашним культурным и образованным людям было ясно и понятно, о чём идёт речь.

Но ближе к делу.

Структура внешнеполитического ведомства России, как и прочих государственных учреждений, постоянно менялась, приспособляясь к требованиям времени и новым задачам. В XIX век страна вступила с петровскими коллегиями, но уже 8 сентября 1802 года по высочайшему повелению вместо коллегий в России стали учреждаться министерства. Молодой сотрудник дипломатического ведомства того времени Ф. Ф. Вигель (1786—1856) пишет в своих «Записках»: «Вице-канцлер князь Александр Борисович Куракин сделался тогда нашим единственным начальником в иностранной коллегии».

Первое Министерство иностранных дел возглавил канцлер Алексей Романович Воронцов (1741—1805). При нём была создана *временная канцелярия* с четырьмя главными *экспедициями*. В обязанности управляющего канцелярией входили надзор за всеми экспедициями, архивом и регистрацией документов, хранение шифровальных и дешифровальных ключей, организация внутренней работы канцелярии, сношение с главным директором почт и переписка с послами за границей.

Большой логики в структуре министерства на первый взгляд не было. Первая экспедиция во главе с управляющим А. А. Жерве ведала азиатскими делами, вторая — перепиской с Константинопольской миссией и всеми внутренними делами, третья — «перепиской на француз-

ском языке с министрами (то есть посланниками. — Б. Г.) в чужих краях и внутри государства» и выдачей загранпаспортов, четвёртая — нотами и записками от иностранных послов, аккредитованных в Петербурге. Кроме вышеупомянутых были созданы три секретные экспедиции: первая — цифирная, то есть шифровальная, до 1808 года входившая в состав 1-й экспедиции, вторая — цифирно-дешифровальная и третья — газетная (под этим неказистым названием скрывалась секретная служба перлюстрации). Во главе каждой экспедиции был поставлен управляющий в скромном чине коллежского советника. Впрочем, замечает Т. А. Соболева, канцелярия Министерства иностранных дел в этот период строгой структуры и распределения функциональных обязанностей ещё не имела, и дела распределялись среди её сотрудников *ad hoc** по усмотрению министра.

Параллельно со структурой МИД продолжала существовать и Коллегия иностранных дел, которую в 1801—1802 годах возглавлял друг и приближённый императора Александра граф Виктор Павлович Кочубей (1768—1834), а потом Иван Андреевич Вейдемейер. В дальнейшем функции Коллегии иностранных дел постепенно сходили на нет, а функции министерства становились всё более обширными, но полностью коллегия прекратила своё существование лишь в 1834 году.

Некоторое время спустя главные экспедиции были преобразованы в отделения, а позже, при Николае I — в департаменты. В 1819 году был создан знаменитый Азиатский департамент, первым директором которого стал К. К. Родофиникин (1760—1838), а четыре года спустя при департаменте возникло Учебное отделение восточных языков (УОВЯ) — великолепное и высокопрофессиональное учреждение, просуществовавшее вплоть до 1917 года, в стенах которого знания по фарси, китайскому, японскому, турецкому и арабскому языкам получили многие русские дипломаты. В 1828 году был разработан и введен в действие Консульский устав, который с изменениями в 1858 и 1893 годах тоже дожил до 1917 года.

---

* К этому, для данного случая (*лат.*). Термин, употребляемый в международном праве в отношении органов, создаваемых для выполнения определенных (обычно временных) функций.

В 1828 году трём секретным экспедициям канцелярии было присвоено новое эвфемическое наименование — «*Департамент внешних сношений*». В 1832 году был создан Департамент *внутренних* сношений, преобразованный позже во 2-й департамент, а также Департамент хозяйственных и счётных дел, позже преобразованный в Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛСиХД). В 1839 году было составлено первое подробное штатное расписание центрального аппарата министерства. В 1846 году, в период очередной реорганизации Министерства иностранных дел, наименование «Департамент внешних сношений» с секретных экспедиций неожиданно было снято, и их стали называть «*Особой канцелярией*» министерства. В ней стала сосредоточиваться вся политическая переписка МИД со своими загранучреждениями.

Структура Министерства иностранных дел продолжала совершенствоваться и приспособляться к потребностям времени и при А. М. Горчакове. В рескрипте Александра II от 17 апреля 1856 года о назначении А. М. Горчакова министром иностранных дел России говорилось: «...Посвятив себя дипломатическому поприщу, вы, при постепенном занятии различных должностей в посольствах и миссиях Наших при нескольких европейских дворах, вскоре приобрели необходимую в политических делах опытность, не переставая обращать на себя внимание отличным исполнением лежавших на вас обязанностей. Состоя в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра при Вюртембергском дворе, вы имели случай выказать особенную твёрдость в смутное время 1848 года и снискали доверие к себе блаженной памяти Родителя моего императора Николая I...

..Дипломатические способности, познания по сей части, приобретённые вами многолетним пребыванием при разных дворах Европы в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра Нашего, в особенности же действия ваши в продолжении Венских конференций 1855 года, решили Наш выбор назначением вас министром иностранных дел. Вы вступили в управление оным в то важное время, когда исполнение условий только что заключённого Парижского мира требо-

вало неусыпной бдительности и предусмотрительности. Возникшие вскоре в сем отношении недоразумения могли снова омрачить едва прояснившийся политический горизонт Европы; но вы, руководимые опытностью и постигая чистосердечные желания Наши упрочить общее спокойствие, умели благоразумно отвратить последствия тех недоразумений и утвердить дружественные отношения России со всеми державами».

Заступив на должность, Александр Михайлович первым делом приступил к очищению «авгиевых», то есть «нессельродовских конюшен». Он представил Александру II подробный проект «санации» министерства, с главными мыслями которого мы познакомим читателя (их можно было бы и сегодня взять за основу при наведении порядка в чиновничьей среде):

«В последнее тридцатилетие в России развилась в страшных размерах потребность служить где бы то ни было, вовсе не принимая в соображение свои способности и склонности, но единственно с целью получать чины и ордена... Последствием такого огромного требования на служебную деятельность явилось беспрерывное созидание новых должностей и целых учреждений по всем отраслям нашего государственного управления... По моему мнению, порядок нашего делопроизводства, усложнившийся до невозможности... препятствовал быстрому движению дел, но произошёл он ни от чего другого, как от накопления чиновников, прикрывавших своё умственное бездействие формалистикой — при таком направлении явилась потребность в целой градации лиц, ничего в сущности не делающих, а только надзирающих за трудом других. Мало-помалу образование, умственные способности и быстрота утратили своё значение в оценке служащих, а на первый план выдвинулось знание форм и обрядов делопроизводства; в результате... мы получили массу чиновников в чинах, увешанных орденами... но ни к чему не способных, никогда не работавших в полном значении этого слова, не умеющих работать...»

Горчаков предлагал коренным образом изменить укоренившийся в министерстве бюрократический порядок, полагал необходимым избавиться от «чиновни-

чьего» балласта, заставить сотрудников отвечать за себя и свой труд, упростить до максимума делопроизводство. Он поставил во главу угла три начала: усиление власти *местных* (ближайших к исполнителю) начальств, сокращение делопроизводства и уменьшение личного состава с увеличением содержания оставшимся.

Александр Михайлович сильно обновил кадровый состав Министерства иностранных дел, введя в него много русских людей. Он прекратил несельеродевское низкопоклонство перед австрийским канцлером К. В. Л. Меттернихом (1773—1859) и уволил из министерства случайных людей. При нём был утверждён новый штат канцелярии, а в 1862 году секретную канцелярию объединили с общей. Это было косвенным свидетельством того, что все дела канцелярии стали считаться секретными.

Князь ввёл систему испытаний (экзаменов) для кандидатов, принимаемых на внешнеполитическую службу, и открыл доступ к архивным документам МИД. Благодаря усилиям директора архива К. И. Забелина и академика П. П. Пекарского, которые разработали классификацию и характеристики накопившихся в недрах учреждения документов, исследователи получили доступ к богатейшим историческим материалам России. В европейские столицы были направлены опытные и способные послы: в Париж — граф П. Д. Киселёв (1788—1872), в Лондон — граф М. И. Хребтович, в Вену — В. П. Балабин (1812—1864), в Константинополь — Н. П. Бутенев. Первым помощником нового министра стал блестящий дипломат барон Александр Генрихович Жомини, сын наполеоновского генерала швейцарца Г. В. Жомини (1779—1869), вступившего в русскую службу в 1813 году. А. Г. Жомини прославился своим «золотым пером», из-под которого вышли дипломатические документы, которые являются своего рода шедеврами. Впрочем, не исключено, что к документам прилагал свою руку и князь Горчаков. Канцлер так говорил про своего друга и помощника: «Про барона Жомини можно сказать, что он словно Иисус Христос в Евхаристии — его все едят и пьют, но никто его ещё никогда не видел...»

Реформа, однако, сильно пробуксовывала, русские

чиновники не сдавались и всеми силами ей противились, и она растянулась на долгие годы. Но к 1868 году удалось кое-что сделать, а именно: утвердить штат центрального аппарата на 134 единицы (вместо прежних 306) и изменить кое-что в структуре Министерства иностранных дел. Александр Михайлович ввёл совещательный орган — Совет министерства, в который входили сам министр, его товарищ, старшие советники, директора канцелярии, департаментов и архива в Санкт-Петербурге. Членам совета выплачивались дополнительные оклады. Начальниками загранучреждений в это время считались послы, посланники и министры, министры-резиденты и поверенные в делах. Посольствам в Турции и Персии предоставлялись полицейские и судебные функции над проживавшими в этих странах русскими подданными.

В центральном аппарате министерства существовали должности, соответствовавшие петровским чиновничьим рангам: канцлер соответствовал I классу (генерал-фельдмаршал в армии), действительный тайный советник — II классу (генерал от инфантерии, кавалерии или артиллерии), тайный советник — III классу (генерал-лейтенант), действительный статский советник — IV классу (генерал-майор), статский советник — V классу (без армейского соответствия), коллежский советник — VI классу (полковник), надворный советник — VII классу (подполковник), коллежский асессор — VIII классу (майор), титулярный советник — IX классу (капитан), а коллежский секретарь — X классу (штабс-капитан), в то время как в посольствах, миссиях и консульствах были должности послов, посланников, консулов, советников, секретарей и атташе.

Отсутствие единого кадрового расписания для центрального аппарата Министерства иностранных дел и для его заграничных учреждений было большим неудобством, оно не позволяло правильно планировать использование кадров и осуществлять их ротацию, не говоря уже о том, чтобы соблюдать в отношении них хотя бы видимость социальной справедливости. Петровские ранги начнут исчезать из дипломатического обихода лишь при А. П. Извольском.

Послы и посланники назначались из чиновников первых четырёх классов, к V классу обычно принадлежали министры-резиденты, советники посольств и миссий, 1-й драгоман* в Константинополе, генконсулы на Востоке, младшие советники и вице-директора департаментов МИД; к VI классу — старшие секретари посольств, прочие генконсулы (в Европе, Латинской Америке), начальник Учебного отделения восточных языков МИД; к VII классу — младшие секретари посольств, старший драгоман в Персии; к VIII классу — вице-консул в Османской империи, 3-й секретарь канцелярии МИД, врач Московского Главного архива; к X классу — секретари консульств в Европе, к XII классу — лекарский помощник.

При Н. К. Гирсе особых изменений в порядке работы Министерства иностранных дел сделано не было, если не считать упразднение, по распоряжению Александра III, французского языка во внутренней политической переписке и переход на русский язык и введение регулярного курьерского сообщения Центра с загранучреждениями (1888). Кроме того, царь навёл кое-какой порядок с баронами. Их последнее время в России и особенно в МИД набралось столько, что они обратили на себя особое внимание венценосца, тем более что большинство из них не смогли подкрепить свои баронские титулы достоверными генеалогиями. Император одним росчерком пера уничтожил всё фальшивое «баронское племя», сделав, по воспоминаниям И. Я. Коростовца, исключение для одного лишь посла Моренгойма.

В конце XIX — начале XX века Министерство иностранных дел Российской империи состояло из канцелярии и трёх департаментов: упомянутого Азиатского, внутренних сношений и кадрово-хозяйственного — ДЛСиХД. И всё. «Где же департаменты, занимавшиеся другими частями света, к примеру, Европой, Америкой и т. п.?» — спросит знающий читатель. А нигде. Европейского или Американского департаментов в струк-

---

* Драгоман — переводчик при дипломатической миссии или консульстве (обычно в странах Востока). Из-за незнания восточных языков главами дипломатических и консульских миссий драгоманы играли в царской дипломатии значительную роль и выполняли важные политические поручения.

туре МИД России долгое время просто не было, и все политические дела, касавшиеся Европы, Америки, Африки или Австралии, сосредоточивались в... канцелярии! Канцелярия была святая святых МИД, куда доступ молодым и неопытным сотрудникам был заказан и куда дипломат мог попасть лишь после двух лет службы в каком-нибудь департаменте или, как шутил И. Я. Коростовец, чиновник, имеющий в фамилии частицу «фон».

Канцелярией при В. Н. Ламздорфе управлял русский князь с длинной и нелепой фамилией, недалёкий и твердолобый бюрократ В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий, будущий его товарищ (заместитель) и близкий друг. Князь страдал нервным тиком, передёргивавшим его лицо, ввиду чего при приёме в своём кабинете людей закрывал нижнюю часть лица платком.

При канцелярии находились две экспедиции: первая ведала шифрами, а вторая — газетами (позже преобразована в бюро печати — то, что теперь называют пресс-отделом министерства). Но на самом деле канцелярия была похожей на настоящее разведывательное подразделение. В её составе находился так называемый «старший чиновник» или начальник «чёрного кабинета», в обязанности которого входили перехват и перлюстрация почтовой корреспонденции и секретных телеграмм иностранных представителей в Петербурге. Этот чиновник сидел в своём «чёрном кабинете» и заботился о том, чтобы секретные депеши аккредитованных при его императорском величестве Николае II иностранных послов и посланников непременно попадали на стол к русскому министру иностранных дел раньше, чем к адресату. Как вспоминают очевидцы, справлялся «чёрный кабинет» со своими обязанностями превосходно.

Попутно отметим, что удачно решать свои разведывательные задачи помогал ему сам способ передачи дипломатических депеш. Радио тогда ещё не было изобретено, но зато существовал телеграф. Собственными телеграфными станциями посольства не располагали — слишком дорого, и дипломаты, естественно, были вынуждены прибегать к услугам общегородских, разумеется центральных, телеграфных станций. Например, посол Великобритании или Франции, зашиф-

ровав текст послания своему министру иностранных дел, запечатывал его в конверт и отправлял с курьером на Центральный Петербургский телеграф. Там конверт с депешей ждал и перехватывал специальный чиновник «чёрного кабинета», он аккуратно его вскрывал и тщательно переписывал всю зашифрованную часть послания — цифирь. После этого он также аккуратно запечатывал конверт с текстом, отправлял его по назначению почтовому оператору, а копию шифрованного текста со срочным курьером переправлял криптографам канцелярии Министерства иностранных дел. Если шифр был уже взломан, то криптографы быстро переводили цифирь на понятный русский язык и доставляли текст непосредственно министру иностранных дел России. Если шифр был новый, то они приступали к его расшифровке. Тогда, чтобы облегчить задачу, их снабжали как можно большим количеством открытых исходных текстов из того же источника. Впрочем, шифры тогда были не такими уж и сложными, а русские математики всегда славились своими способностями. Примерно так же, по принципу взаимности, поступали и в Берлине, и в Париже, и в других европейских столицах, так что секретные депеши русских дипломатов тоже могли вскрываться и расшифровываться.

Департаменты делились на отделения и *столы*, возглавляемые столоначальниками и занимавшиеся дипломатическими отношениями с конкретными регионами или странами. Азиатский департамент, переименованный при Ламздорфе в 1-й, состоял из двух отделений: Ближнего и Дальнего Востока. Начальником первого был Д. К. Семёновский-Курило, а второго — М. Г. Жданов. В отделении Ближнего Востока было четыре стола: турецкий, славянский, греческий и политический, в которых работали по два-три сотрудника. За громким названием *политического стола* скрывалась шифровальная служба департамента.

Департамент внутренних сношений ведал консульскими и юридическими вопросами, во главе его стоял опытный человек — барон Ф. Р. Остен-Сакен, привлекавший к себе всеобщее внимание тем, что не ходил в здании министерства, а бегал трусцой.

Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛСиХД) министерства (по-нашему, административно-кадровый отдел) возглавлял М. Н. Никонов — типичный чиновник и пользовавшийся, по мнению сотрудников, дурной репутацией в денежных делах. Через департамент шло финансирование всех посольств, миссий и консульств, так что деньги к Никонову могли «прилипнуть» вполне свободно. Потом Никонова сменил аккуратный и тщательный во всём, высокий, представительный, краснощёкий остзейский барон К. К. Буксгевден, по воспоминаниям современников, всегда приветливый и с постоянной самодовольной улыбкой на лице. Барон одновременно имел придворное звание шталмейстера и в официальных случаях являлся — к вращающему изумлению молодёжи — в вицмундире и сапогах со шпорами.

При Н. К. Гирсе товарищем министра был Н. П. Шишкин, в то время как граф В. Н. Ламздорф считался ведущим советником министерства. Граф специализировался на составлении всех важных документов, в том числе и всеподданнейших докладов и был для Гирса незаменимым сотрудником. Продолжал работать горчаковский коллегиальный орган — Совет министерства, в который, в частности, входил профессор Ф. Ф. Мартенс (1845—1909), крупный юрист и знаток международного права, неизменный консультант министерства на всех переговорах и при заключении международных договоров, включая Портсмутский. Он оставил после себя фундаментальный труд «Современное международное право цивилизованных народов», оформленный в курс лекций, а также множество других публикаций, статей и трудов.

Судя по отзывам современников, профессор был о себе высокого мнения и иногда любил «пощеголять» своими знаниями. Статс-секретарь Государственного совета А. А. Половцов в своих мемуарах описывает заседание 18 февраля 1885 года Русского исторического общества, членом которого являлся Ф. Ф. Мартенс: «Мартенс душит нас рассказом, достойным сельского школьного учителя, о сношениях России с Пруссией во время Отечественной войны. С трудом прерываю этот педантический, бездарный рассказ...»

На 1902 год Министерство иностранных дел России имело следующую структуру:

министр — Ламздорф Владимир Николаевич;

товарищ (заместитель) *министра* — Оболенский-Нелединский-Мелецкий Валериан Сергеевич;

канцелярия — директор Ваксель Платон Львович;

1-й департамент — директор Гартвиг Николай Генрихович;

2-й департамент — директор Милевский-Малевиц Николай Андреевич;

Департамент личного состава и хозяйственных дел — директор барон Буксгевден Карл Карлович;

Государственный и Санкт-Петербургский Главные архивы — директор Стюарт Дмитрий Фёдорович;

Московский Главный архив — директор князь Голицын Павел Алексеевич.

При А. П. Извольском в Министерстве иностранных дел России тоже проводились реформы, отличавшиеся тем, что они были инициированы снизу. Старые обычаи «времён Очакова и покоренья Крыма» уже не отвечали требованиям времени. С приходом Александра Петровича окончательно уходили в небытие горчаковские патриархальные порядки, когда сановники министерства могли приходить в «присутствие» и уходить домой, когда им заблагорассудится, брать документы для работы на дому и без спросу роняться с иностранными гражданами. От находившихся за границей сотрудников (П. С. Боткин, Д. А. Эйхлер, Ю. Я. Соловьёв, И. Я. Коростовец, А. А. Гирс и др.) посыпались многочисленные предложения, для разбора которых была создана специальная комиссия.

Своим товарищем Александр Петрович назначил посланника в Гааге Н. В. Чарыкова*, с которым учился в Александровском лицее. Потом Чарыков станет послом в Константинополе, а на его место заступит «кабинетный» дипломат А. А. Нератов, никогда за всю свою службу не занимавший ни одного заграничного поста.

Преодолев страшное сопротивление со стороны

---

* Старый «туркестанец», он был первым дипломатическим агентом при туркестанском губернаторе и первым дипломатическим представителем в Бухаре.

старого чиновничества (например, любимца Ламздорфа А. А. Савинского*), Извольский, в определённой степени следуя по стопам Горчакова, уволил управляющего второй (газетной) экспедицией Нивэ, назначил вместо него заведующего Санкт-Петербургским телеграфным агентством А. А. Гирса и установил тесный контакт и с агентством, и с прессой. Министр задался целью знакомить императора со всем тем, что появлялось в русской и иностранной периодике о России, русском правительстве и русской политике. Этим он наивно полагал привить Николаю II конституционный образ мысли. Будучи в области внутренней политики близким к кругу лиц, которые стремились сформировать правительство с участием общественных деятелей, Александр Петрович мечтал перенести этот принцип и на своё министерство. Но всё это были мечты и масса тщеславия — тщеславия, приведшего его к большой (боснийской) катастрофе для России и для него лично.

Но свежим ветром в коридорах дома на Певческом Мосту всё-таки слегка повеяло. Чиновники стали приходить раньше на работу. Дипломаты стали вникать в окружающие их события и встречаться с людьми из политики, журналистики и вообще глубже вникать в окружающую их повседневную жизнь. В рамках Министерства иностранных дел заработала комиссия, призванная реформировать и упорядочить архаичные взаимоотношения Центра с загранучреждениями. Была изменена структура министерства, в частности вместо бывших департаментов были созданы отделы: 1-й — западноевропейский и американский, 2-й — Ближнего Востока, 3-й — Среднего Востока и 4-й — Дальнего Востока. Все должности в отделах, наконец-то, были введены в систему дипломатического ранжирования: начальники отделов стали советниками, делопроизводители — старшими и младшими секретарями. Это давало возможность министру передвигать свои кадры и внутри ведомства, и за границей по единой должностной шкале. В отделах

---

* А. А. Савинский, благодаря своим широким связям в Петербурге, потом сумел стать полезным и Извольскому. Позже он был назначен посланником в Стокгольме, а потом — в Софии, где и оставался до объявления Болгарией войны России.

стали формироваться кадры с единым и богатым опытом работы в регионе или в стране региона, то есть для дипломатов вводили принцип специализации.

Начатая Извольским реформа дипломатического ведомства сразу упёрлась в недостаток денежных средств и тупое сопротивление Государственной думы, она затянулась до начала Первой мировой войны и полностью так и не была доведена до конца. Через Государственную думу, постоянно бунтующую и борющуюся с правительством, было проведено лишь несколько законопроектов: были повышены оклады для сотрудников Центра, но оставлены без изменения «долго и безуспешно пересматриваемые» заграничные штаты, так что дипломаты, находившиеся в заграничных командировках, были поставлены по сравнению со своими коллегами, работавшими в штате министерства, в неравные условия. Да и за границей разница между окладами послов и посланников и окладами секретарей была десятикратной. В результате служить в посольствах и миссиях могли лишь люди состоятельные, а лица, обременённые семьёй и не имевшие дополнительных доходов, рассчитывать на заграничную карьеру не могли. Ведь дипломатическая служба предусматривала солидные расходы из собственного кармана дипломата не только на жизнь, но и на представительские цели.

Ещё одной несообразностью было неравенство одних и тех же должностей в посольствах и миссиях. Первый секретарь миссии, к примеру, получал жалование меньше, нежели первый секретарь посольства. А между тем первые секретари миссий, ввиду малочисленности персонала, были основательно перегружены всякой работой, а при отъезде посланников были вынуждены исполнять и их обязанности. Позже, уже во время войны, в заграничных штатах ввели должности советников, но весь законопроект Извольского, как уже упоминалось выше, так и остался нереализованным.

Кроме отдела печати, из 2-й экспедиции при канцелярии был создан зачаток юридического отдела, родоначальником которого следует рассматривать долголетнего эксперта МИД по вопросам международного права и политики уже упоминавшегося профессора

Ф. Ф. Мартенса. Позже его на этом посту сменил профессор барон М. А. Таубе, а помощником Таубе стал профессор барон Б. Э. Нольде. В каком-то смысле юридическое обеспечение деятельности русского Министерства иностранных дел зависело от обрусевших прибалтийских баронов, что никоим образом не сказывалось на качестве их безупречной работы.

Работали ли в Министерстве иностранных дел женщины?

«Комиссия по исследованию женского труда в России» под председательством Евгении Авиловой в сентябре 1905 года направила в МИД соответствующий запрос и анкеты из 11 вопросов с просьбой заполнить и вернуть в комиссию. И что же? Департамент личного состава и хозяйственных дел, поразмыслив о том, в каком из департаментов могли трудиться представительницы прекрасного пола, попросил ответить на поставленные вопросы лишь 2-й (внутренний) департамент и Санкт-Петербургский Главный архив. Результат был плачевный: архив, ответив отрицательно лишь на первый вопрос: «Работают ли у вас женщины и в каком количестве?», вернул анкету чистой.

Во 2-м департаменте служили три женщины (принимать женщин на работу в Министерство иностранных дел начали с 1902 года). На вопрос анкеты «образовательный ценз» чиновник-исполнитель ответил сначала «нет», а потом зачеркнул и написал: «образование среднее», то есть гимназическое. Все трое были замужем, заработок их составлял от 40 до 50 рублей в месяц, то есть меньше, чем у мужчин, выполнявших аналогичную работу.

Выдавались ли наградные?

Ответ был утвердительным, но установленной суммы для наградных женщинам в департаменте не существовало, хотя, поспешили заверить чиновники, получалось не меньше 100 рублей в год. Регулярную прибавку к жалованью для женщин тоже ещё не предусмотрели, а на вопрос, принимается ли во внимание выслуга лет, ответили в том же духе: *«Ничего обязательного в этом*

отношении не установлено». В графе «примечания» написали, что все указанные женщины — вольнонаёмные.

Так что женская эмансипация до коридоров Министерства иностранных дел тогда ещё не добралась.

Глава четвёртая

Секретные экспедиции МИД

*Бог — великий музыкант,
вселенная — превосходный
клавесин, мы лишь смирен-
ные клавиши.*

Н. М. Карамзин

В мае 1806 года управляющий Министерством иностранных дел князь А. А. Чарторыйский (1770—1861) направил секретарю русской миссии в Гааге К. В. Нессельроде, исполнявшему обязанности главы миссии, указание о закрытии миссии в связи с «замышляемыми Бонапартом в отношении Батавской республики изменениями»*. Нессельроде рекомендовалось покинуть страну со всеми своими сотрудниками и членами их семей, как только станет ясно, что «развязка приближается».

«Уезжая, поручите консулу Боттлинку сообщать нам обо всём примечательном... — писал Чарторыйский, —...и если Вы не увидите в этом серьёзных неудобств, Вы можете доверить ему один из имеющихся в Вашем распоряжении шифров, внеся в него необходимые с Вашей точки зрения изменения, чтобы в случае чего он не был раскрыт».

Шифры и коды являлись важным инструментом осуществления дипломатии, и о них, с одной стороны, заботились, их оберегали, а при надобности — уничто-

---

* Изменения состояли в том, что Наполеон решил преобразовать республику в королевство и посадить на трон своего брата Людовика.

жали, чтоб они не попали в чужие руки. Специальных людей — шифровальщиков — тогда ещё не было, и главы миссий, получая перед отъездом в страну назначения шифры, сами хранили их, сами зашифровывали и расшифровывали с их помощью дипломатические депеши. С другой стороны, в тайну шифров могли свободно посвятить какого-либо пользующегося доверием иностранца, как в данном случае голландца Боттлинка. В те времена ещё существовал дворянский кодекс чести, и считалось, что «благородный» человек никогда не станет предателем. Такое доверие к иностранным подданным было в ходу не только в России, а во многих странах и дворах Европы, и иностранцев охотно принимали на государственную службу.

Специальные органы — секретные экспедиции МИД, занимавшиеся шифрованием, дешифровкой и перлюстрацией, — тем не менее, существовали давно. Криптографы занимались как разработкой шифров, так и их практическим использованием при обработке исходящих и входящих депеш внутренней переписки. Кроме того, сотрудники секретных экспедиций, как мы уже говорили выше, трудились и над расшифровкой чужих телеграмм и донесений, и в этом им помогала служба перлюстрации.

При Министерстве иностранных дел России всегда существовал упомянутый уже нами «чёрный кабинет» (служба перлюстрации), регулярно и в достаточном количестве снабжавший его руководство информацией о секретах своих иностранных коллег. Корреспонденция иностранных дипломатов в Петербурге перлюстрировалась, то есть вскрывалась, с донесений снимались копии, письма снова закрывались и отправлялись по назначению.

Бывший царский цензор и автор книги «Чёрный кабинет» С. Майский утверждает, что иностранная дипломатическая корреспонденция попадала в «нужные» русские руки практически полностью. Иностранцы прибегали к защитным мерам, сдавая свою корреспонденцию в почтамте за несколько минут до её отправления на вокзал, но и это не спасало их от вторжения специалистов из «чёрного кабинета». Не помога-

ли и так называемые особые *постпакеты*, коды и специальные портфели с замками.

В «коллекции» 1-й экспедиции МИД имелся полный набор образцов печатей всех иностранных консульств и посольств в Петербурге, а также копии многих их шифров, что давало возможность прочитывать не только почтовые, но и телеграфные депеши. Когда же документы отправлялись с курьерами и в кожаных портфелях с «хитрыми» замками, специалисты «чёрного кабинета» пускали в ход «презренный» металл. Майский пишет, что не помнит случая, чтобы золото не открыло замок к нужным секретам. Дело значительно упростилось и ускорилось, когда для снятия копий стала использоваться фотоаппаратура. Прогресс всегда имел прикладное шпионское значение.

Все или почти все курьеры и фельдъегеря, перевозившие почту иностранных посольств, были подкуплены и находились на содержании МИД России. За весьма небольшую мзду, выплачиваемую разово или помесечно, они приносили в указанное место и в указанное время не только всё содержимое почтовых корзин, стоявших у письменного стола их начальников-дипломатов, но и копируемые книги из канцелярии, черновики и подлинники писем и официальных донесений и даже целые коды и шифровальные ключи. Они брали у задремавшего хозяина ключи от письменного стола или несгораемого шкафа, снимали с них отпечаток из воска, заказывали дубликаты ключей и даже запускали в канцелярию ночью «таких лиц, которые брали всё, что было нужно».

«Поражаться надо было доверию некоторых послов к своим лакеям, которые продавали их за гроши, — писал С. Майский. — Однажды произошёл такой случай: вместо одного посла великой державы был назначен другой, который должен был с собой привезти весь новый штат служащих, так как прежний посол старым своим слугам не доверял, но в письме к новому послу очень ходатайствовал за одного, по его выражению, незаменимого человека — своего выездного лакея, то есть именно за то лицо, которое за незначительное месячное вознаграждение доставало из посольства всё, что было угодно». Это был уже не выездной, а выносной лакей!

Русским перлюстраторам были известны три способа подделки печатей: способ четырёхкратного переснятия образца, амальгамный и изготовления печати из твёрдого металла. При первом способе оттиск печати переснимался четыре раза: сначала негатив воском, потом позитив гипсом, вновь негатив свинцом и, наконец, позитив, уже на самом письме, сургучом. Недостаток этого способа состоял в том, что конечный оттиск печати был не совсем чётким. В середине XIX века один из чиновников Министерства иностранных дел изобрёл способ изготовления печатей из серебряного порошка с амальгамой. Способ был хорош во всех отношениях, но имел один существенный недостаток: печати были хрупкие, недолговечные и из-за неосторожного обращения ломались. Лишь в начале XX века другой чиновник МИД изобрёл остроумный способ изготовления поддельных печатей из твёрдого металла. Чёткость оттиска получалась при этом безукоризненной, печать — долговечной, а время для её изготовления исчислялось минутами. Этот чиновник, сконструировавший также аппарат для вскрытия писем паром, по докладу самого П. А. Столыпина «за *полезные и применимые на деле открытия*» был награждён орденом Владимира 4-й степени.

Конечно, перлюстраторам приходилось работать в достаточно нервной обстановке, диктуемой дефицитом времени. Курьеры секретной экспедиции появлялись на почте сразу после сдачи интересующего их письма в почтовую экспедицию. Письмо в присутствии курьера или дипломата иностранного посольства тут же заделывалось в защитный постпакет и откладывалось для отправки. Его нужно было перехватить до этого момента, и курьеры нервничали и бранились с почтовиками за то, что те долго «копались» и искали нужный пакет. Получив его, они мчались в «чёрный кабинет» и сдавали его перлюстраторам. Открыв письмо, те немедленно его копировали, а после изобретения фотографии — переснимали. Первые снимки делались под вспышки горящей ленты магния. Таким образом, во время пересъёмки выделялось много дыма. Окна кабинета, чтобы не привлекать внимание служащих почтамта, были плотно закрыты ставнями, так что дышать в

нём было нечем. Работа в «чёрном кабинете» была вдобавок ещё и вредной.

К началу XX века секретная часть секретной экспедиции Министерства иностранных дел на почтамте выглядела примерно следующим образом. «Чёрный кабинет» МИД маскировался от посторонних взоров какой-нибудь вывеской типа: «Посторонним вход воспрещён». В прихожей стоял шкаф, служивший дверью для прохода в самую секретную часть. Для того чтобы открыть дверь-шкаф, нужно было нажать одновременно на две дощечки паркета на полу и нажать или повернуть какое-нибудь украшение шкафа. Дверь закрывалась автоматически сразу после прохода чиновника. В следующей комнате, снабжённой пневматической связью с главным телеграфом, проводились регистрация поступивших телеграмм, их разбор по странам и передача по принадлежности дешифровальщикам.

С каждой телеграммой работали два криптографа. У них имелись уже готовые коды, и после расшифровки перехваченной депеши они заносили результаты своей работы в особую книгу. Книга передавалась в следующую комнату, в которой полученная информация сортировалась по темам. Если в шифротелеграмме затрагивались два-три разных вопроса, то из неё делались две-три разные выписки. Один экземпляр выписок хранился здесь же, второй посылался министру иностранных дел.

В третьей комнате располагались перлюстраторы, у них тоже была пневматическая связь с главным почтамтом, так что с изобретением пневматики надобность в специальных курьерах, к счастью, отпадала. Получив безлично нужное письмо, перлюстраторы немедленно вскрывали постпакет, фотографировали или списывали текст вложения, переводили его на русский язык и направляли в соседний кабинет дешифровальщикам. Постпакет закрывали, заклеивали, опечатывали подделанной печатью и по пневматической трубе отправляли его обратно на главпочтамт. Работа была поставлена буквально на поток.

«Чёрные кабинеты» существовали везде, но нигде это

подразделение так чисто и аккуратно не работало, как в Петербурге, вспоминал один из асов перлюстрации С. Майский. Он же писал, что немецкие и австрийские перлюстраторы работали очень грубо — в секретном деле немецкая аккуратность почему-то не подтверждалась. Вскрытые русскими перлюстраторами письма не носили на себе никаких следов этого злоупотребления. Даже опытный перлюстратор не мог иногда обнаружить факт вскрытия того или иного письма. Никакие ухищрения отправителя — царапины на печати, заделка в сургуч волоска, нитки или клочка бумажки — не гарантировали письмо от искусного вторжения сотрудника «чёрного кабинета». Просто на перлюстрацию «хитрого» письма требовалось чуть больше времени.

Граф Ламздорф в своём дневнике описывает случай, когда о возможной перлюстрации своей корреспонденции стал догадываться германский посол в Петербурге. Причиной этого послужила излишняя болтовня министра Лобанова-Ростовского — частый порок русских высокопоставленных лиц. В беседе с одним иностранным дипломатом министр повёл речь о том, что явно не могло быть известным из официальных источников. Собеседник министра сообщил об этом немцу, а тот известил Берлин и потребовал для своей переписки новый шифр. Всё это в конечном итоге стало известно сотрудникам «чёрного кабинета», и чиновник секретной экспедиции Сабанин был вынужден сделать Лобанову деликатный реприманд*, который князь ловко переадресовал вице-директору канцелярии Вакселю, порекомендовав ему «высокую осмотрительность при обращении с секретными документами». Как говорится, с больной головы на здоровую!

Сохранились документы, позволяющие нам судить о характере кипучей деятельности секретной экспедиции канцелярии МИД России в начале XIX века. Управляющий 1-й экспедицией А. А. Жерве 8 марта 1812 года писал главному «цифирному» специалисту Х. И. Миллеру:

«Г. Канцлеру (то есть Румянцеву. — Б. Г.) угодно, чтобы Вы, милостивый государь мой, Христиан Иванович,

---

* Выговор, упрёк (*фр.*).

немедленно занялись составлением двух совершенно полных лексиконов как для шифрования, равно и для дешифрования на русском и французском языках, и чтобы Вы снеслись по сему предмету с Александром Фёдоровичем Крейдеманом, стараясь соединёнными силами привести работу сию к скорейшему и успешному окончанию».

В этот период лексиконы или словари для шифрования и дешифрования (цифири) уже изготавливались типографским способом.

После изготовления «цифири», то есть кода, составлялась докладная записка примерно следующего содержания:

«В Государственную коллегия иностранных дел

От нижеподписавшегося покорнейшее доношение.

Составив по приказанию сей Коллегии новую генеральную цифирь на русском и французском языках, ею одобренную, и отобрав цены за изготовление передвижных машин, равно и за напечатание наборных и разборных таблиц и за бумагу, имею честь представить о том подробную записку, прося покорнейше помянутую Коллегию благоволить на сей расход определить сумму.

Коллежский советник Христиан Миллер.

Октябрь дня 3-го 1804 года».

В прилагаемой записке указывалась смета расходов:

«*За машины:*

За 15 машин с двойными передвижными дощечками по 125 рублей, за пару — 1875 рублей.

Типографщику:

за набор разборных таблиц для российской цифири с напечатанием по 20 рублей, за таблицу — 40 рублей;

за набор двух разборных таблиц для французской цифири с напечатанием по 20 рублей, за таблицу — 40 рублей;

за набор одного листа и напечатание чисел и букв, принадлежащих к разборным таблицам обеих сих цифирей — 10 рублей;

за набор 112 $\frac{1}{2}$ страниц российской наборной азбуки и напечатание по 30 рублей за страницу, а за все 112 $\frac{1}{2}$ страниц — 3375 рублей;

за набор 122 1/2 страниц французской наборной азбуки и напечатание по 30 рублей за страницу, а за все 122 1/2 страницы — 3675 рублей.

Бумаги:

Александрийской 83 листа по 2 рубля 50 копеек каждая — 207 рублей 50 копеек.

Итого 9222 рубля 50 копеек.

Коллежский советник Христиан Миллер».

В это время в Министерстве иностранных дел действовал так называемый *Цифирный комитет*, в который входили наиболее опытные и квалифицированные криптографы. Коллективными усилиями чужие коды было легче «форсировать». Комитет занимался анализом и введением новых систем шифров, контролировал их правильное использование и хранение, выводил из употребления устаревшие или скомпрометированные шифры, составлял заключения и докладные по «цифирным» вопросам как руководству МИД, так и императору Александру I.

Надзор за цифирной службой МИД всю первую половину XIX века осуществлял лично министр и канцлер К. В. Нессельроде. Наши криптографы внесли огромный вклад в победу русской армии над наполеоновской, потому что им удалось расшифровать используемый Наполеоном для общения со своими маршалами код, и русское командование могло читать все или почти все его депеши.

После войны Александр I имел беседу с командующим одним из французских корпусов маршалом Ж. Э. Ж. Макдональдом (1765—1840) и сказал ему, что «мы всегда знали намерения вашего императора из его же собственных депеш».

— Я считаю очень странным, что Вы смогли их прочесть, — удивился француз, — кто-нибудь, наверное, выдал вам ключ?

— Отнюдь нет! — заверил его русский император. — Даю Вам честное слово, что ничего подобного не имело места. Мы просто дешифровали их.

Секретными экспедициями при Нессельроде заведовали П. Л. Шиллинг фон Канштадт (шифры и литография), Х. А. Бек (дешифрование) и Н. С. Лаваль

(перлюстрация). Учебным заведением иностранных языков заведовал Ф. П. Аделунг. Перепиской по политическим вопросам ведали два барона: по делам Востока — Ф. Бруннов, будущий посол в Англии, а по делам Запада — П. Л. Шиллинг. Говоря современным языком, бароны пользовались допуском № 1, то есть им доверялись все важные государственные секреты.

Как уже упоминалось ранее, в 1828 году секретные экспедиции канцелярии были преобразованы в департаменты внешних сношений, а в 1846 году — в особую канцелярию министерства, в которой стала сосредотачиваться вся политическая переписка МИД со своими загранучреждениями.

Постоянный рост шифрообмена потребовал поиска способов быстрого размножения шифродокументов, и такой способ был найден упомянутым выше Павлом Львовичем Шиллингом фон Канштадтом, выдающимся учёным и изобретателем. Он родился в Ревеле (Таллин) в 1786 году в семье командира Низовского мушкетёрского полка, окончил Первый кадетский корпус в Петербурге, служил в чине поручика в Генштабе русской армии, затем по семейным обстоятельствам оставил военную службу и перевёлся в Министерство иностранных дел и работал переводчиком русской миссии в Мюнхене. Будучи патриотично настроенным и преданным России, он во время Отечественной войны 1812—1814 годов возвратился в армию и в качестве штаб-ротмистра воевал в составе 3-го Сумского полка, получил награды за храбрость в боях. После войны он снова вернулся в систему МИД и обратил на себя внимание К. В. Нессельроде. По его поручению отправился в Баварию и изучил там изобретённый А. Зенфельдером способ литографирования. В 1817 году он установил в Министерстве иностранных дел литографию и был назначен её управляющим. В 1832 году цифирная часть МИД преобразовалась в экспедицию, и П. Л. Шиллинг стал её заведующим.

Шиллинг был страстным любителем и знатоком восточной культуры и скоро завоевал всеобщее признание как наилучший в мире литограф китайских рукописей. Он становится близким другом А. С. Пушкина, который

в альбоме Е. Н. Ушаковой оставил его карандашный портрет. В отзывах современников этот выдающийся русский криптограф и литограф, а также востоковед, этнограф, электротехник (изобретатель электрической мины и электромагнитного телеграфного аппарата) и коллекционер остался как умный учёный, необычайно толстый человек, весельчак, отличный говорун, игравший в шахматы две партии одновременно, не глядя на шахматные доски, и побеждавший обоих противников в один момент.

В истории криптографии Шиллинг прежде всего известен как изобретатель так называемого *биграммного шифра*. Двухзначные буквенные сочетания (латиница) составляют лексикон (цифирь) биграммного шифра, кодовыми обозначениями служат здесь двух-, трёх- или четырёхзначные числа, «взятые по два раза каждое для переменной передачи буквенных биграмм то одним, то другим числом». Внешне биграммный шифр представлял собой наборно-разборную таблицу, наклеенную на коленкор, при которой имелась инструкция по пользованию шифром. Буквенные сочетания лексикона могли быть русскими или французскими, могли быть и двойные русско-французские «цифири».

Переписка с помощью биграммного шифра Шиллинга велась на французском языке, и шифровались при этом биграммы, то есть двойные сочетания букв и знаков препинания, французского алфавита. Тип шифра — простая замена на 992 знака ($31 \times 31 = 992$) с пустышками. Шифровались не идущие подряд биграммы открытого текста, а буквы или знаки, расположенные на длине T периода транспаранта, на котором расписывалось передаваемое сообщение. Биграммы, таким образом, составлялись по вертикали из двух строк транспаранта: первая буква — из первой строки, вторая — из второй. Если в конце сообщения не хватало знаков второй строки, то недостающая её часть заполнялась произвольным образом, и шифровались уже отдельные знаки*.

---

* И хотя с современной точки зрения биграммный код не рассматривается как стойкий, описание его может показаться читателю достаточно сложным. Привожу его лишь для наглядности.

К шифру прилагались ключи. Шифр передавался пользователю с тремя ключами на французском языке вместе с пакетом бумаг. В феврале 1824 года шифр Шиллинга с ключами № 1, № 2 и № 3 был направлен цесаревичу Константину Павловичу; в январе 1826 года тот же шифр и ключ № 2 были переданы князю Меншикову перед его поездкой в Персию, а в 1828 году К. В. Нессельроде получил этот шифр для отправления в Америку.

Предельный срок действия биграммного шифра определялся Цифирным комитетом в шесть лет — если, конечно, он не был скомпрометирован ранее. С 1858 года этот срок сократился до трех лет, хотя на практике эти строгости не всегда соблюдались.

В мидовской литографии печатались не только шифры, но и другие документы, в том числе материалы перлюстрации. Литографированные копии перлюстрированных материалов барон Шиллинг ежедневно отправлял на просмотр министру, а тот на своё усмотрение передавал их государю императору. Чтение перлюстрированных писем иностранных послов и других особ было любимым занятием императоров всех времён и народов. Русские монархи в этом отношении не являлись исключением.

Барон был заботливым начальником. Сохранилось его ходатайство к Нессельроде о поощрении своих сотрудников: «Литографские ученики Ефимов, Пальцев и Григорьев при хорошем поведении усердным исполнением своей должности, а первый из них сверх того и оказанным искусством в печатании противу своих товарищей, заслуживают внимания начальства, почему долгом поставляю себе испрашивать у вашего сиятельства в награждение им, первому звание унтер-офицера и 75 рублей, а двум последним по 50 рублей, равно и переплётчику Пазову, занимавшемуся наклейкою цифирных таблиц, 100 рублей».

Вышестоящее начальство тоже ценило своих криптографов и тоже старалось поощрить их за достигнутые успехи. Граф К. В. Нессельроде в письме от 23 марта 1830 года извещал Шиллинга о всемилостивейшем пожаловании ему тысячи голландских червонных

«без всякого вычета из государственного казначейства». Вместе с бароном Николай I повелевал наградить коллежского советника Нестеровича и советника VII класса Иванова премией в размере двух тысяч рублей ассигнациями каждому, надворного советника Геслера — удостоить знаками ордена Святой Анны 2-й степени, титулярных советников Гасса и Быкова — повысить в чине, а титулярному советнику Рахонину — подарить бриллиантовый перстень стоимостью тысяча рублей.

Когда в 1835 году Шиллинг заболел и собрался ехать на лечение в Европу, ему как носителю высших государственных секретов пришлось хлопотать об особом разрешении государя. Такое высочайшее разрешение на выезд за границу было дано, о чём тот же Нессельроде известил своего подчинённого. Но начальство есть начальство, оно и выезд барона для поправления расстроенного здоровья использовало в служебных целях. «...Дабы сделать пребывание Ваше в чужих краях полезным для службы, поручается Вам заняться нижеизложенными предметами, поелику то обстоятельства Вам позволяют...» — писал канцлер.

Среди «нижеизложенных предметов» значились: ознакомление с новыми открытиями в области электромагнетизма (электричества), изучение преимуществ и недостатков телеграфических систем Пруссии, Франции и Англии. Требовалось также «узнать в полноте изобретённый способ доктора Рейхенбаха обугливать до 80 кубических саженой дров... в особенно устроенных для сего печах» и «присутствовать в Бонне в собрании естествоиспытателей, имеющем быть там в сентябре месяце». Создаётся впечатление, что Павел Львович ехал не на лечение, а в разведывательную командировку, не оставлявшую ему никаких шансов на то, чтобы заняться поправкой пошатнувшегося здоровья. Впрочем, Нессельроде подсластил высочайшее поручение высочайшим же обещанием «сохранить Вам, яко чиновнику и за границей имеющему заниматься делами службы, положенное Вам жалование».

П. Л. Шиллинг умер в 1837 году и с почестями был похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге, а его шифры употреблялись ещё около тридцати лет, пока не

были заменены на более совершенные — *биклавные*, изобретателем которых стал уже при князе А. М. Горчакове другой барон — Дризен, а также коды алфавитные с перешифровкой барона Дризена и М. Сухотина, коды многозначные Г. Гамбургера, экономические Рума и др.

У дипломатов России в секретной части были не только успехи — были и неудачи, поражения, провалы. Так, в 1888 году в миссии в Пекине имела место крупная кража шифров. Вряд ли русскими кодами заинтересовались китайцы, с определённой степенью уверенности можно говорить о тонкой работе британской Интеллидженс сервис. Службы контрразведки и безопасности в то время в России практически отсутствовали, сами дипломаты серьёзной подготовки по части секретного делопроизводства не проходили, так что до Первой мировой войны в этой области царил полный хаос и беспорядок. Период, предшествовавший 1914 году, вошёл в историю как «годы украденных шифров», причём все воровали у всех. Научились действовать к этому времени и дешифровщики или *форсёры*. Шифры были, в общем-то, несложными, зачастую однотипными, и специалисты легко *форсировали* их и достигали в своём деле впечатляющих результатов.

В период Русско-японской войны дипломатические шифры Певческого Моста продемонстрировали свою уязвимость. Вероятно, поэтому товарищ министра Оболенский направил в миссию в Афинах следующую секретную телеграмму, датированную 26 ноября 1904 года: «В виду ненадёжности морского шифра благоволите при использовании им соблюдать следующее: отыскать в наборной тетради нужную словарную величину, отсчитать тринадцать следующих за ней и избрать для данной одно из чисел, соответствующее тринадцатой словарной величине, причём словарные величины считать только те, которые отлитографированы, а не вписаны...

При расшифровании: отсчитать в той же тетради от словарной величины, соответствующей по разборной тетради цифровой группе телеграммы, тринадцать предыдущих словарных величин, причём тринадцатая будет искомая.

Черновики проекта сжигать, и о получении телеграммы уведомить».

Хочется надеяться, что шифровальщик миссии в Афинах понял в этой инструкции не только последнее предложение, но и предыдущие тоже.

Шифровальная служба Министерства иностранных дел России в конце XIX — начале XX века выглядела довольно примитивно. При канцелярии министра был шифровальный департамент с двумя отделениями. В одном из них под руководством барона К. И. Таубе шифровались исходящие из Центра депеши в посольства, консульства и миссии; в другом во главе с Н. К. Долматовым* анализировались копии с шифротелеграмм, перлюстрированных «чёрным кабинетом» на главпочтамте и службами перлюстрации в Москве, Варшаве, Киеве и Одессе, где находились иностранные консульства. Как вспоминал известный русский криптограф В. И. Кривош-Неманич, среди десяти—двенадцати сотрудников этого отделения настоящими специалистами были всего два-три человека, а остальные о шифровании и дешифровке имели весьма отдалённое представление. Специальных учебных заведений для подготовки криптографов в России не было, и набор сотрудников в криптографическую службу МИД проводился «на глазок».

Во втором отделении ощущалась острая нехватка переводчиков с редкими языками: так, к примеру, для анализа китайских текстов привлекался профессор Попов из Петербургского университета, а для обработки японских текстов — его однофамилец, окончивший факультет восточных языков. За переводом с венгерского обращались к упомянутому Кривошу-Неманичу, работавшему в Генштабе. Цензоры Комитета иностранной цензуры Смирнов и Жуковский переводили с турецкого и персидского. Всем этим внештатным сотрудникам разрешалось брать коды для работы на дом.

Коды иногда приобретались у некоего де Вернина, открывшего специальное агентство по снабжению желающих шифрами в Брюсселе и в Вене. Он подкупал шифровальщиков и курьеров иностранных посольств и размножал полученные коды, делая вполне прилич-

---

* Не путать со статским советником А. А. Долматовым.

ные фотокопии. Греческий, болгарский или испанский коды можно было купить за 1500 рублей, в то время как коды Германии, Японии или США стоили от 5 до 15 тысяч. Если в данный момент того или иного кода не было, можно было его заказать, и через некоторое время заказ выполнялся. Не одни русские дипломаты пользовались услугами бельгийского авантюриста — к ним прибегали дипломатические и разведывательные службы всех стран, не скупившиеся на покупку секретов. Второе отделение шифровального департамента Министерства иностранных дел имело целую коллекцию иностранных кодов и делилось ими с Генштабом, с Министерством внутренних дел и Департаментом полиции.

Однажды дешифровальщики долго не могли купить германский код, и тогда они сделали его «обновление» с помощью многочисленных копий, доставленных службой перлюстрации. Трудились над этим два человека, и когда работа уже в значительной степени продвинулась, немцы вывели этот код из обращения, заменив ключ. Вся работа пошла насмарку.

За 1913—1914 годы сотрудники второго отделения раскрыли текст 2939 шифротелеграмм, из которых австрийских было 569, германских 171, болгарских 246 и турецких 181. Все годы войны продолжал работать и организационно-идеологический центр криптографии — Цифирный кабинет, в который входили товарищ министра А. Нератов, заместитель заведующего (вице-директор) Н. А. Базили*, В. Арцимович, барон К. И. Таубе, Э. Феттерляйн, Ю. А. Колемин, М. Н. Чекмарёв, помощник министра С. Д. Сазонова Н. Г. Шиллинг и И. И. Фандер-Флит. Кстати о Шиллингах: в это же самое время канцелярией Сазонова заведовал барон Маврикий Фабрианович Шиллинг!

Война показала настоятельную необходимость в надёжных и удобных шифрах, и Цифирный комитет предложил срочно разработать и изготовить особые

---

* *Николай Александрович Базили* (1883—1963) — в 1912—1914 годах — вице-директор канцелярии МИД, в 1916—1917 годах — заведующий дипломатической частью канцелярии главнокомандующего русской армией, после 1917 года в эмиграции. Автор книг «Россия под советской властью» (Париж, 1937) и «Дипломатия Российской империи» (Стэнфорд, 1973).

дипломатические наборные и разборные словари на 10 тысяч знаков с таблицами и ключами для перешифровки. Работа затянулась, и осенью 1917 года руководство криптографической службы Министерства иностранных дел доложило уже Временному правительству о том, что выполнение намеченной программы провалилось, и вместо неё предлагался упрощённый вариант с трёхзначными словарями.

Причиной этой неудачи послужила не профессиональная непригодность, а организационная неразбериха, охватившая Россию снизу доверху, и назревавший крах. За несколько недель до революции Ю. А. Колемин подал министру докладную записку, в которой жаловался на то, что сотрудники криптографической службы зачислены в разряд «второсортных» специалистов, что их труд не ценится и что вознаграждение их не соответствует важности работы.

Восьмого октября 1917 года состоялось собрание служащих шифрослужбы Министерства иностранных дел, выразившее благодарность Колемину и Чекмарёву за их усилия по улучшению деятельности службы. А 19 октября каждый из чиновников этой службы подписал текст присяги Временному правительству, составленную всё тем же неутомимым Колеминым:

«Я, нижеподписавшийся (далее следует звание, имя, фамилия и отчество), вступая в исправление моих обязанностей, обещаю, что буду всегда свято и ненарушимо соблюдать перед посторонними лицами молчание о всех материалах, при помощи которых я буду исполнять наложенное на меня ведение секретной переписки Министерства иностранных дел. Обещаю, что буду свято и ненарушимо сохранять в тайне от посторонних лиц все сведения, которые будут проходить через мои руки и перед глазами моими при ведении этой секретной переписки. Обещаю, что буду всегда осторожно, обдуманно и предусмотрительно обходиться с вверенными мне тайными материалами, обещаю, что всегда буду осторожно, обдуманно и предусмотрительно относиться к тем условиям, при которых я могу с сослуживцами по отделению говорить об имеющихся у нас профессиональных сведениях, дабы всеми силами моими содействовать ненарушимости и не-

проницаемости этих тайн, составляющих собственность не мою, а доверяющего их мне Министерства, ведающего при помощи их, через меня, интересами моего Отечества. Обещания сии подкрепляю благородным и честным словом».

Это, конечно, не шедевр канцелярско-бюрократического жанра — в тексте ощущается налёт торопливости и смысловой тавтологии, как будто автор замешкался перед наступлением грядущего грозного события. Впрочем, ведь так оно и было: до Октябрьского переворота оставалось шесть дней.

Глава пятая

Как становились дипломатами

К делам иностранным служителей коллегии иметь верных и добрых, чтобы не было дыряво, и в том крепко смотреть...

Пётр I

Отбор лиц, поступавших на дипломатическую службу, в целом был весьма строгим и тщательным во всех отношениях. Оно и понятно: дипломатия является средоточием внешнеполитических секретов государства, и допускать к ним, как писал царь Пётр, нужно людей надёжных, верных и добрых.

Тем не менее чётких правил отбора и приёма юношей в дипломатическое ведомство долгое время не было. Во всём господствовали случай, субъективное мнение и высочайшее повеление государя — лишь бы «не было дыряво». Субъективность процесса подбора кадров усугублялась ещё и тем обстоятельством, что внешнеполитический аппарат Российской империи был невелик, и ежегодный набор новых людей в Министерство иностранных дел в середине XIX века не превышал двадцати человек. В таких условиях было трудно придерживаться каких-либо правил, и большинство дипломатов в первой

половине века набирали из военных. В царствование Николая II военные по-прежнему составляли большой процент — 20 процентов вновь поступавших на службу в МИД. Конечно, они не представляли собой идеальный контингент, но других источников пополнения дипломатических кадров в России тогда просто не было.

Поэт П. А. Вяземский, давая портрет генерала А. Ф. Орлова, ставшего потом дипломатом, писал: «Орлов никогда не готовился к дипломатической деятельности. Поприще его было военная и придворная служба... Конечно, не явил он в себе ни Талейрана, ни Меттерниха, ни Несельроде, но светлый и сметливый ум его, тонкость и уловчивость, сродные русской натуре и как-то дружно сливающиеся с каким-то простосердечием, впрочем, не поддающимся обману, заменяли ему предания и опытность дипломатической подготовки...»

В 1802 году родились амбициозные планы учредить при Министерстве иностранных дел дипломатическое училище, но, как всегда, у казны не хватило средств, да не было и нужных квалифицированных преподавателей. Ограничились тем, что при Коллегии иностранных дел всё-таки создали Переводческое отделение, в котором с десятков молодых дипломатов обучалось восточным и европейским языкам. Для совершенствования языковых и других специальных знаний студенты отправлялись на стажировку в другие страны, прежде всего в Константинополь, где при русской миссии было училище на девять мест для изучения турецкого, греческого, арабского, итальянского и французского языков. Четыре стажёра проходили обучение китайскому и маньчжурскому языкам при Российской духовной миссии в Пекине. Позже это Переводческое отделение развилось и переросло в уже упомянутое нами Учебное отделение Азиатского департамента.

При Александре I на дипломатическую службу стали поступать из стен Царскосельского лицея, который открылся лишь в 1811 году. Первым директором лицея стал чиновник Коллегии иностранных дел Василий Фёдорович Малиновский — умный и прогрессивно мыслящий человек, автор чрезвычайно смелых сочинений: трактата «Рассуждение о войне и мире» и записки

«О освобождении рабов». Думается, его назначение на этот пост не явилось случайностью: руководство КИД было заинтересовано в том, чтобы знающий человек мог непосредственно наблюдать за воспитанием и подготовкой учащихся лица. С выпускниками лица, которые должны были пойти по дипломатической линии, специально занимался и второй директор лица Егор Антонович Энгельгардт. Он заказывал им из Коллегии иностранных дел дипломатические документы, и лицеисты на конкретном материале знакомились с азами дипломатии. Среди этих лицеистов были Саша Горчаков, Саша Пушкин и Вилли Кюхельбекер, будущие сотрудники дипломатического ведомства.

Да, мало кому известно, что лицейский товарищ Пушкина Вильгельм Карлович Кюхельбекер после окончания лица тоже был определён в дипломатическое ведомство. Согласно формулярному списку Департамента личного состава и хозяйственных дел за 1820 год, Кюхельбекер, из дворян, от роду 24 лет, «Высочайшим Именным Указом определён из Императорскаго Царскосельскаго Лицея в Коллегию Иностранных дел титулярным советником, 1817 года июня 13-го». Впрочем, «Кюхля» задержался в системе КИД не надолго и уже 20 августа 1820 года подал прошение об увольнении. Менее чем через три месяца его просьба была удовлетворена: «По представлению Коллегии уволен Правительствующим Сенатом вовсе со службы с чином коллежскаго асессора, того же (1820. — Б. Г.) года, ноября 11». «Кюхля» был первым, но не последним русским поэтом, не прижившимся на дипломатической службе. Правда, у каждого из них на этот счёт были свои причины. (Что касается Кюхельбекера, мы о них скажем ниже.)

Большинство лицеистов, определённых по дипломатической части, включая вышеупомянутых, были, по меткому выражению С. А. Соболевского, товарища А. С. Пушкина, «архивными юношами»^{*}:

---

^{*} *Сергей Александрович Соболевский* (1803—1870) учился вместе с «кудрявым мальчиком» Львом, младшим братом А. С. Пушкина, в благородном пансионе при Петербургском университете, где, в частности, преподавали В. К. Кюхельбекер и А. И. Тургенев. Александр Пушкин часто навещал своего брата в пансионе и познакомился с Соболевским.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про неё между собою
Неблагодарно говорят
(*Евгений Онегин*. 7, XLIX).

Поводом для этого прозвища послужил тот факт, что чуть ли не все молодые начинающие дипломаты, включая А. С. Пушкина, В. К. Кюхельбекера и С. А. Соболевского, поначалу определялись набираться опыта в Главные архивы Коллегии иностранных дел в Петербурге и Москве. Правда, ни знаменитый наш поэт, ни его товарищи «Кюхля» и Соболевский дипломатической карьеры не сделали — она показалась им слишком пресной и скучной.

«Архивным юношей» был ещё один москвич и ещё один Александр Сергеевич — Грибоедов, у которого, по-видимому, к несчастью, эта карьера задалась. Отцы двух лицеистов — Фёдора Фёдоровича Матюшкина (1799—1882) и Михаила Лукьяновича Яковлева (1798—1868) были дипломатами: первый был советником русской миссии в Штутгарте, а второй служил в Московском государственном архиве. Маленький Федя Матюшкин родился в неурочное время: отец его был занят отслеживанием Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова, в Штутгарте не оказалось православного священника, и новорожденного пришлось крестить в лютеранской церкви. Отец будущего адмирала Ф. Ф. Матюшкина скончался потом в Германии, а его мать Анна Богдановна, испытывавшая большие материальные трудности, с трудом выбралась на родину и определила его в Царскосельский лицей.

Потом идея о специальном дипломатическом училище будет забыта, поскольку возобладала точка зрения, что дипломатия — это искусство, государству нужны были люди талантливые, в то время как любое училище может подготовить для него лишь ремесленников. Вот и вышло, что Царскосельский лицей, над которым изначально витал дух дипломатии, стал основным поставщиком кадров для Министерства иностранных дел России и в последующие годы. Но если во времена Пушкина назначение по дипломатической линии не рассматри-

валось как слишком престижное, то постепенно это положение менялось, и выпускники лицея потянулись на Певческий Мост. Многие русские дипломаты, вслед за Горчаковым, получили своё базисное образование в Царском Селе, в частности, почти все его преемники на министерском посту: Н. К. Гирс, А. Б. Лобанов-Ростовский, А. П. Извольский и С. Д. Сазонов.

К подготовке кадров для работы в странах Востока был применён иной, более профессиональный, подход. В отношении их идея специального училища всё-таки осуществилась: в 1823 году при Азиатском департаменте, как мы уже не единожды упоминали, было открыто специальное Учебное отделение восточных языков, на котором молодые дипломаты, помимо восточных, изучали и европейские языки, а также историю и географию азиатских стран, мусульманское и международное право, нумизматику. Срок обучения в отделении потом был доведен до трёх лет. Основным поставщиком кадров для отделения стали факультет восточных языков Петербургского университета, Лазаревский институт восточных языков в Москве и Казанский университет. За период до 1908 года через Учебное отделение восточных языков прошли около 220 специалистов. А специалисты получались высококлассные.

Выпускники Александровского лицея в среднем составляли примерно 10 процентов сотрудников Министерства иностранных дел, так что большинство дипломатов приходили из других российских университетов, юридических и военных училищ, из Пажеского корпуса и из других министерств и ведомств. Известный мемуарист и бытописатель Ф. Ф. Вигель (1786—1856) в 15-летнем возрасте тоже попал в Московский архив Коллегии иностранных дел, где встретился с хромым Н. И. Тургеневым (1789—1871), выпускником Московского университета. Вигелю не удалось удержаться в системе внешнеполитического ведомства из-за недостатка образования.

Особое внимание уделялось институту *драгоманов* — переводчиков восточных языков, посвятивших свою жизнь изучению лишь одной страны, её языка, культуры, истории, традиций, нравов и обычаев. Драго-

манам предоставлялась возможность поступать в систему Министерства иностранных дел без испытательных экзаменов, их особенно не хватало в консульствах, где надобность во французском языке, языке дипломатии, в общении с местным населением практически отсутствовала. Поэтому наряду со званием драгомана они получали ранг секретарей консульств. Позже, если они претендовали на занятие дипломатических должностей или на руководство консульским учреждением, то должны были сдать квалификационные экзамены на общих основаниях.

Говоря о том, что костяк дипломатических кадров составляли дворяне, не нужно забывать, что последние являлись тогда самым образованным сословием России, и на них опиралась вся система государственного управления империей. Других кадров у царя не было, так что вполне естественно, что и во внешнеполитической области он опирался на слой «служилых» людей. Но дворяне, составлявшие в середине XIX века всего 1,6 процента населения страны, не смогли полностью удовлетворить спроса Министерства иностранных дел на нужные кадры, так что в МИД постоянно существовал «кадровый» голод. Ещё вице-канцлер А. И. Остерман (1686—1747) жаловался на нехватку людей «из знатных и честных домов, доброго житья», а при А. М. Горчакове она лишь увеличилась. В 1873 году Департамент личного состава и хозяйственных дел сетовал на то, что «...образованные молодые люди уже не с прежней готовностью поступают на службу в министерство», и объяснял это «...невыгодностью дипломатической и консульской карьеры, в которой при недостаточности материального обеспечения повышения совершаются крайне медленно... Ещё не так давно обаяние чужих краёв было у нас так сильно, что перспектива служить при миссии или консульстве, хотя бы и без жалования, привлекала в министерство цвет образованной молодёжи». Теперь же, когда заграница стала общедоступной, профессия дипломата утратила свою притягательную силу.

И тогда кадровая служба Министерства иностранных дел, естественно, обратила свои взоры на другие, помимо дворянства, социальные слои населения. В МИД

стали приглашать сыновей купцов, мелких чиновников и вообще разночинцев, а в XX веке — даже крестьян. Д. А. Абрикосов, выходец из старинной московской купеческой семьи, вспоминал, как он, мелкий служащий Московского архива Министерства иностранных дел, пытался выйти на дипломатическую «тропу». Он часто обедал у князя П. А. Голицына, директора архива, и тот удивлялся желанию молодого купчика стать дипломатом. Абрикосов терпеливо объяснял ему, что времена меняются, что и купцы теперь стали образованными и «учёными», и это, в конце концов, убедило князя, и он даже стал «натаскивать» Абрикосова в некоторых «дипломатических премудростях».

Купеческая и разночинная прослойка в министерстве к концу описываемого нами периода была достаточно представительной. Накануне революции посланником в Лиссабоне был П. С. Боткин, выходец из семьи известного врача. Трудился в Министерстве иностранных дел и его племянник С. Д. Боткин, а секретарь миссии в Рио-де-Жанейро Андреев и уже упоминавшийся нами Абрикосов, второй секретарь в Токио, тоже происходили из купцов. Так что если в начале XIX столетия дворяне составляли 80 процентов дипломатических кадров, то к началу XX их доля уменьшилась до 65 процентов*. Тенденция к уменьшению дворянской прослойки быстро прогрессировала, так что уже в 1911—1915 годах из поступивших в МИД 205 человек титулованных дворян было всего 9, в то время как крестьян — 23 человека! В 1915 году выходцы из крестьян составили 11,2 процента дипломатического состава. Как вспоминал И. Я. Коростовец, «плебеев», однако, «держали в рамках», в частности, их посылали работать куда-нибудь в восточные консульства, в то время как титулованных особ старались пристроить в какую-нибудь европейскую столицу. Как бы то ни было, а кадровая демократизация Министерства иностранных дел шла в ногу со временем.

На государственную и на дипломатическую службу во все времена активно брали иностранцев — как европейцев, так и азиатов, обладавших необходимыми язы-

---

* Общий процент дворян среди царских чиновников по всей Российской империи не превышал тогда цифры 31.

ковыми и страноведческими знаниями, а также навыками общения с туземным населением и властями. Ещё при Петре I русская дипломатическая служба получила интернациональное «обличье», и с тех пор процент иностранцев на дипломатической службе царской России только повышался: если в царствование Николая I лица нерусского происхождения среди дипломатических сотрудников составляли 68 процентов, то при Николае II — 81 процент.

Единые правила приёма служащих в Министерство иностранных дел были введены при А. М. Горчакове. Александр Михайлович стал тем министром, который ввёл для кандидатов в дипломаты испытательные экзамены, создав тем самым фильтр для богатеньких «недорослей» и дав шанс попробовать дипломатическую карьеру всем желающим*. Больше внимания при этом стало обращать на качество подбираемых кадров и правильную организацию их работы. При приёме новых сотрудников смотрели, конечно, в первую очередь на происхождение, возраст и знания, в то время как вероисповедание и национальность кандидата играли роль второстепенную.

Как для всех гражданских служащих империи, кандидат для работы в Министерстве иностранных дел не должен был быть моложе 16 лет, но верхней возрастной границы, как ни странно, установлено не было.

Существовало два принципа отбора:

а) *по праву происхождения* (дворяне потомственные, личные и прочие, дети чиновников и офицеров, дети финляндских чиновников не из дворян, дети русских священников и дьяконов, дети купцов 1-й гильдии и дети канцелярских служащих, учёных и художников);

б) *по праву воспитания*, то есть полученного образования.

Как мы видим, требования эти вряд ли можно было назвать ограничительными — наоборот, дорога в дип-

---

* Система конкурсных экзаменов существует в настоящее время во всех дипломатических службах Европы, а вот у нас в России стать дипломатом мимо МГИМО практически невозможно. Да и поступить в этот вуз простому смертному — это всё равно, что грешнику попасть в рай. Такая монополия и искусственная кастовость вряд ли идёт на пользу делу нынешней русской дипломатии.

ломатию открывалась представителям самых разных социальных слоёв. Во-вторых, а может быть, и во-первых, ценились знания. Так, в 1897—1898 годах без гимназического образования был взят лишь один человек, а количество лиц с высшим образованием приближалось к 60 процентам.

Вот выдержка из инструкции о правилах приёма на работу в МИД, разработанные при А. М. Горчакове:

«1. Всякий без исключения поступающий на службу по какой бы то ни было отрасли обязан подвергнуться предварительному испытанию своих способностей... Испытание должно производиться при двух ассистентах начальником той части, куда желает поступить определяющийся.

2. Засим всякий желающий поступить прямо на какую-либо должность дипломатическую... сверх вышеозначенного общего испытания обязан пройти ещё через другое... Испытание сие будет производиться по нижеследующей программе:

Испытание познаний. В круг сего испытания входят: 1) по части языков — знание языков русского и французского; знание латинского, немецкого и английского языков не обязательно, но умение говорить и писать на них, равно на польском... будет давать усугубленное право на определение к должностям; 2) по части наук: а) общие сведения по дипломатическим наукам... в особенности по правам международному и морскому; б) история мирных и других договоров, в которых участвовала Россия со времён Екатерины II; в) главные начала политической экономии и г) всеобщая статистика.

Испытание способностей: а) по внимательном прочтении данного ему дела представить письменное из него извлечение и словесно изложить понятия свои по оному; б) по предложенному предмету составить на русском и французском языках редакцию, из которой можно было бы удостовериться, в какой степени испытываемый чиновник усвоил себе этот предмет и изложил свои мысли и убеждения правильно и ясно...

... 4. Испытание на определение к дипломатической должности производится в присутствии членов Совета

Министерства иностранных дел, особо назначаемых на сей конец лиц, числом не менее трёх».

Эти двухступенчатые правила, распространяемые на всех лиц, — и на новичков, кто поступал на работу в министерство на общих основаниях, и на тех, кто желал занимать дипломатические должности, включая и тех, кто уже ранее трудился в системе МИД на технических должностях, будут работать до конца царского ведомства иностранных дел. В них только время от времени будут вносить некоторые непринципиальные дополнения и изменения. Например, предварительный экзамен, дающий право поступать на работу в министерство (см. п. 1), со временем становился всё более серьёзным, в то время как к экзамену на дипломатическую должность допускались лишь лица, прошедшие солидную стажировку и учёбу в центральном аппарате и за границей.

Какие вопросы задавались на экзаменах будущим дипломатам? К примеру, кандидата Е. Э. Шелькинга, поступавшего в Министерство иностранных дел в апреле 1883 года, попросили рассказать о русско-турецких трактатах во времена Екатерины II, из международного права — о порядке выдачи преступников, о доктрине Монро и условиях юридической силы международных договоров, по статистике — об экономическом и торговом значении морских портов Китая, а из политэкономии — о денежных знаках и причинах, влияющих на ценность бумажных денег. К. Д. Набокова, дядю известного писателя, поступавшего в МИД в 1897 году, спрашивали о Вестфальском трактате 1783 года и договорах России с Японией, о правилах расторжения брака, об экономической характеристике Кавказа, взаимном страховании, подоходном налоге и так называемых натуральных повинностях.

Как видим, требования к знаниям были достаточно серьёзными и высокими.

В последние годы существования царского Министерства иностранных дел «испытания для лиц, желающих служить по дипломатической части» (то есть для зачисления в кадры МИД; не путать с приёмными экзаменами, которые давали лишь возможность на правах «вольноопределяющихся» быть причисленными к тому

или иному департаменту министерства), проводились дважды в год, в последнюю пятницу ноября и первую пятницу мая (в 14.00). Председатель экзаменационной комиссии — как правило, товарищ министра — заблаговременно извещал членов комиссии об этом дне и рассылал им списки экзаменуемых примерно на 20—22 человека с указанием предмета испытаний и краткой справки на кандидата (возраст, место работы, образование, вероисповедание, владение языками). Знания оценивались по пятибалльной системе.

Кандидатами были в основном технические сотрудники различных отделов и департаментов министерства, некоторые из которых (драгоманы и переводчики) поработали за границей и экзаменовались главным образом по истории трактатов и международному праву. На экземпляре списков образца 1913 года, хранящемся в архиве Министерства иностранных дел и принадлежавшем директору канцелярии МИД барону Маврикию Фабиановичу Шиллингу, против некоторых фамилий карандашом проставлены оценки и помечены лица, показавшие слабые знания по языкам и получившие переэкзаменовку. Переэкзаменовка назначалась, если кандидат получал два балла.

Что касается владения иностранными языками, то к чести дореволюционного образования следует отнести тот факт, что большинство выпускников высших учебных заведений и даже гимназий владели французским или ещё каким-нибудь европейским языком. В обнаруженных автором списках кандидатов 1913 года почти все экзаменующиеся знали по три языка. Так что внутри Министерства иностранных дел России никогда не было нужды в громоздкой переводческой службе, которая возникла лишь после 1917 года для обслуживания советских чиновников, не владевших «ихними» языками.

При изучении личных дел (формулярных списков) дипломатов обращает на себя внимание присутствие в их рядах значительного количества людей с немецкими фамилиями. Это остзейские (прибалтийские) немцы, которые, кстати, «заполняли ниши» не только в Министерстве иностранных дел, но и в армии, на флоте и во-

обще в государственном аппарате царской России. На 1 февраля 1917 года из 636 чиновников, состоявших на службе в МИД, 105 человек были остзейцы. Как бы недоверчиво и даже пренебрежительно (вспомним К. Станюковича) к ним ни относились, как бы современники ни ворчали на «засилье немцев» в государственном аппарате России, без остзейцев государству было никак не обойтись. Да и следует признать, что они являлись верными слугами царя и отечества, людьми, воспитанными в европейской культуре, а значит, более всего подходящими к дипломатической службе.

Умный и образованный князь Л. В. Урусов так писал о прибалтийских немцах: «Прибалтийские немцы заняли слишком удобную позицию, чтобы их можно было оттуда выбить — они верноподданные, и в этом их сила. Правда, за тронем они не видят России... Но этот... недостаток их не всем виден и наименее виден власть имущим, которые ценят и воспитание на заграничный манер, и аристократизм... баронов, и их преданность царю».

Подчеркнём: ворчание — ворчанием, но никакого антагонизма на национальной, религиозной или социальной почве среди чиновников министерства никогда не было. Люди делали своё дело и по отношению к коллегам вели себя «коллегиально».

Засилье «немцев» в государственном аппарате вообще и в системе дипломатической службы в частности — тема старая и довольно избитая. С ним начали бороться довольно рано — уже при Елизавете Петровне, но каждый раз результаты этой борьбы оказывались ничтожными, а количество нерусского элемента среди высших чиновников только увеличивалось. Воронцов — родственник канцлера А. С. Воронцова, граф Семён Романович (1744—1832), тоже дипломат, попытался было положить конец «ненормальному порядку, несогласному с пользами и посягающему на самую безопасность государства», и 30 октября/11 ноября 1802 года подал государю соответствующего содержания записку. В ней граф давал волю своему возмущению, что не было ни одной нации или религии в Европе, которая не была бы представлена в российском дипломатическом ведомс-

тве. «Из него не исключено никакое звание или происхождение, — цитирует его записку историк С. С. Татищев. — Есть там сыновья пасторов... курьеров, портных, лавочников, фельдшеров, лакеев и, что всего прискорбнее... что многие из этих господ, успев лет тридцать назад овладеть управлением канцелярией, постоянно старались устранять русских и вводить лиц одного с собою сорта...»

Понимая, что русских к дипломатии нужно было специально готовить, граф С. Р. Воронцов предлагал учредить в России специальное дипломатическое училище. Проект его, однако, осуществлён не был, пишет Татищев, потому что скоро канцлер А. С. Воронцов был заменен императором на поляка Адама Чарторыйского, и проводить в жизнь идеи графа Семёна Романовича Воронцова стало некому. В период с Тильзитского мира 1807 года до начала Отечественной войны 1812 года, пишет Татищев, широко распахнулись двери нашего «Посольского приказа» для инородцев: «В русскую службу вступали, не имея ни малейшего понятия о России и, разумеется, не давая себе труда хотя бы поверхностно ознакомиться с русским языком...» Дипломатическую службу, возмущается историк, возглавил немец-католик Нессельроде, уроженец Вестфалии, который прежде служил Австрии, курфюрсту-палатину, Голландской республике, королям Франции и Пруссии. Он родился от матери-еврейки на борту английского фрегата посреди лиссабонского рейда, окрещён по англиканскому обряду, а воспитание получил в британской гимназии. Разумеется, он не говорил по-русски и был, по свидетельству современников, воплощённой бездарностью. Он на 30 лет приковал российскую дипломатию к колеснице австрийского канцлера Меттерниха и подчинил интересы России интересам Австрии и Пруссии.

Татищев утверждает, что неудачи России в Крымской войне 1853—1856 годов — это очевидный результат русской дипломатии, «творимой графом Нессельроде и лицами одного с ним сорта». Разделяя эту точку зрения учёного, добавим только, что в таком развитии событий виноват был и сам Николай I, который, вместо того чтобы плотно заняться российскими проблемами,

вслед за своим братом взял на себя неблагодарную роль спасителя Европы и был коварно предан благодетельствованными им партнёрами по Священному союзу. Его сын Александр II поймёт эту ошибку, но будет уже поздно.

Однако мы не станем слишком глубоко углубляться в политику, а постараемся придерживаться избранной нами темы — повседневной жизни царских дипломатов. Подводя итог всем вышеприведённым рассуждениям, выскажем свою точку зрения на этот вопрос: несмотря на определённые издержки в работе иностранцев в системе МИД, польза от их привлечения туда была несомненной. К тому же других кадров под рукой у министров иностранных дел не было.

Как бы ни были хороши правила приёма сотрудников на службу в МИД, без «руки», без «знакомства» и протекции попасть в поле зрения внешнеполитического ведомства было не так-то просто даже дворянину. Рекомендация, поручительство «нужного человека» всегда были чрезвычайно важны для проникновения в любое закрытое сообщество и в данном случае совершенно оправданы и необходимы.

П. С. Боткин, критикуя систему подбора кадров в Министерстве иностранных дел, пишет, что злые языки называли реформу Горчакова изобретением для людей с «домашним образованием», то есть рассматривали её как лазейку для молодых аристократов — баловней судьбы, никогда и нигде не учившихся или учившихся весьма посредственно. Приёмные и квалификационные экзамены сами по себе были несложными (что подтверждает также и К. Д. Набоков), но коварными, утверждает он. Коварство заключалось в том, что торжественная обстановка, в которой проводились экзамены, и суровые строгие лица членов ареопага, то есть приёмной комиссии во главе с товарищем министра, были всего лишь театром, рассчитанным на простаков. Всё заранее было расписано и решено: кого — завалить, а кого — пропустить. Возможно, это крайняя точка зрения, но известная правота за ней тоже была.

«Грешили» протекционизмом все, в том числе сами министры, призванные соблюдать порядок и дисциплину. Так, Извольский, всегда державший «нос по ветру» по части полезных связей, попросил своего товарища К. Н. Губастова, председательствовавшего в экзаменационной комиссии, оказать «внимание» некоему Струве. К несчастью, именно этот Струве продемонстрировал на экзаменах самые слабые знания и стал единственным из 25 кандидатов, который с треском провалился. Оказывать протекцию такому кандидату было просто стыдно и неудобно. По всей видимости, сильно zaangażированный Извольский, узнав о провале протее, сделал выговор Губастову в такой грубой форме, что тот подал в отставку, пожертвовав многолетней дипломатической карьерой.

Великий князь Александр Михайлович как-то обратился к министру В. Н. Ламздорфу с просьбой посодействовать в назначении некоего Сакса на консульскую должность в Геную или Неаполь. Приводим дословный ответ министра просителю:

«Получив рескрипт Вашего Императорского Высочества, почитаю долгом почтительно доложить, что, когда откроется вакансия в Неаполе, Генуе или ином консульстве, туда будет назначен тот из членов вверенного мне ведомства, кто на основании всесторонней, тщательной проверки окажется по своим заслугам, старшинству и способностям имеющим на то всего более прав. Не имею скрывать, что ввиду поддержания дисциплины и искоренения всяких домогательств в протекции мною строго воспрещено служащим по Министерству иностранных дел ходатайствовать о том или ином назначении и заручаться высоким покровительством, которому они большей частью обязаны счастливому случаю, тогда как у самых достойных нет никакой поддержки, кроме личного, непрестанного, чуждого всякой рекламы труда».

Вот вам мягкий и слабыхарактерный Ламздорф — какой урок он преподал ближайшему родственнику императора!

В 1910 году некто Ризнич, выпускник Николаевского кавалерийского училища, показавший на вступи-

тельных экзаменах слабые знания, был, тем не менее, признан выдержавшим экзамен. Категорически не согласный с этим барон М. А. Таубе, член экзаменационной комиссии, подал на имя С. Д. Сазонова протест, и Ризничу была назначена переэкзаменовка. Царские чиновники всё-таки старались соблюдать приличия.

Но поставить заслон на пути протекционизму в России было всегда трудно. Люди продолжали приходить по «проторенной дороге» как ни в чём не бывало. Некий А. Д. Калмыков, сын высокопоставленного судебного деятеля, устроился в Министерство иностранных дел по рекомендательному письму некоей «титулованной особы». Императорский посол в Вене Н. Н. Шебеко перешёл с военно-гвардейской службы на дипломатическую по рекомендации министра А. Б. Лобанова-Ростовского.

Пётр Сергеевич Боткин*, не лишённый дара литератора, свою первую попытку поступления на дипломатическую службу описывает в самых ярких красках, в выражениях, полных сарказма. Он наивно полагал, что каждый молодой человек, закончивший высшее учебное заведение и более-менее подготовленный к внешнеполитической работе, имеет все права для того, чтобы стать дипломатом. «Не тут-то было!» — восклицает он в своих «живописных» мемуарах. Диплом об окончании высшего учебного заведения никому не был нужен, а дорога в МИД была открыта лишь для выпускников Александровского лицея: «Для остальных никаких определённых правил не имеется. При этом в министерство поступали “недоросли”, не окончившие, а то и не начинавшие никакого учебного заведения».

Молодого Боткина принял сам Н. К. Гирс.

— У меня нет свободных стульев, — сказал министр, — очень сожалею. Приходите осенью...

И любовно вытолкнул просителя за дверь.

Боткин пришёл на Певческий Мост следующей осенью и по выражению на восковых лицах чиновников, встретивших его, понял, что его там не ждали. Он прочёл в них недоумение: «Что ты к нам пристаёшь? Мы сказали тебе “осенью”, чтобы от тебя отделаться, а ты,

---

* Сын С. П. Боткина (1832—1889), знаменитого терапевта и профессора Военно-медицинской академии.

наивный глупец, вообразил, что мы тебя и на самом деле поджидаем!»

Но Боткин был настойчив, ссылками на недостачу стульев уже не отделаться, и его приняли — разумеется, пока вольноопределяющимся сверхштатником. Потом, конечно, допустили и к экзаменам на дипломатическое звание и ранг. После экзамена, как полагается, выпустили приказ, и Боткин, облекшись в новенький вицмундир, пошёл наносить визиты вежливости начальству. «Каждый говорил мне приблизительно одно и то же, — пишет он в своих мемуарах, — “очень рад”, “садитесь”, а затем через две минуты вставал и отпускал меня». Создавалось впечатление, что начальники отбывали скучную повинность. Только один из сановников поинтересовался, хороший ли у новичка почерк. «В первую минуту я подумал, что сановник шутит, но восковая физиономия его не дрогнула. Он смотрел на меня совершенно серьёзно своими оловянными глазами.

— Разборчивый почерк, ваше превосходительство, — ответил я, сохраняя тот же серьёзно-деловой вид».

Вот ещё один пример того, как молодые люди становились дипломатами спустя 80 лет после открытия Царскосельского лицея. Главный герой нашего повествования Ю. Я. Соловьёв*, до сей поры остававшийся по воле автора в тени, окончив гимназию, перешёл в Александровский (бывший Царскосельский) лицей, который наряду с Училищем правоведения широко открывал выпускникам двери для поступления на дипломатическую службу, и после окончания лицея был распределён или, как тогда говорили, зачислен по Министерству иностранных дел. Причисленные к МИД начинающие

---

* Юрий Яковлевич Соловьёв 34 года своей жизни отдал дипломатической службе России. Его карьера в некотором роде является показательной для среднего дипломата, не имевшего сильной руки в центральном аппарате и полагавшегося лишь на собственные знания, опыт и ум. Он начал работать в Министерстве иностранных дел России младшим делопроизводителем и накануне распада России дослужился до ранга посланника. Юрий Яковлевич, которого революция застала на посту в Мадриде, в 1920 году вернулся в Советскую Россию и стал служить новому режиму. Он оставил после себя ценные воспоминания, которые отличают наблюдательность, интерес к разным сторонам жизни, честность и искренность. Его воспоминания — зеркальное отражение повседневной жизни рядового русского дипломата конца XIX — начала XX века.

дипломаты, своеобразные вольноопределяющиеся по дипломатическому ведомству, первое время служили безвозмездно, то есть бесплатно, без всякого жалования и никакой должности не имели. Лишь некоторые молодые сотрудники МИД, например, окончившие лицей с золотой медалью, получали жалование в размере 18 рублей в месяц. С таким жалованием служебную карьеру могли продолжать лишь дети состоятельных родителей.

«Отгуляв» летний отпуск, Соловьёв в сентябре 1893 года приступил к работе. Он не обладал связями, которые могли бы облегчить ему первые шаги на новом поприще, но помогла лицейская золотая медаль. Как и первым выпускникам-лицеистам 70 лет тому назад, новичку предстояло подышать архивной пылью, и первый человек, с которым Соловьёву пришлось иметь дело в недрах внешнеполитического ведомства, был многолетний директор архива МИД России барон Ф. Д. Стюарт (1838—1902), отец двух товарищей Соловьёва по учёбе. Он-то и взял на себя — по всей видимости, по указанию начальства — обязанность наставника и представил молодого сотрудника начальствующему составу министерства.

Кстати, своих сыновей Стюарт по иностранному ведомству не пустил и перед поступлением в МИД Соловьёва тоже всячески отговаривал его от этой «вредной» затеи. Стюарт нарисовал ему мрачную картину предстоящей службы, приведя примеры того, как молодые люди надолго застревают в каких-нибудь захолустных столицах отдалённых от отечества стран и, не сделав никакой карьеры, не могли выбраться оттуда домой. Сам Стюарт дальше должности генерального консула в Бухаресте по служебной лестнице не продвинулся (А. Половцов называет его круглым невежей). В качестве примера Стюарт привёл Соловьёву почему-то карьеру барона Романа Романовича Розена, к тому времени уже поверенного в делах России в Мексике, а потом — вполне успешного и способного посланника в Белграде, Мюнхене, Афинах, Токио и посла в Вашингтоне, помогавшего С. Ю. Витте заключать с Японией мир в Портсмуте.

«Страшилки» Стюарта на выбор Соловьёва, однако, не повлияли — юноша имел вполне оформившееся желание послужить отечеству именно по иностранной части. Но «старому волку» был благодарен за то, что тот рассеял некоторые иллюзии о лёгкости дипломатической карьеры и внушил ему трезвый взгляд на будущую профессию.

Между тем переход профессии дипломата от отцов к сыновьям был широко распространён в системе Министерства иностранных дел. На Певческом Мосту работали настоящие семейные династии. А. И. Кузнецов приводит яркий пример такой семейственности в роду Хрептовичей-Бутеневых. А. П. Бутенев, происходивший от молдавского дворянина Николая Спафарьева (XVII век), поступившего на службу в Посольский приказ, в 1802 году стал служить в Министерстве иностранных дел и дважды возглавлял русскую миссию в Константинополе (1831—1843 и 1856—1859). Его сын граф М. А. Хрептович-Бутенев (1844—1897) закончил свою карьеру посланником в Мюнхене. Семейными узами Хрептовичи-Бутеневы были связаны с К. В. Нессельроде и с князем Г. Н. Трубецким. М. К. Ону, начавший службу в МИД драгоманом и закончивший в 1901 году свою карьеру посланником в Афинах, находился также в родстве с Хрептовичами-Бутеневыми — он в своё время женился на дочери барона А. Г. Жомини, ближайшего помощника А. М. Горчакова. Все три сына М. К. Ону также служили в Министерстве иностранных дел: один был поверенным в делах в Берне, другой — генконсулом в Лондоне, а третий — советником посольства в Вашингтоне.

...Архивное дело в России было тогда, мягко говоря, не на надлежащем уровне, и петербургская часть архива МИД России (в Москве были отделение министерства и свой Главный архив) находилась в жалком состоянии. Ф. Н. Стюарт большого интереса и рвения к своей работе не проявлял, и архив представлял собой склад документов или похоронное бюро для ненужных бумаг. Главный архивист называл себя «кучером погребальной колесницы», которому было совершенно безразлично, чей труп он вёз на кладбище и где он будет похоронен. Архивное дело в Министерстве иностран-

ных дел России ожило лишь при преемнике Стюарта — Горяинове, проявившем научный интерес к «кладбищу документов» и написавшем целый ряд исторических монографий.

«Архивный юноша» Соловьёв должен был представиться начальству, в том числе и самому высокому. Обход начальников он начал с *управляющего министерством* Н. П. Шишкина — так тогда называли временно исполнявших обязанности глав министерств и официально не утверждённых государем в должности министров. Встреча с Шишкиным сильно разочаровала новичка, но это было лишь первым его разочарованием в стенах министерства. Соловьёв представлял себе главу Министерства иностранных дел блестящим дипломатом, а перед ним предстал пожилой господин в потёртом форменном вицмундире, скорее похожий на старого курьера или швейцара, а вовсе не на лицо, возглавлявшее иностранное ведомство самой крупной в мире державы. Возможно, что такое «смазанное» впечатление от беседы с Шишкиным вышло из-за того неопределённого состояния, в котором, как помнит читатель, тот по ошибке Николая II пребывал ввиду своего увольнения с поста управляющего.

Впрочем, благодаря любезному посредничеству Стюарта молодому сотруднику был оказан благосклонный приём, и ему было приказано «причислиться» к Азиатскому департаменту МИД. При этом было сказано, что в случае необходимости отбывать воинскую повинность он должен будет числиться по министерству. Таким образом, Соловьёв узнал, что служба в Министерстве иностранных дел не освобождала его от службы в армии!

От Шишкина Стюарт повёл Соловьёва к директору Азиатского департамента Дмитрию Алексеевичу Капнисту (1837—1904), по характеристике многих знавших его коллег, ленивому и недалёкому человеку, желавшему делать карьеру за счёт труда других. По тогдашним традициям, глава Азиатского департамента на рабочем месте показывался весьма редко: после представления начальнику Соловьёв видел его в своей жизни ещё один раз, уже после своего назначения на работу за границу.

Брат Д. А. Капниста, Пётр Алексеевич Капнист (1840—1904), посол в Гааге (1884—1891), пользовался более благосклонной репутацией. Впрочем, один злой язык* никакой разницы между братьями не видел и говорил: «Меня все уверяли, что Капнисты — малороссы, но я этому не верю, потому что малороссы прикидываются обыкновенно дураками, а они прикидываются умными людьми».

Первые впечатления Соловьёва от иностранного ведомства подтверждаются другими дипломатами, оставившими свои воспоминания. «Их (молодых. — *Б. Г.*) было слишком много, и им не хватало работы, — вспоминал тот же Абрикосов. — Никто не обращал на них внимания; их отправляли в малозначительный департамент, где они исполняли обязанности мелких клерков». В основном они занимались перепиской документов — первая пишущая машинка появилась внутри здания Министерства иностранных дел лишь в 1898 году! Не удивительно, что молодые дипломаты, впервые выехавшие за границу, имели лишь поверхностное представление о своих служебных обязанностях. Но зато за границей учёбе молодых дипломатов в большинстве посольств, миссий и консульств уделялось самое пристальное внимание.

Через Учебное отделение восточных языков Азиатского (1-го) департамента в последние годы его существования в МИД поступало, в зависимости от потребности, не более десятка человек в год. При этом китаисты принимались довольно легко, практически гарантированно, в то время как с арабистами, в число которых входили знатоки персидского и турецкого языков, дело было сложнее. Спрос на них почему-то был мал, и обычно брали по два человека в штат и одного — вне штата. Как мы уже говорили выше, контингент желающих стать дипломатами здесь составляли люди, не принадлежавшие к дипломатической или придворно-военной касте, не имевшие в министерстве «руки», обычно по рекомендации выпускавших их Петербургского университета или Лазаревского института, а позднее — и Владивостокского восточного института.

---

* Член Государственного совета Н. С. Абаза (1837—1901).

В 1900 году — и, по всей видимости, до конца своего существования — Учебное отделение восточных языков располагалось на Большой Морской улице, 20. Слушатели отделения получали в этом же доме комнату с отоплением и *освещением* и стипендию в размере 33 рублей 33 копеек. Мы специально подчёркиваем это коммунальное удобство: хотя в дом был подведён газ, и в кухнях и коридорах тускло светили газовые рожки, в комнаты слушателей газ, не говоря уж об электричестве, подведён не был. Каждый из семи-восьми пансионеров получал по несколько фунтов стеариновых свечей в месяц, а кто хотел, тот заводил собственную керосиновую лампу. Меблировка комнат была спартанской, если не убогой, зато в комнатах были высоченные потолки.

По мнению С. В. Чиркина, УОВЯ для лиц, изучавших восточные языки в упомянутых высших учебных заведениях, было абсолютно лишним. Ничего нового в смысле языковых знаний слушатели там не получали. Оно имело смысл для новичков в этих языках, в основном армейских офицеров (по всей видимости, квартирмейстерской службы Генштаба, то есть разведки), которые по окончании трёхлетних курсов отделения разъезжались кто куда. Поступить в Министерство иностранных дел удавалось лишь очень немногим из них, уволившимся в запас.

Твёрдой программы обучения для гражданских слушателей не было: иногда обучение завершалось за год, а иногда длилось два года. Всем выпускникам Учебного отделения восточных языков выдавался особый серебряный нагрудный знак в виде золотого восходящего солнца под государственным гербом России. При отделении была хорошая библиотека, содержавшая немало редких и ценных рукописей и книг. Слушатели-пансионеры, закончившие восточные отделения университетов, языковой подготовкой практически не занимались и осваивали в основном мусульманское и международное право, и потому УОВЯ получило у них название «лавочки».

Директором отделения в конце XIX — начале XX века был тайный советник Иван Александрович Иванов (1835—1908), по мнению выпускника УОВЯ С. В. Чир-

кина, «весьма почтенная и добродушная личность, не обременённая, однако, большими заботами, кроме, разве, хозяйственных...». И. А. Иванов имел у слушателей кличку «Генерал Тапы-Тапы», потому что, будучи низенького роста, носил обувь на высоких каблуках и, проходя по коридору, нещадно стучал: «тапы-тапы, тапы-тапы»... Арабский язык и мусульманское право преподавал С. И. Нофаль, персидский язык — Мирза Казем-бек Абединов, турецкий и новогреческий — К. Г. Вамваки, татарский язык — Ахун Атаулла Баязитов, вице-директор Департамента личного состава и хозяйственных дел М. И. Муромцев — международное право.

Араб Нофаль, по описанию Чиркина, был старый, больной и остроумный человек, относившийся к своим обязанностям спустя рукава. Уроки с ним проходили в болтовне на французском языке и в основном на фривольные темы. Когда занятия неожиданно посещал директор Иванов, все слушатели хватали арабские газеты и вместе с Нофалем усердно имитировали их изучение.

Полной противоположностью Нофалю был грек Вамваки — высокий пожилой человек с седой шевелюрой и крючковатым неправильным носом. Вот он-то не давал слушателям спуска, школил их по всем правилам, задавал домашние задания и строго контролировал их выполнение. Как и Нофаль, он преподавал на французском языке и говорил высоким, доходившим до визга голосом. Директор Иванов, кажется, был женат на родственнице Вамваки, а потому грек пользовался в отделении некоторыми привилегиями.

Перс Абединов был добрым и интересным человеком, к слушателям относился снисходительно и концентрировался в основном на исправлении и улучшении их произношения. Татарин Баязитов и вице-директор Муромцев были почтенными и солидными людьми и добросовестными преподавателями. Было ещё одно должностное лицо — секретарь Учебного отделения восточных языков А. С. Клименко по кличке «Клима», видевший свои обязанности в том, чтобы передавать слушателям нравоучения Иванова. Студенты

встречали его шутками, и Клима сразу тушевался и терял серьёзный вид. Он сам был как раз завсегдаем студенческих гулянок, которые и являлись предметом его нравоучений. Был ещё сторож Павел — мрачный, неряшливый и нерадивый тип, которого слушатели сменили на другого по имени Филипп. Павел получил кличку «Мазуль», что по-арабски означало «отставник».

При наборе слушателей в отделение осенью 1900 года Генерал Тапы-Тапы получил санкцию руководства Министерства иностранных дел на (беспрецедентный случай) проведение вступительного экзамена. Из шести кандидатов испытание выдержали трое, из которых один, Чиркин, должен был быть принят сверхштатником. Последним по результатам оказался некто Матвеев, по общему мнению, совершенный дегенерат, и казалось, что этим всё закончится. Иванов порекомендовал Чиркину подать в МИД формальное прошение о том, чтобы его приняли сверх штата, и тот на крыльях успеха полетел на Певческий Мост.

Там его встретил увешанный медалями курьер Богданов. Чиркин попросил его доложить о себе вице-директору 1-го департамента Н. Г. Гартвигу, ибо тот, в отличие от директора А. К. Базили, имел репутацию доброго и более доступного начальника. К тому же Чиркин предполагал, что его дело было не настолько важным, чтобы обращаться к самому директору. Некоторое время спустя вернулся Богданов и сообщил, что «Его превосходительство просят пожаловать». Николай Генрихович Гартвиг, «тучный человек с простым, открытым, симпатичным лицом, украшенным окладистой рыжеватой бородой», сидя, ответил на поклон визитёра и предложил ему стул. Чиркин изложил суть дела, Гартвиг взял лежавшую перед ним экзаменационную ведомость и сказал, что никаких препятствий к удовлетворению его ходатайства он не видит.

— Ступайте к Иванову, — сказал он, — и передайте ему, что вы можете быть зачислены сверхштатным слушателем Учебного отделения.

Директор Учебного отделения восточных языков имел в здании МИД свой кабинет и оказался на месте.

Запыхавшийся от радости Чиркин доложил ему о результатах беседы с Гартвигом.

— При чём тут Гартви́г? — вскочил Иванов с места. — Директором департамента является господин Базили, согласием которого вам надлежало и заручиться. Надо сейчас же выяснить это недоразумение. Пойдёмте.

Как вспоминает Чиркин, «у меня под сердце подкапало. Я инстинктивно чувствовал, что дело рушится».

К Базили Иванов пошёл один, оставив Чиркина сидеть в передней. Очень скоро он вышел с бумагой, оказавшейся его докладом о результатах произведённого им экзамена.

— Ничего не вышло, — сухо сказал Генерал Тапы-Тапы. — Смотрите резолюцию господина Базили.

Резолюция Базили была лаконична: сверхштатных слушателей в этом году не принимать. Иванов решил утешить студента и сказал, что в будущем году условия приёма в УОВЯ будут лучше. Он, естественно, не рассказал студенту, что вся эта комедия была затеяна ради упомянутого выше Матвеева — протеже товарища министра князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. Матвеев, самый худший по результатам конкурсного экзамена, был зачислен внештатником вместо Чиркина.

Но Чиркин на следующий год всё-таки поступил в Учебное отделение. Время между поступлениями он провёл в Персии, совершенствуя персидский язык в качестве стажёра при начальнике железнодорожных изысканий инженере В. А. Саханском, куда его устроили сердобольные знакомые. Это стажёрство был верный путь в УОВЯ, им воспользовались и другие студенты. Один из них, некто С. П. Голубинов, привёз из Персии «убийственный» аргумент в свою пользу — мраморную могильную плиту, которую подарил отделению. После этого не принять Голубинова на учёбу было бы верхом несправедливости.

Директор отделения встретил Чиркина как старого знакомого, никаких повторных экзаменов он от молодого человека больше не потребовал, и скоро Сергей Виссарионович был зачислен в отделение сверх штата. «Учитывая отсутствие у меня каких-либо связей, (это)

нужно было считать максимумом успеха», — пишет он в своём дневнике.

Двулетняя учёба прошла для Чиркина и его товарищей довольно гладко. Никакого надзора за слушателями во внеклассное время не было, они могли возвращаться в свои комнаты, когда заблагорассудится, для чего все обзавелись ключами от входной двери на Б. Морской, 20, и заключили соглашение с Филиппом, который за эту услугу требовал от них ежемесячную мзду. За всё время учёбы в отделении произошло только два «казуса»: один из самых блестящих слушателей поручик Давыдов был исключён из полка и, следовательно, из Учебного отделения восточных языков. Причина была тривиальной: он подрался в ресторане «Медведь» с каким-то штатским и даже обнажил там шашку. Его участь была решена в 24 часа, и он безропотно отправился в запас. Другой случай произошёл с пансионером Чирковым (не путать с Чиркиным). Он неожиданно и бесследно исчез из отделения, что всполошило всё начальство и даже полицию. Чиркова, как в чеховской «Шведской спичке», некоторое время спустя отыскали в подмосковном имении его отца, но не одного, а с некоей мадам Лоран, по слухам, весьма интересной дамой бальзаковского возраста. Генерал Тапы-Тапы так обрадовался, что Чирков оказался жив, что предложил беглецу возвратиться на учёбу, ограничившись лишь маленьким извинением перед директором 1-го департамента А. К. Базили. Но Чирков категорически отказался извиняться, а А. И. Иванов решил не выносить сор из избы и принял Чиркова обратно без всяких извинений.

Выпускные экзамены проходили в обстановке благорасположения и начальства, и преподавательского состава к своим слушателям. Самый трудный экзамен — мусульманское право — сдавался на французском языке. Нофаль буквально подхватывал каждую повисшую в воздухе фразу экзаменуемого, сам развивал её и ставил высокую оценку. Большинство выпускников, пишет Чиркин, имели в экзаменационной ведомости 11 или 12 баллов (знания оценивались по 12-балльной шкале).

Ещё один типичный пример поступления в Министерство иностранных дел — после военной карьеры.

М. С. Рошаковский, имевший за собой успешную карьеру военного моряка, участие в морских сражениях во время Русско-японской войны, включая Цусиму, и японский плен, в 1907 году поступил в систему МИД в возрасте 31 года — по всей вероятности, не без протекции самого государя императора и его сестры, греческой королевы Ольги, с которыми он поддерживал контакт ранее. Он начал свою дипломатическую карьеру секретарём в Афинах, продолжил её в Константинополе, а закончил в 1914 году поверенным в делах в Дармштадте, где курфюрстом был брат императрицы Александры Фёдоровны герцог Эрнст Людвиг. Карьера Рошаковского оказалась недолгой: шла война, и дипломат предочёл снова вернуться на флот.

При зачислении в кадры министерства сотрудник должен был дать присягу «на верность царю и отечеству» и обещание соблюдать государственные и служебные тайны. Когда, например, Учебное отделение восточных языков МИД в 1910 году наняло лектора Петербургского университета Мирзу Гуляма Ризу-хана для преподавания молодым дипломатам персидского языка, директор Департамента личного состава и хозяйственных дел барон К. К. Буксгевден потребовал от директора Учебного отделения В. А. Жуковского привести лектора к присяге.

Об исполнении В. А. Жуковский доложил в письме от 15 сентября 1910 года:

«Милостивый государь Карл Карлович,

В ответ на письмо Вашего Превосходительства от 14-го августа сего года за № 6636 имею честь сообщить, что лектор Императорского С. Петербургского университета Мирза-Риза-Хан, на коего возложено преподавание персидского языка во вверенном мне Учебном Отделении, приведен к присяге на верность службы согласно ст. 180 III Свода законов Российской империи 7-го сего Сентября, и подписанный им лист клятвенного обещания находится при деле его в Университете. Прошу принять, Милостивый Государь, уверение...»

Кадрового сотрудника Министерства иностранных дел вносили во внутренние справочники, в частности

в так называемый «Ежегодник», в которых находили отражение важнейшие моменты служебной карьеры дипломата. Для примера возьмём один из циркуляров МИД за 1909 год:

«Циркуляр № 24 по ведомству Министерства Иностранных Дел,
С. Петербург, 28 августа 1909 года

О назначении Членом Государственного Совета

Д. с. с. Зиновьева — состоит в ведомстве Министерства Иностранных Дел с оставлением Членом Государственного Совета и с предоставлением ему права носить мундир прежде занимаемой им должности посла присвоенный.

Приказом по Министерству Иностранных дел от 28 августа 1909 года № 17:

Переведен на службу по ведомству Министерства Иностранных дел

Канцелярский служащий Департамента Таможенных Сборов Министерства Финансов дворянин Александр Геммельман — канцелярским служителем 2-го разряда ДЛСиХД с 24 августа 1909 года.

Уволен со службы согласно прошению по болезни

Состоящий в ведомстве Министерства, и. о. делопроизводителя VIII класса в ДЛСиХД надворный советник Соколов.

Назначен

Российский подданный Георгий Ваннаг — в звание нештатного вице-консула в г. Мехико.

Уволен в отпуск

Второй секретарь Посольства в Берлине, в звании камерюнкера, надворный советник Светлейший Князь Волконский — 28 дней.

Продолжен срок отпуска

Драгоману Генерального консульства в Тавризе титулярному советнику Введенскому — на один месяц.

Подписал: Управляющий Министерством Иностранных Дел

Сазонов

Скрепил: Директор ДЛСиХД

Бар. Буксгевден».

В октябре 1893 года от консула К. С. Нолькена в Кёнигсберге в Департамент личного состава и хозяйственных дел поступила жалоба на то, что в «Ежегоднике» МИД за упомянутый год о нём были помещены ошибочные сведения: во-первых, на 70-й странице не

указали, что барон имел награду — орден Святой Анны 3-й степени, а во-вторых, в написании его фамилии на французском языке на 52-й странице произошла ошибка: вместо «Nolcken» написали «Nolken». Департамент принёс извинения барону и пообещал в следующем выпуске «Ежегодника» учесть эти замечания.

К Григорию Львовичу Кантакузену, в связи с присвоением ему в 1893 году княжеского титула, кадровики ДЛСиХД отнеслись с должным вниманием и почтением. Департамент уведомил его сиятельство о том, что во все официальные справочники и в его формулярный список будут внесены соответствующие изменения. По всей видимости, у Кантакузена тоже были претензии к написанию его фамилии, потому что на копии архивного документа чьей-то начальственной рукой сделана пометка о том, как правильно пишется фамилия князя.

Глава шестая

Первые шаги дипломата

*Кто не обучился в юности,
того старость бывает скучна.*

Екатерина II

Выпускник Царскосельского лицея Александр Горчаков, в отличие от своего товарища Александра Пушкина, сознательно выбрал дипломатическую стезю и шёл по ней всю свою жизнь. Благодаря своим способностям и широкому кругозору он сразу обратил на себя внимание коллег. Свои первые шаги в министерстве он делал под наставничеством известного и талантливого иностранца на царской службе грека Иоанниса Каподистрии (1776—1831). «При самом начале своей службы, — вспоминал потом Горчаков, — я уже возбуждал, до известной степени, чувство зависти. 19-ти лет в чине титулярного советника начал я свою карьеру служебную под покровительством и руководством знаменитого впоследствии президента греческой республики Капо-

дистрии. Но этого покровительства было достаточно, чтобы вызвать ко мне нерасположение Нессельроде».

Да уж, Карл Васильевич на самом деле доставил Горчакову немало неприятностей и обид. Началось с того, вспоминал потом Александр Михайлович, что однажды дядя молодого дипломата, князь Андрей Иванович Горчаков, «человек весьма храбрый, богатый, но весьма и весьма недалёкий, приезжает к Нессельроде, управляющему тогда Министерством иностранных дел с ходатайством о производстве меня в камер-юнкеры (придворный чин, в который тогда производили молодых дипломатов. — Б. Г.).

— Как! Его, вашего племянника, Александра Горчакова? Да ни за что! — воскликнул Нессельроде. — Посмотрите, он уже теперь метит на моё место!

И отказал наотрез. Тогда князь Андрей Иванович Горчаков тут же и тогда же попросил о той же милости для другого своего племянника — Хвостова, и Нессельроде тотчас согласился».

Камер-юнкером Горчаков всё-таки стал и довольно скоро, в связи с чем А. С. Пушкин посвятил ему стихотворение, начав его следующими словами:

Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель...

Далее поэт жалуется на пустоту высшего света и обращается к своему лицейскому другу с призывом:

И ты на миг оставь своих вельмож
И тесный круг друзей своих умножь,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
По-прежнему остряк небогомольный,
По-прежнему философ и шалун.

От друзей «блестящий наблюдатель обычаев» никогда не отказывался, даже от самых опасных — декабристов, но и оставить «своих вельмож» не захотел. «В молодости я был так честолюбив, — вспоминает Горчаков, — что одно время носил яд в кармане, решаясь отравиться, если меня обойдут местом». Поскольку звание камер-юнкера напрямую с повышением по службе

связано не было, наш «философ и шалун» отказ Несельроде пережил спокойно, сохранил себя на будущее и прославил и своё имя, и Россию.

...Новичков в Министерстве иностранных дел, как правило, определяли в Азиатский департамент и заставляли на первых порах заниматься черновой, неблагодарной работой — перепиской бумаг. Пишущих машинок тогда ещё не существовало, оборот документов был немалый, а кадровых писцов, как всегда, не хватало, так что молодым дипломатам самим приходилось от руки составлять и переписывать бумаги начальства и старших дипломатов. От переписчиков требовали хорошего почерка, и это послужило одной из причин, побудивших многих дипломатов стремиться к выезду в заграничную командировку — иначе можно было так и умереть с гусиным пером в руках. Но было верно и то, о чём сказал историк В. О. Ключевский: «*Уметь разборчиво писать — первое правило вежливости*».

Что собой представлял Азиатский департамент в конце XIX века, описывает П. С. Боткин. Департамент располагался в двух огромных залах со «шкапами», столами, бумагами и чиновниками. В одной зале размещался *Ближний Восток*, то есть Балканы, в другой — Персия, Китай, Япония, Корея и прочий *Дальний Восток*. Боткин попал в *Турецкий стол*. Начальником стола был делопроизводитель — чиновник VIII класса, над ним стоял начальник повыше — делопроизводитель VII класса, а оба они подчинялись начальнику отделения, делопроизводителю VI класса, который и был главным во всей зале. Этот сановник сидел посреди зала за небольшим столом и управлял всеми чиновниками. Время от времени он переговаривался с начальником отделения из соседней залы, и тогда они, пишет Боткин, уподоблялись капитанам двух судов, переговаривавшихся между собой с помощью рупора. Склонившиеся над столами чиновники были экипажами кораблей, столы — палубой, а перья — канатами, реями и т. п. Боткин: «Мы сидим за столами, пишем, курим и разговариваем. Разговариваем больше, нежели курим, курим больше, чем пишем»,

в то время как корабль медленно плывёт в не ведомое никому пространство.

Персидским столом заведовал делопроизводитель VII класса И. А. Персиани — красивый, очень высокий шатен с небольшой бородкой клинышком. Он, вопреки моде, носил всё чёрное и мягкую обувь, не очень стремился выехать на работу за границу, ожидая освобождения хорошей должности в Риме (Рим был его мечтой), и великолепно играл на фортепиано, для чего научился писать левой рукой, чтобы щадить для игры свою правую руку.

На противоположной от Азиатского департамента стороне, в маленькой комнате, выходящей окнами во двор, «сидит какое-то допотопное животное». Его называют *вице-директором* департамента. С ним общаются только старшие чиновники, и он редко появляется в залах. Он постоянно сидит в своей клетке и трудится. Он — большой труженик.

А ещё есть *директор или начальник департамента*: «Это совсем важная птица. У него большой кабинет и приёмная. К нему ходят всевозможные посетители, начиная с иностранных послов, посланников и элегантных дам и кончая черногорскими выходцами и сербскими студентами»*. Когда начальник приходит в министерство, на пороге залы появляется курьер с испуганным лицом и произносит магическое слово «пришёл». Тогда оба начальника отделения вскакивают из-за столов и с озабоченным видом бегут в кабинет начальника. Они несут ему бумаги на подпись.

В зале каждый начинает гадать: «прошла» бумага или «не прошла». Особенно переживают те, кто готовил этот документ. Если бумага «не прошла», придётся её переписывать. А переписывать часто приходится из-за одного слова. Каждый исходящий документ имел черновик**. Когда он был окончательно согласован и отработан, его переписывали набело, чистовик регистрировали в жур-

---

* Боткин намекает здесь на «увлечение» русского правительства и русской дипломатии «восточным вопросом», поддержкой единокровных и единоверных балканских славян — Сербии и Черногории.

** Как раз черновики-то и осели в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), а оригиналы чаще всего имеются только с входящих документов.

нале, снабжали номером и отсылали через экспедицию адресату, а черновик за тем же номером приобщали к соответствующему делу (досье).

Бумагооборот был огромным, все писали всем — даже общение между столами в одной зале происходило в письменном виде. Естественно, новичку Боткину всё это мало нравилось (писать-то приходилось ему!), и он полагал, что многие вопросы можно было решать устно. Он считал возможным уменьшить переписку и с этим «рацпредложением» пошёл к начальнику — надо полагать, не к самому высокому.

— Вы это что? — произнёс тот с недоумением. — Сократить переписку вздумали, а потом вам понадобится, чего доброго, ещё упразднить департамент? — И то ли в шутку, то ли всерьёз, добавил: — Потрясаете основы нашей государственности, милостивый государь мой революционер!

«Больше я, — пишет Боткин, — этого вопроса не затрагивал».

Все несекретные бумаги фиксировала *регистратура* (секретная переписка регистрировалась по столам), располагавшаяся на том же этаже, что кабинеты вице-директора и директора. Заведовал ею молчаливый и сосредоточенный А. А. Скиндер, впоследствии сошедший с ума. К регистратуре примыкала чайная комната «Ч. А. Д. О.».

«Тёмные лестницы, тёмные коридоры, заставленные шкафами...» — так описывают мемуаристы внутренние помещения Министерства иностранных дел. Но какое скопление людей всех видов, типов и национальностей! Кого только не встретишь в коридорах министерства — ведь доступ на эти три этажа казённого здания, построенного полукружьем на площади перед Зимним дворцом, был свободным для всех желающих. Выезжая на извозчике из-под арки с Морской улицы, надо было только сказать:

— Второй подъезд направо.

Перед взором слезшего с извозчика седока возникало маленькое крыльцо, потом низенькая передняя, заставленная вешалками, а в глубине виднелась лестница. «Так и хочется сказать: “Больше света!”» — пишет Боткин.

Летом, когда начальство переезжало жить на дачи,

работалось лучше. Продукцию бумагооборота курьеры исправно возили для просмотра за город. Оставшиеся в городе невольно сближались. У чиновников возникали общие интересы, они вместе проводили вечера, собирались друг у друга «повинтить», то есть сыграть в карты, в винт.

«Министра мы никогда не видим, — продолжает Боткин, — он где-то там за дверями, охраняемыми “министерскими собаками” — курьерами. Каждый департамент живёт своей жизнью». Дипломаты министерства в полном сборе бывали очень редко: один раз в год министр устраивал раут для всех своих подчинённых, а ещё поводом для всеобщего сбора являлись панихиды по усопшим. Старшие чиновники стояли в церкви в первых рядах, а «мелочь» толпилась сзади, кто как мог. На «камчатке», как правило, возникал шёпот примерно одинакового содержания:

— Кто бы сказал! Разве он был болен?

— Не знаю... Говорят, его уже давно считали отпетым...

— Слышали, кого прочат на его место?

— Смирнова, кажется.

— Да нет, вы шутите... Не может быть!

— Уверяю вас.

— Да ведь место давно обещано другому!

— Не знаю, не знаю...

От этих панихид, пишет Боткин, в душе всегда оставался неприятный осадок.

Нашего знакомого Соловьёва, к примеру, посадили переписчиком в Турецкий стол, начальником которого был А. А. Нератов, ставший потом товарищем министра. Столоначальник никогда не выезжал за границу и всю свою карьеру сделал в стенах министерства — как и будущий министр граф Ламздорф. Нератова ценили за трудолюбие и знание канцелярского обихода. Местные остряки шутили, что Нератов — русский Жюль Верн, объехавший весь мир, не покидая письменного стола.

Греческим столоначальником в то время был С. А. Лермонтов, закончивший свою службу в Министерстве иностранных дел посланником в Штутгарте*.

---

* До окончания Первой мировой войны, кроме посла в Берлине,

Политическим столом заведовал С. С. Кетов, о котором говорили, что он не работал, а священнодействовал. Прежде чем приступить к расшифровке или зашифровке телеграммы, он предварительно торжественно вдвигал монокль и зажигал сигару. Делопроизводителем Азиатского департамента был Н. Г. Гартвиг — человек весьма представительный и энергичный, несмотря на свою тучность. При Ламздорфе он станет начальником Азиатского департамента, а потом выедет послом в Персию и закончит свою жизнь и карьеру в драматические дни июля 1914 года посланником в Сербии (к этому человеку мы будем ещё не раз возвращаться).

Интересную категорию низшего чиновничьего звена министерства представляли собой курьеры. Как вспоминает Чиркин, «их была целая стая, собиравшая обильную жатву с чиновников и посетителей. Для них была негласная такса: по рублю за «доклад». Чтобы пройти весь круг представлений начальству, дипломаты должны были заплатить курьерам мзду в размере пяти рублей. А представления в МИД шли непрерывной чередой. Времени на то, чтобы самим «пробиться» к начальству, у дипломатов, особенно у отпускников, не было, вот и приходилось обращаться к услугам «курьерской стаи». Упоминавшийся выше курьер директора Богданов за свои услуги даже умудрился «выклянчить» у турок «орденюк», чем вызвал недовольство у дипломатов — кавалеров этого ордена.

...Вместе с Соловьёвым в Министерство иностранных дел поступил князь А. А. Гагарин, бывший ординарец туркестанского генерал-губернатора и отставной офицер. Он был на десять лет старше Соловьёва, но свою карьеру в МИД тоже начал с переписывания бумаг. Они оба наносили совместные обязательные визиты своим сослуживцам и постигали азы и секреты искусства переписчика.

Страшным неудобством для всякого переписчика было исправление ошибок и удаление помарок. Для

многие страны держали миссии и посольства в бывших княжествах и землях Германии, которые хотя и вошли в состав объединённой Германии, но продолжали сохранять некоторые признаки былой независимости.

этих целей использовался специальный инструмент — вид подушечки, заполненной *сандаракком* — душистой смолой, добываемой из коры сандаракowego дерева и используемой также в живописи для изготовления лаков. (Вот мы и объяснили читателю, откуда пошло русское словцо «*насандарачиться!*»!)

Были такие «насандарачившиеся» сотрудники, которые на переписке бумаг делали своего рода карьере — например, тайный советник Бауэр, специализировавшийся на переписке верительных грамот и «всеподданнейших докладов», то есть докладов самому государю. Он обладал таким почерком, который, по мнению Соловьёва, был совершенно недоступен простым смертным. Кстати, граф Ламздорф сделал свою карьеру не в последнюю очередь благодаря красивому почерку и умению чинить карандаши и гусиные перья для канцлера А. М. Горчакова.

Впрочем, трудились на дипломатическом поприще и иные «виртуозы каллиграфии». Они достигали таких «высот», что написанные ими документы с трудом поддавались чтению. Так, С. Д. Сазонов, будучи министром иностранных дел, постоянно жаловался на то, что не может читать письма, составленные лондонским послом А. К. Бенкендорфом — до того кудреватого и замысловатого исполнял он латинские литеры. Граф до конца своих дней писал исключительно на международном языке дипломатии — на французском языке. Парадокс, вспоминал потом его советник К. Д. Набоков: насколько Александр Константинович выглядел мудрым в устной речи, настолько плоскими и тривиальными выглядели его письменные политические отчёты в Центр. Все его умные мысли в них куда-то улетучивались, его выводы были то изысканно длинноватыми и запутанными, то отрывочны и недостаточны*.

Поступивший в МИД несколькими годами раньше Соловьёва И. Я. Коростовец вспоминает, что обстановка на Певческом Мосту была очень спокойной и патриархаль-

---

* А. К. Бенкендорф с трудом перенёс гибель в войне своего любимого единственного сына. Потом последовало охлаждение отношений с Сазоновым, а 7 января 1917 года он простудился, заболел воспалением лёгких и через пять дней скончался. На нём царский период дипломатии в Великобритании фактически закончился.

ной. Все интересы и разговоры чиновников вращались вокруг карьеры, продвижения по служебной лестнице, получения хорошего места за границей и критики того или иного начальника. О настоящем деле — взаимоотношениях с иностранными государствами — практически не говорили. Но обстановка в министерстве была демократичной, все были равными: и «плебеи» из купцов, и остзейские бароны с приставкой в фамилиях частицы «фон». Выделялись из общей среды так называемые *экспортные*, то есть те, кто успел послужить за границей, и служащие канцелярии. Они отличались изящными манерами и модной одеждой. Поскольку жалование дипломатам Центра платили ничтожное, то многие жили в долг, уповая на то, что расплатятся с кредиторами после какой-нибудь заграничной командировки. Почти все охотно предлагали себя в курьеры для доставки дипломатической почты в посольства, миссии и консульства, потому что командировочные — так называемые *курьерские дачи* — курьерам платили щедро и золотом, и деньги почти всегда оставались наполовину неизрасходованными.

В Азиатском департаменте в начале 1890-х годов начальствовал известный дипломат И. А. Зиновьев (1835—1917), отличавшийся поразительной работоспособностью, делавший всё сам и не допускавший подчинённых даже к составлению какого-нибудь второстепенного письма. «Эта страсть входить в каждую мелочь, — пишет Коростовец, — задерживала деятельность министерства, но Зиновьев не доверял даже опытным чиновникам... Думаю, он не прочь был заняться вообще всей перепиской и совершенно упразднить штаты чиновников, предоставив им пить чай и критиковать начальство».

Одним из последствий такого поведения начальника стало распространение среди его подчинённых всеобщей скуки и праздности. Как правило, дипломаты собирались к завтраку в «чиновничьем парламенте», то есть чайной министерства, и приступали к обсуждению любимых тем. От нечего делать дипломаты стали придумывать себе всякие развлечения, розыгрыши, пари и т. п. В департаменте работал некто Харламов, возомнивший, что за ним охотятся террористы-народники. Приходя на работу, он обычно обыскивал все столы, шкафы

и прочие укромные места в кабинете, в которых могла быть спрятана адская машина. Его коллега И. Баллас предложил разыграть Харламова, используя его манию преследования. Розыгрыш подготовили основательно: вовлекли в него самого Зиновьева, представив его Харламову как «главного террориста», и профессора Мережковского, работавшего в психиатрической больнице по соседству с Певческим Мостом.

В один из дней Баллас невинно предложил Харламову прогуляться на острова, где располагался сумасшедший дом, с намерением оставить его там на некоторое время. Последствия розыгрыша оказались непредсказуемыми. К концу рабочего дня сияющий от счастья Харламов появился на работе один. Коллеги поинтересовались, где же Баллас. Харламов торжественно объявил, что Баллас хотел посадить его в «дурдом», но вышло всё наоборот.

— Меня не проведёшь, — заявил он и рассказал, что профессор Мережковский сразу понял, кто из двух был душевнобольным и одержим манией преследования. Он вызвал санитаров, и те стали быстренько вязать Балласа, чтобы надеть на него смирительную рубашку. Заговорщик отчаянно сопротивлялся, но что мог противопоставить хилый дворянин силе двух дюжих русских мужиков? Рубашку на шутника быстро надели, и нового пациента отвели в карцер.

В кабинете возникла немая сцена, достойная пера автора «Ревизора». Такого результата завсегдатаи «чиновничьего парламента» вряд ли ожидали! Немедленно снарядили делегацию для освобождения из сумасшедшего дома бедняги Балласа. Профессор Мережковский оказал дипломатам упорное сопротивление, утверждая, что Баллас и в самом деле был психически болен.

...Азиатский департамент по своему кадровому составу делился на две части: одна из них включала сотрудников, не владевших восточными языками и, как правило, происходивших из дворян; а вторую категорию составляли настоящие «восточники», знавшие восточные языки, но по социальному происхождению представлявшие собой разночинные слои русского общества. Первые могли сделать карьеру вплоть до посла, в то время как вторые шли в основном по драгоманской

части. Из «восточников» мало кто становился послом, но всё-таки такая возможность существовала и для них. Например, драгоманами начинали свою службу русский посол в Афинах М. К. Ону и посол в Константинополе И. А. Зиновьев. Генконсулом в Харбине был немец Н. М. Поппе, сын почтенного немца-портного с Васильевского острова. Если для дворянина Стюарта, закончившего службу в должности генерального консула, карьера считалась неблестящей, то для сына портного её можно было считать вполне удавшейся.

...Переписывать бумаги Соловьёву пришлось всего два месяца, а потом его призвали отбывать воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося в гвардейском уланском полку. Служить пришлось целый год. После службы в армии ему предстояло сдавать так называемый дипломатический экзамен, дающий право на занятие кадровой дипломатической должности. Первые месяцы работы в Турецком столе, таким образом, ничего не значили — это была своего рода стажировка после лица, а теперь нужно было формально подтверждать свои способности к дипломатической карьере. Без сдачи дипломатического экзамена выезд за границу для работы дипломатом исключался.

На экзамене Соловьёв появился в уланской форме. Всего в экзаменационном потоке было около двадцати абитуриентов. Экзаменоваться пришлось по международному праву, политэкономии и иностранным языкам. Помимо того, экзаменующиеся должны были представить письменные работы на русском и французском языках в виде сочинения по дипломатической практике, экономического отчёта или разбора какого-нибудь консульского дела. Главным экзаменатором выступал строгий и неумолимый профессор Ф. Ф. Мартенс, который, к счастью, уже знал Соловьёва, приняв у него выпускной экзамен в Александровском лицее. Члены экзаменационной комиссии принимали во внимание и такой фактор, как родство кандидата с карьерным действующим дипломатом. Так, комиссия вполне снисходительно отнеслась к слабо подготовленному Гельске,

поскольку в списке против его имени значилось, что его отец — министр-резидент* в Веймаре.

Сдав экзамен, Соловьёв вернулся в «свой» Азиатский департамент и проработал там некоторое время в политическом столе на архивных делах, а потом даже временно заведовал Славянским столом, занимавшимся странами Балканского полуострова**. Архивы департамента, пишет Соловьёв, находились в таком беспорядке, что разобраться в них могли только долго проработавшие в министерстве люди, отчего злые языки утверждали, что архивисты специально держат свои документы в беспорядке, чтобы сделаться незаменимыми. Картонную коробку с делом митрополита Михаила Сербского Соловьёву пришлось искать несколько дней, пока случайно не обнаружил её... под столом.

После того как дипломата зачисляли в штат министерства, на него в Департаменте личного состава и хозяйственных дел заводили формулярный список — личное кадровое дело, которое включало в себя следующие данные:

1. Чин, имя, фамилия и отчество, должность, возраст, вероисповедание, знаки отличия.

2. Из какого звания происходит.

3. Наличие за ним, за его родителями, женой или детьми недвижимого имущества (сокрытие такового считалось в системе МИД грубейшим нарушением дисциплины и строго каралось).

4. Где получил воспитание, какое учебное заведение окончил, когда поступил на службу, главные моменты прохождения службы (отличия, награды, наказания).

5. Был ли в походах и сражениях против неприятеля.

6. Не был ли в штрафах, под следствием или судом.

7. Отпуска, сроки их проведения и сведения о том, не являлся ли из них к месту службы с запозданием.

8. Не уходил ли в отставку, и если да, то когда и на какое время.

9. Семейное положение, наличие детей.

---

* Министр-резидент — дипломатический представитель, по рангу стоящий ниже посланника.

** Балканы, между прочим, считали тогда регионом восточным (из-за его оккупации Турцией), а Русско-турецкая война 1877—1878 годов называлась «Восточной».

Все эти данные заносились в соответствующие графы. Если в положении дипломата происходили изменения, то старые данные аккуратно зачёркивались и рядом микроскопической вязью вписывались новые. Когда формулярный список, таким образом, становился неприглядным, кадровик заводил следующий. Формулярные списки имели порядковые номера, присваиваемые за каждый год.

Познакомимся с формулярным списком № 46, заведенным на поэта Ф. И. Тютчева (1803—1873) и обновлённым по состоянию на 1852 год. В это время поэту-дипломату исполнилось 49 лет. Фёдор Иванович уже статский советник (чин 5-го класса Табели о рангах), имеет солидную выслугу лет и занимает в Министерстве иностранных дел достаточно высокую должность; он — чиновник особых поручений и старший цензор при особой канцелярии МИД, камергер двора его императорского величества, состоит во втором браке.

В списке указано родовое имение дворянина Тютчева в Орловской губернии, за которым числилось 700 крестьянских душ. В подтверждение этого Тютчев при поступлении на службу по дипломатическому ведомству представил копию определения (справки) Орловского дворянского собрания. Отмечено, что благоприобретённого имения у дипломата нет.

Воспитание (то есть образование) получил в Московском университете, окончил там курс с получением степени кандидата и 21 февраля 1822 года вступил в службу в Коллегию иностранных дел. Спустя три месяца молодого дипломата *причислили* к миссии в Мюнхене сверх штата. В 1825 году он был повышен в чине до коллежского секретаря и стал камер-юнкером высочайшего двора, а три года спустя ему дали чин титулярного советника и должность 2-го секретаря миссии. В 1832 году он стал коллежским асессором, 31 декабря 1835 года — камергером двора.

В 1835 году, в связи с утверждением нового должностного расписания в Министерстве иностранных дел, Тютчев стал младшим секретарём той же миссии в Мюнхене и получил звание надворного советника. Далее читаем: «В вознаграждение ревностной службы его пожалова-

но на уплату долгов 100 червонных голландских июля 18, 1836». С 28 июня по 22 августа исправлял должность поверенного в делах. На этот счёт в архивах хранятся две докладные записки Тютчева в Департамент личного состава и хозяйственных дел: «Честь имею донести Департаменту, что Его Сиятельство князь Г. Н. Гагарин, отлучившись на короткое время из Мюнхена для посещения Карлсбадских минеральных вод, перед отъездом своим, воспоследовавшим сего 28 июля/9 августа, представил меня г. министру иностранных дел барону... в качестве поверенного в делах, и что я с того же дня вступил в отправление возложенной на меня должности. Ф. Тютчев».

Двадцать второго августа Фёдор Иванович аккуратно уведомил департамент о прибытии посланника князя Гагарина к месту службы и о сложении с себя обязанностей управляющего миссией.

В августе 1837 года Тютчев стал старшим секретарём миссии. Год спустя на компенсацию дорожных расходов и за ревностную службу ему был *пожалован* полугодовой оклад. С 23 июля 1838 года по 25 июня 1839 года он исполнял обязанности временного поверенного в делах при Сардинском дворе. Пометкой от 20 июля 1837 года сообщается: «За убытки, понесённые им при пожаре на пароходе “Николай Первый”, всемилостивейше повелено выдать ему из Государственного казначейства 800 червонных».

В 1839 году поэт стал коллежским советником и в октябре 1839 года возвратился из Турина в Россию «с оставлением до новаго назначения в ведомстве МИД». В июне 1841 года за несвоевременную явку из отпуска наказан и уволен с дипломатической службы, а спустя два года — снова восстановлен на ней. Через год Тютчев не только реабилитирован, но и повышен в звании и должности до чиновника особых поручений 6-го класса, при самом канцлере Нессельроде! В феврале 1848 года он — чиновник особых поручений 5-го класса и статский советник, а через три года — обладатель знака отличия *беспорочной службы* за 20 лет (грамота № 422 от 22 августа 1851 года), что примерно соответствует современной медали за выслугу лет.

Под судом и следствием не состоял, в военных походах не участвовал.

Особо отмечены поездки Тютчева в качестве дипломатического курьера: в 1833 году — из Мюнхена в Зант, в 1837 году — из Петербурга через Берлин и Мюнхен в Турин, а в 1847 году — из Петербурга через Берлин в Цюрих. Отметим попутно, что курьерская работа считалась незазорной и для такого опытного и уже не молодого дипломата.

Женат вторым браком на баронессе, вдове Дёрнберг, урождённой Пфедфель, римско-католического исповедания. Имеет от первого брака дочерей Анну 21 года, Дарью 17 лет и Катерину 16 лет от роду; от второго брака — сыновей Дмитрия, 14 июня 1841 года рождения, Ивана, 30 мая 1846 года рождения, и дочь Марью, 23 февраля 1840 года рождения. Пометки: «дети православные» и «все находятся при отце». Русская церковь и государство ревностно следили за сохранением православного вероисповедания детей, рождённых в смешанных браках

В 1838 году Ф. И. Тютчев подал в Департамент личного состава и хозяйственных дел прошение помочь устроить пасынка Альфреда Петерсона, 13 лет, сына первой своей жены Элеоноры, урождённой графини Ботмер, в морской кадетский корпус. Так как прошение поддержал сам Нессельроде, оно получило высочайшее одобрение.

В мае 1861 года поэт, уже находясь на «заслуженном отдыхе», запросил ДЛСиХД о выдаче копии со своего формулярного списка. Причина — устройство сына в Санкт-Петербургский университет.

Глава седьмая

Форма дипломатов

Москвич в Гарольдовом плаще...

А. С. Пушкин

В XIX — начале XX века вся чиновничья Россия, включая дипломатов, была одета в мундиры. Главным цветом дипломатических мундиров и головных уборов

определён тёмно-зелёный, пошивочным материалом являлось сукно.

Дипломаты обязаны были иметь парадную и повседневную форму одежды. В комплект входили:

полукафтан на девяти пуговицах (пуговицы матово-белого цвета, выпуклые), с красным (консульские мундиры — с вишнёвым) суконным же воротником и обшлагами, с чёрной подкладкой (шёлк или саржа);

вице-полукафтан;

мундирный фрак с чёрным воротником и двумя рядами по шести пуговиц в каждом;

сюртук двубортный на шести же пуговицах;

жилет из белого или чёрного сукна;

галстук шёлковый чёрного или белого цвета;

шпага обычная, гражданская;

перчатки белые замшевые;

треугольная шляпа;

фуражка тёмно-зелёного же сукна с чёрным околышем;

пальто (двубортное, с двумя рядами пуговиц по шесть штук в каждом, подборой из чёрного стамеда, зимний воротник может быть меховым) или

шинель с капюшоном и чёрным подбоем (зимний воротник может быть с мехом).

Разработаны были также образцы летней одежды для консульских чиновников, работавших в жарких — восточных — странах.

Примечательно, что белые пуговицы на дипломатическом мундире были яркой отличительной чертой внешнего вида дипломатов. Когда великий князь Михаил Николаевич (1832—1909), председатель Государственного совета, решил похвалить своего статс-секретаря А. А. Половцова за дипломатическую сноровку при решении какого-то дела, он употребил следующее выражение:

— Вам надо бы выдать белые пуговицы.

В апреле 1897 года министр М. Н. Муравьёв оповестил всех господ дипломатов о введении новой парадной формы одежды, для ношения которой были оговорены следующие случаи: а) закладка и освещение церквей, спуск кораблей на воду, прибывание знамён и

штандартов, публичные собрания, акты, экзамены; б) церковные парады, военные учения, лагерные сборы, походы, маневры; в) вызовы в суд; г) заседания кавалерских дум и собраний и д) командировки по делам службы.

Дипломаты называли новую форму одежды «муравьевской».

В предметы дипломатического гардероба теперь входили: сюртук из чёрного сукна, двубортный, гражданского покроя с «юбкой» до колен; воротник тоже чёрный, бархатный и отложной, без выпушек; пуговицы серебряные с орлом по шесть штук на борт, по две малые пуговицы на рукавах и по четыре — на карманных клапанах; концы воротника с обрамлениями из серебряных знаков с изображением двуглавого орла на венке из дубовых и лавровых листьев;

жилет чёрного сукна или белого пике с шестью пуговицами;

галстук чёрный шёлковый произвольной формы;

фуражка с козырьком из чёрного сукна офицерского образца с алой (для старших классов) и вишнёвой (для прочих чиновников) выпушкой;

шпага гражданского образца с темляком;

сапоги короткие без шпор;

пальто двубортное офицерского образца чёрного сукна с серебряными пуговицами, как на сюртуке;

плечевые знаки — продольные погоны из серебряного плетёного шнура (первые четыре класса имеют генеральский шнур);

тужурка — укороченное пальто.

В летнее время дипломатам, работающим в жарких странах, вместо фуражки разрешалось носить пробковые каски, обтянутые белой материей. В восточных странах дозволялось носить шашки офицерского образца — например в Персии.

Новая форма, как водится, была кое-где встречена без особого энтузиазма. Государство явно пошло на удешевление и упрощение одежды дипломата, и это понравилось далеко не всем. Консул в Штетине Гамм направил в Центр подробное письмо о том, как ему пришлось присутствовать на спуске крейсера «Новик» и как

невыгодно смотрелись дипломаты на фоне бравых военных моряков, сохранивших в своей парадной одежде треугольные шляпы. Консул осторожно спрашивал, не соблаговолит ли начальство сохранить в парадной одежде дипломатов красиво смотрящиеся треуголки. Ответ Департамента личного состава и хозяйственных дел был строг и неумолим: положение о форме одежды уже утверждено самим императором, и об изменениях в нём не может быть и речи. К тому же треуголки, по мнению руководства, доставляют большие неудобства (по-видимому, имелось в виду их свойство при сильном порыве ветра слетать с головы).

Не предусмотрена была форма и для жарких стран, например для Индии. Вице-консул генерального консульства в Калькутте Л. Х. Ревелиогги, приглашённый на коронационные торжества короля Георга V, проходившие на площади Дурбар, вспоминал, что стояла такая жара, когда любой, не защитивший свою голову от солнечных лучей, скончался бы от солнечного удара. Он заказал для себя и для сопровождающего лица тропические каски (шлемы), а с отличительными знаками пришлось импровизировать на ходу, нацепив на них спереди государственную эмблему — двуглавых орлов, а кокарды с галуном — сбоку. «Барон Буксгевден (директор ДЛСиХД. — Б. Г.) упал бы в обморок, узнав об этом», — пишет он в своих воспоминаниях.

Глава восьмая

Назначение на загранслужбу

Мы все глядим в Наполеоны...

А. С. Пушкин

Упомянутый выше А. А. Нератов, никогда не выезжавший награничную работу, был, конечно, исключением. Большинство дипломатов стремились выехать на работу в миссию, посольство или консульство. В те времена положение сотрудников центрального ведомства и сотрудников загранучреждений, как и теперь, отлича-

лось коренным образом: за границей можно было приобрести бесценный опыт, служившие за границей имели более живую и интересную работу, они быстрее продвигались по служебной лестнице и получали несравнимо более высокое жалование. Не всем выпадало «счастье» покинуть скучную канцелярскую работу Центра и окунуться в иной мир, поэтому ревность к «счастливчикам» была сильной и естественной, не без неприязни.

Но эти законные стремления дипломатов, особенно начинающих, не всегда были выполнимы. Во-первых, вакансий за границей, как правило, оказывалось меньше, чем желающих их занять. Во-вторых, в Министерстве иностранных дел существовал негласный порядок, согласно которому за границу направляли часто не тех, чья подошла очередь, а тех, кто сам или чьи родители обладали связями, то есть, грубо говоря, по блату. Способных и умных, но безродных, в чиновничьей России жаловали редко.

За право выехать за границу шла иногда подспудная, а иногда и открытая драчка. В ней самое активное участие принимали послы. Они пытались «вытащить» к себе в посольства «нужных» людей, в то время как в Центре на этих людей были иные планы, и понятия «нужных» людей у послов и руководителей центрального аппарата часто не совпадали.

О ненормальной обстановке вокруг назначений на заграничную службу было широко известно всем, только признаваться в этом никто не хотел. Существовали «хорошие» страны, например страны Европы, в которые назначали дипломатов часто по протекции, и «плохие» (страны Востока), куда ехали люди по долгу службы. Барон П. Л. Унгерн-Штернберг, отвратительно зарекомендовавший себя в войне с японцами (он был в числе первых офицеров броненосца «Николай I», который сдался японцам в плен, но был оправдан военным судом), по рекомендации родственника, бывшего министра юстиции графа Палена, поехал в «престижную» командировку в Копенгаген на должность второго секретаря. Посол, барон К. К. Буксгевден, честный и принципиальный служака, давая своему соотечественнику характеристику, писал в 1912 году в Центр, что

«...обладая весьма недостаточным общим образованием», барон Унгерн-Штернберг «ничего не предпринимает для восполнения пробелов в своих познаниях», «является совершенно неподготовленным для канцелярской работы» и большую часть времени проводит за игрой в бридж и теннис с офицерами императорских яхт, стоящих в Копенгагене.

Первый секретарь посольства в Лондоне, известный нам П. С. Боткин, принявший при Извольском активное участие в реформировании Министерства иностранных дел, писал Ламздорфу: «Посольства, где жизнь приятнее и веселее, сделались положительно недоступными для большинства чиновников, оставаясь привилегией лишь некоторых... Постоянные исключения, оказываемые в пользу одних и в ущерб другим, положительно деморализуют нашу дипломатическую карьеру, увеличивая горечь и разлад, существующие между иностранными чиновниками и центральным ведомством».

В ответном письме Боткину товарищ министра В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий (1848—1907), не моргнув глазом писал, что «подобные случаи неизвестны».

Места «повеселее» находились, конечно, в Париже, Лондоне, Вене, Берлине и вообще в Европе, а менее «весёлые» — в Азии или Америке. Впрочем, не вся Европа привлекала царских дипломатов. Такое место, как миссия в Стокгольме — предел мечтаний нынешнего российского дипломата, не пользовалось у них особой популярностью. Дочь царского дипломата Ирина Еленина, прожившая после 1917 года в Швеции 25 лет, вспоминает о том, что её отец называл назначение в Швецию ссылкой: «...Получившие такое назначение сразу же осведомлялись, когда можно ожидать перевода из Стокгольма на другой пост». Причины? Еленина, «помимо разного мирозерцания» шведов, называет их «исключительный провинциализм». Под «разным мирозерцанием» она указывает «врождённую глубокую антипатию ко всему русскому», присущую шведам не только из-за незаживающей раны, нанесённой им в 1709 году под Полтавой, но и в силу принципиальной разницы между славянством и скандинавизмом вообще.

А посол в Стокгольме А. В. Неклюдов накануне Первой мировой войны сообщал С. Д. Сазонову о преобладании в шведском обществе исключительно прогерманских настроений и советовал: «Было бы опасно чем-либо оскорблять весьма чуткое в Швеции самолюбие».

Но всё в мире относительно. Самые непопулярные («варварские») страны и отдалённые заграничные посты воспринимались некоторыми дипломатами с большим энтузиазмом. Воспоминания царского дипломата К. Д. Набокова начинаются, например, с такого утверждения, что пост генерального консула в Калькутте является, по его мнению, одним из наиболее интересных или «быть может самым интересным, если, конечно, не считать посольских постов при великих державах». Всё зависело от того, что хотел дипломат от конкретной страны и конкретного поста и с каким настроением он туда ехал. Предшественник Набокова Б. К. Арсеньев буквально сбежал из Индии, не выдержав ни жаркого климата, ни настороженного отношения колониальных британских властей, ни экзотики Индии с её животным и растительным миром. Исполнявший обязанности Арсеньева вице-консул Леонид Х. Ревелиотти, напротив, воспринял Индию с открытым сердцем. (Кстати, этот итальянец на русской службе приехал в Калькутту из Каира с женой и был в консульском корпусе Индии единственным женатым иностранным генконсулом.)

С. В. Чиркин, окончивший курс Учебного отделения восточных языков весной 1902 года, рассказывает, что им, драгоманам, сразу после выпускных экзаменов предложили должность секретаря консульства в Джедде (ныне Саудовская Аравия, а в то время — Османская империя). Это был большой соблазн и большой риск одновременно. Плюс заключался, конечно, в том, что молодой дипломат сразу выезжал, так сказать, на оперативный простор и мог не прозябать годами на канцелярской работе в Центре. Но в этом варианте таилась большая опасность лишиться статуса «настоящего» дипломата, приобретаемого только в результате сдачи квалификационных экзаменов. Уехать за границу и застрять там надолго на низших должностях с приставкой «исполняющий обязанности» (потому что сдавать

квалификационный экзамен с каждым годом становилось всё труднее и труднее) было тоже неразумно. Предложение принял тот самый Чирков, который завёл роман с мадам Лоран.

...П. С. Боткину повезло: после трёхлетней работы в Азиатском департаменте он был «причислен к Западу», и скоро ему было предложено штатное место делопроизводителя VIII класса. А потом, пишет он, вышло ещё лучше — освободилось место 2-го секретаря в Вашингтоне, причём участвовать в «скачках» Петру Сергеевичу не пришлось, потому что на это место не было ни одного претендента! У дипломатов считались престижными лишь должности в Европе, а Америка была у чёрта на куличках, и ехать туда никто не желал. Характерно, что начальство проявило участие в судьбе молодого дипломата и искренно стало отговаривать его ехать в Вашингтон.

— Подождите немного, и освободится место второго секретаря в Берне, — говорили они. — Из Америки письма идут три недели!

Боткин их не послушал и в Америку поехал.

Упомянутому выше Коростовцу И. А. Зиновьев послужил командировку в Турцию, но категорически запретил ему жениться. Причина тому заключалась в том, что мадам Елена Николаевна, урождённая Анненкова (1837—1904), жена посла в Константинополе А. И. Нелидова (1835—1910), женатых секретарей не жаловала. Объяснение было простое: всех подчинённых мужа она считала своими слугами. «Милая привычка иметь на побегушках молодых сотрудников, исполнителей роли домашних животных!» — замечает Коростовец. Женатый дипломат на роль «домашнего животного» для мадам Нелидовой не подходил — ведь его супруга могла оказаться женщиной с достоинством и возразить против «эксплуатации» мужа.

Но Коростовец был человек упрямый и, как он сам пишет, критически настроенный, а потому предупреждение Зиновьева попросту проигнорировал. После его женитьбы результат не замедлил сказаться: дипломат сразу попал в категорию неблагонадёжных, от командировки в Константинополь отставлен и вынужден

был просидеть в затхлом кабинете департамента ещё несколько скучных и безнадёжных лет. Его час пробил, когда коллега Бруннер отказался принять назначение в Пекин, потому что его тёща ни за что не захотела отпускать с ним свою дочь в «эту варварскую страну — Китай». Иван Яковлевич поехать в варварскую страну не побоялся, потому что полагал, что любая варварская страна была лучше надоевшего до смерти Азиатского департамента. Коростовец взял с собой не только жену, но и маленького сына Флавия.

Неизвестно, сколько времени «проболтался» бы в «переписчиках» третий наш знакомый — молодой Соловьёв, если бы кто-то из его родителей не поговорил с министром, князем А. Б. Лобановым-Ростовским. Одним прекрасным утром в Азиатский департамент принесли записку от министра, в которой говорилось, что приписанный к департаменту Юрий Яковлевич Соловьёв назначается вторым секретарём российской миссии в Пекине. В те времена посольства, полноправные дипломатические представительства, были учреждены лишь в «главных», то есть наиболее важных для России странах: в Турции, Германии, Италии, Франции и Англии. Во главе посольств стояли, естественно, послы, в то время как миссии возглавлялись посланниками или министрами-резидентами.

Посланник в Пекине, будущий начальник Соловьёва, граф А. П. Кассини, добился перемещения своих первого и второго секретарей в другие страны против их желания, а на освободившуюся вакансию первого секретаря назначил своего любимчика А. И. Павлова. Место второго секретаря, в силу сложившихся между Центром и миссией нездоровых отношений, долгое время никто не хотел занимать, и вмешательство Лобанова-Ростовского, назначившего Соловьёва в миссию, сильно облегчило дело.

Это был решающий шаг в дальнейшей карьере дипломата. «Молодые сотрудники годами ждали назначения на первую заграничную должность, нередко получая её в возрасте, который уже не соответствовал данному посту», — пишет современный исследователь царской дипломатии посол А. И. Кузнецов.

Записка министра о направлении Соловьёва в Пекин произвела среди сотрудников Азиатского департамента настоящий фурор. Скоро сам «именинник» почувствовал резкую перемену в отношениях к нему товарищей по работе. Никто из них не мог простить ему того обстоятельства, что назначение в заграничную командировку произошло помимо их ведома и содействия. Получение льгот и преференций в обход общего порядка среди рядовых сотрудников Министерства иностранных дел не приветствовалось. И хотя в России всегда пользовались «блатом», тем не менее реакция на это среди тех, кто им не пользовался, была негативной.

Став потом дипломатом со стажем, Соловьёв мог при следующем назначении оставить за собой право отказа, если оно его по каким-либо причинам не устраивало. Например, после досрочного окончания своей миссии в Черногории, прерванной в 1905 году по вине черногорского княжеского двора, Соловьёву предложили место дипломатического чиновника при главнокомандующем русской армией в Маньчжурии генерале Линевице, но он отказался. Ехать, как он выразился, к шапочному разбору, когда армия расформировывалась, а проигранная война с Японией заканчивалась, никакого смысла не было. Ему лично всё равно, куда ехать, но нужно ли это правительству?*

Эти доводы, которые Соловьёв изложил директору Азиатского департамента Н. Г. Гартвигу (министр В. Н. Ламздорф принять Соловьёва не захотел), оказались вполне убедительными, и дипломату предложили место дипломатического агента при варшавском генерал-губернаторе.

Несколько слов о *дипломатических агентствах*. В отличие от посольств и миссий, они учреждались не в иностранных государствах, а при русских генерал-губернаторах в краях и областях, присоединённых к Российской империи (Польша, Средняя Азия), или, на-

---

* Подобный отказ от поездки для нынешнего дипломата, если он не был мотивирован состоянием здоровья или другими уважительными причинами, означал бы, что никакого другого предложения он никогда бы больше не получил и стал бы безвыездным. В царском Министерстве иностранных дел, как мы видим, дипломат имел право выбирать, и никакими репрессивными мерами это ему не грозило.

пример, при главнокомандующем русской армией во время её похода по территории противника. Дипагентства выполняли главным образом консультативную и консульскую функции. Все дипломатические вопросы решались военными (какой русский генерал не считает себя дипломатом?), дипагент часто находился в незавидном, а то и в ложном положении, в конфликтных ситуациях царь, как правило, брал сторону военных, поэтому желающих работать в дипагентствах среди дипломатов было мало.

В обязанности дипагента при варшавском генерал-губернаторе Скалоне входило заверение документов для заграницы, выдаваемых российскими судебными учреждениями, а также заверение подписей и печатей иностранных консулов (по-нынешнему, нотариат). Фактически это были обязанности консула.

При варшавском генерал-губернаторе состояли два дипломатических агента. После восстания 1863 года польская автономия была окончательно ликвидирована, вместо наместника в Варшаве учреждался пост генерал-губернатора (последний наместник граф Берг, правда, доработал до 70-х годов), а особая дипломатическая канцелярия была упразднена. Внешнему миру следовало продемонстрировать отсутствие всякой самостоятельности Царства Польского, поэтому варшавским дипагентам предписывалось воздерживаться от контактов с иностранными консулами и ограничиваться оформлением на французском языке переписки между наместником (генерал-губернатором) и государственным канцлером и встречей иностранных гостей, проезжавших через Варшаву.

Такая работа была не по душе деятельному Соловьёву, и к весне 1906 года, составив записку с предложением вообще упразднить в Варшаве институт дипломатических агентов (что и было сделано некоторое время спустя), он приехал в Петербург, чтобы просить место у нового министра А. П. Извольского.

И снова мы вынуждены констатировать, что к доводам дипломата отнеслись со всем вниманием. Извольский хотел было послать Соловьёва 1-м секретарём в

Мадрид, но место было уже занято, и вместо Мадрида Соловьёв поехал первым секретарём в Бухарест.

В практике дипломатических назначений, как во всякой бюрократической процедуре, имели место разные случаи, в том числе волокита, подхалимаж, бездушие, забывчивость и прочие проявления чиновничьей безалаберности. В апреле 1910 года секретарь миссии в Христиании (ныне Осло) И. фон Крузенштерн подал министру С. Д. Сазонову жалобу на то, что его, дипломата с 27-летним стажем, направляют обычным секретарём в Абиссинию, хотя товарищ министра Чарыков и министр Извольский в своё время заверяли его в том, что он будет назначен туда поверенным в делах. Он согласился поехать в Норвегию на должность с понижением оклада, лишь бы дожидаться обещанного повышения в Абиссинии, и вот теперь выходило, что его надежды оказались обмануты. Уменьшение оклада, пишет Крузенштерн, ввело его в крупные расходы, что давало ему формальное право обращаться с жалобой на Министерство иностранных дел в Правительствующий сенат, но он не сделал этого: «Я однако с этим положительно примирился, чтобы доказать, что я всецело подчиняюсь распоряжениям моих начальников, и предполагая, что это положение для меня будет временное... Теперь за милость моего государя меня собираются унижить назначением на низший пост».

На заявлении дипломата, как видно из архивного дела, никто из руководящих работников министерства своей резолюции не оставил. Против того места, в котором проситель упоминает «об участии в моей болезни государыни императрицы» и о вынужденных расходах, кто-то — скорее всего, сам министр — жирно отчеркнул на полях синим карандашом. В архиве заявление Крузенштерна хранится среди тех, которые оставлены без последствий, то есть были положены под сукно.

Обычная русская история с чиновником в гоголевской шинели...

Консульский работник в Палермо А. С. Троянский для устройства карьеры избрал метод, широко известный у русских чиновников — лезть и подхалимаж. Посол в

Риме Иксуль уже выхлопотал ему 15-дневный отпуск в Тунис с сохранением содержания, и Троянский умело воспользовался оказанной ему в Центре благосклонностью. «Усматривая в этом новый знак благосклонного внимания на мне Вашего Превосходительства, — писал он в апреле 1890 года товарищу министра Александру Георгиевичу (Егоровичу) Влангали (1823—1908), — и принося Вам мою глубочайшую признательность за поездку на африканский берег, ныне я принимаю смелость снова почтительнейше просить Ваше Превосходительство благоизволить осчастливить меня представлением мне другого лучшего места в Европе или на Востоке».

И что удивительно: метод, кажется, сработал, и «осчастливленный» подхалим был назначен на новое «лучшее место в Европе» — консулом в Пирее, где 27 августа 1905 года он скончался действительным статским советником. После его смерти в кассе консульства был обнаружен недочёт на сумму 10 332 франка и 75 сантимов. «Внесение сих 10 332 франков 75 сантимов в кассу консульства представляется ныне совершенно немыслимым, — сокрушённо докладывал в Центр посланник в Афинах Муравьёв-Апостол, — потому что вдова покойнаго осталась решительно без всяких средств, если не считать завещанных ей ценных бумаг приблизительно на 2000 рублей, и коллекции античных монет». Посланник явно намекает на то, чтобы простить умершему присвоение казённых денег, приводя в качестве смягчающих обстоятельств 40 лет его службы, из которых 10 лет он провёл в Афинах, и уважение и почёт, которым он пользовался среди греков и коллег.

В деле императорской миссии в Афинах сохранились некоторые документы Троянского, в частности, опись обнаруженных по его смерти документов и некоторого имущества. Любопытно духовное завещание, оставленное дипломатом.

«Духовное завещание

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Оставляю моей милой жене Кате всё немногое, что нахо-

дится в моём доме, деньги, серебряные вещи, мебель, коллекции древностей, книги и пр.

Декабрь 8 дня 1901 года, А. Троянский».

Среди того «немногого», о котором пишет умерший, Екатерине Троянской достались шикарные коллекции древних римских и греческих монет, бриллианты, золотые вещи, жемчуг и кое-что другое. Зря приbedнялся действительный статский советник Троянский!

А вот как на дипломатическую работу назначались «военные соседи» — офицеры Генерального штаба русской армии. Перед нами письмо от 8 мая 1910 года из Главного управления Генштаба, написанное от руки полковником Монкевичем (за обер-квартирмейстера), заверенное делопроизводителем полковником Самойло и адресованное управляющему Департаментом личного состава и хозяйственных дел Кимону Эммануэльевичу Аргиропуло: «Корнет Лейб-гвардии коннаго полка Врангель фон Гюбенталь 2-й ходатайствует о прикомандировании его, по климатическим условиям, на годичный срок к нашей миссии в Болгарии, с назначением в распоряжение нашего военного агента в Софии полковника Леонтьева.

Главное управление Генерального штаба, сообщая об изложенном, просит не отказать в уведомлении, не встречается ли означенному прикомандированию, без расходов из казны, препятствий со стороны Министерства иностранных дел».

Следует резолюция Аргиропуло:

«Справиться в 1-м департаменте о том, не было ли уже переписки по этому делу — если нет, запросить о том старшего советника-посланника А». Подчинённый готовит запрос в миссию в Болгарию и за подписью Аргиропуло от 15 мая тот уходит в Софию. Посланник Дмитрий Константинович Семёновский-Курило отвечает, что «препятствий к прикомандированию поименованного корнета нет». 6 июля полковник Монкевич извещает Департамент личного состава и хозяйственных дел о том, что на командировку корнета Врангеля фон Гюбенталья 2-го получено «высочайшее соизволение».

Так довольно быстро, в пределах разумного — за два

месяца, — был решён кадровый вопрос — устройство в министерство представителя другого ведомства. (Вероятно, потому, что между Генштабом и МИД не было посредника в лице выездной комиссии ЦК КПСС.)

Как и теперь, царский дипломат, получивший назначение на службу в миссию, посольство или консульство, приступал к подготовке. Например, для Соловьёва, направлявшегося на работу в миссию в Пекине, открыли доступ в политический отдел, и он стал знакомиться с делами Пекинской миссии.

Дипломатам, выезжающим в командировку, полагались подъёмные деньги, включавшие путевые расходы, питание, остановку в гостиницах и покупку билетов на пароходы, в поезд и т. п. Существовал порядок, согласно которому перед выездом дипломат должен был сходить на приём к министру и получить начальственное рукопожатие и последние напутствия. Секретарь министра назначал для этого специальное время и заблаговременно извещал об этом заинтересованное лицо.

Составлялись специальные списки дипломатов, идущих на обязательный приём к своему министру по случаю своего отъезда к месту службы, приезда в Петербург после командировки, при определении на службу в МИД или получении нового назначения.

Вот как примерно выглядели такие списки:

«Список лиц, желающих представиться к Г. Министру

Секретарь миссии в Цетинье, По случаю приезда в Санкт-
коллежский асессор фон Мекк Петербург

Делопроизводитель VII класса По случаю нового назначения
2-го департамента надворный
советник Байков

Пометка карандашом или чернилами: *«Завтра в субботу 13 марта в 12 часов».*

Читал: М. ф. Мекк (подпись)

Читал: А. Байков (подпись)».

Если дипломат не успел «прочитать» о назначенной аудиенции в здании Министерства иностранных дел, то его вежливо, независимо от чина и ранга, уведомляли о ней по почте.

Для барона М. М. Таубе, получившего назначение в заграникомандировку, управляющий Департаментом личного состава и хозяйственных дел барон К. К. Буксгевден оставил записку следующего содержания: «Прошу сообщить барону Таубе, что ввиду исключительных занятий министр лишён возможности его принять, и что поэтому будет достаточно, если он распишется у Его Сиятельства. Карл Буксгевден».

Причины для беседы с отъезжающими и приезжающими дипломатами часто возникали у ДЛСиХД, и тогда дипломатов приглашали по образцу, который, к примеру, вручили под расписку Н. М. Поппе: «Директор ДЛСиХД, свидетельствуя своё почтение Его Высокоблагородию Николаю Максимовичу, имеет честь покорнейше просить его пожаловать в присутственные часы в Департамент для переговоров по делам службы».

Как мы видим, дипломаты вели себя во всех случаях как дипломаты и в общении между собой использовали типично дипломатические приёмы. В данном случае простое приглашение по форме выглядело почти как вербальная нота.

На приглашении барону Д. Ф. Пиллару фон Пильхау осталась пометка: «Не вручено за отъездом Пиллара в Рим». Барон уехал к месту службы без начальственного рукопожатия.

П. С. Боткину департамент устроил прощальный обед у Кюба*. Начальство почему-то отсутствовало, из старших дипломатов присутствовал только Н. Г. Гартвиг, и ужин удался на славу. Все были оживлены и в ударе. Особенно отличился «симпатичнейший» Николай Генрихович. Он попросил несколько минут для экспромта и «выдал» следующие напутственные стихи виновнику торжества:

Уж нет в столе турецком трио –
Наш Боткин едет в Вашингтон.
Кто ныне даст нам камертон
Винта у Никонова с брио**?
Да, Боткин, смех твой и веселье

---

* Поскольку других подобных прецедентов автору не встретилось, он затрудняется ответить, было ли это общим правилом, или в отношении способного и «самоотверженного» дипломата сделали приятное исключение.

** Вгiо — возбуждение, оживление (*англ.*).

Отрадой были в дни невзгод.
Дай Бог, чтоб ты и в новоселье
Не знал ни горя, ни забот!

Спустя месяца два-три после соответствующей стажировки в нужных отделах и департаментах дипломат выезжал к месту службы. В здании Министерства иностранных дел он мог теперь появиться лишь в случае очередного отпуска.

Глава девятая

Общее положение дипломата за границей

*Да, чтоб чины добыть, есть
многие каналы.*

А. С. Грибоедов

Согласно Боткину, при разобщённости сотрудников министерства им было трудно дать какую-либо общую характеристику — уж больно все они были разные. Встречались дельные и способные, попадались и никуда негодные; были богатые и бедные, образованные и круглые невежды. Одним словом, как везде. Впрочем, мемуарист выделяет две основные группы своих коллег: *«одним на службе бабушка ворожит, а другие в поте лица пробивают себе дорогу»*. Социальная разница, как и везде в империи, давала себя чувствовать в стенах Министерства иностранных дел.

Откуда возникали предпочтения?

Критически настроенный к действительности, Боткин, тем не менее, был, судя по всему, далёк от классово-теории, а потому отвечает на этот вопрос словами *«трудно сказать»*. Одним из объяснений, считал он, являлась девальвация принципа старшинства. Согласно теории, при всех назначениях, повышении и награждениях высшие должностные лица министерства руководствовались принципом старшинства, то есть кто больше прослужил в системе, но на практике, как он замечает, *«над соображениями делового характера часто брал верх фаворитизм и каприз начальства»*.

Фаворитизм, как везде принято, часто мотивировался интересами службы, «требованиями момента», «политическими соображениями».

Частые нарушения принципа старшинства породили у чиновников дух соревнования и соперничества. Как только где-то освобождалось место, в коридорах и чайных комнатах наблюдался ажиотаж. Начиналась подспудная борьба конкурентов, заключались пари, кто выиграет «скачки».

Другую несправедливость Боткин видел в том, что одни работали добросовестно, в то время как другим позволяли бездельничать. Отвращение к дипломатической работе возникало у многих на её начальном этапе, когда новичков приводили в пыльные архивы или заставляли до одури в голове переписывать многочисленные и бессмысленные бумаги. Вместо того чтобы привязывать начинающих дипломатов к одному месту, не лучше ли было провести их по всем участкам работы министерства и, прежде чем выпускать их «в поле», на работу за границу, научить как следует дипломатическому ремеслу? Конечно, Боткин был прав, а потому, когда министр Извольский начал на Певческом Мосту долгожданные реформы, он стал одним из страстных её сподвижников.

Относительная малочисленность кадрового состава МИД, закрытость его от общественности и вообще от других государственных институтов, социальная и культурная однородность в сочетании с семейной наследственностью профессии и тесными родственными горизонтальными связями, тем не менее, приводили к созданию в Министерстве иностранных дел сильного духа *корпоративности*. Все дипломаты чувствовали себя членами одной семьи, гордились своей принадлежностью к ней и старались поддерживать и культивировать атмосферу преемственности поколений, общности взглядов и единства целей.

В этом ничего дурного, на наш взгляд, не было. Наоборот, корпоративность помогала дипломатам находить правильные ориентиры в повседневной бурной и многовекторной жизнедеятельности, преодолевать трудности и выживать вопреки всему.

Другой характерной особенностью царских дипло-

матов был их интернациональный, *космополитический* облик. Он вполне естественно объяснялся многоликим и многонациональным кадровым составом, о чём мы уже упоминали, а также незримыми узами общности, связывавшими дипломатов всех стран. Эти узы возникли давно, до формирования наций и национального государства, когда дипломаты, не меняя подданства, свободно меняли государей и переходили из одной внешнеполитической службы в другую. Ощущение общности у дипломатических представителей разных государств оставалось даже к началу XX века.

Типичный пример космополитичного мышления и поведения приводит в своих воспоминаниях И. Я. Коростовец. При отъезде из Лиссабона он должен был передать ключи и шифры своему преемнику, секретарю русского посольства в Париже князю Радзивиллу, который в этот момент ещё продолжал носить мундир прусского улана и даже не успел оформить русского подданства! Коростовец донёс о вопиющем безобразии министру Ламздорфу. И что же? Ламздорф ответил, что придирка Коростовца «неуместна», потому что князь Радзивилл принадлежал к старинному роду, представители которого проживали в Германии, Польше и России, и что он был назначен самим государем. Следовательно, оснований для проявления к князю недоверия не было. Аргумент убийственный, и Коростовец не мог ничего противопоставить ему.

Однако новое, национальное, мышление к этому времени, хотя и несколько запоздало по сравнению с другими сферами государственной деятельности, уже вполне пробивало себе дорогу и постепенно утверждалось внутри дипломатического ведомства. Когда в 1913 году возникла необходимость временного закрытия миссии в Бангкоке, А. А. Нератов, товарищ министра С. Д. Сазонова, по инерции предложил передать управление ею французскому представителю в Сиаме. Посланник Г. Плансон резко возразил Нератову, указывая на различие интересов России и Франции в этой стране. Пустить французов хозяйничать в императорской миссии, писал он, допустить их к русским секретным шифрам — это значило бы сильно огорчить сиамского

короля и его правительство, которые, по словам Плансона, боятся и ненавидят французов, но с большим уважением относятся к своему дальнему, но искреннему другу — России. Характерно, что посланник в качестве довода своей аргументации вынужден был сослаться на короля Сиама, а не апеллировать к здравому рассудку своего высокопоставленного начальника в Петербурге.

О том, что в настроениях и взглядах царских дипломатов в XX веке национальное самосознание стало превалировать над космополитизмом, свидетельствует работавший в то время в Министерстве иностранных дел Л. В. Урусов: «Страх перед реальной мощью России — нелицемерный. И с тех пор, что я болтаюсь за границей, я с первого же дня начал убеждаться, находя тому массу крупных и мелких подтверждений, что нас, Россию, иностранцы боятся. Боятся как неизвестности, как страны огромного протяжения, быстро растущего населения, страны, где культ души мирится с культом водки и кнута, где наклонности к азиатской лени и привычкам неожиданно уступают место Льву Толстому; страны неограниченных возможностей, страны, где будущее — какое! — царит более властно, чем настоящее. Нас не могут, органически не могут понять — и потому нас боятся. Неожиданные смены слабости и силы изучают европейские тонкие умы, привыкшие к бездушным логическим построениям. Мы не подходим ни под одну мерку, говорим на разных языках, нас можно любить в отдельности, но следует бояться в общем».

Читая эти строки, невольно думаешь, что они написаны нашим современником, умнейшим человеком начала третьего тысячелетия. И таких дипломатов, как Урусов, нарком иностранных дел Советской России Б. В. Чичерин причислил к «наиболее тупому, мерзкому и отвратительному» слою людей России!

Как пишет А. И. Кузнецов, полный цикл подготовки дипломата фактически растягивался до того времени, когда он назначался на первый самостоятельный пост — директора департамента или главы заграничного учреждения МИД (посланник, генконсул, консул). Обычно на это уходило до 25—30 лет. Случаи быстрой карьеры, как, к примеру, у князя А. Б. Лобанова-Ростовского, ставшего посланником в Константинополе в 35 лет,

были просто исключением. Естественно, что такое положение мало вдохновляло дипломатов на свершение служебных подвигов.

Созданию нормальной рабочей обстановки во внешнеполитическом ведомстве сильно мешало, как мы уже упоминали, кричащее несоответствие должностного расписания центрального аппарата и расписания за границей. Кроме того, мало кому хотелось замыкаться в душном кабинете на Певческом Мосту, мириться с существенным понижением жалования и полной неизвестностью относительно продвижения по карьерной лестнице, поэтому чиновники стремились уехать за границу.

Впрочем, и на заграничной службе работа не всегда удовлетворяла потребности и вкусы дипломата, но здесь многое зависело от главы миссии, посольства или консульства. Например, обстановка в миссии в Лиссабоне, по свидетельству И. Я. Коростовца, служившего там вторым секретарём, «представляла какую-то дипломатическую обломовщину». Установив первые контакты среди португальцев и в дипломатическом корпусе, Коростовец скоро обнаружил, что работы для него в миссии просто нет. Тогда он обратился к посланнику барону Мейендорфу с просьбой загрузить его чем-нибудь, и тот дал ему оригинальный совет: попробовать переводить Тацита и других древнеримских авторов на французский язык. Анекдотично, но факт: Коростовец последовал этому совету и потратил на Тацита достаточно много времени.

Конечно, лиссабонский пример не был типичным, а скорее был исключением. Как мы увидим из карьеры Соловьёва, работы в посольствах и миссиях всегда хватало.

Бытовые условия, в которых дипломаты оказывались за границей, тоже были достаточно скромными. Посольства и миссии России, располагаясь обычно в шикарных дворцах и особняках, приспособленных для работы рядовых дипломатов помещений, как правило, не имели. Всю полезную площадь занимали представительские залы и комнаты. Первые и вторые секретари ютились в маленьких комнатках на чердаках, часто все вместе в одной комнате. Например, посольство при

Квиринале*, то есть при итальянском дворе, располагалось в старинном палаццо на Пьяцца дель Пополо**. Первым секретарём в нём был барон Корф, а вторым — барон Келлер, причём Келлер был дядей Корфа и намного старше племянника. Они сидели в крошечной канцелярии друг против друга где-то под самой крышей и тихонько, по-родственному, между собой переругивались. (Корф будет назначен потом посланником в Баварию, но к месту назначения не прибудет. Он скоростижно скончается в поезде, подъезжая к Мюнхену. Ходили слухи, что барон покончил с собой, став жертвой шантажа. Дело тёмное.)

Впрочем, рядовых дипломатов в посольствах и миссиях можно было пересчитать по пальцам — почти везде их, как и в Риме, было двое: первый и второй секретари. Первый был основной рабочей лошадкой по части сбора и обработки политической информации и составления и отправления отчётов в Центр, а второй ведал шифрами, кассой, руководством и воспитанием технического персонала, ремонтом здания посольства и прочими административными вопросами. Несколько позже кое-где были введены должности советников и атташе, но, как всегда, вопрос упирался в финансы.

Работа в посольствах несколько отличалась от работы в миссиях. В некоторых посольствах были должности советников, выполнявших функции посла во время его отсутствия, и первые секретари являлись там фактически начальниками канцелярий, и черновая работа их не касалась. В миссиях же послов замещали первые секретари, которые продолжали одновременно играть роль основных «лошадок» по политической работе (сбор информации, составление отчётов, докладов, обзоров и т. п.). При этом материальное вознаграждение первых секретарей в посольствах было несправедливо намного выше, чем у их коллег в миссиях.

---

* Квиринале — официальное название правительства Италии в XIX — начале XX века.

** По этому же адресу и в этом же доме располагается и нынешнее посольство России в Риме.

Огромная пропасть разделяла так называемых «стопроцентных» дипломатов и консульских работников. Объём и трудности обычной работы в миссиях и посольствах нельзя было даже сравнивать с той работой, которая сваливалась на плечи консульских чиновников, а между тем моральное и материальное положение последних было намного хуже и ниже первых. И те и другие формально считались дипломатами, но редко кто из «чистых» дипломатов отваживался принять назначение в консульство, и ещё реже были случаи перехода консулов на «чистую» дипломатическую работу.

Всё это, конечно, тоже мало способствовало установлению в министерстве здоровой рабочей обстановки.

Нормальный отпуск царского дипломата составлял 29 дней, и во время такого отпуска жалование дипломата сохранялось полностью. Если отпуск превышал срок, то дипломату в отпуске выплачивали лишь половину зарплаты. Максимальный срок отпуска, мотивированный разного рода семейными обстоятельствами, не должен был превышать четырёх месяцев. Если дипломату на урегулирование своих дел требовалось больше этого срока, то ему рекомендовалось оформить *увольнение от службы*, то есть уход в бессрочный отпуск без сохранения содержания.

Дипломатам, назначенным к должностям в Японию, Китай, Корею, Австралию, Северную и Южную Америку, проводить отпуск в России разрешалось лишь после пяти лет пребывания в них, так что текущие отпуска они «отгуливали» в том же регионе, где и работали. Дипломаты, работавшие в Пекине, посещали Японию или Корею, а их коллеги из Токио и Сеула приезжали в Китай. В 1903 году этот срок сократили до трёх лет, но зато уменьшили суммы прогонных денег.

Впрочем, прогонные (подорожные) деньги отпускникам не полагались — они выдавались в основном курьерам и лицам, назначенным в заграникомандировку и выезжающим к месту службы.

Интересно заметить, что лицу, замещавшему главу миссии или посольства во время отпуска последнего, не превышавшего 29 дней, выплачивалась зарплата...

из кармана самого высокопоставленного отпускника. В Вене, Лондоне, Париже и Мадриде она составляла по 12 рублей 70 копеек, а в прочих местах — по 8 рублей 47 копеек в сутки! Учитывая довольно высокие оклады послов и посланников, эти выплаты вряд ли могли рассматриваться для них слишком обременительными. Если посол или посланник отсутствовал более 29 дней, то доплату к жалованью временного поверенного выплачивали уже из кассы МИД.

Дипломат, просрочивший свой четырёхмесячный отпуск без уважительных причин, в первый и второй раз получал от посла или консула замечание, на третий раз — простой выговор, на четвёртый раз у него из рабочего стажа вычёркивали три месяца, а если это случалось в пятый раз, то дипломата просто увольняли со службы в МИД. Терпимость кадровых инструкций царского МИД вызывает у нас воистину искреннее удивление!

Надворный советник и второй секретарь миссии в Афинах Ю. Г. Соловьёв для урегулирования личных дел попросился в отпуск, но поскольку оформление наследства в Польше сильно затянулось, ему пришлось дважды продлевать отпуск. Тем не менее уложиться в отведённые сроки ему не удалось, он превысил срок отпуска на целых 189 дней, чем, естественно, вызвал к себе внимание Департамента личного состава и хозяйственных дел. Однако дипломат отделался лёгким испугом и невыплатой жалованья. Помогли безупречное поведение Ю. Г. Соловьёва и отличные рекомендации посланника Г. Н. Щербачёва, а то бы расплатой за проступок оказалось увольнение со службы.

Кстати, Георгий Николаевич относился к своим подчинённым с большим уважением. Об этом, в частности, свидетельствует одна любопытная справка, выданная им первому секретарю Смирнову:

*«Императорская миссия в Афинах
26 октября 1904 года
№ 286*

В одесскую портовую таможеню

Первый секретарь Императорской миссии в Афинах д. с. с. Смирнов отправляется в Россию.

Вследствие сего Императорская миссия имеет честь по-

корнейше просить наши пограничные и портовые власти не отказать названному господину Смирнову в возможном содействии при въезде его в Россию.

Посланник: *Щербачёв*.

Видно, и в те времена российские власти не очень-то жаловали своих дипломатов и встречали их на родине с суровыми и непреклонными лицами. Мы не знаем, отправлялся ли господин Смирнов в очередной отпуск или возвращался домой насовсем, но спасительной справочкой на всякий случай запасся. Кто их там знает в Одессе — к чему могут придраться таможенники и жандармы-пограничники!

Типичный в этом отношении случай описывает С. В. Чиркин. Возвращаясь из Бомбея в Петербург в отпуск, он вёз с собой сундук с собранными и купленными за время командировки на Востоке сувенирами, который на всякий случай опечатал сургучной консульской печатью. Одесская таможня потребовала от дипломата показать содержимое сундука, но Чиркин указал на печати, давая понять, что он имеет право на беспрепятственный провоз багажа. Таможенник справедливо возразил, что в таком случае вещи должны быть упакованы в вализу*. В поисках «справедливости» Чиркин пошёл к таможенному генералу и стал утверждать ему, что провозит казённое имущество, но и начальник оказался неумолимым и строгим. Единственное, о чём дипломату удалось с ним договориться, это отправить сундук без досмотра в Петербургскую таможню, где Чиркин надеялся найти к таможенникам подходы. И нашёл: знакомый ему ловкий и услужливый курьер Министерства иностранных дел Коротков успешно «очистил» сундук и привёз его прямо домой.

Кстати, каждые три года дипломат мог беспошлинно, но не без таможенного досмотра провозить в Россию приобретённое за границей имущество.

Для оформлений отпусков духовенства, служившего в церквях при миссиях и посольствах, существо-

---

* В а л и з а (*фр.*) — прочный брезентовый прорезиненный мешок, в котором перевозятся дипломатическая почта и грузы.

вала довольно сложная процедура. Желающий уйти в отпуск архимандрит, протоиерей или дьякон должен был написать заявление послу или посланнику и указать, что его временное отсутствие не скажется негативным образом на обслуживании прихожан. Обычно священнослужители просились в отпуск в летнее время, с мая по сентябрь, когда и сами прихожане разъезжались кто куда. Ходатайство священника поддерживалось главой заграничного учреждения, который писал об этом своему руководству в Департамент личного состава и хозяйственных дел, а департамент запрашивал на этот счёт мнение Святейшего синода, в подчинении которого и находился сам заявитель. Получив согласие Синода, Министерство иностранных дел передавало его в соответствующую миссию и просило посла (посланника) уведомить о дате отъезда отпускника.

Естественно, эта процедура предполагала начало оформления отпуска за несколько недель до намеченного срока. Например, протоиерей Константин Изразцов из Буэнос-Айреса написал своё прошение чуть ли не за полгода до выхода в отпуск. Кстати, с учётом длительного путешествия в Россию по «воде и по суше» он просил выдать ему подорожные деньги — своих накоплений на эти цели у него бы не хватило.

Архимандрит Иоанникий, служивший в церкви при миссии в Афинах, потратил часть своего отпуска в России на урегулирование служебных дел и обратился к его сиятельству князю Оболенскому-Неледину-Мелецкому с просьбой «исходатайствовать» в Синоде его продление. Для уведомления о принятом решении архимандрит оставил свой адрес под Кисловодском. С той же просьбой в МИД обратился и псаломщик Стокгольмской церкви Михаил Лентович, сообщая свой адрес в Санкт-Петербурге: Невский проспект, меблированные комнаты напротив Публичной библиотеки.

Министерство терпеливо и неуклонно выполняло эту нагрузку.

«Партком» Победоносцева

Шёл в комнату, попал в другую...

А. С. Грибоедов

Выше мы уже упоминали о том, что брак для дипломата по вполне очевидным причинам был делом серьёзным и государственным. Холостые дипломаты должны были знать, что без письменного дозволения начальства в брак вступать нельзя. За нарушение одного положения полагалось наказание в виде выговора с внесением в послужной список. Ничего сверхъестественного в этом требовании не было: ему подчинялись все военные и гражданские служащие имперской России.

Имелось и наблюдение за тем, как супруги выполняли данный ими обет при заключении брака. Парткома, профкома и месткома тогда, естественно, не было, но их функции выполнял Святейший синод. Синод имел специальное отделение, которое занималось бракоразводными процедурами и вынесением суждений по поводу поведения в браке того или иного государственного чиновника и вообще российского подданного. Решения Синода были окончательными и пересмотру, как правило, не подлежали. В самых исключительных случаях в брачные дела вмешивался царь.

В конце рассматриваемого нами периода для заключения брака с иностранкой дипломату требовалось получить не только дозволение начальства, но и справку от невесты о том, что если у неё на родине было недвижимое имущество, то при выходе замуж за русского дипломата она обязуется это имущество продать*. Дипломату категорически запрещалось приобретать недвижимость за границей, в том числе и путём брака. Нарушение этого требования грозило дипломату увольнением со службы.

---

* Впрочем, требование о продаже супругой-иностранкой своей недвижимости или об отказе от таковой, кажется, было отменено — во всяком случае, в архивных брачных делах дипломатов такого документа обнаружено не было.

При вступлении во второй законный брак Ф. И. Тютчев сообщал в Департамент личного состава и хозяйственных дел следующее:

«Мюнхен, сего 18/30 декабря 1839.

По случаю брака моего с баронессою Дёрнберг, урожд. Пфэффель, совершённого в Берне в минувшем июне месяце, сообщены мне были по предписанию Департамента Хозяйственных и Счётных дел два Указа о запрещении дипломатическим чинам приобретать в чужих краях недвижимое имение, и я, получив сведение о содержании оных Указов, обязался исполнением.

Ф. Тютчев».

Дипломаты, состоявшие при загранучреждениях России, начиная от советника и ниже по званию, не могли заключить брак, если не представили удостоверение в том, что создаваемая семья будет материально обеспечена и что супруги в состоянии содержать и воспитывать детей. От невесты требовался так называемый приданный лист, то есть список приданого.

Типичное брачное дело дипломата выглядело примерно следующим образом.

Сначала дипломат должен был подать прошение в ДЛСиХД — непосредственно в департамент или через начальство (генконсул, посланник, посол) о своём желании вступить в брак. Коллежский регистратор Н. К. Арбузов, «состоявший в ведомстве при Азиатском департаменте», то есть сотрудник центрального аппарата Министерства иностранных дел, 28 сентября 1879 года заявил следующее: «Желая вступить в первый законный брак с дочерью умершаго майора Евгения Павловича Хмырова, девицею Софиею Хмыровой, имею честь покорнейше просить Департамент Личного состава выдать мне на сей предмет установленное свидетельство. Дворянин Николай Арбузов».

Департамент уже на другой день изготовил брачующемуся коллежскому ассессору следующий документ:

«Свидетельство

Предъявитель сего, состоящий в МИД и прикомандированный для занятий по Азиатскому департаменту дворянин Николай Кирович Арбузов изъявил желание вступить в брак

с дочерью умершего майора Хмырова, Софьею Евгеньевною. Вследствие сего Департамент личного состава и хозяйственных дел сим удостоверяет с приложением печати:

а) что г. Арбузов по формулярному о службе списку значится холостым, имеющим от роду 26-й год, вероисповедания православного и

б) что со стороны МИД не имеется препятствий ко вступлению его в брак.

Управляющий Департаментом: статс-секретарь Х. Гамбургер

Делопроизводитель: М. Никонов».

Довольный Николай Кирович, получив это удостоверение, расписался: «Свидетельство получил 29 сентября 1879 года. Дворянин Николай Арбузов» и пошёл под венец.

Шестого ноября он радостно доложил: «Донесение. Честь имею представить при сем свидетельство о вступлении в первый законный брак, покорнейше прося Департамент о внесении имени моей жены в мой формулярный список». И приложил копию брачного свидетельства.

ДЛСиХД внёс данные на жену Арбузова в формулярный список мужа, и на этом брачное дело дипломата пока закончилось.

Вступая каждый раз в законный брак, дипломат должен был указать, какой это был брак по счёту. Старший советник и вдовец Валериан Владимирович Безобразов, к примеру, указал, что он хотел бы вступить во второй законный брак.

Вошедший в историю Николай Генрихович Гартвиг, будущий директор Азиатского департамента и посланник в Белграде в роковом 1914 году, летом 1879 года так «скоропостижно» решил связать себя узами Гименея с дочерью полковника Киленина, Надеждой Петровной, что, будучи вице-консулом в Бургасе, успел послать в МИД лишь короткую телеграмму, в котором «рубленным» текстом просил на это разрешение начальства. Начальство проявило о вице-консуле заботу и внимание, немедленно дало требуемое разрешение, а в служебной телеграмме даже не поспешило на слова: «Товарищи поздравляют». На копии телеграммы, тем не менее, ос-

талась резолюция некоего чина Департамента личного состава и хозяйственных дел Алферьева: «Форму прошения завтра прислать почтой». *Ordnung muss sein!**

Никакой формы (анкеты) прошения на вступление в брак не существовало, заявления писались в произвольной форме, и что имел в виду сердитый Алферьев, нам не понятно. Возможно также, что Гартвиг, человек горячий и эмоциональный, не знал, как составить прошение на вступление в брак, и Алферьев, соблюдая букву инструкции, истребовал-таки от него этот документ задним числом.

«Богатая» невеста из числа местных болгарских девиц досталась драгоману и секретарю дипломатического агентства в Тырнове, о чём генконсул и дипагент Давыдов уведомил высокое начальство в Петербурге. Особый интерес в данном деле представляет так называемый приданный лист. Мы приводим этот любопытный документ с некоторыми сокращениями и в переводе с болгарского, сделанном переводчиком ДЛСиХД:

«Нижеподписавшиеся заявляем и свидетельствуем, что девица Мария Николаева Пенчева, согласно завещанию её покойного родителя Хаджи Николая Кынчу Пенчева от 1 марта 1862 года и нашей доброй воли и согласия имеет получить от родительского имущества по наследию в приданое при вступлении своём в замужество:

1. Сто полуимпериалов или 2000 франков.

2. Один магазин каменного здания (даются его описание и расположение), ...который магазин даёт ежегодный приход 118 полуимпериалов.

3. Половина виноградного сада с домом (даются размеры виноградника).

4. И необходимое другое приданое, как то: золотые и серебряные вещи, ковры... посуда, бельё и пр. соответственно принятому обычаю, почему и подписываем сей акт.

Тырново, 27 августа 1878 года».

Далее следуют подписи двух почтенных болгар и заверительные подписи консульского чиновника.

43-летнему генконсулу на Корфу Валериану Всево-

---

* Порядок прежде всего! (нем.).

лодовичу Жадовскому разрешение на брак давал сам министр Н. К. Гирс, а 52-летнему посланнику в Бразилии графу И. Ф. Коскулю на вступление в брак с «французскою девицею Шаравель Францискою» потребовалось наивысочайшее соизволение Александра III.

Из брачных дел Министерства иностранных дел явствует, что известный профессор и эксперт международного права Ф. Ф. Мартенс, лютеранского вероисповедания, вступил в брак 25 сентября 1879 года с православной девицей Екатериной Николаевной Тур, дочерью действительного статского советника.

Браки между лицами разных вероисповеданий в известной степени представляли проблему, потому что официальная линия царского правительства — крестить детей от таких смешанных браков в православной вере, если хотя бы одна сторона исповедует православие, — сталкивалась с аналогичной линией другой брачующейся стороны. Впрочем, вопрос решался мирно: в большинстве своём дети следовали за религией отца. Именно таким образом определилась судьба детей Ф. И. Тютчева, дважды женатого на католичках.

В 1889 году камергер высочайшего двора и генконсул в Данциге барон Александр Егорович Врангель сообщил о выходе замуж своей дочери Ольги за прусского ротмистра фон Ланге и попросил освободить её от обязательства крестить детей в этом браке в православной вере, поскольку фон Ланге желал бы иметь наследников-лютеран. Товарищ министра иностранных дел А. Е. Влангали обратился за разрешением проблемы к председателю Святейшего синода К. П. Победоносцеву (1827—1907), а Константин Петрович, в свою очередь, получил на это высочайшее соизволение Александра III.

В 1881 году женился находившийся в заграничной командировке сын статс-секретаря Министерства иностранных дел Н. К. Гирса, и на архивном документе брачного дела Михаила Николаевича Гирса осталась резолюция отца с просьбой немедленно передать метрическое свидетельство о браке лично ему.

Особой главой в личной жизни дипломата являлись бракоразводные дела. Для дипломатов они были особенно болезненными, потому что начальство неукос-

нительно следило за моральным обликом своих подчинённых и не упускало случая вынести своё суровое суждение то по одному, то по другому случаю. Разводы, в которых дипломат вёл себя неподобающим образом или нёс вину за развал семьи, не поощрялись, а это самым чувствительным образом сказывалось на служебной карьере разведённого.

Перед нами документы о разводе упомянутого выше графа Артура Павловича Кассини.

Лютеранская консистория Министерства внутренних дел 17 июля 1869 года уведомляет МИД о том, что «Санкт-Петербургская Православная Консистория сообщила сей Лютеранско-Евангелической Консистории 24 июня за № 4785, что брак состоящего на службе в Императорской Российской Миссии при Баденском Дворе коллежского советника графа Артура Кассини, лютеранского вероисповедания, с женою Юлиею Александровною, урождённой Ниротморцовой, расторгнут по причине доказанной виновности графа Кассини в нарушении им супружеской верности, с воспрепятствием ему навсегда вступать в новое супружество с лицом Православным.

Вследствие сего Лютеранская Консистория постановила: воспретить графу Артуру Кассини вступление в новый брак... и подвергнуть его за доказанное нарушение супружеской верности церковному покаянию третьей степени».

Консистория просит МИД объявить графу сие решение под подписку с обязательством «явиться в сию Консисторию для приведения над ним в исполнение церковного покаяния».

Не правда ли, читатель, повеяло чем-то очень хорошо знакомым и не совсем ещё забытым? Например, партийным собранием с повесткой дня: «Персональное дело графа Кассини». Изменил жене и развалил ячейку общества — отвечай, подлец! На ковёр, в партком, немедленно! Оказывается, коммунисты в своё время не придумали ничего нового, а снова, в который раз, позаимствовали идею у ниспровергнутых ими царских «сатрапов» — в данном случае у незабвенного Константина Петровича Победоносцева.

Бедный униженный граф Кассини, будущий посланник в Пекине и Вашингтоне, пишет в Центр записку, в которой обязуется в первый же отпуск в России явиться в лютеранскую консисторию и покаяться в грехах. И как спелось православное и лютеранское начальство! Они по очереди лишили его права вступать во второй «законный брак» и с православной женщиной, и с лютеранкой. (В отношении католических девиц, мусульманок и иудеек Синод почему-то упомянуть забыл. Вероятно, такая возможность Победоносцеву не представлялась даже в теории.)

Граф, по всей видимости, сии «зверства» Синода близко к сердцу не принял. Позже, уже на посту посланника русской миссии в Пекине, мы увидим его сожительство с гувернанткой своих детей, с которой он оформит свой второй законный брак.

Надворный советник М. Н. Огарёв, консул в Ростове, развод с супругой оформил заочно, поручив своему знакомому представлять его интересы в Духовной консистории, разбиравшей его дело. Коллежский советник Митусов мирно разошёлся со своей женой Евдокией Голенищевой-Кутузовой в православно-восточном протоиерейском суде Темесваре (Тимишоара, Румыния), и им обоим было великодушно позволено вступать в повторные браки. Потому что не нарушали обета верности и разошлись по обоюдному согласию.

Заметим, что если граф Артур Павлович, человек «широких» взглядов, отнёсся к разводу с присущим ему итальянским легкомыслием, то его коллега вице-консул в Варне О. К. Лисевич принял развод с женой слишком близко к сердцу и на долгое время лишился душевного равновесия. Поскольку дело о разводе слушалось в 1884—1885 годах в Варне, то вице-консул нашёл необходимым детально проинформировать об обстоятельствах дела директора Департамента личного состава и хозяйственных дел М. Н. Никонова: «В пояснение этого дела честь имею чистосердечно донести Вашему Превосходительству, что лишь самая тяжкая постоянная оскорбления со стороны моей жены, истощение средств к направлению ея отношения и поведения дома и вне дома и повторяющиеся признаки ея безумия

принудили меня, наконец, искать развода, — пишет он и продолжает: — Излишне было бы сказать, что личность эта отравила мне жизнь, а ныне, всевозможными несправедливыми жалобами и крайне обидными нареканиями на меня, стремится очернить такую ничем не запятнанную доселе службу мою».

Святейший синод утвердил решение о разводе, о чём Лисевич был своевременно уведомлён, но он продолжает беспокоиться и пишет своему знакомому Владимиру Алексеевичу о том, чтобы тот держал его в курсе «выступлений» своей бывшей «непутёвой» супруги: «Неизвестность принятых ею против меня мер в высшей степени меня беспокоит, так как я могу ещё и пострадать из-за её глупостей и клеветы. Я уже понёс первую кару в отказе Св. Синода по вопросу о назначении меня в Иерусалим...»

Разведённого волнует также судьба сына, оставшегося с матерью. Лисевич пишет Владимиру Алексеевичу, что готов взять его к себе и воспитывать его сам, «так как иначе он пропадёт при такой матери, как Marie».

Советнику миссии в Бухаресте А. К. Базили при разводе с супругой пришлось пройти через все необходимые формальности и вкушать все плоды горечи и унижения, связанные с этими формальностями. Развод строился на супружеской неверности жены Евы Николаевны, урождённой Каллимаки-Катарджи, а для этого нужны были неопровержимые доказательства. Их добывал местный румынский суд, опросив горничную и владельца гостиницы в городе Синае, где остановилась супруга Базили и где она неосмотрительно принимала своего любовника. Решающее свидетельство представил владелец гостиницы Янко Козлевич, «нечаянно» подглядевший акт совокупления Евы Николаевны со своим любовником. Решение суда утверждала Петербургская духовная консистория Святейшего синода, к делу подключались также Министерство иностранных дел Румынии, посланник Фонтон Николай Карлович и многие другие посторонние лица. Как понимает читатель, процедура, через которую пришлось пройти обманутому Александру Константиновичу, была не из самых приятных. Хорошо, что вся переписка МИД с миссией, ввиду солидного положения А. К. Базили, шла под грифом «секретно».

Из материалов архивных дел видно, что разводы часто негативно влияли и на судьбу, и на карьеру дипломатов. Разведённый чиновник уже не внушал начальству такого доверия, как прежде, и, естественно, это негативно сказывалось на настроении и поведении дипломата.

Что ж, как-то легче становится на душе оттого, что и наши предки страдали тем же самым недугом, что и советские чиновники.

Глава одиннадцатая

Поощрения и наказания

За признание — прощение, за утайку — нет помилования.

Пётр I

В системе Министерства иностранных дел, как и во всей чиновничьей России, действовали правила поощрения и наказания своих сотрудников. Особое внимание было, естественно, заострено на запретах. Например, всем дипломатам категорически запрещалось приобретать за границей недвижимость как на своё имя, так и на имя жены или детей. Ни один консул Российской империи не вправе был принимать звание консула иностранной державы, не получив на то согласие своего правительства. Аналогичное положение неукоснительно действовало и в отношении иностранных орденов и прочих наград. Царское правительство благоразумно страховалось от ненужных и дорогостоящих эксцессов, возникавших на почве злоупотреблений чиновников своим служебным положением.

В 1900 году турецкий султан наградил несколько русских дипломатов, включая посла в Константинополе И. А. Зиновьева и министра В. Н. Ламздорфа, османскими орденами. Владимир Николаевич, также получивший от султана орден «Османис» 1-й степени с бриллиантами, запросил разрешение государя на принятие ордена Зиновьевым: «Приемлю смелость всеподданнейше испрашивать Всемилостивейшего Вашего

Императорского Величества соизволение на принятие и ношение послом в Константинополе, действительным статским советником Зиновьевым пожалованного ему Султаном турецкого ордена Нишани-Ифтикара. Граф Ламздорф, Ялта, 18 октября 1900 года».

На копии прошения, хранящейся в архиве, пометка:

«На подлинном Собственною Его Императорского Величества Рукою начертано: “Съ. Ливадия, 18 октября 1900 года”».

«Съ» означало «Согласенъ».

Такой порядок распространялся на все награждения иностранными орденами. О своих наградах чиновник должен был донести в кадровую службу, чтобы там в формулярном списке сделали соответствующую отметку.

В 1893 году председательствующий во 2-м отделении Императорской Академии наук Я. Грот известил старшего делопроизводителя Санкт-Петербургского Главного архива Н. А. Гюббенета о том, что решением академии ему будет вручена золотая медаль им. А. С. Пушкина (так называемого большого калибра). Старший делопроизводитель заслужил её за активное содействие научным изысканиям учёных, работавших в архиве. Николай Александрович тут же поставил в известность о сём радостном событии Департамент личного состава и хозяйственных дел и попросил внести соответствующие изменения в свой послужной список.

Перед каждым награждением дипломата, включая награждения иностранными орденами, проходила сверка сведений, содержащихся в их формулярных (послужных) списках. Когда в марте 1900 года 2-й департамент получил от баварского посланника список русских дипломатов, награждённых баварскими орденами, директор департамента Н. Малевский-Малевич обратился в ДЛСиХД с покорнейшей просьбой «проверить в нём сведения о русских подданных, чинах Министерства иностранных дел, и затем вернуть».

Нельзя было сказать, что награды буквально сыпались на рядовых дипломатов, но также нельзя было утверждать, что они их миновали. В положенное время, в зависимости от выслуги лет, каждый дипломат мог рас-

считывать на «Анну» или «Владимира», хоть и не самой высокой степени. Но нередко руководство министерства возражало против незаслуженных наград. В 1887 году министру Н. К. Гирсу пришлось идти со специальным докладом к Александру III, чтобы уведомить государя о несостоятельности жалобы генконсула в Лиссабоне Лаксмана о том, что за 30 лет службы его так и не представили к ордену. Н. К. Гирс сказал царю, что «долголетняя служба г. Лаксмана не была ознаменована ничем, дающим ему право быть представленным к награде за отличие», и царь, который тоже не любил раздавать награды, проявил солидарность со своим министром. (К другим «странностям» Лаксмана мы ещё вернёмся.)

В 1901 году Министерство иностранных дел пышно отпраздновало 50-летие дипломатической службы посла в Константинополе И. А. Зиновьева. Департамент личного состава и хозяйственных дел составил на него подробную справку, перечислив все его должности, командировки и награждения, а Ламздорф вышел с предложением к императору и получил от него высочайшее соизволение наградить юбиляра орденом Святого Владимира 1-й степени.

А вот ходатайство посланника в Риме Нелидова о том, чтобы отметить аналогичный юбилей генконсула в Неаполе Сержпугинского выдачей ему единовременного пособия в размере годового оклада, натолкнулось на непредвиденное препятствие. Выяснилось, что до 50-летнего стажа генконсулу не хватило целого года, и ДЛСиХД порекомендовал Нелидову вернуться к этому вопросу в следующем, 1902 году. Во всём должен был соблюдаться порядок.

Секретарей российской делегации на Гагской мирной конференции 1899 года скромно отметили «благодарностью», на что один из отмеченных, барон М. Ф. Шиллинг, возмутился: обычно участие в международных конференциях отмечали «именной благодарностью».

Выработав систему сдерживания и противовесов, огородившись строгими инструкциями и применяя политику кнута и пряника, министерство настоящим воспитанием молодых кадров всё-таки никогда не за-

нималось. Лишь после реформы МИД, осуществлённой Извольским, Департамент личного состава и хозяйственных дел стал требовать от руководителей заграничных учреждений и департаментов характеристики на своих сотрудников. Нередко эти характеристики носили довольно нелюбезный характер. Например, известный уже своей принципиальностью посланник в Копенгагене барон Карл Карлович Буксгевден, давая оценку деятельности и качествам первого секретаря миссии барона М. Ф. Мейендорфа (не путать с Э. П. Мейендорфом. — Б. Г.), отмечал, что этот чиновник, «обладая тактом и дарованиями утончённого светского человека, олицетворяет несколько устаревший тип салонного дипломата. Будучи по природе очень рассеянным и не умея сосредоточиваться, он, при отсутствии у него необходимой служебной рутины, малопригоден для обыкновенной канцелярской работы. Привыкшие к светской жизни в больших центрах, барон Мейендорф, равно как и его жена, очень скучают в Копенгагене... В поисках развлечений барон предаётся довольно рассеянному образу жизни, не вполне соответствующему ни его возрасту (ему теперь 51 год), ни семейному его положению. К сожалению, некоторые смешные подробности этих развлечений сделались известными датчанам, несмотря на меры, принятые для сохранения тайны, и создали ещё до моего прибытия сюда несколько насмешливое отношение к нему со стороны местного общества...».

Написанная в мягких, снисходительных тонах, характеристика, казалось, подводила жирную черту под всей карьерой Мейендорфа как человека совершенно непригодного к дипломатической работе. Нисколько! Мейендорфа мы встретили на посту советника посольства в Риме.

Итак, какие же всё-таки наказания применялись в отношении дипломатов?

Перечень наказаний для дипломатов включал в себя: а) увольнение со службы, б) отрешение от должности, в) вычет трёх месяцев из стажа работы, г) удаление (временное) от должности, д) перемещение на низшую должность, е) выговор, в том числе выговор с внесением в послужной список (то есть с занесением в личное

дело), ж) вычет из жалованья, з) выговор без внесения в послужной список, и) замечание.

Первые два вида наказаний осуществлялись исключительно по суду, а остальные назначались в административном порядке. Примером применения к дипломату самого строгого наказания является дело Г. В. Чичерина, будущего наркома иностранных дел Советской России. После получения историко-филологического образования Чичерин в 1897 году поступил в Министерство иностранных дел и скоро был направлен служить секретарём в посольство в Берлине. Там он, как пишет историк-эмигрант А. Ростов, «попал в грязный скандал на сексуальной почве», в связи с чем был вынужден покинуть службу. Возвращаться в Россию Георгий Васильевич не захотел — было стыдно, и он остался за границей, где в 1905 году вступил в партию меньшевиков, а уже позже сблизился с В. И. Лениным.

Служебные проступки дипломатов не оставались без наказаний.

Наш знаменитый поэт Ф. И. Тютчев после возвращения из командировки в Турин осенью 1839 года был оставлен «до новаго назначения в ведомстве Министерства Иностранных дел», то есть выведен в резерв. «За долговременным неприбытием из отпуска, — читаем мы дальше в его формулярном списке, — предписано не считать (так написал чиновник Департамента личного состава и хозяйственных дел) его более в должности Министерства иностранных дел, июня 30, 1841». Наш поэт замешкался где-то в отпуске, к месту службы вовремя не явился и немедленно был отправлен в отставку. Впрочем, в марте 1845 года с высочайшего разрешения Фёдор Иванович был восстановлен на дипломатической службе, а ещё через месяц ему вернули пожалованное прежде звание камергера высочайшего двора.

В марте 1904 года ДЛСиХД занялся расследованием проступка секретаря-драгомана консульства в Пирее коллежского секретаря Г. А. Протопопова. В центре внимания Министерства иностранных дел оказалась жалоба Протопопова на неправомерные действия жандармского офицера Северинского, совершённые им на борту парохода «Император Николай Второй» летом

предыдущего года во время следования дипломата из Одессы к месту службы в Грецию. В результате расследования выяснилось, что прав был жандарм, а не дипломат: Протопопов якобы вёл себя неподобающим образом, сделав Северинскому замечания в присутствии его подчинённых, членов экипажа и пассажиров парохода. Товарищ министра князь Оболенский просил посланника Г. Н. Щербачёва поставить дипломату на вид.

Но когда посланник поговорил с Протопоповым, то выяснилось, что никакой жалобы на действия Северинского тот не подавал, и откуда она появилась в МИД, было не понятно. Что касается самого происшествия, то он рассказал следующее: во время своего путешествия из Одессы в Пирей жандармы несколько раз отбирали у него для просмотра паспорт, и когда в очередной раз потребовал документ лично Северинский, дипломат выразил естественное удивление — ведь он уже объяснял, что он — дипломат, следующий к месту службы в Грецию и т. п. Жандарму это не понравилось, и он в довольно грубой форме посоветовал Протопопову оставить своё недовольство при себе. Дипломат с этим не согласился и выразил на этот счёт своё мнение. Впрочем, объяснение, по его словам, проходило вполне мирно и закончилось без всяких эксцессов.

Кажется, Щербачёву удалось «отстоять» Протопопова, потому что к Пасхе драгоман как ни в чём не бывало за примерную службу получил наградные в сумме 800 рублей.

Генеральному консулу в Харбине статскому советнику В. Ф. Любá пришлось пройти через уголовное судопроизводство. Суть дела такова: в 1909 году штаб-ротмистр Заамурской пограничной стражи Чернивецкий, выполняя поручение генконсула, допустил растрату средств. Жандарма, по-видимому, простили, а скромного и честного служаку-генконсула отстранили от должности и отозвали домой. Казалось, что наказание уже было назначено, но этого показалось мало Министерству финансов. Оно затеяло против Любá судебное дело по статье «растрата казённых денег» и внесло свой иск в Правительствующий сенат. Сенат, слава богу, в иске отказал и в 1911 году определил решить дело обычным

судебным порядком. Дело Люба рассматривала прокуратура Иркутской судебной палаты, она однозначно высказалась в пользу прекращения дела и освобождения Люба от всяких преследований. Два года над статским советником висел дамоклов меч царского правосудия за поступок, в котором он был совершенно не виноват.

В 1912 году мы видим Люба уже «поощрённым» министерством должностью... консула в Урге (Улан-Батор), куда для ведения переговоров с местными князьями о признании отделившейся от Китая Монголии приехал в качестве чрезвычайного посланника И. Я. Коростовец. Иван Яковлевич характеризует Люба как милого человека и остроумного собеседника, но не без странностей. Вряд ли человек без странностей после всех несправедливостей согласился бы ехать в средневековые условия в Ургу с понижением в должности, а Люба поехал — ему нужно было содержать семью*.

А. И. Кузнецов упоминает ещё об одном уголовном деле, заведённом в отношении дипломата Ладыженского, первого секретаря миссии в Бухаресте в 1888—1892 годах. В докладе императору министр Н. К. Гирс охарактеризовал его как «небывалый случай бесчестного обращения дипломата с вверенными ему по службе деньгами».

Вообще же уголовных проступков, связанных с нарушением дисциплины или превышением служебных полномочий, среди дипломатов было не так уж и много. В своё время нашумел процесс Долматова (кажется, сына статского советника А. А. Долматова, чиновника

---

* *Виктор Фёдорович Люба* — статский советник, специалист по китайскому и маньчжурскому языкам. Согласно формулярному списку, начал службу в МИД драгоманом в Урге (1890), потом работал консулом в том же городе (1906), а позже генеральным консулом в Харбине (1907—1908). Время нахождения под судом отображено в послужном списке Виктора Фёдоровича весьма эвфемически: «Уволен от должности консула в Харбине по случаю назначения его состоящим в ведомстве Министерства. 21 августа 1909 г.». Последняя запись в списке за 1915 год свидетельствует о том, что В. Ф. Люба снова «заткнул» собой новую «дипломатическую дыру», поехав консулом в город Кобдо с одновременным прикомандированием на два месяца (!) к 4-му Департаменту МИД. Совершенно очевидно, что бедный Люба, этот гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин от дипломатии, был любимой игрушкой мидовских кадровиков, помыкавших им, как заблагорассудится, и не давших ему никакого шанса вырваться из захолустной монгольско-китайской орбиты.

шифровального отдела МИД), как выразился его коллега Г. Н. Михайловский, «блестящего члена петербургского общества», который попал на скамью подсудимых за ... убийство с целью грабежа. Долматов был обвинён и в воровстве, подлогах и других преступлениях, но это был единичный случай.

Конечно, ничто человеческое дипломатам царской России было не чуждо. Они, как и все подданные своего царя, любили, ненавидели, спорили, горячились, стрелялись на дуэлях. Нижеописываемый случай произошёл в 1906 году, когда 49-летний камергер высочайшего двора и действительный статский советник Андрей Николаевич Щеглов дрался на дуэли с 38-летним коллежским советником, делопроизводителем VII класса 1-го Департамента Алексеем Фёдоровичем Шебуниным. В архивном деле на этот счёт ничего не говорится о самом предмете спора, но совершенно очевидно, что это была супруга Шебунина, за которой, по всей видимости, и приволочился любвеобильный камергер и посланник.

Дело о поединке слушалось в Петербургском окружном суде и имело большой общественный резонанс. Шебунина приговорили к восьми, а Щеглова — к трём месяцам заключения в крепость. Но уже через три дня после суда, 7 декабря 1906 года, министр А. П. Извольский обратился к министру юстиции И. Г. Щегловитову (1861—1918) с просьбой исходатайствовать для осуждённых помилование. Министр иностранных дел довольно искусно и оригинально изложил суть разногласий, возникших у дипломатов, показав благородство одного и безупречное поведение другого, и преподнёс вульгарный адюльтер в виде такого непреодолимого обстоятельства, при котором у дипломатов, чтобы разрубить «гордиев узел» и защитить свою дворянскую честь, просто не было иного средства, кроме дуэли.

Щегловитов живо взялся за дело и уже через 10 дней сообщал Извольскому: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу моему, в 17-й день января сего года Всемилостивейшее повелеть соизволил: даровать в звании камергера Высшего двора, действительного статского советника Андрею Николаеву Щеглову и коллежскому советнику Алексею Фёдорову Шебунину помилование».

После такого участия самого государя-императора в судьбе дуэлянтов Правительствующему сенату оставалось лишь «проштемпелевать» соответствующее решение и выпустить узников Петропавловки на свободу.

Конечно, ни административные, ни уголовные наказания не исчерпывали всех нюансов повседневной жизни дипломатов. За их рамками скрывалось широкое поле морально-этических проступков, остававшихся без всяких последствий. Не случайно, что в 1913 году по инициативе С. Д. Сазонова в Министерстве иностранных дел по аналогии с армией был создан «суд чести», призванный разбирать проступки чиновников, «несовместные с понятиями о чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве». «Традиционный дворянский кодекс чести, — пишет А. Кузнецов, — уже не вполне удовлетворял интересам... ведомства как корпоративного института. В новых условиях оно нуждалось в дополнительных механизмах морального самоочищения». Дело понятное: среди дипломатов теперь были не только дворяне, но и представители купеческого, мещанского и даже крестьянского сословий.

Выборы членов «суда чести» были намечены на 13 апреля 1913 года — сразу после Пасхи. Правом участия в выборах наделили всех штатных чинов Министерства иностранных дел и нештатных сотрудников, имевших ранг не ниже коллежского советника. Кандидатами в судьи было выдвинуто 63 человека из всех подразделений министерства — в основном солидные и уважаемые чиновники рангом не ниже VI класса. В состав суда избирались 9 членов и 9 кандидатов, выборы в него проводились под контролем товарища министра или старшего советника. Отпечатанный на гектографе бюллетень содержал 18 пустых строчек, в которые следовало вписать 18 фамилий кандидатов с указанием их имён и отчеств. В пояснениях к бюллетеню говорилось, что первыми нужно вписать фамилии членов, а потом уже кандидатов в члены суда, и что бюллетени должны сдаваться без подписи в запечатанных конвертах.

В первый состав «суда чести» вошли самые авторитетные и уважаемые дипломаты: И. А. Зиновьев, А. И. Нелидов, Б. Э. Нольде и др. К сожалению, суд так и не зарабо-

тал в полную силу: скоро началась война, и дипломатам стало не до этого. В архиве сохранилось одно дело, рассмотренное в июне 1913 года, которое касалось титулярного советника и секретаря консульства в Кашгаре Э. Л. Беренса, распространявшего клеветнические сведения о своём начальнике консуле Соколове. Суд, как пишет Кузнецов, запутался в анонимных обвинениях и дело, кажется, так и не довёл до конца.

Очень интересным показался нам следующий документ.

В феврале 1890 года в Департамент личного состава и хозяйственных дел от новгородского губернатора поступило письмо, в котором губернатор сообщил о том, что бывший консул и действительный статский советник Н. Г. Иванов тяжело заболел, брошен своими домашними и находится «в совершенном одиночестве и при ненадёжной прислуге». Губернатор просит дать знать об этом жене и детям Иванова. По всей видимости, департамент принял близко к сердцу судьбу своего пенсионера и попенял семье Иванова за упущение, потому что сразу после переписки с губернатором в архивном деле подшита записка супруги консула, в которой она лаконично сообщает, что «сын Георгий выехал к отцу в Новгород». Признаться, такое живое участие министерства в судьбе своего бывшего сотрудника было для автора довольно неожиданным.

Глава двенадцатая

Финансы поют романсы

... Душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Д. И. Фонвизин

Много ли платили государевым дипломатам?

Перед нами лежит прошение консула в Руцуке статского советника Николая Налётова, дипломата с 30-лет-

ним стажем, на имя министра иностранных дел графа Михаила Николаевича Муравьёва от 10 марта 1897 года, в котором он позволил «себе дерзость великую прямо обратиться к состраданию Вашего Сиятельства и почтительнейше умолять высокога и влиятельнейшаго Вашего ходатайства о принятии моих детей на казенный счёт в учебные заведения». Он всю жизнь провёл за границей, является отцом восьмерых детей, из которых старшей дочери 15, а младшей — всего 3 года, с трудом сводит концы с концами и может позволить себе нанять лишь одну гувернантку, но дать образование детям за границей они с женой не в состоянии. При этом он от министерства уже получает пособие в размере 200 рублей в год на двух старших дочерей и с ужасом ожидает приближение старости.

На ходатайстве консула простым карандашом в столбик перечислены его дети, а рядом чья-то резолюция синим карандашом: «Максимум 300 рублей на старших дочерей». В ответном письме Департамент личного состава и хозяйственных дел сообщил Налётову: «Что касается остальных детей Ваших, то Министерство не имеет возможности принять на свой счёт их воспитание».

Винить в чёрствости руководство министерства у дипломатов особых оснований вроде не было — оно в меру своих возможностей помогало материально нуждающимся, их вдовам и детям. Архивные дела Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД России содержат большое количество обращений дипломатов к директору департамента с просьбами материального характера. Другое дело, что государство держало министерство на полугодовалом пайке, и денег на все протянутые руки просто не хватало.

Среди документов мы находим ходатайство чрезвычайного посланника и полномочного министра в Берне Жадовского от 3/16 августа 1904 года. Он просит об «исходатайствовании аренды» из средств Министерства земледелия и государственных имуществ. Как пишет чиновник этого министерства, «означенное письмо было повергнуто... на Высочайшее благовоззре-

ние, и Его Императорскому Величеству в 7-й день сего августа благоугодно было Всемиловитвейшее на оном начертать “Можно удовлетворить”. Министерство земледелия и государственных имуществ определило выплачивать посланнику пособие в размере двух тысяч рублей в год сроком на три года.

Ну что ж, и на этом спасибо. Две тысячи рублей — не такие уж большие деньги, но, видно, Жадовский совсем «обездюжел» в дорогой Швейцарии.

А вот прошение товарища министра, графа Ламздорфа, на высочайшее имя от 27 января 1897 года о том, чтобы вдова бывшего консульского чиновника Иоанна Фёдоровна Кумберг получила пособие и смогла выехать в Россию. После смерти супруга у Иоанны Фёдоровны не оказалось даже денег на то, чтобы вернуться на родину. Император внял просьбе графа и назначил вдове Кумберг пособие на воспитание, то есть образование её детей. Детишки Кумберг были не единственные, которых подняло на ноги государство. Сколько мальчиков и девочек получили образование за казённый счёт только через одно Министерство иностранных дел!

Ещё один документ Департамента личного состава и хозяйственных дел — уведомление консулу П. А. Мельникову, подписанное директором департамента К. Буксгевденом:

«Милостивый государь, Павел Алексеевич,

Господин Товарищ Министра Иностранных Дел по докладу моему ходатайства Вашего об ассигновании ежегодного пособия на воспитание детей Ваших признал возможным согласиться на назначение Вам, начиная с сего 1897 года, впредь до выхода дочерей Ваших Варвары и Зои из Патриотического института, ежегодного пособия на воспитание их по 100 рублей на каждую...»

Растроганный Мельников пишет умильные письма со словами благодарности Его Превосходительству барону Буксгевдену и Его Сиятельству графу Ламздорфу за удовлетворение его прошения. А ДЛСиХД, назначив содержание на обучение дочерям Мельникова, проверяет в июле 1897 года, как регулярно поступают деньги в Патриотический институт и в каком размере.

Канцелярия Патриотического института на обратной стороне запроса уведомляет МИД: «За Варвару Мельникову вносится ежегодно 400 рублей, так как она музыке не обучается; за Зою Мельникову — 500 рублей, из коих 100 рублей за два урока музыки в неделю. Плата поступает за полгода вперёд к 1 февраля и к 1 августа, внесена же в настоящее время по 1 августа 1897 года».

Департамент доволен — всё идёт, как надо.

Вот ещё один типичный документ объёмистого документаобращения Министерства иностранных дел того времени:

*«Талон к ассигновке № 367
от 27 января 1897 года,
Департамент личного состава
и хозяйственных дел
Министерства иностранных дел
Смета 1897 года, § 5, ст. 8*

Вдова действительного статского советника Александра Касторская имеет получить из Главного Казначейства тридцать рублей.

Вице-директор: *К. Буксгевден*
Делопроизводитель: *Панаев*».

Графине Грабовской, супруге бывшего секретаря миссии в Дармштадте камер-юнкера Храповицкого, по болезни была выдана ссуда в размере 6480 рублей, которую она должна была погашать из своей пенсии, составлявшей 810 рублей в год, и каждый год ДЛСиХД осведомлялся у генерального консула в Париже, где жили супруги Храповицкие, находилась ли в живых мадам Храповицкая, и если да, то просил прислать об этом соответствующую справку типа: «Дано сие из Российского Императорского Генерального Консульства в том, что супруга губернского секретаря в звании камер-юнкера Михелина Храповицкая в живых находится и пребывание своё в сей столице имеет. В Париже, 4/16 августа 1872 года, генеральный консул З. Донауров».

Случалось, Храповицкие уезжали на какое-то время из Франции и исчезали из поля зрения Донаурова, и тогда генконсул об этом докладывал в Центр и обе-

шал-таки разузнать, где «ныне обретались искомые персоны». И так продолжалось на протяжении многих лет (1862—1877), а что было после этого, одному Богу известно, поскольку в архивном деле указаний на этот счёт нет. Думается, неусыпный «мониторинг» бедняжки графини продолжался до конца её дней. Министерство считать деньги умело.

Даже действительный статский советник Н. А. Люб-бенет тоже был не в состоянии обеспечить учёбу своих двух сыновей Александра и Владимира и тоже просил ему помочь. Совершенно очевидно, что если не половина, то очень большая часть чиновников получала так называемую социальную адресную помощь министерства, поскольку жалованья просто не хватало.

Да что там рядовые чиновники: министр Гирс в 1888 году серьёзно взвешивал возможность выхода в отставку по финансовым соображениям. На посту министра иностранных дел он успел прожить состояние жены и деньги в сумме 250 тысяч рублей, вырученные от продажи земли в Херсонской губернии, пожалованной Александром II. Слишком обременительными для него оказались представительские расходы. И это при его месячном жалованье в размере 35 тысяч рублей!

Штатное расписание Министерства иностранных дел зиждилось на знаменитых петровских чиновничьих классах и время от времени, с учётом финансового положения страны и государства, корректировалось. Император Павел I, так любивший во всём порядок, ввёл в своё время строгую систему для обеспечения жалованьем сотрудников Коллегии иностранных дел. Согласно «Примерному штату», годовое жалованье дипломатов в центральном аппарате коллегии выглядело в начале XIX столетия следующим образом (в рублях):

канцлер и президент 1-го класса получал 7000, действительный статский советник и управляющий перепиской на французском языке — 3000, советник — 1500, надворный советник — 1000, 1-й драгоман — 2400, 2-й драгоман и 1-й переводчик — 1500, 2-й переводчик — 750 и 3-й переводчик — 500 рублей.

В соответствии с «Примерным штатом постам министерским», распространявшимся на сотрудников по-

сольств и миссий, жалование глав загранучреждений колебалось в зависимости от ранга и дифференцировалось по странам. Посол в Вене, к примеру, «ценился» в 30 000 рублей, а в Стокгольме — на 5000 рублей меньше; посланник в Лондоне получал 16 000, в Константинополе — 15 000, в Лиссабоне — 12 000, а в Берлине — всего 1500 рублей. Впрочем, советники посольств в Вене и Стокгольме получали одинаковое жалование — по 2500 рублей. Канцелярские служащие, независимо от стран, получали по 800 рублей, драгоман в Константинополе жил на 500, а переводчик в Грузии — на 600 рублей в год.

Зарплату консульских чинов регулировал «Примерный штат поста консульским». С ними дело обстояло следующим образом: генконсул в Лиссабоне получал 1200, в Лондоне — 1800, а в турецкой Смирне — 2000 рублей в год. Консул в Лейпциге «стоил» 1000, а вице-консул в Хио — всего 600 рублей.

Дипломаты при Павле, конечно, не бедствовали, потому что в те времена это были большие и даже очень большие деньги. Обращает на себя внимание, что оклады в Центре уже тогда были меньше окладов зарубежных. Так, первое лицо в российской дипломатии — канцлер или министр — получал в четыре с лишним раза меньше денег, чем посол в Вене, и такие пропорции сохранялись вплоть до 1917 года. По всей видимости, Павел I исходил из того, что у себя дома у чиновника было больше возможностей для «кормления», нежели у посла в чужой стране. Император понимал и то, что дипломат должен быть материально обеспечен за границей так, чтобы у него меньше возникало соблазнов на всякого рода подкупы и посулы. Не следует также забывать, что посол должен был соблюдать декорум и достойно представлять Россию, а для этого ему надо располагать крупными средствами для представительских расходов.

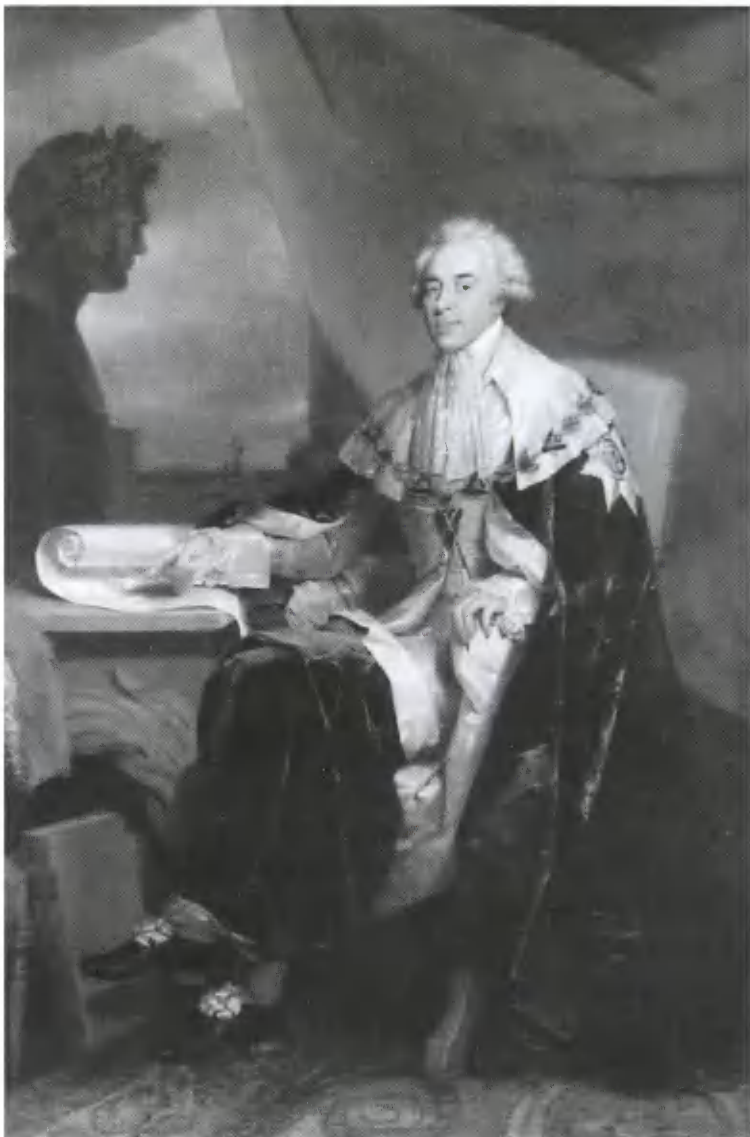
«Штат центральных установлений», регламентирующий оклады чиновников центрального аппарата Министерства иностранных дел в 1869 году, выглядел примерно следующим образом: старшие советники получали по 3200 рублей жалования и 1800 рублей так называемых «столовых» в год; соответствующие окла-

ды для младших советников были 2000 и 1000 рублей, директора канцелярии — 3200 и 1800 рублей, управляющего 1-й экспедицией — 1800 и 1000 рублей, делопроизводителя — 800 и 400 рублей, управляющего Азиатским департаментом — 3200 и 1800 рублей, делопроизводителя V класса — 1800 и 1000 рублей, а VIII класса — 800 и 400 рублей в год.

Штатное расписание загранучреждений МИД утверждалось на самом верху, включая прохождение Государственного совета (во времена, предшествовавшие появлению Государственной думы) и одобрение государя. Так, для учреждения должности советника посольства в Риме для барона Э. П. Мейендорфа товарищ министра А. Г. Влангали по старой дружбе вентилировал вопрос у государственного секретаря Госсовета А. А. Половцова (1832—1909).

Положение с дипломатическими окладами к XX веку изменилось мало, хотя жалованье стало теперь для многих дипломатов единственным источником доходов. В 1904 году большинство служащих Министерства иностранных дел не имели никакого состояния, то есть недвижимости. Дипломатам конечно же платили больше, чем в среднем по России, но, тем не менее, даже дипломаты уровня посланника, не имея иных, кроме жалованья, источников дохода, нередко не располагали достаточными средствами для обеспечения старости, а в случае их смерти министерство хлопотало о пенсии их вдовам и детям. Всё это и объясняет отсутствие при приёме на работу в МИД имущественного ценза.

«Табель окладов пограничным постам», введенный в употребление в начале XX века, по-прежнему был дифференцирован по странам: жалованье посланника в Австрии составляло 39 200 рублей плюс добавка на почтовые расходы 1016 рублей в год, в то время как его старшие секретари получали 2940 рублей в год, а консул в Триесте — 1960 и 350 рублей в год на почтовые и канцелярские расходы. В Лондоне посол получал соответственно 49 000 и 2540 рублей, его советник — 6233, а младший секретарь — 3733 рубля, консул на Мальте — 1960 рублей в год; в Копенгагене оклад посланника составлял 18 669 и почтовые — 635 рублей, в Пекине

Граф Николай Петрович Румянцев, министр иностранных дел, канцлер Российской империи с 1809 года. *Дж. Доу. 1827 г.*

Александр I.
Р. М. Волков. 1810-е гг.

Граф
Карл Осипович Поццо ди Борго.
К. П. Брюллов. 1833—1835 гг.

Здание Министерства иностранных дел Российской империи
в Санкт-Петербурге

Светлейший князь
Александр Иванович Чернышев.
Дж. Доу. 1820—1823 гг.

Князь
Михаил Семенович Воронцов.
Дж. Доу. 1820-е гг.

Форменная одежда чиновников Министерства иностранных дел.
Полукафтаны чинов X—VI разрядов. *Первая половина XIX в.*

Граф Карл Васильевич Нессельроде,
министр иностранных дел России
(1816—1856).

Литография Гиппиуса. 1822 г.

Княгиня
Дарья Христофоровна Ливен.
Фототипия с рисунка Т. Лоуренса.
Около 1812 г.

Граф Иоаннис Каподистрия,
министр иностранных дел России
(1816—1822)

Князь К. Меттерних

Князь
Ш. М. Талейран.
Гравюра О. Денуайе
с оригинала Ф. Жерара.
1820-е гг.

Венский конгресс.
1814 год.
Акварель. 1810-е гг.

С. И. Мальцов, секретарь русской миссии в Персии.
П. Ф. Соколов. 1830-е гг.

Александр Сергеевич Грибоедов.
*Миниатюра на слоновой кости.
Неизвестный художник*

Заклучение Туркманчайского мира 10 февраля 1828 года.
Литография К. Осокина с оригинала В. Мошкова. Конец 1820-х гг.

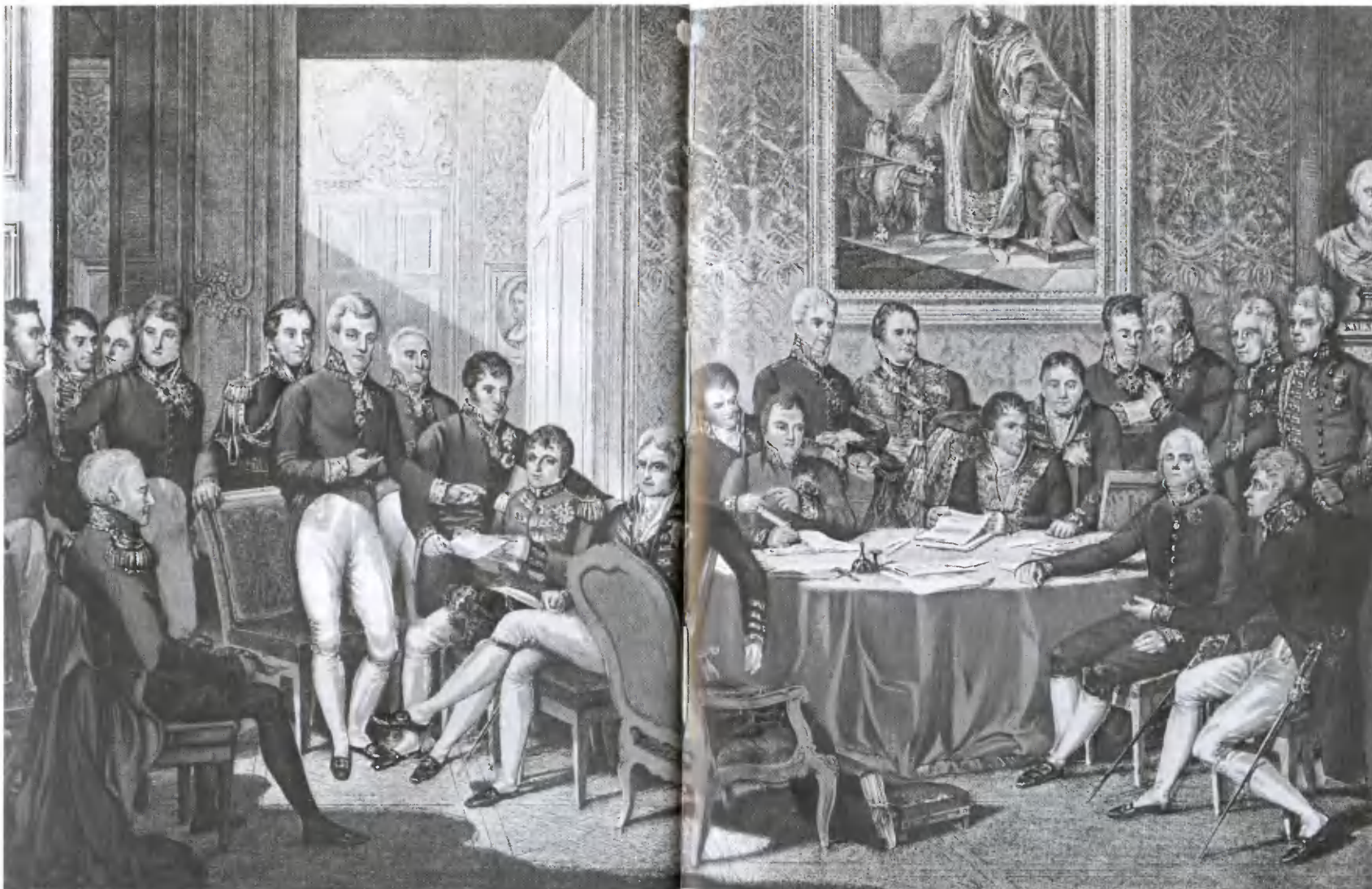
Фетх-Али-шах

Генерал
Алексей Петрович Ермолов.
Дж. Доу. 1820-е гг.

Выплата контрибуции персами. Тавриз. *Литография*

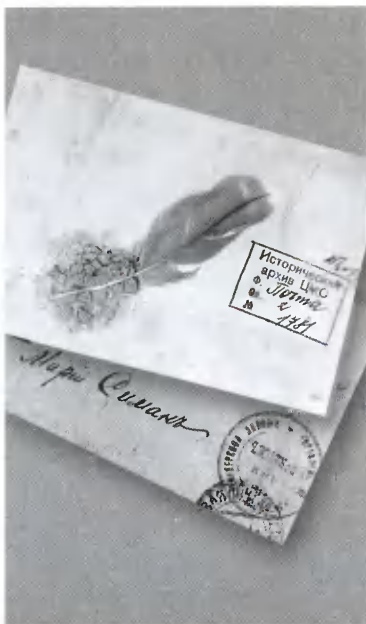

Венский конгресс.

Слева направо: Веллингтон, Лобо, Гарденберг, Сальданха, Левенгьельм, Ноайль, Меттерних, Ла Тур дю Пэн, Нессельроде, Пальмелла, Кесльри, Дальберг, Вессенберг, Разумовский, Стюарт, Лабрадор, Кленкарти, Вакен, Талейран, Гентц, Гумбольдт, Штакельберг, Кеткарт.

Гравюра Ж. Годфруа по оригиналу Ж. Изобе. 1819 г.

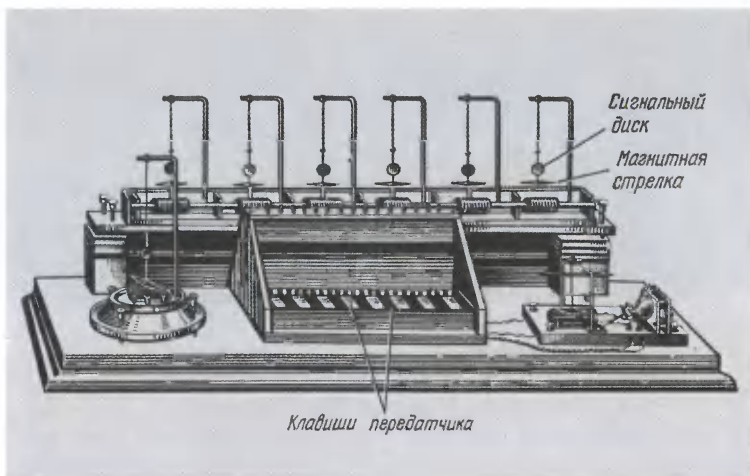

Способ заделки письма без конверта с припечатанным пером, показывающим спешность пересылки

Павел Львович Шиллинг

Телеграфный шифровальный аппарат Шиллинга

Дворцовый курьер. П. Грузинский. 1859 г.

Почтово-пассажирский дилижанс. XIX в.

Действительный
тайный советник
В. П. Титов,
посланник
в Константинополе
(Стамбуле).
Автолитография
В. Ф. Тимма.
Вторая половина XIX в.

Здание
Императорского
русского
посольства
в Стамбуле.
Гравюра на дереве
Л. А. Серякова.
Вторая половина XIX в.

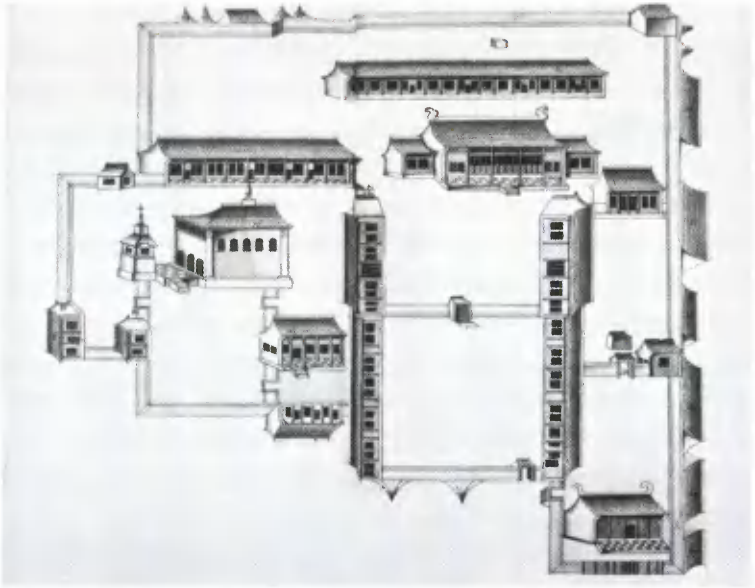
Граф
Николай Павлович Игнатьев.
*Гравюра на дереве по рисунку
П. Ф. Бореля. Вторая половина XIX в.*

Первый военно-морской агент
в Турции адмирал А. А. Эбергард

Султанский дворец Долмабахче

План российского монастыря и посольского двора в Пекине. 1808 г.

Торжественное представление императору Александру II
китайского посольства в Зимнем дворце 4 февраля 1870 года.
Гравюра на дереве Л. А. Серякова по рисунку К. Брожа. 1870 г.

Ли-Хун-Чжан —
китайский дипломат,
партнер С. Ю. Витте
на переговорах
России с Китаем
1896 года — с сыном Ли

Главная улица Пекина.
Конец XIX в.

Qui sumus Deo. in tria sancta et
indivisa Trinitate

Leurs Majestés l'Empereur
de Russie, l'Empereur d'Autriche et le Roi de Prusse,
par suite des grands événemens qui ont agité en Europe les cours des trois
couronnes couronnées et généralement les bienfaits multitudes qu'il a plu à la
divine Providence de nous
garder sur les États dont
les Gouvernemens ont placé

Fait triple et signé
à Paris, l'an de grace
1815 le 26th Septembre

François

Alexandre

Alexandre

Alexandre

Вступление и заключительные строки договора Священного союза,
заключенного 26 сентября 1815 года

(министр-резидент) — 14 700, а в Берлине (посланник) — 31 115 и 1905 рублей в год.

При многих посольствах и миссиях, в зависимости от наличия в стране значительной колонии подданных Российской империи, учреждались церкви, которые содержались на казённый счёт. Так, в Вене находился протоиерей с жалованьем в 2524 рубля, ему помогали дьякон, который получал 1000 рублей, причётник с окладом в 635 рублей и двое певчих, тоже получавших по 635 рублей в год. В Копенгагенской и Стокгольмской церквях было по одному священнику с окладами по 2000 рублей каждый и по два причётника, получавших по 635 рублей в год. В Риме службы справлял архимандрит (2000 рублей), дьякон (1000 рублей) и два причётника (по 635 рублей), а при консульстве в Харбине достаточно было содержать священника за 2000 рублей и причётника за 800 рублей в год.

Кроме сметы на содержание посольства правительство России выделяло средства на так называемые *чрезвычайные расходы*, куда входили издержки на поездки курьеров и командировки дипломатов, банковские, почтовые и телеграфные расходы, наём и ремонт служебных зданий и прочие непредвиденные траты. Отчёты о чрезвычайных расходах представлялись в Центр трижды в год: в январе, мае и сентябре — и назывались январской, майской и сентябрьской третью.

Из финансовых отчётов посла в Париже барона А. П. Моренгойма (Моренгейма) явствует, например, что чрезвычайные расходы посольства, согласно январской трети, составили 40 408 франков 55 сантимов, из которых 1901 франк 85 сантимов подлежали возврату в МИД из других ведомств. Интересно отметить, что в отчёте проходит выдача денег «Мануйлову на известное Императорскому Министерству употребление» в размере 1860 франков. Получатель денег — И. Ф. Манасевич-Мануйлов (1869—1918), журналист, авантюрист и аферист, втёршийся в доверие к министру внутренних дел В. К. Плеве и устроивший себе как чиновник департамента полиции командировку в Париж для борьбы с революционерами. Всего на чрезвычайные расходы

императорскому посольству в Париже было выделено около 100 тысяч франков.

Особой — секретной — статьёй проходили деньги «для выдачи на известное Его Императорскому Величеству употребление», то есть либо на выдачу вознаграждения тайным агентам и информаторам, либо на так называемые «цифирные», то есть шифровальные дела и на содержание «чёрного кабинета». Что касается последних, то для этого в Департаменте личного состава и хозяйственных дел был заведен специальный журнал, в котором аккуратно регистрировались все ежемесячные выдачи сотрудникам шифровального отдела определённой суммы денег. На каждого чиновника заводилась своя страница, на которой против записи типа: «Январь 1902 года коллежскому ассессору Веретенникову 50 рублей» или «Март 1903 года коллежскому советнику А. Долматову 25 рублей» каждый из них оставлял свою подпись.

Для сравнения мы приводим курс тогдашних ходовых валют, взятый из ежегодника Министерства иностранных дел и имевший громоздкое название «Паритет общепотребительных монет по законному весу чистого золота, в них содержащегося»:

1. Великобритания — 1 £ = 9,45758222 рубля.
2. Франция, Бельгия, Швейцария — 1 франк = 0,37498022 рубля.
3. Германия — 1 марка = 0,43855629 рубля.
4. Австро-Венгрия — 1 крона = 0,39377998 рубля.
5. Дания, Швеция, Норвегия — 1 крона = 0,5208806 рубля.
6. Северо-Американские Соединённые Штаты — 1 доллар = 1,94337999 рубля.

Вообще же финансирование министерства было явно недостаточным, о чём свидетельствует один весьма показательный случай. Директор Московского главного архива (МГА) князь П. А. Голицын обратился к руководству с предложением сдать угловую башню ограды архива под книжную лавку книгоиздателю Снегирёву, аргументируя эту выгодную сделку следующими соображениями: МГА мог бы через эту лавку реализовывать свои печатные издания, передать в лавку часть библи-

отечного массива и тем самым освободить помещения для более важных материалов и, главное, «усилить бы столь недостаточныя материальныя средства Архива». (Как видим, идея сдавать в поднаём помещения возникла не в постперестроечные времена, а значительно раньше.) Руководство МИД отказало в этом ходатайстве, мотивируя свою позицию малыми размерами арендной платы за башню, которую к тому же было трудно оприходовать в пользу казны. Здравое по своей сути предложение князя натолкнулось на стену бюрократической косности.

Не то чтобы рубль — каждая копейка была на учёте в министерстве. Например, в середине XIX века с сотрудников брали деньги за повышение в чинах и связанное с этим оформление документов, которые приходовались и поступали в казну государства. Департамент хозяйственных и счётных дел (предшественник ДЛСиХД) давал на этот счёт строгое указание «господину Казначейу Министерства Иностранных Дел»: «Удержанные в сентябрьской 1853 года трети с чиновников Министерства Иностранных Дел за повышение их чинами девятьсот шестьдесят шесть рублей девяносто две копейки серебром, и за напечатание патентов и пергамент двадцать девять рублей двадцать пять копеек серебром Департамент Хозяйственных и Счётных Дел предписывает Вашему Благородию записать каждую из этих сумм по книге о пошлинном сборе особою статьею, в расход сдать: первую в Санкт-Петербургское Уездное Казначейство, а последнюю — в казначейство Правительствующего Сената...»

Архивы МИД сохранили интересный документ 1899 года. Посланник в Гааге К. В. Струве сообщает графу В. Н. Ламздорфу о том, что «5/17 апреля сего года Королева и Королева-Мать, следуя давнему обычаю, впервые посетила домик Петра Великого в Заандаме... По примеру прежних лет мне кажется необходимым ознаменовать это посещение Королевы Вильгельмины... вследствие чего имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство, не найдёте ли Вы возможным разрешить мне вставить в одну из стен домика небольшую мраморную доску, наподобие уже находящейся там, с соответствующей надписью».

Министр, кажется, «нашёл возможным», и деньги на памятную доску выделили. А вот когда встал вопрос об увеличении числа консульских представительств, то Александр III решил его по принципу тришкина кафтана: деньги на финансирование консульских чиновников он приказал найти за счёт сокращения должностей вторых секретарей в миссиях и посольствах. Послу в Вене А. Б. Лобанову-Ростовскому (1882—1895) пришлось буквально припасть к стопам Александра III, чтобы «выбить» из министра финансов И. А. Вышнеградского (1831—1895) один миллион гульденов на покупку у герцога Нассауского здания для российского посольства. Робкий и скромный Гирс боялся даже заикаться об этом перед царём.

Особо также выделялись деньги на пособия и награды дипломатам. В 1903 году наградной фонд МИД был по ходатайству министерства увеличен и составил на несколько лет вперёд 28 тысяч рублей в год. За содействие малоимущим членам семей дипломатов отвечали сами дипломаты. Согласно Положению «Вычеты в казну из окладов» из жалования всех дипломатов и технических сотрудников Министерства иностранных дел изымались деньги в пользу вдов и сирот: при месячном окладе до 142 рублей 95 копеек — по 1 копейке с рубля, свыше 142 рублей 95 копеек — по 2 копейки.

Министр финансов С. Ю. Витте, восстанавливая «давно утраченную во внутренней нашей торговле привычку рассчитываться золотом», в феврале 1896 года обратился к министру князю А. Б. Лобанову-Ростовскому с оригинальной идеей начать выдачу частичного жалования сотрудникам МИД, наряду с ассигнациями, золотыми монетами. Витте рассчитывал, что дипломаты, как наиболее просвещённая часть русского общества, быстро воспримут его нововведение и дадут пример другим. И правда: на Певческом Мосту живо откликнулись на инициативу министра финансов и немедленно ознакомили своих сотрудников с его письмом. В архивах сохранился большой список всех чиновников Министерства иностранных дел, «читавших» предложение Витте и оставивших на нём собственноручные подписи.

На 1869 год существовало следующее обеспечение дипломатов и членов их семей пенсиями.

Иностранцы, прослужившие в системе МИД, могли рассчитывать на пенсию наряду с российскими подданными. Однако вольнонаёмным лицам (выполнявшим, например, функции курьера), сторожам, счётчикам и т. п. пенсия не полагалась вовсе.

Пенсии выплачивались по девяти разрядам, а в некоторых разрядах существовали ещё и степени. Кроме того, в зависимости от выслуги лет, пенсии были полными, двухтретейные, половинные и одностртейные.

Пенсионеры I разряда (товарищи министра) получали полную пенсию в размере 1143 рублей в месяц. Полная пенсия пенсионера II разряда (члены Совета министерства, директора департаментов, старшие советники) составляла 857 рублей, пенсионера III разряда 1-й степени (вице-директора департаментов, младшие советники, чиновники по особым поручениям V класса) — 571 рубль, 2-й степени (первые секретари) — 428 рублей, IV разряда (вторые секретари) — 343 рубля в месяц и т. д. Пенсия канцелярских служащих — писарей (IX разряд) составляла 85 рублей 80 копеек в месяц.

При переездах к должности, то есть к месту исполнения обязанностей, дипломату и курьеру полагались прогонные деньги (не путать с подъёмными, которые выдавались при первичном назначении в командировку). Например, между Кяхтой и Пекином платили 600 рублей, между Кяхтой и Ургой (Улан-Батором) — 100, а между Пекином и Ургой — 500 рублей прогонных. Первому секретарю миссии в Мехико Ф. К. Ганзену при переводе в посольство в Вашингтоне выплатили подъёмные в сумме 1800 рублей.

За ордена, как и в прочих гражданских учреждениях, в Министерстве иностранных дел выплачивались пособия в следующих размерах (в зависимости от степени ордена):

за орден Святого апостола Андрея Первозванного — от 800 до 1000 рублей, Святой Екатерины — от 350 до 460 рублей, Святого Александра Невского — от 500 до

700 рублей, Святого Георгия — от 150 до 1000 рублей, Святого Владимира — от 100 до 600 рублей, Святой Анны — от 40 до 350 рублей, а Святого Станислава — от 86 до 143 рублей в год.

К концу XIX столетия в системе МИД появилась *эмеритура** — специальная, добавочная пенсия уволенным в отставку дипломатам или пособия их вдовам и сиротам из сумм *эмеритальных касс*. Каждый дипломат, желающий, чтобы он сам или члены его семьи после его смерти получали пособие, мог стать членом такой кассы, и из его жалованья в пользу кассы каждый месяц делались вычеты.

У военных эмеритальных касс не было, и потому Военное министерство, принимая обратно из заграничных командировок офицеров Генштаба, работавших в посольствах и миссиях военными агентами (атташе), делало запросы в МИД о том, состояли ли они членами эмеритуры. В положительном случае Военное министерство компенсировало таким офицерам вычеты из их жалованья, которые были сделаны ими во время службы по Министерству иностранных дел.

Жалованья рядовому дипломату на жизнь в целом, конечно, хватало, но только на жизнь скромную. А дипломат, между прочим, должен был вести так называемую представительскую жизнь, которая непременно предполагала приём у себя гостей как из числа местных жителей, так и коллег-дипломатов, а также участие во всевозможных увеселительных и благотворительных мероприятиях. Для этого нужны были дополнительные средства и источники финансирования, никакого отношения к фондам МИД России не имевшие. В дело пускались деньги родителей, если они у них были, или употреблялись доходы с собственных имений и недвижимости. К примеру, знакомый уже нам Соловьёв пользовался средствами своего майората** в Польше.

---

* Происходит от латинского слова «заслуженный».

** Майорат — наследование недвижимости, в первую очередь земли, по принципу первородства в семье.

НАЗНАЧЕНИЕ ПОЛУЧЕНО...*

*Достойный человек не тот,
у кого нет недостатков, а тот,
у кого есть достоинства.*

В. О. Ключевский

Глава первая

Дорога

*Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра — где ты, человек?*

Г. Р. Державин

В пути царские дипломаты проводили значительную часть своей кочевой жизни. Дорога в судьбе русского человека вообще играет важную, я бы сказал, ментальнообразующую роль, а в жизни дипломата — особенно. Для любого путника дорога предполагает долгие сборы, томительное ожидание заманчивой и загадочной цели, предвкушение экзотических впечатлений, встреч с интересными людьми, дорожных рассказов. Что же можно сказать о молодом дипломате, впервые вырвавшемся за пределы родных пенат, получившем напутствие своего наставника и вполне приличные «подъёмные», жаждущем открыть для себя новый мир и прославить отечество?

В описываемое здесь время самолётов и автомобилей, понятное дело, и в помине не было. Ездили в каре-

---

* В этой части нашего повествования, посвящённой повседневной деятельности царских дипломатов, работавших в миссиях и посольствах Российской империи в конце XIX — начале XX столетия, используются воспоминания П. С. Боткина, С. В. Чиркина, И. Я. Коростовца и Ю. Я. Соловьёва. Мы познакомились с мемуаристами в первой части книги, а теперь последуем за ними к местам их заграничной службы.

тах, дилижансах, плыли морем и умудрялись перевозить с собой не только членов семейства, иногда весьма многочисленного, но и челядь, посуду, картины и мебель. Особенно много хлопот представляли маленькие дети. Как говаривал посланник в Берлине А. И. Рибопьер*, передвижение с детьми — это путешествие с географическими картами: «пелёнки сушатся то у одного окна кареты, то у другого, а характерные жёлтые рисунки на них очень приятны».

— Моя милая, — говорил он супруге своего подчинённого Н. М. Смирнова Александре Осиповне Смирновой-Россет, — я с этими знамёнами изъездил всю Европу, начиная от Неаполя.

Беседа имела место в Берлине в середине XIX столетия.

Дипломат проводил тогда в путешествиях несравнимо больше времени, нежели его современный коллега, добираясь не без риска для своей жизни до страны своего назначения, меняя перекладных и почтовых, пересаживаясь с паровоза на пароход, отдаваясь на волю то морским волнам, то распутице и бездорожью, то промокая до нитки и дрожа от холода, то изнывая от жары и жажды.

Секретарь посольства А. М. Горчаков, не ужившийся с послом Ливеном, переезжал из Англии в Италию совершенно больным — собственно, болезнь и послужила формальным поводом для того, чтобы уехать из Лондона. Многие полагали, что в Риме он не выживет — римский климат в летние месяцы, когда испаряются Понтийские болота, был ничуть не лучше лондонского. Но Горчаков выжил — по всей видимости, ему надо было сменить психологический климат. Из Рима летом он уезжал в Пизу и Флоренцию, здесь, в Италии, принялся за изучение греческого языка (итальянским он уже

---

* *Александр Иванович Рибопьер* — действительный тайный советник, действительный камергер двора, член Государственного совета. Службу начинал в конном полку при Екатерине II, в 1798 году причислен к Коллегии иностранных дел, работал в посольстве в Вене, в 1806—1807 годах — в походах с армией в качестве дипломатического комиссара при главнокомандующем. Потом работал на руководящих постах в финансовой и банковской областях. В 1824 году вернулся в КИД, был назначен посланником в Константинополь, а после этого — в Берлин. Уволен из Министерства иностранных дел в 1839 году.

владел в совершенстве) и трактатов Н. Макиавелли и... назло всем предсказаниям выздоровел!

В дороге бывали потери. При переезде в Рим у Горчакова украли вещи, в том числе пропала навсегда золотая медаль, которой его удостоили при выпуске из Царско-сельского лицея. Досадно, но не смертельно.

В Европе в начале XX столетия уже ходили поезда, а в Персии всё ещё пользовались примитивным гужевым транспортом. Допотопные повозки и телеги то двигались по горным кручам, норовя то и дело сверзиться в пропасть, то тащились по опалённым нещадным солнцем пустыням, с трудом добираясь до караван-сараяв.

Не легче тогда было добраться и до Пекина.

Последуем за нашими знакомцами И. Я. Коростовцом и Ю. Я. Соловьёвым, назначенными с разницей в несколько лет вторыми секретарями миссии в Пекине (третьих секретарей и атташе тогда ещё не было). Паровозным дымом на Дальнем Востоке ещё не пахло, и до Пекина можно было добраться либо через Суэцкий канал вокруг Азии, либо через Европу, Америку и Тихий океан. Третий путь — через Сибирь — ещё не считался «дипломатически освоенным».

Иван Яковлевич Коростовец выбрал первый, более короткий, вариант — через Суэц, потом Шанхай, Тяньцзин и оттуда — на китайской джонке с китайскими бурлаками вверх по реке до Пекина. Описания своего путешествия из Петербурга в Пекин он, к сожалению, не оставил, лаконично заметив в своих, кажется, ещё не опубликованных мемуарах, что ничего интересного в пути с ним и его семейством не произошло, и всё якобы было довольно скучно и утомительно. Иван Яковлевич конечно же лукавил или скромничал. Рассказчик он был отменный, а приключений в таком длительном путешествии у него наверняка было предостаточно. Просто он ехал в командировку в плохом настроении, и к тому же страдал бессонницей — последствия нервного заболевания, возникшего на почве более чем дурного обращения с ним в детстве отца.

Юрий Яковлевич Соловьёв, назначенный спустя несколько лет заменить в Пекинской миссии Коростовца, предпочёл второй вариант, запланировав на дорогу не

менее двух месяцев. Этот срок, конечно, недотягивал до рекорда, установленного английским дипломатом Лябушером*, но очевидно, что превышал разумные рамки допустимого, установленные Министерством иностранных дел. И немудрено: дипломат нисколько не торопился добраться до цели, а наоборот, запланировал на своём пути осмотреть Берлин, Париж, Лондон, а потом уж плыть в Китай. В кондовой царской России деспотизм как-то легко уживался с либерализмом.

При выезде из Петербурга дипломат получил в министерстве так называемую *курьерскую дачу* — подорожные в сумме двух тысяч золотых империялов и дипломатический паспорт. Этих денег, однако, на покрытие дорожных расходов не хватило, и разницу Соловьёв должен был покрыть из собственных средств. Наличие дипломатического паспорта освобождало его от оформления каких бы то ни было виз (льгота, которую российские дипломаты получили вновь лишь в начале XXI столетия), таким образом единственной отметкой в документах дипломата стала отметка о выезде за пределы Российской империи. Дипломатический паспорт и тогда играл роль своеобразной охранной грамоты или документа-вездехода. Такое привилегированное положение дипломатической касты сохранялось вплоть до Первой мировой войны.

Посетив Париж и Лондон, Соловьёв сел в Саутхэмптоне на пароход «Нью-Йорк». Поскольку в список пассажиров он был занесён как второй секретарь русской миссии в Пекине, его немедленно определили питаться за «дипломатический стол». Это позволило ему подучиться разговорному английскому языку, так что по прибытии в Пекин он уже довольно бойко говорил по-английски.

На американском берегу Соловьёва ожидали, как он пишет, обычные американские таможенные мытарства. Уже тогда янки, сами привыкшие к любезному приёму в Европе, вели себя по отношению к гостям довольно бес-

---

* Лябушер, получив назначение в Каир, добирался туда из Лондона полгода, застряв на долгое время в Германии. Форин Оффис почему-то забыл снабдить его подъёмными, и молодой дипломат, с присущим англичанам чувством юмора, добирался до места службы пешком.

церемонно. Чтобы избежать большой пошлины за ввоз личного багажа (на дипломатический этикет таможенники США вообще не обращали никакого внимания), Соловьёв отправил вещи запломбированными до самой канадской границы, включая конское седло, купленное в Лондоне. Зачем дипломату было нужно седло? Это мы узнаем чуть позже, а сейчас скажем, что это отнюдь не было прихотью русского путешественника, обычно везущего с собой за границу чёрный хлеб, селёдку, гречку и ещё какой-нибудь русский продукт, каким не полакомишься на чужбине. Седло в Пекине, да и в других столицах мира, было в конце XIX века отнюдь не лишним предметом в багаже и домашнем обиходе дипломата.

Из-за оформления своего багажа Соловьёв едва не опоздал на пароход в Ванкувере, откуда корабли в Шанхай ходили только один раз в три недели. В Нью-Йорке он прожил три дня в гостинице «Уолдорф» (знай наших!), расположенной в одном из нескольких небоскрёбов города. В номере оказалась неизвестная тогда ни в России, ни в Европе ванна, которая при ужасной жаре в городе пришлась как нельзя кстати. При пересечении канадской границы дипломат 24 часа провёл у величественного Ниагарского водопада, произведшего на него неизгладимое впечатление.

В Канаде Соловьёва ждал сюрприз: на *маленькой пограничной станции Торонто* (так пишет сам дипломат) ему объявили, что поезд на Ванкувер, до которого было 108 часов пути, отходит через час, а багаж из США всё ещё не прибыл. Если он пропустит поезд, то опоздает на пароход и застрянет в Ванкувере на целых три недели. В любом случае такая перспектива казалась досадной — особенно если учесть, что у него были на исходе деньги.

Юрий Яковлевич бросился в город на таможду. Местный кучер за большое вознаграждение в сумме десяти долларов (дипломат не уточняет, каких: американских или канадских, но в любом случае это эквивалентно сейчас примерно двумстам долларам) взялся за час доставить его вместе с сундуками на таможду и обратно к поезду. Дипломат взгромоздился к кучеру на козлы, и они понеслись по улочкам небольшого города Торонто

в противоположный его конец. К счастью, таможенные формальности оказались несложными, тем более что чиновники говорили по-французски и отнеслись к русскому дипломату весьма предупредительно. (Не так по отношению к английскому консулу, который вернулся с таможи весьма расстроенный из-за придиорок чиновников. «Его паспорт консула Её королевского величества королевы Виктории никакого впечатления на канадских чиновников не произвёл», — пишет Соловьёв.)

Кучер примчал Юрия Яковлевича с сундуками на станцию за несколько минут до отхода поезда. Но на вокзале Соловьёва ждал другой сюрприз: оставленный на временное хранение ручной багаж оказался закрытым в какой-то деревянной клетке и недосмотренным. Сторож из камеры хранения куда-то исчез. Помог начальник станции. Повторяя: «Не волнуйтесь», он вместе с несчастным Соловьёвым пустился вдоль пути в поисках пропавшего сторожа. Тот сидел в местном кабаке и пил пиво. Ручной багаж начальник станции успел бросить в тамбур вагона уже на ходу.

Как сдавались в багажный вагон сундуки, Соловьёв не видел, в суматохе он стал обладателем пяти медных блях с номерами. Дубликаты блях были прикреплены к сундукам. Уверенный, что последние едут тем же поездом, Соловьёв, наконец, слегка расслабился и спокойно продолжил путешествие через всю Канаду. Ехал он в так называемом «пульмановском вагоне». Несмотря на громкую рекламу этого новшества, пишет дипломат, вагоны оказались весьма неудобны из-за нехватки места и пространства. Каждый квадратный вершок в них был учтён и рассчитан, места для ручного багажа не оказалось, и пришлось сдать его в багажный вагон. При себе остался один лишь несессер*, и это было очень неудобно, потому что в пути предстояло пробыть более четырёх суток.

«На ночь поднимаются койки, расположенные вдоль прохода, от которого вы отделены лишь занавеской, — недовольно пишет Соловьёв, — и так как все вагоны проходные, возможность ограбления велика. Как мне

---

* Несессер (от фр. *necessaire*, буквально — необходимый) — дорожный футляр или небольшой чемодан с предметами туалета.

рассказывали спутники-канадцы, они обычно не берут с собой мало-мальски значительных денежных сумм, расплачивались по возможности чеками. Помимо того, спальное место так тесно, что расположиться на нём можно лишь при значительных акробатических способностях».

Пейзаж за окном унылый: в основном это разрушенная до основания колёсная дорога и горелый лес, в котором сгоревшие деревья торчали, как гигантские обожжённые спички. Кормили путешественников довольно однообразно: бараньими котлетами или лососиной. К кофе подавали консервированное масло и сгущённое молоко. «Этими полусуррогатами мне пришлось довольствоваться и впоследствии, в течение моего трёхлетнего пребывания в Китае», — с тоской сообщает дипломат, привыкший к маслу вологодскому и финскому (чухонскому).

Ванкувер оказался небольшим рыбацким посёлком, но морской порт был хорошим и просторным. Дальше поезда по Тихоокеанской железной дороге не ходили. В комфортабельной гостинице Соловьёв услышал «приятное» известие о том, что его сундуки в Ванкувер не прибыли. Оказывается, в Торонто их не погрузили в багажный вагон. Положение «аховое»: без сундуков продолжать путь было невозможно, а ждать три недели следующего парохода — тоже. Можно было бы приказать отправить багаж в Сан-Франциско и садиться на пароход уже там, но без денег это было тоже весьма рискованно. Единственная надежда была на то, что сундуки придут в Ванкувер следующим поездом, за несколько часов до отхода парохода.

Примирившись с неизбежностью, Соловьёв пошёл осматривать город, где никаких достопримечательностей не имелось вовсе. Привлекло внимание выступление «Армии спасения»: вновь обращённый в христианство индеец на ломаном английском языке рассказывал о том, как это с ним случилось. Вечером следующего дня Соловьёв отправился на пароход и, к своей радости, обнаружил, что сундуки таки прибыли. (Сундуки нашему путешественнику будут портить кровь и в дальнейшем: при отъезде из Черногории они были посланы по

ошибке в Будапешт, так что Соловьёву пришлось посетить вторую столицу Австро-Венгерской империи и с пользой для себя провести там время.)

...И снова пароход — теперь уже «Императрица Японии», и снова океан — теперь уже Тихий. Плыли тихо и скучно, в течение всего времени не позволялась музыка и закрылся бар. Причины? Присутствие на борту многочисленной группы американских миссионеров, отправлявшихся с жёнами и детьми в Китай. Лицемерие американских святош уже тогда превышало все допустимые рамки. Через 11 дней прибыли в Йокогаму, где миссионеры, наконец, сошли на берег*. На Соловьёва произвели впечатление великолепное обслуживание китайской прислуги на пароходе и доброжелательное отношение китайцев к европейцам, которого, по его мнению, они совершенно не заслуживали.

При пересечении 180-го градуса долготы часы на пароходе переставили на 24 часа вперёд, и, таким образом, за воскресеньем сразу наступил вторник. Если плыть в обратном направлении, то можно, наоборот, приобрести два воскресенья или два понедельника на выбор. Это чрезвычайно заинтересовало Соловьёва, и он пытался получить от своих спутников объяснение по поводу того, как проходят эти два дня для людей. Из Йокогамы ему удалось съездить на несколько часов в Токио и передать там русскому посланнику Хитрово пакет из Министерства иностранных дел. Попутная почта!

Спустя двое суток после стоянки в Йокогаме пароход прибыл в Шанхай.

Пятидневное путешествие закончилось.

Шёл 1895 год.

---

* Что такое американские миссионеры, в «красках» описывает в одном из своих рассказов Карел Чапек. Он в 20-е годы прошлого века путешествовал на пароходе вокруг Норвегии и с трудом выдержал присутствие этой агрессивной, убогой по своим взглядам и лицемерной породы людей. Американцы вообще считают себя призванными нести везде и всюду свою правду жизни и навязывать её другим. Только в описываемое здесь время они вели себя ещё мирно — солдаты и напалм придут позже. Читай «Тихого американца» Г. Грина.

...После трёхлетнего пребывания в Китае Соловьёв возвращался в Петербург так называемой *монгольской почтой* через Монголию и Сибирь. Китайскими чиновниками Цзунлиямына, то есть китайского Министерства иностранных дел, ему была выдана солидная подорожная как «второму посланнику» миссии. В монархическом Китае в Цзунлиямыне, как и во всех других министерствах, господствовала коллегиальная система. В нём было несколько министров, поэтому, по китайскому представлению, иностранная миссия имела несколько посланников. Рядом с настоящим министром-посланником в китайских списках дипломатического корпуса значились и вторые, и третьи посланники (то есть секретари). Эти же звания были указаны и на визитных карточках дипломатов и на фонарях (по вечерам при пешем передвижении дипломатов по городу или в носилках слуги несли зажжённые фонари).

Через «китайское плоскогорье» пробираться приходилось по узким тропинкам либо верхом на лошади, либо на носилках, прикреплённых к спинам двух мулов. На крутых поворотах носилки повисали над пропастью, но мулы уверенно шли вперёд, не спотыкаясь. Сойти с носилок можно было лишь в том случае, когда передние их концы были поставлены на землю. Монгольская почта начинала действовать от города Калгана, находившегося на китайско-монгольской границе.

Калган был типичным провинциальным китайским городом. На площади Соловьёв увидел висевшую в деревянной клетке полуистлевшую голову казнённого, вокруг которой летала стая ворон. И в других городах он находил подобные следы подавленного накануне Дунганского восстания (1895).

В Калгане Соловьёв пытался купить себе тарантас, но не нашёл, и пришлось ограничиться двухколёсной телегой для багажа. Здесь к нему был прикомандирован забайкальский казак, который должен был сопровождать его до конечной тогда станции Зима Китайско-Восточной железной дороги. Передвигались очень медленно. Это была местность, населённая дунганями, у которых не хватало лошадей. Каждый день Соловьёв с казаком делали от трёх до пяти перегонов; станция-

ми назывались монгольские кочевья, специально переведённые на постоянное жительство. На каждой станции давали небольшой табун монгольских лошадей, два конных ямщика брали к себе на седло поперечную перекладину, к которой крепились оглобли телеги. Остальные хватались за верёвки, привязанные к этой же перекладине, и небольшой конно-гужевой отряд начинал скакать по гладкой, как стол, степи. Часть ямщиков гнали сзади небольшой табун неосёдланных лошадей, которых меняли потом на уставших. Смена ямщиков и лошадей происходила на полном скаку. Уставших лошадей оставляли в степи, все они были таврёные* и рано или поздно попадали к своим хозяевам.

Во время ночёвок на станциях в распоряжении Соловьёва и казака были две юрты и палатка, которые полагались дипломату как «второму посланнику». Выходил начальник кочевья в красном парадном кафтане и встречал прибывшего. Он протягивал ему обе руки ладонями вверх, а дипломат клал на них плашмя свои ладони — таковы были жесты монгольского безграничного гостеприимства.

Монгольское гостеприимство уступало, возможно, лишь монгольской честности. Однажды Соловьёв уронил золотые часы и спохватился, проехав много вёрст. Они были ему доставлены на одной из следующих станций, правда, растоптанные копытом лошади. Приводили на показ барана, которого тут же резали, и казак, заплативший за него три серебряных рубля, делал шашлык на костре из кизяка**. За более мелкие услуги, например за помощь в преодолении рек, Соловьёв расплачивался с монголами кусочками серебряного рубля. Запах жареной баранины, пропитавший всех монголов, их жилища и даже степи, преследовал Соловьёва чуть ли не до самого Петербурга. Тишина, от которой звенело в ушах, небо в звёздах и полная безопасность окружали путешественников в монгольской степи.

Взятый в дорогу револьвер так и остался лежать в че-

---

* Таврёный (спец.) — с выжженным тавром, метками.

** Путешествующие монгольской почтой китайские чиновники за барана не платили, полагая, что он входит в «обслуживание». Если баран им был не нужен, то они требовали от монголов вернуть им его стоимость. Монголы обижались и китайцев за это недолюбливали.

модане. В течение 11 дней Соловьёв ни с кем, кроме казака, не разговаривал, потому что монгольского языка он не знал, а других людей, кроме монголов, он ни разу не встретил. Чем ближе к Урге, тем чаще приходилось преодолевать реки вброд. Пустыню Гоби пересекли на верблюдах.

В Урге находилось генеральное консульство России, генконсулом был Я. П. Шишмарёв, по происхождению то ли бурят, то ли амурский казак, начавший службу ещё при генерал-губернаторе графе Муравьёве-Амурском. Коростовец вспоминает, что Шишмарёв совершенно «омонголился» на своей долголетней и бессменной работе и, приезжая на очередную аудиенцию к посланнику в Пекин для совершения обряда *кэтоу*, что в переводе с китайского означало «челобитие», жил в монгольской юрте. Он уже не мог жить в европейском доме — там ему не хватало свежего воздуха. Прослужив бессменно много лет в Урге, Шишмарёв дослужился до должности генерального консула и чина тайного советника. Чиркин вспоминает, что помнит Шишмарёва древним, но довольно бодрым старичком, «бегавшим по министерским кулуарам и лестницам с быстротой, которой мог бы позавидовать любой молодой».

От Урги до Троицкосавска, стоявшего уже на русско-монгольской границе, было всего два дня перехода. После монгольской степи городок показался Соловьёву Парижем.

По Сибири поехали быстро. Байкал пересекли на пароходике, плыли и по Ангаре до самого Иркутска. В Иркутске Соловьёв, согласно протоколу, нанёс визит генерал-губернатору генералу Горемыкину, брату будущего премьер-министра Николая II. Железная дорога тогда до города ещё не дошла, до Зимы 300 вёрст ехали в тарантасе с попутчиком — так было дешевле. Всю дорогу держали наготове заряженные револьверы — в Сибири «шалили». По обочинам дороги там и сям встречались деревянные кресты — напоминания об убитых и ограбленных путниках.

Поезд от Зимы так часто останавливался на промежуточных станциях, что первые 200 вёрст ехали медленнее, чем на лошадях. Большие реки преодолевали на

парамах — мостов ещё не было. В Петербург Соловьёв прибыл через две недели после того, как выехал из Иркутска.

В пути дипломатам приходилось искать содействия и приюта в своих миссиях, консульствах и посольствах. Относились к таким визитёрам по-разному. Визит незнакомого коллеги из далёкого Петербурга в каком-нибудь захолустье типа черногорской столицы Цетинье мог быть воспринят дипломатом как радостное событие, нарушавшее провинциальную скуку. Иначе смотрели на дипломатических визитёров в Париже, Берлине или Лондоне: эти города неизменно стояли почти на всех дипломатических маршрутах, проезжавшие через них гости появлялись довольно часто, а потому их визиты считались в посольствах обременительными.

«Во время войны и даже до неё много нареканий вызывал неприветливый и подчас грубый приём со стороны наших заграничных дипломатических и консульских чиновников, — вспоминал Соловьёв. — Один из моих коллег, шутя, предлагал выпустить отдельной брошюрой... книжку “Консульские зверства”...» Правда, «лишь меньшинство наших заграничных чиновников, но именно в больших центрах, принимало всякого посетителя, как собаку в кегельной игре, памятуя, быть может, изречение... нашего посла в Лондоне Бруннова, что каждая просьба соотечественника разрешается отказом».

Встречая какого-нибудь новичка, добирающегося до Рио-де-Жанейро или Нью-Йорка, «бывалый» русский дипломат в Париже всем своим видом показывал своё превосходство и говорил с ним в усвоенной манере, по-русски с французским прононсом.

Принимая проезжих коллег, впадали и в другую крайность. Так, когда Соловьёв на пути в Китай остановился в Лондоне, то второй секретарь посольства Н. Н. Булацель сразу решил загрузить его работой и засадил писать цифры для какой-то зашифрованной телеграммы. В наши дни подобное ни с точки зрения конспирации, ни с точки зрения порядочности было бы невозможно, но тогда были иные времена... Старших нужно бы-

ло почитать. Появившийся на месте первый секретарь А. Н. Крупенский почему-то рассердился на Булацеля и в присутствии Соловьёва сделал ему резкий выговор. Зато Булацель сводил потом Соловьёва позавтракать в Сент-Джеймский клуб, в котором собирались члены лондонского дипломатического корпуса, и в один из спортивных клубов.

Коростовец, переведённый из Пекина в Рио-де-Жанейро, почти весь путь проделал на английском пароходе «City of Rio de Janeiro» с заходом в Японию. Он благополучно добрался до Сан-Франциско, а потом пересел на поезд, пересёк с запада на восток США и снова сел на пароход (разумеется, английский). Время для плавания было выбрано удачно, потому что в следующем рейсе «City of Rio de Janeiro» потерпел крушение и затонул.

Боткин добирался до Америки тоже пароходом. Это был французский трансатлантический лайнер «Гасконь», отправлявшийся через Атлантику из Гавра. Проводить холостого дипломата пришёл проживавший во Франции известный художник-маринист А. П. Боголюбов (1824—1896). На душе у дипломата было тревожно, жутко и тоскливо, вспоминал он позже. И Алексей Петрович не добавил в его настроение оптимистических нот, предвещая, что вернётся он из Америки совершенно другим человеком. «Почему?» — спросил Боткин. — «Такова уж Америка, — ответил художник. — Она всех переделывает».

Предсказание Боголюбова, слава богу, не сбылось. Боткин на всю жизнь остался русским человеком.

Глава вторая

Посол — он и в Африке посол

*Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.*

А. С. Грибоедов

Главной фигурой — разумеется, после министра иностранных дел — в дипломатии является, конечно, посол. Если министра можно сравнить с главнокоман-

дующим, то посла — с генералом, командующим на определённом участке театра военных действий. Именно посол в значительной мере определяет уровень отношений с конкретной страной, действуя в рамках внешней политики своего государства. От его политического кругозора, проницательности и дальновидности, гибкости, умения работать с людьми зависит успех дипломатических усилий на данном направлении. Он же определяет атмосферу и обстановку, в которых работают подчинённые ему в данной стране дипломатические сотрудники.

Показательным примером того, как много в дипломатии зависит от личности посла, явилась, по выражению В. Н. Ламздорфа, «пресловутая миссия Н. В. Каульбарса» (1842—1905) в 1886 году в Болгарию. Полковник и барон Николай Васильевич прибыл в страну в качестве представителя русского правительства после отречения от болгарского трона князя Александра Баттенбергского (1857—1893). В Болгарии было учреждено так называемое регентство, состоявшее из антирусски и прогермански настроенных государственных деятелей типа премьер-министра Стефана Стамболова (Стамбулова) (1854—1895), но последнее время предпринявшее робкие шаги по сближению с Россией. Наши отношения с Болгарией можно было ещё спасти, но всё испортил «решительный» Каульбарс. Слепо следуя инструкциям Александра III и игнорируя все указания министра Гирса, он стал бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела страны и повёл себя по отношению к болгарам так грубо и так бесцеремонно, что вызвал раздражение даже пророссийских кругов. Тем не менее, «чем больше он делал глупостей по собственной инициативе, тем больше его ценил и одобрял государь», — читаем мы в дневнике Ламздорфа. Через два месяца Каульбарс был вынужден бежать из Болгарии, отдав приказ покинуть страну всем военным и дипломатам. Болгария на многие годы осталась без русского влияния и постепенно сползла к антирусскому союзу с Австро-Венгрией и Гер-

---

* Не путать с другим Каульбарсом, братом спецпосланника, Александром Васильевичем, 1844 года рождения, генерал-майором, также работавшим в 1882 году в Болгарии.

манией. Такой может быть разрушительная сила неумелой дипломатии.

Поэтому правильный и точный подбор кандидатуры посла — одно из важных составляющих успешной политики Министерства иностранных дел и главы государства в отношении той или иной страны. В вопросе о том, должен быть посол профессиональным дипломатом или нет, является спорным — главное, чтобы он обладал необходимыми качествами. В некоторых случаях непрофессионал может иметь целый ряд преимуществ перед своим коллегой, работавшим до своего назначения исключительно на ниве дипломатии. Российские императоры и канцлеры в целом понимали это и в своей практике подбора кандидатур послов руководствовались в основном практическими соображениями — естественно, по своему разумению. Так что в истории царской дипломатии были и блестящие послы, и послы посредственные, и откровенно никудышные.

Послы назначались в посольства, в то время как посланники возглавляли миссии. Как мы уже знаем, посольства являлись дипломатическими представительствами более высокого ранга, чем миссии. Согласно решениям Венского конгресса 19 марта 1815 года, послы являлись представителями великих держав в великих же державах. Венский конгресс признал активное и пассивное право (то есть по их усмотрению) иметь посольства лишь за Россией, Австрией и Англией, остальные страны должны были довольствоваться миссиями. Впоследствии это право распространилось на Турцию, Германию, Италию, Испанию, США, Японию и до известной степени — на Аргентину, Мексику, Бразилию и Чили.

При Александре I за границей работало 24 посла и посланника: чрезвычайные и полномочные послы в Лондоне и Париже; чрезвычайные и полномочные посланники в Вене, Берлине, Стокгольме, Копенгагене, Дрездене, Мюнхене, Карлсруэ, Франкфурте-на-Майне, Риме, Неаполе и Турине; министры-резиденты* в Гамбурге и Кракове и временные поверенные в делах в

---

* Ранг министров-резидентов был введен в употребление Ахенским конгрессом 21 ноября 1818 года. Министрами или полномочными министрами длительное время называли тогда посланников.

Гааге, Штутгарте, Флоренции, Берне, Лиссабоне и Тегеране. В последующее время эта структура российских загранучреждений больших изменений не претерпит.

Направление в страну посла или посланника зависело не только от значения и мощи государства, но и политической конъюнктуры: в Вене с 1801 по 1808 год пребывали послы, а в 1810—1822 годах — посланники; в Париже с 1807 по 1812 год — послы, с 1814 по 1821 год — посланник, а после этого — снова посол.

Назначать посла можно, разумеется, в страну, которая дипломатически признана, то есть если установленная в ней власть легитимна, законна и признана хотя бы большинством государств мира. В 1910 году в Португалии произошла революция, в результате которой король Мануэль II был свергнут, а в стране была установлена республика. Прошёл почти год, прежде чем Николай II, дождавшись положительной международной реакции на это событие, не соизволил признать новый режим. И тогда поверенному в делах в Лиссабоне, надворному советнику Талью поступило зашифрованное (№ 1340 от 16/23 сентября 1911 года) указание:

«Ввиду сообщённых Вами сведений о признании Португальской республики всеми державами, Государю Императору благоугодно было соизволить на признание* новаго государственнаго строя Португалии.

Вам поручается поэтому устно передать Министру Иностранных Дел о признании Императорским правительством Португальской республики и затем вручить ему ноту о признании, в согласии с образом действий других монархических держав по этому поводу. Можете следовать их примеру во всех представляющихся случаях».

Поверенный в делах Таль шифровкой от 17/30 сентября так же ёмко и лаконично доложил в Санкт-Петербург, что поручение выполнено и что «Министр Иностранных Дел Г. Чага просил передать живейшую признательность и уверения, что правительство Португалии высоко ценит доверие, оказанное ему императорским правительством».

Если перевести это на обычный русский язык, то

---

* Так в тексте.

можно сказать, что реакция господина Г. Чага на запоздалое признание Россией португальского режима, мягко говоря, была довольно прохладной. И это естественно: российский самодержец оказался последним в череде монархов, который «благоугодно соизволил» признать, наконец, режим, давно признанный всей Европой. Впрочем, для такой солидной державы, как Россия, торопиться в этом вопросе нужды не было. Но временный поверенный в делах Таля после этого демарша должен был испытать учащённое сердцебиение: у него были все шансы стать первым русским посланником в Португальской республике.

Как мы увидим далее, больших интересов в Португалии у России тогда не было, и открытие миссии в Лиссабоне имело скорее престижный, нежели деловой интерес. Молодой дипломат И. Я. Коростовец, работавший в Лиссабонской миссии, не находил для себя занятий и умирал от скуки.

Прославленный генерал А. П. Ермолов (1777—1861) в апреле—августе 1817 года возглавил посольство в Персию, главной задачей которого было установление с этой страной дипломатических отношений после военных действий. Русская армия нанесла персам сокрушительное поражение, и теперь посольству Ермолова предстояло учредить в Тегеране постоянную русскую миссию и решить некоторые другие важные задачи: нейтрализовать попытки персов вернуть обратно отданные России территории, открыть торговые конторы для русских купцов и промышленников, добиться нейтралитета Персии в русско-турецком конфликте, ограничить влияние англичан в стране и собрать необходимые разведданные.

Генерал не был профессиональным дипломатом, но это был умный и просвещённый человек, и он блестяще выполнил поставленную перед ним задачу, действуя по обстоятельствам и используя все средства для воздействия на персов. Восточной хитрости он противопоставил мощь и авторитет России, природный русский ум и умение использовать уязвимые места в позиции персидских дипломатов.

Прежде чем назначить посла в какую-нибудь сто-

лицу, Министерство иностранных дел должно удостовериться, что он будет там персоной желательной, на языке дипломатии — *персоной грама*. Когда на освободившееся в 1884 году в Лондоне место посла министерство предложило барона Карла Фёдоровича (Петровича) Иксуля фон Гильденбрандта, посла в Риме (1876—1891), то королева Виктория отвергла его кандидатуру, и в Лондон поехал барон Егор Егорович Сталь (1824—1907), работавший до этого посланником в Вюртемберге. Егора Егоровича, опытного дипломата, человека честного, пожилого, не владевшего английским языком, обременённого многочисленной семьёй и к тому же не слишком богатого, пришлось долго уговаривать поехать в Англию. Вюртембергской же королеве великой княгине Ольге Николаевне (1822—1892) были предложены на выбор четыре кандидатуры в преемники Сталю, и в Вюртемберг поехал барон В. А. Фредерикс, директор Департамента личного состава и хозяйственных дел*.

После предварительного согласования посол получает от своего государя или главы государства *верительные грамоты* и может рассчитывать на получение в стране будущей работы *агремана*, то есть официального согласия на аккредитацию. В описываемые нами времена уже прошла практика так называемого отпуска посла, когда аккредитованный при каком-нибудь дворе посол или посланник не мог отъехать на свою родину без согласия местного суверена. При согласии отпустить от себя посла монарх повелевал выдать ему паспорт на выезд.

Назначению в 1891 году мексиканского посла в Россию предшествовала определённая процедура проверки его личности. Об этом свидетельствует следующее письмо министра Н. К. Гирса своему послу в Мексике Р. Р. Розену от 8 апреля 1891 года:

«Милостивый Государь Роман Романович,

Посланник наш в Вашингтоне действительно сообщил мне о назначении на этот пост полковника Дон Педро Ринкон Гальярдо. Сведения, доставленные

---

* Не путать с бароном В. Б. Фредериксом (1838—1927), министром двора при императоре Николае II.

об этом лице Тайным Советником Струве, а также нашим поверенным в делах в Брюсселе, так для него благоприятны, что Императорское Правительство приняло с удовольствием известие о назначении его в С.-Петербург, о чём прошу сообщить Марискалю*.

Н. Гирс».

Как мы видим, отзывы на мексиканского полковника, а к моменту приезда в Россию — генерала Гальярдо, были взяты у вашингтонского посланника К. В. Струве и ещё одного надёжного дипломата из миссии в Бельгии.

До момента вручения верительной грамоты прибывшему послу проходит определённое время — от нескольких недель до нескольких месяцев. Посол может приступать к своим внутренним обязанностям, знакомиться с делами посольства, со страной, но официально он послом ещё не считается.

Вручение верительной грамоты главе иностранного государства — важный дипломатический и межгосударственный акт. Он обставляется в каждой стране с особой торжественностью и согласно специально разработанному церемониалу (более подробно см. об этом в главе «Протокол»). После церемонии вручения верительной грамоты посол, как правило, произносил речь, текст которой предварительно вручался местному министру иностранных дел. Чрезвычайный и полномочный посланник России в Мексике Р. Р. Розен при вручении верительной грамоты президенту страны 28 мая 1891 года произнёс такую речь:

«Господин Президент,

Его Величество Государь Император, августейший мой Повелитель, желая установить прочные дружественные отношения между Российской Империей и Мексиканскими Соединёнными Штатами, за благо признал назначить Своего Чрезвычайного и Полномочного Министра при Вашем правительстве и Все милостивейше соизволил аккредитовать меня в этом качестве верительною грамотою, которая уже находится в руках Вашего Превосходительства.

Почитаю себя счастливым, что на мою долю выпала лестная задача положить почин дипломатическим

---

* Министр иностранных дел Мексики Игнасио Марискаль.

сношениям между обоими Правительствами. Все мои усилия будут направлены к тому, чтобы содействовать упрочению дружественных отношений между обеими державами, соответствующих их обоюдным интересам».

О вручении верительных грамот послы обычно немедленно уведомляли своё министерство нешифрованной телеграммой — равно как о получении отзывных грамот по окончании своей миссии в стране.

Роману Романовичу, первому русскому послу в Мексике, не повезло: накануне формального акта аккредитации он, находясь на неосвещённой платформе железнодорожной станции, оступился в темноте, упал и вывихнул плечо. К счастью, рядом оказался какой-то американский врач-хирург, который сразу на месте вправил руку на место и наложил повязку. Вручение верительных грамот пришлось на некоторое время отложить.

Перед тем как отправить посла в длительную командировку, ему составлялась подробная инструкция о том, какие общие и конкретные задачи и каким способом он должен решить в период своей работы и в течение какого срока отчитаться перед Центром. Эти инструкции были особенно важны в то время, когда о телеграфе еще только мечтали, а курьерская почта доставлялась нерегулярно и довольно редко — особенно в удалённые от европейской цивилизации страны Азии и Америки. Как правило, инструкции носили секретный характер, подписывал их министр иностранных дел, а утверждал сам государь император.

Инструкцию дипломатическому агенту при командующем российской армией на Кавказе И. Ф. Паскевиче (1782—1856) А. С. Грибоедову (1795—1829), направлявшемуся в 1828 году в Персию полномочным министром-резидентом, была составлена К. В. Нессельроде и утверждена Николаем I. Кроме задачи развития отношений с Персией и защиты политических, торговых и экономических интересов России в этом регионе, дипломату вменялось в обязанность собирать сведения об

истории и географии, о состоянии экономики и торговли страны, её взаимоотношениях с соседями и военном потенциале.

«Но более всего МИД встречает надобность в сведениях, почерпнутых из верных источников, об отношениях Персии к туркоманам (туркменам) и хивинцам, о степени их приязни с оными и влияния могущества её на сии кочевые племена...» — говорилось в инструкции. И далее: «...Для успешного исполнения всего, что Вам предначертано, необходимы связи в том крае... и содействие людей усердных. Самые вельможи и даже сыновья шахские нуждаются иногда в незначачем вспоможении наличными деньгами, от которых внезапно восстанавливается их вес и зависит нередко их спасение. Такая услуга с Вашей стороны, вовремя оказанная, может приобрести Вам благодарность лиц полезных и сделать их искренними, следовательно, решения по сему предмету предоставляются Вашему благоразумию».

Инструкция дипломату-поэту, как мы видим, фактически носит разведывательный характер, и Нессельроде, у которого в своё время на связи находился такой агент, как Талейран, проявляет при её составлении недюжинные способности и такт: «Впрочем, многие местные обстоятельства в Персии нам в совершенной полноте не известны, а потому я ограничиваюсь выше изложенными наставлениями, по Высочайшему повелению предначертанными Вам в руководство. Но при сём долгом поставляю сообщить Вам, что Его Императорское Величество пребывает в том приятном удостоверении, что Вы при всяких случаях и во всех действиях постоянно будете иметь в виду честь, пользу и славу России».

Грибоедов хотел взять себе в помощники Н. Д. Киселёва, но Карл Васильевич наметил его секретарём в Париж как прекрасно владеющего французским языком, так что в Персию с Грибоедовым поехал некто И. С. Мальцов, человек трусливый и малодушный, уклонившийся от помощи своему начальнику при нападении персов на русскую миссию.

Перед тем как получить прощальную аудиенцию у Нессельроде, Александр Сергеевич зашёл к П. Я. Чаада-

еву. Пётр Яковлевич очень удивился, увидев, что Грибоедов отрастил усы. На вопрос, не сошёл ли тот с ума, собираясь к министру в таком виде, посланник отвечал:

— Что ж тут удивительного? В Персии все носят усы.

— Ну так ты в Персии их и отпустишь, — резонно заметил Чаадаев, — а теперь сбрей: дипломаты в усах не ходят.

Чаадаев знал, что говорил. Это о нём сказал корсиканец на русской службе и посол России в Париже (1814—1834) К. О. Поццо-ди-Борго: «Если бы я имел на то власть, то заставил бы Чаадаева бесперемешки разъезжать по многолюдным местностям Европы с тою целью, чтобы непрестанно показывать европейцам русского, в высшей степени *comme il faut*».

Последовал ли Грибоедов совету Чаадаева, мы не знаем, но портрета, на котором он был бы изображён с усами, вроде нет.

К сожалению, посланник Грибоедов «предначертанное в руководство» осуществить не успел. Как мы знаем, он пал жертвой фанатичной религиозной толпы, натравленной англичанами, не желавшими усиления русского влияния в Персии.

О том, какие курьёзы случаются при назначении послов, свидетельствует следующий эпизод. Посол Александра I в Париже А. Б. Куракин (1752—1818) долго не мог вручить верительные грамоты Наполеону, поскольку диктатор убыл на войну в Испанию, и посол проживал в Париже как частное лицо. Кстати, направление Куракина в Париж носило чисто формальный характер — Александру I нужна была дипломатическая ширма для введения Наполеона в заблуждение относительно истинных намерений России, после Эрфурта активно готовившейся к схватке с Францией. Поэтому Куракин отправился в Париж без письменных инструкций. За спиной посла активно трудились советник посольства К. В. Нессельроде, поддерживавший агентурные отношения с Талейраном, и военный агент военного министра М. Б. Баркляя де Толли (1761—1818) А. И. Чернышев (1785—1857).

При окончании своей миссии посол, как мы упомянули, должен был, при необходимости, получить от гла-

вы государства пребывания так называемые *отпускные письма*. Прощались с послом по-разному: кто без сожаления, не скрывая удовлетворения, а кто — со слезами на глазах.

Накануне вторжения в Россию в 1812 году к наполеоновской коалиции примкнула Австрия, и Вена объявила о разрыве дипломатических отношений с Петербургом. Канцлер К. В. Л. Меттерних не был в восторге от участия австрийцев в русском походе и вступил с Александром I в тайное соглашение о том, что Австрия в этой войне будет проявлять пассивность. В результате русский посланник в Вене Г. О. Штакельберг остался в Австрии — он просто уехал «на курорт» и оттуда продолжал информировать своё правительство с помощью австрийского дипломата Лебцельтерна, а в здании миссии продолжал работать секретарь Отт (в Петербурге в это время сидел австрийский дипломат Маршал). Это был уникальный разрыв дипломатических отношений.

Кстати, Штакельбергу «везло» на совпадения, благодаря которым он оказывался в чужой стране «на птичьих правах». Семью годами раньше, в 1805 году, он под предлогом ухода в отпуск покинул свой пост в Батавской республике (так называлась тогда Голландия) и около года не имел никаких дипломатических поручений. Наконец о нём вспомнил министр иностранных дел А. Я. Будберг и предписал ему прибыть в Берлин в качестве частного лица для оказания содействия послу М. М. Алопеусу*. Содействие это было довольно необычным: он должен был поддерживать контакт с директором департамента Министерства иностранных дел Пруссии Хаугвитцем, с которым посол Алопеус отказался встречаться из-за его слишком «пробонапартских взглядов». В марте 1806 года Алопеус докладывал Чарторыйскому, ставшему при Будберге товарищем министра, что длительное пребывание в Берлине Штакельберга может вызвать недоразумения, что сам Штакельберг не очень доволен своим «новым назначением» и жалуется на здоровье. Тогда Александр I поторопился подстраховать неустойчивое положение Штакельберга

---

* Братья Максим Максимович и Давид Максимович Алопеусы происходили из финских шведов, оба — креатуры Нессельроде.

письмом к Фридриху Вильгельму III, в котором просил прусского монарха оказывать ему полное доверие.

Дипломатия Александра I в достаточной степени освоила «технику» тайных операций и успешно применяла её в сложной военно-политической обстановке.

«Дипломат, умирая, никогда не оставляет после себя пустое место, — пишет граф В. Н. Ламздорф в своём дневнике, — он только открывает с нетерпением ожидаемую вакансию». Это высказывание особенно актуально было для дипломатов высшей категории — послов и посланников.

При Александре I к карьере посла дворянство относилось достаточно индифферентно. Когда вице-канцлеру А. Б. Куракину в 1808 году предложили поехать послом в Париж, он отказался. Будучи тайным конфидендом* императрицы-вдовы Марии Фёдоровны, приставившей его следить за сыном, он писал ей: «Я сознался государю откровенно, что не могу решиться принять этот пост, потому что, ставя милости Вашего высочества выше всего, я не могу забыть, что Вы, даже шутя, всегда выражали нежелание, чтобы я поехал в Париж, что я слишком стар...» К тому же вице-канцлер был противником русско-французского сближения и не хотел ставить себя под удар недоброжелателей как в Петербурге, так и в Париже. Тогда император отправил его послом в Вену.

Во времена Александра III и Николая II ситуация изменилась, и щепетильности у кандидатов в послы резко поубавилось, а чётких правил, регламентирующих возрастную ценз этих высших чиновников, выработано не было. Поэтому за посольские посты держались до гробовой доски. Барон Менгден, прослуживший в Министерстве иностранных дел 54 года, ушёл с поста министра-резидента при Саксонском дворе в возрасте 78 лет. Впрочем, умирали послы и молодыми: посланник при дворе португальского короля Мануэля II (1889—1932) П. А. Арапов, пробыв в Португалии всего три года, скоропостижно скончался в 1885 году в возрасте 47 лет. По всей видимости, Павел Александрович не смог акклиматизироваться в жарком Лиссабоне.

---

* Кон ф и д е н т — доверенное лицо.

Увольнение послов было всегда для них большой трагедией, пишет Соловьёв, а одному французскому дипломату это дало повод сделать остроумное замечание о том, что послы редко умирают и никогда не подаются в отставку. Посла в Риме барона Иксуля фон Гильденбрандта не могли удалить из Рима до самой его смерти, причём предсмертное его состояние длилось целый год, и исполнять свои обязанности он, естественно, не мог. Александр III относился к этой проблеме с большим раздражением. Ему не нравилось, когда сенильных* дипломатов при увольнении из Министерства иностранных дел назначали членами Государственного совета. Император полагал, что при том состоянии умственной слабости, в которое они впали в конце своей дипломатической карьеры, членство в Государственном совете было бы оскорблением для этого учреждения. «Послужил и удалился на покой!» — говорил он.

Не любил он и таких дипломатов, которые претендовали на более высокое положение, нежели то, которое он им предоставлял. Директор Азиатского департамента Зиновьев не желал принимать пост посла в Стокгольме, претендуя на освободившуюся должность товарища министра. Александр III сказал деликатному Гирсу, что если Зиновьев откажется ехать в Швецию, то тогда пусть вообще подаёт в отставку. Зиновьев, «поджав хвост», быстро уехал в непопулярный у дипломатов Стокгольм.

Замена упомянутого выше посла в Риме барона Иксуля вызвала в МИД и при дворе большой переполох и целую цепочку перестановок. Александр III остановил свой выбор на товарище Гирса А. Г. Влангали и во время бала, устроенного в честь прибытия в Петербург австрийского эрцгерцога Фердинанда (январь 1891 года), глядя на танцы и спрашивая: «Кто этот скачущий пенсне? А кто этот хлыщеватый юноша?», «под большим секретом» сообщил ему о своём предварительном решении. Потом царь подошёл к своему брату великому князю Владимиру и передал содержание своего разговора с Влангали.

Сразу после этого на балу начался переполох, все ста-

---

* От лат. *senilis* – старческий.

ли рассказывать друг другу эту потрясающую новость, подбегать с поздравлениями к Влангали, совершенно ошеломлённому от свалившейся на него такой благодати, обсуждать кандидатуры на освободившееся место товарища министра: кто называл Зиновьева, а кто — советника посольства в Берлине Михаила Муравьёва, лихо отплясывавшего в это время очередной танец; а кто-то громко спрашивал, на самом ли деле барон Иксуль почил в бозе. Посол при Римской курии А. П. Извольский с выпученными глазами набросился на Ламздорфа и начал взволнованно спрашивать, что произошло. Таков оказался магический эффект «конфиденциального» разговора государя со своим «назначенцем»!

Нет нужды говорить о том, что министр Гирс узнал о назначении Влангали послом в Рим одним из последних, потому что на указанном балу не присутствовал из-за траура по умершему брату. Вместо Влангали товарищем Гирса был назначен возвращавшийся из Стокгольма посол Шишкин. Императору было важно в отсутствие Гирса иметь дело на докладах с человеком «удобным». В отношении Зиновьева он прямо заявил, что тот «здесь не удобен».

Баронесса Леония Владимировна Иксуль, узнав о назначении Влангали вместо её мужа, воскликнула:

— Да это же не перемена, это только нюанс!

Что имела в виду баронесса, сказать трудно. В это время её парализованный и «рамольный»* супруг лежал на смертном одре. В этом смысле приезд в Рим вполне здорового и пребывающего в своём уме Влангали вряд ли можно было назвать нюансом. Впрочем, Влангали никуда уезжать из Петербурга пока не собирался и пребывал в ожидании кончины барона Иксуля, хотя, как он признавался в частных доверительных беседах, хлопотливая должность товарища министра ему очень наскучила. Но барон Иксуль предупредил желание своей замены и успел живым вернуться из Рима домой и даже восстановить свои умственные способности. В дневнике А. А. Половцова за ноябрь 1887 года имеется запись, в которой говорится о том, что «барон Иксуль, разби-

---

* Сенильный, слабоумный.

тый параличом, настаивает на том, чтобы ему разрешили вернуться к своему посту посла в Риме. Гирс, не имея мужества... и желая по обыкновению всё свалить на государя, предложил государю принять Иксуля, чтобы убедиться в неудовлетворительности его физического и нравственного состояния».

На это Александр III сказал:

— Да ведь я не доктор.

Скоро барон Иксуль всё-таки скончался*.

Несколько слов об Александре Георгиевиче (Егоровиче) Влангали. Он происходил из греков, отец его служил на Черноморском российском флоте и, как пишет Половцов, находился в дружеских отношениях с семейством Строгановых. Это и стало отправной точкой дальнейшей карьеры самого Александра Георгиевича (Егоровича). Небольшого роста, не блиставший особыми способностями, этот воспитанник Горного корпуса как-то случайно попал в комиссию по определению границ Сербии, потом стал генеральным консулом в Белграде, после чего 10 лет возглавлял миссию в Пекине. Вернувшись из Китая, он стал претендовать на пост посланника в Европе. Услышав об этом, князь Горчаков расхохотался и вообще уволил его из Министерства иностранных дел с пенсией в размере пяти тысяч рублей. Несколько лет Влангали бездельничал за границей, а когда министром стал Гирс, тот пригласил его в качестве своего товарища. В этом качестве, пишет Половцов, друживший с ним около 40 лет, Влангали стал любимцем петербургского общества и в особенности — дамского: «Он был приглашаем во всех углах, где горели две свечи, начиная с великих княгинь. В делах он выказывал чрезвычайную любезность, предупредительность и полную безличность».

Н. К. Гирсу такая популярность сильно надоела; кроме того, Влангали в делах не любил брать на себя ответственность и старался всё свалить на министра, так что Гирс решил его «сплавить» из Петербурга, назначив послом в Рим.

— Помилуйте, Николай Карлович, — сказал Алек-

---

* В отношении даты его рождения и смерти имеются самые противоречивые данные.

сандр III Гирсу, когда тот вышел к нему с этим предложением, — какой это посол?

Тут безынициативный Гирс проявил настойчивость (личная заинтересованность!) и стал царя уговаривать. Царь сдался и дал своё согласие на назначение Влангали послом в Рим.

При назначении в 1885 году П. А. Шувалова послом в Берлин Александр III «забыл» предупредить своего брата, командующего Петербургским военным округом великого князя Владимира Александровича (1847—1909), у которого Шувалов командовал гвардейским корпусом. «Тихо» сняв с места Шувалова, государь без предупреждения назначил на его место принца Ольденбургского*, чем сильно разобидел брата. «Государь извинялся в необдуманности подобных распоряжений, — пишет А. А. Половцов, — и всё кончилось братским примирением».

Весьма знаменательным для поведения царя было так называемое дело уже упоминавшегося нами генконсула Лаксмана. Генеральный консул в Португалии Лаксман, старый уже человек, проработавший на дипломатической службе более 50 лет, под конец своей карьеры стал сильно злоупотреблять своим положением. Он не принимал во внимание указания вышестоящего начальства, обложил данью в свою пользу курируемых в стране почётных консулов и постоянно требовал повышения жалованья, надоедая на этот счёт прошениями государю.

В январе 1890 года резолюция Александра III гласила: «Давно пора уволить его совершенно от службы и назначить туда более порядочную личность». Но прошёл год, а Лаксман продолжал писать императору о своих нуждах. «Давно пора уволить этого недостойного чиновника и нахала от службы», — снова распорядился государь. В исполнение этого повеления Гирс наконец отправил посланнику (1885—1891) Н. А. Фонтону

---

* *Александр Петрович Ольденбургский* (1844—1932) — командующий гвардейским корпусом в 1885—1889 годах. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов в чине генерал-майора. С 1895 года — генерал от инфантерии и генерал-адъютант свиты Его Императорского Величества. С 1896 года — сенатор, член Государственного совета.

(ум. 1902) в Лиссабон письмо с просьбой известить Лаксмана о неодобрении его поведения государем и с советом уйти в отставку.

Эти добрые намерения, пишет Ламздорф, были плохо вознаграждены. Лаксман послал прошение в Министерство иностранных дел, а его супруга — длинную жалобу Александру III. Император, ознакомившись с «цидулой» мадам Лаксман, потребовал от Гирса показать ему письмо в Лиссабон, полагая, что министр дословно передал Фонтону текст его вышеупомянутых резолюций. После ознакомления с письмом Александр III неожиданно обвинил министра в том, что «совершенно напрасно Фонтон показал или передал ему (Лаксману. — Б. Г.) ваше отношение. Можно было бы осторожнее и умнее действовать».

Вот и угоди царю-батюшке! Дал понять Гирсу, что нужно действовать жёстко, а теперь обвинил его в этом. «Вот каков наш прямолинейный царь: он ищет ширму! — записывает в дневник Ламздорф. — Уже не первый раз он проявляет странное влечение к этой мебели, но в отношении супругов Лаксман — это слишком! Не так бы поступил рыцарский дед его!»

Дипломаты, включая послов, страдают одним опасным недостатком: при длительном нахождении в стране пребывания они слишком сильно привязываются к ней, «врастают» в местные условия, перестают ощущать чувство принадлежности к родине и правительству, его пославшим, становятся самоуверенными, и тем самым утрачивают необходимые для посла и дипломата качества — непредвзятость, реализм и принципиальность в оценке событий. Незаметно для себя они, вместо защитника интересов своего отечества, становятся адвокатами местного правительства.

Яркий пример подобного поведения описывает в своих мемуарах А. А. Половцов. К нему на приём в Государственный совет пришёл старый его знакомый посланник в Берне (1879—1896) и вице-президент Русского исторического общества А. Ф. Гамбургер (1821—1899), добрый человек, по словам автора мемуаров, но недалёкого ума, сделавший карьеру прилежным писанием депеш под диктовку князя А. М. Горчакова. Послан-

ник, изображая из себя «государственного человека», стал нести «невероятный вздор» и изрекать истины типа: «Нет сомнения, что улучшение наших порядков невозможно без введения представительных учреждений, но несомненно также, что введение этих учреждений в России невозможно». Спасение Российской империи наш «швейцарец» видел в ...её распаде и создании из обломков... конфедеративного союза по типу Швейцарии! (Кстати, Гамбургер покинул свой пост и приехал в Петербург только для того, чтобы императрица Мария Фёдоровна приняла его жену.)

Поэтому умные правители стараются, как бы ни был умён и хорош посол, не задерживать его слишком долго на своём посту и заменить его на другого. Свежий глаз, новый ракурс в дипломатии весьма полезен и необходим. (А наш добрый Гамбургер проработал в Берне целых 17 лет.)

Объясняя французскому послу барону Амаблю Гийому Просперу Брюжьер де Баранту (1782—1866) во время первой его аудиенции 12(24) января 1836 года причины отзыва своего посла из Парижа Карла Осиповича Поццо-ди-Борго*, проработавшего на своём посту 20 лет (1814—1834), Николай I сказал: «Он знает Францию, но вовсе не знает России. Он провёл в ней от силы четыре месяца, я пригласил его нарочно для того, чтобы он хоть немного познакомился с Россией и со мной; я убедился, что мы никогда не поймём друг друга».

К. О. Поццо-ди-Борго состоял на службе в Министерстве иностранных дел России с 1805 года, определён сразу статским советником, но «переименован

---

* *Карл Осипович (Карл Андре) Поццо-ди-Борго* (1764—1842) — из корсиканских дворян. Его отец Мария Поццо-ди-Борго был женат на кузине Карло Наполеоне, отца Наполеона, и жил в Аяччо в одном доме с Бонапартами. Однажды Поццо-ди-Борго-старший поссорился с Карло Наполеоне и вылил ему на голову ночной горшок. Потерпевший подал на обидчика в суд, выиграл дело, но с тех пор между родами Поццо-ди-Борго и Бонапартами существовала вендетта. В 1871 году, когда парижские коммунары разорили дворец Тюильри, резиденцию членов семьи Наполеонов, один из потомков Поццо-ди-Борго купил строительный мусор от дворца, вывез его на Корсику и построил из него в Аяччо дом с видом на залив. Это был последний акт вендетты между враждовавшими родами.

в полковники свиты Его Императорского Величества и послан в Вену с важным поручением» (1807). В этом же году «послан в Дарданеллы с полномочием заключить мир с Портою Оттоманскою и находился на адмиральском корабле во время сражения при Монтезанто». Далее, в 1813 году, ездил с «особенным поручением» в Швецию и в том же году находился в качестве русского комиссара при штаб-квартире шведской армии. Тогда же получил звание генерал-майора, а в следующем году снова с важным поручением был в Лондоне. По занятии Парижа союзными войсками исполнял обязанности русского комиссара при временном французском правительстве. С 1826 года — граф, в 1829 году получил звание генерала от инфантерии, в 1835—1839 годах — посол в Лондоне. Холост. Уволен в отставку 26 декабря 1839 года.

В преемнике Поццо-ди-Борго, графе П. П. Палене, Николай I ценил прежде всего несходство с предыдущим слишком «светским» послом, склонным к тому же к интригам: «Этот будет заниматься дипломатией, как понимаю её я...» А графиня Д. Х. Ливен, комментируя назначение Палена в Париж, писала: «Великая империя не нуждается в том, чтобы её представляли ловкие дипломаты, русскую политику должны проводить люди прямые и откровенные». Признаемся, высказывание этой умной дамы небесспорно, но оно выражало веяния николаевского времени.

Что бы там ни говорили, а должность посла или посланника — во все времена большая синекура. В царской дипломатии жалованье послов было в три раза выше, чем у министра иностранных дел. Естественно, на эту должность существовал всегда большой спрос, и желающих занять её, особенно в «хорошей» и престижной стране, было больше чем достаточно. «Хорошими» у русских всегда считались Франция, Италия, Германия, Австрия и Англия.

Должность посла всегда и везде считалась фактически труднодостижимой для любого карьерного дипломата, поскольку всегда была политическим выбором императора, президента или премьер-министра. Это особенно было верно для царской дипломатии. Неда-

ром посол в Берлине граф Н. Д. Остен-Сакен говорил молодым дипломатам, чтобы они понапрасну не мечтали о должности посла — «это жезл маршала, и никто на него не может в нормальном порядке претендовать».

В царской России значительную часть представительских расходов послы и посланники должны были нести из собственного кармана, поэтому послами были люди в основном состоятельные. Представительские расходы — это необходимый компонент деятельности дипломата, по которому судят о силе, богатстве и авторитете как дипломата, так и представляемого им государства. Материальная часть представительства — это приёмы, рауты, коктейль-пати, карета, упряжь, кони, дом посла и обстановка внутри, это — уровень уюта, блеск интерьера и бриллианты в туалете супруги. Так что такие расходы были под силу далеко не всем.

При русском после в Константинополе в 1830 году князе А. П. Бутеневе (1787—1866) на больших приёмах туркам подавали чай и кофе, что экономная супруга посла находила весьма разорительным — чай и кофе были тогда чуть ли не дороже шампанского. На одном таком приёме турки выпили тысячу чашек кофе — слава богу, к утешению мадам Бутеновой, без сливок. В посольстве для рядовых дипломатов устроили общий стол, за которым в 16.00 подавали чай с булками и прогорклым маслом, из-за чего посещаемость чаепитий была очень низкой. Княгиня сама приносила молочник и скупой разливала по чашкам сливки.

Русский посол в Константинополе граф Н. П. Игнатьев (1832—1908) в 60-х годах XIX столетия, получивший от турок прозвище «всесильного московского паши», наоборот, не жалел денег на представительские расходы, справедливо полагая, что роскошь и пышность действуют на воображение турок в нужном направлении. Когда граф выезжал на белом коне в расшитом золотом мундире из посольства, то публика млела от восторга. Представитель великой державы должен был выглядеть внушительно, говорил Игнатьев.

Его предшественник Я. И. Булгаков (1743—1809) был посажен турками в Семибашенный замок — по-видимому, он не сумел напоить их вдоволь чаем. Турки и в

XIX веке продолжали в качестве дипломатических аргументов прибегать к тюремной решётке. Излюбленными узниками у них были русские послы. Несмотря на это (или благодаря этому), должность посла в Константинополе продолжала считаться в Петербурге важной и престижной вплоть до 1914 года. Константинополь в царской России считался венцом дипломатической карьеры. У посла в турецкой столице было совершенно исключительное положение как по чисто восточной пышности, так и огромному политическому влиянию, походившему, по замечанию дипломата А. А. Савинского, на положение вице-короля. Следующий по значению посольский пост находился в Париже, потом в Берлине, за Берлином шли Вена, Лондон, Рим и Копенгаген.

Один русский наблюдатель писал о посланнике во Флоренции (1815—1819) (герцогство Тосканское), генерале и отчиме известной Долли Финкельмон, внучки М. И. Кутузова, Николае Фёдоровиче Хитрово*: «Русский посланник умён и приятен в общении, но он большей частью бывает болен, а страшный беспорядок в его личных делах налагает на него отпечаток меланхолии и грусти, которые он не может скрыть. Его образ жизни лишён здравого смысла. По вторникам и субботам у него бывает весь город, и вечера заканчиваются балом или спектаклем. По поводу каждого придворного события он устраивает праздник, из коих последний стоил ему тысячу червонцев. При таком образе жизни он задолжал Шнейдеру за свою квартиру и во всё время своего пребывания во Флоренции берёт в долг картины, гравюры, разные камни...»

В 1816 году к посланнику Хитрово, в сопровождении сына Августа и двух друзей, пожаловала мировая знаменитость — писательница мадам А. Л. Жермена де Сталь (1766—1817), пытавшаяся навязать посланнику в знакомые какую-то ирландскую леди Джерсей. Как будто тому не хватало общения с местной знатью!

Сохранилось письмо де Сталь к Николаю Фёдоровичу:
*«Его Превосходительству генералу Хитрово,
посланнику Русского Императора во Флоренции»*

---

* Не путать с камергером М. А. Хитрово (1837—1896), посланником в Бухаресте в 1886—1891 годах.

Я вам писала из Болоньи, дорогой генерал, и вы мне не ответили — таковы русские, в тысячу раз легкомысленней французов. Несмотря на своё злопамятство, я рекомендую вам господина и госпожу Артур, моих знакомых ирландцев, которые год тому назад собирали в своём салоне в Париже самое приятное общество — попросите госпожу Хитрово, у которой столько любезной доброты, хорошо их принять ради меня и постарайтесь вспомнить о моих дружеских чувствах к вам, чтобы оживить ваши. До свидания. Все окружающие меня вспоминают о вас...

Котте, 22 августа 1816 года

С дружеским приветом

Н[еккер] де Сталь Х[ольштейн]».

Проницательная мадам де Сталь либо ошибалась, либо лукавила: Хитрово не был легкомыслен. Он был забывчив и безалаберен, как все русские. Впрочем, не исключено, что умная француженка так наскучила генералу своим обществом, что ей для достижения своей цели пришлось прибегнуть к помощи «любезной доброты» его супруги. Но, скорее всего, Николаю Фёдоровичу было не до мадам де Сталь и её «приятных» друзей: он больше был озабочен тем, как расплатиться со Шнейдером.

О супруге посла и генерала Хитрово и дочери М. И. Кутузова Елизавете Михайловне, в первом браке Тизенхаузен (Тизенгаузен), А. С. Пушкин оставил следующее четверостишие:

Ныне Лиза *en gala*
У австрийского посла,
Не по-прежнему мила,
Но по-прежнему гола.

Ирония поэта в некоторой степени была прощительна: старше Пушкина на 16 лет, Елизавета Михайловна была страстно влюблена в него и долго и упрямо его преследовала.

...Генерала Хитрово можно было понять — он всё-таки жил в Европе, и ему было куда и на что тратить

деньги. Но вот как русский комиссар на острове Святой Елены А. А. де Бальмен не смог уложиться в назначенные ему 30 тысяч франков в год и запросил у Нессельроде добавку в сумме 20 тысяч, понять трудно. По всей видимости, Александр Антонович требовал добавку за «вредность» и скуку*. Если судить по известному произведению М. Алданова, де Бальмен именно из-за скуки женился на молоденькой дочке английского губернатора. Ежедневные ссоры со своим русским слугой его уже не удовлетворяли.

Во времена, когда отсутствовала оперативная связь с Центром, значение и роль посла были очень велики. Невозможно было предусмотреть инструкциями все случаи его поведения в чужой стране, поэтому, когда возникали непредвиденные ситуации или дела, требовавшие мгновенного решения, многое зависело от политического чутья, кругозора и находчивости посла.

Накануне Крымской войны у австрийцев буквально чесались руки поучаствовать в войне против России. А. М. Горчакову, назначенному в июле 1854 года, как тогда выражались, управляющим посольством России в Вене, пришлось много потрудиться, чтобы поубавить воинственный пыл «цесарцев». Решающей оказалась аудиенция у 24-летнего императора Франца Иосифа. Разговор с Габсбургом продолжался три часа. Горчакову стало ясно, что в отличие от своего правительства император ещё колебался, поднимать оружие против Рос-

---

* *Александр Антонович де Бальмен* — граф, полковник, вступил в русскую службу сержантом лейб-гвардии Преображенского полка (1784), в 1788 году переведён вахмистром в Конную гвардию, в чине ротмистра именованным повелением императора Павла переведён в 1799 году на статскую службу, а в 1800 году — переименован в надворные советники Коллегии иностранных дел и отправлен сверхштатным сотрудником в русскую миссию в Сардинии, а в 1803 году — в миссию в Неаполе. Таким образом, он был свидетелем освобождения Неаполя от французов русскими моряками, возвращения к трону сардинского короля Фердинанда и, возможно, встречался с адмиралом Г. Нельсоном и супружеской парой Гамильтон. После Италии А. А. Бальмен выполнял ряд ответственных дипломатических поручений императора Александра в Праге, Карлсбаде, Дрездене, Вене, Стокгольме и Лондоне, а после смерти Наполеона переведён в лондонскую миссию сверхштатным сотрудником. Уволен из Министерства иностранных дел в 1828 году.

сии или нет. Всякий раз, когда русский посол вставал, собираясь удалиться, Франц Иосиф останавливал его и просил остаться.

«Вдруг меня осенила мысль склонить колебания императора на нашу сторону, — вспоминает Горчаков.

— Государь, — сказал я, — я в полнейшем восторге от вашего приёма и вашего внимания ко мне, и как жаль, что не далее как через два дня я должен буду вас покинуть и возвратиться в отечество.

— Как так? — внезапно встревожился мой августейший собеседник.

— Да, ваше величество, — выдумал я весьма смело. — Я имею положительное приказание не медлить ни единого часа, как скоро хотя один солдат вашего величества перейдёт границу и вступит в княжества Молдавии и Валахии, немедля выехать из Вены и прервать сношения нашего двора с правительством вашего величества. Мне же известно, что ваше величество послали уже повеление генералу К, дабы тот перешёл границу.

Франц Иосиф глубоко задумался и, смущённый, долго ходил по кабинету. Наконец он подошёл ко мне, положил обе руки на плечи и сказал:

— Князь Горчаков! Прежде чем вы доедете до дому, генерал К. получит повеление моё не переходить границу».

Блеф достиг цели. Император Австрии выполнил своё обещание. Войска его заняли Молдавию позже, император Николай I был в высшей степени доволен услугой, оказанной послом, и повелел наградить его лентой и звездой Александра Невского. «Но Нессельроде не исполнил высочайшее повеление, и я получил этот орден только семь месяцев спустя», — пишет Горчаков.

Жёны дипломатов в наши времена скромно остаются в тени, играя роль бесспорно важного, но лишь бесплатного приложения к представительской деятельности посла, и за рамки этой деятельности, как правило, не выходят. А вот в былые времена, пусть редко, они играли в дипломатии вполне самостоятельную роль, как например Д. Х. Бенкендорф (1785—1857) — супруга сначала военного министра (при императоре Павле), а

потом посла в Англии (1812—1834) Христофора Андреевича Ливена (1777—1838).

Дарья Христофоровна, сестра известного сподвижника Николая I, учредителя Третьего отделения и шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа (1781 или 1783 — 1844), была личностью неординарной. Бесплатным приложением к своему супругу, хорошему и доброму человеку, но посредственному дипломату, она отнюдь не являлась. Она не только взяла бразды правления посольством в свои крепкие ручки, но и стала играть роль разведчицы. Расстояние от дипломатии до разведки в то время было меньше шага, и дипломаты легко его преодолевали, тем более что профессиональной разведывательной службой в то время русское государство практически не располагало. Дарья Христофоровна одинаково комфортно чувствовала себя и в роли посольши, и в роли резидентши. Мы уже описывали в другом месте её увлекательную и рискованную шпионскую игру с австрийским канцлером графом К. В. Л. Меттернихом*, здесь же ограничимся перечислением некоторых фактов из её богатой дипломатической биографии.

Азы дипломатического мастерства молодая Даша проходила в Берлине, куда Александр I назначил Христофора Андреевича Ливена послом (1809), а тонкости придворных и закулисных отношений она постигала с детства. С 1812 года, уже в качестве супруги посла при Сент-Джеймском дворе, Дарья Христофоровна, по меткому замечанию мемуариста Ф. Ф. Вигеля, «при муже исполняла должность посла и советника и сочиняла депеши».

В соответствии с требованиями дипломатии того времени Дарья Христофоровна Ливен создала в Лондоне блестящий салон, в котором стали собираться все дипломатические «шишки» и государственные деятели Великобритании. Скоро она была в курсе всех больших и малых политических событий в Европе, и от её природной наблюдательности и острого ума не ускользал ни один важный аспект большой дипломатии. Как-то

---

* См.: Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007.

граф Ливен предложил ей попытаться написать депешу самому министру иностранных дел Нессельроде. Опыт удался на славу, и с тех пор у Дарьи Христофоровны с графом Карлом Васильевичем завязалась *самостоятельная деловая* переписка.

Случай уникальный в истории дипломатии!

Постепенно графиня Ливен становится одной из центральных фигур в реализации русской политики в период так называемого Священного союза, в котором главные роли играли канцлер Меттерних и Александр I. Меттерних, мастер комбинаций и интриг, в 1815 году тайно подписывает с Великобританией и Францией договор против России. Именно в это время между Дарьей Христофоровной и канцлером сложились весьма близкие отношения (вот она первая русская Мата Хари!), и на добрый десяток лет Петербург стал получателем важной, актуальной и достоверной информации о политике Австрии. Между графиней и её любовником была налажена секретная переписка, контролируемая Нессельроде и Александром I. Император дважды — в 1818 и 1822 годах — приглашал графиню Ливен присутствовать на Ахенском и Веронском конгрессах Священного союза, потому что там был и Меттерних! В 1825 году она приезжала в Петербург и обсуждала с Нессельроде и императором Александром I план переориентации политики России с Австрии на Англию.

Кстати, под началом посла Х. А. Ливена служил А. М. Горчаков, вернувшийся к месту службы накануне восстания декабристов и исполнявший обязанности старшего советника. Ливен отправил своего советника в Эдинбург к проживавшему там Н. И. Тургеневу, которого Следственная комиссия по делам декабристов в Петербурге зачислила в список обвиняемых. Горчаков не знал, что эта поездка была его проверкой: Петербург пытался выяснить его отношение к декабристам.

По возвращении в Лондон в декабре 1825 года Александр Михайлович допустил непростительную ошибку, неосторожно отозвавшись о своём начальнике как о «неспособнейшей безгласной тупице». В другой раз, в разговоре с графом Медемом, он сказал о Ливене буквально следующее: «Вы не можете себе представить та-

кое положение: быть живым привязанным к трупу». Эти слова, сказанные с глаза на глаз, быстро дошли до сведения посла, и посол воспыал к Горчакову лютой ненавистью. В конце концов Александр Михайлович был вынужден оставить лондонское посольство и принял пост первого секретаря в Риме.

С послами шутки плохи.

Граф Ливен «просидел безгласно» в Лондоне до 1834 года. В связи с окончанием его дипломатической миссии лондонские дамы удостоили вниманием его супругу: «в знак сожаления об её отъезде и на память о многих годах, проведенных в Англии» был преподнесён подарок — драгоценный браслет.

Послы всегда находятся в центре внимания и иностранцев, и своих дипломатов. Все их странности мгновенно становятся известны всем, их обсуждают, осуждают, уважают и запоминают надолго: «А помните, в 189... году посланник такой-то перепутал адрес и вместо итальянского посла нанёс визит бельгийцу?»

Нужно отметить, что длительное пребывание за границей сказывалось самым отрицательным образом на здоровье многих дипломатов, особенно если местом его службы оказывалась далёкая «нецивилизованная страна» типа Китая или Бразилии. Длительное проживание вдали от Петербурга или Парижа, а также отсутствие дел способствовали развитию ностальгии, сплина и пр., что, к примеру, для временного поверенного в середине 1890-х годов в Вашингтоне Богданова кончилось самоубийством.

Плохо закончил своё пребывание на чужбине и другой поверенный в делах X. — он от скуки запил горькую. Почётный консул России в Рио-де-Жанейро Альварес, практически взявший на себя всю техническую работу миссии, аккуратно уведомил об этом Петербург. Результаты были таковы, что X. перестали выплачивать жалованье. Но это не смутило его, ибо как дипломат он везде пользовался кредитом и, продолжая поклоняться зелёному змию, влез в большие долги. Тогда Альварес, на глазах у которого пропадал человек, пошёл на крайние меры. Он как-то уговорил X. покутить на борту стоявшего на рейде финского парусника. Когда X. достиг определённых «сте-

пеней», то есть стал мертвецки пьяным, Альварес приказал капитану поднять паруса и взять курс на Петербург, а сам сошёл на берег. Х. проспался и протрезвел, когда бразильский берег исчез в дымке, но особых возражений по поводу свершившегося над ним обмана не выдвигал. Бразилия уже ему надоела до чёртиков.

Коллега нашего героя на посту посланника в Бразилии Александр Семёнович Ионин (1837—1900), прославивший своё имя научными публикациями страноведческого и этнографического характера, много способствовал — вместе с Александром III и К. П. Победоносцевым — возведению в 1888 году большого православного храма в Буэнос-Айресе (одновременно он был аккредитован в Аргентине), где к этому времени скопилась большая колония русских и вообще православных эмигрантов. В 1891 году храм взял под своё управление способный и деятельный священник Константин Гаврилович Изразцов, а сменивший в 1893 году Ионина М. Н. Гирс перенёс свою резиденцию из Рио-де-Жанейро в Буэнос-Айрес (1895).

И. Я. Коростовец, проработавший некоторое время резидентом в Бразилии, вспоминает, что единственными делами в миссии были дела русских переселенцев, разочаровавшихся условиями жизни в тропической Бразилии и умолявших отправить их обратно в Россию. Местные дельцы безжалостно обманывали русских переселенцев, лишали их документов и заставляли работать на рабских условиях. Ещё хуже было положение русских девиц, соблазнённых перспективами брака или «артистической» работы. Большинство их заканчивало жизнь в борделях или на панелях Рио-де-Жанейро. Борьба со злом было трудно или вовсе невозможно, потому что правительство России особого интереса к проблеме не демонстрировало, сознавая бесперспективность всякой борьбы: в заговоре против эмигрантов состояли все, начиная от судовладельцев, перевозивших эмигрантов из Европы в Латинскую Америку, и кончая местной бразильской полицией.

Не будем здесь разбираться в том, кто был более виноват в том, что дипломатическая деятельность в «маргинальных» странах находилась на нулевом уровне:

посланники или руководство Министерства иностранных дел. Важно только отметить то, что в конце XIX века почти повсеместно, кроме Парижа, Вены, Берлина, Лондона и Константинополя, активной дипломатической работы почти не велось. Типичным примером такого положения являлась миссия в Лиссабоне (см. наш рассказ о бароне Мейендорфе в главе «Салонные дипломаты»). Последний царский посланник в Лиссабоне П. С. Боткин был озабочен разоблачением в рядах дипломатов масонов. По его мнению, Извольский тоже был масоном и весьма высокой степени. На вопрос, принадлежит ли его последователь на посту министра иностранных дел Д. С. Сазонов тоже к этому тайному ордену, Боткин отвечал:

— Если масон, то низшей категории, из несознательных.

По-видимому, мания подозрительности Боткина основывалась на старых ассоциациях о принадлежности членов высшего русского общества начала XIX века и особенно дипломатов к различным секциям общества «свободных каменщиков». После Наполеоновских войн увлечение в России масонством стало повальным. Масоном, кстати, был и наш уважаемый А. С. Грибоедов.

Посольства и послы всегда являлись объектами, притягивающими к себе внимание различных авантюристов, прожектеров, философов, анонимов и просто жуликов. Внимание автора привлёк документ — анонимный донос, поступивший из Берна. На конверте, в подражание чеховскому Ваньке Жукову, был написан адресат: «Россия, Петроград». Тем не менее письмо, составленное на немецком языке явно не носителями этого языка и подписанное загадочным именем «Дезидериум», дошло куда нужно.

В письме сообщалось, что секретный архив русской миссии в Берне хранится на руках вольнонаёмной служащей миссии и что мать одного из секретарей миссии проживает в Германии и имеет к указанному архиву доступ. Департамент сделал запрос в Берн, на который советник-посланник миссии в Швейцарии дал разъяснение. Согласно ему архив хранится в железном сейфе, ключи от которого на руках у 1-го секретаря миссии. В

Германии же интернирована мать одного из внештатных сотрудников — она не успела выехать из страны. Анонимный донос, по мнению, советника-посланника, составлен «Бернским Комитетом помощи России», в котором работали одни евреи, и с ними миссия недавно порвала все отношения. Анонимы слышали звон, но не знали, где он.

Послы довольно часто конфликтовали с военными агентами. В большинстве случаев последние имели собственный взгляд на развитие событий, который шёл вразрез с точкой зрения «гражданских лиц». Так, в Токио военный агент Ванновский был буквально на ножах с послом Извольским из-за того, что посол очень спокойно смотрел на милитаризацию Японии и не видел в ней никакой угрозы для России. То же самое происходило в Берлине между умным и деятельным послом графом Павлом Андреевичем Шуваловым (1830—1908)* и не менее талантливым военным агентом (1879—1886) князем Николаем Сергеевичем Долгоруким (1840—1913), по кличке «Ники»**. Они тоже по-разному воспринимали внешнюю политику Австро-Венгрии и пытались донести свою точку зрения до государя. В Сеуле между временным поверенным А. И. Павловым и военным агентом фон Раабеном произошла дуэль, имевшая, правда, не деловую, а романтическую подоплёку.

В задачу царских послов часто входила задача наблюдения и присмотра за некоторыми вышедшими из-под контроля членами царской семьи, а также за другими одиозными личностями, наносящими вред престижу России. Так, послу в Вашингтоне Ю. П. Бахметьеву (1846—1928) пришлось иметь дело с укрывшимся в США известным проходимцем иеромонахом Илиодором***. В частном письме от 11/24 сентября 1916 года

---

* Не путать с братом Петром (1827—1889), послом в Англии в 1874—1879 годах.

** В 1886—1889 годах Н. С. Долгорукий был посланником в Персии.

*** *Илиодор* — монах, решившийся сделать карьеру на политическом поприще. Выступал против созыва 1-й Государственной думы, вошёл в контакт с охранкой, а позже, 16 декабря 1911 года попытал-

своему товарищу в Петроград он писал: «Мы провели две довольно беспокойные недели по случаю появления Илиодора. Действуя сперва по указанию Министра, я было устроил и выкуп его “материала”, и остановку публикаций, и отправку его в Россию, думал, что там он будет уже не зловреден и что его можно будет где-нибудь посадить на “покой”, но новое решение всё изменило, и теперь мы можем ожидать всяческих возможных пакостей в газетах или даже на сцене!»

А монах-расстрига как будто издевался над российскими властями и пренебрегал всякими условностями, только бы насолить им как следует.

«Вы сами знаете, — продолжал жаловаться на свою горькую участь Бахметьев, — что здесь нет ни цензуры, ни административных порядков, ни даже обыкновенного приличия, и что всякий волен писать и изображать, что ему угодно». Далее посол предрекает, что пакости Илиодора превзойдут те, которые уже были вызваны в Штатах публикациями о похождениях Григория Распутина. «Эти, вероятно, будут ещё поколоритней, и нам останется только пожимать плечами и объяснять, что с шалым расстригой и его выдумками мы не можем иметь дела», — вздыхает посол. Чтобы не быть голословным, он прилагает к письму образчики колоритных выступлений Илиодора, помещённых в журнале «Метрополитен»: «И это ещё “приличный” журнал, принадлежащий элегантному Гарри П. Уитни», который дал себя уговорить послу и вернул рукопись Илиодора в русское посольство. А вот что напечатает Хёрстовская пресса, то это посол даже и представить не может!

Заканчивает Бахметьев своё письмо, тем не менее, оптимистично. Он уверен, что в конечном итоге ему удастся «прижать» зловредного монаха — ну хотя бы с помощью капитана Гаунта, «начальника английской

ся вместе с епископом Гермогеном, юродивым Митей Козельским и писателем И. А. Родионовым «вразумить» и наставить на путь истинный Г. Распутина. Распутин на квартире Гермогена покался в грехах, обещал больше никогда не переступать порог царского дома, но обещания не выполнил и пожаловался царю на своих «обидчиков». В результате Илиодор был вынужден спастись бегством от уголовного преследования. В 1916 году он оказался в США и использовал своё там пребывание для опубликования пасквилей на Россию и Николая II.

тайной агентуры». Бедный Бахметьев: как бы сотрудник английской разведки СИС не подложил ему более грязную свинью, нежели наш русский монашек*.

Послов нередко просили о помощи и частные лица, и общественные организации из России. В 1894 году к послу в Париже А. П. Моренгойму обратилась председательница Дамского благотворительного кружка Мария Батурина с просьбой взять под своё покровительство благотворительный «Кружок русских дам» в Ницце. После смерти в 1885 году учредительницы кружка королевы Вюртембергской Ольги Николаевны общество в Ницце осталось без присмотра. На письме чьим-то твёрдым почерком оставлено примечание: «М. Д. Батуриной, 14/26 апреля, № 460: Посол принимает “Кружок” под своё покровительство и благодарит его членов».

В адрес поверенного в делах в Мексике Ф. К. Ганзена поступило заинтересовавшее нас письмо следующего содержания (орфография подлинника, естественно, сохранена):

«Мехико, 11/23 декабря 1896 года

Милостивый Государь,

Прибыв несколько недель тому назад в этот город, мой товарищ Барон Фридрих Генрихович Фиркс и я нижеподписавшийся, с намерением купить земли для плантаций коффе и других произведений этой страны, как и начать торговлю экспортом здешняго сыраго материала в соединённые Штаты, я с настоящим позволяю себе просить Вас, Милостивый Государь, позволения обратиться к Вам за советом и помощью в случае надобности...

Барон Феликс Александрович Штакельберг».

Предприимчивые остзейцы уже присмотрели участки земли на юге штата, вступили в контакт с его губер-

---

* Ю. П. Бахметьев имеет в виду военно-морского атташе Великобритании в Нью-Йорке Гая Гонта (*Guy Gaunt*), военно-морского разведчика, номинально возглавлявшего некоторое время резидентуру СИС в США. Как нам сообщает английский историк Э. Кук, Гонт во время Русско-японской войны 1904—1905 годов находился в Маньчжурии, был тесно и долго связан с известным агентом СИС и авантюристом Сиднеем Рейли, в том числе и в США, и вообще был настроен резко антирусски.

натором и пребывали от контактов с местными властями в восторге. Но они предусмотрительно завязывают отношения с влиятельным соотечественником-дипломатом, который может оказать содействие в эксплуатации «кофейных плантаций» и прочих «произведений» Мексики.

Русские послы в Париже, Вене, Берлине и Лондоне считались неофициальными региональными руководителями целого ряда миссий, расположенных в других странах, политика которых в определённом смысле тяготела либо к Франции, либо к Австро-Венгрии, либо к Германии, либо к Великобритании. Посланники в этих странах должны были информировать своих «старших» коллег о наиболее важных событиях в своих странах и вообще оказывать им любые другие услуги. В июне 1894 года министр-резидент при Ватикане и будущий министр А. П. Извольский направил послу в Лондоне Е. Е. Стаалю следующее уведомление:

«Милостивый Государь, Егор Егорович,

Я имел честь вручить 6/18 июня Паве Льву XIII грамоту, аккредитующую меня в качестве Министра-Резидента при Его Святейшестве.

Уведомляя о сём Ваше Высочайшее Превосходительство, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, располагать мною во всех случаях, какие могут представиться как по делам службы, так и для личных Ваших надобностей.

*С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый государь, покорнейший слуга
А. Извольский».*

Примерно такое же «письмо вежливости» с сообщением об аккредитации при дворе сербского короля Александра поступило в адрес Е. Е. Стаала в июне 1898 года от посланника в далёком Белграде Жадовского.

Многие послы были хорошими наставниками — наставничество, в условиях отсутствия надлежащей подготовки для молодых дипломатов в Центре, всячески приветствовалось, поощрялось на Певческом Мосту и даже вменялось в обязанность. Многие дипломаты до самой революции сохраняли добрую старую традицию

и чуть ли не каждый день приглашали к себе домой на завтраки своих сотрудников. Там за бокалом вина и за тарелкой русских щей шли непринуждённые беседы, а «старые аксакалы» делились с молодыми своим опытом и мастерством.

Одним из таких послов был А. П. Извольский. Покинув пост министра иностранных дел, он уехал в Париж, чтобы руководить внешней политикой России на расстоянии. Судя по результатам, это ему удавалось, хотя и не всегда. Он обожал Францию и французскую культуру и пришёлся французам ко двору.

Б. А. Татищев, служивший при нём секретарём посольства, вспоминал, что Извольский в целом был неплохим послом, справедливо относился к подчинённым, ценил в них прежде всего отношение к делу, но был слишком самоуверен, высокомерен и превыше всего ценил связи в высшем обществе. Своему советнику Е. П. Демидову Александр Петрович прощал всё: и бездарность, и лень, и глупость, потому что тот был женат на графине Воронцовой-Дашковой, вхожей в самые «небесные» слои парижского общества.

Посол в Германии (1880—1884) П. А. Сабуров (1835—1918), наоборот, оставил по себе дурную славу. Мало того, что он был человеком грубым, бестактным, недалёким и заносчивым; к тому же он плохо разбирался в местной обстановке и часто дезинформировал Певческий Мост, выдавая желательное за действительное. Не гнушался Пётр Александрович и самой грубой лжи: когда министр Гирс запланировал свою поездку к Бисмарку, тот написал Николаю Карловичу, что канцлер болен желтухой. Германский временный поверенный в Петербурге опроверг эту информацию, желтухой Бисмарк давно уже переболел. По каким соображениям лгал посол министру, можно было только догадываться. По всей видимости, желая подчеркнуть свою значимость, Сабуров решил «приватизировать» свой контакт с германским канцлером и не допускать к «его телу» других. Когда его в 1884 году попросили уйти, он предпринял и широко разрекламировал свою поездку в Индию. Таким образом он выразил протест против несправедливого увольнения.

Зато плохой посол Сабуров собрал в Германии великолепную коллекцию предметов искусства, которую выгодно продал в Эрмитаж.

Что ж, идеальных дипломатов, как и идеальных людей, в мире не существует.

Глава третья

История против дипломатии

*Тебе, Персия, не дерзающая
расторгнуть оковы понос-
нейшаго рабства... где подлыя
свойства народа уничтожа-
ют достоинство человека...
где обязанность каждого ис-
полняется раболепным угож-
дением властителю, где сама
вера научает злодеяниям, и
дела добрыя не получают воз-
мездия: тебе посвящаю я нена-
висть мою и, отягчая прокля-
тием, прорищаю падение твоё.*

А. П. Ермолов

...Труп привязали к лошади и возили по улицам Тегерана. Время от времени мулла кричал:

— Дорогу русскому послу, направляющемуся к шаху! Окажите честь и снимите шапки! Он жаждет любви, которую вы питаете к его господину императору. Плюньте ему в лицо!

Так описывает один из персидских свидетелей сцену надругательства над телом убитого 30 января/11 февраля 1829 года русского посланника в Персии, статского советника и кавалера персидского ордена Льва и Солнца и русского ордена Святой Анны, автора поэмы «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова. История дипломатии вряд ли знает такой другой эпизод коварного и подлого отношения к официальному представителю иностранной державы.

Правду об убийстве Грибоедова и последствиях этого убийства официальная Россия долго и тщательно скрывала. Сначала это делали Николай I с графом Несельроде, а потом их последователи на троне и на Певческом Мосту. Как это часто бывает в русской истории, правду принесли в жертву большой политике, а русской публике предоставили возможность питаться всевозможными слухами о деле Грибоедова. А потом придумали и сами слухи. В защиту чести и достоинства Грибоедова выступил русский историк А. Мальшинский, опубликовавший в 1890 году два небольших очерка в журнале «Русский вестник». «Дипломатия покончила с этими слухами, но их увековечила история» — такими словами завершил своё исследование историк.

Попытаемся воспроизвести некоторые малоизвестные или вовсе неизвестные страницы из повседневной дипломатической деятельности Александра Сергеевича Грибоедова и из повседневной жизни его современников и подчинённых. Отметим попутно, что архивный массив Грибоедова оформился окончательно лишь в начале XX века по инициативе царских дипломатов. Определённую роль в этом сыграли управляющий Александр Яковлевич Миллер (в Центре) и посланник миссии в Тегеране Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл — один немец, а другой — поляк на русской службе. По инициативе последнего в 1910 году были собраны и направлены в Петербург сохранившиеся преимущественно в генконсульстве в Тавризе* документы, относящиеся к Грибоедову. Теперь они хранятся в архиве Министерства иностранных дел России. Генконсул в Тавризе в письме посланнику Поклевскому-Козелл, комментируя документы о Грибоедове, писал: «Грустью веет от письма из Тавриза** некоего Гуссейна*** от 13 марта 1829 года, вероятно служащего генконсульства, сообщającego неосторожно выехавшему в Нахи-

---

* Архив миссии был разграблен и сожжён толпой во время убийства Грибоедова и многих сотрудников миссии.

** Ныне Тебриз.

*** «Некий Гуссейн» — это, по всей видимости, мехмендар Мирза Абул-Гуссейн-хан, обычно приставляемый к иностранным дипломатам, а в данном случае — к генконсулу Амбургеру. После бегства последнего из Тавриза перс остался караулить русское консульство.

чевань надворному советнику Амбургеру о приезде из Тегерана в Тавриз секретаря миссии Мальцова, единственного спасшегося от ужасной катастрофы. Печально рассматривать старательно выписанный счёт расходов по приделке ручек к гробу Грибоедова, позолоты герба на балдахине и пр.».

Запомним фамилии упомянутых здесь с таким сочувствием двух коллег Александра Сергеевича — Ивана Сергеевича Мальцова и Андрея Карловича Амбургера. Мы увидим, что они, к сожалению, мало заслуживали подобного сочувствия...

Дипломатическая карьера Грибоедова показывает, что служба за границей может быть не только интересной, приятной и полезной, как, например, в Париже и Вене, или, наоборот, скучной и тяжёлой, как в Стокгольме, но и опасной для жизни дипломата. Всякие внутренние пертурбации в стране пребывания — особенно в стране, образ жизни которой сильно отличается от принципов и норм европейской цивилизации, и где не соблюдаются не только правила дипломатического этикета, но и правила общечеловеческого общежития, — такие внутренние неурядицы часто представляют угрозу для жизни, и дипломаты, к сожалению, нередко становятся их заложниками.

Персия времён Грибоедова была именно такой страной, к тому же только что вышедшей из войны с Россией. О принятом в Европе режиме работы иностранных дипломатов власти в Тегеране, по всей видимости, ещё не слышали и применять его на практике не собирались. Восток, застрявший в своём развитии в диком Средневековье, был не только тонким, но и опасным делом...

...Сохранился формулярный (послужной) список поэта-дипломата.

Согласно данным, внесённым в него в 1825 году, надворный советник Грибоедов, от роду 35 лет, секретарь по иностранной части при главноуправляющем в Грузии, кавалер персидского ордена Льва и Солнца 2-й степени, из дворян, собственной недвижимостью не владел, зато за его матерью по различным губерниям значилась тысяча душ крестьян.

По выпуске из Императорского Московского уни-

верситета кандидатом прав XII класса 26 июля 1812 года «вступил в службу в сформированный графом Салтыковым Московский гусарский полк корнетом. По расформировании онаго поступил в Иркутский гусарский полк тем же чином — того же года, декабря 7-го». В походах не был, награждён медалью, холост. 25 марта 1816 года был уволен с воинской службы в «статскую» и 9 июля 1817 года определён в ведомство Государственной Комиссии иностранных дел губернским секретарём, 31 декабря того же года произведён в переводчики, а в 1818 году — назначен секретарём миссии в Персии, о чём в архивах сохранился приказ по ведомству иностранных дел: «Его Императорское Величество ВЫСОЧАЙШЕ указать соизволил определить при Поверенном в делах в Персии секретарём служащего при Государственной Коллегии иностранных дел переводчика Грибоедова, а канцелярским служителем находящегося при Министерстве финансов канцеляриста Амбургера, пожаловав его при сем случае в актуариасы, обоих с положенным по сим местам жалованием. Граф Нессельроде, 6 июля 1818 года».

Постоянным поверенным в делах России в Персии был в это время Семён Иванович Мазарович (ум. 1852), по профессии врач, выходец из Венеции, так и не принявший русского подданства, протеже Каподистрии, и сопровождавший генерала А. П. Ермолова во время его поездки в Персию в 1817 году. Д. В. Давыдов в своих «Записках во время поездки в 1826 году из Москвы в Грузию» называет Мазаровича человеком способным и умным, а другой офицер, служивший на Кавказе, — В. А. Андреев, — пишет о посланнике довольно нелицеприятно: «Авантюрист Мазарович — пришлый доктор из Сербии или Далмации, рекомендованный Каподистрией».

Крупный чиновник Коллегии иностранных дел молдаванин А. С. Стурдза вспоминал, что когда Грибоедов искал себе новое назначение, то Стурдза предложил ему на выбор два места: Филадельфию, где временным поверенным был барон Тейль, или снова Тегеран, где миссией руководил Мазарович. Грибоедов познакомился

с обоими посланниками, находившимися в то время в Петербурге, и остановил свой выбор на Тегеране.

С этого момента начинается постепенный рост Грибоедова в чинах: в июле того же 1818 года он становится титулярным советником, в январе 1822 года — коллежским асессором, а потом и надворным советником. Здесь в Тегеране в 1821 году шах награждает его своим орденом. За содействие в подписании Туркманчайского трактата с Персией он был отмечен и царским правительством: получил следующий чин статского советника, денежную премию и был награждён орденом Святой Анны 2-й степени с бриллиантами. По окончании службы в Персии, 19 февраля 1822 года его перемещают в канцелярию главноуправляющего Грузией графа И. Паскевича Эриванского секретарём по иностранной части.

Отношение людей, окружавших тогда Грибоедова, было весьма неоднозначным. Так, Н. Н. Муравьёв (1794—1866), участвовавший в Бородинском сражении 1812 года, повидавший жизнь и длительное время служивший на Кавказе, в октябре 1818 года сделал в дневнике такую запись: «...видел Грибоедова. Человек весьма умный и начитанный, но он мне показался слишком занят собой». Мягкая предвзятость старого «кавказца» к «петербуржцу» вполне объяснима: в это время Муравьёв близко сошёлся с А. И. Якубовичем (1792—1845), вызвавшим А. С. Грибоедова на дуэль, и выполнял роль секунданта своего военного собрата. Якубович мстил Грибоедову за гибель своего друга, павшего на дуэли в Петербурге от пули приятеля Грибоедова. Впрочем, Муравьёв и секундант и коллега поэта Амбургер пытались предотвратить дуэль и решить спор мирным способом, но уговорить вспыльчивого до бешенства Якубовича взять свой вызов обратно не было никакой возможности.

Якубовичу ничего не стоило отправить нашего поэта в мир иной значительно раньше отпущенного ему срока, но он проявил великодушие и решил только ранить Грибоедова, так что целился ему в ногу, но в результате отстрелил ему палец на руке. Грибоедов, стрелявший вторым, был настроен куда более решительно: он целился в голову противника, но промахнулся.

Неисповедимы пути Господни! Они словно нити самым причудливым образом связывают незнакомых доселе людей. По неподтверждённым данным, в одну из миссий Грибоедова в Персию в 1820-х годах его сопровождал Николай Степанович Алексеев (1788—1854), товарищ А. С. Пушкина по кишинёвской ссылке. Другой лицейский товарищ Пушкина, Вильгельм Кюхельбекер, находился в это время с Грибоедовым в самых тесных отношениях: он служил в Тифлисе чиновником по особым поручениям при генерале А. П. Ермолове (1777—1861) и был свидетелем написания «Горя от ума». Вместе с Катениным «Кюхля» и Грибоедов входили в литературную группу так называемых младших архаистов. В отличие от Грибоедова дипломатическая карьера Кюхельбекера оборвалась внезапно там же, где началась. Никаких особых поручений он в Тифлисе не выполнял, и Ермолов в мае 1822 года был вынужден отправить бездельника в Россию, используя в качестве предлога для высылки его участие в дуэли с чиновником Н. Н. Похвисневым. Кюхельбекер продолжал помнить Грибоедова. 10 июля 1828 года он из Динабургской крепостной тюрьмы написал Пушкину письмо, в котором интересовался, «получил ли Грибоедов мои волоса?».

Проживая и продолжая службу в Тифлисе, Грибоедов не переставал заниматься Персией. Очевидно, что на тот период он был в Коллегии иностранных дел России главным экспертом по этой стране. Именно с ним вице-канцлер и статс-секретарь граф Нессельроде ведёт переписку по важным вопросам, имевшим касательство к Персии и Турции. В письме № 2096 от 25 декабря 1823 года он пишет Его Высочородию А. С. Грибоедову:

«Милостивый государь Александр Сергеевич!

Мирным договором и торговою конвенциею, заключёнными в Туркменчае, предоставлено Российскому Министру в Персии, как равно Генеральному консулу и консулам иметь суд и расправу над российскими подданными. По сему обстоятельству имею честь при сем препроводить Вам ВЫСОЧАЙШЕ утверждённые правила, коими как ВЫ, так и Генеральный консул в Тавризе должны руководствоваться. Экземпляр сих самых правил приобщён к инструкции, начертанной для

Г-на Амбургера*, содержащийся в следующем у сего за открытою печатью пакете на его имя, который покорнейше прошу отправить по принадлежности.

По окончании войны с Портою Оттоманскою имеют быть составлены правила для Миссии и Консулов наших в областях сей Державы учреждённых. В то время может быть признано будет нужным делать перемены и в доставляемых ныне Вам правилах. А потому предоставляется Вам по сим последним сообщить Министерству Ваши мысли, как равно мнение Генерального нашего Консула в Тавризе, могущие служить или к дополнению, или к перемене таких статей, кои по местным соображениям окажутся неудобными.

Пребываю с истинным почтением Вашего Высочородия покорнейший слуга граф Нессельроде**.

Главный дипломат Николая I питает явное уважение и доверие к Грибоедову, в предвидении завершения Русско-турецкой войны советуется с ним по важным вопросам установления будущих дипломатических отношений с Турцией и просит его высказать на этот счёт свои соображения.

Нужно отметить, что назначением в качестве посланника в Тегеран поэт сильно тяготился. К этому времени автор «Горя от ума» получил широчайшую известность в России и, по всей видимости, стал ощущать, что дипломатическая карьера не для него, критически оценивая свои чиновничье-административные способности. В ноябре 1828 года в письме из Тавриза он писал бывшей воспитательнице своей жены, П. Н. Ахвердовой: «Мне кажется, что я не вполне на своём месте, нужно бы побольше умения, побольше хладнокровия. Дела портит мой характер. Я делаюсь угрюмым; иной раз на меня нападёт охота остепениться, и тут уже я действительно глупею. Нет, я вовсе не гожусь для службы. Меня назначать не следовало. Мне кажется, что я не способен выполнять как следует служебные обязанности».

Совершенно очевидно, что поэта тяготила не дипломатическая стезя как таковая, а служба вообще. Уже в пути из Петербурга в Тегеран он почувствовал, что

---

* Генконсул в Тавризе.

** Орфография сохранена.

ему было «тошно от этой Персии, с этими Джафарханами», с которыми у него ничего общего не было и примитивные интересы которых вращались вокруг самых низменных для него вещей: власти и денег. Персы, как писал в то время один английский дипломат, дикие, мстительные, корыстолюбивые, ждали от «Грибоеда» только подачек, угождений и подарков.

Второй секретарь русской миссии К. Ф. Аделунг оставил яркое и впечатляющее описание кулинарных нравов персов, вознамерившихся угостить русских дипломатов и сопровождавших их офицеров кавказской армии: «Министр (Грибоедов. — Б. Г.) сидел во главе стола, по обе стороны от него сидели персы и мы, а в конце стола разместились офицеры гарнизона. Обед состоял по меньшей мере из тридцати блюд. Каждый раз вносили двухаршинную доску, на которой стояли блюда с пловом, дольмой и т. д.: второе блюдо, дольма, подавалось в двадцати видах; конечно, я почти ни к чему не притронулся, так как от этого грязного персидского стола пройдёт всякий аппетит. Всё плавало в бараньем жиру; тарелки с кушаньем оставлялись тотчас, чтобы дать опять место бесконечной дольме; запах остывшего сала и неприятный вид этой кислятины были мне противны. В промежутках между блюдами персы хватали стоявшие на столе фрукты и сладости, и всё это после того, как они опускали в жир свои грязные, с окрашенными в красный цвет ногтями пальцы».

Грибоедов пригласил персов на ответный европейский обед.

«Сегодня Грибоедов пригласил к обеду трёх эриванских ханов, а также несколько азиатских персов... Всё шло прилично до тех пор, пока не подали два блюда с пловом; когда одно из них дошло до одного старого перса, он счёл целесообразным взять его целиком: слуга сначала ждал, но под конец должен был сдаться, так как перс не переставал повторять “давай, давай!”. Во всё время обеда блюдо оставалось у него, и он беспрестанно запускал в него пальцы».

Музыка гостей совершенно не интересовала — они ели и болтали, заканчивает описание Аделунг.

В декабре 1828 года Грибоедов писал Миклашевичу,

знакомому чиновнику в канцелярии Паскевича: «Друзей не имею, никого и не хочу; должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович, и я уверяю вас, что в этом поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в персидскую будущую дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали *сахтир**. К нам перешло до восьми тысяч армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днём, ни ночью покоя, сохраняя их достояние и даже доходы; всё кое-как делается по моему слову».

Да, больших иллюзий Александр Сергеевич в отношении персидских вельмож и сановников не питал. Его опыт, по-видимому, свидетельствовал о том, что мягкость в отношениях с местным населением воспринимается как слабость, и такой человек просто падает в глазах туземцев и не заслуживает никакого уважения. Но, с другой стороны, он с почтением относился к местным обычаям, религии и культуре и никоим образом не желал «с ненадёжным соседом поступать круто и ссориться». Он пытался сгладить ошибки и перегибы русских военных, строго соблюдать восточный этикет и, несмотря на вспыльчивый характер и внутреннее презрение к необразованным и грубым властителям Персии, никогда не позволял себе посягать на честь и доброе имя мусульман, в чём его несправедливо пытались обвинить, опираясь на угоднические показания И. С. Мальцова, персидские летописцы.

Неимоверные заботы доставляла русскому посланнику статья XIII Туркманчайского договора, согласно которой Персия должна была репатриировать на родину всех русских пленных. «Даже содействия правительства почти недостаточно для того, чтобы отнять их у их настоящих владельцев. Только случайным образом удаётся мне открыть места их несправедливого заключения, и только тогда моё вмешательство имеет успех», — докладывал он Нессельроде.

О том, как Грибоедова назначили посланником в Персию, он рассказал в Туле своему знакомому С. Н. Бегичеву (1790—1859). «Прощай, брат Степан, — писал он

---

* Жестокое сердце (*перс.*).

ему. — Вряд ли мы ещё с тобой увидимся... Старался я отделаться от этого посольства!» К. В. Нессельроде сначала предложил Александру Сергеевичу поехать в Тегеран временным поверенным, но Грибоедов сказал, что в Персии нужен только посланник, чтоб ни в чём не уступать английскому послу. Граф воспринял возражение дипломата с ироничной улыбкой и в меру своей испорченности подумал, что молодой Грибоедов по своему честолюбию желал «сделать карьер». На самом деле, поэт об этом не помышлял, он высказывал всего лишь своё мнение, но про себя надеялся, что этот аргумент послужит хорошим предлогом для того, чтобы Нессельроде его кандидатуру от Персии вообще отставил. Всем было известно, как Карл Васильевич не любил «пропускать» молодых дипломатов слишком быстро вперёд.

Но получилось всё не так. Через несколько дней к Грибоедову прибыл посыльный от вице-канцлера с приказанием явиться в Министерство иностранных дел. С той же елейной улыбкой Нессельроде объявил ему, что государь император внял его просьбе и согласился направить Грибоедова посланником в Персию. Отказываться от милости государя императора и обманывать его доверие, писал Грибоедов Бегичеву, было не в его правилах. И он согласился снова ехать в Персию, заранее предвидя встретить там недоброжелательное отношение со стороны своего старого и заклятого врага Аллаяр-хана, члена семьи шаха, но стоявшего в тайной оппозиции и к шаху, и к его наследнику Аббасу-мирзе. Именно Аллаяр-хан был инициатором предыдущей войны с Россией и отчаянным противником Туркманчайского мира.

С вазир-мухтаром*, первым секретарём миссии, как мы уже упоминали, ехал И. С. Мальцов, а вторым секретарём — молодой и восторженный юноша Карл Фёдорович Аделунг, буквально влюблённый в своего начальника.

И вот уже к концу года, проработав в Тегеране несколько месяцев, Грибоедов почувствовал усталость и овладевшую всем его организмом апатию. Миссия продолжала работать, посланник встречался с людьми,

---

* То есть посланник.

писал и рассматривал документы и отчёты, ругался с туземными князьками, требовал от властей неукоснительного выполнения Туркманчайского трактата, направлял действия своих подчинённых, но всё это шло как бы мимо него. Чем больше он решал вопросов, тем больше накапливалось новых дел, и временами ему казалось, что вся его кипучая деятельность совершается напрасно. Кто он: чиновник, сахтир, поэт, дипломат или совмещает в себе все качества вместе?

В 1828 году Грибоедов обратился к Нессельроде с просьбой направить в миссию в Тегеране врача, и граф немедленно отозвался на эту просьбу и вошёл к Николаю I с соответствующим предложением: «Министр наш в Тегеране доносит, что за недостатком российского врача чиновники миссии, как равно и прислуга принуждены прибегать к пособию англичан, и что сие может повлечь за собой лишние неудобства. По каковому уважению он находит полезным определить при нашей миссии лекаря, рекомендуя на сие место астраханского городского медика Семашко». Поддерживая кандидатуру Грибоедова, Нессельроде предложил назначить Семашко приличное по тем временам жалованье в размере 600 червонных в год. На прошении министра резолюция царя от 14 декабря 1828 года: «Исполнить». Во исполнение воли императора пошли письма в Грузинскую врачебную управу и грузинскому губернатору, и вопрос с посылкой врача в Тегеран решился положительно.

В эти последние дни жизни А. С. Грибоедова в миссию из Петербурга и Тифлиса идут одно за другим письма с просьбами, указаниями, уведомлениями и ориентировками. Создаётся впечатление, что Тегеран становится важной точкой приложения российских политических и экономических интересов и что Грибоедов как посланник в Персии развернул в миссии бурную дипломатическую деятельность. Он всем нужен, все ему пишут и все у него что-то просят:

«Милостивый государь Александр Сергеевич!

Препровождая при сем копию с донесения моего к Начальнику Главного Штаба Его Императорского Величества от 3-го прошедшаго ноября № 257 об

отыскиваемом живущим в Персии Мамет-ханом недвижимом имении в Эриванской провинции, на которое предъявили документы в Армянское областное управление внуки его, нужным щитаю уведомить Ваше Превосходительство, что помянутое донесение моё Генерал-адъютант граф Чернышев докладывал Государю Императору, и Его Величество ВЫСОЧАЙШЕ соизволяет, дабы сия претензия как не правильная оставлена была без уважения, прося покорнейше Вас, Милостивый Государь, довести о сём до сведения Мамет-хана.

С истинным почтением и преданностью имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга граф Иван Паскевич Эриванский.

№ 268, 15 января 1829-го, Тифлис*.

А в № 792 от 9 февраля 1829 года (по старому стилю) граф просит Грибоедова истребовать по прилагаемому векселю деньги с персидского подданного Г. Гусейнова в пользу Астраханского губернского правления. Паскевич ещё не знает, что за 10 дней до подписания сего письма адресат уже был мёртв...

Четыре дня спустя Паскевич просит российского посланника принять меры по возвращению из персидского плена восьмерых казаков, незаконно удерживаемых каким-то местным князьком.

У посланника много дел, всюду нужно поспеть. Докучает генеральный консул в Тавризе (персидском Азербайджане) Амбургер, настаивающий на том, чтобы внести ясность в положение с его жалованьем. Грибоедов просит МИД дать ему разъяснения на этот счёт, и Азиатский департамент в лице К. К. Родофиникина направляет в Тегеран следующее разъяснение:

*«Министерство Иностранных дел
Департамент Азиатский
Отделение 1
Стол 2-й в Персии
Российско-Императорскому Полномочному Министру,
Г. Статскому Советнику
и Кавалеру Грибоедову*

---

* Орфография сохранена.

Отношением от 16 октября за № 64 Ваше Высочорodie испрашивали от Азиатскаго Департамента разрешение: с котораго числа должно считать жалование, производимое Г. Надворному Советнику Амбургеру по должности Генеральнаго консула в Тавризе?

Департамент, приемля в уважение, что как Вам, так и подчинённым чиновникам Миссии и Генеральнаго Консульства нашего в Персии назначено производить оклады со дня выдачи паспортов для отъезда к их постам, вполне соглашается, что сие правило не может распространяться на Г. Амбургера, который со времени Туркменчайскаго мира находился безвыездно в Тавризе. Исправляя там должность нашего комиссара при наследном принце Персидском, он получал по оной и прибавленный оклад, который совокупно с тогдашним его жалованием превышал производимое ему ныне.

Вследствие этого, Департамент находит справедливым, чтобы Г. Амбургер получал оклад Генеральнаго Консула со дня прекращения такового по должности комиссара, и просит Вас, уведомив означеннаго чиновника о сем распоряжении, привести оное в действие и отметить в сообразности ту сумму по расчёту в расходных книгах.

Изложив сие Вашему Высочородию, Азиатский Департамент присовокупляет просьбу препроводить сюда отчёты расходам из штатной суммы, за минувший год отпущенной на посты Ваш и Генеральнаго Консула в Тавризе, дабы эти отчёты без замедления могли быть отосланы в Контроль.

Директор: *Родофиникин*

Начальник отделения: *Егор Тимковский**.

Генеральный консул в Тавризе Амбургер ещё сыграет свою неблагоприятную роль после тегеранской трагедии 30 января/11 февраля 1829 года, а пока он должен был довольствоваться обычным жалованьем консульскаго чиновника.

Между тем граф Карл Васильевич Нессельроде снова спешит проинформировать своего посланника в Персии, которого уже почти месяц нет в живых:

«Милостивый Государь Александр Сергеевич!

Вследствие повторительнаго отношения моего к послу нашему в Лондоне об исходатайствовании от Великобританскаго Правительства дозволения чиновникам английской миссии в Персии принять ордена Всемилостивейшее пожалованные им за услуги

---

* Орфография сохранена.

нам оказанные при заключении мира Туркменчайского, князь Ливен сообщил мне ныне, что не предстоит надежды достигнуть сей цели. Таковый отзыв посла нашего вменил себе в долг довести до Высочайшаго сведения, и Государю Императору благоугодно было пожаловать подарки из Кабинета тем самым чиновникам помянутой Миссии, коим были предназначены прежде орденские знаки, а именно:

Подполковнику Монтейту бриллиантовую табакерку с Высочайшим вензелем, капитанам Макдональду и Кембелю богатые перстни с шифром, поручикам Жаксону и Ши бриллиантовые перстни без шифра.

Во исполнение Высочайшей воли, препроводив все сии вещи Г. Генералу от инфантерии Графу Паскевичу Эриванскому, я долгом поставляю о сём известить Вас, Милостивый Государь.

Пребываю с совершенным почтением и преданностью Вашего Высочородия покорнейшим слугою граф Нессельроде

№ 360

С. Петербург

26 февраля 1829-го*.

Заслуживали ли англичане российских наград, вопрос особый, требующий отдельного изучения. В данном случае в Петербурге, конечно, преобладали дипломатические расчёты. Император и Нессельроде пытались хотя бы подарками и орденами сгладить напряжённость в отношениях с Великобританией, вставлявшей России палки в колёса везде, где было можно, в том числе на Кавказе и в Персии. Лондон при этом делал хорошую мину при плохой игре, а Петербург делал вид, что принимает эту игру за чистую монету, и платил англичанам тем же.

Через шесть дней вице-канцлер заготовил новое задание Грибоедову — теперь коммерческого характера, за которым явно чувствуются личные интересы Нессельроде (примеры «тихих» занятий главного дипломата России коммерцией можно привести и помимо Персии):

---

* Орфография сохранена.

«Милостивый Государь, Александр Сергеевич!

Г. Министр финансов известил меня, что московский фабрикант Посылин в конце минувшаго года отправил через Баку из Астрахани в Персию своего прикащика с разными бумажными материями Российскаго изделия для распродажи оных ценою до 200 тыс. рублей. Прикащик тот по вероятности находится теперь в Зинзилийском порте.

Такое довольно смелое предприятие, могущее способствовать увеличению сбыта в восточных краях произведений Российской промышленности, заслуживает особеннаго внимания и покровительства со стороны начальства. Сие побуждает меня, согласно требованию Г. Министра финансов, поручить означеннаго прикащика Вашему преимущественному покровительству и просить Вас, Милостивый Государь, о неоставлении его в случае нужды всяким содействием и защитою.

По сему же предмету не угодно ли Вам будет исходатайствовать от Персидскаго Министерства положительнаго повеления Гилянскому начальству; а вместе снабдить, буде признаете нужным, и Г-на Амбургера наставлениями Вашими.

Пребываю с совершеннейшим почтением... граф Несельроде.

№ 438, марта 4-го дня, 1829-го*.

Письмом от восьмого марта директор Азиатского департамента Родофиникин спешит обрадовать миссию в Тегеране известием об удовлетворении просьбы её посланника о том, чтобы Петербург выслал в подарки «вельможам и другим лицам в Персии» ружья, пистолеты и 100 аршин тонкого сукна разной расцветки из Кабинета его величества, «в числе котораго одна половина тёмнозелёная, другая — бирюзоваго, третья — светлогороховая, а четвёртая — тёмногороховаго цвета, в каждой по 25 аршин длины». Весь груз отправляется в обитом кожей ящике «за Кабинетной печатью».

Эх, милостивый государь, Константин Константинович! Не до светло-горохового сукна теперь его высокородию и кавалеру Грибоедову! Ему на гроб прибивают позолоченный российский герб...

---

* Орфография сохранена.

12 марта 2-й стол 1-го отделения Азиатского департамента уведомляет Тегеран и Тавриз о том, что «настоятель Сирийского Предтеченского монастыря архимандрит Симеон Айлиханов, прибывший в Россию без надлежащих видов, по Высочайшей воле выслан за границу через Таганрог с повелением никогда не возвращаться в наши пределы», и препровождает приметы означенного священнослужителя, дабы миссия, понеже он под своим или чужим именем появится в ней, ни под каким видом не выдавала ему паспорта на въезд в Россию.

А в это время в Тегеране происходили драматичные события, послужившие толчком к катастрофе 11 февраля. Грибоедов принял и укрыл в здании миссии евнуха и казначея шахского гарема Якуб-хана. Ходжа-Мирза-Якуб был эриванским армянином по фамилии Маркарян, взятым пятнадцатью годами раньше в персидский плен, ослеплённым и обращённым в ислам. Теперь, когда по Туркманчайскому договору армянам разрешили вернуться на свою родину, Якуб тоже захотел воспользоваться этой возможностью. Фетх-Али-шах ни за что не хотел отпускать Якуба — евнух владел слишком многими дворцовыми тайнами. Чтобы «выцарапать» евнуха из рук Грибоедова, одряхлевший владыка прибег к разным средствам — от уговоров и угроз до фабрикация денежного начёта на своего евнуха, но ничто не помогало. Грибоедов не отпускал беженца и готовил его к отправке в российскую Армению. Обиженный владыка, надев на себя маску беспомощного старика, писал русскому посланнику: «Продолжайте, отнимите у меня всех жён моих — шах будет здесь молчать, но Наиб-султан едет в Петербург и будет лично на вас жаловаться Императору».

И тогда главный мулла Тегерана Месси (Месих) вместе с другими муллами и зажиточными жителями города, при потворстве шаха и попустительстве его визирей, начал подстрекать и возмущать народ против неверных русских, посягнувших на самое святое в мусульманском государстве. Результатом стало нападение 100-тысячной толпы на здание русской миссии 30 января/11 февраля 1829 года, жестокое убийство всех её сотрудников,

разграбление имущества и сожжение всей документации. Разъярённая чернь проникла внутрь помещений и шаг за шагом приближалась к комнате, в которой нашли убежище Грибоедов и несколько оставшихся в живых казаков и сотрудников. Свидетели описывают, как мужественно и спокойно принял он свою смерть...

Вместе с посланником погибли 2-й секретарь Карл Фёдорович Аделунг, сын начальника Учебного отделения Азиатского департамента, врач Мальмберг, переводчик штабс-капитан Шахназаров (Мирза Нариман), переводчики П. Калатозов (Калатозошвили) и Соломон Меликов, чиновник «для рассылок и разных поручений» Соломон Кобулов (Кобулашвили), заведующий прислугой Рустам-бек, казначей Василий Дадашев, курьеры Исаак Саркисов, Хачатур Шахназаров и слуги Грибоедова Александр Грибов и Семён Захаров.

Грибоедов готовился накануне выехать в Тавриз, чтобы встретиться со своей 16-летней женой. Вместо себя он оставлял секретаря И. С. Мальцова. Вечером 29 января/10 февраля он написал выдержанную в резких тонах ответную ноту Фетх-Али-шаху, заключив её словами: «Нижеподписавшийся, убедившись из недобросовестного поведения персидского правительства, что русские подданные не могут пользоваться здесь не только должной приязнью, но даже и личной безопасностью, [решил] испросить у великого Государя своего всемилостивейшее повеление удалиться из Персии в российские пределы». Персы превосходно знали об отъезде посланника из Тегерана и не потому ли они так точно угадали момент нападения на миссию, не дав Грибоедову ни малейшего шанса на то, чтобы уехать в Тавриз?

Титулярный советник секретарь миссии Мальцов жил на первом дворе миссии, рядом с *мехмендарем* (приставом). Согласно его рассказу, толпа озверевших персов, преодолев ворота, устремилась мимо его квартиры и хлынула на второй и третий дворы, где была квартира Грибоедова и канцелярия миссии. Пока происходила драка с выбежавшими наружу сотрудниками и казаками, в ходе которой раздавались отдельные выстрелы, Мальцов подозвал к себе одного из персидских

сарбазов (стражников, солдат), вальяжно разгуливавших по двору и демонстративно не вмешивавшихся в события, дал ему 200 червонцев и попросил его говорить нападавшим, что в его доме русских не было. Так Мальцов, трясая от страха, просидел в своём убежище около трёх часов, наблюдая за всем происходившим. Потом к нему пришёл серенгенг (полковник) и приставил к его дверям стражу. Когда стемнело, и толпа сделала своё подлое дело, он переодел Мальцова в одежду сарбаза и отвёл во дворец к одному из сыновей шаха — Али-шаху по кличке Зими-султан («тень шаха»).

Первым делом секретарь попросил Али-шаха отправить его в Россию. Перс призвал к себе в советники министров отца, и те в один голос завопили о своём великом сожалении о случившемся, стали уверять о дружбе с Россией и своей непричастности к убийству Грибоедова и его сотрудников. Мальцов в своём докладе Паскевичу и Нессельроде потом писал, что он притворялся, чтобы усыпить их бдительность, и во всём соглашался с ними и поддакивал. Он боялся, что его, как единственного свидетеля событий, убьют тайком, придушат, и, спасая свою жизнь, стал лжесвидетельствовать в пользу персов, предавая, таким образом, своего убитого начальника и клеветца на честь и достоинство России.

Да, лепетал секретарь, он собственными глазами убедился в том, что шах и его министры делали всё, чтобы остановить вакханалию, разыгравшуюся в русской миссии, а визири вальяжно гладили крашенные хной бороды и возводили умилённые взоры к потолку, призывая в свидетели своей беспорочной честности самого Аллаха. Лучшего свидетеля для оправдания заговора им было не нужно, и они доложили Фетх-Али-шаху (1797—1834), что Мальцов — «здравомыслящий и благонамеренный человек». И решили его не трогать — живой он был больше им полезен. И даже приставили к нему стражу, а когда отпустили его домой, в Россию, то на всём пути следования окружили невиданными почестями, сильным конвоем и телохранителями. Шах вдогонку писал царю, что лучшего посланника, чем Мальцова, он не хотел бы иметь в Тегеране.

Перед отъездом шах осчастливил Мальцова подарка-

ми, дав ему одну захудалую, по словам того же Мальцова, лошадь и две персидские шали. У Ивана Сергеевича хватило ума отказаться от них, справедливо полагая, что после пересечения русской границы эти подарки могут вызвать законные к нему подозрения. На прощальной аудиенции у шаха «здравомыслящий и благонамеренный» Мальцов, однако, снова подтвердил, что считает все действия персидских властей во время убийства русского посланника и сотрудников русской миссии правильными, и выразил шаху сочувствие в том, что убийство Грибоедова обошлось Персии в кругленькую сумму — восемь куруров золотом (1 курур был равен 200 тысячам рублей золотом). Убийство русского посланника было грубым нарушением Туркманчайского договора, и Россия потребовала за него материальную компенсацию.

Николай I и Нессельроде тоже хотели верить персам. Ещё не были известны результаты расследования убийства Грибоедова, а Карл Васильевич уже 18 марта писал: «...Его Величеству отрадна была уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойнаго Грибоедова, не соображавшаго поведение своё с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской, а с другой стороны, известному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая одна вынудила шаха и в 1826 году начать с нами войну».

По Нессельроде, виноват во всём сам Александр Сергеевич — монархи же априори «чужды гнусному умыслу». Ради этой легитимистской аргументации графу ничего не стоило исказить и причины Русско-персидской войны, начатой отнюдь не по внушению тегеранской черни, а по науськиванию английского посла и по желанию Аллаяра-хана и его антирусской клики, сумевшей убедить в необходимости военного конфликта и шаха.

В Тифлисе Мальцов, этот, по характеристике Мальшинского, «мнимый адвокат шаха и мнимо-достоверный свидетель-очевидец», предстал перед Паскевичем истинным русским патриотом. Он опроверг лживые заверения шаха и его министров в том, что они не были

проинформированы о подготовке покушения на русскую миссию. В Персии секретных дел нет, писал он*. Муллы открыто проповедовали в мечетях против русских, а это означало, что они получили на это согласие властей и самого шаха. Фетх-Али-шах мог заблаговременно выслать к миссии сильную охрану, но не сделал этого. Он мог предупредить Грибоедова об опасности и перевести его в безопасное место, но не сделал этого, так как знал, что Грибоедов спасёт и Якуб-хана, а это не входило в его расчёты. Якуб-хан должен был погибнуть.

Паскевич принял эти объяснения как достоверные. В данном случае Мальцов не лукавил, но, сообщив правду, он испугался. Представив, что его направят временным поверенным в Тегеран, он пришёл в ужас. Персы никогда не простят ему того, что он рассказал Паскевичу. И в панике обратился к графу с просьбой написать Нессельроде ни в коем случае не возвращать его обратно в Персию. Куда угодно, в Европу, например, но только не в Персию!

Отчитываясь перед начальством, Мальцов писал, что, выступая перед шахом и шахскими министрами, он «унизил свою речь отборным бисером восточных комплиментов, но пламень благородного негодования залил в душе моей струёю благоразумной осторожности». На бумаге это было чертовски красиво и эффектно. Но как, спрашивает Мальшинский, секретарю, не владеющему ни персидским, ни татарским языками, удавалось «метать бисер восточных комплиментов» перед шахскими чиновниками и успевать при этом заливать пожар негодования струёю благоразумия, просто уму непостижимо. Дипломат был полностью зависим от переводчика, а как шахский толмач переводил слова Мальцова, известно лишь одному Аллаху. Можно лишь предположить, что перс из кожи лез вон, чтобы угодить своему шаху.

«Эта осторожность, — комментирует историк этот

---

* Персидские авторы потом проговорились, что в заговоре против русской миссии принимали участие улемы, то есть учёные-богословы, и зажиточные граждане Тегерана, а вовсе не чернь. «Дело вышло из рук государственных вельмож», — пишут они. Выходит, замечает Мальшинский, оно находилось-таки в их руках!

пассаж из отчёта Мальцова, — довела его до обвинения Грибоедова». От малодушия до предательства один шаг. Зато шах остался «вельми доволен» Мальцовым и в тот же день прислал ему со своего стола остатки ужина.

Мальцова в Тифлисе спросили, знал ли Грибоедов о надвигавшейся на него опасности. Мальцов пояснил, что от самого посланника на этот счёт не слышал ни одного слова и что соответствующим образом не были проинформированы об этом и другие сотрудники миссии, а потому миссия была не готова к обороне: казаки сидели каждый в своей комнате и без оружия. Не зная местного языка, продолжает Мальцов, он зависел в этом смысле от переводчика капитана Шахназарова, который, однако, был предупреждён мехмендарем Мурзой-Мехди за три дня до рокового события о том, что муллы на тегеранском рынке мутят народ и настраивают его против «неверных» русских. Но Грибоедов якобы решил, что персы испытывали его стойкость и терпение и оказывали на него давление, чтобы вынудить его пойти на уступки и заставить выдать обратно шаху Якуб-хана, а потому посчитал, что дальше демонстрации своего недовольства персы не пойдут. Якуб-хан, опасаясь за свою жизнь, дал Шахназарову 500 червонцев за то, чтобы тот доставил его живым и невредимым в Эривань, и поэтому переводчик не был заинтересован в том, чтобы Якуба выдали шаху.

Всё это мало соответствует действительности. Ссылка Мальцова на незнание им персидского языка несостоятельна, так как при нём постоянно был отдельный переводчик Калатозов. Утверждение о том, что Шахназаров был подкуплен Мирзой-Якубом, является персидской версией.

Ошибочным оказалось и поведение генконсула в Тавризе К. А. Амбургера. Не получив после 11 февраля никаких указаний ни из Тегерана, ни из Тифлиса, ни из Петербурга, он занервничал. Присутствовавший в Тавризе английский посланник Макдональд стал нашептывать ему на ухо совет уехать из Персии. Амбургер не последовал его совету и продержался 17 дней, а потом всё-таки сдался и покинул свой пост, прибыв 20 февраля в Нахичевань. Перед отъездом он сделал перед перса-

ми демарш, направив министру иностранных дел ноту, в которой говорилось: «Его Величество шах скорейшим арестованием преступников и пересылкою оных в Тифлис... докажет своё совершенное незнание и неучастие в сем зверском злодействе». По существу это было верно, но с точки зрения дипломатии — явный перебор и неприкрытый вызов шаху. К тому же Россия никогда не настаивала на том, чтобы преступники были выданы ей, а не наказаны в Персии. Уезжая из Персии, Амбургер оставил русскую партию в тяжёлом положении и предоставил англичанам полную свободу действий интриговать и предпринимать против России любые недружественные действия. Естественно, Амбургера в Тифлисе и Петербурге по головке за это не погладили, но и с плеч её не сняли, а лишь слегка пожурили генконсула.

Глава русской партии, наследник престола Аббас-Мирза, оказался в затруднительном положении: подняли голову проанглийски настроенные сановники и вельможи, и слабый шах в очередной раз проявил колебание — теперь в сторону Лондона. На высоте положения оказался Паскевич Эриванский. Невзирая на предварительное согласие Нессельроде, он задержал в Тифлисе второстепенного персидского чиновника Мирзу-Масуда, посланного шахом в Петербург приносить извинения, справедливо считая его ранг, первый драгоман Аббаса-Мирзы, совершенно неудовлетворительным. Он направил к Аббасу-Мирзе своего адъютанта штабс-капитана князя Кудашева с тайным письмом и заверил его, что при необходимости поддержит мирзу своим войском. Одновременно он задержал в Тифлисе чрезвычайного и полномочного посланника Николая I князя генерал-майора Долгорукого (1792—1847), направлявшегося из Петербурга в Персию с целью расследовать убийство Грибоедова и восстановить действие Туркманчайского договора, считая его миссию преждевременной. Тегеран хотел отделаться малой кровью, лелея надежду «выехать» на лжесвидетельских показаниях Мальцова и малодушии генерального консула Амбургера.

Скоро русская армия одержала громкую победу над турками при Эрзеруме, и ситуация в Тегеране стала рез-

ко меняться в пользу России. Шах приступил к написанию настоящего извинительного письма, а в Петербург направил своего внука Хосроу-Мирзу, сына Аббаса-Мирзы. Хосроу-Мирза был умный и даровитый юноша, за что и пострадал позже от своего брата Мохаммед-шаха, сменившего на троне Фетх-Али-шаха. Итак, Хосроу-Мирза отправился в Петербург, а князь Долгорукий — в Тегеран. Благодаря Паскевичу справедливость и достоинство России были восстановлены, и Долгорукий смог приступить к исполнению своих обязанностей. У князя Николая Андреевича были две задачи: добиться от персидских властей наказания виновных и заставить шаха написать извинительное письмо Николаю I.

Отметим, что чрезвычайному и полномочному посланнику с этими задачами удалось справиться. На умонастроение Фетх-Али-шаха основное влияние оказало ...шампанское. Врачи прописали ему этот шипучий напиток от какой-то болезни, но его нельзя было отыскать днём с огнём во всей Персии. Ящик «шипучки» случайно оказался в распоряжении князя Долгорукого. Шах не знал, как отблагодарить князя, и шёл ему во всём навстречу — даже в деле с официальным извинением.

Князь Долгорукий сделал чёткие выводы, доложенные главе Азиатского департамента Министерства иностранных дел К. К. Родофиникину: «В Азии не так, как в Европе. Здесь каждый день перемена в мыслях и весьма часто — в действиях. Чтобы не дать худого хода делам и чтобы иногда успеть предупредить какие-либо действия, нужно быть скоро и верно извещену. Успех в деле от сего происходит. Чтоб дойти до намеченной цели, надобно иметь людей, а людей без денег и подарков невозможно приобрести». Генерал попал в «точку»: без агентуры любая дипломатическая миссия в Персии была тогда обречена на неуспех. У англичан же всё было «схвачено». Долгорукому за всё время командировки так и не удалось отыскать ни одного человека, на которого бы русская миссия могла опереться, «тогда когда всё валит к англичанам».

Некоторое время спустя шахские власти приступили к поимке и наказанию виновников нападения на русскую миссию и убийства посланника. Шахские чинов-

ники сообщали, что казни было предано около 1500 человек. Несомненно, эта цифра была сильно преувеличена, а англичане Макдональд и Уиллок вообще полагали, что казни были фикцией и что персы в очередной раз обманули Долгорукого. С ними не соглашается Мальшинский, полагая, что у князя было достаточно времени и сил, чтобы убедиться в том, что наказание виновных имело место быть. Что касается количества казнённых, то оно для русской стороны было вопросом второстепенным. Главное заключалось не в количестве пролитой крови, а в самом акте наказания и готовности персидских властей признать свою долю вины в случившемся. Муллу Месси, несмотря на яростное сопротивление улемов, с позором выгнали в Турцию, а начальнику тегеранской полиции отрубили голову.

Князь Долгорукий докладывал в Петербург, что английский посланник Макдональд «способствовал служить нашим интересам». «Дипломатическое приличие не позволяло, разумеется, поступить иначе [по отношению к] единственному представителю в Персии Западной Европы, — пишет Мальшинский, — но справедливость историческая не может отказать Макдональду в признании за ним действий предосудительных. Он покрывал лжесвидетельство Мальцова и предупреждал персов от возможных его разоблачений».

Макдональд врал, утверждая, что в момент убийства Грибоедова англичан в Тегеране не было. Были! Англичане глаз не спускали с русского посланника и следили за каждым его шагом. Множество персидских чиновников находилось на содержании у Макдональда и его сотрудников. Когда тело Грибоедова провозили через Тавриз, ни один сотрудник английской миссии не вышел проводить его в последний путь. Не нравились Макдональду и почести, оказываемые Мальцову при его следовании в Россию. Он предложил ему въехать в Тавриз ночью и тайно остановиться у него в миссии. Слава богу, у Мальцова хватило ума не последовать и этому коварному совету: всем персам было бы ясно, что авторитету России в Персии пришёл конец, раз секретарь русской миссии ищет покровительства у англичан. Это всё тот же

Макдональд советовал Амбургеру побыстрее уехать из Персии.

Граф Паскевич 19 июля 1829 года писал графу Несельроде:

«Г-н Макдональд жалуется на оскорбительные слухи, которые ходят на его счёт в Тифлисе; право, он слишком скромно в своей запоздалой жалобе, ибо ничто не мешало бы ему сетовать также и на слухи, ходившие в Тавризе, Баязде, Тегеране и Казбине... Они ходили всюду, по всем базарам... и все они были согласны в том, что причины пагубного события были далеко не безвестны англичанам, и что они старались обострить враждебные нам настроения в Персии».

Да, лучше Паскевича никто в тот момент не знал положения в Персии. И в деле Грибоедова он выступил истинным патриотом России и наилучшим на тот момент дипломатом.

Появившаяся потом в Англии так называемая «Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии», согласно историку С. В. Шостаковичу, является фальшивкой английской дипломатии. Написанная якобы от имени перса и внешне проникнутая сочувствием к Грибоедову, она является насквозь европеизированной по стилю и утверждает, что Грибоедов якобы не был подготовлен к дипломатической миссии и плохо знал местные обычаи. Рукопись реляции была передана в журнал «Blackwood's Edinburgh Magazine» Дж. Уиллоком, братом 1-го секретаря английской миссии в Персии Генри Уиллока, по рекомендации врача Джона Макнила. Согласно мнению советского историка Л. М. Аринштейна, главным подстрекателем персов против русских в английском посольстве была именно эта тройца — посол Д. Макдональд в принципе был вне упреков. Скорее всего, братья Уиллок и Макнил представляли в Персии английскую Интеллидженс сервис.

Убитые вместе с Грибоедовым сотрудники русской миссии по распоряжению шаха были отнесены армянами за город и похоронены в глубокой канаве. Там они пролежали несколько лет, пока посланник Симонович в 1836 году не добился у нового повелителя Персии Мо-

хаммед-шаха разрешения на перенос останков в могилу при армянской церкви внутри Тегерана в так называемом шах-абдул-азимском квартале.

• • •

И. С. Мальцов сделал «сногшибательный карьер» — он закончил службу в Министерстве иностранных дел в чине тайного советника и камергера двора. Вице-канцлеру и графу Нессельроде явно пришёлся по нраву этот Молчалин от дипломатии, о чём можно догадаться, знакомясь с формулярным списком нашего героя.

Посудите сами: в 22 года Иван Сергеевич стал 1-м секретарём миссии и правой рукой Грибоедова; спустя три месяца после гибели посланника в Тегеране его награждают орденом Святого Владимира 4-й степени, дают чин коллежского асессора и отправляют в Тавриз исполнять должность генерального консула. В послужном (формулярном) списке Мальцова, подписанном главою Министерства иностранных дел, появляется запись: «Высочайшим указом во внимание к примерному усердию и благоразумию, оказанным во время возмущения в Тегеране, пожалован кавалером ордена Святого Владимира 4-й степени». Трусость и лжесвидетельство называют «усердием и благоразумием» и награждают орденом!

В ноябре 1830 года на грудь 24-летнего генконсула и коллежского асессора спешат повесить орден Святой Анны, о чём в его формулярном списке появляется новая издевательская к памяти А. С. Грибоедова запись: «Во внимание к благоразумию, оказанному после убийства статского советника Грибоедова и во время исправления должности генерального консула Всемилоостивейшее пожалован по засвидетельствованию генерал-фельдмаршала графа Паскевича Эриванского кавалером ордена Святой Анны 2-й степени».

Потом чины, звания, ордена и награды сыпятся на Мальцова, как из рога изобилия: шведский орден Васы, австрийский орден Леопольда, турецкий орден, сицилийский, прусский... Надворный советник, камергер, статский советник, действительный статский советник,

тайный советник, непременный член совета Министерства иностранных дел (по-нашему, член коллегии министерства), сопровождающий государя императора в 1851 году в его историческую поездку в Ольмюц (Австрийская империя), знаки «за беспорочную службу 25» и «30 лет» и т. п. В формулярном списке появляется трогательная запись о том, что Карл Васильевич питает «совершенную признательность» к Мальцову «за труды понесённые им» по временному управлению Департаментом внутренних сношений МИД.

И что обращает на себя внимание: ни у одного чиновника Министерства иностранных дел нет таких прогрессирующих от года к году записей в послужном списке о приобретении в различных губерниях Российской империи крепостных душ и пахотных земель, как у Ивана Сергеевича Мальцова. Одних только крестьян наш тайный советник за каких-то 10—15 лет приобрёл не меньше 30 тысяч! И не мёртвых, как у Чичикова, а самых что ни на есть настоящих, платящих подати и приносивших доход.

Хваткий оказался человек! Да и немудрено: Мальцов принадлежал к семье миллионера.

Предпринимательская жилка любимчика Нессельроде свела его с товарищем А. С. Пушкина С. А. Соболевским: Мальцов оказался его компаньоном, автором проекта и совладельцем открытой в 1836 году Самсоновской бумагопрядильной фабрики на Выборгской стороне Петербурга. В эти годы Мальцов стал близким другом Соболевского, и когда Сергей Александрович уехал на несколько лет за границу, состоял с ним в переписке. Именно от Мальцова Соболевский узнал о смерти Пушкина. Кстати, Грибоедов выбрал себе в секретари Мальцова по рекомендации Соболевского, который сам отказался ехать в Персию и предложил вместо себя своего товарища.

А дипломатическая карьера Андрея Карловича Амбургера, примерно 1795 или 1796 года рождения, «сына иностранного гостя, вступившего в вечное подданство России», начатая в одно время с А. С. Грибоедовым и развивавшаяся до тегеранского эпизода параллельно, судя по всему, в 1829 году прервалась, потому что ника-

ких новых записей в его послужном списке после этого не появилось.

«Грибоедов в Персии был совершенно на своём месте... он заменил там единым своим лицом двадцатитысячную армию... не найдётся, может быть, в России человека, столь способного к занятию его места» — такую высокую оценку деятельности Грибоедова дал после его смерти честный Н. Н. Муравьёв (Карский). Это — ответ на те сомнения, которые возникали у самого Александра Сергеевича во время выполнения им своей дипломатической миссии. А работавший в Персии после смерти вазир-мухтара Грибоедова русский дипломат К. К. Боде написал: «Но что в моих глазах ставит Грибоедова даже выше его литературных заслуг, как велики они ни были, это та настойчивость и неустрашимость, с которою он умел поддерживать достоинство русского имени на Востоке».

Золотые слова, которые должны помнить русские дипломаты всех времён и эпох.

Со стороны и на расстоянии времени всегда видится лучше.

Глава четвёртая *Тегеран—1903*

*Нас по сцене Всевышний на
ниточках водит...*

Омар Хайям

Наш знакомый С. В. Чиркин и его товарищ С. П. Олферьев в 1903 году прибыли в Тегеран, где должны были работать в императорской миссии в качестве студентов, то есть стажёров. В начале XX столетия императорская миссия России в Тегеране, старейшая в Персии, всё ещё располагалась в старой части города в самой сердцевине базара и занимала целый квартал с обветшавшими постройками за стеной с неприглядными серыми воротами. Канцелярия, квартиры посланника и дипломатов располагались в старом П-образном здании в глубине

большого двора. К дому примыкал большой сад, в котором находился флигель с квартирой второго секретаря. Казачий конвой размещался в отдельном помещении за главным зданием.

Стажёры получили на двоих квартиру из трёх комнат (две спальные и гостиная) и каждый по слуге-персу. Чиркину за два тумана или четыре рубля в месяц достался рябой симпатичный парень Ибрагим, у которого был один большой недостаток — от него пахло чесноком, но зато с ним можно было сколько угодно практиковаться в устном персидском языке. Как было принято, новички, устроившись на квартире, должны были предстать перед своим начальником.

Дипломаты знают, что в каждом посольстве и консульстве работают личности, выделяющиеся из общей среды чем-либо экстравагантным, необычным. Нередко такой личностью становился посол или посланник.

Посланником в Тегеране в это время был Пётр Михайлович Власов*, донской казак, выпускник Учебного отделения восточных языков, в прошлом генконсул в Мешхеде, специальный эmissар в Абиссинии, министр-резидент в Черногории. Карьера его, по словам Чиркина, свидетельствовала если не об исключительных дарованиях, то, во всяком случае, об энергии, большой трудоспособности и умении выполнять задания Певческого Моста. Это был невысокий брюнет 55 лет от роду, с седеющими редкими и приглаженными на прямой пробор волосами, с маленькой бородкой и нервным желчным лицом.

В своём доме П. М. Власов придерживался английского режима, согласно которому дипломаты-холостяки должны были у него завтракать и обедать. Этот режим, так не вязавшийся с его казачьим происхождением, был введён его покойной женой-англичанкой ещё во время его службы в Мешхеде и так понравился ему, что сесть за его обеденный стол в иной одежде, кроме смокинга или фрака, было просто невозможно.

Чиркина и его товарища-стажёра, после того как они привели себя в порядок после дороги, пригласили на обед к посланнику. Поскольку их багаж со смокинга-

---

* В 1904 году он умер в Тегеране от тяжёлой болезни.

ми ещё не прибыл, возникло затруднение: где их взять? Отказаться от обеда, по мнению второго драгомана миссии Н. П. Никольского, было бы ещё более неприемлемым вариантом. С трудом договорились с Власовым, что в виде исключения он разрешит студентам появиться за столом в вицмундирах — согласно министерской традиции.

Обеду предшествовал приём стажёров в кабинете посланника.

Первым делом Власов поинтересовался о почерках вновь прибывших дипломатов. Выяснилось, что его депеши отправлялись в Центр всё ещё в рукописном виде, хотя пишущие машинки вошли в это время в министерстве во всеобщее употребление. (Забегая вперёд скажем, что почерк Чиркина на его беду был признан более-менее «пассабельным», в то время как мелкая и небрежная вязь его товарища Олферьева оказалась полностью непригодной: не мог же государь император читать депеши из Тегерана с лупой! Но лучше всех почерк оказался у самого посланника. Кстати, прибывшего в Тегеран ещё одного стажёра миссии, В. А. Петрова, от переписывания депеш посланника освободили, а сразу приставили к настоящей работе. Причины были тривиальные: во-первых, он окончил Императорское училище правоведения и в смысле «дипломатии» приравнивался к александровским лицеистам, а во-вторых, он был сыном генконсула в Тавризе, сослуживца и приятеля Власова.)

...После получасовой ознакомительной беседы в кабинет вошёл метрдотель Власова, некто Понэ — полный и представительный мужчина в смокинге неопределённой национальности, — и провозгласил, что «кушать подано».

Стажёры прошли в столовую, где на отдельном столике обнаружили графинчик с водкой и лёгкую закуску. На первый раз они благо разумно сочли целесообразным от водки уклониться и сели прямо за стол. Посланник тоже не пил, он молча посидел за неприятельным обедом из четырёх блюд, а потом предложил гостям пройти в бильярдную, где выпил кофе и распрощался. Выяснилось, что посланник к месту и не к месту

употреблял местоимение «этот», что делало его рассказ тяжёлым испытанием для смешливых студентов. Осмелевший со временем Олферьев при каждом таком словечке подмигивал Чиркину, а тот с трудом сдерживал смех.

В состав миссии входили первый и второй секретари, первый и второй драгоманы, пожилой архимандрит Стефан, которого недолюбливал Власов, считая его ханжой и формалистом, молодой послушник-келейник и врач. Обязанности псаломщика исполнял митрополитичий певчий Заболоцкий, обладавший прекрасным басом и тут же включивший новых стажёров в любительский хор. Небольшим казачьим конвоем командовал урядник. Караульную службу казаки не несли, это было поручено отряду персидских сарбазов во главе с «явером» (майором).

Врач миссии Вальтер делал большую карьеру среди богатых персов. В стране фактически не было настоящей медицины, поэтому врачи миссий в свободное от службы время разбирались персидской знатью нарасхват. Они не жалели денег на лечение у европейцев и особенно были щедры на гонорары, когда лечение заканчивалось выздоровлением. Понятное дело, клиенты Вальтера всё-таки чаще выздоравливали, чем умирали.

Мимходом отметим, что Персия явила русской дипломатии один беспрецедентный в её истории случай — отказ доктора А. Я. Миллера от своей лукративной* профессии и его переход на дипломатическое поприще. Он лечил сотрудников вице-консульства в Сеистане, а потом стал вице-консулом в Бендер-Бушире (ныне Бушир).

С миссией была связана одна экзотическая личность — старый телеграфист Г. С. Гейзлер, еврейского происхождения, но вовсе не похожий на еврея. В его обязанности входил приём два раза в день телеграмм для миссии и других адресатов, получаемых по англо-индийскому телеграфу через Персию и Россию. Все, и персы, и русские, и прочие европейцы, называли его «сартипом», то есть генералом. Пробовали обращаться к нему по имени-отчеству, но быстро прекращали — оно

---

* Доходной.

как-то не шло к нему. Вне дома Гейзлер всегда появлялся в своём старом мундире, полагавшемся ему по почтовому ведомству, и со стеклом в руке. Он приехал в Тегеран более 30 лет тому назад молодым телеграфистом и ни разу не попросился в отпуск. Сидение на одной и той же должности конечно же сказывалось на его продвижении по службе, но его повышали по просьбе то одного, то другого посланника. П. М. Власов, со своей стороны, тоже предпринял такую попытку и через МИД ходатайствовал перед Главным управлением почт и телеграфов о назначении «сартипу» — в качестве исключения — очередного звания и повышения жалованья. Почтовое начальство на сей раз сердито отклонило ходатайство, дав понять, что вся служебная карьера надворного советника Гейзлера была и так одним сплошным исключением.

Из прочих русских, прямой связи с миссией не имевших, но вхожих в неё, был полковник Генштаба и командир Шахской бригады Чернозубов. Вместе с двумя или тремя помощниками он сделал для шаха единственную настоящую боевую армейскую единицу. В этой бригаде шахские генералы служили командирами рот. Это был ловкий светский офицер, «закатывавший» широкие приёмы для тегеранской аристократии и дипкорпуса и отлично понимавший, что его карьере не помешает, а наоборот, вполне будет способствовать дружба с посланником. Он регулярно приходил к Власову, испрашивал у него инструкции и исправно выполнял их. Чернозубов был у Власова *persona gratissima*.

В Тегеране и вообще в Персии была достаточно многочисленная русская колония банковских, железнодорожных и прочих чиновников, а также большая купеческая и торговая прослойка. Россия играла тогда в Персии доминирующую роль и значительно переигрывала англичан. Почти во всех более-менее крупных городах были открыты консульства, даже если в них особой необходимости не испытывалось. Они открывались из соображений высшей политики и престижа. Между русскими и англичанами в Персии шло постоянное негласное соперничество, в том числе и в области дипломатической. Если англичане повышали ранг

своего консульства до генерального, то этот шаг немедленно предпринимали и русские; если русские присваивали консулу ранг генерального консула, англичане тут же спешили сделать то же самое со своим консулом. Можно сказать, консульская карьера в Персии для дипломатов обеих держав делалась намного быстрее, чем в других странах. Хитрые персы старательно доили при этом обеих коров — и английскую, и русскую — в тех размерах и до такой степени, в какой им это позволяли Англия и Россия.

Кроме драгоманов, императорскую миссию обслуживали так называемые мирзы, учёные и начитанные персы, умеющие составлять официальные письма. Дело в том, что в персидском письменном языке стиль и техника составления обычного (частного) письма сильно отличались от стиля и техники написания официального письма, причём не все персы владели этой техникой, а только достаточно подготовленные и начитанные специалисты — мирзы*. Драгоманы Министерства иностранных дел, не в силах постичь это сложное искусство, могли лишь контролировать написанное стилистом-персом, но не более того. Как понимает читатель, миссия, находясь в постоянной переписке с персидским МИД, была вынуждена следовать местным обычаям и содержать для этого специалиста. Жили эти специалисты рядом с миссией, прямо под стеной, её окружавшей. Должность мирзы была практически наследственной и переходила от отца к сыну, и ею очень дорожили, потому что мирза всегда находился под защитой русского флага.

Раз в год — в праздник курбан-байрам — шах Музаффер-Эддин проводил для всего дипкорпуса большой приём. Между десятью и одиннадцатью часами все дипломаты, группируясь вокруг своих посланников и резидентов, собирались в шахском дворце. Дипломаты выстраивались строго по старшинству, которое исчислялось сроком пребывания посланника в Персии. Первыми стояли турецкие дипломаты, потому что посол

---

* Приставка «мирза» перед именем носит оттенок учёности и образованности, в то время как после имени она указывает на принадлежность к аристократическому роду.

Турции был дуайеном дипкорпуса, русский посланник стоял третьим. Власов бегло говорил по-персидски, но всегда в таких случаях держал при себе драгомана.

После непродолжительного ожидания шах в сопровождении сановников и министра иностранных дел входил в зал. Это был высокий грузный мужчина лет пятидесяти, с нездоровым обрюзгшим лицом и большими пышными усами. Он по очереди подходил ко всем посланникам, справлялся о здоровье глав государств, ими представляемых и, после того как заканчивал обход, делал общий поклон, удалялся во внутренние комнаты, после чего сразу начинался разъезд дипломатов. Восточные владыки отдавали лишь дань европейской моде, устраивая приёмы для дипломатов. Они не рассматривали приёмы как средство общения и получения информации. Главное для них было показать своё настоящее (или мнимое) величие и поразить воображение неверных его блеском.

...Прошла Пасха, которую русская миссия отпраздновала по православному обычаю, включая церковную службу и обряд разговения у посланника всех сотрудников миссии. Приближалось жаркое лето, а значит, надо было готовиться к выезду на летнюю дачу. Осенне-зимний сезон завершался приёмом у Чернозубова, куда собирались сливки местного и европейского общества. Полковник удивлял всех гостей угощением и концертом оркестра персидской казачьей бригады, обученной русскими музыкантами.

Дача располагалась в десяти верстах от Тегерана в персидской деревне Зергендэ, перешедшей полностью под юрисдикцию миссии. Это был прелестный уголок, настоящий оазис с большим фруктовым садом, прохладной водой в арыках, теннисным кортом, конюшней и бронзовой статуей Грибоедова перед большим домом Власова, располагавшимся в центре сада. Вокруг него были разбросаны небольшие одноэтажные коттеджи для остальных дипломатов. В ближайшей округе располагались летние дачи остальных миссий, так что летний сезон был сплошным праздником, наполненным приёмами, завтраками и обедами, конными прогулками и сражениями на спортивных площадках.

Скоро, однако, стажировка Чиркина и Олферьева в миссии закончилась, и летом 1904 года их командировали секретарями консульств: Чиркина — на берега Персидского залива в Бендер-Бушир, а Олферьева — в Решт, поблизости от Каспия. Добирались они до места назначения в колымагах по каменистой дороге и под палящим солнцем, останавливаясь то в грязных караван-сараях, то в тесных так называемых «телеграфных комнатах» европейцев, обеспечивавших телеграфную связь в Персии. Между Ширазом и Буширом, ввиду нестерпимой жары и влажности, переходы делались ночью. На этом участке пути путешественников могли поджидать настоящие разбойники, которые осмеливались обстреливать даже дипломатические караваны. Мы не станем заострять внимание читателя на превратностях этого путешествия — самое бедное воображение нарисует ему вполне реальную и достоверную картину.

Бушир был обычным грязным и неприглядным городом, окрашенным в серые тона, потому что все постройки его были глинобитные, включая и генеральное консульство России, арендовавшее огромное подворье — частную резиденцию бывшего губернатора провинции. В пик летнего сезона от жары и духоты нельзя было найти спасения даже ночью. Не помогал и ветрогон — самодельный вентилятор в виде большой обтянутой материей доски, приводимой в движение через блоки слугой, который сидел на веранде и дёргал за конец шнура. Растительность на дворе и вокруг генконсульства была бедной — несколько финиковых пальм и мелкий кустарник не могли защитить от палящих лучей солнца. По саду гуляли ручные газели и одна каким-то образом «затесавшаяся» в их стадо пугливая горная козочка. Она часто забредала в дом, разгуливала по комнатам, а однажды вскочила на накрытый стол и перебила всю посуду. В яме с грязной водой каким-то образом умудрялась жить черепаха, а когда её перевели в бассейн с более-менее чистой водой, она подохла.

Генконсулом в Бендер-Бушире в то время был Николай Помпеевич Пассек, естественно, представлявший собой незаурядную личность. Сын богатого харьковского помещика, получивший образование в Англии

в одном из самых престижных колледжей, выпускник юридического факультета Московского университета, он короткое время служил в Петербурге по ведомству Министерства иностранных дел. Потом из МИД почему-то уволился и стал работать представителем электрокомпании «Сименс и Гальске» на Кавказе. Жестоко разочаровавшись и в этом занятии, он уже в возрасте 50 лет восстановился в Министерстве иностранных дел и провёл несколько лет консулом в Мельбурне. Жизнь в Австралии оказалась ему не по карману, консульское содержание не могло удовлетворить его чрезмерные запросы, а потому он принял предложение своего старого товарища Н. Г. Гартвига, директора Азиатского департамента, занять вакансию генконсула в Бендер-Бушире, благо охотников на это место более не нашлось. Николай Помпеевич оказался единственным генконсулом, который за 15 лет существования генконсульства безвыездно жил в Бендер-Бушире. Его предшественники под разными предлогами бежали из этого места, оставляя вместо себя секретарей.

Генконсульство в Бендер-Бушире было открыто исключительно по политическим соображениям, потому что никаких экономических или торговых интересов в этом тогда забытом Богом угле у России не существовало. Нужно было во что бы то ни стало заявить о своём влиянии на Персию и в этом районе, традиционно контролируемом англичанами, и по мере возможности препятствовать их экспансии. Н. П. Пассек по своему характеру и наклонностям в полной мере отвечал этой установке и, не испытывая никаких сентиментальных чувств по отношению к стране своей учёбы, загорелся идеей насолить «коварному Альбиону».

С. В. Чиркин характеризует своего «принципала» добрым, горячим и крайне несдержанным человеком, резкость которого и нетерпимость к чужому мнению доходили до настоящего самодурства. Он очень своеобразно воспринимал и консульскую работу, и свою роль как начальника, не давая никому проявить никакой инициативы и вникая лично в каждую мелочь. Он был прекрасным оратором и чувствовал себя как рыба в воде на приёмах или публичных сборищах.

Он слыл хлебосольным, но его гостеприимство было сродни крыловскому в точном соответствии с басней «Демьянова уха». Он прогнал индийского повара из Гоа, чьё искусство, по его мнению, заключалось лишь в добавке к любому блюду карри, нанял перса и научил его вполне сносно готовить русские блюда — борщ, щи, пироги, блины и т. п. После этого он приступил к общению немногочисленного консульского корпуса — француза и англичанина — к русской кухне. Самым трудным для иностранцев блюдом оказалась кулебяка, которую они никак не могли соединить с борщом. Досада Пассека была такой искренней, что он в сердцах при всех выругал скромного и неуклюжего французского вице-консула — правда, на русском языке. Бедный гость точное содержание ругательства не понял, но смысл его, естественно, уяснил. Нужно было ещё представить внешний вид русского Демьяна: в раздражении потрясая львиной гривой волос, он был на самом деле страшен! В слугу, который долго не появлялся на его вызов, Пассек запустил медный колокольчик, который угодил бедняге прямо в голову. Убить не убил, но шишку на лбу набил большую. Свою вину генконсул загладил тем, что тут же выдал слуге пять туманов на лечение.

Нетерпеливый Николай Помпеевич немедленно приступил к выполнению предначертаний Петербурга «нагадить англичанке». Начал он с малого — с протокольных вопросов. Во время командировки в Шираз он на званом обеде у губернатора провинции Ала-уд-Доулэ был посажен слева от хозяина, в то время как его английский коллега полковник Кэмпбел удостоился чести сидеть по правую руку от хозяина. Это дало Пассеку повод поднять вопрос о своём приоритете, поскольку он был рангом выше англичанина и титуловался генеральным консулом, в то время как Кэмпбел назывался всего лишь «управляющим генеральным консулом», то есть исполнявшим обязанности генконсула. То, что англичане дали полковнику дополнительный титул «британского резидента в Персидском заливе», Пассек в расчёт не принимал, поскольку такое звание не было предусмотрено международным консульским правом.

Персы в такие тонкости вдаваться не стали и спустили спор на тормозах. Но Пассек не успокоился и запросил по существу спора Певческий Мост. Знаток международного права профессор Ф. Ф. Мартенс успокоил Николая Помпеевича, сообщив ему, что старшим по рангу является генеральный консул.

Затем Пассек, обнаружив у Ала-уд-Доулэ отсутствие явно выраженных симпатий к Англии, по всем правилам искусства стал «культивировать» его и других членов персидской администрации, то есть всячески привлекать их на свою сторону, приглашать к себе, угощать, проводить «воспитательные» беседы и склонять их к антианглийским настроениям. И скоро ему представился удобный случай дать англичанам новый бой и опять на протокольном поприще.

Были получены сведения о том, что район Персидского залива собирается посетить вице-король Индии лорд Керзон и встретиться с губернатором провинции Ала-уд-Доулэ, в связи с чем Ала-уд-Доулэ отправился в Бендер-Бушир и по приезде немедленно попросил Николая Помпеевича прибыть к нему. Пассек прервал обед, побросал все дела и немедленно поехал к губернатору. Вернулся он поздно вечером в возбуждённом состоянии и сразу посвятил в результаты визита своего помощника Чиркина.

Вьяснилось, что англичане потребовали, чтобы Ала-уд-Доулэ нанёс визит Керзону на борту английского крейсера, которым тот прибудет на буширский рейд, после чего вице-король и губернатор должны будут вместе сойти на берег, где их будет ждать торжественный приём как со стороны города, так и английской колонии. Ала-уд-Доулэ сомневался в целесообразности участия в такой протокольной церемонии:

— Он — повелитель Индии, а я повелитель Фарса. Мы равны.

Естественно, Пассек поддержал перса в том заключении, что наносить англичанину визит первым, да ещё появляться на британском крейсере было бы недостойно и равнозначно ущемлению его губернаторского достоинства. Конечно, он отлично знал, что положение вице-короля Индии было намного выше положения

губернатора персидской провинции, но это его нисколько не смутило. «Не чуждый интриг, (он) не преминул ухватиться за проводимую почтенным персом идею равенства Индии и Фарса и разыграл этот, как он сам говорил, фарс, как по нотам», — записал в своём дневнике Чиркин.

Англичане предпринимали все меры, чтобы склонить Ала-уд-Доулэ к принятию их программы встречи, полковник Кэмпбел посещал его по два-три раза в день, прибывший из Тегерана посланник Гардинг принимал тоже посильное участие в уговорах, но перс упрямо стоял на своём. Англичане просто никак не могли взять в толк, что произошло с милым, разумным и приятным губернатором. А Николай Помпеевич продолжал «культуривовать» Ала-уд-Доулэ, напомнив ему, как из-за интриг англичан из-под контроля персов вышли сначала Маскат, потом остров Бахрейн, а потом освободился от турецкого контроля и Кувейт. Такие соображения нашли понимание и при шахском дворе, так что позиции Ала-уд-Доулэ укрепились, как никогда.

Тогда англичане, чувствуя, что визит Керзона находится на грани срыва, проявили гибкость и предложили персу новый вариант: лорд Керзон сойдёт с борта крейсера, сядет на катер и отправится к берегу, в то время как Ала-уд-Доулэ должен тоже отвалить от берега и выйти в море навстречу вице-королю на местном таможенном катере. Напрасно! Пассек отверг и этот вариант, за ним последовал и сам Ала-уд-Доулэ, и оба стали ждать очередного хода англичан.

Ждать пришлось не долго: однажды в генконсульство вбежал запыхавшийся мирза и, еле переводя дух, выпалил:

— Повелитель Индии снялся с якоря и ушёл.

Пассек и Ала-уд-Доулэ думали, что лорд Керзон просто отправился на морскую прогулку в ожидании конца переговоров, но ошиблись. Повелитель Индии тоже решил не терять лица и уплыл в Индию.

Так задолго до большевиков русский генконсул в Бендер-Бушире дал отпор лорду Керзону. Но такую «прыть» англичане повелителю Фарса не простили: они потребовали от шаха сместить Ала-уд-Доулэ и назначить на

его место своего откровенного сторонника. Убрали и полковника Кэмпбела — вероятно за то, что он плохо «культивировал» местного губернатора, и на его место был назначен деятельный и не менее беспокойный, чем Пассек, майор П. З. Нокс.

А Пассеку предстояло выполнить ещё одну важную и почётную миссию по «культивации» персидского режима — вручить орден Святого Станислава 1-й степени шейху Мохаммера (ныне Хуррамшехр) в знак его внимания к русским торговым интересам и с целью укрепить его положение как независимого от англичан и турок персидского чиновника. Поскольку родным языком шейха был арабский, то Пассек взял с собой сотрудника Русского общества пароходства и торговли итальянца Петрони, владевшего этим языком. Для «представительства» он приказал Петрони облачиться в старый генерал-консульский вицмундир и фуражку. Петрони выглядел в мундире настоящим ряженым, но Пассеку это понравилось. Впрочем, как пишет Чиркин, этот невинный маскарад вполне соответствовал опереточной обстановке, в которой проходил визит, и опереточному костюму, в котором русскую делегацию встретил шейх.

Мохаммер был фактически небольшой деревней. Шейх предложил встретиться на одной из его двух канонерок, которые при ближайшем рассмотрении оказались двумя допотопными грязными парходиками с двумя пушчонками на юте. Н. П. Пассек, желая придать своей поездке как можно больше блеска, отказался от услуг парходной компании «Бритиш Индия» и попросил предоставить в его распоряжение одну из канонерок шейха. Старушка «Персеполис» делала не более пяти узлов в час, но это нисколько не смущало генерального консула. При посадке и высадке с «канонерки» гремели пушечные салюты, причём число выстрелов явно превышало статус русского дипломата, но это только придавало Пассеку ещё больше уверенности в важности своей миссии. Капитан пытался было отговорить его от салютов («Стреляй не стреляй — публика всё равно ничего не поймёт» или «Снаряды очень дорогие»), но достоинство русского генконсула не могло считаться с такими мелочами.

Шейх оказался огромным, прямо-таки могучим и красивым детиной в расцвете сил. В широком бурнусе и чалме он выглядел настоящим красавцем. В назначенный час шейх и его приближённые собрались на «канонерке», чтобы участвовать в церемонии получения русского ордена. Дипломаты были в «муравьёвской» форме, Петрони «вырядился» в старую форму, которая была для него тесновата, а фуражка, наоборот, того гляди могла свалиться с головы. Но всех своим костюмом сразил наповал шейх. Он надел парадный гусарский голубой мундир при красных с золотым лампасом чикчирах, чёрные лакированные ботинки и чалму! При этом мундир оказался ему настолько тесен, что в некоторых местах он буквально расползся по швам, и там и сям зияли прорехи.

«Шейх был красен, сконфужен и, видимо, желал одного — скорейшего окончания церемонии, — писал Чиркин. — Но не таков был Николай Помпеевич, чтобы скоро выпустить его из своих рук, да ещё после столь сложной подготовки и путешествия». Он «закатил» длинную речь, в которой оттенялась и значимость награды, и лояльность награждённого к высокому русскому покровителю, и высказывались рекомендации следовать «этой мудрой политике» и впредь — единственному гаранту благоденствия управляемой им провинции. Шейх уже изнемог и истекал потом, когда дошла очередь до ответного «спича». Губернатор лаконично поблагодарил за награду, воздал хвалу России и обещал быть «паинькой» и в будущем. Церемония закончилась малосъедобным обедом, после чего шейх отправился в свою резиденцию.

Николай Помпеевич остался вполне довольным поездкой и возобновил свои попытки «культивировать» окружающих. В этот раз он выбрал в качестве объекта бельгийца Ваффлара, начальника таможен Персидского залива. Скоро Ваффлар полностью подпал под влияние Пассека и усердно выполнял его указания о том, как с помощью таможенных пошлин следовало сдерживать влияние англичан в этом районе. Но дело кончилось смещением конфиденнта Пассека и назначением на его место проанглийского чиновника. Юг Персии считался

английской вотчиной, и ничего с этим нельзя было поделать — тем более что некоторое время спустя (1907) Россия и Англия официально договорились о разграничении в Персии своих сфер влияния.

Скоро Пассек «выдохся», он суетился и ворчал, но его уже тянуло в новые, более интересные и культурные места, где он мог бы найти применение своим склонностям. Стало также ясно, что необходимость в русском генконсульстве в этом районе была сильно преувеличена.

Глава пятая

Милые люди в Вашингтоне

*Было бы сердце, а печали
найдутся.*

В. О. Ключевский

После шестидневного путешествия через Атлантический океан П. С. Боткин прибыл в Америку и, уставший, добрался, наконец, до Вашингтона. Проснулся он утром в незнакомой комнате и незнакомой постели. С трудом вспомнил, что находится в Соединённых Штатах Америки и что приютил его у себя в доме и обласкал милейший Кирилл (Карл) Васильевич Струве (1835—1907), русский посланник в Японии и США (1882—1892), вдовец и умнейшая голова. Супруга посла Мария Николаевна, урождённая Анненкова, умерла в 1890 году, оставив на Кирилла Васильевича четырёх дочерей, воспитывавшихся в Петербурге.

Разбудили Боткина звуки музыки, раздававшиеся из зала по соседству. Кто-то вполне профессионально играл на пианино. Вошёл негр-камердинер и принёс чай. На вопрос Боткина, кто играет, слуга ответил:

— Мистер Андреефф*.

Приведя себя в порядок, Боткин пошёл представиться сотрудникам миссии и первым делом познакомился

---

* Из деликатности П. С. Боткин изменил фамилию героя этого эпизода.

с музыкантом Андреевым. Это был неказистый человек лет сорока с невзрачной же внешностью, мешковатый, с круглой плешивой головой и длинными, как у морского котика, усами. Ничто в его внешнем виде не гармонировало, а наоборот, всё находилось в контрастном противоречии. Особенно аляповато выглядели, конечно, усы. Но как он играл! Никто бы ни за что не подумал, что такая серенькая личность могла извлекать из инструмента такие чарующие звуки. «Мистер» Андреев воистину был талантливым музыкантом-исполнителем.

Выяснилось также, что Андреев вовсе не был дипломатом. Несколько месяцев тому назад он, бухгалтер и сотрудник Департамента личного состава и хозяйственных дел, приехал ревизовать миссию, да так и застрял в Вашингтоне. В миссии в это время не оказалось ни одного дипломата — в отпуск уехал второй секретарь барон Шиллинг, да так и не вернулся, и Струве решил попридержать бухгалтера, чтобы использовать его хотя бы как технического сотрудника. Но бухгалтер проявил недюжинные способности дипломата и постепенно стал в миссии просто незаменимым. Он делал и черновую, и хозяйственно-административную работу, и выполнял сложные дипломатические поручения. Ну а то, что он оказался ещё великолепным пианистом, только прибавило ему веса и уважения.

— Ваш приезд для меня тяжёлый удар, — сказал Андреев, познакомившись с Боткиным. — Мне придётся возвращаться в министерство, снова засесть за бухгалтерию — скучную, одуряющую механическую работу.

— Что ж, мне следовало, вероятно, потонуть в океане? — пошутил Боткин.

Андреев кисло улынулся и ничего не ответил.

Боткин скоро узнал, что Андреев на самом деле вкусил от запретной дипломатической жизни яда и заболел дипломатией. Он всю свою жизнь мечтал стать дипломатом, но стеснённые семейные обстоятельства не позволяли получить ему соответствующее образование. Он был вынужден содержать старушку-мать и то ли сестру, то ли брата. Стать бухгалтером тоже было не просто, но всё-таки вполне возможно. Задержавшись в США, Андреев надеялся на то, что, возможно, станет дипломатом

явочным порядком. Приезд Боткина разрушил все его планы: теперь у посланника Струве не было никаких формальных оснований задерживать загостившегося бухгалтера в миссии. Тот сильно загрузил.

Боткин вскоре убедился, что Андреев был гвоздём программы всех вечеров и в миссии, и за её пределами. Его слава гремела по всему Вашингтону и его окрестностям. Играл он прекрасно, до изнеможения. В частности, он часто выступал на вечерах у одной знакомой американки Х., долго прожившей в Европе и имевшей красавицу дочь Памелу. Американка была вхожа в русскую миссию и сама часто устраивала у себя дома вечера для русских дипломатов.

Когда П. И. Чайковский находился в США, то К. В. Струве организовал в его честь вечер в миссии. Андреев играл произведения Петра Ильича и был, как никогда, в ударе. После выступления растроганный композитор подошёл к нему и крепко обнял. Это был апофеоз музыкальной карьеры мидовского бухгалтера и вообще его звёздный час. Присутствовавший на вечере антрепренёр Чайковского предложил Андрееву гастрологи по стране с его участием, но тот отказался. Позже он пояснил Боткину, что как только антрепренёр узнал бы, что он никакой не дипломат, то сразу же бы от него отказался или платил бы ему за выступления гроши.

— Они здесь ценят не талант, а деньги и происхождение, — сказал он.

Боткин усомнился в этих предположениях Андреева, но спорить не стал. Ему тогда казалось, что в демократической, открытой для всех стране такое было невозможно. Случай, и даже не один, убедиться в своей неправоте скоро представился дипломату. Но мы будем рассказывать только об Андрееве.

Последнее время наш бухгалтер стал вести себя как-то странно. Он сбрил свои длинные усы и сделал из них нечто вроде зубной щётки. Теперь его лицо напоминало не котика, а моржа. Он весь как-то и внутренне, и внешне подобрался, подтянулся и стал где-то пропадать. Однажды Боткин получил из цветочного магазина счёт за букет, который он не заказывал. При выяснении обстоятельств оказалось, что счёт предна-

значался «мистеру Андреефф». Потом Боткин, как-то проходя мимо дома миссис Х., услышал знакомые звуки пианино. Он хотел было зайти к ней, но передумал: ему вдруг стало очевидно, что там был Андреев, который, по всей вероятности, влюбился в дочь этой американки Памелу и теперь ухаживал за ней. Он прошёл мимо, чтобы не мешать бухгалтеру ухаживать за Памелой.

Некоторое время спустя предположения Боткина подтвердились. Он встретился с хозяйкой дома, и та обо всём ему поведала: Андреев на самом деле влюбился в красавицу Памелу и теперь чуть ли не каждый вечер просиживал у них дома. На слова Боткина типа «совет им да любовь» американка отреагировала нервно и агрессивно. Она в категоричной форме заявила, что ни за что не даст развиваться этим отношениям, у которых, с её точки зрения, не было никакого будущего. Она всё-таки разузнала, что Андреев вообще никакой не дипломат, так что о браке её дочери с этим человеком не могло быть и речи.

Боткин был неприятно поражён. Конечно, мешковатый и толстенький Андреев не очень-то выгодно смотрелся рядом с красивой и длинноногой американкой, но всё-таки он никак не ожидал, что культурная, образованная, прожившая много лет в Европе женщина, исповедовавшая «широкий» взгляд на жизнь, так отнесётся к ухаживаниям Андреева — Андреева, которого она до сих пор буквально боготворила и превозносила до небес за его музыкальный талант.

Прошло некоторое время, и Боткин узнал, что миссис Х. отослала Памелу к своей сестре в Нью-Йорк подальше от Андреева. Бухгалтер был сам не свой и во всём признался Петру Сергеевичу. Тот посоветовал ему поехать в Нью-Йорк и попытаться там своё счастье, пользуясь отсутствием матери предмета обожания. Добрейший Кирилл Васильевич не возражал против непродолжительного отсутствия бухгалтера в миссии, и Андреев поспешил в Нью-Йорк.

Вслед за ним «проветриться» отправился и Боткин. Посланник благоволил к молодому дипломату и тоже отпустил его с работы — правда, с непременно

условием оставить свой адрес и при первой необходимости немедленно вернуться к своим служебным обязанностям. В Нью-Йорке Боткин встретился с Андреевым и узнал, что никакой взаимности он от молодой американки не встретил. Памела довольно в циничной форме тоже объяснила Боткину своё отношение к мистеру Андрееву: он ей не пара, потому что низкого происхождения. Безродные эмигранты Нового Света стали мнить себя чуть ли не баронами или герцогами!

Бедный Андреев просиживал теперь дни и ночи в гостинице, страшно тосковал и страдал, но возвращаться в Вашингтон не решался. Он неоднократно пытался объясниться с Памелой, но каждый раз наталкивался на холодный приём.

Трудно было сказать, как бы развивались события дальше, если бы из Петербурга не пришло, наконец, спасительное указание о том, чтобы Андреев покинул Вашингтон и вернулся домой. Это известие бухгалтер встретил с равнодушной покорностью и, в конце концов, решил, что так будет лучше для всех. Он уехал, и на какое-то время Боткин потерял его из вида. Место Андреева скоро занял секретарь германского посольства — баварский граф, тоже игравший на пианино, но совершенно бездарно. Это был высокий, тощий, холёный, породистый, а главное — богатый немец, который сразу стал ухаживать за молодой американкой и, несмотря на отсутствие музыкального таланта, нашёл у неё взаимность. Мамаша Памелы тоже была в восторге от немца. Как-никак он был граф! Какой американец не хотел бы породниться с европейским аристократом! То, что он был стар, плешив и беззуб, роли не играло.

...Во время первого же отпуска Боткин поинтересовался у своих коллег судьбой Андреева. Оказалось, что у бедного бухгалтера после возвращения из Вашингтона умерла мать, и после её смерти практически ничто не связывало его больше с Петербургом. Он стал проситься на любую консульскую работу за границей. Боткин, используя свои знакомства, походатайствовал за Андреева, и некоторое время спустя тот был назначен консулом в Вальпараисо (Чили).

Был ли счастлив бывший бухгалтер на новом поприще, не известно.

Некоторое время спустя Боткин узнал, что милейший Андреев скончался там от диабета. А может быть, диабет был только побочной болезнью?

Эта история могла бы умереть вместе с нашим скромным бухгалтером, но благодаря П. С. Боткину она стала теперь нашим достоянием. Мы теперь знаем, что некоторые царские дипломаты тоже вышли из гоголевской шинели.

А подлинное имя нашего героя не так уж и важно.

Некоторое время спустя после отъезда Андреева на родину наша американка Х. устроила у себя вечер для дипломатов, на котором главным гвоздём программы был знаменитый тогда фокусник Гофман. После его блестящего выступления был дан торжественный ужин. За столом фокусник Гофман как почётный гость сел справа от хозяйки, а английский посол как старший среди присутствовавших послов — слева.

Русский посланник К. В. Струве тоже присутствовал на этом вечере. Возвращаясь с ним обратно домой, Боткин заметил, что посланник чем-то был сильно расстроен, — нет, разгневан и шептал про себя какие-то ругательные слова. На вопрос Боткина, что случилось, Кирилл Васильевич дал волю своим чувствам.

— Нет, извольте видеть: какой-то фигляр сидит справа от хозяйки, а посол великой нации — слева. Скандал!

Боткин пытался убедить посланника, что наступили другие времена, что, в конце концов, мадам Х. не обязана была соблюдать дипломатический протокол, но Струве был неумолим:

— Дома ли, в гостях или на улице, я посланник государя императора и должен смотреть за тем, чтобы моё место оставалось за мной, а не становилось достоянием любого шута горохового.

После этого Струве больше не посещал дом миссис Х.

Дипломатический этикет не мог примириться с мещанским тщеславием и высокомерием.

Побеждает, однако, всегда мещанство.

Вакансия 1-го секретаря миссии была, наконец, заполнена: вместо отсутствовавшего барона Шиллинга прибыл некто Богданов (в записках Боткина он фигурирует под буквой «Б»). К. В. Струве, который должен был бы радоваться прибытию нового сотрудника, был возмущён до глубины души, потому что согласовать кандидатуру нового 1-го секретаря с ним Певческий Мост почему-то не удосужился. Впрочем, посланник распорядился встретить и разместить нового работника, как тому заблагорассудится. Богданову заблагорассудилось поселиться у Боткина, который, собственно, встречал его и который сам предложил некоторое время пожить в своей пустой холостяцкой квартире.

С первых дней своего пребывания в Вашингтоне Богданов обратил на себя внимание своей странной внешностью. Это был настоящий живой труп, облачённый исключительно во всё чёрно-белое и поражающий всех своим мертвецким взглядом. Он был немногословен, ко всему равнодушен и постоянно находился наедине со своими мыслями. Что это были за мысли, можно было только догадываться. По всей видимости, он приобрёл их во время своей работы в Бразилии. Ясно было только, что он чем-то мучился и терзался, но ни с кем своими переживаниями делиться не хотел.

В первую же ночь Боткин проснулся от неприятного ощущения. Он встал и увидел какое-то привидение, чьи белые одежды развевал ветер, врывавшийся в комнату через открытое окно. Он не сразу узнал своего жильца, набросившего на себя белую простыню и медленно прогуливающегося по квартире. С тех пор Боткин потерял сон и со страхом ожидал чего-то непременно трагического. Мелькали дни, проходили недели, а Богданов всё жил у Боткина и, судя по всему, и не думал подыскивать себе собственное жилище. Из деликатности и Боткин не решался ему напомнить о том, что пора бы и честь знать.

Изредка жилец заводил с хозяином беседы, которые вращались в основном вокруг одного предмета — небытия. На всём живом дипломат видел один лишь отпечаток смерти.

— Жизни нет, — говорил он, — жизнь — всего лишь

один из фазисов смерти. Люди вокруг нас — не живые, они — мертвецы.

...Застрелился он в постели, оставив после себя записку: «Слишком тяжело носить в своём теле мёртвую душу — посею уничтожаю себя».

Это был настоящий диагноз поразившей его болезни.

Посланник сердился — миссия не переживёт такого позора! Стоило ли, для того чтобы всадить в себя пулю, пересекать всю Европу и Атлантический океан? Неужели нельзя было сделать это в Петербурге? Местная полиция пошла навстречу пожеланиям русского посланника и выдала справку о том, что русский дипломат стал жертвой неосторожного обращения с оружием.

В дипломатии нет места для самоубийц. В ней всё должно быть пристойно, чинно и благородно.

Глава шестая

Милые люди в Пекине

*Зачем ума искать и ездить
так далёко!*

А. С. Грибоедов

...После долгого путешествия И. Я. Коростовец и Ю. Я. Соловьёв прибыли, наконец, в Шанхай. Посмотрим же на Китай, на русскую миссию и жизнь в Пекине их глазами.

Коростовец, как мы уже упомянули, свои докитайские дорожные приключения не описывает, он сосредоточивается на описании своего путешествия по реке в лодке, которую тянули китайцы-бурлаки. Первые впечатления оказались негативными. Во время короткой остановки в небольшом городке Туньчжоу Коростовец сошёл на берег, чтобы познакомиться с китайцами поближе, и сильно пожалел об этом: китайцы встретили европейца враждебно, они окружили его плотным кольцом и стали угрожающе кричать и жестикулировать, а когда он испуганно повернул обратно, в спину ему по-

летели комья сухой грязи. Разочарование в китайском гостеприимстве было полное. Вся прелесть китайской экзотики сразу и надолго улетучилась.

Молодой дипломат на въезде в Пекин был встречен временным поверенным Клеймёновым (посланник Кумани отсутствовал). С ним были несколько *албазинцев** и нанятые местные рикши. Один из албазинцев был приставлен к Коростовцу в качестве слуги. «Мы облобызались и после взаимных расспросов сели в носилки и быстро двинулись вперёд, — рассказывает Коростовец. — Впереди скакали мафу (конюхи) и разгоняли народ, сзади ехали телеги с багажом».

Русская миссия представляла собой длинное одноэтажное здание. Помещение русской миссии, основанной графом Игнатьевым на месте русского монашеского подворья Югуан в 1860 году, обнесённое высокой стеной с китайскими воротами, украшала деревянная колоннада, крытая красным лаком и напоминавшая вход в храм. Внутри этого четырёхугольника в огромном парке были разбросаны небольшие одноэтажные домики, в одном из которых и поселили Коростовца с семьёй. Всё кругом в соответствии с китайской традицией было огорожено заборчиками, стенками, ширмочками, между которыми стояли декоративные колонны. Парк вмещал много старых деревьев, кустов и длинных тенистых аллей. Коростовец пишет, что в нём было очень красиво, и всё напоминало старую русскую помещичью усадьбу.

«От консула Падерина и полковника Путяты (военный агент. — *Б. Г.*) я узнал кое-что о наших посольских делах в Пекине, — продолжает Коростовец, — то есть кто работает, кто лодырничает, кто пользуется наибольшим влиянием, кто с кем в неладах. Дел политических они коснулись вскользь, заметив, что это их не касается. Оба были милые люди».

---

* Албазинцы — потомки русских казаков, взятых в плен маньчжурами ещё в XVIII веке при осаде крепости Албазин. Пленные служили телохранителями богдыхану, женились на китайках, окитаились и окончательно позабыли русский язык. Их потомки, то ли сохранившие, то ли восстановившие православную веру, носившие русские имена типа Лука, Наум и Фрол, нанимались в прислугу к дипломатам русской миссии.

Военный агент Путята основным своим занятием считал сбор древностей, путешествия по стране и изучение китайских обычаев. Настоящим делом стал заниматься лишь сменивший его подполковник К. И. Вогак, внёсший солидный вклад в последующие события, связанные с вторжением русского империализма в Китай. По происхождению швед, Вогак одновременно был военным агентом и в Японии, а потому постоянной его резиденцией был Шанхай. В Пекине он появлялся лишь изредка. Вогак был чрезвычайно популярен среди иностранцев, вёл открытый и широкий образ жизни и в политических вопросах проводил свою особенную линию, часто не совпадавшую с точкой зрения посланника.

Временный поверенный в делах Клеймёнов тоже принадлежал к тем «милым людям», которые к своим обязанностям относились с удивительной простотой. Не успел Коростовец освоиться с обстановкой, как Клеймёнов собрался в Шанхай встречать цесаревича Николая Александровича, находившегося на пути в Японию. Он вручил молодому дипломату ключи от кассы, чековую книжку для выдачи жалованья сотрудникам миссии и сказал на прощание обычные в таких случаях слова: давай, мол, управляй хозяйством. На вопросительное выражение Коростовца Клеймёнов ответил, что по всем внутренним делам следует обращаться за советом к драгоману Попову, а по международным делам — к дуайену дипкорпуса германскому послу фон Брандту. На вопрос, как поступать, если немец даст плохой совет, Клеймёнов заверил, что такого быть не может, потому что немец «прекрасно знает, что нам нужно и важно».

Цин-чай (по-китайски — посланник) Комани так и не вернулся к месту своей службы, и скоро на горизонте появился новый цин-чай — наш знакомец граф Артур Павлович Кассини. Его в командировку сопровождали маленькая племянница Маргарита, гувернантка госпожа Шелли и две болонки по кличке Буффо и Буфардо. В «обозе» следовал 2-й секретарь Павлов, доверенное лицо графа по всем вопросам, включая дипломатические.

Встречать его выехали чуть ли не всей миссией. Взо-

ру Коростовца предстал слегка обрюзгший салонный лев с моноклем в глазу, который одновременно внушал трепет и уважение и подчинённым, и китайцам. Путешествие на *чуане* (лодке) повергло европейца Кассини и членов его семьи в шок, начались крики, рыдания и вопли: несколько суток надлежало провести на набитых соломой и тараканами матрацах без всяких удобств и туалетных принадлежностей! Но потом как-то все смирились и нашли всё это даже пикантным, включая полуголых грязных бурлаков-китайцев. Настроение совсем улучшилось, когда накрыли импровизированный стол. Блюда «приезжали» на лодке и подавались через борт непосредственно в руки их сиятельства.

Сотрудники миссии скоро стали свидетелями того, как граф публично изложил своё основное кредо: «Гастрономия — основа дипломатии». До Пекина каким-то образом уже успели дойти слухи, что, будучи резидентом в Гамбурге, граф угостил Н. К. Гирса хорошим обедом, после которого министр заявил, что для такого гастронома, как граф Кассини, Гамбург был слишком узким полем деятельности, и назначил его посланником в Пекин. Это было как нельзя кстати, потому что в Гамбурге граф наделал долгов, и приличное жалованье посланника могло помочь их ликвидировать, тем более что в китайской столице тратить деньги практически было не на что.

Достигнув стен Пекина, граф Кассини пришёл в восторг от паланкинов. Да и вообще, новое место ему пришлось по душе. Он неожиданно почувствовал себя восточным царьком, окружённым людьми и фееричной атмосферой из сказки «Тысяча и одна ночь». Уважение китайцев к европейцам было огромным (боксёрское восстание только назревало), а точнее раболепным, и у многих европейцев в Китае от этого начинала кружиться голова. Не стал исключением и Кассини. Этот утончённый до кончиков пальцев европеец быстро освоил роль «восточного сатрапа» и стал её исполнять с большим вдохновением и талантом. В общем-то ленивый и недалёкий человек, он тем не менее быстро обвёл вокруг пальца китайских чиновников и легко договорился с ними о строительстве Китайско-Восточной железной

дороги (КВЖД). В этом не совсем богоугодном деле графу усердно помогали драгоман Попов и секретарь Павлов.

Приезд нового цин-чая ознаменовался опалой Клеймёнова. Граф Кассини при приёме дел обнаружил недостачу в кассе. Клеймёнов, по мнению Коростовца, честный, но легкомысленный человек, позволил себе увлечься картишками и дорогим шампанским и теперь должен был вносить в кассу миссии ежемесячные взносы из своего жалованья. Место Клеймёнова занял Павлов, и бывший временный поверенный превратился при «маленьком самодержце» Кассини в дворецкого и церемониймейстера.

Граф Кассини был первым иностранным послом в Китае, который вручил свои верительные грамоты непосредственно самому богдыхану. До этого они на довольно будничной церемонии передавались второстепенным китайским чиновникам. Главы дипломатических миссий давно пытались убедить китайцев, что это не соответствует международному праву, но долго упорствовала и сопротивлялась вдова-императрица, регентша малолетнего богдыхана; ей помогали многочисленные евнухи и другие члены двора. Наконец была выработана и согласована процедура. Для церемонии представления послов был выбран так называемый Вассальный зал, в котором китайский император имел обыкновение принимать губернаторов и прочих чиновников Поднебесной. Это было унижительно для послов и посланников, но на этом пункте китайцы стояли насмерть.

Графа Кассини сопровождали Путята, Попов, Клеймёнов и Коростовец. Войдя в зал, русские дипломаты сделали поклон в сторону трона, на котором восседал хилый мальчик — князь Цин. Какой-то китаец попытался указать полковнику Путяте место, где он должен был стоять, но военный агент грубо оттолкнул его и стал там, где счёл нужным. Церемония продолжилась. Кассини произнёс краткую речь, которую перевёл Попов, и вручил грамоты князю Цину. Тот положил их на столик рядом с тронем, сказал несколько слов в ответ и снова, как истукан, замер на троне, окружённом китайскими

князьями и сановниками. Уходя из зала, дипломаты сделали уже три поклона. За процедурой из-за решётки тайно наблюдала императрица.

После этого был устроен банкет со множеством китайских блюд, подаваемых в маленьких тарелочках. Ели маленькими ложечками, потому что палочками никто пользоваться не умел, да и не хотел. Красное вино наливали из чайников. Присутствовавшие на трапезе китайские сановники в знак изъявления гостеприимства старательно и громко икали и рыгали.

Передвижение дипломатов по городу происходило либо в паланкинах, либо верхом на коне. (Вот зачем дипломаты везли сёдла в Пекин!) Карет в обиходе не было даже у иностранных послов. Выезд посла в гости к своему коллеге обставлялся весьма внушительно: впереди мчались *мафу* и, подобно опричникам Ивана Грозного, нагайками разгоняли народ. Скакавшие рядом с ними казаки конвоя тоже иногда прибегали к ремённой плётке. Ночью впереди паланкина шёл китаец-фонарщик с большим бумажным фонарём, на котором были вырезаны иероглифы *даженя*, то есть посла. За фонарщиком следовал паланкин с самим даженем. Как высшему сановнику, Кассини полагались *зелёные* носилки. За ним несли носилки и следовали телеги с сопровождавшими его лицами. Аналогичные фонари имелись и для сопровождения остальных дипломатов, в том числе и у *сан-цин-чая*, то есть третьего посланника, как китайцы величали 2-го секретаря миссии Коростовца (вторым, естественно, был Павлов).

С заходом солнца ворота китайских городов закрывались, и всякое движение в город или из города прекращалось. Если кортеж с русскими дипломатами запаздывал и была опасность не попасть в какой-нибудь город засветло, то вперёд высылался мафу, который должен был предупредить власти города о прибытии русского посланника и попросить задержать закрытие ворот.

Коростовец описывает свой период работы в миссии как сплошное ничегонеделание. Настоящие дипломатические дела, связанные с проникновением России в Маньчжурию, ещё предстояли, и дипломаты много времени уделяли досугу: играли в теннис, хоккеем, фут-

бол и крикет, увлекались скачками, катались на коньках, коллекционировали древности, ходили на обеды, рауты и любительские концерты и устраивали пикники. Полковник Путята часто выезжал на охоту, а граф Кассини занимался отстрелом ворон и сорок. За ним следовал казак и собирал убитых птиц в мешок.

В период дождей дипломаты уезжали из Пекина на запад, в горы, где китайцы сдавали так называемые *кумирни*, превращённые дипломатами в «дачи». Кругом бегали стаи одичавших собак, всё вокруг кишело скорпионами, змеями и крысами, и приходилось всегда быть настороже. Но жили дружно: сплетничали, танцевали или просто убивали время. Коростовец, у которого были маленькие дети, пытался заказать у китайцев коровье молоко, но из этого ничего не получилось. Китайцы грубо высмеяли его — они молока не употребляли, оно предназначалось исключительно телятам, а сан-цин-чаю было просто стыдно и неприлично питаться телячьим пойлом!

Коростовец самокритично замечает в своих мемуарах, что был человеком критически настроенным и на язык несдержанным. Это качество сослужило ему дурную службу. К лету 1894 года у него возник конфликт с даженем. До Кассини дошли слухи о том, что третий посланник много болтает лишнего, в частности, распускает сплетни о том, что миссией на самом деле руководит госпожа Шелли, гувернантка племянницы Маргариты. Коростовца также обвинили в том, что он отравил одну из болонок графа, бегавшую по ночам по парку и мешавшую всем спать (сан-цин-чай в своих мемуарах, кстати, умалчивает, имели ли эти обвинения основание или нет). Как бы то ни было, Кассини вызвал 2-го секретаря на «ковёр» и распёк его по всем правилам китайского, итальянского и русского бюрократического искусства. В числе обвинений граф упомянул также не санкционированную никем публикацию Коростовцом своих статей в местных газетах. В конце беседы посланник предложил подчинённому покинуть Пекин.

Местом ссылки было выбрано консульство в городе Чифу.

Сослуживцы немедленно отвернулись от Коростов-

ца (*sic!*), проявляя солидарность с «маленьким самодержцем». Иван Яковлевич послал телеграмму матери в Петербург, чтобы она похлопотала о новом для него месте. Устроиться ссыльному дипломату в Чифу на первых порах помог сэр Роберт Харт, начальник морской таможни, бесплатно предоставив в его распоряжение пустующий шикарный коттедж таможенного комиссара*. Поступив в формальное распоряжение вице-консула А. Н. Островерхова, Коростовец слегка успокоился, но развернуть свои способности на консульском поприще не успел. Начиналась Японо-китайская война, затронувшая также и Корею. Китайцы потерпели полное поражение, а корейский император укрылся в доме К. Вебера, русского посланника в Сеуле.

Эти события волей-неволей нарушили покой «маленького самодержца», и граф Кассини зашевелился. Как-то инстинктивно он почувствовал опасность и запросился из Китая в отпуск. Граф был настолько уверен в том, что никаких препятствий на этом пути не будет, что заранее прибыл в Чифу, чтобы быть поближе к пароходу, который должен был отвезти его в Европу. Вместо себя в Пекине Артур Павлович попросил поработать упомянутого выше К. Вебера. Новый временный хозяин Пекинской миссии встретился с Коростовцом в Чифу и приказал ему вернуться на прежнее место в Пекин.

Коростовец вместе с морским офицером Александром Боткиным (братом дипломата Петра Боткина и сыном известного лейб-медика Сергея Петровича Боткина) сел в джонку и поплыл в Пекин. Плыли не торопясь, потому что Боткину захотелось подробнее ознакомиться со страной. Когда они появились в миссии, выяснилось, что Вебера снова откомандировали в Сеул, а на «хозяйстве» по-прежнему сидел цин-чай Кассини — отпуск ему отменили. Пришлось «поворачивать оглобли обратно» и плыть снова в ссылку в Чифу.

Со стороны это можно было принять за сцены из какой-нибудь комедии Гольдони, но самому Коростовцу тогда так не казалось. К счастью для ссыльного, скоро пришла телеграмма о новом назначении: Коростовец

---

* Англичане в Китайской империи занимали некоторые административные должности.

получил предписание, не заезжая в Петербург, немедленно отправляться в качестве временного поверенного в Бразилию. Граф Кассини, узнав об этом, решил подпортить Коростовцу настроение и приказал не выдавать ему проездных денег. Но Коростовец не расстроился и поехал на свои. Он готов был ехать куда угодно, лишь бы поскорее уехать из Китая. Аборигены встретили его комьями грязи, а начальник выпроводил его из страны проклятиями и мелкой мезьей.

Примерно год спустя на его место прибыл Ю. Я. Соловьёв.

В Шанхае Соловьёв решил отдохнуть после дороги, осмотреться и привести себя в надлежащий вид. Здесь его встретил внештатный или почётный консул Юлий Августович Рединг, мрачная личность из русских немцев, прозванная русскими моряками Сентябрём Октябровичем. Рединг, вопреки прозвищу, довольно тепло встретил молодого дипломата и сразу записал его в местный англо-американский клуб. Это было необходимым условием для всякого респектабельного европейца в Шанхае, и, кроме того, здесь можно было хорошо питаться.

В клубе, куда не допускались ни японцы, ни китайцы, дипломат встретил нескольких русских купцов, представлявших три московские фирмы, торговавшие чаем: «Молотков, Токмаков и К°», «Панов, Чирков и К°» и «Молчанов, Печатнов и К°». Один из представителей этих компаний появлялся в клубе в сопровождении англичанина-собутельника, в обязанности которого входило выслушивать мнение купца об англичанах. Купец, нимало не стесняясь в выражениях, всячески поносил «паскудную английскую нацию», а заодно и их королеву, парламент с обеими палатами и, естественно, купцов, а англичанин всё это молча сносил и даже кисло улыбался.

В Пекин, где располагалась русская миссия, ехать не пришлось, поскольку граф Кассини выехал в город Чифу, ставшим местом летнего отдыха для всего пекинского дипкорпуса. Там объединённая эскадра из русских, французских и германских кораблей продемонстрировала свою мощь Китаю и Японии после заключения

Симоносекского договора*. В Чифу Соловьёв прибыл на скверном пароходике и в плохую погоду и остановился в скверной гостинице «Бич-отель», в котором единственным ценным предметом был стол, за которым китайский представитель Ли Хун-чжан поставил свою подпись под Симоносекским договором. Во время переговоров с японцами на Ли Хун-чжана было совершено покушение. Пуля, застрявшая под правым глазом, не была извлечена до самой его смерти.

Согласно этикету дипломат, представлявшийся своему начальству, должен был одеться в вицмундир (в 1906 году этот порядок был отменён, и вместо вицмундира можно было надевать визитку или пиджак). Поверх вицмундира дипломат накинул жёлтое пальто, а чтобы фалды вицмундира не выглядывали из-под пальто, он их заткнул в карманы брюк. Так поступали многие его коллеги.

«Маленький самодержец» граф Кассини «правил» в Пекине уже четвёртый год. При нём, как мы уже упоминали, была выдана концессия на строительство КВЖД, и он был не прочь намекнуть собеседникам, что сыграл в этом деле далеко не последнюю роль. Китайско-Восточная железная дорога делала захолустный Пекин довольно привлекательным местом для дипломатов. Кассини с годовым окладом в 45 тысяч рублей уже выплатил свои долги и изменил своё семейное положение: он женился на гувернантке своей тринадцатилетней племянницы. Каким образом ему удалось преодолеть запрет Святейшего синода, осталось загадкой — по всей видимости, помог император Николай. Во всяком случае, это было предметом живейшего обсуждения всей русской колонии. Коростовцу, разгадавшему планы госпожи Шелли, поучаствовать в этих обсуждениях уже не удалось — он в это время боролся с превратностями бразильского климата.

---

* Симоносекский договор от 17 апреля 1895 года подвёл итоги Японо-китайской войны 1894—1895 годов и признал Корею самостоятельным государством. Китай уступил Японии Ляодунский полуостров, а также Пескадорские острова и Тайвань. Кроме того, Китай должен был выплачивать Японии контрибуцию в 200 миллионов лян (около 300 миллионов рублей по тогдашнему курсу). После вмешательства России, Франции и Германии, сосредоточивших в регионе свои флоты, Япония была вынуждена вернуть Китаю Ляодунский полуостров, заплатив контрибуцию в размере 30 миллионов лян.

В отличие от язвительных и саркастических ноток, которыми окрашен рассказ Коростовца о графе Кассини, описание Соловьёва выдержано в более спокойных тонах. Наш «маленький самодержец» выглядел уже далеко не молодым мужчиной. Граф, по мнению Соловьёва, был дипломат горчаковской школы и говорил и писал исключительно на французском языке, хотя владел ещё немецким и английским. Языка представляемой им страны он старался тщательно избегать. За всё время пребывания в Пекине Соловьёв видел лишь один документ, написанный посланником по-русски. «По всем своим свойствам Кассини был своеобразным типом итальянского кондотьера, — пишет автор мемуаров. — С Россией он ничего общего не имел, но подобно целому ряду таких же, как и он, иностранцев на русской службе оказал русскому правительству немало услуг». Впрочем, граф был остроумным собеседником и хлебосольным хозяином и по сложившейся тогда традиции регулярно приглашал к себе домой своих подчинённых на обеды или завтраки*.

Второму секретарю отвели пятикомнатный домик с небольшим садиком и бассейном — по всей вероятности, тот самый, в котором жил изгнанник Коростовец. Садик Соловьёв устроил на китайский лад, отремонтировал бассейн и напустил туда золотых рыбок. Со временем он обзавёлся тремя верховыми лошадьми, содержание которых обходилось ему в 30 рублей в месяц. Конюху он платил 10, старшему слуге и повару — по 14, а двум младшим слугам — по 5 рублей. Жизнь в Пекине была очень дешёвой.

В состав миссии, кроме двух дипломатов, входили известный уже нам П. С. Попов, 1-й драгоман, известный синолог (китаевед) и будущий профессор Петербургского университета по кафедре китайского языка,

---

* А. Кассини был потом послом в США и в Испании, а в 1909 году уволен на пенсию с единовременным пособием в размере 30 тысяч рублей на погашение долгов. Он жил со своей второй женой в Париже и умер там в разгар Первой мировой войны. В 1905 году граф пожелал встретиться со своим опальным секретарём Коростовцом, возвращавшимся из США после участия в русско-японских переговорах в Портсмуте. Описывая эту встречу в своём дневнике, И. Я. Коростовец ни словом не упоминает об общем их «китайском» прошлом.

исполнявший должность 2-го драгомана Н. Ф. Колесов, врач миссии В. В. Корсаков, студенты (по-нынешнему, стажёры) миссии Е. Ф. Штейн, В. Ф. Гроссе и П. С. Рождественский. В состав технического персонала входил начальник почтовой конторы монгол Гамбоев. Согласно Петербургскому договору вся официальная переписка и несрочные телеграммы миссии шли через Монголию, до 1911 года входившую в состав Китайской империи. Телеграммы отправлялись из Троицкославска, первого русского населённого пункта на русско-монгольской границе, имевшего телеграф.

Накануне приезда Соловьёва в Пекин в русской миссии произошло романтическое событие — сбежала воспитательница детей 2-го секретаря Коростовца, предшественника Соловьёва. К ней из русской духовной миссии зачастил молодой монах, в миру Сипягин. Монах не выдержал оков данного им обета и предпочёл рай на земле с милой в шалаше. Позднее Сипягин по протекции министра Ламздорфа стал русским консулом в Яссах. (Иван Яковлевич Коростовец в своих мемуарах обходит этот эпизод предусмотрительным молчанием — так же, как и собственные более поздние эскапады в Китае, когда он, посланник России и отец почтенного семейства, сбежал из Пекина с 16-летней дочерью директора французской таможни.) Пекин, вероятно, настраивал всех на романтический лад.

При ближайшем знакомстве с членами миссии Соловьёв обнаружил, что они были разделены на две враждующие группы, а это создавало тягостную атмосферу в «монастырских» стенах представительства. Попов и Гамбоев, поддерживаемые большинством других членов миссии, находились в ярко выраженной оппозиции к Кассини. Они не поддерживали контактов с иностранцами, «варились в собственном, русском, соку» и вели образ жизни, типичный для русского восточносибирского чиновничества.

Военным агентом (то есть военным атташе), вспоминает и Соловьёв, был блестящий подполковник, а потом полковник Генерального штаба К. И. Вогак, прибывший в Пекин ещё при Коростовце. Соловьёв, в отличие от своего предшественника, решил ни к каким враж-

дующим группировкам не примыкать, интригами не заниматься и поддерживать со всеми равные и добрые отношения. Это, конечно, была правильная и оптимальная линия поведения в подобных условиях, но и она не спасла нашего героя от неприятных осложнений. Не по своей воле Соловьёв был вовлечён в извечный «местнический» спор о том, кто был важнее в миссии: дипломат или драгоман. Граф Кассини с первых дней пребывания Соловьёва объявил ему, что дипломаты на всех дипломатических приёмах проходят первыми. Получилось так, что 53-летний первый драгоман Попов был рангом ниже 23-летнего 2-го секретаря. Соловьёв чувствовал себя неудобно и всячески пытался сохранить с Поповым добрые личные отношения.

Такого согласия, однако, трудно было ожидать от иностранных коллег. На одном приёме в бельгийской миссии Соловьёву было дано место ниже 1-го французского драгомана Висьера, и в знак протеста Соловьёв покинул приём. Никаких неприятных последствий для него этот инцидент не имел, но зато во французской миссии по поводу первенства дипломатов перед драгоманами разгорелись нешуточные страсти. Вторым секретарём граф Дашэ-де-Мужен, бывший офицер, предъявил посланнику Жерару требование на место выше Висьера. Жерар был не согласен с этим, и в ходе жаркой дискуссии между посланником и его вторым секретарём произошла рукопашная схватка. Дашэ вызвал начальника на дуэль, но тот вызов не принял, сославшись на своё высокое положение. Тогда Дашэ послал телеграмму в Париж с просьбой предоставить ему отпуск, так как дальнейшее пребывание в составе миссии, по его мнению, стало невозможным, поскольку он «был вынужден прибегнуть к физической расправе над своим посланником».

Жерар отказал Дашэ в шифре, и телеграмма была отправлена открытым текстом, и её содержание, естественно, стало достоянием гласности. Скандал во французской миссии тут же подхватили недолюбливавшие французов английские журналисты и с нескрываемым злорадством сообщили о нём и в прозе, и в стихах в местной прессе. Теперь вызов на дуэль в знак благодар-

ности к шефу был вынужден взять на себя невольный виновник скандала 1-й драгоман миссии Висьер. Соловьёв, получив специальное разрешение временного поверенного Павлова, вместе с итальянским коллегой стал секундантом графа Дашэ. Они вступили в контакт с секундантами Висьера и вместе сумели предотвратить кровопролитие и разрешили конфликт примирением обеих сторон. Посланник Жерар по существу конфликта официально запросил Париж и получил оттуда окончательный вердикт: 1-му драгоману положено место сразу после 1-го секретаря миссии. Граф Дашэ был вынужден этому подчиниться.

В любимчиках у Кассини ходил «кореец» и дуэлянт А. И. Павлов, только что произведённый графом в первые секретари (потом он станет поверенным в делах). Павлов монополизировал право составлять в Петербург все политические отчёты миссии, и второму секретарю Соловьёву оставались переписка с десятью консулами, работавшими в Китае, работа с шифрами и заведование канцелярией. В этой работе Соловьёву помогали студенты (практиканты) миссии. Кроме того, он ведал небольшой командой забайкальских казаков, выполнявших роль охранников. Они не были вооружены и никаких проблем ни миссии, ни китайцам не доставляли. Каждое утро к Соловьёву приходил урядник и докладывал, что «на Шипке всё спокойно».

Всех членов миссии китайское правительство в благодарность России за возвращение Ляодунского полуострова наградило орденами Двойного Дракона, включая только что прибывшего в страну Соловьёва и никак не участвовавшего в процедуре изъятия полуострова из-под японской юрисдикции.

Ближайшим другом Кассини в дипкорпусе и всегдашем миссии стал французский посланник Жерар. Это был «медовый месяц» Антанты — франко-русского «сердечного согласия», Жерар был холост, и практически не проходило дня, чтобы он не появлялся у Кассини. Отношения между русской и французской миссией были чрезвычайно тесными, и дипломаты шутили, что в национальные праздники следовало проводить совместные богослужения русского архимандрита Амфи-

лохия и французского католического епископа Фавье. Если французы в Пекине считались для русских «братьями», то голландцы и бельгийцы — «племянниками».

Английская миссия образовывала в Пекине некий антипод. Английская колония группировалась вокруг своего Пекинского клуба. Англичане везде умели устраиваться, как у себя дома. Английская миссия ревниво относилась к успехам российской дипломатии в Китае и находилась с русской миссией в самых неприязненных отношениях. Контакты между ними сглаживались усилиями жены английского посланника сэра Николаса О'Коннора, но с приходом нового посланника Клода Макдональда напряжённость в отношениях снова усилилась. Англичане с присущей им ехидностью постоянно тонко третировали русских. Граф Кассини был, к примеру, чрезвычайно рассержен тем, что Макдональд не поздравил его с коронацией Николая II, а выразил лишь соболезнование в связи с Ходынской трагедией.

Не любил Кассини и американцев за их грубость и фамильярность. «Я никогда не забуду возмущения Кассини, когда драгоман американской миссии, будучи слегка навеселе, ласково похлопал графа по плечу», — вспоминает Соловьёв. Что ж, графу спустя некоторое время пришлось испытать американские нравы на все сто процентов, потому что скоро был назначен послом в Вашингтон. Там-то американцы по-настоящему отвели душу и вволю нахлопались по хлипкому плечу итальянца!

Принимая у себя англичан или американцев, Кассини всегда просил кого-нибудь из дипломатов переводить их беседу. Он всячески противился вводу в дипломатический обиход английского языка и пытался всюду и всегда отстаивать французский язык. Однажды, когда американский посланник, дуайен дипкорпуса в Пекине, произнёс на собрании речь на английском языке, Кассини, отлично понимавший английский язык, потребовал от своего драгомана Попова перевести её на любимый французский. Этому примеру потом последовал и посланник Франции Жерар. Кстати, Попов не справился с заданием своего начальника, потому что английским языком, в отличие от китайского и французского,

владел плохо, но от этого удовольствие обоих послов только увеличилось.

Английский клуб организовывал ежегодные скачки, в которых принимали участие и русские дипломаты. Соловьёв на первых порах в конных состязаниях участия не принимал. Но как-то ему предложили выступить вместо внезапно вывихнувшего ногу жокея фон Таннера. В результате он выиграл приз, учреждённый внешнеполитическим ведомством Китая, который многие годы подряд доставался англичанам. Английский посланник, член жюри, попытался было оспорить победу русского дипломата, обвинив его в том, что он на финише якобы задел своего соседа, но потом был вынужден признать свою неправоту. Этот успех повысил репутацию Соловьёва в глазах англичан, и через три месяца он впервые в истории существования русской миссии в Пекине был выбран старшиной Английского клуба. Об этом событии доктор миссии Корсаков, внештатный корреспондент газеты «Новое время», послал статью в Петербург.

При Соловьёве в русской миссии возникло дело о перебежчике. Некто Ельманов, преподаватель русского языка в Кантонской высшей школе, появился в миссии и заявил, что его преследуют и хотят отравить англичане. Для самозащиты он приобрёл револьвер и обзавёлся... пузырьком с ядом. Выяснилось, что Ельманов страдает манией преследования — такое с русскими людьми, прожившими длительное время за границей, случалось. Возникла проблема: что делать с больным человеком? Психиатрических лечебниц в Китае не было и в помине. Соловьёв поручил его наблюдениям казаков, но однажды Ельманов исчез и объявился почему-то в английской миссии. Там он пожаловался, что русская миссия его, как важного политического преступника, преследует и держит взаперти. Англичане тогда ещё не были так идеологически заряжены против русских и признать в Ельманове политического беженца отказались. Его вернули русским, и беднягу в сопровождении двух казаков повезли во Владивосток. Дальнейшая его судьба не известна.

Русская миссия в Пекине по совместительству

представляла интересы Дании. В национальный день Дании над миссией поднимался её флаг — красное полотнище с распластанным на нём белым крестом. Флаг приходилось изготавливать самим, и в один прекрасный день над русской миссией взвилось вверх красное революционное полотнище, на котором белый крест был пришит лишь с одной стороны. Это дало повод для шуток внутри дипкорпуса о том, что русские дипломаты явились рассадником революционной заразы в Китае. В другой раз русским дипломатам пришлось оформлять брак проживавшего в Пекине датчанина со швейцарской гражданкой. Поскольку единственной формой брака в России был лишь церковный, то венчать новобрачных пришлось православному русскому священнику. Как пишет Соловьёв, брак лютеранина с кальвинисткой оказался на редкость счастливым.

Цин-чаю Кассини часто приходилось разъезжать по стране, и согласно заведённому порядку вся его канцелярия, включая шифровальное хозяйство, следовала за ним. Поэтому на Соловьёва, как 2-го секретаря, легли обязанности шифровки и расшифровки телеграмм. Как-то ему пришлось расшифровывать телеграмму в присутствии иностранного дипломата. Как видим, практика дипломатической работы сильно отличалась от инструкций, предписывавших строгое обращение с кодами и шифрами и охрану государственных тайн.

В Чифу работал уже упомянутый нами вице-консул А. Н. Островерхов, известный тем, что в 1911 году он на свой страх и риск сделал свой дом прибежищем китайских революционеров, вынашивавших заговор против Циньской династии. Естественно, начальству это нравилось мало. Поэтому, когда на Пасху — день, в который в России обычно раздавались награды и делались повышения, — он получил из Петербурга зашифрованную телеграмму, то подумал, что его ждёт отставка. При расшифровке он, к своей неописуемой радости, узнал, что произведён в действительные статские советники. Петербург был доволен свержением старой династии и установлением в Китае республиканского правления.

В другом государстве можно было терпеть и республиканцев.

В Чифу граф Кассини останавливался не у Островерхова, а по очереди в роскошных особняках русских коммерсантов полубурятов А. Д. Старцева или Батуева, занимавшихся транспортировкой чайных грузов. Эти купцы на протяжении многих лет усердно разыгрывали в Чифу роль Монтекки и Капулетти, находясь в смертельной вражде. Останавливаясь у Старцева, Кассини не имел права встречаться с Батуевыми, и наоборот.

Крупным событием в жизни миссии стала отправка китайского сановника Ли Хун-чжана на коронацию императора Николая II. Это была большая дипломатическая победа графа Кассини. На переговорах с ним министра финансов С. Ю. Витте будет достигнута секретная договорённость о строительстве КВЖД. С Ли Хун-чжаном в Россию отправлялась большая свита. Предусмотрительный китайский сановник, согласно традиции, вёз с собой гроб на случай внезапной смерти и транспортировки тела обратно в Китай. Провожая Ли Хун-чжана в Россию, Кассини произнёс яркую прочувствованную речь, которую переводил 1-й драгоман Попов. Китайское произношение Попова было ужасным, и китаец, ничего не поняв, взял у него текст с иероглифами и прочёл сам.

Отпусками дипломаты русской миссии почти не пользовались, а если и брали отпуск, то проводили его в Японии. При посещении Японии они непременно заезжали в Корею, только что получившую статус самостоятельного государства. Суверенитет Кореи существовал, конечно, только на бумаге: в стране продолжали господствовать китайские, английские и японские чиновники, а сам император Кореи спасался бегством в русской миссии, боясь покушения на свою жизнь со стороны членов прояпонской партии. Это было время, когда император окружил себя исключительно русскими советниками, и влияние России на Корею в то время было чрезвычайно велико.

С приобретением Россией в аренду Порт-Артура и города Даляньвань (Дальний) на Ляодунском полуост-

рове забот у миссии заметно прибавилось. Наша военщина, возглавляемая «безобразовской кликой»*, вообразила себя настоящими колониальными завоевателями и обращалась с китайцами вопреки и духу, и букве заключённых с китайским правительством договоров. Соловьёв описывает один «забавный» случай, когда командующий русской эскадрой в Порт-Артуре адмирал Дубасов решил «отличиться» и взять штурмом соседний китайский городок, из которого якобы по русским были произведены выстрелы. Разбирать инцидент на Ляодунский полуостров был послан Соловьёв. Он узнал, что в городке располагались так называемые знаменные полки китайской армии, по своему вооружению мало чем отличавшиеся от русских стрельцов XVII века и набиравшиеся из мирного населения, занимавшегося торговлей и ремёслами. Естественно, никакой военной угрозы это горе-войско ни для кого не представляло. Всё объяснялось просто: у Дубасова в комплекте наград не было ордена Святого Георгия 4-й степени, который присваивался морским командирам за взятие сухопутных крепостей, поэтому он решил штурмовать упомянутый город. Конечно, Соловьёв выяснил обстановку и предотвратил выросший на ровном месте конфликт России с Китаем.

Между тем накануне боксёрского восстания ненависть китайцев к проживавшим среди них иностранцам возросла. Во время одной пешей прогулки по улицам Пекина на Соловьёва и его спутников напала толпа и забросала их камнями. В провинции участились случаи убийства миссионеров. Поведение иностранцев, особенно англичан, немцев и американцев в Китае, в некоторых случаях было настолько вызывающим и бесцеремонным, что взрывы негодования со стороны китайцев были просто оправданы. Русская терпимость и

---

* В её состав входили великий князь Александр Михайлович, авантюрист А. М. Безобразов, назначенный Николаем II статс-секретарём, предприниматель В. М. Вонлярлярский, контр-адмирал А. М. Абаза, министр внутренних дел В. К. Плеве и другие, которые в конечном итоге ввергли Россию в безответственную войну с Японией. Дубасову и К^о удалось навесить себе на грудь и на шею достаточно орденов при подавлении так называемого боксёрского восстания, во время которого наши «вояки» штурмовали мирные китайские города.

уважение местных обычаев в целом сдерживали китайские эмоции, что вызывало раздражение английских дипломатов. Как-то посланник Великобритании Клод Макдональд пошутил, что для китайцев все европейцы кажутся на одно лицо и что они не отличат Австрию от Голландии.

— Да, но Россию от Англии китайцы прекрасно отличают, — заметил кто-то из его подчинённых.

С расширением сферы действий русских дельцов, военных и дипломатов в Маньчжурии и вообще в Китае в дополнение к военному агенту Вогаку из Петербурга был направлен ещё один военный агент — негласный. Это был полковник Десино с резиденцией в Чифу. Десино очень тяготился своим гражданским прикрытием и званием и любил, чтобы его называли полковником. Помощником при нём состоял поручик, которого военная разведка русского Генштаба не дала себе труда вообще как-то замаскировать и отправила открыто как офицера. Нечего говорить, пишет Соловьёв, что между Вогаком и Десино начались трения, и дипломатам приходилось то и дело вмешиваться в конфликт между ними. Дело дошло до дуэли между помощниками обоих полковников.

Вслед за Десино в Пекин прибыл «настоящий полковник» гвардейского гусарского полка Воронов с двумя бравыми гусарскими офицерами. Они были прикомандированы в качестве инструкторов в один из китайских армейских корпусов, чтобы преобразовать его на европейский лад. Из этой затеи, пишет Соловьёв, ничего не вышло, но Воронов сильно не огорчился и нашёл утеху в выгодном браке с дочерью богатого тяньцзиньского купца А. Д. Старцева*.

---

* *Алексей Дмитриевич Старцев* — сын декабриста Н. А. Бестужева от его гражданского брака. Он воспитывался в семье купца Д. Д. Старцева и впоследствии стал крупнейшим сибирским промышленником и купцом. А. Д. Старцева и его дом описывает В. В. Крестовский, побывавший в Чифу в сентябре 1880 года. Дом Старцева стоял тогда на вершине скалистого северо-восточного берега, откуда открывался вид на юго-восточную часть города и на горы. Строительство дома, пишет писатель, обошлась Старцеву в 6500 долларов. Англичане, в частности английский консул, чинили ему всяческие препятствия в покупке участка для дома, дело дошло до суда, который и решил дело в пользу русского купца. «С тех пор англичане только скалят на него

Кроме военных, среди людей, «покушавшихся на Китай с негодными средствами», был и известный бурят Жамсаран, он же П. А. Бадмаев, авантюрист, выдававший себя за специалиста по тибетской медицине, пользовавшийся в дворцовых кругах большой популярностью и ставший автором многочисленных проектов по проникновению в Китай и Монголию. Он прибыл в Китай с большой помпой и таинственными полномочиями, окружённый стражей, состоявшей из одних монголов, облачённых в красные кафтаны. Бадмаев вещал об известных ему кладах и сокровищах китайских императоров, зарытых якобы под стенами Пекина, но больше внимания уделял реальным проектам типа установления постоянного сообщения между Кяхтой и Пекином с помощью русских почтовых троек. Он исчез из Пекина так же внезапно, как и появился.

Самым сановным и важным «знатоком» Китая был, конечно, князь Э. Э. Ухтомский, редактор «Санкт-Петербургских новостей» и член правления Русско-Китайского банка, сопровождавший в своё время Николая II в поездке в Японию. Он появился в Китае летом 1897 года с ответным визитом к Ли Хун-чжану.

Командировка Ухтомского была организована министром финансов С. Ю. Витте, помимо Министерства иностранных дел, так что русская миссия никаких инструкций о цели его визита от министра Муравьёва не получила. Для встречи князя, прибывшего на пароходе Добровольного флота в Тяньцзинь, были командированы Соловьёв и полковник Вогак. Китайцы оказывали князю всяческие почести и демонстрировали знаки высшего внимания. Несмотря на страшную жару, пыль и духоту и вопреки уговорам Вогака и Соловьёва, Ухтомский пожелал путешествовать в Пекин в полной парадной форме. Его примеру последовал и член свиты кавалергардский поручик князь Александр Волконский, который получил специальное разрешение появиться

со злости зубы, но молчат и, наконец, успокаиваются, видя, что до сих пор никто из русских ещё не последовал его примеру», — отмечает писатель. Старцев со своим семейством приезжал в Чифу только на лето, а остальное время он жил в Ханькоу и Тяньцзине.

в китайской столице в своей кирасе*. Блестящая кираса поручика произвела на китайцев совершенно противоположный эффект: китайская толпа при виде сверкавших на солнце лат и обливавшегося потом поручика откровенно улюлюкала и смеялась.

Ухтомского в сопровождении всей русской миссии принял сам богдыхан, и князь, в нарушение китайского протокола, поднялся по ступенькам трона и собственноручно вручил правителю знаки екатерининского ордена для вдовствующей императрицы. Подарки богдыхану и его придворным раздавались на следующий день. Из-за вопиющей неосведомлённости членов миссии Ухтомского об обстановке в Китае произошли многочисленные накладки. Так, для начальника китайской таможни, англичанина сэра Роберта Харта, в качестве подарка было заготовлено... пять кусков красного сукна! На обеде, устроенном богдыханом в честь Ухтомского, князь произнёс, как он полагал, настоящую восточную речь, закончившуюся фразой: «С трепетом поднимаю бокал за здоровье присутствующих сановников». Драгоман Грот, переводивший эту речь, конечно, не стал озвучивать эту «галиматью», потому что с китайской точки зрения она была унизительна для её автора.

Дипкорпус миссию Ухтомского фактически проигнорировал. Сам князь, полагая себя выше всякого иностранного посла в Пекине, не нанёс им ни одного визита. Англичанин Макдональд, получив из Лондона уведомление о том, что Ухтомский послом не является, не обращал на него никакого внимания. Позже в русской миссии узнали, что Ухтомский при отъезде из Петербурга был наделён званием необыкновенного в дипломатическом обиходе «чрезвычайного посланца», что дало повод некоторым злым языкам переделать его в «чрезвычайного зас...нца». Не удалась и сама миссия Ухтомского: китайцы на расширение КВЖД не согласились. Министр иностранных дел Муравьёв торжествовал: Витте, вторгшийся в его «епархию», был посрамлён.

После трёх лет пребывания в стране Ю. Я. Соловьёв запросился домой. Он полагал, что если задержится

---

* По уставу кирасу можно было носить лишь в конном строю.

ещё на некоторое время в Китае, то его в Министерстве иностранных дел сочтут за знатока этой страны, а это грозило ему продлением китайской командировки на неопределённое время, что в его планы не входило. Соловьёву хотелось познакомиться и с другими странами.

Глава седьмая

Русские дипломаты в Афинах

В Греции всё есть.

А. П. Чехов

Афины, тогда самые настоящие задворки Европы, были далеко не главным центром основных противоречий в Европе и средоточием маститых политиков, дипломатов и корифеев, решавших судьбы Европы и мира. Но вместе с тем греческая столица представляла собой точное и зеркальное воспроизведение проблем, входивших в обиход так называемой большой политики.

В Афины русскому дипломату можно было попасть лишь через Италию (на пароме из Бриндизи в Патрас, а далее поездом вдоль Коринфского залива) или Турцию (пароходом Константинополь—Пирей). В конце XIX века бывали дни, когда в греческую столицу почта из Европы не приходила вовсе. Русский дипломат Ю. Я. Соловьёв, назначенный секретарём в русское посольство в Афинах в 1898 году, чуть не заплакал, когда увидел, куда он приехал (а до этого он работал в Китае). Можно было продолжать плакать, и тогда пребывание в Греции превратилось бы в ад, а можно было находить в афинском сидении и положительные стороны, например, вспомнить, что Греция дала миру цивилизацию. Русский дипломат был всё-таки воспитан на почитании греческих классических ценностей, и это сильно скрасило его пребывание в Афинах. Он не только принялся за изучение греческого языка, но активно посещал проводившиеся при нём в Греции археологические раскопки.

Греция переживала в это время тяжёлый период и жестоко платила за так называемую Критскую авантюру 1897 года. На острове Крит, входившем в состав Османской империи, в 1896 году вспыхнуло антитурецкое восстание, и Греция на помощь восставшим послала корабли с добровольцами и вооружением. Амбициозное греческое правительство Критом не ограничилось и отправило своих солдат в Македонию, тогда турецкую провинцию, и началась греко-турецкая война. Многие дипломаты не без оснований считали тогда Грецию ещё одним очагом возникновения общеевропейского пожара. Но на стороне Турции выступили Англия и некоторые другие европейские страны, и через две недели турецкий главнокомандующий Эдхем-паша стоял под Афинами.

По подписанному 4 декабря 1897 года мирному договору Греция должна была выплатить Турции контрибуцию в сумме четырёх миллионов турецких фунтов. Страна оказалась банкротом, и над ней 9 марта 1898 года со стороны Англии, Франции, России, Германии, Австро-Венгрии и Италии была установлена финансовая опека. Фактически страна потеряла суверенитет и превратилась в международный кондоминиум.

Всё в Греции, включая политическую и дипломатическую жизнь, «вертелось» вокруг греческого двора — особенно для русских дипломатов. Король Греции, Георг I (1845—1913), по происхождению датский принц, брат русской императрицы Марии Фёдоровны и английской королевы, посаженный на трон в 1863 году, ловкий и циничный правитель, уверенно лавировал между политическими течениями и международными силами и более 40 лет успешно правил двумя с половиной миллионами греков. Уже при возведении на трон он заручился пожизненной пенсией сразу трёх держав-покровительниц — России, Англии и Франции, и каждая из этих стран обязалась выплачивать ему до самой смерти, даже в случае его вынужденного отречения, по 100 тысяч франков в год! Нужно отдать ему справедливость: не будучи греком, но обладая тактом, он легко маневрировал между своими темпераментными подданными и направлял их мегаломанию в нужное русло.

Он относился к своему королевству с легкомысленной снисходительностью (или со снисходительным легкомыслием) и каждый год уезжал на отдых во Францию, предаваясь там приятному времяпрепровождению.

На своё положение конституционного монарха он смотрел вполне философски. «Мои обязанности весьма легки, — сказал он как-то в шутку одному из дипломатов. — Обыкновенно первый министр, являясь ко мне с докладом, сообщает, что большинство палаты за него. В таком случае я иду гулять. Случается и так, что министр приходит и говорит мне, что большинство против него. Тогда я ему отвечаю: “Идите гулять”»*.

Королевой Греции являлась великая княгиня Ольга Константиновна (1851—1926) — не менее яркая и колоритная личность, чем супруг. Она была дочерью генерал-адмирала и великого князя Константина Николаевича (1827—1892) и продолжала считать себя русской великой княгиней и после замужества. Она была доброй весьма религиозной русской женщиной, а потому бесцеремонно, по-матерински, вмешивалась в жизнь довольно многочисленной русской колонии и русской дипломатической миссии.

Особым её вниманием пользовалась русская средиземноморская эскадра, постоянно зимовавшая в Пирее. Она чуть ли не ежедневно появлялась на кораблях и часто устраивала там многочисленные приёмы и обеды. Как дочь бывшего генерал-адмирала, она считала себя вправе давать «ценные указания» адмиралу А. А. Бирюлёву, как командовать флотом, и до чрезвычайности баловала русских матросов. Она, например, приглашала их во дворец на чаепитие, что вызывало неудовольствие короля-супруга и адмирала Бирюлёва, считавшего, что все эти заигрывания серьёзно подрывают дисциплину в эскадре. Нечего и говорить, что исключительное внимание греческой королевы к своим соотечественникам оскорбляло национальное чувство греков и мало способствовало поднятию русского престижа в Греции.

---

* Король Георг I кончил плохо: в 1913 году, во время 2-й Балканской войны, он стал жертвой покушения в Салониках со стороны болгарского четника.

Не менее сложными у неё были отношения и с русскими посланниками. Ольга Константиновна считала русские миссии филиалом своего двора и ещё более бесцеремонным образом, нежели в дела флота, вторгалась в прерогативы русских дипломатов, диктуя им свою волю. Недаром посол в Афинах барон Р. Р. Розен называл русскую миссию в Афинах «придворной конторой» королевы Греции. Греческий и петербургский дворы были связаны многочисленными браками: кроме королевы Ольги, в Афинах появились великая княгиня Елена Владимировна, вышедшая замуж за королевича Николая, а греческая принцесса Мария вышла замуж за великого князя Георгия Михайловича. Оба двора вели между собой оживлённую переписку — чаще всего через головы своих дипломатов, так что фактически между Афинами и Петербургом велась двойная дипломатия, причём официальная дипломатия, естественно, во всём должна была уступить придворной.

Желая сделать добро своим подданным, королева выступила с инициативой перевести на современный греческий язык евангелические тексты Нового Завета. Она не осознавала, что вторглась в весьма чувствительную сферу: Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, написанные на древнегреческом, считались национальными святынями, и греки полагали себя хранителями подлинных евангелических текстов. Хотя, конечно, большинство их совершенно не понимало, что там было написано. Тем не менее в стране вспыхнули волнения, инициативу королевы посчитали панславистским выпадом, зачинщиком выступлений против перевода Евангелия стал местный университет, был поднят на ноги афинский гарнизон, на улицах началась стрельба, появились многочисленные жертвы. Положение спас король Георг I: он отправил в отставку всё правительство вместе с митрополитом Прокопием, известным русофилом. Через три дня после этого волнения в Афинах прекратились.

Видимое равновесие русско-франко-английского патроната над Грецией было нарушено браком королевича Константина (1868—1923) с принцессой Софией, сестрой Вильгельма II. Теперь в греческие дела вмеша-

лась и Германия, что создало позже дополнительные проблемы в урегулировании последствий Балканских войн 1912—1913 годов. В выборе имени наследника греческого престола сказались панэллинистские мечты о Константинополе, созвучные с теми, которые испытывали определённые круги в России. В этом смысле маленькая Греция становилась соперницей России и помехой на пути претворения её амбициозных планов. Королева Ольга оставалась чисто русским человеком и не одобряла этих «бесплодных мечтаний греков». Однажды, когда она на пути в Россию на своей яхте «Амфитрита» проплывала в виду Константинополя, один из её придворных спросил:

— Когда же, наконец, греческий флаг* будет развеваться над бывшим Византийским собором?

— Пота, — ответила она сердито, то есть «никогда».

И хотя Греция проиграла войну Турции за Крит, в качестве губернатора на остров вскоре выехал королевич Георгий, сын наследного принца Константина — тот самый беспутный повеса, что сопровождал цесаревича Николая в его поездке в Японию и спас будущего императора России от рокового удара самурайской сабли. Только что Англия помогла выиграть туркам войну с греками, а теперь она помогла грекам управлять Критом. Конечно, греков в этом вопросе сильно поддержал и Николай II, благоволивший к принцу Георгу.

Англо-русскому согласию в Афинах во многом способствовал тот факт, что посол Великобритании сэр Эдвин Эджертон был женат на вдове секретаря русской миссии Каткова, сына известного публициста М. Н. Каткова (1818—1887). Как пишет Ю. Я. Соловьёв, Эджертон очень любил своих пасынков, и русские дипломаты могли наблюдать на афинских улицах умильную сцену: внуки гневного обличителя английской политики Каткова мирно гуляли с любвеобильным отчимом. Брак английского посла со вдовой русского дипломата создавал для английской дипломатии благоприятные возможности: с одной стороны, Эджертон пользовался расположением принца Георга, ярого англомана, в то

---

* Греки украшают свои церкви национальными флагами.

время как леди Эджертон располагала полным доверием королевы Ольги.

Русская жена была и у турецкого посланника Рифаат-бея. Мария Николаевна Рифаат, умная и деятельная женщина, во всём помогавшая мужу, была дочерью русского генерала фон Ризенкампа, разжалованного в солдаты за столкновение со своим корпусным командиром Свистуновым. Помилованный потом Ризенкамп жил у дочери в Афинах, но на глаза никому не показывался. После всех потрясений он впал в детство.

Русские жёны были и у итальянского посланника герцога Аварна, и у болгарского дипломатического агента Цокова.

Хуже обстояло дело с русским послом М. К. Ону, о котором Александр III сделал ироничное замечание на полях его донесения: «А ну его!» и женой которого была приёмная дочь швейцарца Г. В. Жомини, сподвижника князя А. М. Горчакова. Личность этого русского посланника в Афинах в своём роде замечательна. Он начал свою карьеру мальчиком для поручений при канцелярии русского главнокомандующего во время подавления Венгерской революции 1849 года. На него обратили внимание, отдали в гимназию, а потом в Лазаревский восточный институт, откуда он вышел знатоком турецкого, греческого и арабского языков. Начав дипломатическую службу студентом посольства в Константинополе, он к подписанию Сан-Стефанского мира числился в русской делегации первым драгоманом. Потом его сделали советником русского посольства в Константинополе, а уже оттуда М. К. Ону выехал в Афины в качестве русского посланника. В 1890 году он был прикомандирован к цесаревичу Николаю Александровичу для сопровождения его в Японию. Это была весьма неприятная для старого дипломата миссия, в ходе которой ему пришлось столкнуться с непочтительным, а иногда и хамским отношением к себе как со стороны русского наследника Николая, так и греческого принца Георга. Великовозрастные «мальчики» стали позволять себе неприличные выходки по отношению к старику и совсем перестали слушать его советов. В Александрии принцы отправились по злачным местам, в Красном

море принц Георг бросил в дипломата грязную тряпку. К счастью для Ону, великий князь Георгий Александрович разбил себе ногу, и посланник вернулся вместе с ним в Европу.

В Афинах Ону был дуайеном, то есть посланником, дольше всех проработавшим в греческой столице. Как отмечает Соловьёв, наблюдавший с Ону несколько лет в Афинах, посол не обладал нужной самоуверенностью в обращении с европейскими коллегами, но зато полностью компенсировал этот недостаток в контактах с турками. В своей дипломатической работе Ону применял типичные восточные приёмы, причём с изворотливостью и тонкостью, которой мог бы позавидовать даже самый настоящий левантинец. Если он терялся на больших приёмах, то зато блистал в разговоре с одним-двумя собеседниками, делая иногда замечания, поражающие своей глубиной и точностью мысли. Не менее талантлив он был в своих отчётах: в одной телеграмме он мог изложить суть и предусмотреть исход важного международного события.

Когда Греция начала военные действия против Турции из-за Крита, то в Европе всполошились: а вдруг война перекинется на другие части материка! М. К. Ону протелеграфировал в Петербург: «Двух недель войны будет достаточно, чтобы успокоить воинственных греков». Так оно и случилось. Когда все уверяли, что англичане в два счёта справятся с бурами, Ону сказал своему голландскому коллеге: «Через три года англичане будут утомлены».

Когда в 1901 году Ону умер, посланником назначили барона Романа Романовича Розена. Барон не был доволен своим переводом из Токио, где должен был уступить своё место А. П. Извольскому, в «придворную контору» королевы Ольги, и греческий двор ответил ему неприязнью. Всё кончилось для барона весьма печально*. В отличие от мягкого и покладистого Ону, он попы-

---

* В Токио Р. Р. Розен выступил в неблагоприятной роли Кассандры и всеми способами пытался отговорить Петербург от дальневосточной авантюры, но верх взяли прохиндеи типа А. М. Безобразова и А. М. Абазы. Голос дипломата не был услышан, и накануне войны, в 1904 году, он был отозван со своего поста и назначен посланником в Вашингтон, где через год помогал С. Ю. Витте вести мирные пере-

тался настаивать на самостоятельности своей миссии, чем вызвал большое недовольство королевы Ольги и её супруга короля Георга. Дело кончилось скандалом. «Погорел» Розен на коринке — мелком изюме, являвшемся основной статьёй греческого экспорта в Россию.

Коринка облагалась высокой пошлиной, и королева Ольга усиленно хлопотала об отмене таковой, пытаясь найти ходы к тогдашнему министру финансов С. Ю. Витте. В результате пошлину не отменили, а лишь снизили, но в знак особого расположения к грекам Петербург распорядился все деньги, получаемые от пошлины на коринку, возвращать обратно королеве Ольге на её благотворительные дела. На эти деньги, в частности, был построен госпиталь в Пирее для русских моряков. На открытие госпиталя барон Розен получил приглашение от гофмаршальской части. Он стоял с женой у входа и встречал королеву Ольгу, которая прибыла к госпиталю по воде, на русской военной шлюпке в сопровождении своей лучшей подруги леди Эджертон, русского адмирала и нескольких русских дам и офицеров. Барон нашёл, что его достоинство дипломатического представителя России было грубо нарушено, и написал графу Ламздорфу прошение о переводе его из Афин. Он поручил миссию временному поверенному и уехал из греческой столицы. Николай II и Ламздорф этот шаг не одобрили, император попросил графа успокоить барона, но Розен проявил упрямство и в Афины возвращаться не пожелал. В это время посла в Японии А. П. Извольского перевели в Копенгаген, и Розен вернулся на своё прежнее место в Токио.

На страницах этой книги мы ещё встретим имя этого дипломата. Будет, вероятно, уместным проинформировать читателя прямо здесь о последней встрече с ним — уже за пределами Афин и афинского периода. В 1916 году Р. Р. Розен в составе делегации Государственной думы (Протопопов и др.) приехал в Англию, чтобы

говоры с японцами. Аналогичную роль и с тем же «успехом» Розену пришлось играть накануне Первой мировой войны. Уже в разгар военных действий он призывал Сазонова, а потом и Керенского заключить с немцами мир, за что ему потом в эмиграции союзные державы отказывали в визе. Ему с трудом удалось въехать в США, где в 1922 году он трагически погиб, попав под автобус в Нью-Йорке.

дать понять англичанам, что Россия не изменит своему союзническому долгу и будет продолжать военные действия с Германией. По прибытии в Лондон выяснилось, что у делегации не было руководителя, что по чисто протокольным соображениям вызывало некоторые неудобства. Посол Бенкендорф своей властью назначил главой делегации Романа Романовича как самого старшего и по званию, и по рангу, и по дипломатическому опыту. Когда Розен вернулся из посольства в гостиницу и объявил о решении Бенкендорфа, среди делегатов начался невероятный ажиотаж, все кричали, что это несправедливо, что нужно было выбрать русского, а не какого-то «инородца» Розена. Дипломат молча покинул это сборище «демократов» и «борцов» за народное счастье и больше себя членом делегации не считал. Он был человеком чести и принципа.

...На место Розена посланником в Афинах был назначен советник посольства в Константинополе Юрий (Георгий) Николаевич Щербачёв — также интересный и умный человек, получивший доступ к дипломатической карьере благодаря Александру III, которому дипломат приглянулся за истинно русский внешний облик. Вся жизнь посланника до Афин делилась на две части: первую половину её он провёл на своём украинском хуторе, а вторую — в посольстве в Константинополе. Согласно тогдашним дипломатическим обычаям, должность посла не была уж такой привлекательной, потому что жалованье его было недостаточным, а представительские расходы нужно было вести за собственный счёт.

Ю. Н. Щербачёв к состоятельным людям не относился, давно уже заложил и перезаложил своё украинское имение и вёл скромный образ жизни. По мнению Соловьёва, он вёл жизнь Диогена, ходил в чёрном потёртом сюртуке с суковатой палкой в руке. Он обитал в верхних комнатах миссии, где единственной мебелью в спальне были узенькая железная кровать, крошечный умывальник, над ним — осколок зеркала, а в столовой — колченогий стол и набор разнокалиберных стульев. Со стороны его можно было принять за русского провинциального барина средней руки. Но зато он был трудо-

любив и усидчив, а также, в отличие от Розена, внимателен к местному двору и умел на свои скромные средства «закатывать» пышные приёмы. К тому же он слыл большим хлебосолом и приглашал к себе обедать всех младших дипломатов миссии — таков был патриархальный обычай, заведённый в Константинопольской миссии.

Ю. Н. Щербачёв любил рассказывать своим подчинённым о своей юности. Так, он вспоминал, что самолично переписывал Сан-Стефанский договор, а затем сопровождал графа Игнатьева с текстом договора в Петербург. В коридорах Министерства иностранных дел атташе Щербачёв встретил Гамбургера, «присяжного остряка» из окружения князя А. М. Горчакова и единственного дипломата-еврея в дипломатическом ведомстве.

— Вы переписывали Сан-Стефанский договор, — пошутил Гамбургер, — а крепко ли вы его сшили?

Патриархальность царила и на рабочем месте Щербачёва. В своём кабинете он устроил фактически вторую канцелярию миссии, где работали его дочь и... её гувернантка. Здесь же размещался его частный архив, включавший, между прочим, коллекцию визитных карточек, когда-либо вручённых ему, и многие десятки дипломатических паспортов, по которым он когда-либо ездил. Перед отправкой диппочты — аврального «момента истины» для дипломатов всех времён и народов — в кабинете начиналась настоящая «дипломатическая страда». Сам посланник в ночном костюме, то есть пижаме или халате, с самого утра сидел за столом и правил донесения своих подчинённых. Правка всегда была излюбленным делом русских начальников, а у Щербачёва — в особенности. Соловьёв пишет, как однажды ему во время приёма в турецкой миссии принесли от Щербачёва записку, в которой значилось: «Если Вы ещё не переписали той депеши, которую я Вам отдал утром, то замените на четвёртой странице слова “а также” словами “равным образом”».

Пишущие машинки тогда ещё не появились в дипломатическом обиходе, так что все донесения приходилось писать от руки. Младший дипломатический персонал переписывал тексты, составленные старши-

ми дипломатами. Нужно было вырабатывать хороший почерк, потому что донесения читались самим императором, считавшим дипломатические отношения своей неперменной обязанностью и своим «участком» работы. У Николая II, читавшего почти все дипломатические письма, была неплохая память. Как-то на приёме, вспоминает Соловьёв, император спросил его:

— У вас в миссии есть какой-то необыкновенный почерк с крючками?

Николай II на понравившихся отчётах делал и лестные, и критические замечания в адрес автора, причём царская хвала до того, как правило, не доходила, а вот «втыки» курирующие работу миссий чиновники Министерства иностранных дел непременно доводили до их сведения. Как-то 1-й секретарь Афинской миссии Смирнов забыл подписать всю почтовую экспедицию, на что граф Ламздорф не преминул среагировать замечанием: «На ваших донесениях государю императору благоугодно было начертать: “Не подписано”».

В Пирей на турецкой яхте «Иззеддин» приплыл по пути из гостей у султана домой князь Черногории Николай, с которым Соловьёв, исполняя обязанности временного поверенного в делах, познакомился официально впервые. Князь Николай был щедр и наградил русского дипломата своим орденом. Вряд ли черногорец предполагал тогда, что судьба снова сведёт его с этим человеком.

Зимой 1904/05 года в русскую миссию из МИД пришла эзоповская телеграмма с просьбой оказать неким секретным агентам содействие в выполнении их важного задания. Скоро в Афинах появились сами агенты: капитан 1-го ранга Брусилев, представлявший Морское министерство, возглавляемое бездарным и скандально известным интриганом великим князем Александром Александровичем, и некто Флинт, от Главного управления по делам торгового мореплавания и портов, возглавляемого великим князем Александром Михайловичем. В задачу этих лиц входила покупка на греческий флаг нескольких военных кораблей в Чили с последующим их включением в состав ВМС России (дело было накануне Цусимского сражения).

Как обнаружилось, эмиссары ни в коммерции, ни в мореплавании не разбирались вовсе. До Афин они провели безуспешные переговоры в Константинополе. Истратив там понапрасну массу денег на подкупы и подходы к нужным лицам, эти секретные агенты в сопровождении помощника военного агента в Османской империи прибыли теперь в столицу Греции.

Секретная миссия была похожа на фарс. Соловьёв пишет, что Брусиллов выдавал себя за француза Бланкара, но по-французски не говорил ни слова. Именно поэтому, вероятно, ему в помощь был дан личный секретарь Александра Александровича француз Коттю, который для пущей конспирации прибыл в Грецию под фамилией Котюрье. Флинт, гражданин США, бывший гувернёром в какой-то русской семье, по всей видимости, считался у Александра Михайловича большим военно-морским специалистом и докой по части коммерции.

В центре этой опереточной «труппы» стал местный банкир Георгиадис. Греки любят будущее время, а потому много обещают и мало что делают в исполнение своих обещаний. Получив аванс в размере 400 тысяч драхм, Георгиадис пообещал для содействия проектам Брусиллова и Флинта (каждому в отдельности) при необходимости привести в действие не только земные, но и потусторонние силы, в том числе свергнуть греческое правительство, если оно откажется взять на себя труд помочь православному русскому воинству.

Начались конспиративные встречи, интенсивная переписка агентов с Петербургом, от которой у дипломатов миссии волосы на голове встали дыбом. Ответственный за шифры Соловьёв узнал, что Брусиллов и Флинт дали грекам в обмен на их услуги необыкновенные обещания: находившийся под международной оккупацией остров Крит и соседнюю Македонию! В Афинах дело с покупкой чилийских кораблей тоже не выгорело, и довольным в результате оказался лишь один Георгиадис.

...Проработав в Греции почти шесть лет, Соловьёв был переведён 1-м секретарём в Цетинье, столицу Черногории. Он оставлял в Афинах свою жену и родившихся там двух дочерей, пока не устроится на новом месте. В проводах дипломата 9 января 1905 года при-

няли участие гофмаршал греческого двора, греческие друзья и коллеги-дипломаты. Накануне он был принят королём и королевой, а также всеми членами королевской фамилии. Королева Ольга Константиновна смотрела на Соловьёва как на революционера, потому что он на прощальной аудиенции высказал мысль о необходимости дарования России конституции. Тем не менее его наградили греческим орденом и подарили фотографии со своими подписями. Королевская аудиенция хорошо запомнилась дипломату, потому что в её ожидании ему пришлось провести много времени в нетопленном зале и побегать, чтобы согреться.

Глава восьмая

В стране, где протекают крыши

*Императору — столицы,
барабаничику — снега.*

М. И. Цветаева

Если в Афинах дипломату пришлось немного помёрзнуть, то в Черногории, как мы увидим, ему пришлось помокнуть.

Черногория в конце XIX века, без сомнения, была самым захолустным местом в Европе. Если Афины считались задворками Европы, то столица Черногории Цетинье в 1900-е годы считалась настоящей дырой. Соловьёв ехал к месту назначения с плохо скрываемой тревогой, находясь под впечатлением фразы, сказанной в Афинах итальянским посланником Болатти. Узнав, что русский дипломат принял назначение в Черногорию, итальянец воскликнул:

— Да вы с ума сошли!

Соловьёву не повезло (или очень повезло) с самого начала: пароход, курсирующий между Корфу и Каттаро*, на который он заказал билет, потерпел крушение у берегов Албании. Следующий пароход должен был пойти в Каттаро через восемь дней, а в кармане дипло-

---

* Город на далматинском побережье Адриатического моря.

мата лежала телеграмма из Петербурга, требующая его немедленного прибытия в Цетинье. Поэтому он решил плыть до итальянского порта Бриндизи, а оттуда добраться до Бари. Стояла необыкновенно холодная зима, и в Бари было морозно, на море бушевал шторм, а потому отплытие парохода задержали на неопределённое время. В гостиничном номере дипломат тоже не нашёл тепла, потому что отопление предусмотрено не было. Принесли средневековое средство обогрева — жаровню, но от неё теплее в номере не стало, зато Соловьёв тут же угорел, и жаровню пришлось убрать. Прошло три дня, прежде чем он смог продолжить путешествие, а пока решил заняться осмотром местных достопримечательностей. Русского консула в городе тогда ещё не было. Он появится позже*.

В Каттаро прибыли поздно вечером. Переход по морю был тяжёлым из-за сильного шторма. Как только пароход пришвартовался, в каюту дипломата постучали. Пришёл *кавас* — лицо, соединяющее функции телохранителя, курьера и соглядатая, — высланный для встречи Соловьёва российским посланником в Цетинье. Кавас, в живописном черногорском костюме, назвал себя почти библейским именем Иово и сообщил дипломату неутешительную весть, что ввиду снежных заносов выехать в Цетинье пока не представляется возможным. На расчистку дороги высланы солдаты черногорской армии, но сколько времени им понадобится на это, с учётом их численности и высоты заносов, никто не знал.

Вынужденное сидение в Каттаро длилось два дня. Дорогу, наконец, расчистили, пришёл кавас Иово и сказал, что можно ехать. Балканские «удобства» не шли ни в какое сравнение с комфортной «монгольской» почтой: Соловьёву, вместо саней, заложили старую рассохшуюся то ли коляску, то ли телегу, то ли арбу и в ней повезли дипломата к горному перевалу. На самой его вершине проходила австро-черногорская граница, о чём свидетельствовали два покосившихся столба с государствен-

---

* Позже Палестинское общество России построит в Бари и русскую церковь, и странноприимный дом для русских паломников — тот самый, который весной 2007 года итальянское правительство во время визита туда президента В. В. Путина вернёт в собственность России.

ными гербами. Нерасчищенная дорога, по которой, судя по всему, редко ступала нога человека, пролегла через австрийскую территорию. Испытания продолжились. Предусмотрительный Иово захватил с собой три лопаты, и Соловьёв вместе с кавасом и кучером провёл два часа в борьбе со снегом. Они прорыли в нём траншею и кое-как проехали дальше. С трудом добрались до первой черногорской деревни Негош, принадлежавшей черногорской княжеской семье. В нетопленной избе-гостинице промёрзшие путники кое-как пообедали, а отогреться залезли... в камин с тлеющими углями.

Вечером добрались до Цетинье, где Соловьёв переночевал в лучшей и единственной *локанде*, то есть гостинице, в которой протекали крыша и потолки, а в 22.00 он вошёл в уютный кабинет посланника А. Н. Щеглова. От него-то и узнал о причинах срочного вызова в Цетинье: русская миссия лишилась сразу двух дипломатов — самого посланника Щеглова и предшественника Соловьёва 1-го секретаря фон Мекка. Их обоих отправили в отставку, и Соловьёву поручалось руководство миссией. Причиной увольнения дипломатов послужила возникшая буквально на ровном месте ссора, что красноречиво свидетельствовало об убогости окружавшей их обстановки и страшной скуке. Черногорская «глушь» и идиотизм провинциального образа жизни вызвали беспричинную раздражительность и нетерпимость друг к другу, что привело к неразрешимому конфликту двух культурных людей.

История произошла следующая.

Щеглов проживал с фон Мекком в одном казённом доме, специально построенном для нужд миссии. Дети одного из слуг, игравшие на чердаке дома, бросили в расширительный бак водопровода тряпку, отчего водопровод засорился и перестал действовать. Фон Мекк был лишён возможности принимать ванну и потребовал для починки труб взломать пол в кабинете Щеглова. Посланник с этим не согласился, и Мекк отправил в Петербург клерную — незашифрованную — телеграмму с жалобой на посланника и просьбой об отставке из-за несносного характера начальника. Падкие на всякого рода интриги черногорцы перехватили телеграмму

и показали её Щеглову, который, во имя сохранения своего престижа, дал в Петербург свою тоже клерную телеграмму с просьбой уволить фон Мекка из Министерства иностранных дел. Центр сделал посланнику внушение о неуместности выносить сор из избы, тогда Щеглов встал в позу и тоже запросился в отставку. Обе отставки были приняты, и в итоге в миссии не осталось ни одного дипломата.

Через десять дней Щеглов с фон Мекком уехали, оставив на Соловьёва и миссию, и сам дом с водопроводом. В наследство временному поверенному достались также слуга Щеглова с сорванцами-детьми, два каваса и драгоман Ровинский, глубокий старик, проживший почти всю жизнь в эмиграции народоволец, отличный славист, но совершенно непригодный для дипломатии, хотя его труды в это время регулярно печатались в Академии наук России.

Попутно заметим, что лучше бы фон Мекк навсегда остался в Черногории, потому что именно ему Россия обязана тем, что российская императорская супружеская чета скоро «ударилась» в «беспробудную» мистику. После отставки «свихнувшийся» в Черногории фон Мекк поехал в Европу читать лекции о спиритизме, встретил там французского мясника Филиппа Низье-Антельм-Вашо (1830—1905) и представил его княгиням-черногоркам, а те в 1902 году ввели его под видом «кудесника» в царский дом. Филиппу от имени Военного министерства России присвоили степень доктора медицинских наук, а царь Николай одарил его чином действительного статского советника. После «кудесника» Филиппа в царском доме появился и Г. Распутин. Вот так маленькая черногорская склока между двумя дипломатами крайне неудачно отразилась на судьбах всего русского народа!

В маленькой, но гордой Черногории всё было фарсом: и местный княжеский двор, и власти, и дипкорпус, и черногорская столица, и сама жизнь в ней. Взять хотя бы здание русской миссии. Оно было построено по эскизам итальянца — хорошего художника, но отвратительного архитектора. Он превосходно расписал стены и украсил интерьер дома, более похожего на театр, нежели на дипломатическое представительство,

но сконструировал такую крышу, что она совершенно не держала воды, так что дорогие паркетные полы то и дело заливало водой. Даже в зале для приёма гостей постоянно стояли вёдра. Впрочем, протечки крыш и потолков были характерной особенностью всех домов черногорской столицы.

Соловьёв перебрался из гостиницы в нижний этаж миссии (в верхних этажах жить из-за протечек было просто невозможно) и в тот же день познакомился с французским коллегой, поверенным в делах, Прево. Прево попал в Цетинье прямо из Парижа, так что контраст для него был ещё более резким. Кроме протечек в номере локанды, в результате которых его кровать была залита потоком грязной воды, у него развалилась железная печь, и он едва не угорел до смерти. К тому же у него украли серебряные вещи, что мало согласовывалось с черногорской честностью, так разрекламированной туристским справочником «Бедекер». Знакомство с французским коллегой длилось недолго, потому что временный поверенный в делах Франции не выдержал и скоро сбежал в Рагузу. Рагуза была европейской дырой чуть получше.

По-видимому, в Цетинье иностранные миссии возглавлялись исключительно вторыми лицами. Болгарской миссией руководил временный поверенный Ризов. Вопрос с цетинской скукой он решил кардинально раз и навсегда, женившись на дочери управляющего гостиницей Вулетича, личного агента князя Николая Черногорского. Князь и был истинным владельцем дырявой локанды. Соловьёв и появившийся после бегства Прево французский посланник граф Серсэ выступили на свадьбе Ризова в качестве друзей. Согласно местному обычаю они явились в дом Вулетича и вручили ему *вено* — выкуп за невесту. Дипломаты положили в стакан несколько золотых монет, а потом отдали дань ожидавшему их угощению.

Ризов, большой русофил и революционер, в Болгарии был приговорён к смерти за участие в антиправительственном заговоре и едва избежал петли. Став дипломатом и временным поверенным в Константинополе, он отблагодарил прокурора, требовавшего его

смертной казни, выхлопотав ему турецкий орден. Когда в Цетинье пришло известие о смерти великого князя Сергея Александровича (от бомбы Каляева), Ризов в присутствии всего дипкорпуса и чинов местного дипломатического ведомства восхищённо воскликнул:

— Какой ловкий удар!

Русскому поверенному пришлось реагировать на этот неуместный выпад фразой:

— Вы так любите Россию и так с ней сроднились, что я вполне понимаю, что у вас о каждом событии в России может быть своё особое мнение.

Впрочем, инцидент не имел никаких последствий, Соловьёв сохранил с Ризовым дружеские отношения, и болгарин, как пишет русский дипломат, «будучи весьма хорошо осведомлён, доставлял мне постоянно весьма интересные сведения».

Перед своим отъездом из Черногории Щеглов представил Соловьёва князю Николаю, правившему к этому времени страной уже четвёртый десяток лет. На фигуре князя стоит остановиться особо. Соловьёв пишет, что в нём пропал великий актёр. На не знавших его людей князь Николай (по-сербски Микола) производил сильное впечатление. Притворяясь простым и добродушным человеком, он на самом деле был хитёр, как тысяча лис, а как политик прошёл через огонь, воду и многие километры медных — кажется, в основном канализационных — труб. Его корыстолюбие уступало лишь его вероломству, он с успехом прикладывался к соскам сразу двух коров — России и Франции — и прекрасно владел языками обеих держав. Он учился во Франции, но преднамеренно насыщал свою речь простонародными сербскими выражениями, поддельываясь под тон простого черногорца. Стараясь и выглядеть таковым, он носил черногорский национальный костюм и не снимал *капицы* (шапочки) даже в помещении.

Этот черногорский Нерон с ухватками Ивана Грозного со своими подданными обходился, мягко говоря, бесцеремонно. Без всякого суда он посадил в тюрьму своего гофмаршала, а потом, после нескольких лет заточения, назначил его первым министром. Министры были для него такие же слуги, как кавасы или *перядники*

(телохранители). Они подавали ему платок, подсаживали в седло, подносили еду и напитки, сметали пыль с сапог.

Любимым занятием черногорского князя была политика. Он искусно ссорил дипломатов между собой, а потом поочерёдно и не менее искусно выпытывал у них нужные сведения. Самым неприятным для него испытанием был дружный дипломатический корпус. Политика князя Миколы вертелась вокруг трёх объектов: России, Австро-Венгрии и Италии. В действительности же России в Черногории с её 250-тысячным населением делать было абсолютно нечего, кроме удовлетворения панславистских завихрений в умах членов некоторых кружков Петербурга и Москвы. Союзные же Вена и Рим имели в Цетинье вполне реальные интересы, соперничая между собой за влияние на Адриатическом море. В Петербурге тешили себя надеждами, что в лице князя Миколы Россия имеет верного вассала, и платили ему за это ежегодными субсидиями в размере двух миллионов рублей. Деньги должны были идти на содержание черногорской армии (князь Микола убедил Александра III, а потом и Николая II в том, что «в случае чего» выставит 50 тысяч солдат), но на самом деле попадали в личный карман князя. Никто не контролировал его и не спрашивал, куда и на что идут русские деньги, а между тем он неустанно хлопотал об увеличении субсидии, действуя через своих дочерей-смолянок, прирождённых интриганок, удачно выданных за братьев — великих князей Николая и Петра Николаевичей*. Начнутся Балканские войны, за ними — Первая мировая война, и тогда князь Черногории с большим мастерством сыграет в них свою неприглядную роль, несопоставимую с размерами и политическим весом своего княжества, в котором дырявыми были крыши всех или почти всех домов...

---

* Третья дочь Миколы была выдана замуж за итальянского короля Виктора-Эммануила III, а старшая Зорка — за сербского князя, а потом короля Сербии Петра Карагеоргиевича. Виктор-Эммануил III познакомился со своей черногорской женой в Москве во время коронации Николая II и посетил своего тестя в Цетинье лишь один раз. Княжеский двор черногорского князя был фактически главным штабом закулисных махинаций и интриг, осуществляемых с помощью верных дочерей князя сразу в четырёх державах. Особенно бесцеремонно вёл себя князь Микола в Сербии.

...При первом свидании с новым руководителем русской миссии князь Микола по обыкновению изобразил глубоко преданного России и царю человека.

— Для меня существуют лишь приказания русского императора, — с большим пафосом произнёс он. — Мой ответ всегда одинаков: «Слушаюсь!»

Напомнил он и о знаменитом тосте, произнесённом Александром III на приёме в честь «черногорского васала». Миротворец назвал тогда Николая Черногорского своим «единственным искренним другом». Вряд ли император питал какие-нибудь иллюзии в отношении этого «друга» и, скорее всего, сказал эти слова по чисто дипломатическим соображениям.

Спустя некоторое время черногорскую столицу опять занесло снегом, и в течение недели никакой связи с внешним миром не было. С Чёрной горы в Каттаро за почтой могли спуститься только кавасы. Начали расти цены на продукты питания. По обыкновению на расчистку снега была брошена черногорская армия. Зимой в Цетинье дипломатам делать было нечего — сам князь покидал свою столицу и уезжал на Скутарийское озеро. Заблаговременно разъезжались и дипломаты: кто — в Италию, кто — домой, только русского поверенного не отпускали неотложные дела. Он встречался с министром иностранных дел Гавро Вукотичем, к нему приходил военный министр (военного агента Россия в Черногорию почему-то не назначила) за субсидией, которая переводилась частями из австрийского банка в австрийских кронах (своего банка князь Микола не имел). «Помнится, что эти передачи для меня были неприятны, так как я не мог отрешиться от мысли, что деньги эти тратятся совершенно понапрасну», — вспоминает Соловьёв.

Не выдержав скуки и одиночества, русский поверенный в делах тоже сбежал к своему коллеге вице-консулу в Скутари. Туда вела дорога, окружённая со всех сторон чёрными скалами (отсюда и название страны), а Скутарийское озеро нужно было пересечь на пароходике, капитан которого, узнав, что на борту находился русский дипломат, приказал поднять российский флаг. Албанский город Скутари тогда ещё входил в состав Осман-

ской империи, и турки встретили Соловьёва с почётным караулом, а вице-консул настоял на том, чтобы тот нанёс визит местному генерал-губернатору — толстому турецкому паше.

Албанцы ходили в живописных национальных костюмах, все мужчины сплошь и рядом были вооружены до зубов и носили патронташи, набитые патронами. По местным обычаям русский вице-консул был одет в военный мундир и, идя по улице, то и дело прикладывал руку к козырьку, отвечая на приветствия. Албанцы принимали его за местное начальство и проявляли по отношению к нему соответствующее почтение и внимание. «Эти неестественные взаимоотношения между нашими консулами в Турции и местным населением, находившие объяснение в расширенном толковании царским правительством консульских прерогатив на Востоке, вызвали в Турции последовательное убийство двух русских консулов», — замечает в своих воспоминаниях Соловьёв.

Весной в Цетинье стало немного веселей. К Соловьёву приехала семья, словно пернатые, «слетались» и дипломаты. Приятным сюрпризом стало появление французского посланника графа Серсэ, с которым восемь лет тому назад Соловьёв расстался в Пекине. Возобновление таких знакомств на чужбине и особенно в таком захолустье, как Цетинье, приобретает особое значение. Вернулись домой князь Николай и его два сына — Данило и Мирко. Первый княжич был женат на немке, герцогине Мекленбург-Стрелицкой, а второй на сербке, урождённой Константинович. Политические роли между сыновьями Николая Черногорского тоже были поделены с «умом»: Данило выдавал себя за австрофила, а Мирко, по выражению Соловьёва, был присяжным сторонником России. Во время Первой мировой войны братья поменяются ролями: Данило станет ярым приверженцем Антанты, а Мирко — твёрдым сторонником Тройственного союза.

Дуайеном маленького цетинского дипломатического сообщества был турецкий посланник Февзи-паша, проживший в Черногории уже одиннадцать лет. Блистательная Порта отказывала своим дипломатам в отпусках, и

Февзи-паша исчезал из Цетинье потихоньку, договорившись предварительно с министром иностранных дел Черногории, чтобы в случае запроса из Константинополя дать правильный ответ. Аккредитованных в Черногории англичан не было, и в Цетинье время от времени приезжал советник из британского посольства в Риме. Впрочем, и те немногочисленные дипломаты, которым выпало работать в Черногории, размещались в её столице с большим трудом. Лишь русские и австрийцы имели собственные здания для своих миссий, остальные ютились в тесных частных черногорских домах, в которых, естественно, протекали крыши. Когда король и королева Италии прислали в свою Черногорскую миссию собственные портреты, то они не поместились в представительской комнате из-за низких потолков, и рамки пришлось подпиливать. Дипломатия в Черногории требовала больших жертв от искусства!

Общение между дипломатами было упрощено до предела, все находились со всеми в хороших отношениях, что особенно не нравилось князю Миколу. Всё, что князь конфиденциально нашёптывал итальянскому или болгарскому посланнику, тут же становилось известно французам или туркам. Понятное дело, вести настоящую игру князю в таких «тяжёлых» условиях было просто невозможно. И тогда князь прибегал к одному из излюбленных приёмов: как только ему доносили, что господа дипломаты собрались у кого-нибудь на партию бриджа, он неожиданно посылал за ними перьядника и приглашал всех дипломатов к себе в дом на приём. Игру приходилось прерывать, и господа дипломаты отправлялись вслед за перьядником к князю. Отказываться от приглашения было и опасно, и неудобно. Князь предлагал продолжить игру, сам брался за карты, но поскольку играл он из рук вон плохо, то кому-нибудь из дипломатов приходилось стоять рядом и помогать ему. Во время игры он мог отпустить шутку:

— Если я проиграю, то за меня платит Соловьёв — Россия так часто за меня платила.

Так цинично он демонстрировал на публике свою «независимость» от Петербурга. Встречаясь же с Соло-

вьёвым с глазу на глаз, князь Микола не переставал делать заверения в своей преданности России.

— Я считаю себя более русским, нежели все русские вместе взятые, — заявил он однажды.

— В таком случае прошу ваше высочество считать меня немножко черногорцем, — дипломатично ответил Соловьёв.

Иногда на своих приёмах князь устраивал танцы, и тогда сам выходил танцевать сербский танец «коло», в котором вёл за собой весь хоровод. Что и говорить: князь Микола являлся колоритной и даже харизматичной личностью!

Из русской малочисленной колонии в Цетинье можно упомянуть энергичную Софью Петровну Мертваго, устроившую для черногорских девиц нечто вроде Смольного института, кстати, единственного в Цетинье нормального учебного заведения. Ещё на русские деньги содержалось военное училище.

Софья Петровна пользовалась у своих воспитанниц непререкаемым авторитетом. Так, она запретила дочери министра иностранных дел Гавро Вукотича выходить замуж за влюблённого в неё товарища министра Мартиновича, и последний ничего не мог с этим поделать. Он однажды заявился в русскую миссию и пригрозил при первой же встрече... плюнуть Софье Петровне в лицо. Соловьёв попытался успокоить взвинченного влюблённого и выразил надежду, что тот ни за что не посмеет оскорбить женщину. Он знал, что у черногорцев было принято плевать в лицо врагу, но чтобы унижить даму...

— Госпожа Мертваго носит титул превосходительства, и потому я не могу считать её за даму, — возразил товарищ министра.

Это свидетельствовало о том взгляде, который был принят в черногорском обществе на слабый пол. Женщины там выполняли самую тяжёлую работу, их часто использовали в качестве обычных вьючных животных. Если в армии нужно было перенести какую-нибудь тяжесть, то возникал спор, кого надо нанять: «жено или осла». На горных дорогах княжества часто можно было наблюдать такую сцену: черногорец шагает налегке

с одним ружьём на плече, а за ним, сгибаясь под непосильной ношей, плетётся «жено».

Пребывание Соловьёва в «дружественной» Черногории длилось всего чуть больше четырёх месяцев и закончилось самым нелепым и неожиданным образом. Князь Микола отправился на лечение в Карлсбад и оставил на княжестве старшего сына Данило. С ним у русского поверенного уже до этого произошёл неприятный эпизод — естественно, из-за денег. Среди многочисленных субсидий княжеству значились и 10 тысяч рублей княжичу Данило, пересылаемых по особой ведомости, в которой указывалось: «на известное его императорскому величеству назначение». И лишь в особом же препроводительном письме к ведомости говорилось, что деньги предназначались для Данило. Согласно заведённому порядку, получив деньги, Соловьёв уведомил об этом адъютанта княжича, но вместо адъютанта за «пособием» явился камердинер княжича. Соловьёв вполне справедливо нашёл такое поведение княжича оскорбительным для чести и достоинства миссии и деньги лакею-немцу не выдал. Получалось, что княжеская семья смотрела на русские субсидии, как на своего рода дань. Он попросил драгомана Ровинского вручить царские деньги под расписку самому получателю субсидии, что тот и выполнил. Данило затаил на Соловьёва злобу.

В мае 1905 года пришло печальное известие о гибели русского флота под Цусимой. Ни соболезнования, ни сочувствия от княжеского двора не последовало. Княжич Мирко неофициально посетил русскую миссию, а черногорский митрополит Никифор предложил отслужить по погибшим морякам панихиду. Но княжич-регент Данило панихиду запретил, а в кругу многих лиц выразил восхищение храбростью и искусством адмирала Того.

Через пару дней после Цусимы Данило пригласил дипкорпус на открытие табачной фабрики, построенной итальянцами. Соловьёв в довольно сухой форме от приглашения отказался. Данило протелеграфировал отцу в Карлсбад, требуя разрешение на отзыв из Цетинье русского поверенного в делах. Князь Микола посетил русского посла в Вене Капниста и предъявил ему

странный ультиматум: либо Соловьёв будет отозван, либо он, князь Черногории, в свою страну не вернётся. Петербург, как это часто случается с нашими правителями, проявил мягкотелость и излишнюю уступчивость, и Соловьёву было предложено «по делам службы» выехать в Петербург, оставив миссию на вице-консула в Скутари Лобачёва.

Вернулся с лечения князь Микола и дал прощальную аудиенцию опальному русскому дипломату. Оба делали вид, что ничего особенного не произошло. Позже Соловьёву от графа Серсэ станет известно, что князь выражал сожаление по поводу необдуманных своих действий в Греции, где он наградил Соловьёва черногорским орденом, но отнять орден не решился.

Несмотря ни на что, русский дипломат был доволен, что его пребывание в «чересчур своеобразном» Цетинье не слишком затянулось. Когда Соловьёв по пути в Петербург заехал в Будапешт, то выяснил, что слухи о его конфликте с княжеским домом Черногории уже опередили его. В Европе однозначно осудили действия черногорского дома и придали инциденту политический смысл. Такая известность имела как положительную, так и негативную сторону. Из-за деликатности Соловьёв наложил на себя печать молчания и событие никак не комментировал. Дипломат — человек государственный и личные эмоции должен в подобных случаях держать при себе.

Не так посмотрели на всё это на берегах Невы. «В Петербурге меня приняли кисло-сладко, — пишет Соловьёв, — заявив, что временно я не должен возвращаться в Черногорию». Вряд ли дипломат встретил такое заявление с сожалением, тем более что его карьеру, слава богу, не прервали. Однако Министерство иностранных дел и министр Ламздорф, пасующие перед всякого рода интригами и склоками, в защиту дипломата, отстаивавшего честь и достоинство страны, открыто выступить не решились. Ведь адвокатами князя Миколы и княжича Данило выступили влиятельные сёстры-черногорки. Как всегда, начальство в подобных ситуациях пожертвовало «стрелочником».

Продолжая числиться секретарём миссии в Цети-

нье и не поступив ещё в распоряжение Министерства иностранных дел, Соловьёв поехал в своё имение под Варшавой, где к нему вскоре присоединилась жена с детьми. Она рассказала, что отношение к ней после отъезда мужа со стороны черногорского двора и особенно дипкорпуса было отменным. Княжич Мирко прислал с ней подборку газетных вырезок, в которых описывался конфликт русского дипломата с местным двором.

В Цетинье был назначен новый посланник Максимов, бывший первым драгоманом в Константинополе, который при первой же беседе с князем изложил желание МИД о восстановлении Соловьёва в должности 1-го секретаря миссии в Цетинье. Князь Микола решительно запротестовал против этого, утверждая, что тот в течение своего пребывания в Черногории проявлял диктаторские замашки, что из-за него имя его сына Данило попало в прессу и что он напишет обо всём императору Николаю II. Князя поддержали сынок и министр иностранных дел Вукотич. В такой ситуации Ламздорф отступил, и «инцидент с Соловьёвым» потихоньку свели на нет. А между тем дело было сугубо политическое, и речь шла не об обиде, нанесённой дипломату, а о чести и достоинстве России.

Пассивность Министерства иностранных дел и министра в черногорском деле вышла Ламздорфу боком. Мало того что на него свалили ответственность за дальневосточную авантюру (что было несправедливо), но теперь ему припомнили инцидент с грубым и циничным поведением князя Николая Черногорского и его сына Данило по отношению к русскому дипломату (что было вполне справедливо). Отставка графа была предreshена.

...А русские субсидии Черногории продолжали аккуратно выплачиваться вплоть до Первой мировой войны. В войну княжество вступило первым, так и не успев починить крыши своих домов. Князь Микола своей безответственностью ещё много попортит нервов и государю императору, и его дипломатам.

Случаи, когда русским дипломатам не удавалось «срабататься» с местным правительством или отдельными

его представителями, в дипломатической практике не такие уж и редкие. Как правило, они заканчивались не в пользу дипломата. Его начальники на Певческом Мосту предпочитали пожертвовать сотрудником, нежели рисковать расстроить отношения с каким-нибудь зарвавшимся европейским хамом. Так, к примеру, получилось в своё время с советником русского посольства в Вене А. М. Горчаковым. Его самостоятельная и принципиальная линия, направленная на защиту интересов России, не понравилась министру иностранных дел Австрии князю Меттерниху. Последний пожаловался на Горчакова графу Нессельроде, и Карл Васильевич, души не чаявший в австрийском дипломате, отозвал Александра Михайловича домой.

В знак протеста Горчаков в июле 1838 года подал в отставку, но уже в октябре 1839 года был восстановлен на службе в том же чине статского советника. В одной из своих бесед с Бисмарком он как-то сказал: «Если я выйду в отставку, я не хочу угаснуть, как лампа, которая меркнет, я хочу закатиться, как светило».

Но Соловьёв был не той фигурой, чтобы рассчитывать на такой исход — он был маленьким светильником, который могли задуть, даже не заметив этого.

Глава девятая *Бухарест (1906—1908)*

*Сия пустынная страна
священна для души поэта.*

А. С. Пушкин

И снова мы отправимся вслед за Соловьёвым — теперь уже в Румынию.

Новое назначение вполне его устраивало, потому что оно показывало, что в черногорском эпизоде он косвенно был признан правым. Год пребывания на родине не показался ему уж очень интересным, материальные вопросы были урегулированы, так что снова можно было окунуться в прекрасную атмосферу

новизны и острых ощущений. В сентябре 1906 года он приступил к своим обязанностям второго по рангу человека в Бухарестской миссии — первым был советник М. Н. Гирс, старший сын бывшего министра иностранных дел.

М. Н. Гирс являлся дипломатом старой школы с уклоном в канцелярскую работу. Последние семь лет пребывания отца на посту министра сын фактически был его личным секретарём. Он знал все закулисные тайны ведомства на Певческом Мосту, но за границей выглядел робким и осторожным — даже в беседах с глазу на глаз. Не исключено, что это находило своё объяснение в том, что он был глуховат. На фоне своего предшественника посланника Фонтана, открыто жившего с двумя француженками сразу (что даже для легкомысленного Бухареста было большим перебором), целомудренному Михаилу Николаевичу было легко создать себе великолепную репутацию, а сама русская миссия по своему политическому значению занимала едва ли не первое место во внешнеполитической системе России.

По своему влиянию на Румынию с русской миссией могли конкурировать лишь австро-венгерская и германская миссии. Во главе последней стоял грубоватый, но весьма способный дипломат бисмарковской школы фон Кидерлен-Вехтер, будущий министр иностранных дел. Оставаясь в тени, он энергично способствовал внедрению германской промышленности в экономику страны пребывания и совершенно бесцеремонно обращался с придворными. Кидерлен стал известен в дипкорпусе тем, что назвал двух своих догов именами выдающихся румынских государственных деятелей: Стурдзой и Карлом. Он выходил с ними на прогулку и громко, во всеуслышание, звал их своими именами, вызывая возмущение и недовольство прохожих.

В Румынии уже сороковой год правил Карл I, принц Гогенцоллерн-Зигмарингенский, одновременный родственник давно почивших в Бозе Наполеона III и короля Пруссии Вильгельма I. Он появился в стране, раздираемой борьбой молдаванских бояр с валашскими

и приобрёл богатый опыт по части гибкости и маневрирования. По своим взглядам и убеждениям Карл I так и остался настоящим прусским офицером. Он был прекрасным собеседником, хорошо знал историю и обладал отличной памятью. Королева Румынии Елизавета, немецкая принцесса Вид, тоже была незаурядной личностью — она стала известной писательницей, выступавшей под именем Кармен Сильвы. Королева постоянно находилась в окружении людей литературы и искусства и оставила после себя бесконечное количество забытых теперь стихов и новелл. Находясь в своё время в качестве фрейлины при великой княгине Елене Павловне, она выучилась говорить по-русски. На неё смотрели как на возможную невесту цесаревича Александра Александровича, но претендентка не понравилась ему, и цесаревич женился на датской принцессе Дагмар.

После Русско-турецкой войны 1877—1878 годов к России отошла Молдавия, и хотя Румынию вознаградили за потерю территории другими землями, она постоянно выказывала своё недовольство. Приняв лишь символическое участие в боевых действиях против турок (вместе с двумя нашими полками румынская армия взяла один Гривицкий редут), Румыния выбила медаль по случаю 30-летия падения... Плевны. На ней значилось: «Взятие Гривицы — освобождение Болгарии».

Светская жизнь в Бухаресте была ключом, и Соловьёв с супругой целыми неделями ходили по приёмам либо принимали гостей у себя дома. Бухарест, как пишет Соловьёв, жил по модным образцам эпохи Второй французской империи*. Подражатели, как правило, берут не самые лучшие образцы, и румыны во многом перещеголяли своих французских учителей, в частности, по количеству разводов. Не было ни одного представителя высшего бухарестского общества, который не был бы разведён хотя бы раз. По приезду в Бухарест Соловьёв нашёл на своём столе приглашение на свадьбу, сделанное сразу от восьми лиц — родители жениха и невесты были разведены, но повторно вступили в брак, и теперь

---

* Вторая империя просуществовала во Франции с 1852 по 1870 год.

они вкупе с новыми мужьями и жёнами составили четыре «родственных» супружества. Разведённые супруги совершенно свободно встречались со своими бывшими партнёрами по браку — в противном случае в Бухаресте нельзя было бы устроить ни одного званого обеда. Разведённые имели обыкновение снова соединяться между собой, но тут они встречали препятствие в лице румынской церкви.

В штате миссии находились два секретаря, военный агент, атташе, два канцелярских чиновника и два курьера из местных русских скопцов. Секретари помимо дипломатической выполняли и консульскую работу, поскольку отдельного консульского учреждения в Румынии не было. От своего предшественника С. А. Лермонтова Соловьёву в «наследство» достались запутанные финансовые дела, включая управление зданием миссии, аренду помещений, сдаваемых лавочникам, и строительство русской православной церкви. Кроме того, в распоряжении миссии находилось около одного миллиона рублей, пожертвованных частными лицами на разные благие дела. Все деньги хранились в сейфе 1-го секретаря, поэтому его кабинет был снабжён окованной железом дверью, запиравшейся на внушительных размеров железный замок. Соловьёву постоянно приходилось пересчитывать огромные суммы денег, раскладывать и хранить их в зависимости от происхождения и назначения. Двое его предшественников были уволены со службы за растрату денег, поэтому скопцы-курьеры, отличавшиеся необыкновенной честностью, с известным подозрением присматривались к очередному «начальнику».

Почему же деньги не хранились в банке? Оказывается, на часть этих капиталов предъявило претензии румынское правительство. Одно из пожертвований, сделанное митрополитом Нифонтом и хранящееся в банке, было когда-то секвестровано местными властями. Впрочем, все эти препятствия, оказавшиеся при ближайшем рассмотрении мнимыми, Соловьёву удалось успешно преодолеть, и он всё-таки сдал деньги в банк, переименовав капиталы на вклады с другими обозначениями. Почему до этого недодумались предшествен-

ники Соловьёва, сказать трудно. Вероятно, потому, что деньги, по всей видимости, имели обыкновение «прилипать» к рукам тех, кто их хранил. Это предположение имеет все основания считаться верным, потому что преемник Соловьёва после отъезда нашего героя снова вернул дело с хранением капиталов в «первобытное» состояние. Выходило прямо по Жванецкому: что охраняешь, то и имеешь.

Поясним дело со сдачей в аренду лавок в здании миссии. Некий купец Рефалов пожертвовал деньги на ремонт здания миссии, и Петербург с этим охотно согласился. По условиям жертвования израсходованные на ремонт деньги должны были быть восстановлены за счёт сдачи в аренду помещений миссии восьми лавочникам! Так что Бухарестская миссия была уникальным учреждением, допустив в свои стены представителей местной торговли. Это на много лет предвосхитило нашу постперестроечную практику со сдачей в аренду зданий кинотеатров, НИИ и прочих госучреждений.

В 1906—1907 годах в миссию стали обращаться «Потёмкины» — матросы с мятежного броненосца «Потёмкин», получившие в Румынии политическое убежище. Их было около 700 человек, и первое время румыны использовали их на сельскохозяйственных работах. Но вскоре многие из них работу потеряли и захотели вернуться на родину. Каждый день на приём ко 2-му секретарю миссии приходили по несколько человек. Дипломаты говорили морякам, что в России их ждёт суд, но большинство отвечали, что готовы на всё, лишь бы вернуться домой.

Румыния имела общую границу с Россией, и от этого объём работы дипломатов лишь увеличился. Пограничные дела доходили до курьёзов. Однажды в миссию в русской полицейской форме заявился становой пристав из русской Бессарабии. Он прибыл в Румынию по приказанию своего исправника, преследуя убийцу, скрывшегося на румынской территории. Становой, нисколько не смутившись возможными дипломатическими последствиями, не прерывая погони, нелегально пересёк русско-румынскую границу, добрался до Бухареста и потребовал в русской миссии содействия в ро-

зыске и передаче ему убийцы. Он был крайне удивлён ответом, что выдача преступника может иметь место только после дипломатических консультаций с местным министерством иностранных дел. Становой так разволновался, что потребовал от Соловьёва письменного подтверждения в пользу такого развития событий, что дипломат и сделал, внося соответствующую запись на первой странице уголовного дела, которое становой прихватил с собой из России.

Немало курьёзов происходило и с русскими подданными, оказавшимися за границей без денег и просившими миссию о вспомоществовании. Так, было выдано пособие одному молодому человеку, одетому в форму Елизаветградского кавалерийского училища. Позже выяснилось, что под личиной русского юнкера скрывался болгарский авантюрист.

К лету, когда в Бухаресте наступала нестерпимая жара, весь дипкорпус, вслед за королевской семьёй, переезжал в Синаю, в летнюю резиденцию румынского короля, расположенную у самой венгерской границы. В Синае было прохладно, и все дипломаты старались снять там дачи. Тем не менее по средам главы миссий должны были возвращаться в Бухарест, где во дворце Стурдзы, в котором размещалось министерство иностранных дел Румынии, в громадном раззолочённом зале, министр Братиану устраивал для дипломатов рауты с чаепитием.

Досадный инцидент произошёл во время организации проезда через Румынию в Болгарию великого князя Владимира Александровича. Дядя Николай II должен был принять участие в празднествах в связи с 30-летием со дня окончания Русско-турецкой войны 1877—1878 годов и открытием на Шипке храма-памятника. Румынский посол в Петербурге Розетти-Солеско, женатый на сестре Гирса, проявил инициативу и пригласил Владимира Александровича посетить Бухарест. Поскольку Николай II так и не нанёс румынскому королю ответного визита, то Извольский хотел визитом великого князя «закрыть» эту дипломатическую проблему. И хотя румынский премьер Стурдза поддержал идею своего петербургского посла, получилась накладка: Карл I заявил,

что принять великого князя не сможет в связи с выездом на лечение в Германию. Было очевидно, что король не был удовлетворён предлагаемым уровнем визита*. В знак протеста Соловьёв, выполнявший в это время функции временного поверенного в делах, выехал из Синаи в Бухарест. В качестве предлога он выдвинул необходимость посещения бессарабских поселений, расположенных на Килийском рукаве Дуная.

В описываемое нами время на русско-румынской границе произошло несколько инцидентов — румынские пограничники стреляли в наших рыбаков. Были убитые, и румынское правительство должно было выплачивать пострадавшим семьям денежную компенсацию. Дипломату нужно было посетить это место, чтобы увидеть всё собственными глазами и окончательно разобраться с обстановкой.

В городе Галаце стоял *стационар* миссии — эсминец, находившийся в полном её распоряжении, и Соловьёв отправился на нём в путь. Местные русские гражданские и военные власти устроили дипломату пышный приём. В портах Рени и Измаил они встретили его в полном составе и в парадной форме, в Измаиле провели показательную пожарную тревогу, а вечером в местном клубе был дан праздничный обед. Попутно Соловьёв посетил порт Констанцу. Там случился переполох: эсминец русской миссии был первым русским военным судном, посетившим Констанцу после «визита» броненосца «Потёмкин», и румынские власти оказались к встрече не готовы.

Вернувшись в Синаю, Соловьёв представил подробный доклад о положении дел в устье Дуная и порекомендовал усилить охрану Килийского рукава Дуная и учредить консульство в Констанце, за что доклад был удостоен высочайшего замечания Николая II: «Правильно». К которому из этих предложений — к охране Килийского рукава или к учреждению консульства — относилось замечание царя, руководству Министерства иностранных дел было не ясно, а потому решили выполнить и то и другое. К этому времени недоразумение

---

* Николай II отдаст Карлу I ответный визит летом 1914 года накануне войны.

с визитом Владимира Александровича и его супруги Марии Павловны было урегулировано: они согласились провести две-три недели в венгерском имении болгарского князя Фердинанда*, а за это время Карл I успеет «поправить своё пошатнувшееся здоровье». Так оно и получилось: румынский король, вернувшись из Германии, принял Соловьёва с русским Георгием на шее, а королева продекламировала наизусть русские стихи.

Русские дипломаты занимались не только политикой, но и экономикой. Так, Соловьёв, подражая германскому коллеге, своим вмешательством способствовал продвижению на румынский рынок продукции российских машиностроительных заводов. При участии в международном тендере наши Путиловский и некоторые другие заводы были поставлены в неравные условия, и Соловьёву пришлось встречаться с премьер-министром Стурдзой и указывать ему на эту несправедливость. В результате нашим предпринимателям удалось получить заказ на 26 паровозов и 50 железнодорожных цистерн.

К сентябрю из отпуска явился посланник Гирс, который, к своему удовольствию, отметил, что во время его отсутствия работа миссии на месте не стояла. Потом состоялся визит великого князя Владимира Александровича, который специально отметил, что он состоялся исключительно благодаря усилиям 1-го секретаря Соловьёва. Зато князь грубо и по-солдафонски, в присутствии румын, обошёлся с Гирсом. Бедный Михаил Николаевич так расстроился, что решил подать в отставку. Соловьёв рассказал ему приведённый выше эпизод с афинским посланником Розеном, на прошении которого уволить со службы император Николай II начертал: «Успокойте Розена». Рассказ ещё больше впечатлил Гирса, и он, к счастью, идею об отставке оставил, поддавшись внушению Соловьёва: если из-за каждого великого князя бросать дипломатическую карьеру, то скоро в Министерстве иностранных дел России не останется ни одного стоящего дипломата.

К сожалению, великих князей было достаточно много.

Получив заслуженный отпуск, Соловьёв отправился

---

* Титул царя Болгарии он получит в 1908 году.

с семьёй сначала в Париж, а потом и в другие европейские столицы. В Петербурге его ждал А. А. Гирс, директор 2-й экспедиции (Бюро печати). А. А. Гирс предполагал вернуться снова в Санкт-Петербургское телеграфное агентство, откуда его в своё время призвал Извольский, а своё место в министерстве предлагал сдать Соловьёву. Быть начальником экспедиции — это уже следующая ступенька в дипломатической иерархической лестнице, связанная с получением ранга советника, что в принципе предполагало возможность быть в будущем назначенным посланником в какую-нибудь миссию.

И Соловьёв этим предложением соблазнился.

Глава десятая

Штутгарт (1909—1911)

*Торжественные церемонии
не выигрывают от повторений.*

Г. Манн

Следующей «остановкой» в заграничной работе Соловьёва стал германский город Штутгарт, столица Вюртембергского королевства, насчитывавшего около двух миллионов жителей. Работа в Бюро печати Министерства иностранных дел больше не устраивала его, и он попросился за границу. Соловьёву предложили вакансии 1-го секретаря в миссии в Токио и Пекине, но это было не совсем то, чего он желал. Хотелось получить место поближе к своему польскому майорату, чтобы провести там некоторые хозяйственные улучшения. Открылась вакансия 1-го секретаря в Штутгарте, в центре Европы, что давало возможность для отлучки по личным делам в Польшу. Его прочное положение в министерстве позволяло совмещать полезное с приятным.

Штутгарт был не самым последним постом для русских дипломатов. До Ю. Я. Соловьёва в 40-х годах XIX столетия здесь работал посланником А. М. Горчаков. Тогда королём Вюртемберга был Вильгельм I, связан-

ный родственными узами с Николаем I. Горчаков активно содействовал браку наследника принца Карла-Фридриха-Александра Вюртембергского с дочерью Николая I — Ольгой. Династические связи играли тогда в межгосударственных отношениях решающую роль. Русский посол был в курсе практически всех событий при местном дворе и вообще в Германии. В обязанность Горчакова входило отслеживание интриг европейских государств в Германском союзе, он развернул здесь кипучую деятельность и засыпал Петербург депешами и отчётами. Рассказывали, что он приходил рано утром на рабочее место, и если его секретари ещё спали, то приказывал их будить.

Дипломатические службы России и некоторых других крупных держав даже после объединения Германии, наряду с посольством в Берлине, содержали представительства при многих дворах союзных княжеств и земель: в Мюнхене, Штутгарте, Дрездене, Карлсруэ, Дармштадте и Веймаре находились посланники, а при сенатах Гамбурга, Бремена и Любека — были аккредитованы так называемые министры-резиденты. Все эти представительства лишь на бумаге значились миссиями, но в реальности они играли роль консульств*.

Семья дипломата осталась в Польше, и сам он решил, не «пуская корней» на новом месте, поселиться в гостинице «Маркварт» — лучшей во всей Южной Германии. Посланником в Штутгарте был К. М. Нарышкин, перед тем проведший более двадцати лет в посольстве в Париже. Там он если и не сделался настоящим французом, то усвоил все привычки этого народа и взгляды на жизнь и рассматривал своё пребывание в Штутгарте как ссылку или печальное недоразумение. Он даже не пытался скрывать своего пренебрежения к Вюртембергскому королевству и перед его чиновниками и жителями успешно выполнял функцию оскорбителя национального достоинства немцев. Когда Нарышкин представлял своего нового заместителя вюртембергскому премьер-

---

* Ещё более странным было то, что германские княжества и королевства продолжали содержать друг у друга свои дипломатические представительства. Этот анахронизм был ликвидирован лишь после 1918 года.

министру и министру иностранных дел, умному и тонкому старикану Вейдзеру, он первым делом сказал по-французски:

— Однако и жарко у вас, господин министр! Неужели вы занимаетесь здесь разведением кофе?

И, не дожидаясь ответа, посланник подошёл к окну и самолично широко распахнул его.

— Как видите, — прошептал Вейдзер изумлённому Соловьёву, — у нас здесь не стесняются.

Нарышкин вскоре укатил в продолжительный отпуск, оставив на «хозяйстве» Соловьёва. Через год Нарышкина перевели посланником в Стокгольм, но, по видимому, он и там считал себя в изгнании, так как из всех столиц признавал лишь Париж. «Пример Нарышкина доказывает, как нецелесообразно с точки зрения образования дипломатических кадров слишком долго держать дипломатов на одном и том же посту, — справедливо заключает Соловьёв. — Если они и могут явиться полезными в этом месте назначения, то зато при дальнейших передвижениях они с трудом приспосабливаются к новым условиям жизни и работы». И правда: через год пребывания в Швеции К. М. Нарышкин вышел в отставку и поселился в Париже в качестве частного лица. По объявлении войны он вернулся в Москву и умер там в 1921 году.

Вместо Нарышкина посланником в Штутгартской миссии стал первый секретарь миссии в Стокгольме барон Стааль фон Гольштейн, остзеец по происхождению, который уже раньше работал в Штутгарте и, в отличие от «парижанина» Нарышкина, чувствовал себя в Вюртемберге как рыба в воде. Новый посланник проработал около года и умер за игрой в карты, как и немецкий министр Кидерлен-Вехтер, у графа Моя, баварского посланника. Странно, что бдительная вюртембергская полиция так и не заинтересовалась баварским «картёжником», у которого на дому, один за другим, отдали Богу души два иностранных дипломата.

Вюртемберг являлся самой передовой в политическом отношении составной частью Германии, что дало как-то повод кайзеру Германии Вильгельму II задать вюртембергскому королю Вильгельму II шуточный вопрос:

— Как там поживает твоя республика?

В Штутгарте процветала культура и находилась почти вся оппозиционная берлинскому кабинету печать; в Штутгарте под редакцией Струве издавался журнал «Освобождение» и закладывалась база для создания русской партии кадетов. Население королевства — швабы довольно презрительно относились к пруссакам и говорили: «Этого не понимают иностранцы и северные германцы», что сильно возмущало секретаря прусской миссии накрахмаленного лейтенанта фон Ойленбурга.

Король Вюртемберга вёл жизнь частного гражданина и, чтобы не обидеть своих подданных, всячески подчёркивал свою приверженность к демократии и справедливости. Он ходил пешком по улицам города, занимался коммерцией, открывал гостиницы и рестораны и лишь по необходимости выполнял свои королевские обязанности. Когда товарищ министра народного просвещения России Шевяков прибыл в Вюртемберг для размещения русских студентов в Тюбингенском университете, Вейдзекер выразил готовность пойти навстречу русскому правительству, но с лукавой улыбкой добавил:

— За благотворное, однако, влияние нашей университетской атмосферы на ваших студентов я не ручаюсь. Я сам тюбингенский студент, а моим товарищем был Вальян, убитый в Париже на баррикадах во время Парижской коммуны.

В Вюртемберге новые веяния самым причудливым образом переплетались с пережитками старых времён. В королевстве сохранилось многочисленное поместное дворянство*, представители которого, случалось, сами иронизировали над этими контрастами. Обер-камергер королевы барон фон Расслер, владелец большого живописного замка, рассказывал, как его, ехавшего как-то в поезде в вагоне 3-го класса, соседка-старушка спросила:

---

* Первое место среди вюртембергского дворянства занимали так называемые *медиатизированные* князья. Медиатизация — вынужденный отказ от суверенных прав — произошла при Наполеоне в 1806 году. Некоторые из медиатизированных князей сохранили за собой право иметь фамильный статус, фамильные ордена и ряд других формальных привилегий утраченной самостоятельности.

— Чей это замок мы только что проехали?

— Мой, — ответил барон.

Старушка поглядела на скромно одетого бюргера и возмутилась неуместной шуткой.

— Что за бесстыдное враньё! — обиделась она и, поджав губы, прекратила разговор.

Дел в русской миссии было не так уж и много, и её сотрудники употребляли всё свободное время на туристические разезды по живописным местам королевства или на поездки в гости в другие миссии. Здесь Соловьёв научился водить автомобиль, стал членом автомобильного клуба. И хотя он с гордостью пишет, что за время вождения не задавил ни одной собаки, тем не менее, признаётся, что на него за различные мелкие нарушения было составлено восемь полицейских протоколов. Протоколы аккуратно передавались в местное министерство иностранных дел, и когда вернулся из отпуска Нарышкин, ему их торжественно вручили в переплетённом виде. Среди них значилось нанесение ущерба трамваю, за компенсацию которого нарушитель должен был заплатить штраф в размере трёх марок. Соловьёв отдал деньги посланнику и утешил его тем, что на остальные нарушения распространялась дипломатическая экстерриториальность.

Соловьёв теперь часто ездил на автомобиле к семье в Польшу и даже совершил поездку в Париж. Из Парижа в Штутгарт для ремонта своего «мерседеса» приехал его хороший знакомый по Румынии князь Бибеско и предложил ему перегнать отремонтированное авто в Париж, чтобы дать русскому дипломату возможность воочию убедиться, что в культурном отношении Франция значительно уступала Германии.

Дипкорпус Штутгарта был малочисленный, он включал в себя дипломатов лишь четырёх миссий: прусской, баварской, австро-венгерской и русской. Поскольку пруссаков и баварцев вряд ли можно было принимать за иностранцев, то дипломатами в истинном понимании этого слова считались русские да австрийцы. Был в Штутгарте внештатный — почётный — консул банкир Федерер, исполнявший одновременно обязанности итальянского и турецкого консула. Когда

в 1911 году началась Итало-турецкая война, Федерер попал в щекотливое положение: по всей вероятности, он единственный в истории дипломатии представлял сразу две воюющие стороны. В конце концов, ему пришлось выбирать, и скоро турецкий герб исчез со стены его здания. Русские дипломаты в Штутгарте тесно подружились с австрийцами, но одни австрийцы удовлетворить потребности в общении не могли, и эта потребность удовлетворялась за счёт местных граждан. Швабы приняли Соловьёва за своего и откровенно делились с ним своими соображениями и опасениями насчёт опасного курса Берлина на мировой конфликт. Офицеры местного драгунского полка, в отличие от своих прусских военных товарищей, предпочитали во внеслужебное время ходить в штатском.

Баварский посланник Мой оказался в Штутгарте не по своей воле. До этого он работал в Петербурге и, по всей видимости, отягощённый отсутствием возможностей заниматься политикой (это входило в прерогативу общегерманского посольства), решил «отличиться», передав в Мюнхен содержание разговора между британским поверенным О'Бэарном и германским послом графом Люксбургом. Инициатива тут же была наказана, и Моя перевели из Петербурга в Штутгарт, где возможности вмешательства в большую политику были сильно ограничены. Вероятно, именно после этого граф увлёкся игрой в карты.

Впрочем, русская миссия находилась в аналогичном положении. Она большой политикой не занималась — это была прерогатива посольства в Берлине. Правда, по отношению к Соловьёву, направившему в Петербург несколько политических депеш (но отнюдь не общегерманского характера), министр Сазонов никаких репрессалий не применил. Да и посольство в Берлине никогда не ставило себя по отношению к остальным миссиям в Германии в положение наставников, и все сношения Штутгартской миссии шли непосредственно с Министерством иностранных дел России. Когда Соловьёв посетил Берлинское посольство, посол барон Остен-Сакен поразил его «своим почти преувеличен-

ным желанием подчеркнуть то, что он не является для меня начальством».

Единственное поручение, которое миссия получила от Берлинского посольства, носило церемониальный характер. В Штутгарте умер старый знакомый Соловьёва по Бухаресту, бывший германский посланник и бывший министр иностранных дел Германии Кидерлен-Вехтер. Кидерлен приехал в Вюртемберг навестить свою сестру и, как мы уже сообщили, внезапно умер от разрыва сердца во время игры в карты у графа Моя. Соловьёва попросили возложить на могилу умершего немца венки. На похороны приехал канцлер Германии Теобальд Бетман-Хольвег, и Соловьёв беседовал с ним в прусской миссии об археологии, большим знатоком которой тот являлся.

В Дармштадт в сопровождении министра двора барона Фредерикса приехал Николай II, и была предпринята попытка собрать всех русских дипломатов в Германии для представления царю, однако из этого ничего не вышло. Собравшиеся ждали Николая II в местной русской церкви, но император сильно опоздал — по всей видимости, из-за общения со своими коронованными немецкими родственниками, и на встречу с дипломатами времени у него не осталось. Не явился он и на завтрак у министра-резидента в Дармштадте фон Кнорринга, который таким невниманием царя был поражён и смущён до чрезвычайности и вскоре подал в отставку.

Зато вюртембергский двор уделял дипломатическому корпусу самое пристальное внимание и дал зимой несколько больших приёмов, два бала, обед для дипломатов и два-три концерта. Помимо того, каждый из вюртембергских герцогов устроил по одному приёму. Особенно оригинально выглядела карусель, на которой катались король с королевой. В придворном манеже проводилась фигурная верховая езда, возглавляемая двумя шталмейстерами в парадной форме. Двор и дипломаты сидели в ложах. Нарышкин с видом знатока утверждал, что всё это выглядело совершенно в стиле Людовика XIV.

Герцогиня Вюртембергская, русская великая княгиня Вера Константиновна, сестра греческой королевы Оль-

ги, тоже довольно часто принимала у себя дипломатов, особенно из русской миссии (она вскоре умерла, и связи между русским и вюртембергским дворами нарушились).

В Штутгарте жил известный изобретатель летательных аппаратов граф Цеппелин. Когда-то он служил в расквартированном в Штутгарте уланском полку, а потому на всех приёмах появлялся в генеральском кавалерийском мундире. Он был вполне бодрым стариком и находился в зените славы. Когда-то его, как и Циолковского, считали опасным сумасшедшим. На своих опытах он разорился и заодно разорил своих родных, но в описываемое нами время его верфь по производству цеппелинов, расположенная на Боденском озере, работала весьма успешно и приносила солидные доходы. Он был женат на прибалтийской немке и весьма дружелюбно относился к русским. Когда Соловьёв как-то спросил его, летал ли он когда-нибудь на аэроплане, Цеппелин ответил, что это его нимало не интересует: он конструктор летательных аппаратов, а не лётчик.

В числе консульских обязанностей миссии была защита прав русских сельскохозяйственных рабочих, которых по всей Германии набиралось до 600 тысяч человек. Было их много и в Вюртемберге, причём вюртембергцы обращались с ними порой грубо, пользуясь незнанием ими немецкого языка, платили мало и задерживали возвращение документов. Однажды на приём к Соловьёву пришла женщина, показавшаяся ему сначала украинкой, но оказавшаяся на самом деле венгеркой. Она сняла кофту и показала на спине шрамы от полученных побоев. Русской миссии оставалось лишь писать ноты протеста в местное внешнеполитическое ведомство. Послал Соловьёв и в Петербург предложения о систематизации консульской защиты русских рабочих в Германии, они удостоились резолюции Николая II: «Надо об этом подумать» и публикации в «Вестнике Министерства иностранных дел».

После смерти Гольштейна Соловьёв долгое время опять оставался временным поверенным в делах, пока не прислали нового посланника — С. А. Лермонтова из числа первых секретарей миссии в Мадриде. Почему

Соловьёва не назначили посланником, непонятно: то ли ему не хватило выслуги, то ли ему припомнили независимое поведение в Черногории и на месте управляющего Бюро печати. Тайна сия мадридская велика есть.

И Юрия Яковлевича перевели первым секретарём в Мадрид на место С. А. Лермонтова. Уже в третий раз он шёл по следам Лермонтова, который успевал послужить раньше него в Цетинье (до фон Мекка), Бухаресте и вот теперь в Мадриде. Перед выездом к месту нового назначения Соловьёв побывал в Петербурге, чтобы, во-первых, заняться устройством подростков детей (в Мадриде не было возможностей продолжить начатое ими образование) — серьёзная проблема для семейных дипломатов, а во-вторых, получить в министерстве необходимое напутствие. В Министерстве иностранных дел он узнал, что его «благожелатели» сильно потрудились, чтобы воспрепятствовать его командировке в Испанию, но неожиданно для всех посол в Мадриде барон Будберг из трёх кандидатов выбрал именно Соловьёва. Остзеец Будберг познакомился с Юрием Яковлевичем, когда гостил в Штутгарте у своего земляка Стааля фон Гольштейна. Эта случайность и трезвый ум посланника решили дело.

Глава одиннадцатая
Мадрид (1912—1917)

*Всякой комедии, как и всякой
песне, своё время и своя пора.*

М. Сервантес

«...Я не создавал себе иллюзий, что это большой политический центр. Но назначение туда меня устраивало, так как таким образом я всё же продвинулся по дипломатической лестнице, не будучи вынужденным непосредственно участвовать в политике Извольского, Сазонова и Нератова. Сочувствовать этой политике я не мог, а продолжать служить своей стране считал своим долгом» — с такими мыслями Ю. Я. Соловьёв отправил-

ся в свою очередную командировку на Иберийский полуостров.

В Мадрид он попал в начале мая 1912-го — самое глухое время года. Уже наступила летняя жара, и жизнь в испанской столице замерла. В 1879—1893 годах здесь «посольствовал» сын А. М. Горчакова светлейший князь М. А. Горчаков (1839—1897)*. Посол Будберг немедленно сдал дела новому 1-му секретарю и уехал в отпуск. За ним последовали секретарь барон Мейендорф и военный агент Скуратов, бывший сослуживец Соловьёва по уланскому полку в Варшаве. Барон Будберг, проработавший в Испании пять лет, весьма тяготился своей жизнью в этой стране и так и не акклиматизировался там; он не смог привыкнуть не только к местному климату, но и к местным жителям. Единственным кругом его общения стали коллеги-послы.

Соловьёв поселился в той же гостинице, что и посол. Мадрид во многом уступал тому же Штутгарту. Сразу было заметно, что ты находишься далеко не только от русского дома, но и вообще от Европы. Соловьёв в первые же дни пребывания в испанской столице обратил внимание на то, что взаимное общение дипломатов, так существенно облегчающее жизнь на чужбине, здесь почти отсутствовало. К тому же и мадридское общество было настроено по отношению к иностранцам весьма прохладно и всячески отгораживалось от дипломатов. Испанцы считали себя если не пупом земли, то центром цивилизации, а потому полагали, что иностранцам, попавшим в Испанию, и так уже оказана большая честь. Поэтому все иностранцы, включая дипломатов, старались походить на местных жителей. Такая же печальная участь ожидала и новичка Соловьёва. (Потом русский дипломат благодарил себя за то, что он оставил своих детей в России, заранее предвидя, что за долгие годы пребывания в Испании они вполне могли утратить свою национальную идентичность.)

Хорошо, что хоть служба в Испании была не сложной, поскольку уровень отношений Испании с Россией был довольно низок. К тому же в тот период русская ко-

---

* Другой сын канцлера Константин (1841—1926) пошёл по придворной части — он был шталмейстером.

лония в Испании практически отсутствовала. С другой стороны, это было отягчающим обстоятельством, поскольку на первых порах буквально не с кем было перемолвиться словом. Единственным русским в Мадриде оказался страшно страдающий от жары бурый медведь в зоопарке. Такого с Соловьёвым не было ни в Пекине, ни в Афинах, ни даже в Цетинье. Были русские консулы в Барселоне и Кадисе, но они не шли в счёт, потому что находились от Мадрида на приличном расстоянии. В 1914 году Кадисское консульство закрыли, и оставался лишь генеральный консул в Барселоне — тот самый князь Гагарин, с которым Соловьёв когда-то начинал службу в Азиатском департаменте. Гагарин курировал работу всех внештатных консульств в Испании и тем самым освобождал посольство от значительной доли забот и проблем. «Чистые» дипломаты не любили консульскую работу, всегда нудную, скучную и кляузную.

Прибытие через две недели первого курьера из Парижа стало большим событием. Курьером оказался русский псаломщик в Веймаре, которому наш *кружной курьер** по известным только ему одному соображениям уступил эту поездку из Парижа в Мадрид. Курьер пробыл в Мадриде три дня, и Соловьёв ежедневно приглашал его к себе отобедать.

Отбив канцелярские часы в посольстве, Соловьёв шёл в местный клуб завтракать со своими коллегами. Настроение у всех дипломатов было подавленное, и радости от общения с ними тоже не ощущалось. Все они испытывали острую ненависть к месту пребывания, бесконечно жаловались на мадридские неудобства и жару и тем самым ещё больше отравляли существование и себе, и другим. Наступали минуты, когда Соловьёв стал думать о том, чтобы навсегда оставить службу в Министерстве иностранных дел. Меньше всего он рассчитывал на то, что в Испании ему придётся прожить долгих шесть лет, что он постепенно свыкнется со страной и даже найдёт в ней много положительных и привлекательных сторон.

---

* Кружной курьер — курьер, который имеет вполне конкретный регион для обслуживания русских дипломатических представительств.

Чтобы ещё раз утвердиться в мысли не задерживаться надолго в Мадриде, он решил ознакомиться с местными достопримечательностями и проверить на них свои первые отрицательные впечатления. Он ехал в поезде в Севилью, стояла жара 54 градуса по Цельсию, и с ним едва не случился солнечный удар. В Севилье его встретил русский почётный консул из англичан (!) и поселил в местную гостиницу в подвальный номер, где хоть можно было дышать. Поездка, несмотря на жару, оказалась весьма полезной и впечатляющей и помогла развеять некоторые негативные настроения, возникшие от первых впечатлений. Больше того: Соловьёв решил учить испанский язык, осознав это как необходимость и верное средство для того, чтобы проложить дорогу к испанским сердцам. Необходимость, потому что испанцы никакими иностранными языками не владели и учить их не собирались. «За редкими исключениями, испанцы поражают своим узким кругозором и полным отсутствием космополитизма, — пишет Соловьёв. — В этом они являются противоположностью итальянцам». Они настолько были высокомерны и самоуверенны, что в присутствии иностранцев отпускали о них язвительные замечания. Само владение одной-двумя фразами на испанском языке могло послужить для таких испанцев предупреждением, что их понимают, но они на это не считали нужным обращать какое-либо внимание.

Постоянно мучила жара*. «Испанцы, к сожалению, сравнительно легко переносят жару», — вздыхает Соловьёв, а потому выезд дипкорпуса к морю происходил лишь в июле, когда местный двор после трёх месяцев изнурительной жары покидал столицу. Следует заметить, что переезд дипкорпуса в более прохладное место отнюдь не был вызван лишь причинами собственного удобства дипломатов. Согласно тогдашним обычаям, аккредитованные при местном дворе послы обязаны были следовать к местам летнего отдыха ко-

---

* Мадрид в климатическом отношении на самом деле расположен неудачно: он находится на высоком Кастильском плоскогорье, где летом очень жарко, а зимой стоят холода, сопровождаемые ветрами. Это определяет и характер кастильцев: они не могут не быть ленивыми и раздражительными и при случае с лёгкостью пускают в дело нож (наваху).

ронованных особ. Хорошо, что через несколько недель вернулся посол, и на летнее время русское посольство тоже переехало на берег Бискайского залива — в Сан-Себастьян, на самой границе с Францией. Там была уже Европа! Там шикарная гостиница «Мария-Кристина», в которой останавливались большинство дипломатов. В большой столовой гостиницы каждое посольство имело свой стол, а после завтрака и обеда дипкорпус собирался вместе. Рядом — французская Биарриц, и многие дипломаты устремлялись туда.

Правил, но не управлял Испанией Альфонс XIII (1886—1941), ставший королём за три месяца до своего рождения. Все дела за него на первых порах решала мать, австрийская эрцгерцогиня Мария-Кристина, а потом бразды правления он вручил диктатору генералу Примо де Риверо. Сделавшись в 16 лет полноправным монархом, Альфонс забросил своё образование и остался на всю жизнь дилетантом — правда, не без способностей. Он увлекался спортом и втянул в это занятие своих подданных. Прекрасный стрелок, шофёр и наездник, он отдавал предпочтение поло и гольфу, а потому все мадридские дипломаты тоже играли в эти игры.

Соловьёв был приглашён на церемонию поздравления короля с днём рождения, проходившую в большом зале мадридского дворца. В течение двух часов перед Альфонсом, сидящим на троне и окружённым с одной стороны грандами, а с другой — членами министерства, проходили длинной вереницей военные, чины министерств, администрации и т. п. Повернувшись спиной к дипкорпусу, они отвешивали глубокий поклон монарху и уходили к противоположным дверям зала. Король сидел неподвижно, не отвечая на поклоны. Лишь когда к этой веренице присоединялся один из инфантов, король отвечал ему лёгким наклоном головы. Остальное время инфанты сидели на табуретках возле трона. На табуретках, расставленных вдоль стены, располагались и жёны грандов, имевших право сидеть в присутствии короля. Послы и посланники, поверенные в делах и прочие дипломаты, в соответствии с рангом и временем вручения верительных грамот, выстраивались напротив трона. В соседней комнате играл оркестр. Вряд

ли это было большим удовольствием для дипломатов стоять в жару несколько часов подряд. И только после прохождения всех поздравлявших король подходил к дипломатам и говорил каждому несколько слов. В другой зале дворца после этой церемонии королева, иногда вместе с королевой-матерью, обходила выстроившихся жён дипломатов.

Вручение верительных грамот королю происходило тоже весьма торжественно, причём для послов и посланников были предусмотрены разные процедуры. За послом высылали золочёную, в окружении отряда королевского эскорта, карету, запряжённую цугом шестёркой белых лошадей. Конюхи, ведущие лошадей под уздцы, были одеты в ливреи XVII века, на них — треугольные шляпы, парики и белая пена кружевных жабо. Рядом с дверью кареты ехал обер-шталмейстер, ещё двое шталмейстеров ехали впереди кареты. И, как на картине у Веласкеса, впереди всех — пустая карета, *коче-де-респето*, карета уважения, резерв на случай поломки основной. Акт вручения верительных грамот — слишком ответственная церемония, чтобы отдавать её на волю случая. Разве можно рисковать потерей достоинства при приёме представителя какого-нибудь всемогущего императора или короля! Карета вполне может ломаться — мостовые в Мадриде были не всегда ровные. А если на посла по пути во дворец будет совершено покушение, как недавно на самого короля Альфонса XIII?

Впереди *коче-де-респето* ехала ещё одна карета, запряжённая парой лошадей. Это — карета начальника протокольной части. Это его праздник и одновременно экзамен. Нужно, чтобы всё прошло согласно расписанию. Протокол — символическое отражение мощи и достоинства государства, концентрат исторических традиций и обычаев. Когда посол в парадном мундире в гордом одиночестве (интересно, о чём он в это время думал?) располагался внутри огромной кареты, начальник протокола скромно занимал место на переднем сиденье. Оба дипломата всю дорогу молчали — каждый о своём.

В четвёртой по счёту карете ехали советник посольства и секретари, их везла четвёрка лошадей неопре-

делённой масти, тоже цугом и тоже с коннохами и эскортом. Во дворец пропускали лишь карету с послом. В мадридском дворце открывали средние ворота, предусмотренные лишь для послов и глав государств. Два рядовых шталмейстера, как угорелые, срывались с места и скакали по диагонали через двор, предупреждая, кого надо, что карета посла появилась у входа. Со стороны эта мизансцена напоминала процедуру во время боя быков.

На первых ступенях дворца посла встречали церемониймейстеры, его окружал почётный караул из алебардистов, и процессия под звуки национального гимна поднималась по лестнице. На две-три минуты всех — посла и сопровождающих его дипломатов — задерживали, а потом вводили в тронный зал, где на троне в окружении своих министров и грандов восседал Альфонс XIII.

Посол, как положено, произносил речь, состоящую из общих и цветастых выражений приветствия от своего монарха (президента) и надежды на процветание двусторонних отношений, а затем вручал королю верительную грамоту, то есть документ, официально подтверждающий его статус посла и полномочия. Король, не читая, передавал грамоту министру иностранных дел, получал от него взамен текст ответной речи и зачитывал его, не вставая с трона.

Церемония окончена, и король спускается с трона и вступает с послом в неофициальный разговор: как доехали, как вам у нас нравится, здоров ли ваш император? Посол представляет королю своих дипломатов. После короля посла и дипломатов принимают одна или обе королевы Испании (супруга монарха и королева-мать). Теперь посол аккредитован и его воспринимают как официального представителя своей страны.

Приём посланника происходил в Испании (да и в других странах тоже) по упрощённому варианту: и карету за ним присылали в упряжке из двух лошадей, и в королевский дворец она въезжала через боковые ворота, и эскорт высылался «пожиже», и церемониймейстеры выбирались ростом пониже. Одним словом, принимали уже по второму разряду.

...Между тем к 1913 году Соловьёв серьёзно заболел и был вынужден выехать в Виши на лечение. Следует отметить, что болезнь дипломата не прерывала его прикомандированности к посольству или миссии, после излечения он возвращался к месту своей службы, и только в более серьёзном случае он мог быть освобождён от занимаемой должности.

Временный поверенный — это дипломат, прикомандированный к своему рабочему месту без всякой надежды отлучиться от него даже на короткое время. Когда Будберг находился в очередном отпуске, а секретарь барон Мейендорф тоже уехал, и Соловьёву, ставшему временным поверенным, нужно было выехать в Россию из-за болезни дочери, оказалось, что посольство оставить не на кого. В этой ситуации поступило весьма своеобразное и достаточно любезное предложение от посла дружественной Франции Жоффра поручить временно посольством России. Соловьёв пишет, что не решился телеграфировать в Петербург об этом предложении: «Это слишком выходило за рамки общего служебного порядка». И правильно сделал: вряд ли бы его понял Сазонов. Дружба дружбой, а секреты-то у всех свои!

За несколько дней до возвращения Будберга к месту службы произошло событие, послужившее поводом для мировой войны: боснийский серб Гаврило Принцип совершил в Сараеве покушение на австрийского эрцгерцога Фердинанда. Известие об этом русская миссия получила от австро-венгерского посла князя Фюрстенберга. С князем, проживавшим в одной с ними гостинице, все русские дипломаты были очень дружны и продолжали поддерживать с ним тёплые отношения и после этого печального события. Никто ни в русском посольстве, ни в дипкорпусе в целом сараевскому убийству большого значения не придавал, и жизнь продолжалась как ни в чём не бывало. Испанское правительство организовало проведение торжественной панихиды по убиенному в присутствии короля и всего дипкорпуса, и через два дня Соловьёва отпустили в долгожданный отпуск.

В парижском посольстве, куда по пути заехал рус-

ский дипломат, так же мало предвидели наступление роковых событий, как и в Мадриде. После двухнедельного отпуска в своём польском имении Юрий Яковлевич получил весть из Варшавы, что германская армия заняла польский город Калиш и продолжает наступать в северном направлении. Началась Первая мировая война. Поскольку военными планами русских предусматривалось очищение от вражеских войск всего Царства Польского вплоть до Брест-Литовска, Соловьёв с семьёй выехал в Петербург, ставший к тому времени Петроградом.

В министерстве дипломату сказали, что возвращаться в Мадрид он пока не должен, и предложили ему при испанском посольстве образовать и возглавить справочный стол о русских, которых война застигла на вражеских территориях. В одной Германии их оказалось около 40 тысяч человек. Испанское правительство взяло на себя обязанность оказывать покровительство всем нашим подданным в Германии и Австро-Венгрии, но поскольку испанское посольство в Петрограде было малочисленным, ему в помощь придали более десятка русских дипломатов. Соловьёва наделили широкими полномочиями вплоть до самостоятельных ответов за подписью Сазонова и его товарища Нератова на все многочисленные телеграммы и письма, поступавшие в МИД в связи с судьбой застрявших за границей русских эмигрантов, туристов и курортников. Испанское посольство выделило группе Соловьёва две комнаты, и теперь он со своими коллегами ежедневно трудился вместе с испанскими дипломатами.

В некоторые дни к ним приходило до нескольких сотен посетителей. Каждого нужно было принять, и с каждым нужно было поговорить. Выручало лишь то, что ответы им всем давались одинаково краткие и неутешительные: пока конкретные сведения о судьбе русских в Германии и Австро-Венгрии отсутствовали, поскольку испанское посольство в Берлине на все телеграфные запросы не отвечало. В это же время посольство США в Петрограде, взявшее на себя миссию по защите германских и австро-венгерских интересов в России, ис-

правно поддерживало связь с Берлином. Было ясно, что германские власти намеренно затрудняли связь между обоими испанскими посольствами.

Соловьёв предложил Сазонову заблокировать с нашей стороны связь американского посольства с Берлином, и положительный результат не замедлил бы сказаться, но министр на это не пошёл. Прошло некоторое время, прежде чем от испанского посла в Берлине Поло де Барнабе поступила первая телеграмма о судьбе русских в Германии, и посол Испании в Петрограде граф Картагена немедленно сообщил об этом Соловьёву. После этого связь с Берлином стала налаживаться, и от туда стала поступать необходимая информация, а группе Соловьёва прибавилось работы: теперь они должны были заниматься также и переводом денег застрявшим в Германии и Австро-Венгрии русским. Каждому родственнику в России разрешалось переводить до трёхсот рублей и лишь в исключительных случаях — до пяти-сот рублей в месяц. В первый же день группа Соловьёва получила от сердобольных родственников и знакомых 45 тысяч рублей. Кстати, заметим, что для поддержки соотечественников за границей во время войны русское правительство во все посольства и миссии перевело необходимые суммы денег.

Потом всю справочную службу вместе с картотекой отправили в здание Министерства иностранных дел, и Юрию Яковлевичу Соловьёву, хоть и с трудом, выделили там отдельный кабинет. Посетители продолжали штурмовать справочный стол, бегая вокруг Певческого моста и спрашивая, где находилось испанское посольство. По наивности они полагали, что в МИД было переведено всё посольство Испании целиком.

Работа в справочной службе принесла Соловьёву ранг действительного статского советника. Он уже стал подумывать о том, как бы вообще не возвращаться в Мадрид — тем более что намечалась вакансия при штабе главного командования русской армии. Но у него не было сильного покровителя в министерстве, и, как назло, в сентябре 1914 года Нератов предложил ему вернуться в Мадрид, чтобы с помощью правительства Испании возглавить работу по защите интересов России

во враждебных странах. Ему намекнули, что посол Будберг стал сильно прихварывать и в любое время может быть отправлен в отставку.

Семья снова оставалась в России. Из-за войны расстояние от Петрограда до Мадрида возросло вдвое: теперь нужно было выбирать окольный путь через Скандинавию и Англию. В Балтийском море появились военные корабли Германии, которые задержали уже несколько пароходов и сняли с них пассажиров, принадлежавших к воюющим с Германией странам. Как водится, Соловьёва нагрузили дополнительными обязанностями доставить в Париж и Лондон жалованье дипломатам в сумме пяти тысяч рублей золотом и дипломатическую почту. Знающие люди посоветовали ему обзавестись кожаным поясом, в который можно было бы спрятать золотые рубли. Набитый деньгами пояс оказался настолько тяжёлым, что надеть его на тело дипломат не смог. В случае потопления парохода пояс сразу бы потянул его владельца на дно. На Финляндский вокзал приехал бывший начальник Юрия Яковлевича Р. Р. Розен и попросил его во Франции захватить в Аркашон (в окрестностях Бордо) и помочь его жене и дочери вернуться на родину.

Россию Соловьёв покидал в подавленном настроении.

Ему предстояло пересечь Финляндию и проехать через Швецию — путешествие, которое он сам, в силу неорганизованности этого пути и многочисленных пересадок с одного вида транспорта на другой, назвал скачками с препятствиями. В Хапаранде, на границе Финляндии и Швеции, случился забавный эпизод. Финн, привезший в гостиницу багаж, не говорил ни по-русски, ни на каком-нибудь другом иностранном языке, и Соловьёв никак не мог договориться с ним. Обоих вывел из затруднения оказавшийся рядом немец, владевший финским и шведским языками. Немец сообщил ему, что возвращается из России в Германию, чтобы пойти на войну, и поинтересовался, не находился ли Соловьёв в аналогичном положении. Соловьёв предположил, что немец, скорее всего, был сотрудником германской разведки.

До первой шведской железнодорожной станции (27 километров) дипломат ехал в маленьком «форде» в обществе трёх русских офицеров сапёрных войск, направлявшихся в Англию для закупки автомобилей. Они не владели ни одним иностранным языком, в первый раз оказались за границей и свой багаж везли в каких-то непригодных для дальнего путешествия картонных коробках. К тому же они были страшно обеспокоены отсутствием англичанина, которого им пообещали в качестве сопровождающего лица в Швеции. Англичанину не хватило места в автомобиле, и он хладнокровно последовал за ними на велосипеде. Когда поезд должен был уже вот-вот тронуться на юг, и сапёры то и дело тревожно выглядывали из окна вагона, англичанин наконец появился. Он едва успел избавиться от велосипеда и впрыгнуть на площадку вагона, чем несказанно обрадовал сапёров.

В Стокгольме Соловьёв увиделся с «парижанином» А. В. Неклюдовым, бывшим советником посольства в Париже и сменившим теперь «завязтого парижанина» К. М. Нарышкина. Стокгольмская миссия России с этого времени и до конца войны превратилась в перевалочный пункт для всех русских, так что работы всем от посланника до последнего атташе хватало по горло.

В стокгольмском «Гранд-отеле» Соловьёв увидел германского посланника фон Люциуса, работавшего до этого советником в Петербурге. Он владел русским языком и конечно же был хорошим осведомителем своего правительства. Стокгольм кишел русскими и их союзниками, так что место для наблюдения за ними для немцев было весьма удобным.

Из Стокгольма путь шёл в Христианию (Осло), где Соловьёва встретил посланник Б. К. Арсеньев, недавно переведённый из Черногории, так что обоим дипломатам было что вспомнить. Переход через Северное море на маленьком пароходике в бурную погоду оказался мало приятным. На полпути пароход был остановлен английским крейсером, и английские моряки проверили груз и пассажиров. В Ньюкасле Соловьёву пришлось воочию столкнуться с драконовскими таможенно-пограничными процедурами при въезде на территорию

воюющей Англии. Покинуть пароход разрешили только на следующее утро. На борт поднялась команда таможенников и иммиграционных чиновников, которые заседали несколько часов и просматривали паспорта пассажиров. Упростить процедуру контроля для русского дипломата помог знакомый по Румынии консул Буткевич.

В Лондоне Соловьёв встретился ещё с одним остзейцем — послом России графом А. Бенкендорфом. Характеризуя его как опытного и умного дипломатического деятеля, выгодно отличавшегося от стопроцентного русского Извольского, Соловьёв, тем не менее, отмечает, что все они — и граф Будберг, и Стааль фон Гольштейн, и тот же Бенкендорф (за исключением умницы Розена) — «...выполняли свои обязанности под особым углом зрения. Они считали себя не столько на русской службе, сколько на личной службе у династии Романовых, которую они называли полным русско-немецким именем: Романовы-Гольштейн-Готторпские. В мирное время это очень облегчало им службу по Министерству иностранных дел. Они лояльно служили династии, не задаваясь никакими вопросами, от которых русские не могли отрешиться. В то время как для остзейцев центром была, конечно, династия, для русских на первом месте стояла Россия. Мне пришлось слышать от одного из своих начальников-остзейцев весьма удобное толкование обязанностей дипломата. По его словам, каждое дипломатическое представительство за границей было попросту “почтовым ящиком”. То, что нам предписывал Петербург, мы должны были добросовестно передавать местному правительству».

С Парижем в сентябре 1914 года сообщение было расстроено, и багаж туда из Лондона не принимался. Поэтому Соловьёв отправил его морем прямо в Бордо, куда, ввиду опасности захвата столицы немцами, переехали все посольства, включая русское (но за исключением испанского, которое осталось в Париже на случай необходимости защиты русских интересов), и куда он всё равно собирался заехать, чтобы сдать почту и выполнить поручение барона Розена. Париж был пуст и скучен. Половина магазинов закрыта, таксомоторы не

работали — они все были конфискованы для нужд армии.

В Бордо русское посольство разместилось в доме маркизы де Жискур, предоставившей его безвозмездно (в следующий проезд через Бордо Соловьёву пришлось везти маркизе в благодарность за эту её услугу подарок от Николая II — какую-то брошку). Посол А. П. Извольский эвакуировал посольство в полном составе, не оставив в Париже даже дворника, в то время как в столице Франции скопилось огромное количество русских эмигрантов. Каждый день перед закрытым посольством накапливалась огромная толпа, и лишь несколько дней спустя Извольский распорядился командировать в Париж одного консульского чиновника. В Бордо все посольства, по образцу Биаррица, обедали в одном и том же ресторане — каждое посольство, включая послов, за своим столом. Только русский посол Извольский сидел отдельно от своих подчинённых, в полном одиночестве, не обмениваясь ни с кем ни словом. Никто из дипломатов не любил его, пишет Соловьёв.

В Аркашоне Юрий Яковлевич узнал, что поручение барона Розена стало уже неактуальным, потому что его семья уже уехала в Грецию. Зато сам дипломат попал в необычную для себя ситуацию. Он зашёл в книжный магазин, заказал книгу и стал изучать на стене карту. В это время в соседней комнате он услышал разговор двух французов:

— Это бош. Он изучает нашу карту.

Франция заболела шпиономанией. Соловьёва не арестовали как немецкого шпиона, но неприятный осадок от всего этого остался. В другой раз, при заказе железнодорожного билета на поезд из Барселоны в Мадрид, француз-агент снова заподозрил Соловьёва в принадлежности к немецкой агентуре, хотя дипломат назвал ему свою фамилию и должность. Всё равно француз дал знать в своё консульство, а то стало запрашивать русское консульство и уточнять личность Соловьёва. Прибыв в Мадрид, он узнал более «интересную» историю о том, как по пути из Франции в Испанию советник французского посольства в Мадриде, заподозренный в принадлежности к германским шпионам, подвергся

нападению своих соотечественников. Советник остался цел и невредим, а вот его авто было разбито толпой. Самое смешное состояло в том, что советник был таким рьяным патриотом и шовинистом, что его не терпели не только испанцы, но и союзники англичане.

Настроение сотрудников посольства России в Мадриде в связи с войной было, мягко говоря, подавленным. Особенно тяжело переживал посол Будберг — ведь ему пришлось прервать контакты со своими лучшими друзьями, послами Германии и Австро-Венгрии. Он не мог не сделать этого ввиду ретивости французского посла, строго следившего за исполнением «союзнических приличий и долга». Впрочем, и петроградский Центр занял по этому вопросу тоже строгую позицию. Первый секретарь посольства в Риме был немедленно уволен со службы за поддержание знакомства с германским морским агентом.

Война расколола мадридский дипкорпус на два молчаливо враждующих лагеря. В нейтральной Испании возникли уникальные условия сосуществования дипломатов стран Тройственного союза и Антанты. С самого начала войны представители неприятельских коалиций дали соответствующие, то есть диаметрально противоположные, сообщения в местной печати. Поэтому за ними последовали соответствующие опровержения и обличение друг друга во лжи. Тон этих опровержений иногда был так резок, что вызвал со стороны испанского правительства напоминание сторонам о необходимости соблюдать приличия. Испанский двор и Министерство иностранных дел Испании оказались в весьма затруднительном положении также и в отношении официальных приёмов. Предпоследний общий сбор дипкорпуса состоялся во время крещения одного из сыновей короля Альфонса. Послов рассадили в соответствии с протоколом, и русский посол оказался рядом с германским, француз сидел рядом с австрийцем, и никто из них не разговаривал друг с другом. Казалось, испанскому правительству следовало бы прекратить свои эксперименты собирать всех дипломатов вместе, но нет: нужно было пригласить всех снова на самое несвоевременное мероприятие того времени — открытие

памятника в Сан-Себастьяне в связи со столетием освобождения этого города англичанами от французов. На церемонии очень рассеянный английский посол протянул руку германскому, а тот в ответ не подал свою. Скандал!

Впрочем, дипломаты продолжали друг с другом раскланиваться, но в разговор между собой не вступали. Последнее не всегда можно было выполнить. Как-то Соловьёв сидел и обедал за столом в клубе, и тут за соседний столик присел австрийский посол Фюрстенберг. Австриец завёл с Соловьёвым разговор, совсем не отвечать было бы невежливо, и пришлось отвечать односложно. При этом мысли русского дипломата были заняты лишь одним: как бы рядом не оказались французские коллеги и не уличили бы своего союзника в предательстве союзнического долга. Кто-то предложил остроумное замечание, что союзники в нейтральных странах так усердно следят друг за другом, что им не остаётся времени на то, чтобы следить за немцами. После вступления в войну Италии и Португалии на стороне Антанты немецкие дипломаты в Мадриде оказались полностью отрезанными от своего Центра, и последние годы войны они получали инструкции, доставляемые подводными лодками.

На Испанию с обеих сторон оказывали усиленное давление, побуждая её вступить в общую кровавую бойню. Германия обещала испанцам за это вернуть Гибралтар, часть Марокко и даже часть французской территории. Королевский двор оказался расколотым на два лагеря: королева-мать Испании как австрийка симпатизировала центральным державам, в то время как жена короля Альфонса, королева Виктория, англичанка, была настроена в пользу Антанты. Альфонс лавировал между матерью и женой и выступал перед воюющими державами с разными посредническими инициативами.

Несмотря на войну, русская миссия пыталась продолжать нормальную дипломатическую жизнь. В начале 1915 года Соловьёв отправился на три недели в инспекционную поездку по Испании с целью ознакомления с работой почётных консульств. Предварительно он заехал в Барселону проконсультироваться с князем

Гагариным, курировавшим эту сферу дипломатической деятельности, а потом проехался по всей Испании, заехал в Гибралтар и заглянул даже в Танжер. Весной Соловьёву дали отпуск, и он поехал домой в Россию поведаться с семьёй и отдохнуть от жаркого Мадрида, с надеждой никогда больше туда не возвращаться. На сей раз он решил добираться до России южным путём — через Италию, Грецию, Сербию, Болгарию и Румынию. Отбыв положенный отпуск, он снова вернулся в Испанию — тем же северным путём, что и в первый раз.

В Мадриде он нашёл посла Будберга совершенно больным. Посол пребывал в мрачном настроении и постоянно повторял: «Всё рушится». Впрочем, он продолжал скрупулёзно выполнять свои обязанности и поддерживать тесный контакт с союзными послами, которых становилось всё больше по мере вступления в войну новых стран. Так, при согласовании какого-то очередного общего шага в русском посольстве собрались уже 11 послов и посланников.

В начале февраля 1916 года из Петербурга пришла телеграмма об увольнении Будберга с должности посла в связи с назначением его сенатором. Фактически это было почётное удаление на пенсию. Петербург предписывал запросить согласие испанского правительства на приём нового посла — посланника в Брюсселе князя Кудашева, свояка Извольского (они оба были женаты на сёстрах). Барон очень переживал свою отставку, потому что рассчитывал стать не сенатором, а членом Государственного совета. В течение нескольких дней он не выходил из комнаты, скрывая свою отставку от коллег как какой-то позор, а потом вовсе заболел и слёг. Позвали местного профессора-врача, тот поставил мрачный диагноз. Будберг скоро впал в бессознательное состояние и перестал узнавать людей. Через два дня посла не стало. Его последними словами было обращение к Соловьёву с вопросом, почему тот не получил место посланника в Норвегии как один из самых старших советников Министерства иностранных дел (Будберг ошибался, замечает Соловьёв. Он получил ранг советника совсем недавно — в 1913 году, хотя его рабочий стаж и в самом деле был солидным).

Через час после смерти барона с соболезнованиями прибыл генерал-адъютант короля и первый министр Романонес. Посольство посетили большинство послов и папский нунций монсеньор Рагонези (в похоронах нунций не участвовал, потому что Будберг не был католиком). Неожиданно появился князь Фюрстенберг с супругой, они попросили разрешения отдать последнюю дань телу их друга барона Будберга. Соловьёв был вынужден допустить их к гробу в надежде, что присутствовавший в посольстве Романонес не наклеузничает об этом французскому послу. Тот бы такого скандала не простил.

Юрий Яковлевич в который раз взял в свои руки управление посольством и организацию похорон посла. Единственный лютеранский пастор в Мадриде был в германском посольстве, но обращаться к нему было конечно же невозможно. Бельгийский поверенный в делах порекомендовал отпевать Будберга в церкви английского посольства, что и было исполнено.

Хотя перед смертью Будберг уже был уволен в отставку и фактически послом не являлся, король Альфонс отдал ему все почести, полагавшиеся при похоронах иностранного посла. По своему рангу Будберг был приравнен к званию генерал-капитана, а потому в похоронах принял участие весь мадридский гарнизон. В полдень был произведён орудийный салют. Тело посла везли на лафете, за которым шли инфант дон Карлос, все придворные, министры, а также союзный и нейтральный дипкорпус. При определении места в процессии для дон Карлоса возникло затруднение: по испанскому протоколу он должен был идти за гробом между поверенным в делах и членами семьи покойного. Будберг умер в одиночестве, и никого из близких рядом не было. Место членов семьи занял его старый друг князь Гагарин, благо среди родственников покойного числилась супруга генерального консула княгиня Гагарина. Пока Соловьёв и дон Карлос стояли у гроба, мимо церемониальным маршем проходил мадридский гарнизон.

Тело барона предавали земле на специальном кладбище для иноверцев, католикам на его террито-

рию входить было строго запрещено, так что рядом с могилой покойного в последнюю минуту никого из официальных испанских лиц не оказалось. Да и русские были представлены только дипломатами. Несколько позже в посольство с острова Ивиса (Балеарские острова) от неизвестной женщины пришло письмо, написанное по-русски, но подписанное испанским именем. В письмо было вложено пять пест, отправительница просила купить на них букетик фиалок и положить их на гроб посла. В письме она также рассказала, что каждую неделю носит цветы на могилу двух русских матросов, случайно похороненных на острове. Позже выяснилось, что это была дочь известного русского писателя Данилевского, вышедшая замуж за испанского офицера, служившего на Балеарских островах.

Соловьёв обратился в Центр с предложением от имени правительства России поблагодарить короля Альфонса за отданные им чрезвычайные почести барону Будбергу и с разрешения Николая II попросил аудиенцию у Альфонса XIII. Король любезно согласился принять русского временного поверенного, они сидели в небольшом кабинете, король вёл себя свободно и непринуждённо, угощал дипломата папиросами и сам зажигал их. Выкурив папиросу, Соловьёв обнаружил, что пепельницы не было, и тогда Альфонс предложил бросить окурок на пол. Соловьёв этого делать не стал и положил окурок на пьедестал стоявшей рядом статуи. Трудно сказать, что было меньшим злом с точки зрения этикета: мусорить на пол или «украшать» мусором статую. Главное, конечно, было то, что всё делалось с разрешения хозяина кабинета и что окурок не прожёт дорогого ковра.

Во время беседы король вспомнил, что Соловьёв некоторое время тому назад обращался к его секретарю за справкой относительно присылки сведений о доходах с его польского имения, оказавшегося в руках немцев, и предложил ему обратиться за помощью в испанское консульство в Варшаве, защищавшее там русские интересы. Дипломат вежливо отказался, понимая, что не

пристало решать свои частные дела с помощью иностранного государства. Нужно заметить, что Альфонс и его секретариат много хорошего сделали для русских военнопленных, в том числе по части облегчения их положения и в смысле обмена, и всю войну король Испании вёл обширную переписку с их родственниками в России.

Соловьёв приводит один показательный эпизод, в котором Альфонс XIII для спасения жизни русского подданного использовал свои родственные связи с венским двором. Нашего православного священника Рыжкова, сидевшего в плену в Праге, договорились обменять на львовского униата Шепетицкого, интернированного русскими властями за то, что тот вознёс молитву в храме в присутствии русского генерал-губернатора в честь австрийского императора Франца Иосифа. Шепетицкого отпустили, и он уже находился в Швеции, в то время как Рыжкова австрийцы решили предать смертной казни. Вмешался король Испании, он обратился к австрийскому императору Карлу, и Рыжков был помилован и отпущен в Россию. Иногда помощь короля выражалась в довольно своеобразной форме: узнав о том, что военнопленные его подшефного русского полка пользуются в Австрии некоторыми привилегиями по сравнению с остальными пленными, он обратился в русское посольство с просьбой предоставить аналогичные условия пленным из его подшефных германского и австрийского полков.

...В июне 1916 года приехал новый посол князь Кудашев и вручил королю свои верительные грамоты. Кудашев оказался куда гибче остзейца Будберга: если барон не пожелал первым нанести визиты испанским грандам и остался без контактов с местным аристократическим обществом, то русский князь поступил ровно наоборот и перезнакомился со многими испанцами. К тому же он сделал это в некотором смысле как частное лицо, до вручения верительных грамот королю, без умаления своего посольского достоинства — русский ум оказался гибче остзейского.

После признания Кудашева полноправным послом Соловьёв уехал в очередной отпуск. И вернулся он в

Мадрид в конце июля 1916 года, по телеграфному вызову Кудашева. Оказывается, князю надо было срочно выехать в Виши на лечение — за два месяца пребывания в Мадриде он успел подорвать своё здоровье. Дипкорпус пребывал уже в Сан-Себастьяне, где гастролировал балет Дягилева. Осенью в Мадрид к Соловьёву приехали жена и дети — видно, положение в России было уже настолько нестабильным и угрожающим, что дипломат вызвал семью в Испанию.

А в феврале 1917 года в Мадрид пришли вести о революции.

ГРАНИ ПРОФЕССИИ

Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не вверяясь им без разбора.

Екатерина II

Глава первая

Консулы

*И в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.*

А. А. Ахматова

Консульская служба никогда не была популярной у дипломатов.

Причины этому очевидны: если чисто дипломатическая служба была довольно простой, весьма интересной, не предполагала специальных знаний и проходила в основном в приятном общении с интересными людьми, то консульская служба требовала глубоких и специальных знаний, была связана с «крючкотворной» бумажной работой, а если консульским чиновникам и приходилось иметь дело с людьми, то общение с ними, как правило, большого удовольствия им вряд ли приносило.

Посудите сами: в консульские обязанности входят «кляузные» вопросы принятия в подданство и оформление выхода из оно́го, выдача и продление паспортов своим гражданам, выдача виз иностранцам, загсовские вопросы (регистрация рождений, браков и смертей), нотариат и легализация документов*, наследственные

---

* Легализация документа — снабжение иностранного документа заверительной подписью консула, после чего он считается годным для использования и предъявления в стране гражданства консула.

дела, оказание содействия торговле и судоходству, что означало постоянную работу с судами и их экипажами, учёт российских граждан на территории консульского округа, приведение их к присяге новому государю и наследнику трона, контроль за выполнением ими воинской обязанности, контакты с местными властями и полицией, присутствие в судах и посещение тюрем, в которых сидели россияне, и т. д., и т. п. Помимо этого, многим консульствам, в частности генеральным, был вменён в обязанность сбор политической информации.

Консулу, оказавшемуся на «бойком» месте, из-за огромного объёма работы иногда невозможно было отлучиться в отпуск. Когда надворный советник и вице-консул в Мешхеде Мусников в октябре 1896 года ушёл в отпуск, то вместо него посланник в Тегеране Е. Бюцов был вынужден срочно посылать стажёра миссии Константина Иванова. Но вот беда, докладывал посланник в Центр: «Страдая упорной болезнью глаз, Г. Иванов обратился ко мне с просьбой разрешить ему уклониться на 10 дней от пути следования своего в Мешхед через Баку», чтобы проконсультироваться там у окулиста. Естественно, отпуск Мусникову пришлось на неопределённое время отложить.

Опытный консульский работник, оставивший после себя фундаментальный труд по консульскому праву и практике, барон А. А. Гейкинг считал: «Доступность консула должна, между прочим, выражаться также подходящим адресом... Квартира консула должна помещаться не дальше, чем на расстоянии пяти вёрст от его канцелярии. Произвольное частое отсутствие консула также недопустимо. Всё равно — бывает ли он в официальном отпуску или гуляет по собственному почину на каком-нибудь пляже, или в горах, или в Париже, — служба его от этого неизбежно страдает...»*

Ко всему прочему, оклады у консульских работников были намного ниже, чем у дипломатов, карьерный рост ограниченный (не выше генконсула, что соответствовало рангу советника), а ответственности куда больше. Уделом какого-нибудь вице-консула было просидеть с

---

* Написано в 1921 году.

десяток лет в каком-нибудь портовом городишке типа Малаги или Вальпараисо и уйти на пенсию в ранге чиновника не выше IV—V класса. Не удивительно, что дипломаты всячески избегали назначения на консульские должности, и это приводило к появлению в системе Министерства иностранных дел обособленной от «белокостных дипломатов» обиженной консульской касты.

Показательным примером бытующего уже в начале XIX века мнения о престиже консульской службы является попытка Н. И. Тургенева стать генеральным консулом России в Лондоне. Ему надоела душная обстановка Министерства финансов, и он хотел уехать на какое-то время из России. В качестве предложения для этого он использовал только что освободившееся в Лондоне место генконсула. Ходатайство его рассматривалось на самом высоком уровне, и что же? Александр I отказал Тургеневу в его ходатайстве, мотивировав своё решение тем, что должность генконсула была для Николая Ивановича малопrestiжна и плохо оплачиваема.

Приведём пример того, как в идеале функционировала консульская служба в начале XIX века. В ноябре 1824 года в норвежский портовый городок Арендаль зашёл шлюп «Смирный», направлявшийся в русскую колонию в Калифорнии. Заход был вынужденный, судно изрядно потрепал жестокий шторм в Северном море, и прежде чем продолжить дальнейшее плавание, требовалось произвести на нём кое-какие ремонтные работы. Командир шлюпа капитан-лейтенант Павел Афанасьевич Дохтуров немедленно доложил о прибытии почётному российскому генеральному консулу в Кристиансанде надворному советнику Кристьяну Стивену, а тот составил свой подробный доклад и отправил его с курьером в Петербург на имя самого К. В. Нессельроде. Дело было государственной важности — недаром накануне Коллегия иностранных дел России проинструктировала всех своих консульских работников о том, чтобы они оказывали «Смирному» всяческое содействие. На деньги консульства (и, по всей видимости, на средства самого генконсула, богатого человека, державшего торговлю) был закуплен необходимый провиант, и начаты необходимые ремонтные работы на шлюпе. Через месяц пришёл ответ, подписанный Карлом

Васильевичем, в котором говорилось о том, что КИД уведомила о происшествии военно-морской штаб. Так, в общем-то, при отсутствии современных средств связи, оперативно решались тогда вопросы взаимодействия между консульскими и морскими властями России.

Но за этими скучными словами стояла огромная работа. Капитан-лейтенанту П. А. Дохтурову нужно было связаться с консулом и внятно и подробно изложить суть происшедшего. Господину К. Стивену надлежало лично осмотреть потрёпанный бурей шлюп, во всём подробно разобраться и составить объективный отчёт, а также оказать экипажу судна финансовую помощь — пока из собственных средств. Чиновникам Коллегии иностранных дел, к которым поступил доклад Стивена, тоже было необходимо оценить сообщение почётного консула, разобраться в происшествии и только потом уже составить соответствующий документ Нессельроде. В этой цепочке событий мог произойти любой сбой, и тогда дело «Смирного» затянулось бы на месяцы, а то и годы.

Деятельность консульских учреждений регулировалась Консульским уставом, разработанным и введённым в действие, как мы уже упоминали, в 1820 году. Потом Устав дополнялся и видоизменялся в 1858 и 1893 годах. Консульства по своему статусу и рангу — в зависимости от важности того города, в котором они учреждались — делились (и делятся поныне) на четыре класса: генеральные консульства, просто консульства, вице-консульства и консульские агентства. Например, Антверпен или Марсель удостаивались обычно учреждения генерального консульства, а тихий персидский городок Пешавар должен был довольствоваться вице-консульством. Соответственно во главе консульских учреждений стояли генеральные консулы, консулы, вице-консулы и консульские агенты или секретари. В штатном расписании генерального консульства могли быть консулы, вице-консулы и консульские секретари, а в составе консульств — вице-консулы и секретари*. Кроме того, в структуре посольств и миссий существо-

---

* Консульские секретари фактически выполняли функции вице-консулов, но незаслуженно не получали это звание, что конечно же отрицательно сказывалось на их материальном и служебном положении.

вали консульские отделы, выполнявшие консульские функции, но их сотрудники чувствовали себя всё-таки посольскими служащими.

Свои функциональные обязанности консульские чиновники выполняли на территории, называемой консульским округом. Его размеры и границы определяются по согласованию с властями страны пребывания Министерством иностранных дел, назначившим своего консула в эту страну. Если посол или посланник должен аккредитоваться в стране с помощью верительных грамот, то главы консульств используют для этого *консульский патент*. Признав его, государство, принимающее консула, выдаёт ему *экзекватуру* — отдельный документ или разрешающую резолюцию на его патенте. Направляясь в 1830 году в город Сливен (Болгария), русский консул Г. В. Ващенко, до этого секретарь миссии в Константинополе, патент получил из рук посла в Константинополе А. И. Рибоьера, в то время как турецкие власти, на чьей территории находился Сливен, выдали ему вместо экзекватуры так называемый *берат*. Если в стране имелись миссия или посольство, то консул в вопросах общего оперативного руководства, как правило, подчинялся посланнику или послу.

Российские консульства, расположенные на территориях английских колоний, формально подпадали под юрисдикцию Великобритании, а потому всякое открытие нового консульского учреждения или назначение в него нового консульского работника должно было получить одобрение Форин Оффис. Из внешнеполитического ведомства Великобритании шло соответствующее уведомление в Лондонское посольство: «Статс-секретарь по иностранным делам свидетельствует своё уважение Посольству России и, ссылаясь на ноту Его Высочайшего Превосходительства от 1 апреля с. г., имеет честь уведомить его, что г-н Шоков признан в качестве действующего вице-консула в Коломбо».

Россия долго не могла открыть своё консульское учреждение в Индии, поскольку Англия выставляла ответное требование учредить британские консульства в Тифлисе и Баку. С этим требованием долго не соглашались и на Певческом Мосту, и в Генеральном штабе,

справедливо полагая, что английские консулы будут непременно заниматься разведывательной деятельностью на Кавказе. Переговоры на эту тему шли около двадцати лет, пока к взаимному удовлетворению в 1899 году не было открыто российское консульское представительство в Бомбее, переведённое потом в Калькутту (тогда столицу Индии). Английская сторона не хотела повышать ранг этого представительства выше консульства, однако прибывший в Бомбей В. О. фон Клемм «самостоятельно» объявил себя генеральным консулом, чем вызвал раздражение и недовольство колониальной администрации Индии.

Первый генконсул России в Индии вёл себя довольно независимо, придирки англичан воспринимал, что называется, в штыки и завоевал репутацию шпиона. Подозрения англичан, очевидно, судивших о поведении Клемма по себе, усиливал тот факт, что Василий Оскарович из-за бомбейской жары переселился в город Пуна (180 километров от Бомбея), где были дислоцированы воинские части и где находился центр так называемого *маратхского* антиколониального движения. Генконсулом англичане упрямого Василия Оскаровича, в конце концов, признали... Всё-таки он был чиновником IV класса.

После Клемма генконсулом непродолжительное время являлся А. А. Половцов, который был вынужден прервать свою командировку из-за малярии, а после его отъезда обязанности генконсула исполнял наш знакомец С. В. Чиркин — по характеристике Ревелиотти, типичный чиновник, который ничем в своей работе не выделялся, и англичане его просто игнорировали. Насколько прав был Ревелиотти в своих суждениях о Чиркине, мы допытываться не станем. Скажем только, что Чиркин считался всего лишь консульским секретарём или вице-консулом, а потому, естественно, в высших сферах английской администрации замечен не был.

Новым генконсулом в Бомбее стал барон А. А. Гейкинг, переведённый из Нью-Касла, Англия. Барон был ярким англофилом, приехал в Индию, чтобы поправить своё материальное положение, и долго там не задержался. Это был тоже «оригинал» в своём роде, оценивавший

работу консульского чиновника по количеству статей, им опубликованных в служебных вестниках. Он сам много писал, был автором солидного труда по консульским вопросам и того же требовал от своих подчинённых. Барон любил работать: когда он прибыл в Бомбей, то взял на себя всё консульское делопроизводство, оставив секретарю Чиркину роль простого переписчика.

Гейкинг имел одну слабость — склонность к... пению. У него, по свидетельству Чиркина, были небольшой тенорок и большая охота петь чувствительные романсы. Главная его беда состояла в том, что не было аккомпаниатора. Однажды он услышал из соседней виллы пение англичанки, сопровождаемое аккомпанементом рояля. Некоторое время барон прислушивался, но скоро его терпение кончилось, и он решил действовать. Однажды он вызвал к себе Чиркина и показал ему написанную на консульском бланке записку следующего содержания: «Даме и господину, которые только что исполнили романс "Because". Будучи сам музыкантом и любя пение, был бы рад возможности петь иногда под ваш аккомпанемент. Генеральный консул барон Гейкинг».

Обомлевший Чиркин пытался отговорить шефа от такого опрометчивого шага: сначала следовало бы навести о поющих соседях справки, чтобы не попасть в какое-нибудь ложное положение. Но барон утверждал, что его английский опыт подсказывает, что всё будет «о-л-райт». С запиской был послан слуга, и он скоро вернулся с ответом, в котором певица приглашала генконсула на чашку чая. Гейкинг пришёл в неописуемый восторг, и уже через четверть часа Чиркин услышал из соседнего дома его голос, распевавший романс «Because». У певцов начался бурный период общения, англичанин, средней руки клерк в администрации английского губернатора, и его жена были в восторге от русского дипломата и каждый день забрасывали его приглашениями.

Всё кончилось, когда англичане осмелились пригласить барона на обед. Это ему страшно не понравилось, он отказался от обеда и стал манкировать спевки. А потом, под видом отъезда в летнюю резиденцию, отказался от контактов с ними вовсе. Вероятно, так подсказывал ему английский опыт. Бомбей не оправдал надежд

Гейкинга, и скоро он, как только барон Унгерн-Штернберг освободил место генерального консула в Лондоне, попросился обратно в свою любимую Англию. Но мы не прощаемся с ним и скоро встретимся на страницах этой книги.

После А. А. Гейкинга в Калькутте появился Б. К. Арсеньев*, исполнявший некоторое время в Пекине обязанности временного поверенного в делах. По прибытии в Пекин посланника Коростовца у Арсеньева начались проблемы: он никак не мог ужиться с новым посланником и был вынужден просить перевести его в любую другую страну. Сын известного академика К. К. Арсеньева и брат любимого царём флигель-адъютанта Е. К. Арсеньева, генконсул Арсеньев быстро разочаровался и в «прелестях» Индии, и у него, как пишет Л. Х. Ревелиотти, началось «томление», то есть тоска по родине. (Чем может кончиться подобное «томление», мы увидели на примере Богданова, покончившего с собой в США.) Теперь Арсеньев всеми фибрами своей души стремился вырваться из Индии и в большой спешке удалился пока в отпуск**, переложив все свои обязанности на только что прибывшего из Египта вице-консула Леонида Х. Ревелиотти.

— Мы обречены здесь на почтительное созерцание и редкие встречи с напыщенным англичанином, именующимся вице-королём и мнящим себя полубожеством, — заявил он Ревелиотти при первой же встрече.

С вице-королём Индии лордом Хардингом Ревелиотти удалось установить нормальные рабочие отношения. Правда, это было уже время, когда напряжённость в отношениях между обеими странами после заключения Россией известного соглашения с Англией по разграничению сфер влияния в Персии в значительной мере спала. К тому же супруга вице-консула Ильда Ливиевна привезла леди Хардинг письмо от её сестры, так что Ревелиотти сразу стали у Хардингов «персона грата».

Существует правило всех времён и социальных пер-

---

* С. В. Чиркин называет его В. К. Арсеньевым.

** Не путать с Арсеньевым-вторым, сотрудником императорской миссии в Бухаресте, действительным статским советником и 1-м секретарём миссии в 1915 году.

турбаций: обстановка в заграничном представительстве, как правило, становится тем «экзотичней», чем дальше оно располагается от своей столицы. Это правило можно было применить и по отношению к генеральному консульству в Индии. Его «достопримечательностью» являлось то, что драгоман Н. З. Бравин имел *конгай* — то есть сожительницу из числа местных гражданок. Посреди генконсульского двора бил фонтан, в котором конгай Бравина вместе с индийскими слугами осуществляла свои омовения. Арсеньев, перепоручивший почти всю канцелярию Бравину, зависел от него, а потому разрешил конгай официально поселиться на территории генконсульства. Чисто консульскими делами занимался почётный вице-консул В. Г. Алигенов, «весьма спортивный бурят и милейший человек», представитель московской чайной фирмы «Губкин и Кузнецов». Пока генконсул сибаритствовал и «почтительно созерцал» вице-короля Индии, драгоман исправно писал на него в Центр доносы.

От «томления духа» генконсул Арсеньев перед своим отъездом попал в неприятную историю. Германский генконсул Генрих XXI фон Рейс на холостяцком обеде (все консульские работники в Калькутте были холостяками, так что единственным женатым человеком оказался только вице-консул Ревелиотти) произнёс такую фразу по-английски: *«Я единственный приличный генеральный консул, у которого есть дом»*. Наш генконсул придрался к слову «приличный» (по-английски *decent*), придав ему смысл, заключавшийся во французском эквиваленте *decent**, и вызвал немца на дуэль. На примирение Арсеньев ни за что идти не захотел, так что фон Рейсу пришлось выражать ему свои сожаления и подтверждать, что если он и обидел коллегу, то ненароком.

В индийской таможне у жены Ревелиотти украли котиковую шубу. Когда вице-консул обратился туда с этим делом, ему заявили, что ничего о шубе не знают. Тогда дипломат пошёл к директору таможни (естественно,

---

* Проверка по французскому словарю выявила полную смысловую идентичность французского варианта *decent* с английским *decent*, так что возмущение Арсеньева было лишено всякого смысла.

англичанину) и заявил, что он является членом английской масонской ложи. Шуба тут же нашлась.

Кстати, о членстве русского дипломата в английской масонской ложе. Ревелиотти рассказывает, что вступить в ложу его побудил консул в Каире А. Н. Абаза, владевший восемью иностранными языками и считавшийся одним из выдающихся царских консулов того времени. По его мнению, основные принципы английских масонов — безусловная вера в существование Творца, запрет извлекать из своего членства политическую и иную выгоду, самосовершенствование и активная помощь ближнему — никоим образом не вступали в противоречие с принадлежностью к царской дипломатической службе. Секретность масонской организации касалась якобы лишь ритуальной и церемониальной части её деятельности, а также членства того или иного лица в ложе. Масонство в России было запрещено Николаем I, но английское масонство тайной организацией якобы не считалось. Членами масонских лож были король Эдуард VIII, вице-король Индии, лорд Китченер и многие другие.

Поэтому Ревелиотти со спокойной совестью вступил в Каире в ложу Английской конституции «Грешиа», прошёл три ступени, а в Индии вступил в калькуттскую ложу «Кокордия» и ложу «Китченер» в Симле. Позже он был посвящён в высшую степень *Royal Arch*, а потом — в рыцари Мальтийского ордена Святого Иоанна Иерусалимского*. В соборе в Симле ежегодно совершалась торжественная служба, на которой при всех своих регалиях присутствовали местные масоны. Летом в городской ратуше устраивался масонский бал.

...По прибытии к месту службы Ревелиотти, как истинный дипломат, расписался в книге у вице-короля, у главнокомандующего индийской армией генерала О'Мур-Кроя и у губернатора Бенгалии лорда Карлмайкла, а потом решил нанести визиты вежливости своим иностранным коллегам. Первый визит он сделал бразильскому генконсулу. В передней бразильского генконсульства на Ревелиотти напал бойцовый петух и

---

* Надо полагать, что это случилось уже после того, как Ревелиотти перестал служить в Министерстве иностранных дел.

чуть не выклевал ему глаза. С визитами вежливости пришлось покончить.

Колониальные власти жили и работали в Калькутте всего три месяца, а на остальное время года они переселялись в более прохладное место к подножию Гималаев — в Симлу. Вместе с местной администрацией в Симлу переезжал и весь консульский корпус (дипломатический корпус в Индии отсутствовал). Бюрократический колониальный режим в Индии разрешал иностранным консулам жить и работать только в портовых городах. Когда столицу Индии в 1911 году перевели из Калькутты в Дели, сложилась странная ситуация: власти удалились от дипломатов на весь год, и консулы фактически бездействовали, не получая никакой информации о стране. Англичанам явно не хотелось, чтобы иностранные дипломаты воочию увидели, как они обходятся с «жемчужиной в короне английского короля». Правда, консулам в жаркий период разрешали переселяться в Симлу, но запрет на жительство в Дели по-прежнему существовал.

Генконсулу В. К. Набокову, благодаря хорошим отношениям с вице-королём лордом Хардингом, работавшим английским послом в Петербурге, удалось решить эту проблему остроумным способом (к этому времени уже шла Первая мировая война, и русские были союзниками англичан). Чтобы другие иностранные консулы не восприняли исключение, сделанное для русского, как прецедент, Набокова поселили на весь год в квартиру офицерского собрания уланского полка. Это был обычный барак, но зато в самом Дели. И когда коллеги Константина Дмитриевича по консульскому корпусу спрашивали статс-секретаря (то есть министра иностранных дел), почему русский генконсул живёт в Дели, а им это не дозволяется, англичанин, не моргнув глазом, отвечал:

— Он гость 11-го уланского полка.

Кстати, генконсулу Набокову в некоторой степени удалось разбить, по его собственному выражению, «иерихонскую стену» английской подозрительности и русского невежества относительно Индии. Первую мировую войну и революцию он встретил уже в качестве

советника посольства в Лондоне. Но это всё произошло позже, а пока вице-консулу Ревелиотти пришлось сталкиваться с индийской экзотикой либо в Калькутте, либо в Симле.

О том, в каких условиях работали царские консульские чиновники в Индии, даёт представление описание помещения, снимаемого генеральным консульством в Симле. Дом носил романтическое название «Вилла “Утёсы”» и состоял из 28 комнат, половина которых, естественно, пустовала. Вилла обслуживалась многочисленными слугами из числа местных граждан. В штат слуг, находившихся в распоряжении вице-консула Л. Х. Ревелиотти, после того как ему было поручено управлять генеральным консульством, входили: два *чапрасы* (привратника), два брамана, повар и два поварёнка, мажордом и два помощника, *берер* (личный слуга), *мали* (садовник), *бисти* (водонос), *свинер* (чистильщик нечистотных ям), *соис* (конюх), *добби* (прачка), *айа* (горничная жены) и десять *жампани* (носильщики для двух рикш) — всего 27 человек. И это было не так уж и много: у английских генералов штат слуг достигал 40 человек и более.

Дипломатам, а консульским работникам особенно, приходилось иногда попадать в двусмысленные ситуации, из которых нужно было выходить, не теряя чести и достоинства России. В конце 1898 года, в результате Испано-американской войны и завоевания Соединёнными Штатами острова Кубы, на острове для российских внештатных консулов, ранее считавших себя находившимися под юрисдикцией испанских властей, возникла двусмысленная ситуация: испанский сюзеренитет исчез, а США никакой законной власти на Кубе пока не создали. В этой ситуации Министерство иностранных дел России взяло руководство двумя вице-консульствами на Кубе непосредственно на себя, а послу в США графу А. П. Кассини дало указание уладить вопрос с экзекватурами для вице-консулов — желательно, чтобы власти США признали их старые экзекватуры, как это произошло, к примеру, с немцами.

Аналогичный случай возник в 1906 году с миссией России в Корее. После Русско-японской войны Корея, фактически на правах провинции, была включена в состав Японии*, и миссия была переименована в генеральное консульство. Посланник Е. А. Плансон пытался хотя бы за собой оставить звание министра-посланника или министра-резидента, но японцы с этим не согласились, и ему пришлось стать генеральным консулом. Певческий Мост, правда, сохранил в генконсульстве все штаты миссии.

Имело место и запланированное рангирование заграничных учреждений: консульское агентство могло получить ранг вице-консульства, консульство — генерального консульства и т. д., что влекло за собой создание новых штатов и тарифных сеток. Естественно, рангирование могло происходить и в сторону понижения.

Кроме штатных консульств, существовали так называемые внештатные или почётные консульства. Институт почётных консулов возник давно и используется дипломатическими службами многих стран, особенно стран малых и относительно бедных, не имеющих средств на содержание штатных консульских работников. Впрочем, и крупным странам не по силам содержать консульских работников по всему миру. Выход найден в том, чтобы принимать на службу почётных консулов. Это, как правило, лица, проживающие в данном городе, чаще всего портовом, или в данной местности, где возникает потребность в консульской защите государственных интересов и интересов частных граждан. Конечно, лучше всего, если такое лицо является гражданином страны, нанимающей консула, но такие идеальные условия не всегда выполнимы, и МИД страны нанимает в таком случае иностранца — бизнесмена, торговца, адвоката, пользующегося заслуженным авторитетом и безупречным поведением.

Зарплата или жалованье почётному консулу не выплачивается. Ему предоставляется право приобретать

---

* Корея фактически лишилась суверенитета, вместо МИД Кореи японцы учредили Бюро иностранных дел при японском губернаторе Комацу. Император Кореи мог только иногда и только в присутствии японского чиновника принимать у себя иностранных дипломатов.

беспошлинно товары личного потребления (по дипломатической скидке) и даются некоторые льготы по части бизнеса или торговли с представляемой им страной. Нанимаемый в 1909 году в Мексике почётный вице-консул отставной поручик Г. А. Ваннаг попросил компенсировать ему хотя бы канцелярские расходы, однако директор Департамента личного состава и хозяйственных дел К. Аргиропуло вежливо, но категорично ответил, что «за отсутствием свободного кредита просьба не может быть уважена».

Почётные консулы, в зависимости от того, какому государству служат и от того, как зарекомендовали себя на этой службе, в том или ином объёме выполняют функции обычных штатных консулов. Конечно, серьёзные государственные тайны им не доверяют, а вот к некоторым служебным тайнам они имеют доступ. Этот момент — самый щекотливый при найме почётного консула, и каждая дипломатическая служба самостоятельно решает вопрос о том, в каком объёме знакомить почётного консула с документами и секретами, составляющими собственность страны. Теоретически всегда существует опасность, что этими секретами почётный консул добровольно или вынужденно может поделиться с властями страны своего гражданства. Как правило, страны — обладатели больших секретов почётных консулов не используют.

Как бы то ни было, Департамент личного состава и хозяйственных дел, в обязанности которого входил подбор кандидатов на роль почётных консулов, старался собрать на них максимум характеризующих сведений. Конечно, данное лицо должно было иметь безупречную деловую репутацию, по возможности хорошо знать страну и её законодательство, обладать обширным кругом связей и т. п. Кандидат должен был дать подписку о непринадлежности к тайным обществам, а также об отказе требовать с Министерства иностранных дел какое-либо вознаграждение за свою работу.

Классификация почётных консульств несколько отличается от классификации штатных тем, что ранг *почётного генерального консульства* в дипломатической практике не встречается. Оно и понятно: как прави-

ло, генеральные консульства наравне с посольствами и миссиями занимались сбором политической информации, а значит, пользовались шифрами и кодами. Вследствие этого они неизбежно должны были быть только штатными. Почётные консулы тоже получают патенты и экзекватуры, и для них тоже выделяется консульский округ. Чаще всего почётные консулы оказывают помощь морякам и содействуют торговым судам, способствуют торговым операциям, оказывают медицинскую и финансовую помощь гражданам, оказавшимся в затруднительном положении, а в некоторых случаях имеют даже право выдавать им паспорта. Непосредственными кураторами почётных консульств выступали, как правило, близлежащие штатные консульства.

Зачем люди нанимались в почётные консулы? Как показывает ознакомление с материалами архивов Министерства иностранных дел России, недостатка в желающих не было, и министерство регулярно рассматривало заявления и кандидатуры россиян и иностранных граждан. В основном это делалось, говоря современным языком, для имиджа. Бизнесмен, являющийся почётным консулом какой-нибудь Боливии или Португалии, имеет право вывешивать на своём офисе герб этой страны, а это престижно, авторитетно и почётно, даёт повышенный статус в обществе и помогает собственному бизнесу и профессии.

Внештатные консулы очень часто представляли не одну, а две и даже три страны. В 1890 году посланник в Стокгольме С. Арсеньев (не путать с Б. К. Арсеньевым) запросил товарища министра А. Е. Влангали дать разрешение вице-консулу в Лулео К. Пальмгрёну, исполнявшему также обязанности испанского вице-консула в том же городе, принять на себя обязанности консульского агента Франции. И Министерство иностранных дел такое разрешение дало. Это не единичный случай. При известных условиях «внештатник» мог вершить собственные делишки за счёт одного или другого флага и наносить ущерб третьему, но тогда в Европе об этом задумывались мало.

А вот внештатный вице-консул в Барлетте господин Бикос повёл себя, по меньшей мере, странно и вызыва-

юще, о чём курирующий и посетивший его генеральный консул в Неаполе В. фон Гене немедленно донёс в Центр: «Вице-консул не только не счёл нужным меня встретить или выслать кого-нибудь вместо себя... но ещё и лишил меня возможности проникнуть в консульство, закрытое им наглухо, где сам скрывался. В течение двух суток и вопреки неоднократным моим посланцам с приглашением явиться в гостиницу и, наконец, на станцию, где мне было сообщено о полном Брикоса благоденствии за час до отъезда, я принуждён был уехать из Барлетты, не выдавши ни вице-консула, ни консульства, где красуются два герба: греческий и русский».

Каковы были причины «бунта на корабле», и почему господин Брикос не пожелал встретиться с куратором, из дела не ясно. Бедный остзеец фон Гене! Его практичный и упорядоченный ум не мог и вообразить, что так можно себя вести. Это и понятно: ведь он не был греком.

Проникновение России в Латинскую Америку началось с учреждения там русских консульств. Когда в 1808 году португальский двор с принцем-регентом Жуаном после вторжения в страну войск Наполеона бежал в Рио-де-Жанейро, Александр I дал указание своему канцлеру установить дипломатические отношения с Бразилией и назначил посла в США Ф. П. Палена одновременно послом в Бразилии. Для Палена представлять Россию в Рио-де-Жанейро из Вашингтона оказалось весьма затруднительным, и Н. П. Румянцев (1754—1826)* направил туда консулом крупного коммерсанта Ксаверия Ивановича Лабенского. Канцлер лично подготовил консулу инструкцию, но Лабенский до места своего назначения не добрался. Всё дело снова подпортила «англичанка», распространившая слухи о том, что Лабенский — агент Наполеона.

Как бы то ни было, но честь дипломатического освоения Латинской Америки принадлежит консульским чиновникам. Вместо Лабенского в Бразилию в 1812 году поехал принявший российское подданство немецкий учёный-энциклопедист Георг Генрих (Григорий Ивано-

---

* Его брат Сергей Петрович (1755—1838), основатель Румянцевского музея, тоже был дипломатом.

вич) фон Лангсдорф. Он сам предложил свою кандидатуру, написав Румянцеву, что пять лет пробыл в Португалии, овладел португальским языком и хорошо усвоил культуру и обычаи этого народа. Кроме португальского и родного немецкого Лангсдорф прекрасно говорил на французском, английском и русском языках.

Консула сопровождали жена и четыре стажёра — Ф. Душкин, Н. Танненберг, И. Горбунков и П. Кильхен — и три художника. До бразильской столицы они доплыли лишь в апреле 1813 года. «Образилившиеся» португальцы приняли русского консула тепло, Лангсдорф оказался к тому же искусным доктором, который стал пользоваться членов бразильского правительства. В 1815 году в Рио-де-Жанейро прибыл поверенный в делах А. В. Сверчков, принявший от Лангсдорфа дипломатические обязанности. Сверчков завоевал доверие как принца Жуана, так и его супруги Карлотты-Хоакин, несмотря на то, что царственные супруги ненавидели друг друга.

Сверчков пробыл в Бразилии недолго, и Лангсдорфу пришлось во второй раз, до прибытия посланника Ф. В. Тейля ван Сераскеркена, одного из военных агентов Барклая де Толли, принять на себя обязанности дипломатического представителя России, о чём он исправно доложил К. В. Нессельроде. Когда Рио-де-Жанейро в ноябре 1823 года посетил направлявшийся на Русскую Аляску О. Е. Коцебу, его там встретил вице-консул Кильхен. Интерес Александра I, а потом и Николая I к Бразилии оказался устойчивым. В 1829—1831 годах при дворе короля Педру I (1798—1834) был аккредитован посланник Ф. Ф. Борель, умный и опытный дипломат эпохи Александра I*.

В 1825 году у России было 24 штатных генеральных консульства, 21 консульство, 11 вице-консульств и три консульских агента. Далее в политике Министерств

---

* *Фёдор Фёдорович Борель* (1775—1832) — уроженец Милана, на русской службе с 1804 года, выезжал с дипломатическими миссиями в Польшу, Париж и Фридрихсгам, в 1812—1816 годах — консул на Мадейре, в 1828 году — поверенный в делах и генеральный консул в Лиссабоне. Монархист и бесребренник. После того как в Петербурге у него умер сын, а потом на Дунае потонула дочь с мужем и ребёнком, здоровье Бореля сильно пошатнулось. Он умер в Рио-де-Жанейро в ночь с 31 декабря 1831 года на 1 января 1832 года от кровоизлияния в мозг.

тва иностранных дел наметилась тенденция к экономии средств, к сокращению числа штатных и к росту внештатных консульских учреждений. В последний год царствования Николая I у России было 18 генконсульств, 20 консульств и пять вице-консульств, а почётных консульств стало 84.

В царской России консульские функции часто осуществлялись губернаторами пограничных губерний, командующими армиями, находившимися на чужой или пограничной территории, а также капитанами морских судов. Вот любопытный документ о присоединении Сахалина к империи и пожаловании его жителям российского подданства:

«1806 года октября ...дня. Российский фрегат "Юнона" под начальством флота лейтенанта Хвостова*. В знак принятия острова Сахалина и жителей оного под всемилостивейшее покровительство российского императора Александра I старшине селения, лежащего на восточной стороне губы Анивы, пожалована серебряная медаль на Владимирской ленте. Всякое другое судно, как российское, так и иностранное, просим старшину сего признавать за российского подданного».

Как мы уже говорили, в обязанность консульств входят учёт русских эмигрантов в стране пребывания и наблюдение за русской колонией. Естественно, Третье отделение использовало их для сбора сведений о неблагонадёжных русских подданных. Дело это было щекотливое и для дипломатов непривычное. А. И. Герцен в своей книге «Былое и думы» описывает, как его неожиданно навестил российский консул в Ницце и передал ему повеление Николая I вернуться обратно в Россию. Консул, по всей видимости, человек мягкий и совестливый, воспринял это поручение не без внутренней борьбы. Александр Иванович, у которого накануне русское правительство отняло родовое имение, отнюдь не был настроен любезничать и всю свою ненависть к самодержавно-крепостническому строю обрушил на бедного чиновника.

---

* Николай Александрович Хвостов (1776—1809) плывал на судне Российской американской компании из Охотска на Сахалин.

Консул, зачитывая присланную из Петербурга бумагу, встал, но не из уважения к хозяину дома, как было подумал Герцен, а из уважения к тем, кто его послал: к графу К. В. Нессельроде и шефу жандармов графу А. Ф. Орлову. Каково же было удивление консула, когда он услышал от хозяина, что тот никуда ехать не собирается.

— Да как же это? — сокрушался консул. — Позвольте, чего же я напишу? По какой причине? Что же я скажу — ведь это послушание воли его императорского величества!

— Так и скажите, — предложил Герцен.

— Это невозможно, я никогда не осмелюсь написать это, — лепетал чиновник и всё больше краснел. Он предложил Герцену сказатьсь больным, но тот, естественно, отказался. Договорились, что Герцен сам напишет ответ в Петербург, адресованный графу Орлову — вариант обращения Герцена к себе лично консул отверг, опасаясь неприятностей.

Позже русские дипломаты, конечно, свыкнутся с поведением революционеров и услышат от них и не такие дерзкие ответы. А пока — на дворе стоял 1849 год — им всё это было в новинку, странно и страшно.

Писатель В. В. Крестовский, отправившийся в 1880 году в кругосветное путешествие с экспедицией адмирала С. С. Лисовского, в турецком городе Смирна имел возможность общаться с почётным консулом России, который выступал в роли экскурсовода по местному базару для русских моряков. Это был любезный и очень обязательный человек, но имел один недостаток: он не только не говорил, но и не понимал ни слова по-русски. «При всех достоинствах таких консулов позволительно, однако, усомниться в их полезности, — сетует писатель. — И в самом деле, для кого и для чего они здесь существуют?» Ведь ни один русский приказчик или купец, не владеющий французским, турецким или греческим языками, не смог бы объяснить ему своё дело! Значит, нужно искать переводчика, владеющего умением написать деловую бумагу и оформить её в соответствии с канцелярскими требованиями. «Представьте же, какая это сложная... и дорогостоящая процедура, — возмущается писатель, — и каким это способом будет какой-

нибудь Пахом Ферапонтов... из Весеьгонского уезда отыскивать себе переводчика, если даже в составе лиц, служащих в консульстве, нет ни одного человека, понимающего по-русски?»

Очевидно, что Крестовский, будучи формально прав, не учитывал трудности для Министерства иностранных дел России подобрать в таком захолустье, как Смирна, стоящего человека, владеющего русским языком: «Небось, англичане нигде не посадят на такой пост человека, не знающего по-английски, да и никто, кроме нас, этого не делает». Писателя возмущает, в частности, то обстоятельство, что почётные консулы используют своё консульство в личных целях — для улучшения своего гешефта. В большинстве своём, по его мнению, это люди из тех русскоподданных армян, евреев и греков, которые приняли подданство исключительно для того, чтобы ускользнуть от турецкой юрисдикции и под покровительством МИД России творить свои тёмные делишки. «Такие “русскоподданные” в громадном большинстве своём составляют то, что называется нравственной сволочью», — заключает он. (При этом он ошибочно полагает, что внештатные консульства находились на содержании русской казны.) Что ж, в семье не без урода, прохиндеи и недобросовестные люди были и среди почётных консулов. Что касается англичан и других наций, то и у них с этим делом было не так уж мало проблем.

Взору всякого постороннего человека, знакомившегося с жизнью консулов в качестве туриста, обычно представляется экзотическая и умилительная картинка, приводящая наблюдателя в полный восторг. Так случилось и с Крестовским. Русское консульство в Нагасаки расположено над районом Омуру, застроенном европейскими негодьями в колониальном стиле со своеобразной примесью «японщины», сообщает В. В. Крестовский. Чтобы попасть в консульство, нужно было подняться с набережной по дорожке вверх, миновать католическую миссию, свернуть вправо мимо старых тенистых деревьев и живых изгородей и выйти к одноэтажному деревянному домику на каменном фундаменте с русским государственным гербом при входе.

«Домик построен в русском вкусе, с резными из дерева (впрорезь) полотенцами, петушками и коньками на гребне крыши и над фронтоном сквозного крыльца, через площадку которого вы проходите прямо в сад консульства, — пишет Всеволод Владимирович. — При офисе... маленький дворик, и тут на высоких бамбуковых шестах качаются три презабавные макаки, одна из которых преуморительно отдаёт честь входящим, прикладывая руку к виску и громко щёлкая языком». Жилая часть дома украшена застеклённой верандой, из которой открывается прекрасный вид на залив, усыпанный судами, на набережную и противоположный берег.

Сад при консульстве, окружённый каменной стеной, был тоже своего рода шедевром. Великолепные кусты больших белых роз вместе с вызревающими помаранцами и миканами проникали своими ветвями в окна консульства. Латании и саговые пальмы, лавр и слива, многообразие хвойников, азалий и магнолий, гигантских камелий, криптомерий, а также клёнов и камфорных пород деревьев поражали своей роскошью, удивительными запахами и прохладой.

Одним словом, нашему воображению представляется совершенно идиллическая картина. Казалось, консульство было именно тем местом, где любой человек, в том числе и консул Российской империи, найдёт себе утешение и отдохновение от всех превратностей жизни. Самому консулу, естественно, так не казалось.

Консул В. Я. Костылёв принял адмирала Лисовского и сопровождавших его лиц с удивительным радушием и гостеприимством. Он суетился и угощал дорогих гостей папиросами, сигарами и прохладительными напитками и не уставал повторять, как ему было приятно, прожив много лет на чужбине, увидеть вдруг «свежего человека с родины».

— Да разве здесь так плохо? — удивились гости. — Смотрите, какая прелесть!

— А бог с ней, с этой прелестью! Неплохо здесь — что Бога гневить, но... всё тянет туда... Тоска берёт порой... Вот что!

Костылёв был истинно русским человеком, который не мог долго находиться вдали от родины. Томление!

Члены экспедиции в августе-сентябре 1880 года при посещении японского порта Нагасаки были приятно удивлены неожиданной встречей с другими своими земляками. Во время прогулки с Костылёвым по набережной канала они неожиданно услышали до боли знакомые звуки «Камаринского». Когда подошли поближе к источнику звуков, то прочитали вывеску, исполненную аршинными буквами: «Санкт-Петербургский трактир». Большие широкие окна трактира были настежь открыты, и изнутри неслись мощные звуки не то органчика, не то шарманки. За столами расселось около двух десятков матросов, несколько человек, обнявшись друг с другом, как кавалер с дамой, с серьёзными выражениями на лицах топтались посредине комнаты, изображая нечто вроде вальса. Девчонка лет двенадцати крутила ручку шарманки, поставленной на почётное место возле буфета.

«...Не успели мы остановиться на минутку, — пишет В. В. Крестовский, — чтобы взглянуть на эту оригинальную сцену, как из раскрытых дверей выскочили нам навстречу хозяин этого заведения со своею супругой и несколько чумазых ребяташек, уцепившихся за её юбку. Хозяин словно каким-то собачьим нюхом почуял в нас русских и потому сразу на русском языке любезно приветствовал с благополучным прибытием». По акценту сразу было понятно «семитическое происхождение сего джентльмена», продолжает Крестовский. С первых же слов он заверил гостей, что он «з Россия, з Одесту».

— Но какими же судьбами попали вы в Нагасаки?

— Так уж мне Бог дал... Штоби быть приятным русским матросам, — был ответ.

В предместье города Иносу, известном всем японцам под названием «Русская деревня», был расположен русский госпиталь. В. В. Крестовский вместе с судовым доктором В. С. Кудриным решили навестить его. Они вышли к пристани, кликнули ожидавшего своей очереди *фуне* (лодочника) и произнесли магическое слово «Иноса».

— Иноса? Харасё! — засмеялся японец и повёз русских к госпиталю, который временно возглавлял судовой врач с военно-морского судна «Африка»

А. В. Куршаков. Госпиталь для матросов также находился в полгоры на участке японца по имени Сига, арендованном русским правительством также под шлюпочный ангар и мастерские. Госпиталь располагался в нескольких японских домиках, в нём лежали матросы и младшие офицеры с русских кораблей, пострадавшие от шторма или в результате несчастных случаев.

При осмотре участка экскурсанты увидели, что на крыше одного домика рядом, на свежем воздухе, проветривался гражданский мундир с шитьём и лампасами. «Должно быть, это мундир Александра Алексеевича Сиги, православного японца, работавшего когда-то секретарём японского посольства в Петербурге», — догадался Кудрин. К сожалению, хозяина не оказалось дома, и русские оставили ему свои визитные карточки.

В Иносе, по соседству с японским и голландским, было расположено и русское кладбище, в котором Крестовский насчитал около шестидесяти могил. Благодаря постоянному уходу за могилами со стороны японцев кладбище выглядело чисто и пристойно.

В Нагасаки из Токио для деловых переговоров с Лисовским прибыл русский посланник Кирилл Васильевич Струве, сын известного астронома и основателя Пулковской обсерватории В. Я. Струве, которого мы встречали также и в других странах.

Описывая впечатления о своей командировке в Грецию, Соловьёв (начало XX века) приводит следующий курьёзный случай, связанный с почётным консулом. Вместе с посланником Ону он прибыл на стационаре на остров Милос. Там они, к своему вящему удивлению, были встречены русским почётным консулом на катере с русским флагом. О его существовании никто в миссии и не подозревал. Консул был назначен много лет тому назад, он никогда не писал в миссию, и о нём просто забыли. Его имя не значилось даже в ежегодном справочнике МИД Греции.

Не лучше было положение и в Бразилии. Когда в 1895 году временный поверенный в делах Коростовец ехал к месту службы, он обнаружил, что в городе Белем (Пара) внештатный российский консул давно умер, и его обязанности выполнял родственник. При всём при

этом миссия в Рио-де-Жанейро буквально страдала от безделья, но ни один дипломат почему-то не вспомнил о своей обязанности надзирать и контролировать деятельность внештатных консульских чиновников. Коростовец, не доехав до столицы, стал назначать вице-консулов своей властью, не дожидаясь результатов длительной переписки по этому вопросу с Департаментом личного состава и хозяйственных дел.

При чрезвычайных обстоятельствах и внештатные консулы могли рассчитывать на помощь российской казны. Внештатный консул на острове Занте (Греция) господин Доминигини, кажется, был человеком честным и добросовестным, иначе посланник в Афинах Ону не стал бы в 1893 году ходатайствовать за него перед Азиатским департаментом о выдаче единовременного пособия. Во время землетрясения на острове консул остался без крова и имущества и ютился с семьёй в палатке. Управляющий министерством Шишкин получил высочайшее согласие о выдаче Доминигини тысячи рублей.

В посольстве в Нью-Йорке Коростовец встретился с временным поверенным в делах Богдановым, который долго проработал в Бразилии и мог бы удовлетворить любопытство Коростовца в информации о стране, о которой тот имел лишь общее и весьма смутное представление. Богданов, корректный и изящный дипломат, напоминавший Печорина из лермонтовского «Героя нашего времени», томно сказал, что достаточно прочитать книгу бывшего посланника в Бразилии Ионина.

— Впрочем, сами увидите, — добавил Богданов, — красивая природа, но скучный народ; во всяком случае, страна будущего, а не настоящего, всё слишком первобытно — дикари, которые корчат из себя парижан.

Как выяснилось, Богданов страдал сплином или неврастением, возникшей, по всей видимости, от праздности и тоски по родине.

Расстались друзьями, пишет Коростовец. Скоро до него дошли известия о том, что Богданов застрелился, разослав перед этим знакомым фотографии, изображавшие его в гробу. Более подробно о Богданове мы уже сообщали в главе «Милые люди в Вашингтоне».

Смертельные исходы для заграникомандировок русских дипломатов не были редкостью. Многие умирали, не выдерживая жаркого и влажного климата страны пребывания, но были и другие случаи. 3/16 марта 1906 года вся европейская колония Коломбо была потрясена самоубийством русского внештатного консульского агента, представителя процветающего чайного торгового дома «Щербаков, Чокков и К» Трифона Чоккова. Самоубийца, холостой мужчина среднего возраста, находился на Цейлоне с 1898 года. После себя он оставил записку, в которой пояснил, что ушёл из жизни, посчитав свою болезнь (он болел ангиной) неизлечимой, и попросил своё тело кремировать. Накануне из провинции он приехал на автомобиле в цейлонскую столицу и поселился в гостинице «New Oriental Hotel», в номере, где и нашли его тело сразу после рокового выстрела из пистолета в сердце. Все консульства Коломбо в связи с кончиной коллеги приспустили свои национальные флаги.

В архивном деле Департамента личного состава и хозяйственных дел хранится доклад начальника Чоккова, вице-консула в Коломбо, представляющий, на наш взгляд, дополнительный интерес. Приводим его дословно:

«Вследствие самоубийства нашего консульского агента Триф. Чоккова считаю не лишним представить при сём Деп-ту опись казённых вещей, сданных мною под расписку на оной г-ну Лабюсьеру, названному французскому консульскому агенту, 3/16 марта 1906 года, перед моим отъездом с Цейлона в отпуск.

Как Деп-ту угодно будет усмотреть, в числе вещей вице-консульства находится револьвер, купленный мною в 1904 году, когда я, по поручению 1-го Департамента устанавливал наблюдение за японскими шпионами на острове, и следом за их агентом Танака отправился с шифром и ответственными лицами о-ва в Тринкомали, тогда главный порт английской восточно-индийской эскадры.

О покупке этого револьвера я своевременно донёс Деп-ту».

Донесение неразборчиво подписано и снабжено

описью казённого имущества на английском языке, в которой, кроме револьвера, значатся портрет Е. И. В., письменный стол, несгораемый шкаф, два кресла, три стула, табурет, вентилятор, четыре печати, деревянный чернильный прибор и некоторые другие канцелярские мелочи. Вот и вся обстановка.

С. В. Чиркин, встречавшийся с Чоковым в Коломбо, характеризует его как высокомерного типа, самодура и кутилу, устраивавшего на своей русской тройке бешеные гонки по улицам цейлонской столицы на страх разбегавшимся в разные стороны её жителям. Чоков, по мнению Чиркина, запутался в денежных делах и застрелился.

Следующий эпизод из повседневной жизни консульских служащих может кому-то показаться скучным, но он наглядно иллюстрирует, с какими личными проблемами сталкивались царские дипломаты, находясь далеко от родины.

В начале июня 1902 года консул в Рущуке (Турция) Н. А. Налётов обратился в Департамент личного состава и хозяйственных дел с прошением содействовать внесению его детей в дворянскую родословную книгу и получению на них дворянского свидетельства. За время отсутствия в России у него родились две дочери, и необходимо было подтвердить их право на дворянство — автоматически это не происходило.

Лучше бы он не начинал этой процедуры, ибо она превратилась в настоящую волокиту. Положение усугубляло то, что проситель находился за пределами России, а все его личные документы находились на хранении в ДЛСиХД. Поэтому основное время заняла переписка между Петербургом и Рущуком.

Департамент личного состава и хозяйственных дел вежливо «отфутболил» консула, заявив, что брать на себя хлопоты по такому делу не желает и сказать, какие документы понадобятся для удовлетворительного его завершения, тоже не может, а потому порекомендовал просителю обратиться непосредственно в Департамент герольдии. Единственное, в чём департамент мог помочь Налётову, это выслать в Рущук перечень его личных документов, оставленных у них на хранение

(речь шла о метрических свидетельствах самого Налётова и его детей, родившихся в России, о брачном свидетельстве его и жены и аттестате об окончании им Лазаревского института восточных языков), и сообщить о результатах своего запроса в Департамент герольдии Правительствующего сената России.

Сенат проверил дело дворянина Николая Александровича Налётова и сообщил в Министерство иностранных дел, что 15 декабря 1859 года были «утверждены постановления Костромского Дворянского Депутатского Собрания о внесении подпоручика Александра Васильевича Налётова с женою его Варварой Александровной и детьми, а в их числе и сыном Николаем, во вторую часть дворянской родословной книги, по личным его заслугам...». Консулу Налётову рекомендовалось обратиться с прошением непосредственно в Костромское дворянское депутатское собрание, представив туда копию своего послужного списка, консисторские метрические свидетельства о рождении детей и удостоверение о сохранении ими прав состояния (то есть справку о том, что они ещё дворяне).

Он начал с того, что греческое свидетельство о рождении дочери Софии перевёл на русский язык (София крестилась в Трапезунде в православной греческой церкви), затем подписал его у священника, выдавшего первичную метрику, потом скрепил его подписью вышестоящего церковного иерарха, *легализовал** в своём консульстве и выслал его по назначению. Русское свидетельство дочери Налётова, в конце концов, оформили в Собственной его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, а Департамент личного состава и хозяйственных дел в сентябре 1902 года переслал его в Рушук, потребовав от просителя уплаты гербового сбора в сумме 1 рубля 20 копеек.

---

* Легализовать документ — заверить его подлинность, в том числе подтвердить точность его перевода на русский язык и подлинность печатей и подписей чиновников данной страны. В консульствах, как правило, находятся образцы печатей и подписей сотрудников МИД страны пребывания, которые, в свою очередь, подтверждают подлинность печатей и подписей загосовских и других учреждений своей страны. После заверки (легализации) документа он может иметь законное хождение в России.

После этого консул Налётов попросил департамент выслать ему метрику на сына Александра и своё свидетельство о браке и сообщил, что поскольку русских гербовых марок у него нет, то посылает в Петербург два рубля. Некоторое время спустя он сообщил, что такую мелкую сумму у него на почте не приняли, в связи с чем просит вычесть эти жалкие 120 копеек из его жалованья и заплатить из них гербовый сбор в Собственную его Императорского Величества канцелярию. Департамент терпеливо высылает дополнительные метрики в Турцию и просит «вернуть оные» по миновании надобности...

В конце архивного дела, заведённого по прошению Налётова, автор с трудом обнаруживает проблески света в туннеле, но по архивным документам дело консула так и не закончилось. Хочется верить, что все его дети благополучно были вписаны во вторую или другую часть дворянских книг Костромской губернии и что для консула Налётова это были самые неприятные минуты в жизни.

Дипломату свойственно слегка преувеличивать значение той страны, в которой он работает, и это естественно. Глава генконсульства в Танжере (Марокко), министр-резидент Бахерахт в октябре 1903 года был озабочен проблемой преобразования генконсульства в миссию. Свой проект в пользу этого он, естественно, обосновал «государственными соображениями», изложив товарищу Ламздорфа, его сиятельству В. А. Оболенскому, такую подоплёку: находившиеся в консульском округе генеральные консульства Бельгии, Португалии и Австро-Венгрии уже преобразованы в миссии, остались только генконсульства Бразилии и США. Но эти последние ведут себя самым неподобающим образом, их сотрудники, пользуясь своим служебным положением, вступают в сомнительные сделки с марокканцами, а потому честные члены консульско-дипломатического корпуса общения с ними избегают. И Бахерахт делает вывод: нахождение Российского Императорского генерального консульства в таком обществе непозволи-

тельно. Больших торговых интересов Россия в Марокко не имеет, пишет министр-резидент, намекая на то, что зато существуют большие политические интересы. Кроме того, в случае его отсутствия в генконсульстве нет полномочного лица, которое могло бы исполнять обязанности временного поверенного, потому что его заместитель — всего лишь секретарь-драгоман, не имеющий дипломатического статуса. В случае преобразования генконсульства в миссию все эти неудобства были бы устранены, гладко заключает Бахерахт.

Кажется, проект министра-резидента остался без последствий — уж слишком явно проступали в нём личные интересы...

А вот консульство в Лиссабоне то ли по ошибке, то ли намеренно напечатало для себя бланки, на которых оно значилось генеральным консульством. Департамент личного состава и хозяйственных дел письмом от 18 октября 1893 года обязал консула изъять «неправильные» бланки и напечатать новые.

Защита имущественных прав Российской империи была одной из главных задач консульских учреждений, и по этому поводу консульские чиновники вступали в контакт с местными властями. В августе 1902 года в Гиляне (Персия) возникло недоразумение с земельным участком консульства в городе Решт. Как доложил консул, при содействии эмира, правителя Гиляна, была предпринята попытка незаконно овладеть принадлежащим в течение последних сорока лет консульству лугом. Некто Мирза Мамеда Казвинский стал претендовать на этот луг, подал жалобу эмиру, а тот распорядился наложить на участок арест и выставить на нём свою охрану из трёх сербазов (солдат). Более всего возмутило консула то, что всё это было сделано втихомолку, без всяких консультаций или переговоров с консульством.

Ситуация в некотором роде была похожа на описанную А. П. Чеховым в «Предложении»: чьи Волосьи Лужки? Претензию на луг, указанный Мирзой Мамедой, управляющий делами Касим-хана, бывшего эмира Гиляна, предъявлял годом раньше, но тогда она была отвергнута, и вопрос, казалось, был урегулирован. Так, во всяком

случае, считало консульство, но не упрямый Мирза Казвинский.

Секретарь консульства титулярный советник Преображенский, уполномоченный вести переговоры по спорному лужку, заявил эмиру протест и потребовал снять с него охрану. Эмир притворился, что ничего об этом деле не знает и что Мирза Мамеда самочинно выставил на лугу охрану якобы без его, эмира, ведома. Всё это было шито белыми нитками, все знали, что ни один сербаз без приказа эмира не сделает и шага. В конце концов, эмир пообещал выполнить эту просьбу, но сербазы, как ни в чём не бывало, продолжали «дежурить». Восток — дело тонкое, и потребовался вторичный протест Преображенского, чтобы, наконец, их отозвали.

Скоро к Преображенскому пришли два ходока, явно подосланные Мирзой Мамедой Казвинским и эмиром, и стали горячо доказывать, что русские поступают несправедливо, и обещали представить неопровержимые доказательства своих прав на луг. Было назначено совещание с участием обеих сторон, но на нём никаких доказательств правоты претендента так и не было предъявлено, и эмир был вынужден это дело закрыть.

Лужок отстояли.

Состоявшего ранее секретарём консульства в Пирее, а теперь назначенного вице-консулом в Варну Сергея Протопопова (наш знакомый!) волновал другой вопрос: он обратился к бывшему своему начальнику посланнику в Афинах Ю. Н. Щербачёву с просьбой урегулировать «вычеты из моего жалования для уплаты моих долгов». В Пиреях он подорвал своё здоровье и был вынужден потратиться на лечение, в связи с чем был вынужден одалживать деньги. Ранее этот вопрос регулировала миссия в Афинах, но теперь в Болгарии, очевидно, такой возможности не было, и Протопопов обращается к своему бывшему начальнику за помощью.

Посланник Щербачёв горячо взялся помочь вице-консулу и ходатайствовал за него перед Департаментом личного состава и хозяйственных дел, чтобы вычеты из его жалования осуществлялись прямо в центральном аппарате Министерства иностранных дел. Посланник дал лестную характеристику Протопопову, полагая, что

в случае неудовлетворительного устройства этого дела могут возникнуть претензии со стороны кредиторов вице-консула, а это может «крайне невыгодно отразиться на обаянии миссии».

Как мы уже упоминали, в обязанность консульских чиновников входил контроль за выполнением воинской повинности русских подданных, проживавших на территории их консульского округа. Штатные дипломаты от воинской повинности были освобождены, а вот за внештатными сотрудниками заграничных учреждений в России неусыпно следило Управление Петербургского уездного воинского начальника (УПУВН). Оно вело учёт таких лиц и время от времени обращалось в МИД с просьбой произвести то или иное «телодвижение» в отношении какого-нибудь заграничного сотрудника, позабывшего о воинском долге.

Всплеск активности петербургского воинского начальника был особенно заметен во время Русско-японской войны 1904—1905 годов, когда армия испытывала большой недостаток в младших офицерах.

Вот перед нами сердитое письмо УПУВН от 2 марта 1905 года:

«Прошу уведомить меня: когда определён на службу поручик запаса Соколовский? Сведения это мне необходимо для предъявления времени прекращения требования ему защитного жалования. За воинского начальника подполковник Иванов».

Через неделю Департамент личного состава и хозяйственных дел имел честь уведомить подполковника Иванова, что не поручик, а штабс-капитан Сергей Соколовский определён на службу по Министерству иностранных дел и причислен к 1-му Департаменту приказом по означенному министерству от 13 октября 1904 года.

Или:

«Просим уведомить, состоит ли на службе Министерства, с какого времени и в какой должности прапорщик запаса полевой артиллерии Алексей Александрович Ребиндер, подлежащий призыву в учебный сбор» (1900 год).

ДЛСиХД аккуратно отвечает, что Ребиндер А. А. на службе министерства не значится. Очевидно, Управе-

ние Петербургского уездного воинского начальника уже давно потеряло прапорщика запаса из виду. К этому времени он мог сменить службу, переехать в другое место, не поставив об этом воинского начальника в известность. В связи с этим Министерство иностранных дел уже неоднократно предупреждало своих молодых сотрудников о том, чтобы они своевременно сообщали военно-учётным органам обо всех изменениях в своём положении. В качестве меры наказания нерадивых военнообязанных применялись даже вычеты в размере 100 рублей из их жалованья.

Очевидно, ригоризм воинских начальников чувствительно затронул кадры министерства, потому что уже 4 апреля 1905 года министр Ламздорф вынужден был просить военного министра, «ввиду усилившейся вследствие военного времени деятельности Департамента и нежелательности сокращения в составе чинов такового, в особенности в отношении лиц с восточными языками», предоставить отсрочку от воинской службы — хотя бы до 1 сентября — для коллежского секретаря Тужилина, которому вручили повестку безотлагательно выехать в Красноводск для отбывания там воинской повинности.

Судьба коллежского секретаря решалась на самом высоком уровне — таким необходимым он оказался сразу для двух министерств! Наконец из Военного министерства пришёл ответ: «Государь Император в 6-й день сего мая Всемилостивейше соизволил: предоставить окончившему в 1904 году курс Императорского Петербургского Университета Александру Тужилину отсрочку поступления на военную службу вольноопределяющимся до 1 сентября текущего 1905 года».

Так что в Красноводск Тужилину ехать пришлось.

Если в мирное время до внештатных сотрудников Министерства иностранных дел никому и дела не было, то в военное время они оказались просто незаменимыми. Без внештатного секретаря генерального консульства в Берлине В. Неймана не могли обойтись ни само генконсульство, ни Главное артиллерийское управление Военного министерства, приславшее ему повестку о призыве на службу. Повестка прапорщику запаса

по артиллерии Нейману вызвала настоящую панику у генконсула, которому оказалось его просто нечем заменить, поэтому он обратился в Департамент личного состава и хозяйственных дел со слёзной просьбой прислать вместо Неймана хоть какого-нибудь молодого сотрудника. И снова чиновники уговорили мягкого и сердобольного графа Ламздорфа обратиться к военному министру с просьбой предоставить Нейману отсрочку. Военный министр был тоже человек гуманный и с отсрочкой на целых четыре месяца согласился, но пригрозил: больше он никаких отсрочек никому из сотрудников МИД предоставлять не будет!

А запросы из Управления Петербургского уездного воинского начальника сыпались, как из рога изобилия. То воинского начальника интересует, состоит ли ратник запаса, старший фейерверкер вольноопределяющийся I разряда лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады С. А. Кангин секретарём Русского императорского консульства в Янине (Турция), то просит вручить призывной лист № 81 поручику запаса Б. Г. Шлейферу (под расписку!). Нет, вежливо отвечает МИД, С. А. Кангин работает уже в миссии в Белграде, а Шлейфер Николай (а не Борис) Григорьевич, извините, призыву не подлежит, потому что состоит в кадрах министерства.

На Певческом Мосту с одинаковым вниманием относились к жалобам как кадровых дипломатов, так и наёмного персонала посольств, миссий и консульств. В 1906 году в ДЛСиХД из Македонии поступило письмо на турецком языке, после перевода которого на русский язык обнаружилась жалоба каваса Измаила на консула в Салониках Таля. «Господину Председателю Совета Министров, — писал кавас. — Имею честь покорнейше просить г-на Председателя Совета Министров о принятии соответствующих обстоятельству мер в отношении господина Талья, Российского консула в Салониках, оскорбившего меня публично и отставившего от должности, невзирая на мою безупречную 24-летнюю службу в качестве каваса упомянутого консульства. Кавас при Российском Консульстве в Монастире Измаил».

Департамент личного состава и хозяйственных дел немедленно запросил по существу дела посольство в

Константинополе, курировавшее деятельность всех консульств на территории Османской империи (Македония входила тогда в состав турецкого государства). Ответ из Константинополя не замедлил прибыть. 29 апреля 1906 года посол сообщал, что, во-первых, посольство не полагает уместным вообще входить в обсуждение жалоб внештатных сотрудников консульств, поскольку консулам предоставлена полная свобода увольнения означенных лиц. Во-вторых, обстоятельства дела Измаила были таковы, что основания для принятия «соответствующих мер» фактически полностью отсутствовали. Измаил, кавас-албанец из Македонии, якобы ввиду расстроенного здоровья захотел оставить службу в консульстве и вернуться на родину. Консул и надворный советник Таль по собственной инициативе обратился в посольство и получил разрешение выдать кавасу единовременное пособие в размере двенадцати турецких лир. Получив пособие, хитрый албанец обратился к Талю с просьбой восстановить его снова на службе, а когда тот отказал, подал на него жалобу. Целью ухода на пенсию каваса было получение пособия, заключил свое сообщение посол.

Жалоба каваса осталась, естественно, без последствий.

Во многих портовых городах консульские учреждения держали для своих визитов на корабли специальные шлюпки с гребцами. Вице-консульство в Фусане (Корея) в качестве гребцов содержало казаков из охранной команды, но потом казаков неожиданно отозвали, о чём посланник в Сеуле осенью 1903 года немедленно пожаловался в Центр. В письме от 29 ноября того же года барон Буксгевден от имени ДЛСиХД уведомил миссию в Сеуле о том, что товарищ министра «признал возможным разрешить отнести на счёт чрезвычайных издержек вице-консульства в Фусане расход по найму двух гребцов для консульской шлюпки в Масанпе не свыше 160 иен в год. Остальные 32 иены, испрашиваемые на вышеуказанный предмет надворным советником Козаковым, должны быть отнесены на счёт канцелярских денег».

Расходование денежных средств строго по статьям

или, как бы мы сейчас сказали, целевое использование денег было принципиальным положением финансовой политики Министерства иностранных дел.

В 1900 году Россия открыла консульство в Канаде. Первым консулом там стал Н. Б. Струве, человек опытный, деятельный и честолюбивый. Естественно, в первую очередь консул должен был объездить свой консульский округ, включавший всю Канаду, познакомиться с властями, посмотреть на местное население, промышленность и природное положение, и руководство МИД выделило на это дело необходимые средства. На знакомство с округом ушло почти два года. Ведь нужно было вести и текущие дела, а в штат консульства, кроме него самого, не ввели никого. Потом консул, кажется, «вошёл во вкус» и съездил в ознакомительную поездку в США, но провести её как служебную Центр отказался: товарищ министра князь Оболенский признал, что поездка носила частный характер.

Утомительнее всего в консульской службе — посетители со своими проблемами, в частности соотечественники, пишет барон А. А. Гейкинг. Работа с ними настолько тяжела, что многие консульские работники со временем устают от их неиссякаемого потока и зачастую пренебрегают своими обязанностями выслушать каждого и принять в отношении его просьбы необходимые меры. А. А. Гейкинг в своей не потерявшей до сих пор актуальности книге тоже упоминает об этом: «У некоторых служащих существует несостоятельный взгляд, будто просители обращаются в консульство со своими ходатайствами, чтобы мешать их спокойствию».

Но есть и другая сторона этого вопроса — когда посетители «почему-то думают, что консул обязан вести с каждым заходящим в консульство соотечественником продолжительные разговоры. В этом отношении, — язвительно замечает Гейкинг, — особенно далеко идут словоохотливые дамы», и приводит примеры из своей богатой практики. Вот один из них: как-то к нему в Лондоне обратился приехавший из России студент, остановившийся в каком-то лондонском пансионате. Не владея английским языком и оставив вещи в своём номере, студент вышел на улицу, заблудился и забыл и адрес, и

местоположение пансионата. Он пришёл за помощью к русскому генконсулу, потребовав от него предпринять необходимые поиски.

И таких примеров Гейкинг приводит немало: то это профессор, потерявший свой багаж, то артистка, требующая денег с английского антрепренёра, то дама, умоляющая разыскать сбежавшего мужа или любовника, а то и вовсе сумасшедшие. «Консул не нянька!» — пишет он, и не надо испытывать терпение консульского чиновника там, где нужно обращаться к местным властям.

Вокруг консульства, пишет Гейкинг, образуется группа людей, пытающаяся пожить за счёт государства. Их Гейкинг называет *бродягами-дармоедами*. Пользуясь тем, что консульство выдаёт пособия попавшим в беду российским подданным, они приходят к консулу и под ложными предлогами получают от него необходимую помощь. Поскольку денежная помощь выдавалась разово, то бродяги-дармоеды брали под прицел сразу несколько консульских учреждений и везде пытались получить необходимое пособие — якобы для того, чтобы добраться до своей горячо любимой родины. На самом деле деньги употреблялись совсем для других целей. Одна дама, к примеру, умудрялась каждый год из добытых таким способом средств посылать своим родственникам в Россию кругленькую сумму.

Конечно, были люди, действительно нуждавшиеся в помощи. Гейкинг описывает один уникальный случай о попавшем в английскую тюрьму за убийство русском матросе, которого удалось спасти от петли и путём регулярных бесед вернуть его на путь истинный. Генконсул Гейкинг выступал, таким образом, в роли психолога, проповедника, старшего товарища и воспитателя одновременно.

Ещё один любопытный пример из консульской практики барона. Известный банкир Леопольд де Ротшильд как-то пожаловался ему на то, что русский генконсул якобы слишком строго относится к евреям, требуя от них уплаты пошлины при выдаче нового паспорта. Что ж, подумал Гейкинг, надо преподать миллионеру показательный урок, и направил ему справку по делу некоей Шейны Б., отказавшейся платить пошлину за выдачу ей

нового паспорта в размере 780 рублей. Если он такой сердобольный, пусть поможет своей соплеменнице! К чести Ротшильда следует заметить, что он и правда скоро прислал Гейкингу чек на 780 рублей, давая понять, что берёт на себя бремя расходов на новый паспорт Шейны Б. Генконсул вежливо поблагодарил миллионера за помощь «бедным русским подданным», а миллионер уже больше никогда не поднимал вопрос о притеснениях евреев русским государством.

Война 1914 года явилась тяжёлым испытанием для всех дипломатов, но больше всего — для консульских чиновников. Читаем докладную записку барона Шиллинга, бывшего консула в Бреславле (Бреслау, ныне Вроцлав, Польша) от 29 июля/11 августа 1914 года на имя директора Департамента личного состава и хозяйственных дел В. А. Арцимовича и видим, каким тяготам службы подвергался зачастую царский рядовой дипломат.

Началась Первая мировая война, русское посольство в Берлине уже прекратило свои полномочия, а консульские работники остались на местах, чтобы помочь русским подданным, оказавшимся на территории враждебной Германии. Барон Шиллинг в суматохе не успел отправить жену с детьми в Швейцарию, и 2 августа, на другой день войны, немцы его арестовали и посадили в тюрьму. Он даже не успел уничтожить самое важное — шифры, но при аресте изловчился и положил их в карман пальто. На следующий день, благодаря настойчивым требованиям супруги, его выпустили на свободу, позволили зайти в консульство, чтобы забрать самое необходимое, и в сопровождении полицейского отправили в Кёнигсберг с намерением передать всю семью через линию фронта в Россию. Во время следования поездом до Кёнигсберга разрешили разговаривать между собой только по-немецки.

Из Кёнигсберга они поехали в Инстенбург, где их бесцеремонно обыскали и, невзирая на протесты, изъяли у консула шифры. Дальше путь лежал в Гумбинен, но перейти линию фронта не удалось — шли бои, дипло-

мат с женой и детьми попал под обстрел своих частей и был вынужден вернуться обратно. Военный губернатор Кёнигсберга предложил барону сесть на пароход, отправлявшийся в Данию. Шиллинг согласился, но вскоре выяснилось, что норвежский пароход уже покинул порт Кёнигсберга. Пришлось на автомобиле нагонять пароход, делавший стоянку в Пиллау. По пути автомобиль снова попал под обстрел, но удалось благополучно сесть на пароход и добраться, наконец, до нейтральной Дании.

В Дании Шиллинга причислили к миссии, и теперь он просил Министерство иностранных дел компенсировать ему потерю личного имущества и багажа — хотя бы в виде курьерской дачи от Бреславля до Копенгагена. На докладной барона красным карандашом оставлена загадочная буква «В». Хочется верить, что это означало «Выдать». Приключения и невзгоды барона Шиллинга демонстрируют, что немцы на службе царской России в критические минуты Великой войны хранили верность присяге и неуклонно выполняли свой служебный долг.

Во время войны 1914 года в клубной ложе мадридского театра оказались почётные консулы самых разных стран, в том числе и стран, воюющих друг с другом. Приглашённый туда русский дипломат Ю. Я. Соловьёв недоумевал, как же будет «разруливаться» эта щекотливая ситуация: дипломаты и штатные консулы враждебных стран обычно даже не раскланивались друг с другом. Но в данном случае никакой враждебности и в помине не было: все консулы были настроены друг к другу дружелюбно и мило разговаривали между собой. Объяснение было простое: все присутствовавшие были испанцами!

Консул в Христиании А. Ловягин в 1915 году получил замечание за непатриотичное поведение — он подписывал норвежские чеки на немецком языке. На это обратили внимание бдительные чиновники из Министерства торговли и промышленности, куда пришли чеки Ловягина. Подписи типа «Der Kaiserliche Generalkonsul A. von Loviagin, Statsrat»^{*} на самом деле выгляде-

---

^{*} Императорский консул А. фон Ловягин, статский советник (нем.).

ли одиозно. Шла война с армией того же германского кайзера, и называть себя «генконсулом кайзера» было, конечно, неправильно, хотя Ловягин конечно же хотел назвать себя «императорским консулом». Руководство Министерства иностранных дел было тем более возмущено поведением Ловягина, что тремя месяцами раньше именно за это ему было сделано замечание.

Первая мировая война вторглась в жизнь не только консулов, работавших в непосредственной близости от театра военных действий, но и на Ближнем Востоке, и в далёкой Африке. Консул в Александрии Петров в шифротелеграмме от 4/17 июня 1915 года доложил в Центр о том, что итальянский вице-консул в Яффе оставил русскому консульству в Яффе на хранение свои архивы и архивы французского вице-консульства, поручив присмотр за ними консулу США и внештатным консульским агентам консульства Испании, немцам по национальности. Петров высказывал беспокойство за судьбу архивов союзных консульских учреждений и просил ДЛСиХД поставить в известность соответствующие дипломатические службы о том, что указанные немцы тесно связаны со своим немецким консулом, а тот может пойти на всё, чтобы получить доступ к архивам итальянцев и французов.

Глава вторая

Курьеры

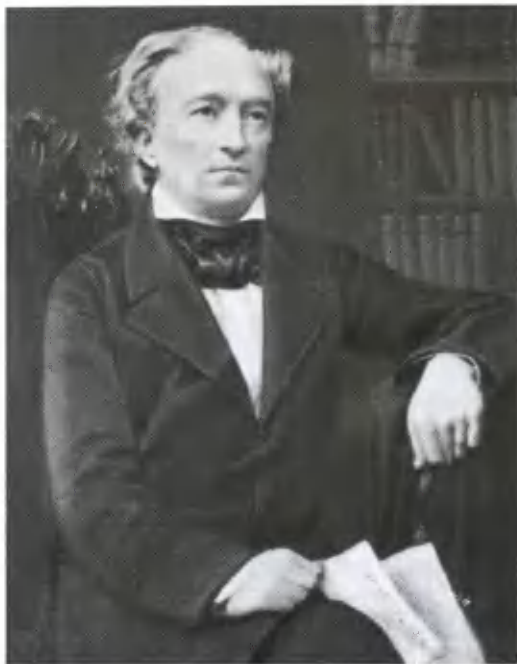
И в нижнем звании бывают герои.

А. В. Суворов

В течение XIX века курьерской службы как таковой в Министерстве иностранных дел практически не было, их функции выполняли либо сами дипломаты, либо случайные «надёжные» люди, оказывавшиеся под рукой у посла или консула. Посланник в Берлине Максим Максимович Алопеус в июне 1806 года извещал А. А. Чарторыйского: «Как только король вернёт проект, барон

Александр Михайлович Горчаков. Г. Ботман, 1874 г.

Федор Иванович
Тютчев.
Первая половина
1850-х гг.

Минхенъ 30го ¹⁸/₃₀го Октября 1839

Но Адамъ графа Лова де Варемонъ, герцога
урава, Кресвай, Совершило въ Свѣтъ, въ мѣсяцъ
ию. въ 17го числа, сообщая мнѣ объ этомъ
предсѣдствіи, Мадридскаго Кюли Ствантисла
мъ Варемонъ, два Кюли Ствантисла
о Варемонъ, Англо-немецкаго Скартъ
объясняетъ въ Суживо Крава мѣсяца
Августа, м. д. поуровню Ствантисла въ содержаніи
онѣхъ Жаровъ, объявилъ мнѣ

А. Тютчевъ

Обязательство
Ф. И. Тютчева
не приобретать
недвижимость
за границей в связи
со вступлением
в брак.
Мюнхен. 1839 г.

Торжественный прием в Зимнем дворце.
На переднем плане справа налево:
Александр II, Отто фон Бисмарк, А. М. Горчаков. 1860 г.

Князь М. А. Горчаков, А. Ф. Гамбургер, князь А. М. Горчаков (сидит
в центре), барон А. П. Моренгейм, барон А. Г. Жomini.
Фото из альбома Александра II

Император Наполеон III

Лорд Пальмерстон

Граф Павел Дмитриевич Киселев, посол России в Париже (1856—1862)

Перо, которым А. Ф. Орлов подписал Парижский договор

**Князь Алексей Федорович Орлов, глава российской делегации
на Парижском конгрессе 1856 года**

Въезд великого князя Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 года.
Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. 1885 г.

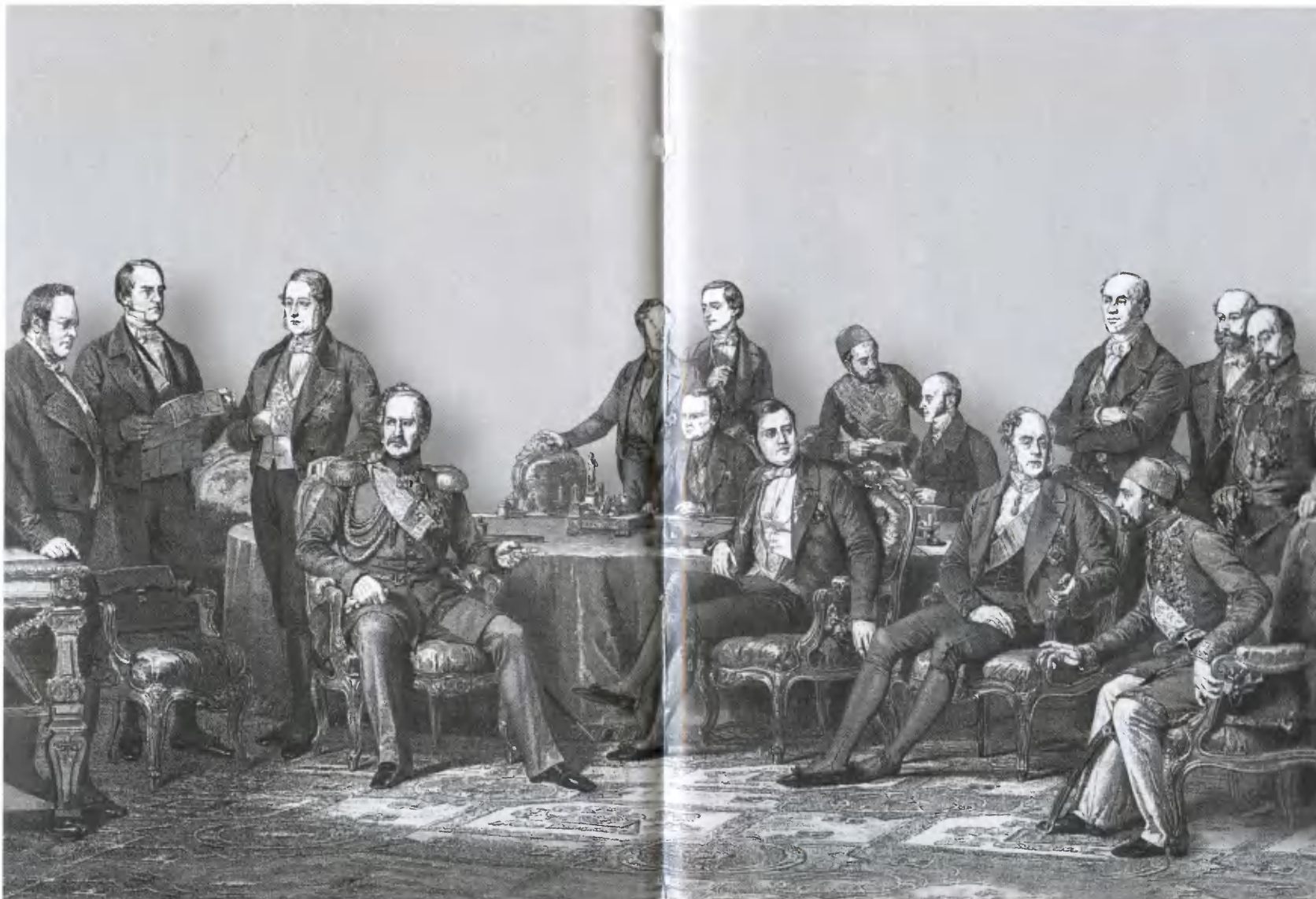

Слева направо:
Николай Карлович
Гирс,
с 1882 года министр
иностранных дел
Российской империи;
Отто фон Бисмарк,
рейхсканцлер
Германской империи;
Дьюла Андраши,
министр иностранных
дел Австрийской
империи.
Варшава. 1884 г.

Заключительное
заседание
Берлинского
конгресса
13 июля 1878 года.
А. фон Вернер. 1881 г.

Парижский конгресс 1856 года.

Слева направо: Кавур, Каулей, Буоль, Орлов, Буркеней, Мантейфель, Гюбнер, Валевский, Джемил, Бенедетти, Кларендон, Брунов, Али, Гатцфельд, Виллармарина.

Иллюстрация ко «Всемирной истории». 1902 г.

Николай Карлович
Гирс, министр
иностранных дел
России
(1882—1895). 1885 г.

«Мир в Европе
обеспечен».
Карикатура.
Конец XIX в.

Граф Михаил Николаевич
Муравьев, министр
иностраннных дел России
(1897—1900)

Князь Алексей Борисович
Лобанов-Ростовский, министр
иностраннных дел России
(1895—1896)

Граф Владимир Николаевич Ламздорф,
министр иностраннных дел России (1900—1906)

Военные, члены российской делегации на Гаагской конференции (слева направо): граф Баранцев, С. П. Шеин, Я. Г. Жилинский, И. А. Овчинников. 1899 г.

Российская делегация на Гаагской конференции. Сидят: граф Баранцев, Ф. Ф. Мартенс, Е. Е. Стааль, А. К. Базили, Я. Г. Жилинский. Стоят: Н. А. Гурко-Ромейко, И. А. Овчинников, В. М. Гессен, С. П. Шеин, М. Ф. Шиллинг, Н. А. Базили, М. Г. Преклонский. 1899 г.

Статс-секретарь,
действительный
тайный советник
С. Ю. Витте

Русская делегация
на переговорах
в Портсмуте. 1905 г.

Члены российского консульства в Корее: С. В. Чиркин (крайний слева), российский консул в Чхонджине (Сейсине) А. С. Троицкий (предположительно крайний справа), генеральный консул России в Сеуле А. С. Сомов (второй справа). Сеул. 1912 г.

П. А. Столыпин и А. П. Извольский на яхте «Штандарт» в финских шхерах. Снимок сделан императрицей Александрой Федоровной. 1909 г.

Переговоры
С. Д. Сазонова
с Р. Пуанкаре в Париже.
1910-е гг.

Черногорский князь
Николай

ВЕРЖБЛОВЪ
1903
1910

**БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ**

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

*Содѣляется прѣст. по воли и каждаму кому с тѣмъ видѣть надѣ-
жить, что пожелаетъ — сего Голенищевъ Олексѣй Евремѣевичъ
Гансено Пота Павел Павловичъ Голенищевъ - Кутузовъ
Малетой отправляется отсюда за границу и возвраща-
ется затѣмъ обратно въ Россію.*

1903

*Многу ради дружбы просимъ васъ высшій Свѣсти и пригласили
каждому кому се прижелаетъ. Нашимъ же Голенищевъ и Голени-
щевъ Пота Павловичъ. Вселенскій министръ иностранныхъ делъ
Голенищевъ - Кутузовъ - Голенищевъ
не только сего ради и сего заграничнѣ видѣть пропускать, и в
каждомъ случаѣ и вполнѣніи слушавать. По сдѣланнымъ
того и тѣмъ свободнаго проп. да сего сего заграничнѣ
Нашей Голенищевъ Пота Павловичъ. Во С. Петербургѣ
Іюль 25 тѣмъ 1903 года
По Указу Его Императорскаго Величества.*

*Петербургъ, Министра
Иностранн. Дѣлъ К. С. Волковъ*

Дипломатический паспорт П. П. Голенищева-Кутузова-Голстого.
1903 г.

Гарденберг переписет декларацию начисто и пошлёт на подпись королю. Затем я отправлюсь в Темпельберг, получу её из рук министра и сразу же отправлю в. с-ву может быть с г-ном Пьятолли, если его слабое здоровье позволит ему немедленно предпринять это путешествие. Этот способ предпочтительнее отправки курьера, так он позволит не привлекать внимания французской партии, которой боится сам король».

В дряхлые руки господина Пьятолли посланник решил вручить для переправки в Петербург важнейший документ — проект декларации между королём Пруссии и императором России. Чтобы сбить с толку представителя французской партии при берлинском дворе — министра иностранных дел Хаугвица, без ведома которого не может быть отправлен ни один курьер, Алопеус пускается на уловки и организует отправку другого курьера, который должен отвезти в Петербург письма и пакеты великой княгини Марии.

В это же самое время консул в Арте (Албания) Егор Флори мучается в сомнениях: он получил важную информацию от янинского визиря Али-паши, но не имеет возможности переправить её в Петербург. Янинский визирь готов перейти под крыло российского императора, но представитель России на Корфу «отвергает любое предложение подобного рода», жалуется Флори посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому. Сам Италинский пользуется курьерской связью через Варну или бригом, отправлявшимся в Одессу.

А. Я. Будберг своё письмо к уже упомянутому выше М. М. Алопеусу, специальному эмиссару, а потом посланнику в Лондоне (1806—1808), направляет с оказией — английским майором Морганом. С наиважнейшим документом — копией прусско-русской военной конвенции — министр посылает в Вену майора Ф. В. Тейля ван Сераскеркена, голландца, принятого на русскую службу в 1803 году*:

«Возлагая на Вас столь ответственное и сложное поручение, — инструктирует Будберг курьера, — им-

---

* Голландец будет достойно воевать с французами, в 1813 году станет генералом, а карьеру завершит русским посланником в Бразилии.

ператор верит, что Вы приложите все старания, чтобы оправдать доверие и выбор е. и. в-ва; особенно важно, чтобы Вы строго придерживались предписанного Вам образа действия, избегая даже в разговорах с людьми, с которыми будете иметь дело, всего, что могло бы послужить поводом для неуместных в данное время предложений или планов».

Сераскеркен «приложил все старания», и документ был доставлен адресату.

Для ознакомления с конвенцией английского правительства в мае 1807 года Будберг направил в Лондон полковника Петра Ивановича Энгельмана.

В 1820 году, когда Александр I находился в Троппау и встречался там с князем К. В. Л. Меттернихом, то известие о восстании в Семёновском полку к императору повёз П. Я. Чаадаев. Потом была пущена версия о том, что Чаадаев якобы замешкался в дороге, употребив слишком много времени на то, чтобы привести свой внешний вид в надлежащий порядок. Из-за этого он якобы опоздал к Александру I с известием, и все новости император узнал от Меттерниха. Александр остался недоволен службой Чаадаева, а тот обиделся и подал в отставку.

М. И. Жихарев категорически отвергает эту версию и пишет, что Чаадаев доставил депешу в срок и император разговаривал с ним более часа. Во время беседы Александр вызвал князя П. М. Волконского и приказал ему выдать курьеру денег на дорогу и отправить его обратно в Россию.

— Когда же, государь, прикажете ехать? — спросил князь. — Не завтра ли?

— Что ж ты, его уморить хочешь? — возмутился Александр. — Пускай отдохнёт.

Кстати, приглашая Чаадаева к себе на беседу, Александр I вскользь бросил, что курьеру надобно было явиться во фраке. Фрака у Петра Яковлевича с собой не оказалось, и он одолжил его у своего камердинера-щёголя Ивана Яковлевича*.

---

* Иван Яковлевич был в своём роде выдающейся личностью. Его, так же как и хозяина, можно было показывать всей Европе, а за показ — брать деньги. Слуга Чаадаева был большим щёголем и одевался

При отсутствии «оказии» в курьеры назначались по очереди дипломаты как из миссий и посольств, так и из центрального ведомства. Не избежал этой участи, к примеру, поэт и дипломат Тютчев. Как вспоминал Коростовец, в курьерские поездки охотно записывались его коллеги по центральному аппарату и в 1880—1890-е годы. Они давали возможность людям рассеяться, набраться новых впечатлений и слегка дополнительно подзаработать: помимо оклада дипломаты получали так называемые курьерские дачи, то есть подорожные и командировочные.

В миссии в Бухаресте в начале XX века числились два курьера из числа русских эмигрантов-скопцов, не имевших права проживать в России, но тем не менее сохранявших верность своей родине. У них был один недостаток: скупость. Каждый раз при виде денежных знаков, пишет Соловьёв, на их бабьих лицах проявлялась неприкрытая алчность. При всём этом они были неподкупны и до чрезвычайности честны. Скопцы пополняли свои ряды с помощью примитивных операций, осуществляемых обычными коновалами, и держались в Румынии компактной колонией. Их предводитель, награждённый румынским орденом, в торжественных случаях имел обыкновение являться к королю с поздравлениями. Скопцы считались лучшими извозчиками в Бухаресте, они выписывали из России орловских рысаков и пользовались у бухарестских франтов огромной популярностью. Когда румынские власти привлекали и скопцов, и их коновалов к судебной ответственности, преследуемые обращались за помощью в русскую миссию. Парадокс: дипломаты, официальные представители своего государства, были вынуждены защищать людей, которым официальная Россия отказывала в праве на проживание!

Курьерские функции часто исполняли «надёжные» люди посла или посланника, а в общем-то — люди совершенно случайные, обладавшие одним достоинством

так тщательно и с таким вкусом, что его часто принимали за барина. Дамы, приходя к Чаадаеву, здоровались с Иваном Яковлевичем и спрашивали, как он поживает, и сам Пушкин жал ему руку. О нём мы ещё расскажем в другом месте.

твом: они ехали по своим делам туда, куда нужно было доставить дипломатическую почту. В конце 1820-х годов должность курьера мог справлять личный слуга посланника — так, во всяком случае, в своих воспоминаниях пишет известная А. О. Смирнова-Россет. Лакей её мужа Н. М. Смирнова одновременно справлял должность дипломатического курьера.

В конце XIX века миссиям и посольствам официально разрешалось отправлять своих курьеров в другие миссии и в Центр, и ещё в начале XX века в штатах миссий и посольств продолжали состоять курьеры и кавасы (например, на территории Османской империи), выполнявшие функции связников с соседними миссиями, посольствами и консульствами России.

В XX веке доставка дипломатической почты была уже поставлена на регулярную основу, в Министерстве иностранных дел была создана специальная курьерская служба, а курьеры зачислены в штат министерства. Их дорожные накладные и прогонные регулировались специальными постановлениями и носили странное и привлекающее внимание название «курьерские дачи». В Департаменте личного состава и хозяйственных дел был разработан специальный табель выдачи курьерам подорожных денег, в котором по горизонтали и по вертикали перечислены все пункты, обслуживаемые курьерами, а в квадрате пересечения строк и столбцов — сумма курьерской дачи.

Разработано было и расписание курьерской почты. Одну курьерскую линию, включавшую в себя несколько городов и столиц, обслуживали двое курьеров. Расписание составлялось на каждый обслуживаемый город, и в Центре, и в посольствах, миссиях и консульствах дипломаты уже знали, в какие дни ожидать прибытия почты из Петербурга и к какому дню нужно было готовить почту для отправки в Петербург. Курьеры выезжали из Петербурга и возвращались в Петербург с максимальным грузом, оставляя или подбирая его по пути в посольствах и миссиях.

Прибытие и убытие курьеров происходили раз в две недели. Это был, по всей видимости, оптимальный срок для доставки несрочной почты. Срочная информация

шла «поверху» (секретные депеши при этом кодировались), с использованием телеграфа, а потом и радио. (Подобный порядок сохранился, кстати, и в годы работы советской дипломатии.)

Покажем это расписание на примере Санкт-Петербурга:

РАСПИСАНИЕ
курьерских отправлений на 1906 год

по воскресеньям, по четвергам,
8 час. 25 мин. утра в 10 час. 15 мин. вечера Варш. вокз.

<i>Прибытие</i>	<i>Отправление</i>
В Санкт-Петербург: Из Лондона, Парижа, Рима, Вены, Берлина	Из Санкт-Петербурга: В Берлин, Париж, Лондон, Вену, Рим
января 1, 15, 29	января 5, 9
февраля 12, 26	февраля 2, 16
марта 12, 26	марта 2, 16, 30
апреля 9, 23	апреля 13, 27
мая 7, 21	мая 11, 25
июня 4, 18	июня 8, 22
июля 2, 16, 30	июля 6, 20
августа 13, 27	августа 3, 13, 27
сентября 10, 24	сентября 14, 28
октября 8, 22	октября 12, 26
ноября 5, 19	ноября 9, 23
декабря 3, 17, 31	декабря 7, 21

Заметим, что порядок следования в Петербург был иным, нежели в обратном направлении: в первом случае курьеры в Берлин попадали из Вены, в Рим — из Парижа и т. д, во втором случае из Берлина ехали в Париж, а Рим оказывался конечным пунктом маршрута. Объяснялось это, скорее всего, особенностями железнодорожного транспорта.

Курьеры следовали по строго утверждённому в Центре графику, используя точно указанные виды транспорта. Никаких отклонений от предписанных маршрутов и расписания им не позволялось. Во второй половине 1898 года число курьерских отправлений между Вашингтоном и Нью-Йорком вместо восемнадцати (один раз в две недели) составило девятнадцать, и 1-й Депар-

тамент не преминул запросить посла Кассини о том, каким образом произошёл сбой в расписании и перерасход денег на курьерские дачи и почему вместо одного курьера ехали двое. (Вполне возможно, что под видом курьеров в Нью-Йорк в туристическую поездку ездили дипломаты миссии.)

Российское генеральное консульство в Индии привилегиями собственной курьерской службы не пользовалось — в Индию наши курьеры не ездили. Прибегали к услугам французской *вализы*, то есть дипломатической почты, доставляемой французскими пароходами. Кроме Петербурга генконсул направлял свои отчёты в Лондон, Тегеран, Пекин (послам) и Ташкент (генерал-губернатору Туркестана). Но эта почта доставлялась уже из Петербурга.

Англичане, представители колониальной власти в Индии, постоянно любопытствовали, почему российские дипломаты не прибегают к услугам английской вализы. «Дружба дружбой, а табачок врозь», — отвечали те русской пословицей. Ответ, конечно, был уклончивый: французы, хотя и были нашими союзниками, особым доверием у наших дипломатов тоже не пользовались. Но в данном случае у русского генконсульства других вариантов для отправки-получения почты просто не было.

Простая на первый взгляд вещь, как оформление и отправка дипломатической почты, могла стать предметом недоразумений между посольством и министерством. В январе 1893 года товарищ министра Шишкин был вынужден сделать «мягкое замечание» императорскому послу в Париже А. П. Моренгойму за то, что его подчинённые опечатали казёнными печатями груз, предназначенный членам императорской фамилии: 29 ящичков (!) для великого князя Алексея Александровича и 26 ящичков (!) для герцога Лейхтенбергского. Оказывается, такой объёмный груз, насчитывавший целых 55 наименований, должен был, согласно установленному порядку, быть отправлен без опечатывания посольскими печатями прямо на русскую таможенную, а уж оттуда таможенники сами должны были доставить груз (по всей видимости, ящички с французским шампанским)

ко двору великих князей. Примечательно, что порядок доставки диппочты к высочайшему двору удостоился «*Высочайшаго Государя Императора внимания*». Александр III находил время вникать и в такие мелкие детали!

В затруднительном положении находились некоторые удалённые от международных транспортных каналов миссии. Например, миссия в Мехико получала дипломатическую почту через посольство в Вашингтоне, что послужило поводом для Г. А. де Воллана, временного поверенного в делах России в США сделать замечание своему коллеге Ф. К. Ганзену в Мехико. Де Воллан в июне 1901 года в вежливой форме напомнил Ганзену, что «не считает удобным пользоваться регулярно любезностью правительства Соединённых Штатов для пересылки пакетов», предназначенных для миссии в Мексике. К тому же, писал де Воллан, вряд ли стоит слишком доверять американцам — они могут и вскрывать русскую почту. «Вашингтонский» дипломат предлагал своему «младшему», то есть зависимому, собрату либо прибегнуть к использованию французской вализы, идущей из Парижа прямо в Мехико, либо учредить самостоятельную русскую почтовую линию.

Фёдор Карлович успокоил своего коллегу и обратился за помощью в Центр. Директор канцелярии Министерства иностранных дел П. Ваксель в августе «популярно» разъяснил де Воллану, что на учреждение курьерской или почтовой линии на Мексику МИД «не располагает кредитом», а посему предложил де Воллану и далее «обслуживать» миссию в Мексике и помогать переправлять туда с помощью американской почты несекретные пакеты. Что касается пакетов с грифом «Весьма секретно», то они будут доставляться адресату «*при верном случае*». Инцидент был исчерпан, а несколько месяцев спустя министерство «восстановило справедливость» и поменяло наших оппонентов местами: Ф. К. Ганзен поехал в Вашингтон на место Г. А. де Воллана, а де Воллан — в Мехико на пост, занимаемый Ганзеном. Полагаем, что точка зрения господина де Воллана на способы отправления к нему почты после этого резко изменилась.

В январе 1913 года бельгийские власти задержали тюки, адресованные императорской миссии в Брюсселе. Это, конечно, было грубейшим нарушением принципа дипломатической неприкосновенности, и посланник князь Кудашев немедленно направил протест министру иностранных дел страны. В марте того же года посланник проинформировал о другом беспорядке в исполнении курьерами Министерства иностранных дел своих обязанностей: курьер Нешель, перевозивший ценный груз для бельгийского банка, уведомил миссию о своём прибытии и вызвал для встречи ответственного сотрудника, но когда дипломат явился на вокзал, то обнаружил, что поезд с Нешелем прибыл на полтора часа раньше, а сам курьер в одиночку отправился в банк, где вскрыл багаж и сорвал пломбы (ярлыки) в отсутствие сотрудника императорской миссии. Князь Кудашев вполне справедливо просил заведующего канцелярией барона М. Ф. Шиллинга разобраться с этим делом и примерно наказать виновного.

А между тем доставка и важной почты, и частных посылок стала делом чрезвычайно трудоёмким и дорогостоящим, особенно во время войны. Атлантика с августа 1914 года кишела немецкими миноносками, подлодками и минами, и сообщение Петрограда с Соединёнными Штатами Америки становится весьма и весьма затруднительным. Вот 2-й Департамент получает из Англии от посла Бенкендорфа уведомление, что проход между Исландией, Гебридскими островами и Шотландией стал опасным, и пароход «Курск», курсирующий между Нью-Йорком и Архангельском, «подвис» и ждёт, когда начальство определит его маршрут.

Можно, конечно, из Нью-Йорка следовать через Панамский канал во Владивосток, но боже мой! Этот путь занимал 58—60 дней, а с учётом времени на доставку почты из Владивостока в Петроград ушло бы целых три месяца. За это время любая информация теряла свою ценность. Между тем пароходы «Русско-Американской линии» «Россия», «Царь», «Курск», «Двина» и «Митава» стойко несли свою службу и, несмотря ни на какие преграды, старались выполнить свой долг и свои обязательства перед Министерством иностранных дел. Капи-

таны регулярно информируют генконсула в Нью-Йорке Устинова о графике своего движения, а знаменитый *Western Union* исправно передаёт тексты многочисленных телеграмм, например вот такие: «*His Excellency the Russian Ambassador: Steamer czar will arrive twenty instant and sail for archangelsk the twenty fourth. Oustinov*»*.

Для ускорения доставки почты в Петроград посол Бахметьев в сентябре 1916 года пренебрегает принципами безопасности, прибегает к помощи английского генконсула в Нью-Йорке и просит его принять русскую вализу на борт парохода «Лузитания», которую немцы скоро потопят вместе с дипкурьерами, пассажирами и командой.

Каковы бы ни были препятствия и форсмажорные обстоятельства на пути дипломатических курьеров, они брали драгоценную вализу и отправлялись с ней в путь в любую точку мира. Скромные извозчики дипломатии...

Глава третья

Протокол

Скучен театр, когда на сцене видишь не людей, а актёров.

В. О. Ключевский

Протокол выполнял важные государственные функции и отражал традиционные нормы и представления государств и их правителей о чести и достоинстве при сношениях друг с другом. В описываемый нами период следование правилам протокола входило в одну из важнейших обязанностей дипломатов. Они зорко следили за тем, чтобы иностранные государства не ущемляли их достоинство, а также честь и достоинство русского императора и русского флага.

После того как Наполеон (в который раз!) разбил в

---

* «Его Высокопревосходительству русскому послу: пароход Царь прибывает двадцатого и двадцать четвёртого отправляется в Архангельск. Устинов».

1806 году под Ваграмом австрийцев и заключил с ними мир, Священная римская империя перестала существовать. На её месте по повелению Бонапарта возник так называемый Рейнский союз, австрийский кесарь утратил свой титул отца всей германской нации, и Франц II стал называться императором Австрии, королём Венгрии и Богемии. Александр I некоторое время отказывался признавать этот титул, поскольку это означало бы признание «неслыханных ниспровержений, путём которых Бонапарт уничтожил германскую конституцию».

Важную роль протокол играл и в уже упоминавшихся нами переговорах в Тильзите. Как известно, перед встречей на плотках на Немане Наполеон со своей свитой располагался на левом, а Александр — на правом берегу реки. Местом свидания не в последнюю очередь по протокольным и престижным соображениям была определена середина реки: таким образом, соблюдался паритет обоих potentatov, и ничей престиж и ничьё достоинство не страдали.

По распоряжению Наполеона были сооружены два плота с четырёхугольными, обтянутыми полотном павильонами. «Один из них был красивее и обширнее другого, — писал очевидец события Д. Давыдов. — Он определён был для двух императоров, меньший — для их свиты... На одном из фронтонов большого было видно... огромное “А”; на другом фронтоне, со стороны Тильзита, такая же величественная литера “N”, искусно писанные зелёной краскою».

С обоих берегов одновременно отплыли две барки: на одной из них был Наполеон, а на другой — Александр I. Наполеон пристал к плоту чуть раньше и поспешил навстречу Александру, чтобы первым встретить его.

«Перед Наполеоном, одетым в традиционный мундир и легендарную треуголку, предстал красивый голубоглазый тридцатилетний государь, с мягкими приятными манерами, одетый в форму Преображенского полка — чёрный мундир с красными лацканами, — пишет Давыдов. — На каждой стороне воротника оного вышито было по две маленьких золотых петлицы... аксель-

бант висел на правом плече... Панталоны были лосиные белые, ботфорты короткие... Шляпа была высокая: по краям оной выказывался белый плюмаж, и чёрный султан веял на гребне её. Перчатки были белые лосиные, шпага на бедре, шарф вокруг талии и Андреевская лента через плечо».

Оба императора пытались сыграть на своей внешности, только Наполеон, изображавший простого и мужественного полководца, сильно проигрывал по сравнению с Александром, «подавшим» свой облик с большой для себя выгодой. Своей импозантной наружностью он создал яркий и впечатляющий контраст к неуклюжей толстоватой фигуре своего партнёра. Тогда это имело немаловажное значение. И если сам Наполеон остался глубоко равнодушным и непоколебленным в своём превосходстве, то на членов его свиты появление русского императора произвело, несомненно, глубокое впечатление.

Взволнованные, поддавшись внезапному порыву, оба императора обнялись, и между ними сразу завязалась непринуждённая беседа. Каждый стремился понравиться другому.

Переговоры в верхах продолжались двенадцать дней. На первой встрече Наполеон предложил Александру поселиться в Тильзите, объявив для этого часть города нейтральной. Александр согласился. 14 июня состоялась вторая встреча на плоту, а затем potentаты встречались ежедневно уже в Тильзите. Совместные беседы сменялись верховыми прогулками и вечерними чаепитиями. За две недели до переговоров Александр I был резко настроен против мира с Францией, и вот теперь эта встреча императоров завершалась компромиссным миром и наступательно-оборонительным союзом обеих держав.

Кстати, Александр I в вопросах протокола был весьма пунктуален. В 1809 году в Петербург прибыл американский посол Джон Квинси Адамс, будущий президент США, которого 5 ноября 1809 года принял император и которому было уделено соответствующее внимание. Позже император несколько раз встречался с пуританином-послом и однажды даже сделал ему реприманд,

обнаружив, что тот ходит по улицам «босым», то есть без перчаток. Это было «страшное» нарушение этикета, на который Александр всегда обращал самое пристальное внимание*.

В 1815 году в Петербург прибыл посол Персии Абул-Хасан-хан и, что называется, произвёл там своим появлением большой переполох. Петербургский двор был настроен установить с шахом самые дружественные отношения и проявил к послу максимум внимания и уважения. В этом смысле оказание внешних — протокольных — почестей и потакание восточным вкусам посла занимало не меньшее место, нежели сами политические переговоры.

Некоторое время спустя распространился слух, что персидский посол якобы недоволен оказанным ему приёмом, в частности, находившийся на Кавказе генерал Ртищев прислал на этот счёт «конфиденциальную информацию» И. А. Вейдемейеру. Глава Коллегии иностранных дел отнёсся к ней весьма скептически, охарактеризовав усердие Ртищева как лишнюю суету, но на всякий случай проверил, всё ли в этом деле было в порядке. Из представленной ему «Записки касательно содержания здесь персидского посла» явствовало буквально следующее.

Для посла «на казённый счёт был нанят и прилично обмоблирован» дом с арендой по две тысячи рублей в месяц, включая отопление и освещение. «При доме находится фрунт из сорока человек при одном офицере. Стол для посла и свиты его стоит каждый день до трёхсот рублей. Сверх того: наняты восемь человек лакеев, один швейцар и восемь рабочих мужиков. Содержится

---

* Д. К. Адамс пробыл в России до 1814 года и сделал многое для укрепления американо-российских связей. Посол жаловался на дороговизну жизни в Петербурге (аренда дома стоила около двух тысяч долларов в год), а ещё нужно было тратиться на одежду и слуг. Будущий президент США писал домой отцу: «Почти для всех представителей русского общества характерен такой образ жизни, когда их расходы превышают доходы. Все официальные лица тратят намного больше, чем позволяют их жалованье, их источники дополнительных доходов в нашей стране считались бы бесчестными. И это здесь в порядке вещей, а вот жить экономно считается непристойным. Однако я надеюсь, что не только я, но и все младшие члены моей семьи не потеряют голову в этом внезапном и бурном водовороте и выберутся из него, сохранив здравый смысл и рассудительность».

для посла хорошая карета четвернёй с двумя лакеями в придворной ливрее (сей ливреи по прежним примерам даваемо не было). Другая карета для племянника его и секретаря, четвернёю же, и ещё коляска парюю для посольских чинов и служителей. Во время загородных его со свитою поездок нанимается особая карета. Лекарства и разные другие их потребности удовлетворяются все от казны. Приведённые лошади и слоны содержатся все от нашей казны, сии последние одни стоят около трёх тысяч рублей в месяц».

Для оформления протокольного визита посла в Коллегию иностранных дел, предшествовавшего аудиенции у Александра I, был разработан специальный церемониал. Этот визит управляющему коллегией И. А. Вейдмейеру перс должен был нанести на третий день после приезда в столицу. За послом в придворной карете цугом был послан «правитель дел Церемониального Департамента вместе с состоящим при Персидских переводах чиновником» — попросту, переводчиком, владеющим персидским языком. Перед каретой ехали верхом берейтор и четыре ездовых конюха, «да восемь лакеев и два скорохода пешие, а сверх того одиннадцать лошадей, а при них по одному конюху» (лошади брались про запас, на случай, если вдруг основная упряжь каким-то образом выйдет из строя). Весь этот кортеж возглавляли и замыкали два взвода кавалерии российской императорской гвардии.

Забрав с собой посла, кортеж в сопровождении кавалерии — один взвод спереди, второй сзади, — с берейторами, верховыми конюхами, шестью дворцовыми лакеями и двумя скороходами трогался от резиденции посла к зданию Коллегии иностранных дел. Посланный за послом специальный пристав сидел в одной карете с персом, занимая место напротив. По бокам кареты шли два дворцовых лакея и ехали верхом члены посольства и свиты посла. За послом ехала обычная карета с церемониймейстером и переводчиком.

У въезда в здание КИД посла встретила рота почётного караула со знаменем. Под звуки марша и барабанной дроби послу отдали честь. При выходе из кареты его встретили два секретаря коллегии, на лестнице,

покрытой сукном, стояли два других чиновника, а перед самым аудиенц-залом посла встречали два советника. В так называемых передних покоях были выстроены шпалерами ливрейные служители и придворные официанты.

В приёмной зале вместе с Вейдемейером находились старшие советники и эксперты Коллегии иностранных дел. Для хозяина ведомства и посла, «по прежним примерам», были поставлены стол и два кресла. При входе посла в зал управляющий КИД пригласил посла сесть, «имея на голове шляпу». После обмена комплиментами Абул-Хасан-хан подал копию верительной грамоты и речи, которую ему предстояло держать при вручении подлинника грамоты императору Александру I. Потом посла «потчевали кофею и сластями». Сопровождавшие посла чиновники и члены свиты, оставшиеся в так называемой антикамере, тоже получали угощение (конфеты, шербет и прочие сладости).

По окончании визита совершилась церемония проводов посла, почётный кортеж выстроился в том же порядке, рота почётного караула отдала отъезжающему дипломату честь, и кортеж направился в резиденцию посла.

Русские цари до времён Карла XIV Юхана (Бернадота) никогда не ступали на шведскую землю, и вот случилось! Нежданно-негаданно, без приглашения (!) в шведскую столицу пожаловал Николай I!

...10 июня 1838 года в Стокгольм зашёл русский пароход и стал на якорь. Его ждали, потому что на его борту должен был находиться царевич Александр, будущий император Александр II, прибывший с ответным визитом к кронпринцу Оскару, уже побывавшему в Санкт-Петербурге. Накануне этого события французский посол в Стокгольме Морнэ обратил внимание на то, что в официальной программе русского царя месяц июнь почему-то не упоминался, а было между тем известно, что Николай I любил наносить визиты-сюрпризы. В шведском королевском доме на этот момент, кажется, никто внимания не обратил.

Для русского наследника Александра Николаевича в основном королевском и в летнем дворце в Русерсберге подготовили гостевые апартаменты. Согласно заранее утверждённой церемонии цесаревича Александра должен был забрать с парохода шведский катер. На набережной, у Лугордского причала, что прямо напротив шведского королевского дворца, его должны были встретить высшие должностные лица королевства и провести во дворец.

Сперва всё шло согласно протоколу. Шведы подали к пароходу катер, он взял с борта цесаревича Александра и отчалил, держа курс на причал, что напротив королевского дворца. Но как только шведский катер с гостем отошёл от парохода, там быстро был спущен свой катер, в него сели два господина, один из которых был высокого роста и с голубой лентой через плечо. Оба катера причалили к Лугордской лестнице почти одновременно. Господин с голубой лентой сошёл на берег, протиснулся через толпу встречающих и любопытствующих шведов, легко преодолел ступеньки лестницы и быстрым шагом пошёл ко дворцу. За ним шёл господин, которого, кажется, в Стокгольме уже видели. Ну как же! Это был граф Константин Сухтелен, генерал-майор, генерал-адъютант царя Николая и сын бывшего посла России в Швеции Пауля (Павла) ван Сухтелена! Он тут знал всех и вся и уверенно вёл высокого господина к цели.

Карл Юхан в это время по обыкновению сидел в своей комнате то ли в рубашке с закатанными рукавами, то ли в халате и читал газету. Неожиданно в комнату с криками: «Сир, император!» ворвался его приближённый граф Магнус Брахе. Он стоял у окна и наблюдал за процессией, высадившейся у Лугордской лестницы, и среди высадившихся из русского катера персон узнал царя Николая. Король был чрезвычайно удивлён, полагая, что произошло какое-то недоразумение и что Брахе цесаревича перепутал с царём. Недоразумение тут же прояснилось: открылась дверь спальни-кабинета, и в проёме Карл Юхан увидел Николая II! Вот так русские императоры наносили визиты свои коллегам!

Монархи обнялись, дверь за ними поспешили за-

крыть, и о чём они говорили в эти минуты, осталось тайной. Вероятно, Карл Юхан извинялся за свою одежду, а Николай, довольный, обняв его за плечи, водил по комнате, громко хохотал и спрашивал: «Что, Ваше Королевское Величество? Не узнали?» С тех пор как маршал Бернадот встретил 17-летнего царевича Николая в Париже, прошло уже 24 года.

В распоряжении короля Швеции было всего полчаса, чтобы переодеться и встретить императора России «во всеоружии». Николай I объявил, что прибыл в Стокгольм с дружеским визитом инкогнито и хотел бы остановиться в апартаментах, выделенных для его сына. На том и порешили. Король чрезвычайно обрадовался неожиданному визиту: отношения с Россией были прекрасными, особенно после того как Швеция поддержала Россию в войне с Турцией (разумеется, морально) и в некоторых других вопросах. Николай I обращался с Карлом Юханом демонстративно вежливо и внимательно — как со старшим. Когда оба монарха со своими свитами верхом на лошадях выехали на ознакомительную прогулку по шведской столице, царь намеренно сдерживал своего коня, чтобы оставаться на полголовы сзади короля. Русскому императору показали, что могли, в том числе и процесс обучения шведских солдат, и гарнизонный госпиталь в Кунгсхольмене. Император был чрезвычайно доволен посещением госпиталя и выразил восхищение всем, что там увидел, заявив, что ничего подобного ему ранее лицезреть не приходилось. Что касается обучения солдат, то тут российский император был более критичен и сказал, что ему «солдаты-профессора» импонируют мало. Он считал, что простому народу, к которому принадлежали шведские рекруты, вряд ли требовалось умение читать и писать.

Разумеется, в пригородном районе Ердет состоялся парад. Оттуда через понтонный мост поехали в Русендаль, где на фарфоровом заводе императору показали порфирную вазу, которую через несколько месяцев доставили в Петербург в качестве подарка от Карла Юхана.

Визит длился два дня и закончился большим праздником во дворце. Николай I в полночь так же незаметно,

как прибыл, покинул дворец через чёрный ход, так что его свите пришлось сломя голову мчаться к набережной, чтобы успеть соединиться с ним на пароходе. Царевич Александр остался в Стокгольме ещё на несколько дней. Карл Юхан долго вспоминал и рассказывал об этом неожиданном и радостном событии. Шведский историк А. Э. Имхоф утверждает, что родившийся в 1831 году внук короля Август получил второе имя «Николай» в честь русского самодержца. Вероятно, тоже «инкогнито», потому что в официальных календарях Швеции оно нигде не фигурирует.

Заметим, что дипломатический экспромт Николая I в Швеции был в некотором роде повторением его спонтанного визита в 1835 году из Праги в Вену. Тогда, 26 сентября/8 октября, после торжественной закладки памятника русским воинам, павшим в битве при Кульме в 1813 году, и встречи с кесарем Фердинандом I и прусским королём Фридрихом Вильгельмом III, император неожиданно объявил всем, что уезжает в Вену. Все были подготовлены к тому, чтобы проводить Николая обратно в Россию, и, естественно, изумились подобному известию.

В день отъезда Николай спросил у Фердинанда и его супруги, не имеют ли они поручений в Вену. Обнаружив на августейших лицах вопрос, царь нетерпеливо повторил австрийцам:

— Да, да, я отправляюсь засвидетельствовать моё почтение вдовствующей императрице* и прощусь с вашими величествами в будущий понедельник.

В гостиную вошёл князь Меттерних. Николай I увлёк его в свой кабинет, посадил за письменный стол и сказал:

— Пишите вашей жене.

Канцлер выразил недоумение: какое письмо, что писать?

— Пишите, что хотите, — ответил Николай I, — я отвезу ваше письмо.

«Тогда я раскрыл рот гораздо шире глаз», — вспоминал австриец.

---

* Вдове недавно скончавшегося кесаря Франца II (1768—1835) Марии Каролине.

— Да, да, это не шутка, — подтвердил царь, — я, право, еду в Вену и буду там через 24 часа и вернусь в понедельник.

Меттерних вывел на бумаге три строки, обращённые к своей молоденькой и беременной жене: «В мире происходит множество вещей, не постигаемых умом, но тайна которых заключается в сердце. Вы получите это письмо через курьера, какого ещё никогда не было и не будет никогда!» Канцлер разгадал тайну, заключённую в сердце: Николаю I давно нравилась отсутствующая в Праге супруга Меттерниха, и он каждый раз, когда видел её, оказывал ей всяческие знаки внимания.

Австриец подал царю письмо открытым, но августейший курьер потребовал от него конверт запечатать. У Меттерниха не оказалось при себе печати, и тогда ему одолжил свою печать король Пруссии.

Николай взял письмо, сел вместе с графом Бенкендорфом в коляску и, как пишет Татищев, под его именем помчался в Вену. Меттерних стал беспокоиться, что императора России без соответствующего паспорта могут задержать и арестовать на границе. Он выслал вслед за царём курьеров, чтобы предупредить вдовствующую императрицу о прибытии нежданного гостя, но наш царь любил путешествовать быстро, и курьеры опередить его не смогли.

27 сентября/9 октября 1835 года запылённая коляска с Николаем и Бенкендорфом въехала на двор русского посольства в Вене. Привратник позвонил в колокольчик, из подъезда выбежал слуга, государь вышел ему навстречу и спросил, знает ли тот, кто приехал. Слуга ответил отрицательно, прибавив, однако, что, «кажись, видал его намеренно в посольстве». Николай I довольно рассмеялся — шутка удалась — и сказал, что он — не дипломат. На шум из посольства вышел советник А. М. Горчаков, исполнявший обязанности временного поверенного в делах, и был крайне удивлён лицезреть перед собой своего императора. Николай I попросил его пока никому не объявлять о своём приезде. Кому, кроме княгини Меттерних, к которой с поручением царя немедленно поехал Горчаков...

Когда в деле были замешаны принципы, Николай I относился к протоколу очень скрупулёзно. После июльских событий 1830 года королём Франции стал Луи Филипп (1773—1850), и Николай Александрович долго отказывался называть его «любезнейшим братом», как это предписывал этикет. Он считал его узурпатором трона, и первый раз это нарушение этикета произошло при назначении французским послом в Петербург герцога Тревизского, маршала Адольфа Эдуарда Казимира Жозефа Мортье (1768—1835). В ответ на просьбу французского министра иностранных дел исправить это «упущение» из Петербурга поступило уверение, что русский император не считает французского короля «любезнейшим» и не видит в нём «брата».

Принципиальность Незабвенного в конечном итоге закончилась громким дипломатическим скандалом. Тюильрийский двор, «стиснув зубы», решил стойко сносить протокольные издержки своих отношений с Россией. «Другой на моём месте отплатил бы оскорблением за оскорбление, — писал Луи Филипп австрийскому послу графу Аппони, — и вся Франция, поверьте, рукоплескала бы ему! Я же вынослив: *ignoramus!* Таково, вы знаете, правило моё относительно императора Николая». Но обстановка подозрения и взаимного недоверия делала своё дело.

...Всё началось с невинного протокольного события. Посол в Париже граф Ф. П. Пален в конце 1841 года получил указание прибыть в Петербург для консультаций с Николаем I. Граф оповестил об этом официальной нотой МИД Франции и попрощался с королём. Луи Филипп на прощальной аудиенции произнёс загадочные слова: «Я всегда с удовольствием вижу графа Палена близ себя и всегда сожалею об его удалении. Больше я ничего не имею вам сказать».

За этой фразой на самом деле скрывалось сильное раздражение, ибо в Париже вообразили, что консультации посла с Николаем I были лишь предлогом для нанесения королю французов ещё одного оскорбления. Дело в том, что Пален, замещавший ушедшего в отпуск графа Аппони в качестве дуайена дипломатического корпуса в Париже, должен был нанести в Тюильри про-

токольный визит и от имени всего дипкорпуса поздравить Луи Филиппа с Новым годом.

Как назло, французский посол в Петербурге барон А. Г. П. Б. Барант тоже отсутствовал, и его замещал 1-й секретарь Казимир Перье. Министр иностранных дел Франции Ф. П. Г. Гизо (1787—1874) приказал Перье отплатить русскому царю той же монетой: он проинструктировал его проигнорировать приглашение Нессельроде принять участие в торжественной церемонии в день святого Николая — день тезоименитства Николая I — и не выходить из здания посольства в течение двух дней, сказавшись больным. Перье было, однако, разрешено «выздороветь» к новогоднему балу в Зимнем дворце.

К. Перье в точности выполнил указание Гизо и стал вместе со своим министром ждать развития событий. В Петербурге быстро поставили диагноз «болезни» французского временного поверенного: государь увидел в ней знак неуважения к своей особе и дал волю своему гневу. Этого было достаточно, чтобы с императором мгновенно солидаризировалось всё высшее петербургское общество. Двери всех домов и салонов закрылись перед «выздоровевшим» Перье и его супругой, вечера и обеды с его участием отменялись, его перестали приглашать, замечать и слушать. В одночасье популярный француз превратился в парию. «Произведённое впечатление велико, глубоко возбуждение, более даже, чем ожидал, — жаловался Перье в частном письме Гизо. — До какого предела следует мне довести терпение?» — спрашивал он министра. Утешало лишь то, что Нессельроде продолжал относиться к Перье, как и прежде.

Между тем коллега К. Перье в Париже, временный поверенный в делах России граф П. Д. Киселёв, за несколько часов до новогоднего приёма в Тюильри написал церемониймейстеру Луи Филиппа, что «нездоровье мешает ему принять участие в празднике». Это выглядело уже как месть за «нездоровье» Казимира Перье в Петербурге. Гизо аккуратно проинформировал Перье о поступке Киселёва и попросил своего подчинённого набраться терпения и ждать, чем ещё «обрадуют» фран-

цузов русские специалисты по дипломатическому протоколу.

Обе стороны при этом делали вид, что ничего не замечают и что всё в порядке вещей. Графа Киселёва пригласили на следующий бал, а Перье тоже как ни в чём не бывало поехал на новогодний бал в Зимний дворец. Но нервы сдавали уже и у Гизо. «С той и другой стороны всё правильно и всё понятно, — писал он Перье. — Внешние приличия соблюдены и истинные намерения почувствованы. С нас этого довольно, мы в расчёте».

«Печальное заблуждение! — пишет С. С. Татищев. — Дело было ещё далеко от конца и вполне закончилось лишь шесть лет спустя вместе с Июльской монархией*».

Гизо рекомендовал Перье быть холодным к тем, кто проявлял холод в отношениях к нему, чуждаться тех русских, которые сторонились его; советовал почаще оставаться в семейном кругу и в здании посольства, частице Франции, но это мало помогало бедному французу. Он чувствовал себя обложенным со всех сторон волком и только ждал, когда егеря дадут команду борзым разорвать его в клочья.

На балу в Зимнем дворце Николай I, проходя мимо Перье, поинтересовался:

— Как поживаете вы с тех пор, как мы не видались с вами? Лучше, не правда ли?

Императрица Александра Фёдоровна спросила, когда же вернётся из Парижа барон Барант.

Перье казалось, что императорская чета просто издевается над ним. В официальном письме Гизо он написал, что, возможно, русский двор желает вернуть Палена в Париж, как только в Петербург вернётся Барант. Гизо обрадовался, но проинструктировал Перье, чтобы он говорил всюду и каждому, что Барант вернётся к месту службы лишь тогда, когда это сделает Пален. Нужно было сохранять вид и достоинство.

Прошло полгода, но всё оставалось по-прежнему. Только Николай I высказался в том смысле, что при данных обстоятельствах Пален в Париж не вернётся. Перье попросил отозвать себя, и Гизо был вынужден

---

* Имеется в виду революция 1848 года, прогнавшая Луи Филиппа с трона.

пойти ему навстречу. Временным поверенным остался второй секретарь барон д'Андре. 1/13 июля 1842 года в дорожной катастрофе погиб наследник французского престола герцог Орлеанский, но и этот трагический случай, позволивший обоим дворам на какое-то время позабыть протокольную распрю, не разрешил противоречия. Имела место также откровенная беседа Гизо с Киселёвым, но и она не помогла.

Всё это привело к печальным политическим последствиям: Франция стала сблизиться с Англией, а это послужило зародышем антирусского союза последующих правительств этих стран и закончилось неудачной для нас Крымской войной. Конечно, отзыв посла Палена и последующие события не были истинной причиной русско-французского охлаждения, в этом были виноваты предубеждения Николая I в отношении Луи Филиппа, но протокольные мелочи послужили тем неблагоприятным фоном, на котором и произошёл политический разрыв между Петербургом и Парижем.

Большим мастером по части протокола славился княжеский двор в Карлсруэ, который довёл протокольные церемонии до степеней искусства, в то время как дармштадтский двор в этом отношении являл собой полную ему противоположность. На завтрак к семье великого герцога в Карлсруэ надо было являться во фраке с чёрным галстуком. Второй секретарь посольства Англии Джордж Бьюкенен вспоминает, как на 70-летнем юбилее великого герцога ему пришлось провести с восьми часов утра до семи часов вечера в голубом мундире с жёлтыми пуговицами. Но больше всего утомляли бесконечные приёмы после обеда во дворце, когда приходилось стоять на ногах по два-три часа, пока великий герцог с супругой обходил гостей. Даже в своих комнатах дипломатов не оставляли в покое. Каждого мог разбудить лакей герцога или герцогини и с улыбкой на лице сообщить «приятную весть» о том, что великая герцогиня распорядилась в 10 часов утра, чтобы дипломат сопровождал её при посещении с благотворительными целями какой-нибудь больницы. «Нигде не было такой скуки, как в Карлсруэ», — пишет англичанин в своих мемуарах.

В период, когда в международном общении отсутствовали универсальные правила протокола, применялись правила по месту аккредитации дипломата. Естественно, дело часто доходило до курьёзов и даже крупных недоразумений, особенно в отношениях между «цивилизованной» Европой и «варварским» Востоком.

Например, персы требовали от иностранных послов, чтобы они во время аудиенции у шаха снимали сапоги и натягивали на ноги длинные красные чулки, а сверх них — надевали калоши. Это требование было официально снято лишь после Туркманчайского мирного договора, но когда генерал А. П. Ермолов в апреле 1817 года приехал в Персию со своим посольством, ему пришлось столкнуться с этой унижительной и стеснительной во всех отношениях процедурой.

Послы Франции и Англии, заискивая перед Фетх-Али-шахом и его наследником Аббас-Мирзой, беспрекословно подчинились протокольным требованиям местного двора, но только не гордый Ермолов, «не приехавший ни с чувствами Наполеонова шпиона, ни с прибыточными расчётами купеческой нации». Надевать красные чулки он наотрез отказался. Не пожелал он выполнить ещё одно требование персов — оставлять свою свиту в прихожей, когда шёл на аудиенцию к Аббас-Мирзе в Тавризе. Аббас-Мирза был вынужден пойти на компромисс, но зато он принял русского посла не в зале, а во дворе перед своим домом. Перс тоже решил «насолить» Ермолову: двор не был застелен коврами, не терпящими прикосновения сапогов чужеземца, а сам наследник стоял на голом каменном помосте, у самого окна, под портретом своего родителя.

Аудиенция была назначена в полдень. От дома, занимаемого русским посольством, до дворца Аббас-Мирзы выстроены войска. Ермолов восседал на лошади, подаренной наследником престола, которая, по его ироничному выражению, «без уважения смотрела на воинов и, непрерывно толкая их, заставляла опасаться, что он приедет во дворец по трупам половины ополчения персидской монархии».

Въехали в большой двор. Алексей Петрович и вся свита спешили и прошли в другой меньший двор.

Потом их повели по узким проходам, вдоль которых за деревянными решётками сидела челядь Аббас-Мирзы, на третий двор с бассейнами. В противоположном углу двора генерал увидел палаточный навес, а под ним — стоявшего Аббас-Мирзу. Он сразу разгадал смысл ответного хода наследника и решил ему ответить дерзостью. Ермолов сделал вид, что не видит принца, и громко обратился к сопровождавшему его мехмендарю*:

— Где же Его Высочество?

Мехмендарь показал на навес, и только тогда Ермолов театрально снял шляпу. Свита последовала его примеру. Аббас-Мирза сделал три шага вперёд и протянул послу руку. Ермолов поприветствовал принца и вручил ему высочайшую грамоту. Перс положил её на пристенок. Аудиенция состоялась.

И после этого персы не прекратили попыток навязать русским свой обычай. На следующий день Ермолова пригласили на учения персидской армии, и там Аббас-Мирза решил повторить попытку отделить свиту от посла. Он предложил генералу пройти в его шатёр и выпить чаю, а свите — остаться в соседней палатке. Но Ермолов был начеку и не поддался на эту уловку. Он ответил, что останется вместе со своими людьми, а от чая вежливо отказался, объяснив, что в России в это время чай не пьют.

Отъезжая от двора наследника в Тегеран, Ермолов не стал напрашиваться к нему на прощальную аудиенцию, поскольку полагал, что встреча с ним во дворе не носила характер официальной. Отъехав от двора Аббас-Мирзы, Ермолов отправил к нему советника Соколова с уведомлением: если персы и в Тегеране будут настаивать на том, чтобы он предстал перед падишахом в красных чулках, то немедленно уедет в Россию. И добавил, что теперь будет ожидать ответа от двора: продолжать ли ему путь в Тегеран или возвращаться домой. Во дворе Аббас-Мирзы поднялась суматоха, стали искать Ермолова, но его и след простыл.

Таким образом, Ермолов последнее «протокольное» слово оставил за собой. Трудно сказать, нужно ли послам во всех случаях вести себя так ригористически, как

---

* Посольский пристав.

вёл себя по отношению к персам русский генерал и посол. Нам кажется, что в данном случае все поступки русского посла были оправданы. В ситуации, когда персы намеренно пытались показать своё превосходство над русскими и даже унижить их, его поведение было абсолютно адекватным.

Фетх-Али-шах принял Ермолова не в Тегеране, а в своей летней — палаточной — столице Султаниэ. Для русского посольства поставили палатки в тысяче шагах от шатра шаха. Шествие русского посольства открыли музыканты, игравшие бравурные марши, за ним шли гренадеры под командованием графа Самойлова, потом — двенадцать официантов, одетых в богатые ливреи, двое конных ездовых Коллегии иностранных дел и, наконец, сам посол на прекрасном жеребце в сопровождении важного вельможи Махмуд-хана и двух его советников. Далее следовали член посольства Худобашев, врач Мазарович (будущий посланник в Персии), адъютанты, свитские офицеры, кузен посла полковник Ермолов, Машков, князь Джанхатов с узденями, линейные и донские казаки.

Когда приблизились к палатке главного шахского телохранителя, процессия остановилась. Некоторое время спустя дали знать, что шах ждёт посла. Шах восседал в своём шатре на троне, устроенном на кирпичном постаменте, покрытом коврами. Подножие трона было украшено изображением отдыхающего льва. По правую сторону трона лежали обтянутые малиновым бархатом и унизанные жемчугом *мутаки* — подушки. На голове Фетх-Али-шаха была *кеянидская** корона, сзади и справа от шаха стояли четырнадцать его сыновей, чиновник с блюдом и малой шахской короной, по левую сторону — четыре *гулям-нишхидмета* (стражника) с шахскими регалиями: щит, сабля, скипетр и государственная печать.

При входе в палатку нужно было пройти через коридор из вельмож и высших чинов империи. Вот показался русский посол в сопровождении первого адъютанта шаха — Аллах-Яр-хана и двух его советников, из которых один нёс грамоту Александра I. Свита Ермолова

---

* К е я н и д ы — древняя персидская династия.

на сей раз осталась в отдельной палатке — *кишик-ханэ*. Ещё при входе на площадь Ермолов сделал первый поклон в сторону шахской палатки, посредине площади — второй поклон, а перед самой палаткой — третий. Аллах-Яр-хан громким голосом возвестил о прибытии чрезвычайного и полномочного посла России.

— Хош-гельди, — сказал Фетх-Али-шах. — Добро пожаловать.

Ермолов вошёл в шатёр, поклонился, сказал краткую приветственную речь от своего государя и вручил шаху верительную грамоту. Шах положил грамоту на трон, а посол отошёл в сторону и сел в приготовленное для него кресло. Последовал традиционный вопрос шаха о здоровье царя и царского посла, Ермолов, естественно, отвечал (стоя), что он с Александром I находится в добром здравии, чего желал и Его Шахскому Величеству, сел по приглашению шаха, но потом, каждый раз, когда шах что-то спрашивал, снова вставал и давал ответы.

После краткой беседы шаху представили свиту посла. Ермолов о каждом члене посольства сказал добрые слова, заявив, что все они являются лучшими представителями государя и России. Фетх-Али-шах изъявил своё удовольствие, аудиенция была окончена, и Ермолов вышел. Покидая площадь, он совершил три поклона.

Когда посольство снова оказалось в Тавризе, впечатлённый приёмом Ермолова в Султаниэ Аббас-Мирза принял посла в своём дворце, не потребовав от него ношения красных чулок! Дополнительным аргументом в пользу такого шага оказался неприятный эпизод: когда наши музыканты, сопровождавшие посольство, стали размещаться в отведённых для них апартаментах, живший в том же доме французский военный инструктор Марше, бывший наполеоновский полковник, приказал выгнать их, причём двум музыкантам были нанесены сабельные удары. Ермолов потребовал наказать дебошира, но когда чиновники Аббас-Мирзы уклонились от выполнения этого требования, Ермолов приказал своим офицерам арестовать Марше, наказать его плетьюми, а саблю его отобрать и передать Аббас-Мирзе.

В XIX веке, уже в посленаполеоновский период дипломатический этикет признавал за Францией «право

первенства над всеми прочими королевствами христианского мира», и послы всех прочих стран, по прибытии в страну пребывания, должны были наносить визиты в первую очередь послу Франции.

Интересно отметить, что тексты дипломатических документов, направляемых русскими дипломатами или русским двором potentатам восточных стран, тоже старались приспособлять к обычаям и традициям страны адресата. Вот комплимент — начальная часть — послания Александра I султану Турции Селиму III от 30 апреля/12 мая 1806 года: «Засвидетельствовав вашему султанову величеству без всякого этикету и церемоний искреннее моё почтение и осведомясь о здоровье Вашем, я поспешаю ответить на письмо вашего султанова величества от 23 луны Зилкаде 1220*, мною исправно полученное посредством посланника моего, пребывающего при Блистательной порте...»

В 1805 году Александр I направил в Китай для установления дипломатических отношений с китайским богдыханом посла Юрия Александровича Головкина (1749—1846). Китайский трибунал — орган при китайском императоре — не пропустил Головкина в Пекин, поскольку тот отказался следовать произвольным приказаниям пограничных властей в Урге «учинить троекратное коленопреклонение» перед «языческим» пламенем светильника. Правительствующий сенат России попытался защитить посла, утверждая, что «прежние русские посланники никогда не были принуждаемы к выполнению сего обряда ни в Урге, ни в Калгане, но только в Пекине пред лицом е. в-ва богдыхана», и вступил с трибуналом в переписку, но всё было напрасно.

«Лист ваш, писанный счастливого таланта 10 года 12 луны 9 дня, в коем вы изъясняете, что сего года в 10 луне приехал Лучын государства купеческий корабль, принадлежащий двум человекам, Лучынъ Дуна и Ни Дзань Шия, к месту Оумынь, что в губернии Гуан-дун...» — так начинается письмо Сената китайцам. В переводе на рус-

---

* По григорианскому календарю это соответствовало 12 февраля 1806 года.

ский язык «10 год 12 луны 9 дня» означал 16(28) января 1805 года, «Лучын» — Россию, «купеческий корабль» — ошибку, было два военных корабля — «Надежда» и «Нева», под «Лучынь Дуном» китайцы подразумевали И. Ф. Крузенштерна, под «Ни Дзань Шием» — Ю. Ф. Лисянского, а «Оумынью» китайцы называли Макао.

Русские корабли пытались продать пушнину Российско-американской компании, отгруженную на Аляске, на китайском рынке, но китайцы арестовали оба судна, утверждая, что русским надлежало торговать лишь в Кяхте.

Кстати, о продаже Аляски американцам: она передавалась США тоже с соблюдением протокола. Церемония передачи территории состоялась в Ново-Архангельске 18 октября 1867 года. Перед резиденцией главного правителя Российско-американской компании князя Максудова выстроились американский военный отряд из 250 человек во главе с генералом Л. Руссо и русские солдаты численностью около ста человек под командой капитана А. И. Пещурова. Огласили текст договора, прогремел пушечный салют в 42 залпа, и стали спускать русский флаг. Но что-то там на флагштоке застопорилось, и флаг не захотел спускаться. Наверх полезли несколько русских матросов, чтобы распутать флаг. Один из матросов уже протянул руку к полотнищу, когда кто-то крикнул ему, чтобы он не бросал его наземь и слезал вместе с ним. Но матрос не услышал, сорвал флаг и бросил его прямо на штыки стоявших рядом русских солдат...*

Обычный протокольный вопрос, как мы уже писали выше, может иметь далеко идущие политические

---

* Желающих, согласно договору, принять американское гражданство, оказалось мало — все русские хотели домой. Но места на кораблях не хватало, и около двухсот человек осталось в Ново-Архангельске. Князь Максудов пообещал им прислать дополнительные корабли, но обманул и не прислал. Пять лет шли разговоры о найме судна для переселения оставшихся аляскинцев, но средства на это так и не нашли. Терпя лишения, часть русских распозлзлась по всем американским штатам, часть их переселилась в Канаду, а часть — 123 человека, русские и креолы, — вплоть до 1874 года писали из Ситхе русским властям и просили о помощи «по неимению случая выехать в Россию». В 1877 году в Ситхе осталось всего пять русских семей. Остальные рассеялись.

последствия. Как вспоминал барон Л. К. фон Кнорринг, бывший секретарь посольства в Берлине, Николай II в 1894 году решил отозвать из Берлина посла П. А. Шувалова*, пользовавшегося большой популярностью как у самого кайзера Вильгельма II, так и у германского правительства. В некотором смысле граф Шувалов являл собой символ устойчивости уже пошатнувшихся русско-германских отношений. Кайзер был буквально оскорблён таким шагом царя, потому что последний убирал Шувалова, не удосужившись предупредить его об этом. Кроме того, общественность Германии и Европы могла истолковать отзыв Шувалова как симптом ухудшения отношений между Петербургом и Берлином. Возникла целая комбинация дипломатических шагов и мер, прежде чем объяснения Никки полностью удовлетворили кузена Вилли, и граф Шувалов мог спокойно перебираться на новую должность генерал-губернатора в Царстве Польском. А чтобы рассеять все сомнения в своих намерениях относительно германской политики, Николаю II в конце 1894 года по совету дипломатов пришлось издавать специальный рескрипт, в котором он изъявлял графу Павлу Андреевичу свою благодарность за его важную и полезную службу в Берлине.

Столкновение на почве протокола произошло у английского посла Джорджа Бьюкенена в период его аккредитации при русском дворе в 1910 году. Англичанину не нравилось, что императорский двор обращался с иностранными послами как со своими слугами. Согласно установившемуся обычаю посол или посланник, приглашённый на обед ко двору, должен был сидеть за одним столом с царём, но Бьюкенена посадили за стол с придворными. Так повторилось и в следующий раз, и Бьюкенен был вынужден апеллировать к дуайену дипкорпуса, чтобы тот вошёл в переговоры с церемониймейстером Николая II графом Гендриковым и указал ему на нарушение протокола.

Там, где правила европейского протокола не действовали, происходили драматичные столкновения двух представлений о степени важности общающихся сто-

---

* В данном случае имеется в виду Павел Андреевич Шувалов (не путать с его братом и тоже дипломатом Петром Андреевичем).

рон. Так было в средневековой Европе до введения общепринятых норм дипломатического этикета (вспомним о послых русских царей, не желавших «ломать шапку» перед европейскими монархами), так было и в более поздние времена при сношениях с представителями Азии и Африки.

Занимательный случай произошёл в Москве во время коронации Николая II в мае 1896 года. Присутствовавшего на коронации китайского сановника Ли Хун-чжана посетил эмир Бухары. У китайца в это время сидел С. Ю. Витте, который за время общения с представителем мандарина достиг в общении некоторой простоты. При упоминании имени бухарского эмира Ли Хун-чжан сейчас же привёл себя в порядок и с великой важностью уселся в кресло. При появлении в комнате эмира со свитой Ли Хун-чжан встал, сделал гостю несколько шагов навстречу и поздоровался.

С первых минут беседы по лицу эмира пробежала тень недовольства. Он был явно шокирован важностью китайца, какого-то там сановника богдыхана, в то время как сам эмир, считая себя царственной особой, только из уважения к экзотическому иностранцу снизошёл до нанесения ему визита вежливости. Эмир стал расспрашивать о здоровье богдыхана и его матери, но ни слова не нашёл для того, чтобы поинтересоваться состоянием здоровья самого Ли Хун-чжана. Впрочем, китаец внешне никак не реагировал на невежливость эмира и сидел в кресле с непроницаемым лицом, словно истукан.

Сановник, однако, завёл речь о религии и спросил эмира, какого вероисповедания тот придерживается. Вот китайцы, пояснил он, держатся религиозных начал, установленных ещё Конфуцием. Эмир терпеливо объяснил хозяину, что он мусульманин и придерживается начал, установленных самим Магомедом.

После обмена такой информацией эмир встал и китаец пошёл провожать его до коляски. В этот момент он удачно изобразил вид униженной по сравнению с величественным эмиром особы. Витте подумал про себя, что эмир всё-таки сумел подействовать на Ли Хун-чжана и показать себя во всей своей царственной красе.

Но тут, когда карета с эмиром уже тронулась, китаец стал что-то кричать ему вслед. Русский офицер, сопровождавший эмира, подошёл к нему и спросил, что ему угодно.

— Передайте, пожалуйста, эмиру, — сказал Ли Хун-чжан, — что я забыл ему сказать, что вспомнил: Магомет — это тот самый человек, который основал религию и который был также и в Китае. Так вот: там он оказался каторжником, а потом его из Китая выгнали. Вероятно, после этого он попал к ним и там основал свою религию.

Такова была китайская месть надменному бухарцу.

О реакции эмира на «опус» Ли Хун-чжана свидетель Витте ничего не пишет. Он только заключает свой рассказ словами о том, что китаец вернулся к себе в гостиную весьма и весьма довольным. Приём, по всей видимости, удался.

Ли Хун-чжан во время коронации Николая II в Москве проживал на 1-й Мещанской улице на десятом этаже дома купца Н. С. Перлова. Резиденцию китайца русские протоколисты постарались обставить в соответствии с «китайским» духом. Фасад дома был украшен разноцветными бумажными фестонами и гирляндами из зелени. Справа от подъезда соорудили эстраду для оркестра. По обе стороны подъезда полукругом выстроили по 24 мальчика: справа — в жёлтых, а слева — в красных костюмах. Мальчики держали в руках ветки зелени.

При въезде китайца в ворота двора над домом взвился его посольский штандарт с изображением двух драконов, оркестр исполнил китайский гимн и «Боже царя храни». Перлов стоял на крыльце в дворянском мундире с хлебом-солью на серебряном блюде, а члены его семьи — с букетами из живых цветов. Мальчишки устлали путь посла ветками, музыка смолкла, купец произнёс приветственную речь и преподнёс Ли Хун-чжану хлеб-соль. (Гость нанёс потом хозяину специальный визит, чтобы выяснить, что кроется за русским обычаем приветствия с хлебом-солью, и спрашивал, почему там вместо сахара положена соль.)

Каждый день в доме зажигали иллюминацию, которая изображала плывущую китайскую джонку. В

комнатах китайца сделали китайские надписи, развесили и расставили цветы и поставили клетку с белой китайской канарейкой. Последний протокольный «номер» сразил посла наповал. Тем не менее китаец, чтобы подчеркнуть независимость и достоинство Китайской империи, проявил строптивость при посещении в Большом театре оперы «Жизнь за царя». Приставленный к нему в качестве адъютанта военный агент в Пекине полковник К. Вогак докладывал, что Ли Хун-чжан, вопреки предупреждениям, явился в театр не в парадной одежде, а когда он ему напомнил об этом, возмущённый китаец демонстративно встал и покинул ложу. У него были свои представления о протоколе.

Кстати, о бухарских ханах.

Наблюдение за непокорёнными в начале XIX века Хивой и Бухарой было поручено оренбургским губернаторам. На границе губернии и ханств происходили всякие инциденты. Так, в ноябре 1806 года губернатор князь Г. С. Волконский (1742—1824) сообщал министру иностранных дел Будбергу об укрывшемся в Бухаре фальшивомонетчике В. Хамитове и о безрезультатных мерах, предпринятых им, по выдаче фальшивомонетчика российским властям. Фальшивомонетчик сидел в бухарской тюрьме, но заполучить его обратно без подарков бухарскому хану было невозможно.

Будберг доложил дело государю, и тот повелел министру лично обратиться к бухарскому министру Хаким-бею, а относительно подарков хану, как на меру, «с достоинством российского двора не приличную», Александр I своего высочайшего соизволения не дал. На вопрос Волконского, как ему поступить с аргамаками, обещанными бухарцами, Будберг ответил, что оставляет этот вопрос на решение самого губернатора, но многозначительно добавляет: «...буде есть вид, что сии аргамаки точно следуют к высочайшему двору от хана бухарского, государь император соизволяет на принятие оных».

Одним из центральных пунктов протокола являются приёмы. Приёмы бывают торжественные и пышные,

устраиваемые обычно по случаю национального или другого важного повода, например, визита главы государства или подписания важного договора, и тогда на них приглашают высших представителей двора и правительства страны пребывания. А бывают рядовые и скромные приёмы, рауты и коктейли, устраиваемые в связи с каким-нибудь текущим событием, в котором участвует узкий круг приглашённых лиц.

Министр-резидент в Дрездене барон А. Е. Врангель был приглашён в 1897 году на приём, устроенный королём Альбрехтом для дипломатического корпуса. «Вечером того же дня был в большом дворце с высочайшим выходом по церемониалу 1650 года, — докладывал он в Центр. — Особенность этого древнего обычая состоит в том, что в тронной зале ставятся четыре карточных стола для короля, королевы, наследного принца и его сына принца Фридриха Августа. Во время карточной игры приглашённая публика дефилирует через эту залу попарно, кланяясь и приседая перед каждым столом. Дежурные церемониймейстеры и камергеры у каждого стола называют Высоким Особам фамилии наиболее выдающихся лиц, причём король и королева милостиво раскланиваются. В этот зал допускаются только принцы, их свита и дипломатический корпус. К карточному столу для партии приближаются одни лишь посланники и их жёны. Русскому представителю как министру-резиденту предоставляется только стоять близ стола и смотреть на королевскую игру...»

В связи с государственным визитом президента Франции Раймона Пуанкаре (1860—1934) в 1913 году король Георг V устроил грандиозный приём, на который, естественно, были приглашены аккредитованные в Лондоне послы. Задачу опросить послов и узнать их мнение об участии в приёме взяли на себя русский посол А. К. Бенкендорф и дуайен дипкорпуса. Между русским послом и послами других стран по этому поводу состоялся обширный обмен нотами.

Каждый приглашённый на государственный банкет получил красиво отпечатанную брошюрку, на титульном листе которой было написано:

*«Государственный банкет
Вторник, 24 июня 1913 года
в честь Президента Французской Республики*

В 8.30 при полной парадной форме.
Допуск гостей через Большой Подъезд. Не позже 8.15.»

Ниже следовал алфавитный список гостей Его Величества, приглашённых на банкет с указанием номеров столов, за которыми они сидят.

Список гостей Его Величества включал не менее 500 человек, которые были рассажены за четырнадцать большими столами. Русский посол сидел за почётным столом № 1, а его соседями по столу были послы Германии и Австро-Венгрии, принц и принцесса Баттенбергские и шведский кронпринц Кристьян.

Сент-Джеймский двор уделял протокольным вопросам большое внимание, так что работавшие в Лондоне дипломаты получали неплохую «протокольную» практику. Архивная папка посольства России в Лондоне за первую декаду XX столетия по вопросам протокола содержит богатый материал. Чуть ли не каждую неделю церемониймейстер короля Эдуарда VII (1841—1910), а потом и Георга V (1865—1936), отправлял в дипломатический корпус приглашения на приёмы и рауты, устраивавшиеся при дворе. Особой популярностью пользовались *levee* — дневные приёмы в присутствии одних мужчин.

Приглашение на такой приём выглядело примерно следующим образом:

*«Master of Ceremonies (герб)
Ambassadors Court
St. James Palace, S. W.
29th, January 1907*

His Majesty's Master of Ceremonies has the honour to notify to His Excellency the Russian Ambassador that His Majesty the King will hold the First *Levéé** on Thursday, 14th February, 1907, and the Second *Levéé* on Tuesday, 19th February, 1907 at St. James's Palace at 12 noon.

---

* Торжественный приём, на котором главным пунктом программы является пожатие руки хозяину. Пожатие одновременно является и актом официального представления.

The Master of Ceremonies requests that he may be honoured with the names of those gentlemen of the Russian Embassy who propose to attend, specifying who are to be presented on each occasion.

The Master of Ceremonies will be exceedingly obliged if he may be honoured with a reply to this communication five days at latest before the date on which each *Levéé* takes place*.

Пожалуй, лучше по-английски и не скажешь — точно, кратко и изящно.

Таких раутов исключительно для джентльменов при дворе английского короля в «приёмный сезон» было несколько — были и третий, и четвёртый *levee*. На каждое из приглашений посол А. К. Бенкендорф «накладывал» резолюцию на французском языке с указанием должностей и фамилий своих подчинённых, которые были обязаны почтить короля Англии своим присутствием.

Королевский двор задавал эталон этикета, и дипломатический корпус, естественно, стремился во всём ему соответствовать. Посещение раута в Сент-Джеймском дворце было, конечно, большой честью, и пропустить его было бы для дипломата недопустимой ошибкой.

Дипломатический корпус должен был следовать и другим правилам двора, например в части ношения траура. В те времена не соблюсти хотя бы внешнюю видимость соболезнования королевскому двору было непристойно. Если двор объявлял траур, то все посольства должны были неукоснительно следовать ему. С королями тогда не шутили, потому что и цари не потерпели бы от своих дипломатов никакого на этот счёт вольнодумства. Пролетарии всех стран ещё и не думали

---

* «Церемониймейстер, Посольский Двор, Сент-Джеймский дворец, Ю. В., 29 января 1907 года. Церемониймейстер Его Величества имеет честь уведомить Его Высочайшее посольство посла России о том, что Его Величество Король в четверг 14 февраля 1907 года устраивает Первый *Levéé*, а во вторник 19 февраля 1907 года — Второй *Levéé* во дворце Сент-Джеймс в 12.00 пополудни. Церемониймейстер почтительно просит сообщить ему имена тех джентльменов из русского посольства, которые намереваются принять приглашение, и особо указать, кто из них и на каком приёме будет присутствовать. Церемониймейстер был бы чрезвычайно обязан получить ответ на этот счёт не позже чем за пять дней до даты устройства каждого приёма». (Пер. с англ. — Б. Г.)

соединяться, а международная солидарность монархов действовала на протяжении многих веков.

Вот Сент-Джеймский двор предписывает всем своим подданным (во всяком случае, тем из них, кто желает и может соответствовать этому званию) и дипкорпусу следующее:

*«Говмейстерская Часть,
Сент-Джеймский дворец, Ю. В.
11 января 1907 года*

Король приказывает, чтобы Двор с нынешнего дня в течение двух недель носил траур по Её Величеству последней Королеве Ганноверской, Вдовствующей Герцогине Камбэрлэндской, Первой Кузине когда-то удалённой от Его Величества Короля, а именно:

Леди носят чёрные платья, белые перчатки, белые или чёрные туфли, плюмажи из перьев и веера, жемчуг, бриллианты или простые золотые или серебряные украшения.

Джентльмены носят на левой руке креповые банты, военную форму или придворные мундиры.

Двор переходит на полутраур в пятницу, 18 числа этого месяца, то есть:

Леди носят чёрные платья с цветными лентами, бутоньерки, плюмажи и украшения, или серые или белые платья с чёрными лентами, бутоньерки, плюмажи и украшения.

Джентльмены продолжают соблюдать тот же траур.

И в пятницу, 25 числа текущего месяца, Двор прекращает траур».

Комментарии, как говорится, излишни. Есть плюмажи, ленты, бутоньерки, а также жемчуг, бриллианты или, на худой конец, простое золото и серебро — носи траур по вдовствующей герцогине, когда-то удалённой от короля! Впрочем, у дипломатов всё это было — в том или ином количестве.

Британский этикет, по всей видимости, понравился двору Романовых, потому что в феврале 1907 года 2-й Департамент Министерства иностранных дел попросил советника-посланника посольства в Лондоне С. А. Поклевского-Козелла собрать материал о правилах и практике соблюдения государственного траура в Великобритании (свой этикет, принятый на этот счёт в 1831 году, слишком устарел). Поклевский-Козелл сочинил соответствующую ноту в Форин Оффис и получил

неутешительный ответ: никаких особых правил в процедуре траура Альбион не изобретал. Всё функционировало по принципу прецедента. Впрочем, заключали свой ответ английские дипломаты, «the matter is receiving attention», что в переводе на современный бюрократический язык означает, что «дело взято на контроль».

В 1907 году посольство в Лондоне выполняло деликатное поручение Сент-Джеймского двора, пересылая в Петербург мерки одежды для принца Уэльского Эдуарда, которому надо было сшить русский мундир и головной убор. Первый секретарь Севастопуло на всякий случай сообщал, что мерки принца фактически совпадали с мерками Николая II. И действительно: царь и принц, двоюродные братья, имели не только одинаковый рост и телосложение, но и походили друг на друга, как близнецы.

Дипломатам приходилось выполнять поручения протокольного характера не только для членов монарших фамилий, но и для обычных смертных. Императорский Санкт-Петербургский яхт-клуб попросил графа Бенкендорфа возложить цветы на гроб усопшего Эдуарда VII, члена яхт-клуба, что посол исполнил и послал председателю клуба чек на 15 фунтов, которые посольство потратило на покупку букета.

Довольно часто сотрудники Лондонского посольства выполняли и другие просьбы своих сограждан, в частности, передавали английскому королю подарки. Одна дама из Петербурга, собиравшая всю жизнь почтовые марки, решила подарить Георгу V свою коллекцию. Все дары и приношения обязаны были пройти контроль посольства в Лондоне, поэтому даму попросили написать соответствующее прошение на имя графа Бенкендорфа.

Английскому королю один русский подданный подарил книгу, которая, по-видимому, ему очень понравилась, но она была вручена монарху, минуя русское посольство. В этой связи Виндзор запросил посольство, не могло бы оно согласиться в качестве исключения «утвердить» этот подарок. Русские дипломаты ответили категорическим «нет». Дело закончилось тем, что книгу вернули в посольство, а дипломатические «цензоры» по

каким-то соображениям книгу не пропустили. Король лишился подарка.

Но протокол есть протокол. Впрочем, в данном случае речь, кажется, шла не только о протоколе, а о безопасности монарха и о благонадёжности дарителей.

Кончина государственных деятелей непременно сопровождалась выполнением необходимых протокольных правил — правил выражения соболезнования и соблюдения траура. После смерти в конце 1894 года министра и статс-секретаря Н. К. Гирса все европейские дворы и правительства выразили императорскому правительству России соболезнования — как через российские миссии и посольства, так и через своих послов в Петербурге. Например, в Бухаресте король Карл от своего имени и от имени супруги отправил в русскую миссию для этих целей своего адъютанта, в то время как министр иностранных дел Румынии лично явился в миссию выразить соболезнование по поводу кончины своего коллеги. О выражении соболезнования посланник Н. А. Фонтон немедленно доложил на Певческий Мост, а временный управляющий Министерством иностранных дел Шишкин в ответ попросил Фонтон выразить королевскому двору и правительству Румынии от имени имперского правительства России благодарность за выражение соболезнования.

Правила протокола были весьма церемонны.

То же самое имело место в 1896 году после смерти министра князя Лобанова-Ростовского — та же процедура, казалось, лишённая всякого информационного содержания. Но это только на первый взгляд. Временный поверенный в делах А. К. Базили, докладывая о панихиде, имевшей место в Бухаресте двадцать дней спустя после даты смерти, сообщил, что на панихиде участвовали чины румынского правительства и МИД, сотрудники императорской миссии и члены дипломатического корпуса, «кроме греческого посланника».

Мы не думаем, что грек специально проигнорировал указанное мероприятие — нет, у него, возможно, для этого были какие-то уважительные причины. Но, выходя, царская миссия тщательно и скрупулёзно проследила за тем, кто выразил свои чувства в православном

соборе Бухареста; значит, отсутствие греческого посланника было взято на заметку; значит, тем или иным способом на Певческом Мосту добьются информации о причине неявки греческого дипломата на панихиду.

Протокол был делом архисерьёзным.

Глава четвёртая

Переговоры

*Правды в людях мало, а
коварства много.*

Пётр I

Искусство ведения переговоров всегда ценилось в дипломатии. В описываемый здесь период, когда ещё не было надёжных и быстрых средств коммуникации, личность дипломата, которому поручалось заключение важных соглашений и договоров, имела зачастую решающее значение. Генеральная цель переговоров формулировалась заранее, и с этим особых проблем не возникало. Проблема возникала именно на стадии тактического воплощения главного замысла, которое требовало от дипломата и знания своего партнёра, и его позиции, и мастерства, гибкости и осторожности.

Имея в виду, что все мирные соглашения являются плодом взаимных уступок и компромиссов, важно было выбрать такую линию поведения, чтобы преждевременно не сдать свои позиции, но и не отпугнуть от продолжения переговоров своей слишком жёсткой линией. Нужно было по возможности хорошо изучить противника, его установки на переговоры, черты характера главного лица и, тонко балансируя на острие ножа, не раскрывая в самом начале свои отступные позиции, пытаться продать свои «дешёвые» аргументы как можно дороже. Блеф, хитрость, внешняя доброжелательность, красноречие, лесть, подарки, угощения — все средства были хороши, чтобы добиться цели.

Примером удачных дипломатических переговоров может послужить Тильзитская 1807 года встреча русского императора Александра с Наполеоном. Исходные позиции русской стороны накануне встречи «в верхах» из-за поражений русской армии выглядели отнюдь не блестящими, поэтому русские дипломаты готовились к ней со всей тщательностью.

Всякой встрече в верхах предшествует предварительная подготовка, в которой участвуют дипломаты. В данном случае всю дипломатическую подготовку встречи Александр поручил генерал-лейтенанту князю Д. И. Лобанову-Ростовскому, а предложение о перемирии французам от имени главнокомандующего русской армией Л. Л. Беннигсена сделал князь П. И. Багратион. В то время, да и в последующие годы было в порядке вещей, когда дипломатические миссии выполняли военные — наиболее образованная часть общества.

Александр I на первых порах осторожничал и предварительные переговоры с французами поручил вести от имени военных, но вот французы дали понять, что они тоже заинтересованы в окончании войны, и генерал Дюрок сделал предложение о возможности встречи двух императоров. Утвердив текст перемирия, 10 июня Наполеон заявил Лобанову-Ростовскому о своём желании увидеть Александра I. Не прошло и недели, как встреча в верхах стала реальностью.

Сближение Москвы с Парижем сильно насторожило Лондон. Чтобы сорвать наметившийся союз Наполеона с Александром, министр иностранных дел Англии Каннинг прибег к грубому шантажу. 21 декабря 1807 года он вызвал к себе русского дипломата Д. М. Алопеуса* и под «большим секретом» сообщил, что, по имеющимся у английской разведки данным, то ли против русского императора, то ли против его правления вообще готовится заговор. На вопрос Алопеуса, откуда у англичанина такие сведения, Каннинг сослался на какое-то письмо «частного лица» в Петербурге, переданное якобы английскому послу. На просьбу Алопеуса дать копию

---

* Д. М. Алопеус, работавший в 1806 году посланником в Швеции, имел, как мы уже упоминали выше, брата М. М. Алопеуса, посланника в Берлине.

этого письма Каннинг ответил отказом, но сильно настаивал на том, чтобы Алопеус проинформировал обо всём Александре I*.

Твёрдость и гибкость — вот качества, которые, к сожалению, не всегда имели в своём активе и до сих пор не имеют русские переговорщики. Всеми этими качествами обладал генерал Ермолов, возглавивший русское посольство в Тегеран в 1817 году. Он, как никто из русских, отлично понял, что Восток — дело тонкое, и мастерски применял это своё понимание на практике. Он виртуозно воздействовал на воображение шахских чиновников то обильным, «европейским» угощением, то подарками, то лестью, а то и прямой угрозой применить силу.

«Крепкие напитки и пуншевое мороженое были в общем вкусе, — записал Ермолов в своих знаменитых «Записках» и не без сарказма и удовлетворения продолжал: — Из благопристойности то и другое называли мы целительным для желудков составом. От наименования сего наморщились рожи персиян, его приятный вкус, а паче очаровательная сила оживили их весельем, и в честь закона твоего, великий пророк, не вырвался и один вздох раскаянья. Главный доктор сердаря** более всех вкусил целительного состава, а им ободрённый сердарь дал пример прочим собеседникам. Долго на лице одного священнослужителя изображался упрёк в невоздержании, но розовый ликёр смягчил ожесточённое сердце мусульманина и усладил горсть его».

Поначалу переговоры с персами шли сложно, и тогда Алексей Петрович применил маленькую ложь: он уверил их в том, что является потомком великого Чингисхана, в доказательство чего сослался на кузена, полковника П. Н. Ермолова (1787—1844), обладавшего подходящей для этого внешностью — чёрные подслеповатые глаза и скуластые щёки. Заинтересованный

---

* Не правда ли, как всё это напоминает распущенные в октябре 2007 года слухи о том, что во время визита В. Путина в Тегеран на него будет совершено покушение? За всем этим можно увидеть знакомые нам англосаксонские «уши».

** Местный князь, правитель провинции.

Фетх-Али-шах попросил посла показать своего родственника, и Ермолов не преминул предъявить им его. Впечатление, произведённое кузеном, превзошло все ожидания генерала. Один из придворных шаха поинтересовался наличием у Ермолова родословной.

— Разумеется, — ответил, не моргнув глазом, Ермолов, — она хранится у старшего фамилии нашей.

Ответ сей, пишет генерал, «навсегда утвердил принадлежность мою Чингиз-хану». Персы прониклись и уважением, и страхом к потомку великого завоевателя, и переговоры после этого пошли куда легче.

Действовали на персов и громогласный голос генерала, и его внешний внушительный вид: «Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорил о войне, то она принимала на себя выражение чувств человека, готового схватить за горло». Когда не хватало аргументов, генерал прибегал к своему широкому горлу и зверскому выражению лица, что неизменно «производило ужасное действие». Персы начинали его просто бояться. Они видели, что русский посол повышал голос, не имея на то справедливых и основательных причин, и их охватывал беспричинный страх. А когда генерал на аудиенции с шахом повёл себя «аки агнец смирный», то эффект от этого оказался вдвойне сильней.

А вот по отношению к одному несговорчивому персидскому чиновнику генерал применил следующую уловку: он назвал его отцом и попросил считать себя его послушным сыном, обещая ему полную откровенность во всех поступках и делах. Ермолов изображал сыновнюю покорность, когда ему было трудно и не хватало аргументов, но там, где он чувствовал свою силу, о «сыновней покорности» не могло быть и речи. Он становился громогласным посланцем Российской империи и прибегал к угрозе силой. «Сею эгидию покрывал я себя в одних крайних случаях, — оправдывается он в своих «Записках», — и всегда выходил торжествующим».

Когда Ермолов вёл переговоры о возврате русских военнопленных с Мирзой-Безюргом, ближайшим помощником шахского наследника Аббас-Мирзы, и перс

стал откровенно лгать и сообщать о них неверные сведения, Ермолов прервал его и сказал:

— Рассказывайте всё это детям — не мне. Клятвам вашим не верю: они для вас то же, что для меня понюхать табуку. Мне известна вся низость ваших поступков, известны и те меры, которые приняты, чтобы не допустить меня до пленных.

И намекнул, что если его требования не будут выполнены, то он применит силу русского оружия.

— Наследника же вашего предупредите, — заключил генерал свою речь, — что если во дворце в числе его телохранителей узнаю русского солдата, то, невзирая на его присутствие, я вырву его у вас.

Такие аргументы действовали на персов превосходно.

Во время переговоров с китайским сановником Ли Хун-чжаном в 1896 году о строительстве Китайско-Восточной железной дороги была достигнута тайная договорённость о русско-китайском оборонительном союзе против Японии. По указанию Лобанова-Ростовского был составлен проект договора и показан главному переговорщику С. Ю. Витте, тогда министру финансов. Витте, прочитав проект документа, обнаружил, что Россия согласно проекту фактически брала на себя обязательство защищать Китай не только от нападений Японии, но и от посягательств всех европейских держав.

Витте немедленно доложил о вкравшейся в текст ошибке государю императору, и Николай II обещал дать соответствующее указание министру иностранных дел. Прошло некоторое время, все участники переместились в Москву на печально известную коронацию Николая II, и настало время подписания русско-китайского соглашения. Каково же было изумление Витте во время церемонии подписания (парафирования) договора, когда он увидел, что текст документа так и не был исправлен, а высокодоговаривающиеся стороны уже уселись за стол и хотели было окунуть перья в чернильницы.

Волосы маститого политика встали дыбом. И царь, и

министр иностранных дел, князь Лобанов-Ростовский не раз встречались с ним, и каждый из них заверял Сергея Юльевича, что меры по внесению поправки в текст договора приняты, и вот... Витге пришлось встать из-за стола, подойти к князю и прошептать на ухо:

— Князь, ведь такой-то и такой-то пункт не изменён, как этого хотел государь.

В данном случае было важно сослаться именно на пожелание царя.

Министр хлопнул себя ладонью по лбу и спокойно сказал:

— Ах, боже мой! Я и забыл предупредить секретарей, чтобы они переписали этот пункт в новой редакции. Ну, ничего.

Князь посмотрел на часы и невозмутимо хлопнул в ладоши. Вошли секретари, министр шепнул им на ухо и передал текст договора на исправление. А потом так же невозмутимо объявил:

— Подавайте завтракать.

Согласно протоколу завтрак у русского министра иностранных дел должен был состояться после подписания договора, но порядок пришлось нарушить.

— Теперь уже прошло 12 часов, — пояснил Лобанов своё решение всем присутствовавшим, — кушанье может испортиться, а документ подпишем после завтрака.

Никто, естественно, не возражал.

Конечно, подписывать документ о тайном соглашении было куда легче на сытый, нежели на голодный желудок.

Как пишет Соловьёв, Ли Хун-чжан уехал из России в полном убеждении, что упомянутый оборонительный договор обязывал Россию защищать Китай от всех нападков. Когда в 1897 году между Китаем и Германией возник конфликт, то Ли Хун-чжан явился в русскую миссию и потребовал от русских помощи. Посланнику Кассини пришлось пускаться в неудобные дезавуации.

Участвовал Ли Хун-чжан и при подписании договора об аренде Россией Ляодунского полуострова. Предварительно сановнику дали взятку: через Русско-Китайский банк ему перевели миллион рублей. Вместе с ним были подкуплены и другие китайские чиновники. На

дипломатическом языке русской миссии в Пекине это называлось «материально заинтересовать китайцев».

Подкупленный Ли Хун-чжан до конца сохранял своё лицо. Поверенный в делах Павлов, отправляясь в Цзун-лиямынь (Канцелярия по управлению внешними делами Китая) на подписание договора, сильно волновался, потому что не был до конца уверен в поведении китайцев. Материально заинтересованный Ли Хун-чжан, испытанный китайский политик старого закала, сохранял маску полного безразличия и спокойствия. Держа в руке кисть с тушью, он долго не подписывал договор и испытывал терпение Павлова длительной беседой о посторонних предметах. Прошло целых десять минут, тушь на кисти уже начала высыхать, а китаец всё говорил и говорил... Когда прошло достаточно много времени для «спасения лица», Ли Хун-чжан наконец поставил свою подпись.

С. Ю. Витте, несмотря на то, что никогда не занимался профессиональной дипломатией, был искусным переговорщиком. Как известно, посланный в 1905 году вести мирные переговоры с Японией в США, он к этому времени находился в опале и был фактически не у дел. По первоначальному замыслу Николая II главой русской делегации на переговорах с японцами должен был стать посол России в Париже А. И. Нелидов, но тот быстро уклонился от этой «почётной» обязанности, сказавшись больным. Потом выбор пал на русского посла в Риме Н. В. Муравьёва (не путать с министром иностранных дел М. Н. Муравьёвым), но и тот, было согласившись, испугался ответственности и под тем же нелепым предлогом отказался от миссии. Так что царь волей-неволей был вынужден вернуться к кандидатуре нелюбимого Витте. К себе в помощники Витте взял опытного и талантливого дипломата — посла в США барона Р. Р. Розена и профессора-международника Ф. Ф. Мартенса, а также целый ряд других военных и финансовых консультантов.

В некотором смысле С. Ю. Витте в Портсмуте (США), где под эгидой и при посредничестве президента Т. Рузвельта начались русско-японские переговоры о мире, своим поведением произвёл революцию

в дипломатическом этикете и протоколе. С самого начала бывший реформатор, как пишет в своём дневнике дипломат и его секретарь на время переговоров Коростовец, руководствовался чувством здравого смысла и поставил перед собой задачу при любых обстоятельствах сохранять достоинство представителя величайшей империи мира и всем показывать, что Россия себя побеждённой не считала. Да, с ней приключилась «маленькая неприятность», но с кем не бывает? Он, пожалуй, самым первым среди русских дипломатов понял громадную роль в жизни Америки свободной прессы и общественного мнения и решил во что бы то ни стало добиться их расположения, которое на первых порах было полностью на стороне «маленькой и незащищённой Японии».

Как это сделать, он узнал, прибыв на место переговоров. Новатор во всём, Витте начал претворять свою дипломатическую программу ещё на борту германского парохода «Вильгельм Великий», плывшего из Шербурга в Америку, подружившись с русскими и иностранными журналистами, и дал своё первое интервью англичанину Э. Диллону, профессору Харьковского университета и корреспонденту английской газеты «Дейли ньюс», «которое было дано по воздушному телеграфу с середины океана». Естественно, мало кому было известно, что Диллон был старым знакомым Витте, и интервью было заранее спланировано.

На подходе к Нью-Йорку он дал несколько интервью американским газетчикам, так что когда русская делегация 3 августа 1905 года сошла на берег, о главном русском переговорщике уже кое-что знали. С первых дней пребывания Витте усвоил американские манеры поведения, простоту нравов и доступность янки и не избегал встреч с ними. «Постоянно, в особенности дамы, подходили ко мне и просили остановиться на минуту, чтобы снять с меня карточку, — пишет он в своих воспоминаниях. — Каждый день обращались ко мне со всех концов Америки, чтобы я прислал подпись, и ежедневно приходили ко мне, в особенности дамы, просить, чтобы я расписался на клочке бумаги. Я самым любезным образом исполнял все эти просьбы, свободно

допускал к себе корреспондентов и вообще относился к американцам с полным вниманием».

Такого дипломаты России и не только России ещё не видели. Эксперт по международному праву Ф. Ф. Мартенс был шокирован поведением главы русской делегации и одновременно сильно переживал, что тот его услугами почти не пользуется. Мартенс был честолюбивым человеком и приехал в США, чтобы играть на переговорах если не первую, то хотя бы вторую скрипку, но Сергей Юльевич словно позабыл о его существовании. Профессор каждый день говорил Коростовцу, что переговоры обречены на неуспех и что ему всё это надоело и он уедет домой. Работа Мартенсу всё-таки нашлась, когда дело дошло до выработки текста соглашения.

Русский представитель «перещеголял» в доступности и популярности самого американского президента. На фоне удалённых от широкой публики, чопорных, замкнутых, агрессивно настроенных, со злым выражением на лицах и сухих японских дипломатов во главе с их министром иностранных дел бароном Дзютаро Комуры Сергей Юльевич выглядел настоящей голливудской звездой. В то время как японцы хмуро и недовольно смотрели на попытки американцев сблизиться с ними и особенно раздражались интересом, проявленным к ним со стороны американских женщин, русские улыбались, вели себя дружелюбно и не чурались никакого контакта. Со стороны было странно видеть, как представители страны, проигравшей войну, и страны, раздираемой революцией, вели себя так спокойно, уверенно и демонстративно бесшабашно, словно были победителями. Высокая, почти великанская фигура главного русского переговорщика буквально заслоняла собой мелкие фигурки Комуры и его заместителя, посла в США Такахиры. Общественное мнение и вся пресса стали его союзниками и во многом способствовали успеху его миссии. Витте постоянно чувствовал себя актёром на большой сцене во время аншлагового представления. Он сознавался потом, что роль эта была чрезвычайно тяжела для него, но он с честью выдержал все испытания.

Частные визитёры толпами ломались в номер гостиницы к Витте, чтобы засвидетельствовать почтение, выразить поддержку, сделать подсказку или просто получить на память автограф. Конечно, принять всех он не мог, но проявил терпение и выдержку, чтобы удовлетворить запросы наиболее известных, полезных для переговоров и имиджа России или самых наглых визитёров. 4/17 августа в Портсмут приехал знаменитый сыщик Пинкертон, чтобы лично познакомиться с «величайшим деятелем нашей эпохи». Сыщик, привыкший к собственной славе, потребовал немедленного «допуска к телу» Сергея Юльевича, но тот был занят и попросил Пинкертона прийти на следующий день. Как пишет в своём дневнике Коростовец, американец с трудом скрывал своё возмущение таким приёмом.

В числе посетителей была и супруга пленного адмирала Рождественского, гражданка США (7/20 августа).

Витте отнюдь не считал Россию побеждённой и сразу по приезде в США заявил, что если требования японцев будут чрезмерными, то Россия продолжит войну. Никаких контрибуций Японии она платить не намерена. Вероятно, ему было известно (или он догадывался), что и у японцев запас прочности был на пределе, и продолжение войны с русским левиафаном явно не входило в их цели. Им нужно было не мешкая, как можно быстрее дипломатически закрепить свои победы над русскими.

Когда Витте из Нью-Йорка ехал на поезде в Портсмут, он подошёл к машинисту паровоза и публично пожал ему руку. Этот жест вызвал у американцев бурю восторга — такого не позволял себе даже «насквозь демократичный» президент Рузвельт! Эти симпатии американских граждан в конечном итоге повлияли на линию поведения посредника Рузвельта: если первоначально он симпатизировал Японии, то потом ему пришлось от этого отказаться, ибо в противном случае его бы не поняли собственные граждане. И президент в конечном итоге оказал давление на правительство микадо, чтобы оно согласилось на те условия, которые предложила Россия. Когда Комура упрекнул Витте в том, что тот ведёт себя как победитель, будущий граф ответил:

— Здесь нет победителей, а потому нет и побеждённых.

Еврейская община США была настроена резко против Витте — сказывалась политика погромов и дискриминации евреев правительством России. И здесь Витте пренебрёг традиционными правилами дипломатии и пошёл на установление контактов с еврейскими представителями Дж. Шиффом и О. Штраусом. Он однажды взял автомобиль и поехал по еврейским кварталам. Сергей Юльевич останавливался и говорил с ними начистоту, и они поняли его и признались, что хотя в США они чувствуют себя лучше, но сильно тоскуют по России, своей родине. Настроение влиятельной еврейской общины было переломлено в пользу России.

«...Я сумел своим поведением разбудить в американцах сознание, — пишет Витте, — что мы, русские, и по крови, и по культуре, и по религии им сродни, приехали вести у них тяжбу с расой, им чуждой по всем элементам, определяющим природу, суть нации и её дух. Они увидели во мне человека такого же, как они, который, несмотря на своё высокое положение, несмотря на то, что является представителем самодержца, такой же, как и государственные и общественные деятели (Америки. — Б. Г.)».

Вот яркий пример истинного понимания миссии и роли дипломата!

До начала переговоров стороны проверили полномочия своих партнёров и представили друг другу соответствующие верительные грамоты. Барон Комура забыл свои грамоты в номере гостиницы и обещал представить их на следующем заседании. Сергей Юльевич не стал делать из этого события, но на следующий день внимательно изучил аккредитивы японца и заметил, что в английском варианте документа отсутствовала заверительная надпись об аутентичности перевода с японского. Комура сказал, что в японских традициях нет такого правила, но он готов вместе с послом Такахойрой поставить такую подпись.

Но на этом Витте не успокоился. Он обратил внимание на то, что в верительных грамотах японца было положение, согласно которому император Страны вос-

ходящего солнца мог подвергнуть будущий документ о мире обсуждению до того, как он будет ратифицирован в парламенте. Такого порядка в российской дипломатической практике не было, и Витте настоял на том, чтобы и его верительная грамота в этом смысле рассматривалась японцами наравне с грамотой Комуры. На этот предмет барон Комура представил русской стороне специальное письменное заверение.

Потом определились с порядком работы, составом непосредственных участников, рабочими языками. С русской стороны за столом переговоров, кроме Витте, оказались барон Р. Р. Розен, К. Д. Набоков, Ж. Плансон и И. Коростовец. Их визави были барон Комура, посол Такахира, А. Сато, К. Отчиаи и М. Адачи. Поскольку Сергей Юльевич не знал английского языка, а барон Комура долгое время притворялся, что не владеет французским, то рабочими языками стали русский, японский, английский и французский. Тексты всех документов составлялись на французском и английском языках. Каждое заседание начиналось утверждением протокола предыдущего. В середине дня делалась пауза на ленч, который съедали вместе в одном зале.

Да, Витте не делал из дипломатического этикета фетиш, но там, где протокол затрагивал содержание и судьбу переговоров, он настаивал на неукоснительном соблюдении протокола. Так, он попросил Р. Р. Розена проследить за тем, чтобы японцам ни в чём не было отдано преимущества — даже при произнесении заздравных тостов в честь микадо и царя. Тост за царя должен был звучать первым.

Было условлено, что переговоры в Портсмуте должны были быть тайными, но Витте распорядился сделать утечку информации американским газетам и выставил жёсткую позицию японцев на всеобщее обсуждение. В результате Япония была представлена публике как кровожадный хищник, стремящийся лишь получить территории и деньги и игнорирующий права корейской и китайской наций. Естественно, это вызвало ярость японцев, но для российской делегации на карту было поставлено слишком много, и для достижения нужного результата она пошла и на этот шаг.

Японцы торжественно передали свои условия мира, включавшие 12 пунктов, на первом официальном заседании 28 июля/10 августа 1905 года. Характерно, что Витте принял их совсем по-будничному, даже не заглядывая в них, положил рядом на стол и сказал, что «на досуге изучит».

Переговоры зашли в тупик из-за Сахалина и контрибуций. Русская сторона никоим образом не хотела поступаться островом или платить японцам контрибуции и стала демонстративным способом упаковывать чемоданы и готовиться к отъезду. Это привело японскую делегацию в состояние глубокой прострации. К такому исходу она была не готова. Комура хорошо понимал, что «кровожадная» позиция Японии не вызывала симпатию общества ни в США, ни в Европе, а он не мог допустить срыва переговоров. К тому же в Токио не было единства относительно целей переговоров, в правительстве «ястребы» и «голуби» были представлены примерно в равной пропорции, и Комура не мог предвидеть, как отнесутся к нему, если он вернётся домой с пустыми руками.

Обстановку разрядил сам Витте: 29 августа он положил на стол переговоров лист бумаги, на котором было начертано: Россия не будет платить контрибуций, но готова уступить Японии южную часть Сахалина. В зале наступила зловещая тишина. Комура молчал. Тогда Сергей Юльевич взял этот лист и начал рвать его на клочки. Звуки разрываемой бумаги тяжёлым ударом отдавались в сердцах струсивших японцев. После некоторой паузы Комура заявил, что Япония снимает своё требование о контрибуциях и согласна на раздел Сахалина. Витте подошёл к Комура, взял его руку в свою и спокойно ответил, что он согласен с этим предложением.

Комура вышел из зала переговоров и разрыдался.

Потом был праздничный обед, произносились поздравительные речи, Витте снова пожимал руку Комуры, а члены его делегации жали руки членов японской делегации. Звучал русский гимн, рекой лилось шампанское. Американские журналисты писали, что бутылок с этикетками мадам Клико было слишком много, а вот бокалов не хватало.

Витте ликовал, а Комура в окружении своих пасмурных ассистентов лежал в глубокой прострации в номере гостиницы «Уолдорф-Астория». Вероятно, он думал о том, как возмущённая толпа самураев встретит его в столице Страны восходящего солнца и начнёт рубить на мелкие кусочки его нежное тело...

А статс-секретарь Витте 16 августа отправил в Петербург всеподданнейшую телеграмму на имя его императорского величества:

«Всеподданнейшие доношу Вашему Императорскому Величеству, что Япония приняла Ваши требования относительно мирных условий и таким образом мир будет восстановлен, благодаря мудрым и твёрдым решениям Вашим и в точности согласно предначертаниям Вашего Величества.

Россия останется на Дальнем Востоке Великою Державою, каковою она была до днесь и останется во веки. Мы приложили к исполнению Ваших приказаний весь наш ум и русское сердце — просим милостиво простить, если не сумели сделать большего».

Глава пятая

Салонные дипломаты

*Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей.*

А. С. Пушкин

Под этим термином обычно понимают именно тех представителей внешнеполитической службы, которые воплощают в себе внешние — самые тривиальные — признаки своей профессии: внешний лоск, приверженность этикету и богатым интерьерам, породистые дамы в брильянтах и элегантные мужчины во фраках, дым и запах сигар, шампанское, изысканные напитки, рауты, политес, непрменный сплин, томные взгляды и остроумные замечания по поводу политики на фоне «скучных» разговоров о моде, любовницах королей или императоров и о погоде на следующей неделе.

Не будем разочаровывать читателя — покажем и таких дипломатов, тем более что недостатка в них не было до последних дней существования империи. В книге «Былое и думы» А. И. Герцен на примере своего дядюшки Льва Алексеевича Яковлева (1764—1839) — Герцен называет его Сенатором — даёт описание русского посла начала XIX века:

«Сенатор.. провёл всю жизнь в мире, освещённом лампами, в мире официально-дипломатическом и придворно-служебном, не догадываясь, что есть другой мир, посерьёзнее — несмотря даже на то, что события с 1789 до 1815 года не только прошли возле, но зацепились за него. Граф Воронцов посылал его к лорду Гренвиллю, чтобы узнать о том, что предпринимал генерал Бонапарт, оставивший египетскую армию. Он был в Париже во время коронации Наполеона. В 1811 году Наполеон велел его остановить и задержать в Касселе, где был послом “при царе Ерёме”*, как выражался мой отец в минуты досады. Словом, он был налицо при всех огромных происшествиях последнего времени, но как-то странно, не так, как следует».

Существование такого типа послов и посланников в начале XIX века ещё было как-то оправдано — таково время. Но факт тот, что эти люди, известные также под мягким ироничным названием «горчаковские дипломаты», служили в Министерстве иностранных дел до последних дней его существования, когда деловитость, прагматизм и настойчивость стали выходить на передний план и вытеснять «салонную дипломатию».

Человеком старого закала и дипломатии Венского конгресса 1814—1815 годов, в которой важное место отводилось светским манерам, внешнему лоску и разным условностям, был директор Московского архива князь П. А. Голицын. Д. А. Абрикосов, выходец из купеческой семьи и работавший первое время в Московском архиве, воспылил желанием стать «настоящим» дипломатом. Князь заметил его, взял над ним шефство и

---

* Имеются в виду А. Р. Воронцов и У. У. Гренвиль (1759—1834), лорд, министр иностранных дел Англии (1791—1801). Л. А. Яковлев в 1813 году ездил с каким-то поручением в Швецию к наследному принцу Карлу Юхану (Бернадоту). «Царь Ерёма» — брат Наполеона Жером, «весёлый король» Вестфалии.

стал приглашать к себе домой и обучать его азам дипломатии. «Его обучение не шло дальше того, как отвечать на приглашения к обеду, — вспоминал подшефный. — Он передавал мне приглашения от воображаемых княгинь и жён послов, а я должен был на них отвечать. Эти уроки впоследствии оказались очень полезными, так как светская переписка играла большую роль в дипломатической жизни». И правда: подобные премудрости этикета ценились и до сих пор ценятся в дипломатии. Но только для Голицына и ему подобных дипломатия на этом не начиналась, а заканчивалась.

Типичным представителем «салонной дипломатии», ставшим «притчей во языцех» для всех записных критиков «гнилой» дипломатической аристократии, был царский посланник в Лиссабоне барон Эрнст П. Мейендорф. (Не путать с другим Мейендорфом, малолестную характеристику на которого составил ещё посол в Копенгагене К. Буксгевден.) Яркий портрет этого дипломата оставил работавший с ним в конце 1890-х годов И. Я. Коростовец:

«Барон был типичный представитель старой дипломатии с барскими наклонностями, но довольно узким кругозором. Дипломатия в его глазах заключалась в представительстве, приёмах во дворце и вообще в этикете и традициях и в показном престиже... Он остроумно злословил и всех осмеивал, не замечая, что сам отстал от века и что над ним также смеются... Он придавал больше значения хорошему обеду или рауту, блестящему приёму во дворце или разговору с королевой, чем решению какого-нибудь дела... Я являлся ежедневно в миссию, но не столько для сочинения бумаг, к коим барон питал органическое отвращение, сколько для бесед весьма поучительных. Он рассказывал светские новости, пересыпая их злословием и анекдотами, порицал нашу политику, варварство русского народа и вообще русскую некультурность и дикость, тупоумие русского правительства и промахи дипломатии, предрекая революцию».

Узнав о назначении к себе секретарём Коростовца, Э. П. Мейендорф попросил его на пути в Лиссабон захватить в Париж и провентилировать у тамошнего посла

барона Моренгойма возможность представиться Николаю II, когда тот с официальным визитом будет находиться во Франции. Коростовец, не подозревая подвоха, взялся выполнить поручение будущего начальника и встретился с Артуром Павловичем Моренгоймом. Парижский барон встретил Коростовца весьма холодно и в грубой форме дал понять ему, что появление лиссабонского барона в Париже будет неуместно. На нет и суда нет — Коростовец откланялся и поехал в Лиссабон.

По приезде в португальскую столицу он доложил Мейендорфу о результатах своей беседы в Париже и был удивлён, когда посланник весело рассмеялся и сказал, что иного ответа он от Моренгойма и не ожидал. На недоумённый вопрос Коростовца, зачем же он тогда вообще возбуждал своё ходатайство, посланник пояснил, что он хотел лишний раз подразнить Моренгойма. Оказывается, в бытность совместной работы в посольстве в Риме бароны поссорились и с тех пор ненавидели друг друга. Заканчивая своё пояснение, лиссабонский барон сказал, что парижский барон — вовсе не барон, а варшавский еврей и самозванец. Когда Александр III проводил среди баронов-самозванцев чистку, он якобы пощадил Моренгойма из-за высших политических соображений. Моренгойм вёл в тот момент важные переговоры с французским кабинетом о заключении стратегического соглашения о «сердечном согласии», и царю было не с руки подрывать и свой престиж перед французами, и их доверие к представителю России, поставившему подпись под Конвенцией.

Мы выяснили, что лиссабонский барон был неправ, утверждая, что его парижский коллега — самозванец. Нет, Моренгойм был, что называется, настоящим бароном — его предки получили дворянство и дворянский герб из рук самого австрийского кесаря Леопольда II. Архивы сохранили на сей счёт любопытный документ — уведомление императорского посла А. П. Моренгойма товарищем министра Шишкиным от 10 января 1893 года о том, что Правительствующий сенат дозволил «Вашему Высокопревосходительству, с потомством, пользоваться в России дворянским титулом и гербом, пожалованным деду Вашему Императором

Австрийским Леопольдом II». По всей видимости, Моренгойм, оскорблённый несправедливыми слухами о своём баронском «самозванстве», застигнутый ими в самый ответственный момент переговоров с французами о заключении «антанты», лично попросил предоставить доказательства их ложности.

..Приехав в Лиссабон, Коростовец застал Мейендорфа за обеденным столом в кругу гостей. Он попытался угадать, кто из присутствующих его начальник, но ошибся: из-за стола вышел хорошо одетый господин, выглядевший уже дряхлым стариком. Старик сердечно поприветствовал своего секретаря знаменательной фразой:

— А, вы новый секретарь! Очень кстати явились: увидите, как готовят стол для здешних сановников.

Внимание секретаря, однако, в первую очередь было привлечено не блюдами, которыми посланник потчевал своих гостей, а общим антуражем: лакеями, стоящими навытяжку, как прусские гвардейцы, молодым человеком, раскладывавшим рядом с приборами карточки с именами гостей и оказавшимся коллегой, секретарём миссии с экзотической фамилией Гельцкэ, каким-то важным господином, походившим на мажордома, но представившимся месьё Баре. Только после этого Коростовец оценил блеск сервировки стола — фамильное серебро, подаренное Мейендорфу датским королём во время службы в Копенгагене, множество бронзы, картин и прочих стильных предметов в столовой. «Всё с большим вкусом», — отметил про себя Коростовец.

— Банкеты и приёмы поддерживают дружбу между народами больше, чем ноты, — заявил посланник.

Коростовцу сразу пришли на ум аналогичные слова, часто произносимые в Пекине другим дипломатом-гастрономом — графом Артуром Павловичем Кассини. Но, как пишет Коростовец, барон Мейендорф представлял собой лишь бледную копию графа.

Когда пришли в канцелярию миссии, где находилось рабочее место дипломатов, новому секретарю сразу бросилось в глаза, что о рабочей обстановке в кабинете ничто не напоминало, кроме чернильницы.

— Ну, что делают в министерстве? — бодро спросил

барон. — Вероятно, всё пишут инструкции о задачах России и рассылают «дипломатический салат»?

Под «салатом» Мейендорф имел в виду секретные депеши, адресованные послам и посланникам.

— Я рад, что вы приехали, — продолжал посланник, не дожидаясь ответа на первый вопрос, — ибо сам я не охотник до писания и канцелярщины.

Так оно и было. Барон Мейендорф был искренним и честным человеком, не считавшим нужным скрывать от кого бы то ни было своего «гастрономо-дипломатического» кредо. К тому же, как это часто бывает в русской чиновничьей жизни, с годами барон стал законченным циником, не лишённым остроумия. Он подтрунивал над «полуевропейцами португальцами», критиковал русских «скифов», называя их дикарями. «В общем это был человек добрый, честный и благородный, но не лишённый честолюбия... — делает вывод Коростовец. — Свои недостатки, то есть злобность, подозрительную язвительность и высокомерие к людям низшего ранга... барон искупал ценными качествами — он часто уезжал в отпуск, иногда на полгода...»

Кстати, барон хорошо говорил по-русски, разбрасывая направо и налево шутки, анекдоты и афоризмы собственного изобретения типа: «чрезмерная честность мешает успешному продвижению по службе», «работой в канцелярии карьеры не сделать — нужны протекция и связи», «служебное усердие — есть подобострастие и заискивание» и «благодарность — чувство низменное, ибо вызвано надеждой на новое благодеяние» и т. п. Благодаря этому наш эксцентричный барон-эпикурец пользовался большой популярностью как в дипкорпусе, так и у португальской королевской четы. Как-то королева поинтересовалась, почему барон не посещает корриды.

— Я, Ваше Величество, сырому мясу предпочитаю бифштексы, — ответил барон, вызвав этой шуткой гомерический смех у королевы.

Отсутствие в Португалии серьёзных российских политических интересов обрекало остзейца Мейендорфа на культивирование светского образа поведения, а значит, на «процветание» в дипломатическом корпусе и

всеобщее почитание. Складывается всё-таки впечатление, что посланник, несмотря на свою приверженность к салонной дипломатии, был не таким уж и глупым человеком. Попади он в хорошие руки, которые бы вовремя приучили его к «бумажной работе», из него вышел бы неплохой посол. Бюрократическая волна царского чиновничества, по образному выражению Б. Э. Нольде, «выносила наверх людей двух основных типов: одни выплывали, потому что умели плавать, другие — в силу лёгкости захваченного ими в плавание груза». Груза, конечно, интеллектуального.

О неординарности личности барона свидетельствует в своих дневниках А. А. Половцов, поддерживавший с ним тесные отношения. Бывший статс-секретарь Госсовета пишет, что его друг был «человек замечательного образования и, можно сказать, учёности, претерпевший от князя А. М. Горчакова продолжительное гонение за резкую правдивость». Есть вероятность того, что именно это обстоятельство оказало влияние на Мейендорфа и сделало из него циника.

Так что придётся признать, что чисто внешние признаки принадлежности к салонным дипломатам не всегда раскрывали суть личности дипломата. Например, посол в Лондоне граф А. К. Бенкендорф, яркий тип «истинного джентльмена» («гардения в петлице и монокль в глазу»), одновременно умел осуществлять чрезвычайно важную, полезную и никем ещё не оценённую работу по защите интересов России в Англии накануне Первой мировой войны. Граф был зорким и проницательным наблюдателем и отличным воспитателем молодого поколения дипломатов.

Граф А. П. Кассини, как нам представляется, был человеком переходной формации: он не слишком далеко ушёл от некоторых принципов «салонной дипломатии» и не стал современным дипломатом, каким, к примеру, являлся барон Роман Романович Розен. Если граф был на своём месте посланником в Пекине, то в демократических США он в некотором смысле выглядел явным пережитком прошлого. Его светские манеры, внешняя утончённость и определённая доля циничности вряд ли производили впечатление на американцев,

тем более что он свои контакты в Вашингтоне ограничил исключительно общением с представителями 400 аристократических семейств. Манера Витте работать с общественностью во время Портсмутских переговоров с японцами его просто приводила в недоумение. Но именно Кассини одним из первых в Министерстве иностранных дел ввёл в Вашингтоне практику ежедневных совещаний с молодыми сотрудниками посольства и предложил им делать ежедневный обзор американской прессы.

После подписания Портсмутского договора о мире С. Ю. Витте посетил Вашингтон и по приглашению посла Р. Р. Розена зашёл в здание русского посольства. Розен специально провёл Витте по всем залам и комнатам, чтобы показать, какое наследство он получил от своего предшественника графа А. П. Кассини, а также побудить Сергея Юльевича к тому, чтобы он подсказал, кому надо в Петербурге прислушаться к требованиям Розена о необходимости ремонта посольства и покупки мебели. Как свидетельствует Коростовец, трёхэтажное здание императорского посольства производило жалкое и унылое впечатление: всё было обшарпано, запущено и голо. Граф А. П. Кассини увёз с собой всё, что было ценного, пишет Коростовец. Что ж, и салонным дипломатам своя рубашка была ближе к телу...

...В Лиссабонской миссии, как выяснил Коростовец, климат определяли влиятельный и закадычный французский друг Мейендорфа месье Баре и его супруга мадам Баре. Из-за своего высокомерия к окружающим барон испортил отношения со всеми португальскими министрами. Во время прогулки на велосипеде он раздавил кошку, чем вызвал жалобы её владельца и очередную стычку с местным внешнеполитическим ведомством в виде обмена колкими нотами. Его повар во всём следовал своему хозяину и был тоже постоянным участником полицейских разбирательств и чернильной перебранки. Как-то во время карнавала, на котором португальцы по традиции занимались обливанием друг друга водой, русского посланника окатили из верхнего окна дома какой-то подозрительной жидкостью. Барон, вернувшийся в миссию мокрым с ног до головы, обы-

панной мукой и с помятым котелком, представлял собой довольно смешное зрелище и долго не мог отойти от возмущения и негодования.

Мейендорф немало позабавил всех своим поведением во время 400-летнего юбилея кругосветного плавания Васко да Гамы. Дон Карлос, король португальский, спортсмен и хороший моряк, устроил регату и пригласил весь дипкорпус на свою яхту «Донна Амалия». На море была крупная зыбь, и скоро господ дипломатов начало укачивать. К тому же ветер срывал с их голов высокие цилиндры и делал совершенно хулиганские выходы в отношении длинных платьев дам. Все выглядели, мягко говоря, довольно бледно, но хуже всех от морской болезни пострадал барон Мейендорф. Король же держался совершенным молодцом, пребывал в отличном настроении, шутил и от души веселился. Мейендорф наклонился к уху Коростовца, прошептал: «Король над нами глумится», — и попросился на берег.

Спустили шлюпку, Дон Карлос вдогонку Мейендорфу послал фразу, которая взбесила того ещё больше:

— Кажется, барон не любит спорт.

За бароном последовали другие, и скоро на борту «Донны Амалии» осталось всего несколько человек, да и те от непрерывной борьбы с Нептуном посинели, позеленели или побелели, но из упрямства и для поддержания престижа не сдавались.

Потом прибыла русская императорская яхта «Светлана» под командованием адмирала Абазы. Мейендорфу снова пришлось карабкаться на борт судна. Кое-как справившись с этим, барон подвергся новому испытанию — семнадцатизалповому салюту в его честь. Барон попытался было отменить салют, но моряки были большие протоколисты и шутники и сказали, что это положительно невозможно. Они, словно сговорившись, подтрунивали над стариком, который при каждом залпе нервно, по-собачьи, вздрагивал всем телом.

Адмирал Абаза, один из виновников того хода событий на Дальнем Востоке, который привёл к несчастной войне с Японией, нанёс визит Дон Карлосу и имел с ним непродолжительную беседу.

— Вероятно, у Вашего Величества не хватает времени на управление страной? — спросил адмирал.

— Нет, почему же — за меня всё делают мои министры, — ответил король.

На минуту Абаза озадачился, а потом вспомнил:

— Да, да, конечно, Ваше Величество, в конституционной стране иначе и быть не может.

Беседа закончилась, адмирал и все офицеры получили португальские ордена и ушли восвояси. Кульминационный пункт, из-за которого яхта «Светлана» прошла тысячи миль, продлился всего несколько минут.

Кстати об орденах. При награждении русским орденом один португальский губернатор неожиданно попросил освободить его от такой чести. На недоумённый вопрос Мейендорфа португалец ответил, что король Дон Карлос обложил иностранные награды крупным налогом (от двух до трёх тысяч французских франков) и приравнял их в этом отношении к обычным делам по продаже титулов и званий. Министерство иностранных дел Португалии открыто торговало титулами герцогов, графов и баронов и аккуратно пополняло королевскую казну за счёт их тщеславных приобретателей.

...Мейендорф всё-таки регулярно появлялся в канцелярии, приветствуя Коростовца стандартной тирадой:

— А, вы опять пишете? Разве это действительно нужно? Впрочем, в Петербурге любят писака, хотя всё уже известно из газет... Да могут ли там интересоваться тем, что происходит в маленькой Португалии? Впрочем, вы, пожалуй, правы, нужно изредка писать, чтобы там знали, что мы живы и следим за событиями.

«Дипломатическая деятельность Мейендорфа не лишена была интереса и пикантности, — признаёт Коростовец, — но я поневоле делался пессимистом и мизантропом, а вдобавок совершенно отвык от работы».

Единственным делом за всю командировку Коростовца было дело отставного морского офицера Залесского, проживавшего в Анголе. Моряк купил в Анголе ферму, занялся охотой, завёл там себе негритянскую жену и жил припеваючи, пока на его жену не положил

глаз местный губернатор. Жену у моряка отняли, его самого посадили, а хозяйство полностью разорили. Коростовец подал жалобу в МИД Португалии и, к своему удивлению, обнаружил, что власти проявили необычную ретивость и усердие: скоро Залесский был выпущен на свободу, получил обратно жену и был восстановлен во всех правах. «Значит, обаяние России было велико, и нескольких слов было достаточно, чтобы уладить дело», — заключает Коростовец.

«Жизнь в Лиссабоне представляла какую-то дипломатическую обломовщину, то есть большинство просто коптило небо», — писал Коростовец. Положение в некотором смысле спасал тот же барон Мейендорф. Он предложил секретарю заняться переводом произведений Тацита. На возражение, что он уже давно переведен, посланник сказал, что «чтение римских классиков полезнее писания бессмысленных донесений в министерство, где их, конечно, никто не читает». И скоро Коростовец признал правоту аргументации начальника и углубился в Тацита. За Тацитом последовали Светоний, Саллюстий и Тит Ливий. Но скоро и римские классики надоели, а Коростовец попросился в отпуск. Мейендорф зартачился, но в конце концов был вынужден уступить.

Временным заместителем уезжавшего домой Коростовца стал приехавший из Парижской миссии только что перешедший в русское подданство князь Радзивилл, сын адъютанта кайзера Вильгельма II. Мейендорф встретил князя с распростёртыми объятиями — общение с представителем такого знатного польско-пруско-русского рода было для него большой честью.

При попытке Коростовца сдать дела князь презрительно сказал:

— Вы принимаете меня за простого писаря?

На вопрос, что побудило князя сменить подданство, Радзивилл честно и без обиняков сказал, что сделал это по совету папеньки. У Радзивиллов в Витебской области находилось имение, но согласно законам Российской империи, иностранцам запрещено покупать земли в приграничной полосе. Теперь у Радзивиллов руки были развязаны.

Что ни говорите, а салонные дипломаты сильно украшали чопорную и казённую обстановку, культивируемую Певческим Мостом, и вносили в дипломатическую практику некую экзотическую нотку.

Глава шестая

Дипломаты-разведчики

*Мы все, мой друг, лжецы,
Простые люди, мудрецы...*

Н. М. Карамзин

В условиях отсутствия регулярной разведывательной службы русские дипломаты, как и многие их европейские коллеги, выполняли функции разведчиков. Военный министр Александра I Барклай де Толли создал при министерстве нечто вроде отдела военных атташе, называвшихся тогда военными агентами, но действовали эти агенты в основном на главном направлении — сбора информации о планах Наполеона, намеревавшегося пойти войной на Россию. Так что большинство дипломатов — от посла до атташе — также занимались агентурной разведкой и приобретали в странах своего пребывания тайных осведомителей.

Скромный советник русского посольства в Париже по финансовым вопросам К. В. Нессельроде в начале XIX века наладил получение регулярной и чрезвычайно важной информации от самого важного агента Ш. М. Талейрана-Перигора, светлейшего князя и герцога Беневентского, великого камергера императорского двора, вице-электора Французской империи, командора ордена Почётного легиона, предложившего свои услуги Александру I ещё на Эрфуртском конгрессе* и подписывавшего свои донесения псевдонимом «Анна Ивановна».

---

* 30 сентября (12 октября) 1808 года в Эрфурте между Александром I и Наполеоном была подписана союзная конвенция, подтверждавшая Тильзитский мир и признавшая за Россией права на Финляндию, Молдавию и Валахию. Россия обязывалась поддерживать Францию в её войне с Австрией.

В своих донесениях царю Нессельроде зашифровывал Талейрана псевдонимами «кузен Анри», «красавец Леандр» или «юрисконсульт», Наполеона — русским именем «Терентий Петрович» или «Софи Смит», Александра I называл «Луизой», а себя — «танцором». Для полной конспирации Нессельроде посылал свои шифровки на имя М. М. Сперанского, а уже Сперанский передавал их царю. Когда «красавец Леандр» стал «втёмную» использовать министра полиции Ж. Фуше (1759—1820), проходившего в секретной переписке по ведомству «английского земледелия», то Нессельроде именовал его в своих разведдонесениях «Наташей», «президентом» или «Бержьеном». Внутреннее положение во Франции называлось «английским земледелием» или «любовными шашнями Бутягина» (настоящая фамилия секретаря русского посольства в Париже). Сухарь и педант Нессельроде не был лишён остроумия и живого воображения! За свои услуги Талейран в сентябре 1810 года потребовал ни много ни мало 1,5 миллиона франков золотом, но царь отказал ему в этом, справедливо опасаясь, что «красавец Леандр» начнёт сорить деньгами направо и налево, не заботясь о том, что они значительно превышали его легальные доходы, и расшифрует себя.

Другим важным русским разведчиком в Париже эпохи Наполеоновских войн был военный дипломат, а позже генерал-адъютант, генерал от кавалерии, военный министр, председатель Государственного совета, светлейший князь Александр Иванович Чернышёв (1785—1857). Формально своё пребывание во Франции он оправдывал тем, что выполнял между Александром I и Наполеоном роль посредника и перевозил их послания друг к другу. В марте 1809 года, во время боевых действий французской армии в Австрии и Пруссии, Чернышёв стал личным представителем царя в военной ставке Наполеона, а с 1810 года он подвизался уже при дворе императора во Франции. В великосветских салонах о посланце русского царя судачили как о жуире и волоките, не пропускавшем ни одной хорошенькой женщины. С ним дружила сестра Наполеона Каролина, а с другой сестрой императора, легкомысленной Поли-

ной Боргезе, он, согласно молве, находился в любовной связи. На самом деле полковник являлся сотрудником Особенной канцелярии (разведки) и одним из семи русских военных агентов военного министра Михаила Богдановича Баркляя де Толли, командированных в разные столицы Европы. А. И. Чернышёв вошёл в доверие к самому Наполеону и в короткое время создал в Париже разветвлённую сеть информаторов в правительственной и военной сфере страны. Известны точные и подробные портреты (характеристики) большинства генералов и маршалов Франции, составленные 26-летним флигель-адъютантом и направленные им в Петербург.

Маршал Наполеона Ж. Б. Бернадот, князь Понте-Корво, потом король Швеции Карл XIV Юхан (1763—1844), не входил в число агентов, завербованных Чернышёвым, но они, по всей видимости, «пересекались» на светских раутах и знали друг друга. Известно, что летом 1810 года, когда Швеция осталась без наследника, Понте-Корво встречался с русским разведчиком, и о первой такой встрече Чернышёв доложил в Петербург канцлеру Н. П. Румянцеву. Согласно этому отчёту Бернадот, ещё не получив для себя никакого приглашения от шведов и имея в виду предстоящие выборы наследника трона в Швеции, сказал:

«Я буду говорить с Вами не как французский генерал, а как друг России и Ваш друг. Ваше правительство должно всеми возможными средствами постараться воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы возвести на шведский престол того, на которого оно могло бы рассчитывать. Такая политика правительства тем более для него необходима и важна, что, если предположить, что России придётся вести войну либо с Францией, либо с Австрией, она могла бы быть уверенной в Швеции и совершенно не опасаться, что та предпримет диверсию в пользу державы, с которой России придётся сражаться. Она извлечёт неизмеримую выгоду от того, что сможет сосредоточить все свои силы в одном месте».

Уже в этой первой беседе Бернадот недвусмысленно намекает Чернышёву на свою кандидатуру в качестве претендента на шведский трон и на то, что Россия

могла бы на него рассчитывать. Потом князь сделает вполне однозначные и конкретные обещания в случае избрания на шведский трон проводить дружественную по отношению к России политику и попросит русского царя поддержать его кандидатуру.

Встреча Чернышёва с будущим королём Швеции великолепно вписывалась в общий план Александра I, направленный на нейтрализацию в будущей войне возможных союзников Наполеона (Австрии, Пруссии, Швеции и Турции) и привлечению их в свой лагерь. В многозначительном письме своей матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, отправленном накануне Эрфуртской встречи в 1808 году, Александр I писал, что мир и союз с Наполеоном — это всего лишь отсрочка для решения принципиальных разногласий между Францией и Россией. Россия вошла на некоторое время в согласие с взглядами Наполеона, чтобы использовать его для «увеличения наших сил и средств». «Но работать в этом направлении, — завершал письмо император, — мы должны в глубоком молчании, а не кричать на площадях о наших приготовлениях, о нашем вооружении и не греметь против того, кому мы не доверяем». Можно что угодно говорить о способностях Александра I как администратора и полководца, но дипломатом он был отменным. В отношении Швеции его тайная дипломатия, как мы видим, увенчалась полным успехом. Чернышёв немедленно выполнил просьбу Понте-Корво и проинформировал царя о настроении Бернадота, а Александр I уверенно поддержал его кандидатуру в шведские короли.

Итак, Наполеон, полагая, что Швеция у него уже в кармане и что, как только он начнёт войну с Россией, шведская 45-тысячная армия высадится на восточном берегу Финского залива и займёт Петербург, со спокойной совестью «отпустил» Бернадота в Швецию. О том, что князь Понте-Корво собирался проводить по отношению к восточному соседу дружественную политику, никто не знал и не предполагал.

И ещё один факт, на который, возможно, никто тогда не обратил внимания: 23 июня (5 июля) 1810 года чиновник надворного суда в Обу (Турку) Ю. П. Винтер,

занимавшийся по указанию русского генерал-губернатора Финляндии Ф. Ф. Штейнгеля сбором сведений о событиях в соседней Швеции, в тайном сообщении докладывал по инстанции: «Все в Стокгольме заявляют о своей принадлежности к профранцузской партии и считают почти уже решённым делом, что Бернадот будет престолонаследником». Получив уведомление о беседе А. И. Чернышёва с князем Понте-Корво, царь, по всей видимости, проинформировал о ней своего посла в Стокгольме генерала и барона Пауля К. фон Сухтелена, а тот, зная о мечтаниях шведских военных заполучить в короли кого-нибудь из наполеоновских маршалов, мог «подстроиться» к этим настроениям.

Александр I во время всех этих событий вёл себя так же подозрительно спокойно и безынициативно. Для отвода глаз, для маскировки он официально предложил в кронпринцы Швеции свояка принца Петера Георга Ольденбургского, но тайно сделал ставку на князя Понте-Корво и ждал, чем всё это закончится. Других козырей у него на руках в это время не было. Поэтому, учитывая негативное отношение шведов к Фридрихсхамнскому (Фридриксгамскому) миру, закрепившему Финляндию за Россией, царь дал указания своему послу в Стокгольме Сухтелену в шведские события никоим образом не вмешиваться, ибо вмешательство могло только повредить делу. В конце июля 1810 года канцлер Н. П. Румянцев в депеше Сухтелену повторил инструкции царя: «Его Величество будет доволен Вами, генерал, если Вы будете обрисовывать картину постепенно и с точностью, но он повелел мне напомнить Вам, что интересы его дела требуют, чтобы он был осведомлён и ознакомлен со всем, однако ж без малейшего прямого или косвенного участия Вашего превосходительства в том, что должно произойти».

И правда: зачем было послу суетиться и показывать «русские уши» в деле, которое уже было сделано? Иначе трудно вообразить, чтобы русская дипломатия повела себя пассивно в таком важном для неё вопросе, как выборы наследника шведского трона! Если надворный советник Винтер в финском городе Обу уже располагал сведениями о том, что Бернадот будет выбран на-

следником, то уж посол России в Стокгольме наверняка знал больше его.

Оставалось только ждать.

Свою дипломатическую карьеру в Стокгольме в этот же период начинал Дмитрий Николаевич Блудов, заменивший Бернадоту отсутствовавшего Сухтелена. Впоследствии Д. Н. Блудов занимал пост посла в Лондоне.

Дипломатическая разведка или разведывательная дипломатия Александра I продолжала повсеместно развиваться.

Супруга посла в Лондоне княгиня Дарья (Доротея) Христофоровна Ливен, урождённая Бенкендорф, окружённая таинственным ореолом неразгаданных секретов, недоказанных предположений и скороспелых выводов, не только замещала своего супруга на дипломатическом поприще, но проявила себя мастером агентурной разведки*. Княгиня Дарья Христофоровна, пройдя с мужем азы дипломатии в Берлине, развернула в Лондоне бурную деятельность: она открыла там блистательный светский салон и привлекла в него элиту британской нации и весь цвет дипломатического корпуса. Не блиставшая особой красотой, высокого роста, с прямым станом и длинноватой шеей, худая и гордая, она, тем не менее, обладала какой-то особой привлекательностью и прелестью, выразившейся в её огненно-чёрных глазах. Расчётливая и эгоистичная, с характером прямым и правдивым, она отличалась постоянством своих привязанностей, а отсутствие настоящей сердечности компенсировала большой чувственностью.

При живом уме, княгиня не отличалась особой образованностью, зато в совершенстве владела пером. Од-

---

* Княгиня Ливен была сестрой грозного графа А. Х. Бенкендорфа, руководителя Третьего отделения и шефа жандармов. Родилась в 1785 году в семье рижского губернатора, генерала от инфантерии Христофора Ивановича Бенкендорфа и баронессы Анны Юлианы Шиллинг фон Канштадт, подруги детства и юности императрицы Марии Фёдоровны (супруги Павла I), прибывшей в Россию вместе с ней из Вюртемберга. Воспитывалась в Смольном институте под опекой императрицы, стала потом её фрейлиной и выдана замуж за любимого генерала Павла I графа Христофора Андреевича Ливена (1777—1838), бывшего потом в фаворе и у Александра I. Генералу и князю Х. А. Ливену с 1809 года и до самой смерти было суждено служить по дипломатической линии: сначала три года послом в Берлине, а потом 22 года послом в Лондоне.

нажды супруг предложил ей в шутку написать депешу министру иностранных дел Нессельроде. Княгиня настолько быстро и успешно справилась с этой задачей, что потом как-то незаметно втянулась в работу «посланницы», и в результате Нессельроде завел с ней самостоятельную переписку!

Всезнающий свидетель века Ф. Ф. Вигель так охарактеризовал супругу русского посла в Лондоне: «...Дарья Христофоровна... исполняла должность и посла, и советника посольства, ежедневно присутствовала при прениях парламента и сочиняла депеши. Сия женщина, умная, сластолюбивая, честолюбивая, всю деятельную жизнь свою проводила в любовных, политических и общественных интригах. Веллингтон, Каннинг и весь лондонский высший свет были у ног её. Куды какую честь эта женщина приносила России...»

По свидетельству князя П. В. Долгорукого, она «снабжена была от природы хитростью непомерной; сметливая, ловкая, вкрадчивая, искательная, никто лучше её не умел влезть в чью-либо душу; в искусстве интриговать она не уступала самому Талейрану... Важные должности, с юношеских лет занимаемые её мужем, доставили ей возможность всегда и везде постоянно окружать себя государственными деятелями, в обществе коих, в беседе с которыми она приобрела тот огромный навык общественный, то знание людей, какими отличалась на старости лет своих».

Император Александр I беседовал с ней о европейской политике и снабжал устными инструкциями, а в 1818 и 1822 годах он приглашал её участвовать на Ахенском и Веронском конгрессах Священного союза. К этому времени относится её роман с австрийским канцлером Меттернихом, продолжавшийся добрый десяток лет.

...Апрель 1823 года. Перенёсемся в Брайтон, небольшой курортный городок на юге Англии. По улице городка уверенной походкой проходит стройная, средних лет леди с большими тёмными глазами и пышными каштановыми волосами, завитыми у висков. Всё в незнакомке — одежда, манеры, облик — выдает даму высшего света. Но почему она разгуливает без всякого

сопровождения и пешком? Это заставляет прохожих внимательно присматриваться к ней, оглядываться и обмениваться на её счёт мнениями.

Незнакомке, между тем, совсем не нравится находиться в центре всеобщего внимания. А тут, как назло, навстречу скачет элегантная всадница, а улочка слишком узка, для того чтобы избежать встречи. Ба, да это же Каролина Лэм, жена родовитого аристократа и члена парламента Уильяма Лэма! Только этого еще не хватало! Имя Каролины, эксцентричной, взбалмошной женщины, у всех на слуху — ведь она была любовницей Байрона. Всадница тоже узнала в идущей незнакомке супругу русского посла Ливена и сразу затараторила о том, что выехала в город, чтобы якобы купить сыру Уильяму сыра и справить другие хозяйственные надобности.

— А ты что тут делаешь, милочка?

Вопрос застал Дарью Христофоровну — а это она прогуливалась по улицам Брайтона — врасплох. Посланница смутилась и пробормотала что-то невнятное. Отговорившись какой-то общей, не очень учтивой фразой, княгиня поспешила уйти, сопровождаемая недоумённым взглядом «амазонки». А что ей было делать? Не объяснять же англичанке, что ей нужно конспиративно отправить письмо, да ещё какое: оно состояло из четырёх вложенных один в другой конвертов! Внешний конверт был адресован секретарю австрийского посольства в Лондоне Нойманну, второй — тоже ему, там лежала записка: «Нет нужды объяснять вложенное, мой дорогой друг». На третьем конверте был написано: «Г-ну Флорет», он содержал четвёртый, самый важный, без всякого адреса и имени. Внутри лежало донесение Дарьи Христофоровны — запись беседы с королем Англии, содержащая множество политических сведений и предназначавшаяся канцлеру Меттерниху, прикрытому псевдонимом «Флорет». Попади это письмо в руки британской тайной полиции...

Канцлер Меттерних наверняка считал княгиню Ливен своим агентом и был формально прав. Ведь княгиня регулярно снабжала его секретнейшей информацией о положении в Англии. Но за сим романом скрывался более сложный агентурно-информационный переплёт.

Не такова была любовница австрийского князя, чтобы просто так снабжать его важными сведениями. Да и происходило все это под контролем графа Нессельроде и императора Александра I, хорошо представлявших себе антироссийскую сущность австрийца. (Было бы чрезвычайно интересно получить документальные доказательства того, что Дарья Христофоровна использовала эту любовную связь в интересах России, но, кажется, она выполняла роль «подставы», в чью задачу входило снабжать двуликого и коварного Меттерниха дезинформацией.)

Косвенным доказательством этому является конфиденциальная беседа Дарьи Христофоровны в 1825 году в Петербурге с царём, на которой шла речь о планах резкого поворота во внешней политике России: об отходе от Австрии и сближении с Англией. Министром иностранных дел Англии в то время был Джордж Каннинг — ловкий и гибкий политик, ставший через два года премьер-министром. Княгиня Ливен хорошо знала сильные и слабые стороны Каннинга и, главное, имела к нему подходы. Беседа с Александром I прошла успешно — об этом можно судить по ремарке царя, сделанной после встречи А. Х. Бенкендорфу: «Когда я видел твою сестру последний раз, она была привлекательной девочкой, сейчас она — государственный деятель». В тот же день у княгини состоялась деловая беседа с Нессельроде, на ней канцлер повторил долговременное задание царя: разрыв с Меттернихом и сближение с его противником Каннингом. В интересах России...

С приходом к власти Николая I агентурная деятельность княгини Ливен продолжилась с удвоенной энергией, теперь ей во всём помогал брат, возглавивший Третье отделение. В своих записках за 1830 год А. Х. Бенкендорф так прокомментировал встречу сестры с императором в Варшаве: «Сестра моя умом своим и любезностью успела при этом случае ещё больше возвыситься и при дворе, и в публике свою давнишнюю репутацию».

В 1834 году миссия «посла при супруге» Х. А. Ливена при Сент-Джеймском дворе закончилась, и он был отозван в Петербург. Сопровождая в 1838 году наслед-

ника трона великого князя Александра в заграничной поездке, член Государственного совета и попечитель при цесаревиче Александре князь Христофор Александрович на шестьдесят четвёртом году жизни внезапно скончался в Риме.

Супруга его в России адаптировалась плохо: обсуждать политику в светских гостиных со старыми ма-разматиками было скучно, ей не хватало привычной западноевропейской политической «сутолоки», разведывательного антуража, без которых, как без допинга, она уже не могла представить свою жизнь. Охлаждение к мужу, который вскоре умер, потеря двух сыновей, суровый северный климат усугубляли её одиночество и склонность к депрессии. И она выехала в Париж, купила там дом, принадлежавший роду Талейрана, и открыла салон, ещё более блестящий и знаменитый, нежели в Лондоне. Достаточно упомянуть среди её близких друзей Франсуа Гизо, историка, государственного деятеля и премьер-министра Франции. Революция 1848 года положила конец карьере Гизо, а многолетняя интимная связь Дарьи Христофоровны с ним стала своеобразной лебединой песнью.

Умерла Д. Х. Ливен в Париже весной 1857 года. В соответствии с предсмертным пожеланием княгини её положили в гроб в чёрном бархатном платье фрейлины российского императорского дома.

О «разведочной» деятельности царских дипломатов можно написать целое исследование. Посланник в Константинополе Андрей Яковлевич Италинский (1743—1827) в сентябре 1806 года сообщает А. Я. Будбергу о том, что турецкий драгоман Ханджерли проявляет склонность к откровенным беседам, в которых раскрывает русским важные сведения. Так, он подробно проинформировал о приёме султаном Ф. Г. Себастиани нового посла Наполеона в Турции, в связи с чем Италинский намеревался взять турка в разработку. Для продолжения оперативного контакта с Ханджерли посланник привлёк своего драгомана, статского советника Иосифа Петровича Фонтана.

Консульский агент в Бухаре статский советник Я. Я. Лютт (в некоторых источниках Лютш) в мае 1902

года зашифрованной телеграммой доложил в Центр о том, что англичане затеяли возню в Афганистане с целью завладеть приграничными с Россией территориями. Для сбора более полных и точных сведений на этот счёт Лютт намеревался направить в Афганистан разведчика из числа местных граждан. «Подходящее лицо найдено, — писал он, сообщая примерный маршрут этого лица в Афганистане. — Расходы по поездке и вознаграждению 600, продолжительность три месяца с обязательством донести в пути два раза. Почтительнейше испрашиваю указаний».

Указания были даны немедленно. Первый департамент ответил согласием на выделение агенту Лютта 600 рублей и провести расходы по статье «чрезвычайные издержки».

Аналогичная проблема в августе того же года возникла для консула в Мукдене и действительного статского советника Лессара. Он испрашивал деньги на учреждение группы секретных агентов для участия в мероприятии, которое было нежелательно афишировать китайским властям. «Расход на шестерых агентов — 3600 рублей», — сообщал он в Центр. (Как мы видим, в МИД на содержание секретной агентуры была уже установлена определённая такса — 600 рублей.)

На шифротелеграмме товарищем министра князем В. А. Оболенским-Нелединым-Мелецким «наложена» резолюция: «Согласен», а управляющий Департаментом личного состава и хозяйственных дел барон К. К. Буксгевден уведомил Лессара о том, что директор 1-го Департамента Николай Генрихович Гартвиг распорядился выделить «3600 рублей в год на содержание шести постоянных секретных агентов в Маньчжурии».

Консула в Кёнигсберге З. Поляновского накануне войны мучили другие страсти, испытываемые, вероятно, лишь русскими: он раздирался между долгом и совестью. 26 августа 1911 года он доложил министру Сазонову о том, что его внештатный секретарь Эммануэль Экк сознался в том, что он помогает офицерам военно-разведочного штаба Виленского округа в сборе секретной информации о Германии. Когда консул стал объяснять Экку, что он нарушает соответствующую инструкцию

Центра о том, что консульские чины не должны заниматься разведкой, Экк сказал, что он не может отказать военным чинам в их просьбе. Консул Поляновский был в отчаянии: рано или поздно Э. Экк будет разоблачен немецкой контрразведкой и посажен в тюрьму. При этом консульство России будет скомпрометировано, и все усилия по налаживанию контактов с местными властями пойдут прахом. Одним словом, разразится скандал. «С другой стороны, — пишет он, — наказать г-на Экка за нарушение моего приказа удалением из консульства за действия явно патриотического характера... я не могу, считая, что это было бы несправедливо». Поляновский спрашивал министра, как же ему поступить.

В Центре патриотизм отступил перед инструкцией. После долгой переписки с Кёнигсбергом, посольством в Берлине и Главной квартирмейстерской службой Генштаба русской армии в Министерстве иностранных дел приняли соломоново решение: отправить пока Экка в отпуск, имея в виду уволить его позже, когда он, возможно, выедет за пределы Германии и для органов немецкой контрразведки будет уже недосыгаем. Э. Экк воспринял это решение положительно и выехал в Париж для продолжения учёбы на медицинском факультете местного университета. В Париже он получил в посольстве отпускные деньги в сумме 1234 франков 35 сантимов и оставил расписку о том, что никаких претензий к российскому правительству и консульству в Кёнигсберге не имеет.

Теперь Поляновский мог отдавать приказ об увольнении Экка из консульства.

Между тем после отъезда вольнонаемного чиновника в Париж — уже в 1912 году — выяснилось, что Э. Экк на шпионском поприще стал всего лишь преемником бывшего консула барона Корфа. После отъезда барона в связи с окончанием командировки в Кёнигсберг из Вильно приехали военные разведчики и предложили продолжить сотрудничество с ними вновь прибывшему Поляновскому, но тот категорически отказался. Уговаривать Поляновского они не стали, но вместо них за нового консула «ухватился» их агент-немец, оставшийся без связи. Он стал преследовать консула и буквально

просить взять себя на связь. Поляновский заподозрил в нём провокатора и пригрозил сдать его в полицию. В такой безвыходной ситуации виленская разведка пришла к решению использовать в качестве связника Эммануэля Экка.

Всё это консул Поляновский от своего начальства скрывал и доложил обо всём лишь после отъезда Экка в Париж.

Выяснилось также, что перед отъездом в отпуск Экк вызывался в суд по уголовному обвинению, согласно которому он не расплатился по счёту в ресторане, а когда официант потребовал денег, «внештатный дипломат» пригрозил ему оружием. После себя он оставил и другие неоплаченные долги.

Но это были лишь «цветочки». «Ягодки» преподнёс начальник Генштаба генерал Я. Г. Жилинский, сообщивший на запрос Министерства иностранных дел, что Э. Экк действительно привлекался военной разведкой Виленского военного округа к выполнению некоторых заданий, но проявил себя довольно слабым и вялым агентом. Консульского внештатного секретаря волновали больше не патриотические чувства, а деньги. За деньги он вошёл в сговор с местными «липахами» и стал активно предлагать «липу» военным разведчикам. После разоблачения «липы» в Петербурге Экк отказался вернуть обратно полученный гонорар.

Мимоходом начгенштаба «лягнул» МИД упрёком в том, что дипломаты ввели себе инструкцию, оправдывавшую уклонение от патриотического долга помогать военной разведке страны. События, развернувшиеся в 1911 году в консульстве в Кёнигсберге, будут повторяться в истории дипломатии не один раз, и суть их будет оставаться одной и той же: должен ли «чистый» дипломат помогать разведке своей страны? Этот вопрос по известным соображениям не слишком часто выносится на обсуждение широкой публики, но он существует.

Дальнейшая судьба консула Поляновского печальна: во время войны он, как и многие русские дипломаты, будет немцами арестован, посажен в тюрьму и там сойдёт с ума.

Вице-консулу в Бомбее С. В. Чиркину разведывательная информация пришла в руки сама. Зайдя к своему турецкому коллеге Джелаль-бею, он застал его в оживлённой беседе с его соотечественником, молодым врачом, только что вернувшимся из Афганистана. В завязавшемся общем разговоре собеседники Чиркина чуть ли не наперерыв стали сообщать ему интересные сведения о том, что турки нелегально послали в Кабул военную миссию, и турецкие инструкторы приступили к подготовке афганской армии. И врач, и Джелаль-бей охотно отвечали на вопросы русского дипломата и так гордились успехами турецкой политики в Афганистане, что их просто распирало от желания поделиться этой гордостью с представителем дружественной тогда России. Конец беседы положила жена турецкого консула, американка по национальности.

— Дураки, — закричала она, ворвавшись в комнату, — разве вы не видите, что он из вас выкачивает сведения, которые сегодня же отправит в Петербург?

«Мадам Джелаль-бей была права, — пишет Чиркин, — у меня получился материал для интересного донесения, которое... удостоилось лестной высочайшей пометки». Да, тогдашнее дипломатическое сообщество всё ещё представляло для шпионов стадо непуганых жирафов.

Как бы то ни было, но во время Первой мировой войны возникла необходимость в получении секретных сведений о политике воюющих держав, и 29 марта/6 апреля 1916 года в Министерстве иностранных дел был создан Осведомительный отдел (ОО), руководство которым было поручено управляющему Отделом печати. Созданием отдела была предпринята попытка заполнить в разведывательной деятельности России брешь — в империи до сих пор не было политической разведки.

В сферу деятельности ОО входило: а) осведомление министерства на основании открытых материалов и донесений агентов отдела в нейтральных странах и б) путём разведки. Впрочем, последняя задача была передана в политические отделы МИД. В спешном порядке, кое-как в Париже, Берне, Стокгольме, Копенгагене, Христиании и Бухаресте был создан институт осведо-

мительных агентов, но, судя по всему, приступить к настоящей работе отдел так и не успел.

Уже на начальном этапе возникло много споров и сложностей. В записке, поданной Сазонову в январе 1916 года, справедливо указывалось: «Сперва необходимо выяснить цель разведки МИД во враждебных странах, а затем установить средства для достижения этой цели». Цель разведки Министерства иностранных дел была так и не выяснена, поэтому проект «Осведомительный отдел» потерпел крах в самом начале его воплощения в жизнь.

Глава седьмая

Разнарядка для дипломатов

*Льстецы, льстецы! Старай-
тесь сохранить
И в подлости осанку благо-
родства.*

А. С. Пушкин

Все дипломаты того времени получали придворные звания. Конечно, ни о какой службе при дворе речь не шла, и звания эти были скорее почётными, позволявшими, однако, являться ко двору по каким-либо торжественным поводам и лицезреть царственных особ.

А. С. Пушкин, хоть и не считался «настоящим» дипломатом, имел придворное звание камер-юнкера, которое некоторые его биографы считали почему-то оскорбительным для его достоинства. Пушкин был коллежский секретарь, и ему пожаловали соответствующий придворный чин. Ф. И. Тютчев был статским советником и имел придворное звание камергера. Н. Г. Гартвиг был директором департамента и послом, и его придворное звание называлось гофмейстер.

Секретарь миссии в Афинах Ю. Я. Соловьёв был удостоен звания камер-юнкера и в первый же отпуск в Петербурге обязан был представиться Николаю II. Для этого необходимо было шить придворный мундир.

Император обходил выстроившихся в ряд новых придворных и беседовал с ними. Соловьёв удостоился десятиминутной беседы. Потом, перед отъездом к месту службы, Юрий Яковлевич был принят государем отдельно. Аудиенция имела место в Петергофском дворце, в небольшом угловом кабинете, выходявшем окнами на море. Император стоял у письменного стола в малиновой, почти красной рубашке русского покроя, которую носили царскосельские стрелки. Соловьёв вспоминает, что был поражён «странной простотой, с которой держался Николай II, почёсывая себе левую руку в широком рукаве рубахи — жест, который так мало гармонировал с тем, что можно было ожидать от императора, дающего аудиенцию». Царя интересовала великая княгиня Елена Владимировна, и он просил передать ей поклон.

По существующим правилам, Соловьёва должна была принять и императрица Александра Фёдоровна. Она произвела на дипломата иное впечатление: старалась принять величественный вид, хотя пробегавшие по лицу красные пятна «выдавали её нервозность, неуравновешенность и даже плохо скрываемую неуверенность в себе».

На следующий день отъезжающего дипломата принимал великий князь Михаил Александрович, который, по словам Соловьёва, оказался ещё менее интересным собеседником, нежели его брат и невестка.

В 1908 году Соловьёв присутствовал на церемонии бракосочетания великой княгини Марии Павловны со шведским принцем Вильгельмом, проходившей в Царскосельском дворце. Он обратил внимание на одну подробность церемониала: во время куртага, то есть торжественного прохождения двора под звуки полонеза, в конце зала вдруг появился сиротливо стоявший карточный столик с нераспечатанными колодами карт и незажжёнными серебряными шандалами. Это была память о Екатерине II, которая по обыкновению во время куртага играла в карты.

В феврале 1911 года Соловьёв был приглашён в Петербург земским отделом Министерства внутренних дел на пятидесятилетний юбилей Крестьянской ре-

формы 1861 года (дипломата пригласили на торжество в память его отца, когда-то возглавлявшего земский отдел). 19 февраля он в числе других земских деятелей был представлен П. А. Столыпиным Николаю II. На сей раз царь поразил его своей ненаходчивостью — он совершенно никого не знал вокруг себя, и по странному стечению обстоятельств вокруг него не было кого-либо, кто мог бы рассказать ему о том или ином лице. В третий раз Соловьёв представлялся царю в том же 1911 году по случаю пожалования в камергеры. Старшие дипломаты в известном возрасте по установленной традиции удостаивались этого придворного звания.

Приводим несколько типичных примеров приглашения сотрудников центрального аппарата Министерства иностранных дел на мероприятия царского двора, о которых двор объявлял заблаговременно, и все дипломаты, имевшие придворные звания, должны были являться на них вместе с супругами. Возможно, на собраниях членов царского двора ради любопытства и можно было появиться раз-другой, но потом это всё наскучивало и становилось обременительным. Один пошив платьев для жён вылетал дипломатам в «копеечку».

«От Двора Его Императорского Величества объявляется.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил: в четверг 10 сего февраля, в день отпевания в Москве смертных останков Его Императорского Высочества в Бозе почившего Великого Князя Сергея Александровича иметь приезд в 11 часов утра в Исаакиевский собор, к заупокойной литургии и панихиде:

фрейлинам, вторым чинам Высочайшего Двора, придворным кавалерам и всем обоего пола особам, ко двору приезд имеющим, а также гвардии, армии и флота генералам, адмиралам, штаб- и обер-офицерам.

Дамам быть в чёрных шерстяных платьях, и на голове чёрные уборы.

Кавалерам как военным, так и гражданским быть в обыкновенной форме в мундирах и лентах, имея флёр на левом рукаве.

Камер-фурьер Фарафонтьев».

Аналогичное приглашение Министерство иностранных дел получило на 12 февраля, на девятый день кончины бывшего московского генерал-губернатора и дяди Николая II.

По случаю более радостного события — заключения мира с Японией, камер-фурьер Фарафонтьев приказывал «иметь приезд 9 сего октября в 12 часов дня в Казанский собор к благодарственному молебну... Дамы имеют быть в высоких платьях и шляпах. Кавалеры военные и гражданские в парадной форме».

Под высокими платьями, по всей вероятности, двор имел в виду не слишком декольтированные платья. Мир с Японией конечно же был радостным событием, но и не таким уж и весёлым, чтобы разрешать дамам показывать свои прелести.

Каждый год старшие дипломаты министерства приглашались на придворный бал по случаю Нового года. Например, 1 января 1903 года гофмаршал двора, извещая об этом министра Ламздорфа, сообщил, что бал имеет быть 15 января в 9 часов (разумеется, вечера. — *Б. Г.*), на который приглашены особы II и III класса, из действительных статских советников — лишь непременные члены Совета министерства, а также вице-директоры департаментов и канцелярий. В письме говорилось, что форма одежды должна быть парадной, при лентах. Приглашённые должны были иметь при себе «именные билеты за подписью того лица, которому Вами будет поручена раздача оных». Образец сих билетов гофмаршал покорнейше просил препроводить заблаговременно ему.

Составление списка участников бала товарищ министра князь Оболенский 9 января торжественно поручил его сиятельству Павлу Константиновичу Бенкендорфу. Ему же, вероятно, было дано и право подписывать приглашительные билеты. В список вошли около двенадцати человек, из которых согласие пойти на бал дали менее половины: шесть человек дружно отказались, сославшись на болезнь, а посланник в Афинах Ю. Щербачёв спешно отъехал к месту службы.

Гофмаршал императорского двора считал своей обязанностью просить директора Департамента лич-

ного состава и хозяйственных дел К. Э. Аргиропуло составить список приглашённых на приём к новому послу США, имеющий быть 30 января 1903 года. В архивах ДЛСиХД сохранился черновой список приглашённых на приём, в который были включены около тридцати человек, начиная от министра графа Ламздорфа. Против каждой фамилии были указаны домашние адреса. Министр жил на Дворцовой площади, 6, а остальные высшие чиновники Министерства иностранных дел проживали на Мойке, на Большой Морской, на Конюшенной улицах.

Двадцать шестого ноября Россия праздновала Георгиевский день, в котором принимали участие все лица, награждённые орденом Святого Георгия Победоносца, имеющие знаки отличия военного ордена или украшенное бриллиантами золотое оружие. Главный праздник отмечался в Зимнем дворце. В начале ноября гофмаршал двора попросил Министерство иностранных дел представить список георгиевских кавалеров, с тем чтобы пригласить их на торжественный молебен в Зимнем дворце, «имеющий быть 26 числа сего ноября». В министерстве ответили, что на текущий момент лиц, на которых бы распространилось это празднество, в наличии не оказалось. И вдруг в Санкт-Петербурге такое лицо — посланник в Мюнхене М. Н. Гирс — появилось. За два дня до торжественного молебна ДЛСиХД срочно проинформировал двор о М. Н. Гирсе и любезно сообщил гофмаршалу адрес, по которому сей обладатель боевой награды остановился: Гагаринская набережная, 32.

У читателя возникнет законный вопрос: каким образом карьерный дипломат смог получить военный орден? Оказывается, М. Н. Гирс, сын министра иностранных дел, в 1900 году, будучи посланником в Пекине, во время боксёрского восстания «за особые заслуги при совершенно исключительных обстоятельствах, во время военной обороны зданий миссии, в виде совершенного исключения», был награждён боевым орденом Анны 1-й степени с мечами. Он же представил к награждению боевыми орденами ещё четырнадцать своих сотрудников!

Конечно, большинство царских дипломатов волей-неволей были оторваны от российской действительности и знали обстановку за границей лучше, чем в собственной стране. Но всё же и они имели возможность «окунуться» в повседневную жизнь Российской империи, например, с помощью института присяжных заседателей. Дело в том, что дипломаты как люди грамотные, опытные и юридически подкованные часто назначались на эти судебные должности. Министерство иностранных дел регулярно выставляло своих чиновников кандидатами в члены суда присяжных заседателей, которые потом утверждались Правительствующим сенатом. Министерство юстиции информировало руководство МИД о назначении того или иного дипломата присяжным заседателем или мировым судьёй примерно по следующей форме:

«Удостоверение

Канцелярия Министерства юстиции сим удостоверяет, что надворный советник Александр Ростовский Первым Департаментом Правительствующего Сената утверждён в должности Почётного мирового судьи по Днепровскому уезду Таврической губернии на новое с 1892 года трёхлетие».

Какой-то неопытный чиновник Департамента личного состава и хозяйственных дел оставил на извещении вопрос-резольюцию: «NB! Нужно ли в приказ?» Мы думаем, что нужно — такие вещи без приказа по министерству вряд ли совершались.

Многие дипломаты принимали активное участие в общественной жизни столицы и страны. Так, к примеру, директор Азиатского департамента, а затем посол в Персии и Сербии Н. Г. Гартвиг, ярый славянофил и сторонник славянского единения, с 1898 года состоял в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, а потом и непременно членом Совета общества. Заведующий канцелярией министра барон М. Ф. Шиллинг состоял членом попечительского комитета Французского института в Петербурге. Министр Н. К. Гирс, его товарищ Влангали, советник посольства в Лондоне А. П. Давыдов (1838—1885) и профессор Мартенс были членами Исторического общества России.

Существовал ещё один вид «разнарядки», согласно которой сотрудники центрального аппарата Министерства иностранных дел время от времени, когда доходила очередь до их министерства, принимали участие в крестных ходах. Среди дипломатов, особенно к концу XIX — началу XX века, конечно, было достаточно много людей, относившихся к религии скептически, но большинство их являлись всё-таки людьми искренно верующими, и практически вся их жизнь, в том числе и служебная карьера, проходила под сенью православной или иной церкви. Нет надобности говорить о том, что поддержание религиозных обычаев и традиций среди дипломатов входило в официальную политику министерства. Пример в этом отношении подавал министр С. Д. Сазонов, известный своим ревностным отношением и к православной религии, и к русской культуре. В сентябре 1913 года Строительный комитет по сооружению в Москве на Миусской площади храма в честь святого и благоверного великого князя Александра Невского пригласил Сазонова на церемонию закладки первого камня в фундамент, но барон М. Ф. Шиллинг отписал епископу Можайскому Василию, что министр, к сожалению, приехать в Москву не может, потому что находится в отъезде за границей.

В инструкции консулу в Пловдиве Н. Герову от 1905 года особым пунктом предписывалось проводить линию на «сохранение единства и цельности Православной нашей веры между племенами её исповедующими», по оказанию влияния «в пользу утверждения православия в этом крае и уничтожения корней западных агентов и миссионеров» и информировать «о лицах из православных жителей Филиппопольской области, в особенности из болгар, которые желали бы получить образование в России».

Мы уже упоминали о том, что многие миссии и посольства содержали свои церкви (в 1900 году их насчитывалось 23), а в некоторых странах (Япония, Китай) духовные миссии России, до установления со страной формальных дипломатических отношений, выполняли дипломатические функции. Церковный причт посольских церквей в духовном отношении руководствовался

указаниями Святейшего синода, а что касалось практической деятельности архимандритов, священников и дьяконов, то они подчинялись послам и посланникам, и в отношении их действовали такие же правила, как для прочих дипломатов.

В крестные ходы назначались как старшие, так и младшие сотрудники Министерства иностранных дел. Обычно из канцелярии Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора, а потом обер-полицмейстера столицы приходила «напоминаловка» примерно следующего содержания:

«20-го числа текущаго апреля (1866 года. — Б. Г.), в день Преполовения, имеет быть совершён крестный ход вокруг Петропавловской крепости», в связи с чем канцелярия просила МИД назначить из числа своих сотрудников ассистентов к главному сенатору Министерства юстиции — ведущей светской фигуре, участвовавшей в этой церемонии, «за коими ныне очередь» и «секретаря, из коих последний имеет явиться к главному сенатору для доклада о лицах, назначенных в церемонию». Некоторое время спустя на Певческий Мост приходило дополнительное уведомление о том, что главным сенатором на сей раз был выбран господин Гернгросс, имевший жительство на Моховой улице в доме Машкова. К нему-то и должен был заблаговременно явиться дипломат, назначенный секретарём, и доложить, кто из господ дипломатов будет ему ассистировать и куда и в какое время им всем надлежало явиться.

Затем следовало распоряжение министра о назначении людей в крестный ход. В нашем случае ассистентами Гернгросса были назначены пять человек: действительный статский советник А. Г. Щербинин, статский советник А. С. Энгельгардт, коллежский советник А. А. Мельников, надворный советник князь А. В. Голицын и коллежский асессор А. П. Семёнов. Ассистенты расписывались на документе в ознакомлении с приказом, после чего в канцелярию военного генерал-губернатора шло письмо с уведомлением об исполнении «разнарядки».

Во время следующей «разнарядки», выпавшей на

1868 год, обер-полицмейстер Трепов просил МИД выделить дипломатов для участия в крестном ходе, имевшем быть 30 августа в Александро-Невской лавре (Александр Невский считался покровителем Министерства иностранных дел, и его имя носили церковь в здании МИД у Певческого Моста, а также посольские храмы в Париже, Софии и Буэнос-Айресе). В 1877 году дипломатов приглашали поучаствовать в крестном ходе из Исаакиевского собора на реку Неву и обратно во время праздника Происхождения Честных древ и Животворящего Креста Господня, а в 1880 году они принимали участие в крестном ходе из церкви Зимнего дворца до реки Невы и обратно.

«Вся официальная жизнь дипломатической службы была окружена православной обрядностью, — замечает А. И. Кузнецов. — Любое, сколько-нибудь заметное событие в жизни государства, МИД или дипломатического представительства... отмечалось богослужением и молебном». Остзеец В. Н. Ламздорф, человек тончённой культуры и монархического сознания, высоко ценил религиозно-нравственные идеалы, был истовым православным христианином и регулярно посещал церковные службы, молясь за своего министра-лютеранина Н. К. Гирса. Князь Г. Н. Трубецкой (1873—1930) активно сочетал дипломатическую деятельность с религиозной. Ещё в начале своей карьеры на Ближнем Востоке он начал печатать статьи по истории Константинопольской патриархии, а после революции был активным деятелем Священного собора Русской православной церкви 1918 года. Как уже упоминалось, искренним верующим был министр С. Д. Сазонов.

Барон Б. Э. Нольде в своих воспоминаниях приводит интересный пример о религиозности министра иностранных дел Н. К. Гирса. Во время подписания исторического союзного российско-французского акта в 1891 году Николай Карлович, «взяв перо, перекрестился и, подняв глаза, на несколько секунд замолк. Монтебелло (французский посол. — *Б. Г.*) посмотрел на него с удивлением, и Гирс ответил: “Я просил Бога остановить мою руку, если, вопреки всему тому, что я предвижу, вопреки

очевидности для моего разума, этот союз должен стать гибельным для России»».

Бог, к сожалению, не внял просьбе сомневавшегося министра-лютеранина — он просто через четыре года взял его к себе на небеса. В октябре 1895 года министерство торжественно хоронило своего министра Н. К. Гирса. На похороны приехал Николай II, окружённый великими князьями и поразивший всех, впервые его видевших, незначительностью своей фигуры. Сопровождавшие его великие князья были на полторы головы выше его. Сотрудники Министерства иностранных дел несли бесчисленные подушки с орденами покойного. Курьер, благоволивший к нашему старому знакомому Ю. Я. Соловьёву и распределявший подушки, вручил ему подушку с орденом Бразильской розы времён Бразильской империи*.

Участие дипломатов в погребальных церемониях было необходимо.

П. С. Боткин оставил нам описание церковных панихид в храме на Певческом Мосту, выдержанное в слегка ироничных тонах: «Кроме раута у министра, министерская “семья” собирается ещё на т. н. “казённые” панихиды. Когда умирает за границей один из наших представителей, в министерской церкви заказывается панихида. Чиновники приходят в виц-мундирах, старшие становятся впереди и принимают грустно-сосредоточенный вид. Остальные располагаются сзади, как попало. Все имеют вид, что исполняют служебную обязанность, но мало кому какое дело до почившего. В задних рядах идёт шёпотом разговор: “Кто бы сказал? Разве он был болен?” — “Я ничего не знал...” — “Говорят, его уже давно считали отпетым... слышали, кого на его место прочат?” — “Да нет, вы шутите... не может быть...” — “Уверяю вас”. — “Да ведь ему недавно обещано...”»

Я не знаю ничего более леденящего этих “казённых” панихид. От них веет холодом, как от каменных плит министерских коридоров...»

Что ж, люди есть люди, и дипломаты были такими же людьми, как и все.

---

* Бразильская империя существовала с 1822 по 1889 год.

Дипломатические курьёзы

*Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.*

М. Ю. Лермонтов

В архивах Министерства иностранных дел, в частности в архивных массивах некоторых крупных посольств России, имеются дела под общим названием «*Curiosa*», в которых хранятся материалы о необычных, нестандартных случаях из дипломатической практики. В большинстве своём — это письменные и устные обращения в посольство местных граждан с необычными и даже странными просьбами, часто свидетельствующими о их не совсем нормальном психическом состоянии. Дипломаты прекрасно знают, как посольства и консульства нередко притягивают к себе людей психически неполноценных — шизофреников, страдающих манией величия или преследования, авантюристов, прожектёров и других доброжелателей или, как их ныне называют, «инициативников».

В данной главе таким «курьёзам» тоже отведено соответствующее место, но в основном собраны эпизоды, которые по классификации царских дипломатов вряд ли подпали бы под упомянутую рубрику. Некоторые из них прошли бы как донесения о трагических событиях, другие — как отчёты о неподобающем поведении русских соотечественников за границей, а третьи вообще бы не удостоились никакого внимания.

Приведём из рубрики «*Curiosa*» один лишь эпизод.

Сотрудник парижского генконсульства А. Васильев 5/18 февраля 1891 года принял пожилую с седыми волосами даму лет семидесяти, «одетую несколько театрально и старомодно». Она вручила ему свою визитную карточку, пожаловалась на то, что её не принял посол барон Моренгойм, и попросила плотно закрыть двери приёмной. Далее она назвалась членом секретного об-

щества (какого именно, не сообщила) и рассказала о том, что в своё время оказала русскому правительству «неоценимые услуги», в частности, во время визита в Париж Николая II, под руководством секретаря посольства князя Вяземского, якобы помогала организовывать охрану императора и осуществлять наружное наблюдение за подозрительными лицами. В результате ей удалось сорвать два заговора против императора: один — в Дюнкерке, а другой — в Париже.

Цель визита дамы в генконсульство, однако, самым гротескным образом не соответствовала её бывшим «заслугам»: она пришла спросить у русского дипломата, могла ли бы она в готовящемся ею к публикации сборнике стихов поместить благодарность русского императора за упомянутые услуги России. В подтверждение она достала из сумочки какой-то документ, при ближайшем рассмотрении оказавшийся малозначащей запиской министра двора Фредерикса. Где и когда дама приобрела эту записку, она не пояснила, но никакого отношения к изъявлению благодарности нашего венценосца записка не имела. Француженка, заключает консул Васильев, «произвела впечатление несколько странное: быть может, это не вполне нормальная особа, которой многие вещи просто приснились наяву как результат больного воображения».

Возможно, самым громким курьёзом в дипломатическом мире был вызов императора Павла I на «честный поединок» некоторых европейских монархов, в ходе которого он предлагал решить все конфликты и недоразумения в Европе. Курьёз? Несомненно. Правда, до дуэли монархов дело не дошло — Павел пал жертвой дворянского заговора.

А чем, как не курьёзом была обязанность российского консульства в Исфагане (Персия) стать покровителем местной еврейской общины? Вообще-то евреи в Исфагане находились под патронажем Франции, но поскольку в Исфагане французского консульства не было, то Париж попросил взять на себя роль покровителя евреев Петербург. В то время как по России проходили еврейские погромы, имперский консул в Персии стара-

тельно защищал исфаганских евреев от посягательств персидских администраторов.

Расширим понятие «куръёз», употребляемое царскими дипломатами.

А. А. Половцов, ссылаясь на рассказ Н. К. Гирса, приводит следующий куръёзный случай из биографии А. М. Горчакова. После завершения Русско-турецкой войны 1877—1878 годов Александр II, недовольный своими военными и дипломатами, сказал как-то в присутствии военного министра Д. А. Милютина (1816—1912), министра внутренних дел А. Е. Тимашева (1818—1893) и Н. К. Гирса:

— Сегодня для меня тяжёлый день: я еду в Петербург, чтобы объявить Барятинскому*, что он не будет командовать армией в случае войны, а Горчакову, что он не поедет на Берлинский конгресс.

Император приказал статс-секретарю Гирсу поехать к князю Александру Михайловичу и предупредить его о своём визите. Гирс застал Горчакова в постели за чтением какого-то бульварного французского романа. Узнав о предстоящем визите императора, Горчаков вскочил с постели, стал мыться, бриться и прихорашиваться и как раз оказался готовым встретить Александра II в передней. Первым делом князь заявил о своём удовольствии... желанием государя послать его на Берлинский конгресс, чем вызвал большую озадаченность у высочайшего визитёра.

Император, приказав Гирсу ждать в соседней комнате, прошёл вдвоём с хозяином в его кабинет, но скоро Гирса позвали, и он был свидетелем всего последующего разговора Александра II с Горчаковым. Князь пел дифирамбы гостю, утверждая, что государь будет стоять в истории выше Петра I, потому что, кроме свершения великих дел, Александр Николаевич ещё и святой. Гирс внимал всему этому с нескрываемым удивлением. А Горчаков так вошёл в роль, что, нимало не смущаясь, взял заранее приготовленное распятие, преклонил голову и попросил государя благословить его на «свершение подвига во имя славы России и императора», то есть на

---

* Князь Александр Иванович Барятинский (1815—1879) был тогда наместником на Кавказе.

участие в Берлинском конгрессе. Удивлённый и озадаченный государь благословил князя и уехал, оставив министра и его товарища наедине.

Светлейший князь Александр Михайлович торжественно объявил недоумевавшему Николаю Карловичу, что, несмотря на заботы государя о его здоровье (?), он решил ехать в Берлин, и тут же отправил послу П. П. Убри (1820—1896) телеграмму с уведомлением о том, что на Берлинском конгрессе будет возглавлять русскую делегацию. Гирс, не веря своим ушам, вернувшись на Певческий Мост, потребовал копию телеграммы Горчакова и поспешил с ней к поезду, которым царь возвращался в Царское Село. Каково же было удивление статс-секретаря, когда Александр II начал рассказывать ему о том, как оба старика — и Барятинский, и Горчаков — охотно подчинились императорскому внушению, хотя, добавил царь, Барятинский сделал это намного легче и искреннее, чем Горчаков. Только после этого Гирс осмелился достать из кармана копию телеграммы Горчакова в Берлин и показать её императору. Последовала немая сцена. Но скоро император пришёл в себя и заявил, что подчиняется свершившемуся факту.

Так Горчаков поехал на Берлинский конгресс и проиграл его вчистую и немцу Бисмарку, и англичанину Дизраэли, и австрийцам. Лучше бы он туда не ездил. Но князь был слишком тщеславен, чтобы уступить пальму первенства кому-либо другому.

Выше мы упоминали о том, как во время разрыва отношений России с Англией посольством в Лондоне управлял священник Смирнов. Как мы увидим из нижеследующего описания, Смирнов был священником не обычным. И в этом тоже заключается настоящий курьёз.

Во-первых, Яков Иванович Смирнов (1754—1840) был священником при русском посольстве в Англии целых 60 лет! Он приехал в Лондон при Екатерине II, а закончил свою «командировку» уже при Николае I. В его бытность при посольстве сменилось несколько послов, а он неизменно оставался при своей должности. В не-

котором смысле он олицетворял стабильность русско-английских отношений. Во-вторых, Смирнов был буквально ходячей энциклопедией по части знаний страны пребывания. В-третьих...

Впрочем, начнём по порядку. Наш герой родился вовсе не Смирновым. Его отец был украинский поп Иван Линицкий, у которого старший сын Иван тоже был причислен к российскому посольству в Лондоне, но в качестве переводчика. Так что дорожка в дипломатию для младшего сына Якова была уже проторена. Фамилию «Смирнов» Яков взял в 1800 году, когда его приняли на учёбу, а фактически — на «курсы усовершенствования», в Министерство иностранных дел. К этому времени он уже 20 лет служил священником при Лондонском посольстве и мог сам поучать любого дипломата.

Так уж получилось, что к дипломатической работе он был привлечён с первых дней своего пребывания в Лондоне и не удивительно: уже тогда он владел латинским, греческим, французским, английским, немецким и итальянским языками. Разве можно было такого специалиста ограничивать только делами церковными?

За 60 лет службы при посольстве России в Англии кто только не встречался со Смирновым, кому только он не оказал помощи или услуги и кого только не наставил на путь истинный! В русской мемуаристике есть несколько упоминаний об этом необыкновенном человеке. Вот отрывок из воспоминаний ректора Императорской Академии художеств Ф. И. Иордана: «Он был одет как священник старого времени: длинная ряса с фалдами, свисавшими до пяток, пряжки на ботинках-штиблетах, шляпа с широкими низкими полями и огромная трость с серебряным набалдашником. Его внешний вид внушал уважение. Он ходил медленно, описывая своей палкой круги, и с его солидной внешностью, его волосами, заплетёнными в косу на затылке и сильно напудренными и зачёсанными назад у висков, он представлялся мне живым портретом голландской школы семнадцатого столетия».

Встретивший Смирнова в 1839 году Н. И. Греч писал, что он был «похож на отшельника, обитавшего на необитаемом острове посреди бушующих волн чужого

океана. Русские иконы, портреты русских царей, русские книги и русское сердце, — это было всё, что удалось спасти после кораблекрушения. Достаточно для этого мира — да и для следующего тоже».

Посол граф С. Р. Воронцов сразу и по достоинству оценил способности Я. И. Смирнова, и скоро они стали друзьями. В одном из писем канцлеру графу А. А. Безбородко (1747—1799) посол писал, что Яков Иванович делает для устройства на учёбу русских студентов больше, чем он сам и консул А. Бакст вместе взятые. Обладая несомненными природными данными для установления контакта с людьми, Смирнову удавалось устроить того или иного дворянского или купеческого «недоросля» в Англии на такое место, о котором до него русским и мечтать не приходилось. «Вдобавок, когда Лизакевич* болеет, — писал Воронцов, — а у меня собираются документы для шифрования, то я вынужден привлекать его и к этой работе, поскольку никого другого под рукой нет». Ленился ли граф сам заняться шифрованием или действительно у него не хватало на это времени, но факт сам по себе выдающийся: поп допущен к святым святых дипломатического представительства — шифрам!

В обстановке постоянных кризисов в русско-английских отношениях иерей Смирнов оказывал русской дипломатии неоценимые услуги. Вместе с Лизакевичем и некоторыми другими сотрудниками посольства он фактически организовал разведывательную группу и на агентурной основе добывал важную политическую информацию о планах и замыслах английского правительства. В 1791 году, во время Русско-турецкой войны и событий в Польше, Смирнов «со товарищи» в течение пяти месяцев шнырял по Лондону, тайно встречался с английскими журналистами и другими носителями информации, анализировал английскую прессу и писал отчёты в Петербург. «Он отвечает за Сити и биржу, где у него много друзей, — докладывал Воронцов Безбородко, — также он ходит слушать дебаты в парламенте». Через своего конфиденанта Р. Гринолла Смирнов получил

---

* *Василий Игоревич Лизакевич* — секретарь, а потом советник посольства.

важные сведения о загрузке в Любеке оружия для польских инсургентов.

Как мы уже рассказывали выше, во время «романа» Павла I с Наполеоном посол Воронцов был отставлен от службы, и вместо него управляющим посольством назначили Лизакевича. Но и Лизакевич был вынужден скоро покинуть Лондон в связи с неожиданным переводом в Копенгаген, и в конце 1800 года его преемником в Лондоне стал Яков Иванович Смирнов. «В отсутствие аккредитованных при Лондонском дворе лиц, — писал, по всей видимости, Ростопчин Смирнову, — вам надлежит информировать императора обо всём, что вам удастся узнать касательно планов вооружений, передвижений, переводов и торговых операций англичан в течение осени и зимы. В этом важном поручении вы будете пользоваться доверием императора, и оправдание этого доверия полностью зависит от вас самих».

Потом, как мы знаем, последовал полный разрыв отношений между Петербургом и Лондоном, посол Ч. Витворт был выдворен из России и вместо него в Петербурге остался генеральный консул Стивен Шайрп. Последний в декабре 1800 года писал министру иностранных дел Англии лорду Гренвиллу: «Я с уверенностью полагаю, что мистер Смирнов, русский священник в Лондоне, продолжает поддерживать переписку со своей страной». Англичанин был прав: наш «нелегальный» дипломат и разведчик продолжал исправно «функционировать» и снабжать императора Павла необходимой информацией.

В конце января 1801 года Смирнов получил из Петербурга приказ о возвращении оставшегося в посольстве персонала домой. Приказ, однако, был не выполнен, потому что вскоре Павел I был убит, а Александр I восстановил С. Р. Воронцова на посту посла. Но русско-английские пертурбации на этом не кончились: после Тильзита в русско-английских отношениях снова наступил упадок, все дипломаты были отозваны домой, и в посольстве «на хозяйстве» снова остался священник Смирнов. В октябре 1808 года поступил строгий приказ продать здание посольства на Харли-стрит, 36, и с архивом посольства вернуться в Россию.

Приказ был хороший, только выполнить его не сумел бы даже сам Воронцов, не говоря уж о Смирнове, не имевшем дипломатического иммунитета. Как в Петербурге предполагали выполнить план перевозки секретного посольского архива через враждебную России Европу, сказать трудно. Смирнов обратился за советом к Семёну Романовичу, снова оказавшемуся не у дел, и тот мудро ответил: «Русский Бог велик и не оставит своими милостями нашу бедную страну, погибающую от тупости, коррупции и предательства».

Вероятно, Смирнов понял эти слова так, чтобы приказ из Петербурга пока игнорировать. «Он остался в Лондоне, чтобы не терять долговременных и полезных связей с людьми православной веры», — пишет английский историк А. Гросс. Прошло четыре года, прежде чем в доме на Харли-стрит, 36, появился новый посол Х. А. Ливен. И всё это время иерей, дипломат и разведчик оставался на своём посту и исправно выполнял свои обязанности во всех трёх ипостасях.

Греч недаром писал, что к концу жизни Смирнов был похож на странника после кораблекрушения. С большой семьёй на руках (жена, шестеро детей) наш иерей стойко переносил тяготы жизни и ни на что не жаловался. Он стяжал в Англии большую славу и уважение, пишет Гросс, но богатства не нажил. Император Павел наградил его орденом Святого Иоанна, Александр «расщедрился» на Анну 2-й степени, и только в 1817 году Яков Иванович был возведён в сан протоиерея.

О нашем герое можно было написать целую книгу. Упомянем только, что он каким-то образом успевал увлечься сельским хозяйством и агрономией и стал неутомимым популяризатором научных знаний в этой области в России. Граф Ф. Ф. Ростопчин воспользовался советами Смирнова и внедрил в своём имении «английскую агрономию». В благодарность Смирнов получил от графа табакерку с нюхательным табаком и с надписью: «Ученик — учителю», полагая, очевидно, сферу агрономии. Но с таким же успехом эта надпись могла быть истолкована и в смысле дипломатии.

А русские послы, министры, путешественники, туристы, студенты, учёные использовали Смирнова в ка-

честве посыльного или мальчика на побегушках: приезжая в Лондон, они просили его: «достань то», «пришли это», «купи то», «узнай про это» и т. п. Сколько поручений для одной только Императорской Академии художеств (Оленин) или Российской академии наук (адмирал Шишков) выполнил наш протоиерей! Он был к тому же прекрасным переводчиком английского языка и памфлетистом. Ведь это из-под его пера выходили ядовитые памфлеты в адрес английского правительства, которые он нелегально печатал и распространял в Англии с помощью своих верных конфиденентов, предвосхитив метод так называемых активных разведывательных операций, по крайней мере, на 150 лет.

«У него не было помыслов стать теологом, — пишет Гросс, — но нет оснований для сомнений в глубине и искренности его веры и в его подвижнической службе церкви».

Грустный рассказ, скажет читатель: какой же тут курьёз? Нет, нет, скажу я вам: именно курьёз, типично русский и грустный. И именно в этой главе ему место.

Политическая обстановка в эпоху Наполеоновских войн на континенте была накалена до предела, и противостояние монархического принципа республиканскому образу мышления французов ощущалось везде и на всех уровнях. Немудрено, что наиболее остро ощущали это напряжение дипломаты, которые, чтобы защитить честь страны, не жалели своей жизни. Как известно, Наполеон под видом распространения республиканских идей в Италии оккупировал Неаполитанское королевство. В связи с излишним рвением маршала и короля Неаполитании Иоахима Мюрата (1767—1815), стремившегося привести итальянцев в повиновение, между русским посланником С. Н. Долгоруким (1780—1830) и его французским коллегой 1 января 1812 года произошла ссора, а потом и дуэль.

А коллега Воронцова — посол в Париже А. В. Куракин — чуть ли не поплатился жизнью из-за «рыцарских чувств» к прекрасному полу. В 1808 году во время бала по случаю бракосочетания Наполеона с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой случился пожар. Как писал в своих «Записках» (1799—1826) Д. Н. Свербеев,

«наш пышный посол, князь Куракин Александр Борисович, совоспитанник Павла, сохраняя, как святыню, всю строгость придворного этикета, заведенного его царственным другом», взял на себя обязанность вывести из объятого пламенем зала всех попадавшихся под руку дам и не заметил, как остался там один. Следствием такой учтивости, иронизирует Свербеев, стало то, что посла в суতোлке сбили с ног, повалили на пол и стали ходить по нему и через него. Он лежал беспомощный с обгорелым великолепным кафтаном французского покроя, на котором накалились и немилосердно жгли тело эполеты, пуговицы и ордена, залитые золотом и бриллиантами.

Другой «летописец» пушкинского времени М. И. Пыляев так описал несчастного посла, которого всё-таки кто-то обнаружил и вынес на руках на улицу:

«Он очень обгорел, у него совсем не осталось волос, голова повреждена была во многих местах, и особенно пострадали уши, ресницы сгорели, ноги и руки были раздуты и покрыты ранами, на одной руке кожа слезла, как перчатка. Спасением своим он отчасти был обязан своему мундиру, который весь был залит золотом; последнее до того нагрелось, что вытащившие его из огня долго не могли поднять его, обжигаясь от одного прикосновения к его одежде. Независимо от здоровья Куракин лишился ещё во время суматохи бриллиантов на сумму более 70 000 франков...»

Но ладно бриллианты — главное князь выжил, и в конце лета парижские врачи выпустили его из посольских палат и позволили ему выехать на дачу.

Приведём более забавный случай.

В начале XIX века, когда русских туристов в Европе было мало, существовал неписанный закон наносить послам в стране пребывания визиты вежливости. П. Я. Чаадаев, находясь в Дрездене, посетил знакомого ему русского посланника и стал с ним время от времени встречаться. Как-то они сидели в ресторане на Брюлевской террасе и мило болтали. Посланник рассказал, что по Дрездену шатается какой-то русский и — удивительное дело — игнорирует его и не наносит положенного визита.

— Да вот он идёт, этот человек! — сердито сказал посланник и показал то ли зонтиком, то ли тростью на щеголеватого господина, проходившего мимо.

Чаадаев взглянул и расхохотался.

— Что ж тут удивительного, что он у вас не был, — успокоил он посланника, — это мой камердинер.

Так посланник тоже узнал об Иване Яковлевиче, лучше всех в мире одетом камердинере. Это у него Пётр Яковлевич одалживал фрак, чтобы представиться государю.

В практике лондонского посла графа С. Р. Воронцова отмечен такой курьёзный случай. В своей ноте от 3/15 апреля 1806 года главе Форин Оффис Ч. Д. Фоксу (1749—1806) граф с явной издёвкой сообщает о том, что «вынужден обеспокоить» сэра Чарлза, потому что «чем больше он читал и перечитывал два документа, полученные им от его правительства 12 апреля, чем больше над ним размышлял», тем более непонятными казались ему эти документы*. Вряд ли умница-граф совсем не разобрался в смысле полученных из Форин Оффис дипломатических бумаг, но не исключено, что документ был составлен в таких туманных выражениях, что русский посол, прежде чем докладывать государю о его содержании, решил поставить все точки над «i».

Посол в Париже барон А. П. Моренгойм в старости любил рассказывать о важном задании высочайшего двора отвезти подарки цесаревича Александра Александровича его невесте принцессе Дагмар в Копенгаген. Он благополучно вручил подарки по назначению и повёз ответные подарки в Петербург: щенка и знаменитый датский медовый пирог, символизировавшие преданность и нежность принцессы будущему супругу. В поезде барон заснул, а когда проснулся, то обнаружил, что один подарок, означавший «Нежность», был съеден другим — «Преданностью». Когда поезд въехал под дебаркадер петербургского вокзала, Моренгойм мысленно уже распрощался с дипломатической карьерой, а его воображение рисовало самые мрачные картины будущего. Однако, к своей неописуемой радости, он увидел,

---

* Речь шла о письме Талейрана Фоксу и ответе ему Фокса.

что цесаревич Александр Александрович отнёсся к происшествию с изрядной долей юмора. Карьера барона не прервалась, и он на дипломатическом поприще достиг «степеней известных».

Большой проблемой для дипломатов была своевременная и надёжная доставка добытых сведений в Центр. Курьерская почта работала медленно и нерегулярно, обычные почтовые конверты вскрывались местной контрразведкой, а надобность в срочном информировании Петербурга о важных событиях возникала довольно часто. Посол в Константинополе, бывший директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел генерал-адъютант Н. П. Игнатъев, прибег к необычному каналу связи: он стал направлять информацию обычной почтой и в грошовых конвертах, пролежавших некоторое время вместе с... селёдкой и мылом. Он заставлял своего лакея корявым почерком надписывать адрес на конверте не на имя министра иностранных дел России, а на имя его знакомого дворника или истопника в Петербурге. Турецкие перлюстраторы к таким письмам никакого интереса не проявляли.

К такой уловке граф Игнатъев стал прибегать ещё во времена своей работы военным агентом в Лондоне. Как-то получив письмо из Петербурга со следами вскрытия, он попросил экстренную встречу с главой Форин Оффис и стал упрекать британские спецслужбы в недозволенных приёмах. Министр иностранных дел Англии под «честное слово» стал отрицать причастность местных перлюстраторов к вскрытию письма Игнатъева, но русский военный агент припёр его неопровержимыми доказательствами к стенке и уличил его во лжи. Англичанину не оставалось ничего другого, как сказать:

— А что же я, по вашему мнению, должен был вам сказать? Неужели вы полагаете, что нам не интересно знать, что вам пишет ваш министр и что вы ему доносите про нас?

Довольно странным человеком был посол в Англии барон Филипп Иванович Бруннов, который вместе с графом А. Ф. Орловым, шефом корпуса жандармов, является автором известного Парижского соглашения,

подведшего итоги Крымской войны 1853—1856 годов. Барон, как пишет В. С. Пикуль, «обессмертил» своё имя тем, что во время придворных празднеств скрыл от всех кончину своей жены, а чтобы труп не разлагался, он целую неделю обкладывал его льдом, который сам и заготавливал. Этот помешавшийся на дипломатии человек никак не хотел омрачить торжества смертью своей дражайшей супруги.

Необыкновенное путешествие по Франции 1830 года совершил николаевский дипломат Фёдор Андреевич, он же Готгильф Теодор, Фабер (1768—1847)*. В 1825 году он попросил Нессельроде прикомандировать его к Парижскому посольству, которым тогда — с 1814 по 1834 год — управлял граф Поццо-ди-Борго (1764—1842). Фабер оказался очень полезным сотрудником графа, потому что, не объявляя себя русским дипломатом, он свободно разъезжал по стране как француз и собирал необходимые сведения из бесед со своими бывшими соотечественниками. «Я проехал Францию из конца в конец, — писал Фёдор Степанович, — и у меня ни разу не спросили паспорт; жандармы приближались ко мне исключительно ради того, чтобы засвидетельствовать своё почтение». Практически, Фабер исполнил роль разведчика-нелегала. Результатом «нелегальных» поездок по стране стала содержательная и глубокая по своим наблюдениям записка, в которой посол отобразил все политические, военные и социальные приметы французского общества накануне революции 1830 года.

Если верить русскому журналисту и литератору Н. И. Гречу (1787—1867), Ф. С. Фабер лично знал Наполеона в самом начале пути будущего императора. Он «обедал ежедневно, в течение нескольких месяцев, за общим столом, по двадцати су, с поручиком Наполеоном Буонопарте. “Итальянское ‘u’ в прозвище *Buonoparte* тогда ещё не стесняло его”, — говорил Фабер».

---

* Ф. А. Фабер родился в Риге, учился в Германии, воевал в революционной французской армии, с 1805 года состоял на русской службе, в 1813 году редактировал петербургскую газету «*Conservateur impartial*», с 1814 года — на дипломатической службе, работал в русских миссиях в Германии, в 1840 году вышел в отставку в чине статского советника. Автор многих книг и статей.

Граф К. В. Нессельроде слыл в Петербурге гурманом. Многие блюда той поры носили имя министра иностранных дел России: суп Нессельроде из репы, пудинг из каштанов, суфле из бекасов. «Из разных сведений, необходимых для хорошего дипломата, — писал Ф. Ф. Вигель, — усовершенствовал он себя только по одной части: познаниями в поваренном искусстве доходил он до изящества. Вот чем умел он тронуть сердце первого гастронома в Петербурге министра финансов Гурьева».

Первый секретарь французского посольства граф Рейзет оставил свои записки о встрече в 1852 году с русским министром иностранных дел:

«Шестого (18) ноября мы были вместе с генералом на большом официальном обеде у графа Нессельроде. Его приёмные комнаты, стены которых увешаны старинными картинами итальянской школы, были великолепны, обед был прекрасно сервирован. Шесть метрдоделей в коричневых сюртуках французского покроя со стального цвета пуговицами, в белых атласных жилетах и больших жабо, при шпаге, руководили лакеями, одетыми в пунцовые ливреи. В большом красном зале, против среднего окна, стояла огромная фарфоровая ваза, подаренная графу Нессельроде королём прусским.

Канцлер был старичок небольшого роста, очень живой и весёлый, в сущности очень эгоистичный и очень походил на Тьера*. Он был весьма воздержан, хотя любил хорошо поесть; до обеда, который был всегда изысканный, он ничего не ел, только выпивал поутру и в три часа дня по рюмке малаги с бисквитом. Он сам заказывал обед и знал, из чего делается каждое кушанье.

Однажды на маленьком интимном обеде у датского посланника барона Нессена, на котором я был вместе с графом Нессельроде, он обратил внимание на пюре из дичи и тотчас записал карандашом в свою записную книжку способ его приготовления. Этот рецепт был послан его повару, который хранил, как драгоценность, этот любопытный автограф».

Относительно повара министра был хорошо информирован другой его современник — В. П. Бурнашёв.

---

* Луи Адольф Тьер (1797—1877) — французский политический деятель, историк.

Он рассказывает, как однажды князь А. В. Долгоруков, тоже большой гурман, обедая у Нессельроде, сильно впечатлился гурьевской кашей и просил Карла Васильевича прислать к нему своего повара, чтобы тот выучил варить кашу его француза. Каково же было удивление князя, когда в присланном к нему поваре он узнал своего забытого крепостного Алёшку, когда-то отданного на выучку на кухню к Нессельроде. Алёшка уже носил звание «мосье Алексис, premier officier de bouche de son Excellence Mr le comte Nesselrode» — об этом торжественно доложил Алексею Васильевичу его французский камердинер! Сердце князя ревниво взыграло, чувства зависти и крепостника соединились в нём в злобный замес, и он приказал «мосье Алексису» остаться, пообещав ему платить порядочно, но всё-таки не так порядочно, как французу, которого он тут же прогнал прочь. С того дня отношения Нессельроде с Долгоруковым перестали быть сердечными. Интересно, у кого теперь хранятся собственноручные автографы министра с его рецептами?

Внук канцлера оставил такой портрет деда:

«Ему было 76 лет, но он казался на десяток лет моложе... Седые волосы, разделённые пробором, были ещё довольно густы. Бакенбарды обрамляли лицо, делая его более длинным, черты же резкими. Нос крупный, орлиный... взгляд одновременно пристальный и улыбающийся под круглыми стёклами очков в серебряной оправе. Уголки несколько великоватого рта во время беседы приподнимались в язвительной улыбке. Голос ясный, звонкий, вибрирующий и ещё молодой. Руки тонкие и очень ухоженные, хотя и имевшие следы частых приступов подагры. Ступня маленькая и красиво изогнута».

Граф Карл Васильевич рано ложился спать и рано вставал и не увлекался никакими излишествами. Никогда не курил и не выносил табачного запаха и дыма. Всю жизнь имел прекрасный аппетит и здоровый желудок. Знал толк в кушаньях и винах, за модой не следовал, «показывая уважение к ушедшему времени». По натуре был общителен, любил компании и дамское общество, был завсегдаем салона императрицы Александры Фёдо-

ровны. Устраивал и у себя музыкальные вечера, на которых блистала его племянница Мария, даровитая пианистка, ставшая известной в Европе под именем Калержи. Нессельроде любил музыку, предпочитал слушать итальянские и немецкие оперы, но на спектаклях часто засыпал под убаюкивающую музыку оркестра рядом с министром двора графом А. В. Адлербергом (1818—1888).

Главный дипломат России увлекался цветоводством, обладал прекрасной оранжереей, в которой находилась гордость его коллекции — редкие камелии. Выращивал он и фрукты к столу, и овощи, и любил удивить ими гостей. Не будучи русским дворянином, упорно стремился к получению княжеского титула (как Меттерних!), но ограничился титулом графа.

Укрепить своё положение в русском обществе ему сильно помогла женитьба в 1812 году на дочери влиятельного министра финансов Д. А. Гурьева, «изобретателя» *гурьевской* каши. Супруга Мария Дмитриевна была женщина полная и высокая, и Карл Васильевич казался при ней «карманным» мужем. Но брак был счастлив, они нежно любили друг друга и своих детей Дмитрия, Елену и Марию.

К. В. Нессельроде, кажется, умело совмещал личные интересы с государственными. В 1832 году в Петербург прибыл новый посол США Дж. Бьюкенен, добивавшийся заключения с Россией торгового договора и проникновения американских торговых судов в Чёрное море. Посол заручился поддержкой русской дипломатии в деле оказания соответствующего давления на турок, не пускавших американцев через Босфор и Дарданеллы, а вот с торговым соглашением Петербург тянул и не давал определённого ответа.

Граф Нессельроде подсказал Бьюкенену, как нужно делать дела в России: нужно приурочить подписание договора к именинам Николая I. И правда: дело быстро сдвинулось с места, и соглашение было заключено. С чего бы Нессельроде так благоволил русско-американскому торговому договору? Очень просто: у графа в южных губерниях было 20 тысяч овец, и в случае проникновения американцев в Чёрное море представлялась хорошая возможность сбыта шерсти.

Но оставим высокопоставленного графа, которому здесь и так посвящено много места. Приблизимся к рядовым сотрудникам дипломатической службы. Их жизнь была ещё больше наполнена всякими курьёзами.

В 1880-е годы в Афинской миссии секретарём работал некто Комаров, прославившийся «подвигом», после которого его стали звать «дипломатическим Ноздрёвым». В его бытность скончался посланник, и ему поручили доставить гроб с останками бывшего начальника в Петербург. Путешествие длинное, скучное и утомительное, но на пути была Вена, столица венского вальса, кафешантанов, игорных клубов и прочих удовольствий. После пыльных и жарких Афин Вена показалась Комарову земным раем, и он пустился во все тяжкие. Когда нужно было продолжить свой путь, он обнаружил, что проиграл все деньги. Прошло некоторое время, прежде чем на помощь дипломату пришли родственники умершего. Они ссудили его некоторой суммой денег, но потребовали залог — гроб с телом покойного посланника. В Министерстве иностранных дел случился страшный скандал, но дело «дипломатического Ноздрёва» занял влиятельный граф П. Шувалов, посол России в Берлине, которому Комаров приходился каким-то дальним родственником.

Соловьёв в своих мемуарах отмечает, что между дипломатами и военными агентами (ныне — военные атташе) в миссиях часто существовали натянутые отношения — проявление зловредной отчуждённости между двумя бюрократиями царской России. На пользу это нигде не шло. Ярким примером тому является миссия России в Токио, в которой посол А. П. Извольский находился буквально на ножах с военным агентом П. С. Ванновским. У всех на устах был скандал между военным агентом в Берлине князем Долгоруким и послом графом Шуваловым. Проиграл князь Долгорукий и был вынужден покинуть посольство. В Сеуле произошла дуэль между дипломатом А. И. Павловым и военным агентом фон Раабеном. Впрочем, причиной дуэли послужили не ведомственные разногласия, а ревность одного из её участников к своей супруге.

А вот рассказ о том, как дипломатическая вежливость едва не стоила человеку, её проявлявшую, самой жизни.

Во время первой русской революции 1905 года обстановка в Польше была такой же напряжённой, как и в России. Объявлено военное положение, и генерал-губернатор Скалон, чтобы избежать покушений со стороны польских террористов, должен был принимать особые меры безопасности. Передвижение по улицам Варшавы было ограничено, в связи с чем со стороны австро-венгерского генерального консула Угрона поступила жалоба: какой-то военный чин нанёс ему оскорбление. В соответствии с предписаниями из Петербурга генерал-губернатор должен был принести Угрону официальные извинения. Скалон скрепя сердце нанёс визит консулу и выполнил свою неприятную миссию.

Революционеры решили воспользоваться петербургской дипломатической инструкцией в собственных целях, создав для Скалона искусственную ситуацию, в которой генерал-губернатору снова пришлось бы приносить извинения какому-нибудь консульскому чиновнику.

Некоторое время спустя некто в русской военной форме подошёл на улице к германскому вице-консулу фон Лерхенфельду и дал ему пощёчину. Скалону пришлось ехать извиняться в германское консульство по единственной доступной дороге, поскольку другая из-за ремонта мостовой была для проезда закрыта. Расчёт оказался верным. Когда губернаторская карета проезжала по улице, из окон одного дома на неё бросили бомбу. Скалон отделался контузией головы, но двое казаков из его конвоя были убиты.

Ещё один печальный случай.

Лерхенфельд, женатый на племяннице супруги известного барона Штакельберга, удостоившегося благодаря своему бездарному командованию тридцатитысячным отрядом близ станции Вафангоу в июне 1904 года клички «генерал с коровой», накануне Первой мировой войны попал в другую неприятную ситуацию. Будучи германским консулом в Ковно, он был заподозрен в шпионской деятельности и на долгое время попал в

тюрьму, подвергшись одиночному заключению. Судя по всему, Лерхенфельд перенёс русско-литовскую тюрьму вполне сносно, чего никак нельзя было сказать о бедном русском консуле З. П. Поляновском, подвергшемся ответным репрессивным мерам германских властей. Он на всю жизнь остался нервнобольным человеком. Очевидно, Лерхенфельд всё-таки на самом деле был шпионом: сознание заслуженного наказания, вероятно, помогает сносить все его тяжести.

Как мы упоминали выше, методическое «освоение» Индии русской дипломатией фактически началось с учреждения в Бомбее российского генконсульства в 1899 году. В описываемое нами время Восток вообще, а Индия в частности были терра инкогнита для большинства дипломатов. Об Индии на Певческом Мосту тогда знали всё ещё очень мало. Когда спустя 15 лет генконсул К. Д. Набоков сообщил в Центр, что членом английской делегации на международной конференции будет английский резидент из Сиккима (тогда протекторат Англии), то в Дальневосточном отделе МИД это сообщение размножили и разослали по заинтересованным посольствам и миссиям. Только в телеграмме уже говорилось, что членом английской делегации на этой конференции будет *мистер Сиккимин*.

Во время англо-русской напряжённости вокруг Тибета посол в Лондоне Бенкендорф страшно удивился, обнаружив, что Лхаса находилась на значительном удалении от российских границ, — открытие, которое несколько поколебало его убеждённость в необходимости демарша, который он готовился предпринять в отношении англичан.

Об «этнографической безграмотности» царских дипломатов свидетельствует следующий эпизод, описываемый вице-консулом в Индии Л. Х. Ревелиотти. Во время своей командировки он получил известие о смерти бабушки жены и стал носить траур. Встретив японского генконсула Хирата, он рассказал ему об этом и был страшно удивлён и оскорблён, когда японец в ответ стал громко смеяться. Когда же он спросил коллегу, что тот нашёл смешного в трауре, Хирата пояснил, что

у японцев принято встречать известие о смерти своих близких смехом:

— Извините, если я вас обидел.

Кстати о тибетцах. Драгоман русского генконсульства в Индии Н. З. Бравин предоставил в помещении учреждения приют каким-то тибетцам, которые с точки зрения местных колониальных властей считались лицами неблагонадёжными. Естественно, это было грубым нарушением дипломатического статуса генконсульства, и англичане потребовали отозвать Бравина. Драгомана перевели в консульство в Абиссинии, но скоро выяснилось, что он в отместку вице-консулу Ревелиотти перевёл на себя всю частную корреспонденцию и векселя. В результате все письма, которые направлялись в генконсульство, не попадали в руки адресатам, а генконсульство два месяца сидело без денег*.

А вот курьёзный и трагический случай одновременно.

Русским посланником в Сербии на момент убийства австрийского эрцгерцога Фердинанда в Сараеве был Н. Г. Гартвиг. До Сербии он был послом в Персии и энергично выступал за то, чтобы Россия более активно, в пику Англии, действовала на Среднем Востоке. Он заведовал также Азиатским департаментом и был русским патриотом, всем сердцем желая своему отечеству добра. Он мало способствовал умиротворению возбуждённых сербов после сараевского убийства — скорее наоборот: вопреки указаниям министра иностранных дел С. Д. Сазонова, он выступал в первых рядах местного ура-патриотического движения и налево и направо от имени России раздавал сербскому правительству необоснованные авансы. Тучный мужчина, представлявший живую карикатуру на капиталиста из броских агиток поэта Маяковского, и пыхтящий, как паровоз,

---

* Николай Захарович Бравин, еврей по национальности, был одним из немногих служащих Министерства иностранных дел, перешедших на службу к советской власти. Он был обласкан Троцким, назначен послом в Тегеран, а в 1920 году работал в Кабуле. Крайне тяжёлым человеком и придирой считали Бравина все знавшие его консульские чиновники. По мнению Чиркина, это озлобленный на весь мир тип, считавший, что его недооценивают и незаслуженно держат в «чёрном теле». В Абиссинии он также рассорился с резидентом Чемерзиным.

наш посланник страдал одышкой. Его бесформенную фигуру часто было можно видеть на каком-нибудь курорте, куда он приезжал, чтобы сбросить лишний вес. Посол, тем не менее, обладал неиссякаемой энергией и был пламенным панславистом.

Впрочем, после сараевского покушения Гартвиг на какое-то время занял сдержанную позицию. Австрийский посол Владимир Гизль фон Гизлинген даже полагал, что русский посланник окажет положительное влияние на сербское правительство и заставит его принять условия австрийского ультиматума.

Десятого июля Н. Гартвиг неожиданно появился в резиденции своего австрийского коллеги. Фон Гизлинген только что возвратился из Вены, куда он выезжал для консультаций с министром иностранных дел Берхтольдом, и очень удивился этому визиту. Как вспоминал потом австриец, Гартвиг был чрезвычайно взволнован и сильно нервничал. Цель его визита для него так и осталась неясной.

Русский начал якобы с того, что стал опровергать циркулировавшие по Белграду слухи о том, что он якобы не выразил сочувствие к убиенному эрцгерцогу, что в связи с объявленным трауром не спустил на полмачты российский флаг и что он не был на поминальной панихиде в церкви. Гизлинген успокоил его и сказал, что всё это клевета, что он лично не верит ей, и стал ждать, что будет дальше.

А дальше произошло нечто из ряда вон выходящее: Гартвиг упал в кресло, а потом свалился на пол и перестал дышать. Гизлинген опустился на колени и приложил голову к груди гостя — тот не дышал, и сердце его не билось. Хозяин похолодел. Хорошенькая ситуация: посол в общем-то враждебной страны отдал Богу душу в его апартаментах и в такое «удачное» время, когда вся Сербия находилась в страшном возбуждении!

Он вызвал доктора, тот констатировал смерть. Потом позвонил Людмиле Гартвиг, дочери скончавшегося. Русская миссия находилась неподалёку от австрийской, и Людмила явилась очень быстро. Дочь Гартвига, не скрывая своих подозрений, потребовала показать ей окурки сигарет, которые только что выкурил её отец. Потом

она заметалась по комнате и стала нюхать все бутылки и пузырьки, какие только были в кабинете у австрийца. Соболезнования Гизлингена и его супруги она не приняла, заявив, что не намерена выслушивать «австрийские сожаления». К вечеру в Белграде распространились слухи, что австрийский посол, прикрываясь дипломатической неприкосновенностью, отравил русского посланника, истинного друга сербов. Сербский посол в Петербурге заявил, что сербский народ желает похоронить тело Гартвига в своей земле. Похороны посла могли превратиться в массовую манифестацию ненависти сербов к Австро-Венгрии.

Впоследствии Гизлинген говорил, что смерть Гартвига, возможно, лишила Европу шанса сохранить мир. По мнению австрийского посла, Гартвиг мог бы повлиять на решение сербского правительства, заставить его принять ультиматум и тем самым выбить у Вены почву из-под ног для развязывания войны.

Полагаем, что Гизлинген переоценивал возможности Гартвига и недооценивал агрессивность собственного правительства. Даже если бы сербы и приняли условия ультиматума, австрийские «ястребы» всё равно нашли бы предлог, для того чтобы придраться к Сербии. Механизм войны был уже запущен, и остановить его в Белграде, Петербурге или Париже уже было невозможно. Ключи к миру находились в Берлине.

...В Мадриде накануне войны появился некто Дурасов. Затратив много денег, он добился того, что получил от какого-то специалиста по генеалогии родословное древо, дающее ему право на испанский титул принца Анжуйского, а именно: герцога Дураццкого. Для «слишком грамотных» читателей сообщаем, что фамилия герцога пишется именно с двойным «ц», хотя у автора тоже чесались руки одно «ц» убрать. Эта фамилия ни к фамилии Дурасова, ни к известному русскому слову отношения не имеет, а происходит от названия албанского порта Дураццо. Уж не известно, специально ли Дурасов остановился на «дурацком герцоге» (здесь тоже написано правильно), но, согласитесь, история вышла почище тех, что происходят с покупкой дворянских титулов нашими новорусскими «благородных» кровей.

Итак, Дурасов появился в испанской столице и посетил Министерство юстиции, где внёс ещё 30 тысяч песет за своё «восстановление в правах» на указанные титулы. Став герцогом Дурацким и наследником титула принца Анжуйского, Дурасов мог называться... кузеном короля! По этому случаю новоявленный принц Анжуйский обратился в русское посольство с просьбой посодействовать в устройстве ему аудиенции у короля Альфонса XIII. Формальных оснований для отказа в его просьбе у дипломатов не было, и они по своим каналам сделали в испанский двор запрос. Но король принять русского «кузена» категорически отказался. На вопрос к гофмаршалу, чем это объясняется, испанец дал несколько неожиданный ответ:

— Мы за Дурасовым титулы признали, но никогда не думали, что он приедет в Мадрид.

Спекулировать титулами, оказывается, было можно, а принимать в королевском дворце — извините!

В посольстве в Мадриде работал ещё один замечательный человек, который, по словам Кузнецова, приобрёл в своё время большую известность как писатель, нежели дипломат — Ю. А. Колемин. Выше мы описывали роль религии в повседневной жизни дипломатов. Ю. А. Колемин, закончивший царскую службу на посту секретаря посольства в Париже, отличался особой религиозностью. В бытность свою в Мадриде он обратился в православие высокопоставленного офицера испанского Генерального штаба по имени Гарсия Руи-Перес. Во время бесед с испанцем наш дипломат штудировал тексты православного богослужения, а также произведения известного славянофила и философа А. С. Хомякова (1804—1860), которые он специально переводил на испанский язык. Случай этот не имеет аналогов ни в католической Испании, ни за её пределами.

Ничто человеческое царским дипломатам не было чуждо. Любовные истории, супружеские измены — довольно частые явления в их жизни, и назвать их курьёзами вряд ли можно. Правда, в этой серии бытовых явлений особняком стоит дело посла в Пекине, нашего хорошего знакомого, И. Я. Коростовца, сбежавшего со своего поста и от семьи с шестнадцатилетней дочерью

директора французской таможни. Л. Х. Ревелиотти пишет, что «это был самый сенсационный скандал в дипломатической сфере».

Нечасто в своей жизни дипломату удаётся стать участником такого события, как акт об объявлении войны. По всей видимости, война 1914 года была чуть ли не последней, когда правительства воюющих стран прибегли к такой ненужной «формальности». Наша цивилизация так далеко шагнула вперёд, что войны начинаются теперь без всякого объявления.

Министру иностранных дел Сазонову «посчастливилось» принять, а германскому послу Ф. Пурталесу — вручить германскую ноту с объявлением войны России. И министр, и посол повели себя в этой ситуации нестандартно. Пурталес, выходец из богатой французской гугенотской семьи и большой патриот Пруссии, накануне уже был у Сазонова и вручил ему ультимативное требование прекратить мобилизацию русской армии. Теперь он пришёл за ответом. Сазонов был вынужден повторить, что Россия своего решения не отменит. Тогда граф достал документ и повторил свой вопрос в третий раз. Сазонов в третий раз сказал, что никакого другого ответа у него нет.

— В таком случае, — сказал дрожащим голосом Пурталес, — от имени своего правительства я уполномочен передать вот эту ноту.

Дрожащей рукой он передал министру документ. В ноте содержалось объявление войны России. По недосмотру посла в ней содержались два варианта текста, но Сазонов сразу не обратил на это внимания — слишком драматичной была ситуация, да и сам текст ноты показался министру «мягким».

После этого посол подошёл к окну, прислонился к подоконнику и со слезами на глазах произнёс:

— Кто мог предугадать, что мне придётся покидать Петербург при таких обстоятельствах!

— Проклятие наций будет на вас, — сказал Сазонов.

— Мы защищаем свою честь, — едва сдерживая рыдания, произнёс Пурталес.

Сазонову стало по-человечески жалко коллегу, он подошёл к нему, и «коллеги» обнялись. После этого по-

сол неровной походкой вышел из кабинета. 2 августа германское посольство покинуло столицу России. В отличие от отъезда нашего посла С. Н. Свербеева, подвергшегося нападкам уличной толпы, отъезд Ф. Пурталеса и его персонала прошёл совершенно спокойно. Бесчинства толпы у германского посольства начались позже.

Перечень дипломатических курьёзов можно было бы продолжить...

Глава девятая
Дипломаты идут в народ

*Легко народам править,
если он
Одною общей страстью
увлечён.*

М. Ю. Лермонтов

Дипломатия и общественное мнение страны пребывания — как они должны соотноситься между собой? Может ли, к примеру, дипломат защищать честь и достоинство своей страны, апеллируя к средствам массовой информации страны своего пребывания? Существует непреложное правило, согласно которому дипломат не имеет права вмешиваться во внутренние дела страны, в которой он работает. Как правило, только дипломатическое представительство или правительство дипломата может сделать это официально, используя своё право дипломатического демарша или протеста.

В конце XIX века американский путешественник Джордж Кеннан совершил путешествие по Сибири и, вернувшись домой, выступил с серией клеветнических статей о России. Теодор Рузвельт, тогда ещё член *Civil Service Commission*, посоветовал секретарю русской миссии П. С. Боткину выступить в некоторых американских газетах с опровержениями. Но поскольку Кеннан не унимался, Рузвельт, советовавший русскому дипломату отвечать противнику его же оружием, порекомен-

довал осуществить целое турне по США с лекциями о России. Когда Боткин пришёл к посланнику Г. Л. Кантакузену (1843—1902), тот встретил его возмущённой тирадой:

— Что с вами? Ваши успехи вскружили вам голову? Вы что воображаете? Вы — Аделина Патти? Баттистини? Падеревский*? Нет, до этого ещё не дошло, чтобы дипломаты выступали на подмостках с волшебными фонарями! Нет!

Конечно, времена менялись, но и сейчас турне, о котором говорил Боткин своему начальнику, вряд ли было бы мыслимо — правда, уже по другой причине: власти страны такое турне просто бы не разрешили. А тогда США не были ещё тоталитарной демократией, и выступление дипломата «на подмостках с волшебными фонарями» было вполне возможно. Этой возможностью, как читатель уже видел в предыдущей главе, в 1905 году мастерски воспользовался С. Ю. Витте.

Роль общественного мнения для дипломатии и для благоденствия страны вообще отмечал ещё А. М. Горчаков. Нет ничего опаснее и губительнее, говорил он, равнодушия и апатии общественного мнения. И в первую очередь имел в виду общественное мнение России. Канцлер и министр Горчаков любил эффекты и, как человек, хорошо знакомый с системой западного парламентаризма, временами нарочито подчёркивал свои симпатии к «народному голосу». Один из его современников оставил интересный рассказ на этот счёт.

Одновременно с просьбой раскольников принять депутацию беспоповцев пришла бумага от английского посла о назначении ему часа для словесных объяснений по случаю полученных им от своего правительства предписаний. Князь Горчаков назначил для обоих два часа пополудни в один и тот же день. Тут была разыграна маленькая комедия. Ровно в два часа князь вышел к беспоповцам и в разговоре сообщил им, что государь

---

* *Аделина Патти* (1843—1919) — итальянская певица, *Маттиа Баттистини* (1856—1928) — итальянский оперный певец, *Игнацы Ян Падеревский* (1860—1941) — польский пианист, композитор и политический деятель.

милостиво примет их и что верноподданные чувства приносят отраду его отеческому сердцу. Как вдруг стремительно вбегает дежурный секретарь и торопливо докладывает, что посол Великобритании приехал и просит аудиенции. Горчаков высокомерным тоном прерывает секретаря: «Когда я говорю с русским народом, посол Великобритании может подождать». Оставшись с раскольниками, ещё несколько минут он говорил о том, как силен и непобедим русский царь, пользующийся любовью своих подданных; затем сказал, чтобы они подождали его возвращения, и перешёл в гостиную для приёма посла. Оказалось, целью посещения посла было сделать заявление, что Англия из гуманности считает своим долгом вступить за жестоко преследуемых раскольников-беспоповцев. Князь Горчаков с насмешливым видом пригласил посла следовать за ним, чтобы доставить ему удовольствие передать своему правительству сообщение, которое он услышит от угнетённых раскольников.

Горчаков был достаточно проницателен, чтобы по достоинству оценить лицемерие Европы, уже тогда начавшей с Россией игру в демократию, а потому не хуже англичан усвоил правила игры в гуманность и народность. Недаром его на Руси справедливо считали либералом. По пути из Петербурга в Москву на коронацию Александра II он высказывал императору мысль о необходимости отменить крепостное право. Позже он справедливо говорил, что Россия не может играть активной роли во внешней политике, если внутри страны разорение и неурядицы.

О том, как умело работал с журналистами и общественностью С. Ю. Витте, мы уже упоминали выше. Коростовец пишет, как вышедший на пенсию опытный дипломат старой школы граф А. П. Кассини и представить себе даже не мог, чтобы так можно было работать на дипломатическом поприще. Кассини, человек большого и тонкого ума, слегка циничный, будучи послом в Вашингтоне, так и не смог ужиться в «грубых и варварских» Соединённых Штатах, поддерживая контакт исключительно с избранными «четырьмястами семействами» Америки. Он был страшно удивлён и шо-

кирован, но одновременно как-то обескуражен тем, что недипломат Витте отлично адаптировался среди американцев и уверенно провёл сложные переговоры о мире с японцами.

Некоторые шаги по оживлению связи Министерства иностранных дел с общественностью в 1906 году предпринял министр А. П. Извольский. Вступивший в должность после первой русской революции и в момент созыва Государственной думы А. П. Извольский решил «проветрить» затхлые авгиевы конюшни Гирса и Ламздорфа и, будучи приверженцем Запада, много надежд и упований возложил на живое общение дипломатии с российским обществом и на роль в этом деле Бюро печати, аналога нынешнего пресс-отдела, которое нужно было развернуть из бывшей Газетной экспедиции МИД. Извольский сам когда-то начинал карьеру в Газетной экспедиции и поэтому придавал ей особое значение. Как пишет Соловьёв и как часто случается с русскими реформаторами, Извольский задался целью проводить личную политику и «перевернуть» всё министерство, но это ему удалось «в весьма малой степени». Ведь не собирався же он устранить от внешних дел Николая II.

Во главе Бюро печати Извольский поставил А. А. Гирса, директора Санкт-Петербургского телеграфного агентства, которого в 1908 году сменил уже известный нам Ю. Я. Соловьёв. Последнему надоела работа за границей, и он принял предложение поработать в Бюро печати. Как выяснилось позже, решение это оказалось опрометчивым, работать в непосредственной близости к министру оказалось не так просто, как представлялось на расстоянии. Извольский к этому времени уже потерял чувство меры и стал проводить личную политику, стремясь во что бы то ни стало ознаменовать своё пребывание на посту министра иностранных дел блестящими успехами в международных делах. Кончилось всё это крахом и оглушительным поражением России на Балканах.

В обязанности управляющего Бюро входили редактирование ежедневного выпуска «Обзора печати» и работа с корреспондентами русских и иностранных газет и журналов. На каждый иностранный печатный орган

в Бюро печати заводи́ли учётную карточку, в которую заносили сведения о политической направленности органа, его сотрудниках и характеристики на них. Сведения регулярно доставлялись из посольств и миссий.

С иностранными газетчиками Соловьёв встречался на ежемесячных обедах во Французской гостинице. С журналистами — даже русскими — нужно было держать ухо востро. Прокол получился в первые же дни с журналистом «Нового времени» А. А. Пиленко. В своё время Пиленко занял благожелательную по отношению к Соловьёву позицию в цетинском конфликте, так что он принял его у себя в кабинете как хорошего знакомого. Юрий Яковлевич был уверен, что Пиленко зашёл к нему отнюдь не для того, чтобы брать интервью, а просто встретиться и поговорить. Соловьёв в беседе с ним высказал некоторые соображения, касавшиеся большой политики и расходившиеся с германофобской позицией А. П. Извольского, а также А. А. Гирса, хоть и вернувшегося в своё агентство, но продолжавшего активно вмешиваться в работу Бюро печати.

Результаты приёма Пиленко не замедлили сказаться. Через два дня к Соловьёву в неурочное время явился курьер от Извольского и передал ему указание срочно явиться к министру «на ковёр». Извольский встретил Соловьёва с гранками «Нового времени» в руках, содержащими интервью Пиленко с управляющим Бюро печати МИД. Интервью успел перехватить Гирс и немедленно сообщил об этом Извольскому. Как пишет Соловьёв, между ним и министром разыгралась тяжёлая сцена. Александр Петрович обвинил Юрия Яковлевича в том, что тот «пошёл вразрез с политикой министра» и что управляющий Бюро «эту политику компрометирует». Положение спас вошедший в кабинет министра курьер, объявивший, что пришёл английский посол. Соловьёв воспользовался этим, откланялся и выбежал от Извольского как ошпаренный. Первая мысль была бросить всё к чёрту и попроситься на загранработу.

В тот же вечер Соловьёв заехал к владельцу «Нового времени» старику Суворину, чтобы предупредить его против пагубного курса, занятого его газетой в отношении Германии. Постоянная травля Германии и наусь-

кивание общественного мнения против немцев тоже способствовали, по мнению Соловьёва, развязыванию войны. Затем он пожаловался на предательский приём Пиленко. Суворин отделался отговорками, что в дела иностранного отдела газеты не вмешивается, а что касается международной политики, то старик твёрдо держался своих взглядов о «жёлтой опасности» на Востоке, а о тевтонской — на Западе. Стало ясно, что сговориться с «Новым временем» не удастся.

Подумав, Юрий Яковлевич решил пока добровольно с поста управляющего не уходить. Впредь пришлось соблюдать осторожность и предусмотрительность и в отношении журналистов, и своих коллег. Известную поддержку он нашёл в лице товарища министра Н. В. Чарыкова, человека разумного и вполне порядочного. К этому времени — после неудачных переговоров в Бухлау — и положение министра стало неустойчивым, ему грозила отставка, так что своей личной политики он уже больше не проводил. Австро-Венгрия в одностороннем порядке присоединила к себе Боснию и Герцеговину, а Россия осталась на Босфоре у разбитого корыта.

К выпуску обзора прессы Соловьёв привлекал дипломатов, находившихся в Петербурге в отпуске и всеми способами старавшимися продлить его. Пока решали вопрос о продлении отпуска, их прикомандировывали к Бюро печати, так что недостатка в сотрудниках у Соловьёва не было: вместо полагавшихся четырёх-пяти сотрудников он довёл штаты бюро до двенадцати человек. Можно было поручать обработку иностранной прессы дипломату, имевшему опыт работы в данной стране. Обзор печати сдавался А. П. Извольскому в 16.00. Министр, следует признать, знакомился с ним довольно основательно. Пришедший ему на смену Д. С. Сазонов уделял прессе значительно меньше внимания, и на доклады к нему Ю. Я. Соловьёв ходил довольно редко. Часто известия о событиях доходили через прессу раньше, чем о них докладывали начальники политических отделов. Последние были недовольны этим и высказывали Соловьёву своё неодобрение. Русская пресса изобиловала критическими статьями как в адрес Министерства иностранных дел, так и правительства, так что тут ра-

боты хватало. Извольский перед каждым докладом царю требовал свежих материалов, и иногда их случалось вставлять в обзоры впопыхах, перед самым отъездом министра в Царское Село.

В целом же опыт общения МИД с русской общественностью через прессу можно назвать вполне продуктивным и полезным для обеих сторон.

Глава десятая
Досуг дипломатов

*Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два этих ремесла
Есть тьма искусников.
Я не из их числа.*

А. С. Грибоедов

Досуг дипломатов александро-николаевской эпохи (первой половины XIX века) определялся преимущественно их социальным статусом. Дипломатия была тогда ещё недоступна разночинным элементам и являлась уделом не просто дворянства, а исключительно богатой и знатной его прослойки, то есть так называемого высшего общества России.

В пушкинские времена такие дипломаты, как Пётр Иванович Полетика (1778—1849) и Дмитрий Петрович Северин (1792—1865), предпочитали проводить свой досуг в литературном обществе «Арзамас» — это было и модно, и престижно. Первый получил у арзамасцев кличку «Очарованный Чёлн», а второй — «Резвый Кот». О «Резвом Коте» язвительный Вигель оставил нам нелестную характеристику:

«...Это было удивительное слияние дерзости с подлостью; но надобно признаться — никогда ещё не видал я холопство, облечённое в столь щеголеватые и благородные формы».

И ещё: «...Этот ныне старый тощий кот был тогда ласков, по крайней мере, с приятелями и про них держал в

запасе когти, но не выпускал их, и в самих манерах имел ещё игривость котёнка».

Северин был товарищем П. А. Вяземского (1792—1878) по иезуитскому пансиону, к нему почему-то благоволил В. А. Жуковский (1783—1852), напечатавший, по словам Вигеля, чью-то басенку под его именем, а потому двери «Арзамаса» были для него открыты.

За границей русские дворяне вели себя более свободно, если не разнузданно, нежели у себя на родине. (Впрочем, эта черта русского человека проявляется и в наши дни.) Многие, чтобы удивить Европу широтой русской натуры, пускались в разгул и пьянство, другие увлекались картами и рулеткой, «просаживая» за карточными столами целые состояния, а третьи напропалую пускались в амурные истории. Разрушались семьи, ломались судьбы, страдало дело, но тогдашнее начальство смотрело на всё это «скрозь» пальцы. Понятие о дисциплине, уважение этических и профессиональных условностей, корпоративный дух ещё только приобретались.

Сын нашего историка Н. М. Карамзина, попавший в конце 1830-х годов в легкомысленный Париж, в ответ на упреки своей целомудренной сестры Софьи Николаевны, пишет ей о том, что его общение там для него было возможно либо в кругу «умственно опустившейся посольской молодёжи, с утра играющей в клубах, возящейся с дрянными любовницами и закосневшей в Париже, как в глуши саратовской», либо в обществе «остроумной и одарённой женщины», каковой он считал супругу русского дипломата Н. М. Смирнова, потомка петровского солдата Бухвостова, Александру Осиповну Смирнову-Россет.

О ней А. С. Пушкин оставил ироничное и двусмысленное четверостишие:

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти
Те, те, те и те, те, те.

Удостоили её своим вниманием и обожанием и В. А. Жуковский, по язвительному выражению совре-

менника, готовый содрать собственную кожу для изготовления тёплых галош для Александры Осиповны, дабы она не могла замочить своих ножек, и В. Туманский, и П. А. Вяземский, ценивший в ней ум и красоту, и М. Ю. Лермонтов, желавший сказать ей так много, но так и не сказавший ничего.

Судя по воспоминаниям современников, работы в посольствах и миссиях тогда было не так уж и много. Вот как описывает свой рабочий день упомянутый выше 2-й секретарь посольства в Париже и протеже Нессельроде Н. Д. Киселёв (1800—1869): «Мне нечего делать, кроме двух часов работы в день. В три я иду гулять, захожу в клуб на час времени, возвращаюсь домой в пять часов. До обеда я читаю, в одиннадцать ложусь спать». От скуки он заводит себе любовницу.

Более развитые в нравственном отношении дипломаты принимаются за изучение местного языка, истории и культуры страны пребывания, но это лишь исключения из основной массы дипломатов. П. Сухтелен, посланник в Стокгольме, узнав о том, что один дипломат, работавший в Швейцарии, от скуки нанимал себе учителя немецкого языка, сказал ему:

— Э, милый, поверьте мне, самое лучшее — взять любовницу.

Данный совет вряд ли, однако, пригодился бы для Александра Антоновича де Бальмена, русского комиссара шотландского происхождения, назначенного Александром I в состав международного комиссариата на остров Святой Елены для охраны сосланного туда Наполеона. В данном случае граф Нессельроде проявил примерную бдительность и щепетильность и запретил де Бальмену брать с собой на остров французскую любовницу — нельзя было позорить честь русской дипломатии перед высокопоставленным узником. Париж или Лондон — это другое дело, там всё можно, но на Святой Елене — ни-ни!

Скоро общество единственного на острове русского — лакея Тишки — и коллег-союзников австрийского барона Штюрмера, французского маркиза де Моншеню и английского губернатора Лоу российскому дипломату, мягко говоря, наскучило, и он решил... жениться.

Выбирать на Святой Елене было не из кого, и он сделал предложение шестнадцатилетней падчерице английского губернатора Сюзанне Джонсон.

Кстати, что касается общения дипломатов со своими слугами: из-за отсутствия общества де Бальмену, настоящему денди, волей-неволей пришлось довольствоваться беседами с Тишкой, и между ними установились своеобразные панибратские отношения. Дополним исторический роман М. Алданова справкой: полковник де Бальмен, согласно формулярному списку МИД, направлялся на остров Святой Елены дважды: первая его командировка длилась с сентября 1813 года по ноябрь 1819 года, а потом он был отозван обратно в Петербург, чтобы два года спустя снова поехать на злосчастный остров. На 1828 год — год увольнения из Министерства иностранных дел — в его семейном положении указано «вдов». Что случилось с его молодой английской женой, не известно.

Но вернёмся к Н. М. Смирнову. Он служил первым секретарём в русском посольстве в Берлине (30-е годы XIX столетия). Чем же занималась его умная, красивая и проницательная супруга, пока муж «трудился» на дипломатическом поприще? «О, я очень веселилась... — признаётся она на страницах своих фривольных воспоминаний. — Были сплошные праздники, концерты и живые картины, и я всюду фигурировала... Я каталась там, как сыр в масле. Смирнов уходил с утра в канцелярию, потом в клуб и приходил к обеду, а я каталась с детьми и часто ездила в Шарлоттенбург, там стоял драгунский полк, и Каниц очень любил детей. У него была обезьяна, и дети, садясь в карету, говорили:

— Каниц, вау-вау».

«Каниц-Вау-Вау» был прусский драгунский офицер, ухаживавший за Смирновой. Остроумная, образованная и одарённая женщина, Смирнова-Россет переживала за границей одно романтическое увлечение за другим. В числе её близких поклонников там был и скучающий сотрудник посольства в Париже граф Н. Д. Киселёв, и Н. В. Гоголь, и другие русские знаменитости, благо своего мужа она не любила, а тот, кажется, платил ей взаимностью. Вместе со своим начальником, посланником

А. И. Рибопьером (1781—1865), удостоившимся клички «Паша́» и «Любопёр», Николай Михайлович Смирнов делил одну и ту же любовницу — местную артисточку Хаген. Его страстью стали также рулетка и карты, и, отдыхая от трудов праведных на водах в Баден-Бадене, он с утра до поздней ночи проводил время в игорных залах*. Жена его тоже «фигурировала» и вела рассеянный образ жизни, принимала поклонников, беседовала с ними на «умные» темы, пила «кофий» и курила папиросы.

Флирт, кокетство, супружеские измены, разводы были знаменем времени, легкомыслие и ветренность носились в воздухе. Известная княгиня Дарья Христофоровна Ливен, супруга посла в Англии, любовница канцлера Меттерниха, имела в Англии любовником герцога Сазерлэнда, младше её на шесть лет, и прижила с ним двух внебрачных сыновей. На все эти эскапады петербургское начальство закрывало глаза, потому что Дарья Христофоровна приятное сочетала с полезным и приносила от своих любовников в «клювике» важную политическую информацию.

Вот какие приглашения в 1830-х годах во время отдыха на водах в Баден-Бадене рассылала на приём А. О. Смирнова-Россет, диктуя их своему приятелю и попутно давая приглашаемым характеристики:

господину де-Бакур, французскому экс-посланнику в Америке, откуда он вернулся с больным желудком и посажен на диету (курица с рисом). Господину барону Антонини, неаполитанскому экс-посланнику в Берлине. Господину и госпоже Зеа Бермудес, экс-посланнику в Испании. Господину гранд-коррихидору Мадрида. Господину Платонову с его «носом на меху» и всем его мехом вообще... Далее шли фамилии барона Летцбока, банкира Майера, княгини Лобановой с дочерьми и поручением привезти с собой побольше кавалеров, князя Эмиля Гессен-Дармштадтского, князя Георгия Гессенского с адъютантом, генерального секретаря Центральной комиссии разграничения Рейна между Францией и

---

* Из упоминаний А. С. Пушкина и некоторых других современников следует, что Н. М. Смирнов был человек «не глупый, вполне порядочный, порой вспылчивый до ярости, но вовсе не заурядный». Он дослужился до камергерского чина, а в 1850—1860-х годах был калужским и петербургским губернатором.

Германией Дюваля — всего около 20 человек. На «плохонький» рядовой приём Смирнова запланировала потратить 500 франков.

Жена русского посланника в Испании Григория Строганова — графиня Юлия (Жюльетта) Строганова — ранее была замужем за португальским посланником графом д'Альмейдой. Наш граф Григорий безумно влюбился в португальскую посланницу (а как же иначе? В те годы влюблялись только безумно!) и по-гусарски похитил её у мужа. Влюблённые бежали как можно дальше от места преступления и брак свой заключили аж в Дрездене. У русского графа к этому времени уже была дочь от французской гризетки. (Ещё одна особенность нашей аристократии: у себя дома в России они бы и подумать не могли завести роман с представительницей «подлого» слоя, а вот во Франции и гризетки шли по первому разряду и вполне могли сойти за русскую дворянку.) Строгановы приложили совместные усилия и выдали её замуж за «приличного» человека из известной фамилии Полетика.

Строгановы возили за собой по Европе личного доктора — скорее всего, типичного прилипалу и прохиндея — польского еврея полковника Лахмана, женатого на одной из Потоцких. Русский посланник в Бадене Н. М. Смирнов играл с графом Григорием Строгановым и Лахманом в карты и подрался с последним не на шутку — верно, из-за шельмовских приёмов поляка. Строганов после этого эпизода встал на сторону соотечественника и коллеги и прогнал от себя Лахмана.

Романтические приключения дипломатов часто оказывались связанными с дуэлями. Конечно, дуэли были запрещены инструкциями Министерства иностранных дел, но кто из горячих голов и когда на Руси обращал внимание на мёртвые инструкции, вобравшие в себя иссохшие мысли какого-нибудь кабинетного чинуши?

Один из способнейших и рано умерших дипломатов с причудливой фамилией Д. К. Сементовский-Курило, по словам знавшего его современника, элегантный и утончённый жгучий брюнет южного типа, был как раз из таких романтиков. И бывший посланник в Цетинье и Софии А. Н. Щеглов, сохранив статус посланника после

столкновения на «водопроводной» почве (см. главу «В стране, где протекают крыши») со своим подчинённым фон Мекком, был-таки уволен в отставку, но уже за дуэль из-за женщины.

Вена 70—80-х годов XIX века, по мнению работавшего там атташе английского посольства Джорджа Бьюкенена, была прелестным постом для молодого дипломата. Венцы так любили танцевать, что балы начинались иногда в 11 утра и заканчивались в 6 часов вечера. Танцевали тогда исключительно «приличные» танцы, на балах при дворе запрещались такие танцы, как «*trois temps*» и «*peu convenable*». На каждом балу была специальная комната *Comtessenzimmer*, куда не допускались замужние дамы — здесь в промежутках между танцами беседовали девицы со своими кавалерами. За поведением переступавших границы дозволенного девиц строго наблюдали специально выделенные лица. Приглашения на танцы резервировались на целый сезон вперёд, так что каждая дама, направляясь на бал, имела с собой список кавалеров. Если кто, боже упаси, не смог появиться на балу, он должен был найти себе замену.

Ну и конечно же все члены венского дипломатического корпуса ходили в театр, принимали участие в выездах на охоту. Из всех участников охоты больше всех внимания привлекала внимание императрица с её блестящей красотой, прекрасной посадкой на лошади и изумительной фигурой. Лошади и фигура были два главных интереса в жизни супруги Франца Иосифа. Лошади, вспоминает Бьюкенен, являлись тогда главным содержанием её разговоров и с дамами, и с кавалерами.

Примерно так же проходил в это время досуг дипломатов в Риме.

Секретарь русской делегации на Гаагской конференции 1899 года М. Ф. Шиллинг оставил о своём пребывании в Гааге дневник. И что же мы видим? О своей «скучной» работе он стыдливо упоминает как-то вскользь. Работа отвлекает его от главного — от развлечений. Всё свободное время Шиллинг употребляет на балы, экскурсии, пикники, светские визиты и конечно же флирты. Он заводит роман с супругой шведского представителя на конференции, успевая списаться со своей большой

женой в Швейцарии и даже почтительностью и вниманием окружить своего шефа — главу делегации Е. Е. Сталля. Читаешь этот дневник и ловишь себя на мысли, что попал на Кавказские Минеральные Воды в общество «лишних людей» печоринского типа. Очевидно, таково было веяние времени, когда вся Европа беспечно веселилась и развлекалась.

В конце XIX — начале XX века дипломаты — даже посланники — в Софии повально увлекались игрой в хоккей. В Пекине и Токио дипломаты увлекались скачками, для чего обзаводились японскими и китайскими пони, конюшнями и жокеями. Впрочем, дипломаты и сами зачастую были хорошими наездниками и лично участвовали в скачках. Борьба за учреждённые призы достигала иногда такого накала, что дело доходило до ссор и «дипломатических» осложнений.

В немецких княжествах большой популярностью у дипломатов пользовались охота, конные прогулки, театр.

Проживая в той или иной столице, русский дипломат был обречён на постоянное общение со своими иностранными коллегами. Нужно отметить, что тогдашний быт дипломатов ещё не был так ярко подвержен блоковым или идеологическим влияниям, а потому все дипломаты встречались со всеми своими коллегами, вместе убивали время или проводили его с пользой, пытались получить нужную информацию.

Неформальное общение дипломатов, как правило, проходило в рамках английских клубов, которые учреждались там, где присутствовали англичане. А поскольку присутствовали они везде и устраивали свой быт так, как привыкли они устраивать на своём острове, то английские клубы находились почти во всех европейских столицах. Посланники становились членами клуба без всякой баллотировки — начальство, как жена Цезаря, было во все времена вне всяких подозрений. Рядовому секретарю или атташе нужно было баллотироваться и иметь рекомендации от двух членов клуба. В Афинах кто-то из дипломатов при поступлении членом в Английский клуб был забаллотирован, а потому после этого желающих стать его членом резко поуменьши-

лось. Репутация недопущенного в клуб избранных была не к лицу дипломату. Уже известный нам Соловьёв решил эту проблему изящно просто: он взял рекомендации у греческого премьера Теотокиса и министра иностранных дел Романоса, и Английский клуб «прокатить» протезе таких влиятельных особ не осмелился.

Английские клубы часто являлись ареной для «выяснения отношений» между дипломатами, особенно послами. До вступления в «сердечное согласие» отношения между Англией и Россией из прохладных и натянутых часто переходили во враждебные, что, естественно, отражалось на поведении их дипломатов. «Кошка пробежала» в 1905 году в Софии и между английским поверенным Д. Бьюкененом, исполнявшим обязанности президента «Юнион-клуба», и посланником Ю. П. Бахметьевым. Причиной неприязни между высокопоставленными дипломатами явился немецкий журнал «Симплиссимус», опубликовавший карикатуру на Николая II. Русский посланник сообщил, что лично уничтожил не понравившийся ему экземпляр указанного печатного издания, и порекомендовал английскому коллеге прекратить выписку на клуб этого журнала, а тот ответил, что если он последует его совету, то скоро в библиотеке клуба не останется ни одного журнала. Тогда Бахметьев попросил вычеркнуть из списка членов клуба его и всех его подчинённых. Не желая подвергнуться обвинению в том, что он умышленно заставил русских дипломатов выйти из состава «Юнион-клуба», Бьюкенен вместе с членами правления подал в отставку, созвал собрание клуба, доложил о случившемся факте и предложил выбрать новый состав правления. Д. Бьюкенен пишет, что собрание почти единогласно — против выступил лишь секретарь греческой миссии — переизбрало всех старых членов правления. «Господин Бахметьев, конечно, был разъярен и после этого игнорировал меня», — сообщает в своих мемуарах англичанин.

День вице-консула генерального консульства России в Индии Л. Х. Ревелиотти (конец XIX века) во время нахождения в летней резиденции в Симле начинался на главной улице *Mall Ridge* — месте встречи высшего

общества. Там англичане и иностранные консулы показывали себя и смотрели, как выглядят другие. Днём все спускались в долину на так называемые *Polo Jimkana* — верховые скачки. Затем в местечке Нальдера, что в четырёх километрах от Симлы, начинались игры в лаун-теннис и гольф. Те, кто не играл в теннис и гольф, здесь же охотились на фазанов и куропаток. Практически весь день вице-консула состоял из одних развлечений. И это, конечно, было слишком утомительно — приходилось переодеваться по пять-шесть раз в день!

В Петербурге излюбленным рестораном дипкорпуса было заведение под названием «Контан». Поход туда в июле 1913 года находившегося в отпуске секретаря миссии М. Н. Чекмарёва со своим румынским коллегой Карлом Аурелиани закончился грандиозным скандалом, и отпускнику пришлось писать объяснительную записку министру.

К. Аурелиани появился на открытой террасе ресторана с русской дамой. Дипломаты заняли место за столиком, сделали заказ и углубились в приятную беседу. Казалось, ничто не предвещало беды. За столиком рядом сидела мужская компания в составе камергера двора П. В. Родзянко (брат известного политика М. В. Родзянко), князя Вяземского, артиллерийского офицера Крестьянинова, секретаря турецкой миссии Туэни-бея и ещё нескольких мужчин.

Затем перед дамой румынского дипломата неожиданно возник швейцар ресторана и начал усиленно уговаривать её оказать внимание сидевшему рядом Крестьянинову. Чекмарёв и Аурелиани с трудом отбились от непрошеного парламентаря, но артиллерист Крестьянинов своих попыток познакомиться с дамой не прекратил. Некоторое время спустя перед троицей снова появился швейцар и сообщил, что даму вызывают в вестибюль к телефону. И эта попытка ухаживания была отбита, но румын встал и пошёл жаловаться администратору. Некоторое время спустя он вернулся и взволнованно сообщил Чекмарёву, что в вестибюле встретил швейцара и сделал ему замечание, но тот ответил дерзостью, и тогда пришлось «дать ему в морду лица».

Возникло общее оживление, начал выступать камергер двора Родзянко, заявивший во всеуслышание, что он не допустит избиения славянина каким-то иностранцем на славянской земле, и тогда пришлось вмешаться в дело Чекмарёву. Ему удалось замять инцидент, но вскоре выяснилось, что его дипломатические усилия запоздали. Уже была вызвана полиция, в ресторане появился пристав и сказал, что без протокола дело замять не удастся.

На следующий день в газете «День» появилась заметка, в которой неизвестный журналист в ярких красках описал драку в ресторане «Контан», причём искажил ход событий до неузнаваемости. Журналист явно находился на шовинистической волне, охватившей в этот период консервативные слои России. На Балканах заканчивалась война с Турцией, победившие в войне Болгария, Сербия, Греция и Черногория «отхватили» себе приличные куски от Османской территории и не желали делиться с Румынией, которая за свой нейтралитет в войне требовала от Болгарии Силистрию, завоёванную в 1877 году русской доблестной армией.

«Кулачный дебют» румынского дипломата со швейцаром ресторана «Контан» вылился в большой политический скандал. Свидетель происшествия турецкий дипломат Туэни-бей сделал всё возможное, чтобы дипломатический корпус узнал о нём именно в его версии.

Мораль сего рассказа такова: не следует ходить в рестораны, если там отдыхают братья Родзянко — обязательно что-нибудь случится. Кстати, свидетель скандала Чекмарёв состоял сотрудником шифровального отдела, и в более поздние времена ему вряд ли бы разрешили свободно встречаться с иностранцем. Но тогда на образ жизни шифровальщиков МИД никаких ограничений ещё не накладывало.

Граф Ламздорф в своём дневнике очень часто упоминает о ежедневных чаепитиях на Певческом Мосту. Обычно это происходило в специально отведённой комнате в обществе нескольких своих товарищей по службе (Оболенский-Нелединский, Д. Капнист и др.). Но чай любили не только чиновники первых двух-трёх классов, но и рядовые сотрудники, о чём, в част-

ности, свидетельствуют мемуары и И. Я. Коростовца, и П. С. Боткина.

Последний пишет, что на каждом этаже министерства находились чайные комнаты, и посторонние туда были невхожи — в чайной собирались только чиновники одного департамента. Посредине комнаты стоял огромный самовар, вокруг которого ключом была жизнь. Чай пили все, «от мала до велика». В чайное время департаментские залы пустели, и все устремлялись к самовару. Тот, кто был занят срочной работой и продолжал трудиться, посылал в чайную комнату курьера, и тот приносил ему стакан горячего чая.

Каждый выдержавший экзамен на дипломатический ранг покупал на всю чайную пирог, который обычно заказывался в кондитерской у Беррена на Малой Морской улице. Все именинники, награждённые, приехавшие в отпуск или отправлявшиеся за границу тоже непременно приходили в чайные комнаты с пирогом.

После 16.00 чаепитие у себя устраивал министр — естественно, только для высшего начальства. Если к кому-либо из начальства приходил посетитель и желал с ним увидеться, то курьер говорил:

— Придётся подождать, они у министра чай пьют.

Что делалось на министерском чаепитии, можно было только догадываться. Скорее всего, обменивались мнениями насчёт освободившихся вакансий. Об этом можно было судить по настроению вернувшихся на рабочие места начальников. В хорошем настроении начальник подписывал бумаги не глядя, в дурном — бумага летела обратно для переписки. Иногда из министерской чайной проникал слух: кто-то помер за границей, и на его место прочат Иванова, но вот кто займёт место Иванова — Сидоров или Петров, — это совершенно неизвестно. Ах, всё-таки Сидоров? Вот счастливец! Но, чёрт возьми, какая вопиющая несправедливость!

Тем не менее все идут к Сидорову и поздравляют с назначением.

— Перестаньте, господа, — отвечает Сидоров, то ли на самом деле не предполагая о повышении, то ли лукавя. — Здесь нет и доли правды, пустой слух!

Ему, естественно, не верят и каждый в душе думает:

«Так я тебе и поверю... Сам себе всё устроил, интриган, а теперь...»

Вот какие мысли и настроения навевали традиционные чаепития внутри многомачтового корабля под названием «Певческий Мост», плывшего в петербургском тумане, преодолевая все штормы, бури и подводные рифы...

В конце своего существования министерство решило придать сложившейся традиции чаепития некую форму. Возникло чайное общество Азиатского департамента — «ЧАДО», объединившее на добровольных началах всех рядовых любителей восточного напитка. Как вспоминает Чиркин на момент своего поступления в МИД в 1902 году, помещение «ЧАДО» представляло собой длинную узкую комнату в глубине коридора, примыкавшую к регистратуре Азиатского департамента. Члены общества во главе с вице-директором Н. Г. Гартвигом за скромную плату получали завтрак в полдень и чай в 16.00.

Исторической реликвией чайного общества были массивные серебряные подстаканники с выгравированными автографами его основателей: Зиновьева, Гартвига, Нератова, бывшего генконсула в Бейруте Лишина, генконсула в Урге Шишмарёва и консула в Бордо и франкофила Комарова, носившего кличку «Le Комарофф».

При особо важных назначениях и подвиге по службе в департаменте устраивались обеды по подписке — обычно в ресторане «Донон» рядом с Певческим мостом. Обеды, обходившиеся каждому участнику в 15 рублей, пробивали порядочную брешь в бюджете молодых дипломатов, но уклоняться от них считалось дурным тоном. К тому же многие из них имели кредит у артельщика МИД (типа ссудной кассы), а также у портных, сапожников и других, рассчитываясь с ними, как правило, при отъезде на заграничную должность подъёмными деньгами. Обед, как пишет Чиркин, обычно состоял из бесконечного ряда закусок и длинного меню, «обильно поливаемого... винами, включая шампанское. Многие после длинного рабочего дня (от 10 утра до 7 вечера), подкрепляя себя не в меру, теряли баланс и покидали ресторан при поддержке товарищей».

Однажды на один такой обед с опозданием явился тамада — Н. Г. Гартвиг и обратился к присутствовавшему за столом сотруднику Китайского стола Шереметеву с просьбой переписать к одиннадцати часам следующего дня срочный доклад министра Николаю II. Гартвиг вручил Шереметеву черновик доклада, который тот почтительно принял и засунул в карман своего сюртука, заверяя начальника, что исполнит всё в точности, как приказано. На другой день и Гартвиг, и Шереметев явились в МИД лишь в начале двенадцатого дня. Шереметев не рассчитал своих сил за обедом в ресторане, проспал и пришёл на работу с невыполненным заданием. Хорошо ещё, что он как-то умудрился не потерять черновика Гартвига! Чиркин пишет, что в первый раз видел доброго и покладистого Николая Генриховича в таком раздражении. К счастью, выяснилось, что у Ламздорфа оставалось в запасе час-полтора до выезда на высочайший доклад, так что Шереметев сумел переписать его доклад в срок.

В архиве Министерства иностранных дел, к сожалению, сохранились лишь несколько любопытных документов о деятельности этого общества в 1915—1916 годах, из которых возникает следующая картина.

Пить чай в обществе с формальным уставом и взносами согласилось не так уж и много людей — возможно, дипломаты хотели сперва присмотреться к «ЧАДО», а потом уж определять свою позицию. Количество членов общества в описываемый период составляло то 55, то 77 человек. Это были главным образом чиновники IV—IX классов по Табели о рангах. Размеры членского взноса колебались от 3 рублей 47 копеек в октябре до 4 рублей 23 копеек в мае, что вполне объяснимо, ибо ближе к лету и в летние месяцы жажда мучила дипломатов сильнее, нежели в холодное время года. В какое время собирались члены общества, данных не сохранилось, но мы склонны думать, что это, скорее всего, имело место во второй половине рабочего дня, когда чай «гоняло» и начальство. Что входило в чайное меню дипломатов, можно было только догадываться — по-видимому, чай, булочки, пирожные и бутерброды.

До 1916 года секретарём общества был некто Бо-

рис Валерьянович Андреев, который потом выехал в командировку в Стокгольм. В протоколе общества от 23 января 1917 года говорится о компенсации Андрееву расходов, понесённых им на организацию чаепитий из личных средств, и их переводе в Стокгольм. Всего «ЧАДО» задолжало Андрееву за май—октябрь 1916 года 1040 рублей, которые потом разделили на 55 человек с учётом времени их участия в обществе от одного до шести месяцев. Эту сумму Андреев получил в три приёма, о чём свидетельствуют три его расписки в архивном деле. Согласно объяснительной записке кредитора, задолженности в чайном обществе образовывались постоянно, потому что членские взносы, как правило, поступали нерегулярно и несвоевременно, особенно в летние месяцы, пору отпусков, так что секретарю общества приходилось отдавать деньги из своего кармана.

После Андреева почётную должность секретаря общества исполнял некто Котляревский. 24 марта 1917 года Котляревский направил своему коллеге по клубу М. Ф. Алёшину извещение о том, что тот избран его заместителем (при царском режиме такой должности в «ЧАДО», кажется, не было, но теперь по стране триумфально шествовала Февральская революция, и демократические тенденции времени не могли не коснуться и чайного общества дипломатов!), но Михаил Фёдорович попросил поблагодарить товарищей за оказанное доверие и сказал, что «лишён возможности исполнять эту почётную должность». Это тоже было в духе времени: только что отказался от трона преемник Николая II великий князь Михаил Александрович. В архиве Министерства иностранных дел хранится папка с интригующим названием «Отречение М. Ф. Алёшина», но ни одного документа на этот счёт в деле, к сожалению, нет. Дипломаты, как мы видим, обладали чувством юмора и не теряли его в самых сложных ситуациях.

С другой стороны, указанный факт говорит о том, что основы существования «ЧАДО» не потрясла даже революция, хотя определённое влияние она на него всё-таки оказала. Разболталась, по всей видимости, дисциплинка, и члены общества перестали выплачивать членские взносы. Впрочем, это тоже было в духе Ново-

го времени. Котляревский решил этот вопрос кардинальным образом: он написал финансисту А. Э. Ньюману письмо, в котором просил его удерживать каждый месяц из сумм вознаграждения каждого члена общества сумму, эквивалентную размерам членских взносов, и приложил список членов «ЧАДО» на 73 человека.

Как финансист Ньюман решил этот вопрос, ответить невозможно. Думается, никак не решил — тоже в духе наступившего Нового времени...

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архив внешней политики Российской империи Историко-документального департамента (АВПРИ ИДД) МИД России:

Фонд № 133 «Канцелярия министра»:

опись № 470, дела № 11, 97 и 101.

Фонд № 159 «Формулярные списки чиновников МИД и дела Департамента личного состава и хозяйственных дел (ДЛСХД)»:

опись № 336/1, дела № 13 п. 1—2; 15 п. 1, 4; 27 п. 4, 7, 24 и 27; 31 п. 19, 20, 24 и 26; 32, 37 п. 12—18 и п. 26—35; 240;

опись № 336/2, дела № 17, 34, 128, 146, 204, 207, 216, 248, 267, 271, 275, 284, 285, 302, 321, 322, 330, 351, 358, 394, 419, 428, 449, 456, 458, 657, 666, 667, 685, 729, 822, 882, 932, 945, 947, 948;

опись № 464, дела № 67, 193, 248, 1217а, 1915, 2084а, 2133, 2748 и 2868; опись № 743/1, дела № 121, 198, 235, 255, 269, 303, 372, 399, 722, 1341.

Фонд № 165/2 «Миссия в Афинах»:

опись № 507, дела № 1345, 1348 и 1361.

Фонд № 169/2 «Миссия в Бухаресте»:

опись № 511/1 дела № 195, 245, 252, 260 и 262.

Фонд № 170 «Посольство в Вашингтоне»:

опись № 512/1, дела № 138, 396, 335, 694 и 618;

опись № 512/2, дело № 143.

Фонд № 184 «Посольство в Лондоне»:

опись № 520, дела № 716, 878, 1255, 1357, 1392 и 1475.

Фонд № 185 «Миссия в Мехико»:

опись № 521, дела № 2, 27 и 47.

Фонд № 187 «Посольство в Париже»:

опись № 524, дела № 2022, 2057, 2648 и 2971.

Фонд № 340 «Коллекция документальных материалов чиновников МИД»:

опись № 584, дела № 101 и 102 (архив Н. Г. Гартвига);

опись № 839, дела № 3—11 (архив И. Я. Коростовца);

опись № 840 дела № 28 и 60 (архив А. М. Ону);

опись № 876, дела № 99, 101—103, 108, 114 и 152 (архив Ф. И. Тютчева);

опись № 918, дела № 27г, 28, 32 и 34 (архив А. С. Грибоедова).

Фонд № 424 «Чайное общество»:

опись № 927, дела № 1—3.

Литература

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.

Акунов В. В. Младотурки // Рейтар. 2005. № 18.

Алданов М. Святая Елена, маленький остров // Юность. 1989. № 5.

Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. М., 1991.

Америка Illustrated. 2007. № 1—3.

Барятинская М. С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы 1870—1918. М., 2006.

Берже А. П. Посольство А. П. Ермолова в Персию // За стеной Кавказа. М., 1989.

- Божкова С. Г.* Российский посланник в Бразилии Ф. Ф. Борель (1829—1831) // Португалистика в Санкт-Петербурге. СПб., 1998.
- Боткин П. С.* Картинки из дипломатической жизни. Париж, 1930.
- Бушуев С. К. А. М.* Горчаков. М., 1961.
- Валишевский К.* Сын великой Екатерины. Император Павел I. М., 1990 (репринт).
- Вигель Ф. Ф.* Записки // Русские мемуары 1800—1825. М., 1989.
- Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1963.
- Гейкинг А. А.* Четверть века на российской консульской службе 1892—1917. Берлин, 1921.
- Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991.
- Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1967. Т. 1, 2.
- Ежегодник МИД России, 1906 г. СПб., 1906.
- Епанчин Н. А.* На службе трёх императоров. М., 1996.
- Жихарев М. И.* Докладная записка потомству о П. Я. Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989.
- Загородникова Т. Н.* Из истории российского генерального консульства в Индии // Снесаревские чтения 96. Душанбе, 1997.
- Известия МИД. Приложение к кн. III, 1912 г. «Дипломатическая переписка по Шпицбергену 1871—1912 гг.». СПб., 1912.
- Извольский А. П.* Воспоминания. Минск, 2003.
- Информационный бюллетень УДД МИД РФ. 2000. № 8/1, 8/2.
- История дипломатии. М., 1963. Т. 2.
- Керенский А. Ф.* Русская революция 1917. М., 2005.
- Коковцов В. Н.* Из моего прошлого (1903—1919). Минск, 1904.
- Кононова М.* Деятельность дипломатов царского и Временного правительства в эмиграции 1917—1938 гг. // Международная жизнь. 2001. № 9, 10.
- Коцебу О. Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1987.
- Кремлёв (Брезкун) С. Т.* Россия и Германия: сравнить. М., 2003.
- Крестовский В. В.* В дальних водах и странах. М., 2002.
- Кузнецов А. И.* Подготовка и воспитание дипломатов в Российской империи (диссертация канд. ист. наук). М., 2005.
- Куж Э.* Сидней Рейли на тайной службе Его Величества. М., 2004.
- Кунин В. В.* Друзья Пушкина. М., 1986. Т. 1, 2.
- Лависс Э.* Рамбо А. История XIX века. М., 1938. Т. 1—4.
- Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. М., 2005.
- Ламздорф В. Н.* Дневник, 1891—1892. Минск, 2003.
- Мальшинский А.* Подлинное дело о смерти Грибоедова // Русский вестник. 1890, июнь—июль.
- Мильчина В. А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2006.
- Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2.
- Мудрость тысячелетий (энциклопедия). М., 2006.
- Мэсси Р.* Николай и Александра. М., 1990.
- Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921.
- Оранжевая книга. Сборник дипломатических документов. СПб., 1914.
- Очерки истории внешней разведки России. М., 1996. Т. 1.

- Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1, 3.
- Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.
- Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне // Первая мировая война. М., 1968.
- Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. М., 2005. Т. 1, 2.
- Раевский Н. А.* Портреты заговорили. Алма-Ата, 1983. Т. 1.
- Ревелиотти Л. X.* Индийские очерки // Возрождение. Париж, 1959. № 90—92, 94, 98; 1960. № 98.
- Российская дипломатия в лицах. М., 1992.
- Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. М., 2004. Вып. XIII.
- Ростов А.* За кулисами советской дипломатии // Возрождение. Париж, 1959. № 92.
- Сафронова Е. В.* Вице-консульство России в Пловдиве // Запад и Восток.
- Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. М., 1968.
- Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания, письма. М., 1990.
- Соболева Т. А.* Тайнопись в истории России. М., 1994.
- События, люди и их исследователи. Воронеж, 1998.
- Саловъёв Ю. Я.* Воспоминания дипломата (1833—1922). Минск, 2003.
- Соотечественник. 2008. № 9, 10.
- Справочная книга для должностных лиц центральных и зарубежных установлений Министерства иностранных дел. СПб., 1869.
- Степанова Л. И.* Первое консульство России в болгарских землях // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинёв, 1989.
- Тарле Е. В.* Талейран. М., 1993.
- Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889.
- Трубецкой С. Е., кн.* Минувшее. М., 1991.
- Тургенев Н. И.* Россия и русские // Русские мемуары 1800—1825. М., 1989.
- Уткин А. И.* Русско-японская война. М., 2005.
- Хохлов А. Н.* Ли Хун-чжан в Москве в мае 1896 г. // Снесаревские чтения 96. Душанбе, 1997.
- Чернышева О. В.* Шведы и русские. Образ соседа. М., 2004.
- Чиркин С. В.* Двадцать лет на службе. Записки царского дипломата. М., 2006.
- Чичерин Г. В.* Послы времён канцлера А. М. Горчакова // Новая и новейшая история. 2007. № 2, 3.
- Шеремет В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.
- Широкоград А. Б.* Швеция. Гроза с Балтики. М., 2008.
- Åberg A.* Vår svenska historia. Lund, 1978.
- Albertini L.* The origins of the war 1914. London, 1952.
- Basily N.* Memoirs «Diplomat of Imperial Russia 1903—1917». Stanford, 1973.
- Bethman H. Th.* Betrachtungen zum Weltkrige. Berlin, 1919. Т. 1.
- Bratbak B.* Den russiske adelsfamilie i Espervær. Рукопись, проект статьи.

Clemenceau G. Grandeur and Misery of Victory. London-Bombay-Sidney, 1930.

Fay S. B. The origins of the world war. N. Y., 1949.

Gross A. G. Yakov Smirnov: a Russian Priest of Many Parts // Oxford Slavonic Papers.

Korostovetz J. J. Pre-war diplomacy: The Russo-Japanese problem: Treaty signed at Portsmouth. USA. 1905: Diary of J. J. Korostovetz. London, 1920.

New Series. 1975. Vol. VIII.

Nordin M., Nilsson U. Gustav IV Adolf, del I 1778—1804. Stockholm, 2006.

Olsson J. O. 1914. Stockholm, 1964.

Sasonoff S. D. Sechs schwere Jahre. Berlin, 1927.

Sjöberg S. En furstlig svindel, Tidens Förlag, Stockholm, 1978.

Weibull J. Bernadotterna på Sveriges tron. Stockholm, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
ЧАСТЬ I	
СОБСТВЕННАЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИЯ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ	14
<i>Глава первая.</i> От коллегии до министерства	14
<i>Глава вторая.</i> «Полевое» творчество Александра III	31
<i>Глава третья.</i> Певческий Мост	38
<i>Глава четвёртая.</i> Секретные экспедиции МИД	53
<i>Глава пятая.</i> Как становились дипломатами	69
<i>Глава шестая.</i> Первые шаги дипломата	97
<i>Глава седьмая.</i> Форма дипломатов	111
<i>Глава восьмая.</i> Назначение на загранслужбу	114
<i>Глава девятая.</i> Общее положение дипломата за границей	127
<i>Глава десятая.</i> «Партком» Победоносцева	137
<i>Глава одиннадцатая.</i> Поощрения и наказания	145
<i>Глава двенадцатая.</i> Финансы поют романсы	154
ЧАСТЬ II	
НАЗНАЧЕНИЕ ПОЛУЧЕНО...	167
<i>Глава первая.</i> Дорога	167
<i>Глава вторая.</i> Посол — он и в Африке посол	179
<i>Глава третья.</i> История против дипломатии	213
<i>Глава четвёртая.</i> Тегеран—1903	240
<i>Глава пятая.</i> Милые люди в Вашингтоне	254
<i>Глава шестая.</i> Милые люди в Пекине	261
<i>Глава седьмая.</i> Русские дипломаты в Афинах	283
<i>Глава восьмая.</i> В стране, где протекают крыши	295
<i>Глава девятая.</i> Бухарест (1906—1908).....	309
<i>Глава десятая.</i> Штутгарт (1909—1911).....	317
<i>Глава одиннадцатая.</i> Мадрид (1912—1917).....	325
ЧАСТЬ III	
ГРАНИ ПРОФЕССИИ	346
<i>Глава первая.</i> Консулы	346
<i>Глава вторая.</i> Курьеры	384
<i>Глава третья.</i> Протокол	393
<i>Глава четвёртая.</i> Переговоры	423
<i>Глава пятая.</i> Салонные дипломаты	436
<i>Глава шестая.</i> Дипломаты-разведчики	447
<i>Глава седьмая.</i> Разнарядка для дипломатов	461
<i>Глава восьмая.</i> Дипломатические курьёзы	471
<i>Глава девятая.</i> Дипломаты идут в народ	495
<i>Глава десятая.</i> Досуг дипломатов	501
Библиография	517

Григорьев Б. Н.

Г 83 Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке / Борис Григорьев. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 521[7]с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03248-4

В этой книге, охватывающей период расцвета дипломатии Российской империи (XIX век и начало XX века), автор, привлекая богатый архивный материал, показывает практически все сферы дипломатической деятельности, благодаря чему читатель может прикоснуться к повседневной жизни чиновников консульств, миссий и посольств, побывать на дипломатических приёмах и переговорах, познакомиться с основными понятиями этой увлекательной сферы деятельности.

**УДК 930:94(47)“18”
ББК 63.3(2)52+63.2**

Григорьев Борис Николаевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В XIX ВЕКЕ

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. В. Черников**

Художественный редактор **Е. В. Кошелева**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 03.03.2009. Подписано в печать 21.10.2009. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 27,72+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 93092

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушёвская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушёвская ул., 21

ISBN 978-5-235-03248-4

Уже продаются в книжных и интернет-магазинах
следующие аудиокниги:

Л. Млечин «БРЕЖНЕВ»

Р. Медведев «АНДРОПОВ»

Н. Павленко «ПЕТР I»

В. Голованов «НЕСТОР МАХНО»

М. Филин «АРИНА РОДИОНОВНА»

А. Песков «ПАВЕЛ I»

А. Архангельский «АЛЕКСАНДР I»

Н. Павленко «ЕКАТЕРИНА I»

Т. Таирова-Яковлева «МАЗЕПА»

Н. Павленко «ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Глаголева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОРОЛЕВСКИХ МУШКЕТЕРОВ**

В. Бокова

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ**

Ж. Эргон

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЭТРУСКОВ**

Ж.-П. Креспель

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИМПРЕССИОНИСТОВ**

Н. Будур

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ
В РОССИИ XVIII-XIX ВЕКОВ**

Г. Андреевский

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ
XIX-XX ВЕКОВ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

О. Семенова

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПАРИЖАН**

Ф. Данинос

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦРУ.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
1947-2007**

Б. Григорьев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ
В XIX ВЕКЕ**

М. Брион

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЬ В О ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА**

Л. Ивченко

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ОФИЦЕРА
ЭПОХИ 1812 ГОДА**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Сараскина
«СОЛЖЕНИЦЫН»

А. Кузичева
«ЧЕХОВ»

З. Прилепин
«ЛЕОНИД ЛЕОНОВ»

В. Старк
«НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА»

Н. Никитина
«СОФЬЯ ТОЛСТАЯ»

А. Кудря
«ВЕРЕЩАГИН»

С. Федякин
«МУСОРГСКИЙ»

И. Вишневецкий
«СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ»

К. Костантини
«ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>
dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

С. Рыбас
«СТАЛИН»

Б. Соколов
«РОКОССОВСКИЙ»

Е. Анисимов
«БАГРАТИОН»

В. Шигин
«АДМИРАЛ НЕЛЬСОН»

М. Радовский
«АЛЕКСАНДР ПОПОВ»

Ю. Борев
«ЛУНАЧАРСКИЙ»

А. Сенкевич
«БЛАВАТСКАЯ»

В. Эрлихман
«КОРОЛЬ АРТУР»

В. Козляков
«ЛЖЕДМИТРИЙ I»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>
dse@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

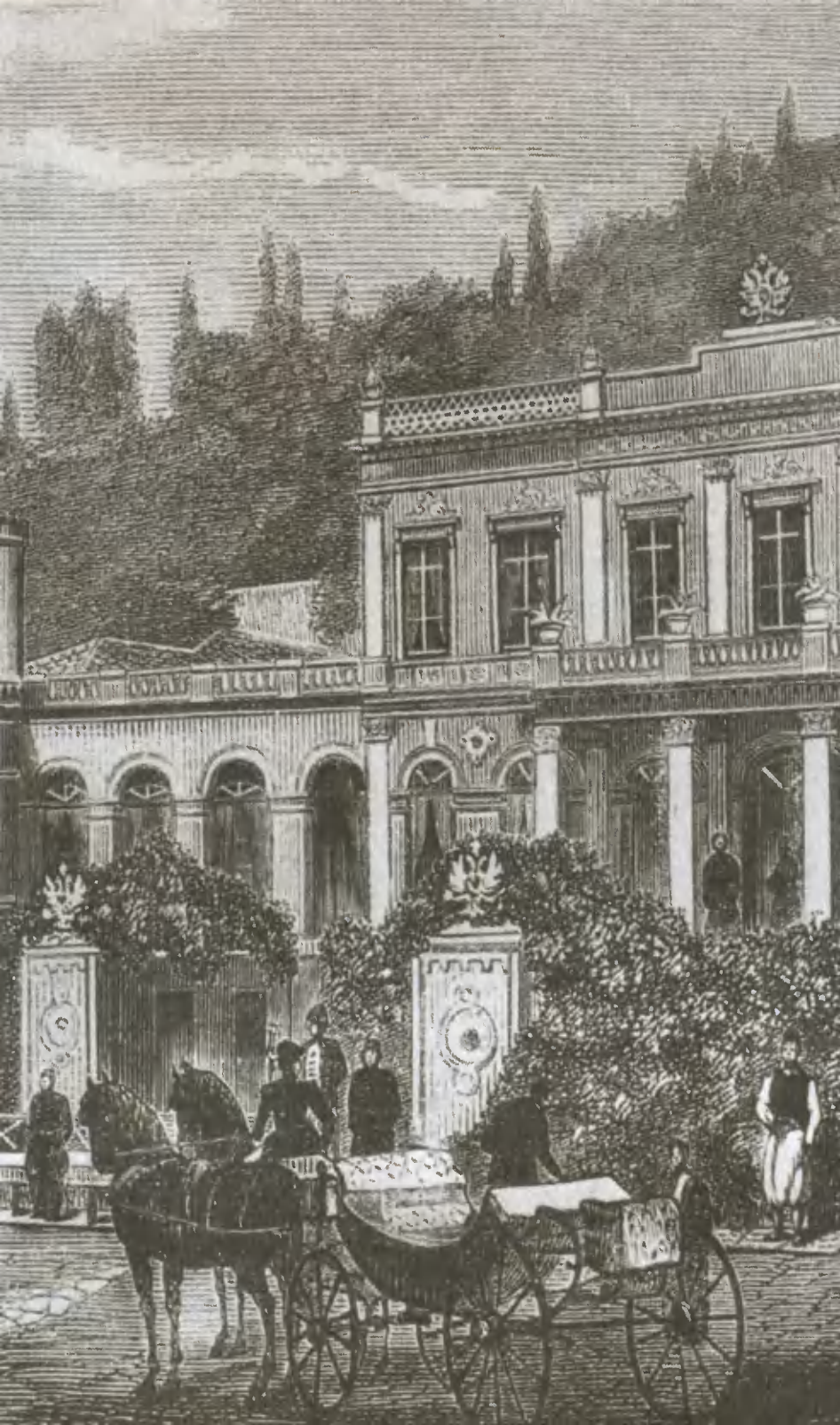
открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 8(499) 972-05-41, 8(495) 787-64-77.
<http://mg.gvardiya.ru> E-mail: mol_gvard@mail.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

В. Бокова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ

Г. Андреевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Е. Колодочкина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПИРАТОВ АТЛАНТИКИ

О. Семенова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА

О. Ковалик

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ БАЛЕРИНЫ

ISBN 978-5-235-03248-4

9 785235 032484 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ